Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ ЕВРАЗИИ

№ 5
2017

ISSN 2587-6112

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 5 2017

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук **А.Г. Ситдиков**

Ответственный редактор:
докт. ист. наук **И.Л. Измайлов**

Ответственный секретарь: **А.С. Беспалова**

Редакционный совет:
Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н**., к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуньков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:
Бобров Л.А., д.и.н. (Новосибирск); **Ганбат Н.,** д.и.н. (Улан-Батор, Монголия); **Горбунов В.В.,** **д**.и.н. (Барнаул); **Губайдуллин А.М.,** к.и.н. (Казань); **Кирпичников А.Н.,** д.и.н., проф. (Санкт-Петербург); **Кушкумбаев А.К.,** д.и.н. проф. (Астана, Казахстан); **Иванов В.А.,** д.и.н., проф. (Уфа); **Измайлов И.Л.,** д.и.н. (Казань); **Йотов В.,** д.и.н., доц. (Варна, Болгария); **Нарожный Е.И.,** д.и.н. (Армавир); **Худяков Ю.С.,** д.и.н., проф. (Новосибирск).

Редакционная коллегия номера:
д.и.н. Е.И. Нарожный, д.и.н. И.Л. Измайлов, канд. и.н. В.Н. Чхаидзе

Адрес редакции:
420012, г.Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843) 236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
E-mail: https://journal3sites.wixsite.com/archaeology

© Академия наук Республики Татарстан, 2017
© Журнал «Археология евразийских степей», 2017
© ЗАО «Издательский дом» «Казанская недвижимость», 2017

ISSN 2587-6112

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№ 5 2017

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive Editor:
Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**

Executive Secretary: **Antonina S. Bespalova**

Editorial Council:
Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romana); **Janhunen Juha**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doktorr of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **François Victoria**, Dr. Hab. (D'aix-en-provence, France); **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint-Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial Board:
Bobrov Leonid A., Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Ganbat Namdan,** Doctor of Historical Sciences (Ulan Bator); **Gorbunov Vadim V,** Doctor of Historical Sciences (Barnaul); **Gubaidullin Ayrat M.,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Khudyakov Yuliy S.,** Doctor of Historical Sciences, Prof., (Novosibirsk); **Kirpichnikov Anatolii N.,** Doctor of Historical Sciences, Prof., (Saint Petersburg); **Kushumbaev A.K.,** Doctor of Historical Sciences (Astana, Kazakhstan); **Ivanov Vladimir A.,** Doctor of Historical Sciences, Prof., (Ufa); **Izmailov Iskander L.,** Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Narozhnyi Evgenii I.,** Doctor of Historical Sciences (Armavir); **Yotov Valeri,** Doctor of Historical Sciences, Associate Prof. (Varna, Bulgaria).

Editorial Board of the issue:
Doctor of Historical Sciences **Evgenii I. Narozhnyi,**
Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov,**
Candidate of Historical Sciences **Victor N. Chkhaidze**

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843) 236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
E-mail: https://journal3sites.wixsite.com/archaeology

© Tatarstan Academy of Sciences, 2017
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2017
© CJSC "Kazanskaya Nedvizhimost" Publishing House, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 8

Военная археология: теория и методика исследования

Измайлов И.Л. (Казань, Россия) Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия..... 16

Древность

Чшиев В (Х).Т. (Владикавказ, Россия). Клинковое оружие Эльхотовского могильника кобанской культуры 23

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. (Армавир, Россия). Предметы воинского быта и конского снаряжения из культурного слоя позднекобанского поселения «Кишпек-2» (Кабардино-Балкария)..... 28

Туаллагов А.А. (Владикавказ , Россия). К интерпретации сюжета на серебряной пиксиде из Косикого погребения 36

Негин А.Е. (Нижний Новгород, Россия). Сфероконические шлемы в римской армии II–III веков н. э… 46

Средневековье

Пилипчук Я.В. (Киев, Украина). Новый «бич Божий»: войны венгерских вождей времен «обретения Родины» по данным латиноязычных европейских источников 55

Нарожный Е.И. (Армавир, Россия). Шлем из раннеджучидского захоронения у сел. Семеновод (Ставрополье) 67

Бабенко В.А. (Ставрополь, Россия). Средневековый курган с двумя ровиками из курганного могильника Совруно -1 на Ставрополье 74

Чхаидзе В.Н. (Москва, Россия). Шпоры в погребениях средневековых кочевников степного Предкавказья 90

Дружинина И.А. (Москва, Россия). Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) 99

Швецов И.Л. (Донецк, Украина). Песнь Степи 108

Чхаидзе В.Н., Виноградов А.Ю. (Москва, Россия). Золотой перстень с греческой надписью в погребении средневековой кочевницы 117

Чхаидзе В.Н. (Москва, Россия) . Шлем с Деисусом из собрания Оружейной палаты Московского Кремля. К вопросу о происхождении и датировке..... 122

Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А .М. (Казань, Россия) Укрепления города Биляра и городища его округи как система обороны административно-политического центра Волжской Булгарии 133

Илюшин А.М. (Кемерово, Россия). Комплекс вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-3) 144

Матюшко И.В. (Оренбург, Россия). Вооружение и конская упряжь кочевников степного Приуралья по материалам золотоордынских погребений..... 152

Иванов В.А. (*Уфа, Россия).* Статистическая корреляция и география комплексов вооружения кочевников Золотой Орды 160

*Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. (Армавир, Магас, Россия).*Погребения «копейщиков» Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) 167

Мужухоев М.Б., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. (Назрань, Армавир, Магас, Россия). Воинское погребение № 33 Келийского могильника (горная Ингушетия) 177

Бакрадзе И.З. (Тбилиси, Грузия). Шлем вавельского типа в Историческом музее г. Цагери. (Грузия) 186

Измайлов И.Л. (Казань, Россия) Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV – первая половина XVI в.: комплексный анализ источников 196

Раннее Новое время

Зайцев И.В., Эминов Р.Р. (Москва, Бахчисарай, Россия). Два ружья Крымских ханов 210

Бобров Л.А., Зайцев В.П., Орленко С.П. (Новосибирск, Санкт-Петербург, Москва, Россия) Центральноазиатский «шелом булатной» конца XVI – первой трети XVII в. из числа даров Эрдэни Дай мэргэн Нансо 216

In memoriam

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. (Москва, Россия). Вспоминая Михаила Викторовича Горелика 231

Измайлов И.Л. (Казань, Россия) Вклад М.В. Горелика в развитие российской военной археологии 240

Горелик М.В. Культура Империй, созданных кочевниками (скифы, хазары, монголы) 253

Горелик М.В. Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси 257

Горелик М.В. Латная конница древних венгров 272

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) 280

Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе 303

Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья 337

Список сокращений 352

Сведения об авторах 353

CONTENS

From the editorial board 8

Military archeology: theory and methodology of the study

Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation) Military archeology of the people of Eurasia: to the question on the concept maintenance 16

Ancient period

Chshiev V. (Kh.) T. (Vladikavkaz, Russian Federation) Bladed Weapons from Elhotovo Burial Ground of the Koban Culture 23

Mokrushin V. P., Narozhnyi E. I. (Armavir, Russian Federation) Military artefacts and horse ammunition from the cultural layer of Kishpek-2 late Koban settlement (Kabardino-Balkaria) . 28

Tuallagov A. A (Vladikavkaz, Russian Federation) The interpretation of a motif on a silver pyxis from a Kosika burial 36

Negin A. E. (Nizhny Novgorod, Russian Federation) Sphero-conical helmets in roman army of II-III centuries c.e. 46

Medieval period

Pilipchuk Ya. V. (Kiev, Ukraine) New «scourge of god»: campaigns of hungarian leaders at period of obtaining of motherland according to roman sources 55

Narozhnyi E.I. (Armavir, Russian Federation) A helmet from an early juchid burial near Semenovod village (Stavropol krai) 67

Babenko V.A. (Stavropol, Russian Federation) A medieval barrow with two ditches from Sovruno-1 barrow burial mound in Stavropol krai 74

Chkhaidze V.N. (Moscow, Russian Federation) Spurs from the burials of medieval nomads in the steppe Ciscaucasia 90

Druzhinina I.A. (Moscow, Russian Federation) A flanged mace from a barrow near Abinskaya village (based on excavations by V.G. Tizengausen in Kuban oblast, 1879) 99

Shvetsov M. L. (Donetsk, Ukraine) The song of the steppe 108

Chkhaidze V.N., Vinogradov A.Ya. (Moscow, Russian Federation) A golden ring with a greek inscription a medieval nomad burial 117

Chkhaidze V.N. (Moscow, Russian Federation) A helmet with the Deesis from the collection of the Armoury Chamber in the Moscow Kremlin. Origins and dating 122

Shakirov Z. G., Khuzin F. Sh., Gubaidullin A. M. (Kazan, Russian Federation) Fortifications of the town of bilyar and the neighbouring settlement as a defensive system of the administrative and political centre of Volga Bolgaria 133

Ilyushin A. M. (Kemerovo, Russian Federation) The armament complex of nomads from eastern Dast-i- Kipchak (based on materials from the excavations of Musokhranovo – 3 barrow group) 144

Matyushko I.V. (Orenburg, Russian Federation) Armament and horse ammunition of nomads from the Steppe Cisurals based on materials from golden horde burials 152

Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation) Statistical correlation and geography of the armament complexs of Golden Horde nomads 160

Narozhnyi E. I., Narozhnyi V.E., Chakhkiev D.Yu. (Armavir, Magas, Russian Federation) Burials of 'spearmen' from Keliya burial ground high-mountain Ingushetia 167

Muzhokhoev M.B., Narozhnyi E.I., Chakhkiev D.Yu. (Nazran, Armavir, Magas, Russian Federation) Military burial no.33 from keliya burial ground (mountain Ingushetia) 177

Bakradze I. Z. (Tbilisi, Georgia) A helmet of the wawel type in the historical museum of Tsageri (Georgia) 186

Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation) Armament and military art of Kazan Khanate in 15th - first half of 16th centiries: a comprehensive analysis of sources. 196

Early modern period

Zautsev I. V., Eminov R. R. (Moscow, Bakhchisaray, Russian Federation) Two guns belonging to Crimean khans 210

Bobrov L. A., Zaitsev V. P., Orlenko S. P. (Novosibirsk, Saint-Petersburg, Moscow, Russian Federation) Centrasian "bulat helm" of the end the 16th - the first third of the 17th century from among the gifts of Erdeni Dai mergen Nangso 216

In memoriam

Druzhinina I. A., Chkhaidze V. N. (Moscow, Russian Federation) Remembering Mikhail Viktorovich Gorelik 231

Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation) M.V. Gorelik's contribution to the development of russian military archaeology 240

Gorelik M. V. The culture of empires created by nomads (scythians, khazars, mongols 253

Gorelik M. V. The image of the men-wrarrior in Kabaria-Ugria-Russia 257

Gorelik M. V. The armored cavalry of the ancient hungarians 272

Gorelik M. V. The circassian warriors of the Golden Horde (according to archeological data) 280

Gorelik M. V. The polovtsian nobility on a military service in the Golden Horde 303

Gorelik M. V. The armoury warriors of the Golden Horde IN the Kuban region 337

List of Abbreviations 352

About the authors 353

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Археологические исследования, активно проводимые в настоящее время на огромных пространствах степной зоны Евразии, отличаются своеобразием методики полевых исследований и анализа добытых материалов. Масштаб исследований обусловлен не только географией степной зоны, но и степенью концентрации исторических объектов археологического наследия. Степная зона в различные эпохи становилась источником возникновения новых социокультурных явлений, которые в результате тесных взаимосвязей народов степной, лесостепной и лесной зон находили отражение в материальной культуре населения всего Евразийского континента.

Археологические исследования создают новые источниковедческие возможности в изучении истории. Методическое своеобразие археологии степной зоны вызывает необходимость накопления, анализа, распространения коллективного опыта исследовательской работы. Совокупность сложившихся сегодня условий приводит к необходимости создания нового международного периодического издания – *Археология Евразийских Степей*, позволяющего упрочить международные научные связи России с Болгарией и Венгрией, Турцией и Ираном, Афганистаном и Китаем, Монголией и Кореей, странами СНГ, европейскими и североамериканскими археологическими центрами.

На страницах журнала будет представлен широкий спектр мнений специалистов, занятых в области степной археологии, как в самой России, так и за рубежом, что поспособствует выработке единой концепции на основе решения ряда дискуссионных проблем истории и культуры степных народов эпохи древности и средневековья.

Появление нового периодического научного издания является показателем качественного изменения организации работы научного сообщества. Существующие сейчас журналы и серийные издания позволяют разнообразить тематику представленных публикаций по проблемам степных культур и культур сопредельных территорий. Важную роль в развитии серийных изданий по проблемам археологии степной Евразии сыграла, выходившая в Казани с 2007 года серия «Средневековая археология Евразийских степей», созданная по решению Учредительного съезда Конгресса средневековой археологии. В данной серии вышло около 30 томов, где опубликованы результаты исследований степной и лесостепной Евразии по широкому кругу проблем с обширной географией и хронологией тем.

Создаваемое периодичное издание направлено, в первую очередь, на расширение публикационных возможностей исследователей. Каждый из шести номеров журнала будет ориентирован на представление конкретных проблемных вопросов, касающихся определенного периода и темы. Тематика издания создает благоприятные условия для объединения усилий исследовательских центров внутри большого евразийского пространства, занимающихся проблемами археологии степной зоны.

По мнению редколлегии журнала, основными публикационными направлениями его станут:

– проблемы возникновения, развития и взаимовлияния археологических культур евразийских степей;

– процессы взаимодействия кочевых и оседлых культур, формирования оседлых поселений и история архитектуры;

– комплексное исследование предметов вооружения и конской амуниции, закономерности и динамика их возникновения и трансформации, связь оружия с воинскими традициями, костюмом и культурой общества, место вооружения в погребально-поминальных обрядах древних и средневековых обществ;

– археологическое изучение духовной культуры;

– исследования памятников искусства, размещенных в естественном ландшафте;

– изучение нумизматики и эпиграфических памятников;

– археология, вспомогательные исторические и естественнонаучные дисциплины в изучении материальной и духовной культуры населения степного мира;

– проблемы сохранения и использования археологического наследия;

– исследования по истории развития археологии степных культур и о личностях, оказавших влияние на ее становление.

На страницах журнала планируется публикация не только отдельных статей, но и монографических работ по проблемам археологии степной Евразии. Тематика каждого из номеров обусловлена годовым планом издания в соответствии с приоритетами, определяемыми редакцией.

Появление нового периодического издания накладывает большую ответственность на организаторов при подготовке номеров к выпуску, а на авторов – за качество предоставляемого ими материала. Редколлегия позиционирует журнал как международное издание, предоставляющее новую площадку для ученых, желающих сделать результаты своих исследований достоянием широкой научной общественности.

Данный том начавшийся серии, как и последующие ежегодные издания, будут посвящены военной археологии – вооружению, военному снаряжению, воинскому костюму и обрядам, связанным с войной, военному искусству и военной истории древних и средневековых народов Евразии, а также фортификации и военному зодчеству.

Том открывает рубрика «**Древность»** и статья старшего научного сотрудника Института истории и археологии Республики Северная Осетия–Алания (Владикавказ, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Хетагурова) **В (Х).Т. Чшие**ва «Клинковое оружие Эльхотовского могильника кобанской культуры» посвящена некоторым итогам изучения обширного могильника, исследовавшегося этим автором, и ныне обобщающим характеристику находок в погребениях этого некрополя металлических кинжалов кобанской культуры.

Публикация главного специалиста НАО «Наследие Кубани» (Краснодар) **В.П. Мокрушина** и д.и.н. **Е.И. Нарожного «**Предметы воинского быта и конского снаряжения из культурного слоя позднекобанского поселения «Кишпек-2» (Кабардино-Балкария)» вводит в научный оборот некоторые соответствующие предметы из культурного слоя поселения кобанского времени «Кишпек-2», исследовавшегося авторами в 2009 году.

Д.и.н **А.А. Туаллагов** (Владикавказ, СОИГСИ) предлагает заинтересованному читателю вновь вернуться **«**К интерпретации сюжета на серебряной пиксиде из Косикого погребения», хорошо известного специалистам раннежелезного века. Автор статьи рассматривает интересующий сюжет через призму и в историческом контексте осетинского нартовского эпоса. Очередная публикация - статья к.и.н. **А.Е. Негина** (г. Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет): «Сфероконические шлемы в римской армии II–III веков н.э.».

Последующая серия статей под рубрикой **«Средневековье»** посвящена различным проблемам изучения военного дела и вооружения уже эпохи средневековья. Раздел открывается статьей к.и.н. **Я.В. Пилипчука** (Киев, Институт востоковедения им. А. Крымского,): «Новый «бич Божий»: войны венгерских вождей времен «обретения родины» по данным латиноязычных европейских источников». Д.и.н. **Е.И. Нарожный** (Армавир) в статье: «Шлем из раннеджучидского захоронения у сел. Семеновод (Ставрополье)» настаивает на значительной важности археологических материалов, происходящих из, к сожалению, разрушенного раннеджучидского комплекса у пос. Семеновод (Урожайное) на Ставрополье.

Несомненный интерес представляет и статья **В.А. Бабенко** (Ставрополь, ООО «Наследие»): «Средневековый курган с двумя ровиками из курганного могильника Совруно-1 на Ставрополье». В ней в научный оборот вводятся новые раскопочные материалы, включающие в себя и предметы вооружения. Публикуемые В.А. Бабенко археологические материалы, вне всякого сомнения, привлекут внимание специалистов.

Продолжают серию статей, и несколько работ, связанных не только с вооружением и снаряжением средневековых кочевников Восточной Европы. Среди них статья к.и.н. **В.Н. Чхаидзе** (Москва, ИА РАН): «Шпоры в погребениях средневековых кочевников степного Предкавказья». **И.А. Дружинина** (Москва, ИА РАН) вводит в научный оборот «Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В. Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.)». Особый интерес представляет статья еще одного нашего украинского коллеги - **М.Л. Швецова** (Донецк, Донецкий филиал ИВ им. им. А. Крымского НАН Украины). М.Л. Швецов предлагает читателю статью «Песнь Степи», предприняв обзор находок музыкальных инструментов в кочевнических погребениях. К.и.н. **В.Н. Чхаидзе**, совместно с к.и.н. **А.Ю. Виноградовым** (Москва, НИУ ВШЭ) рассматривают «Золотой перстень с греческой надписью в погребении средневековой кочевницы».

Не меньший интерес должна вызвать еще одна статья к.и.н. **В.Н. Чхаидзе**, на этот раз рассматривающая «Шлем с Деисусом из собрания Оружейной палаты Московского Кремля. К вопросу о происхождении и датировке».

Важное место в изучении военного дела народов Евразии занимают проблемы фортификации и системы обороны. В статье к.и.н. **Шакирова З.Г.,** д.и.н., члена-корр. АН РТ **Хузина Ф.Ш.,** к.и.н. **Губайдуллина А.Г.** (Казань, ИА АН РТ) все эти проблемы рассматриваются на примере укреплений средневекового булгарского столичного города Биляра и его округи.

Статья д.и.н., проф. **А.М. Илюшина** (Кемерово, КГТУ им. Т.Ф. Горбачева) «Комплекс вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-3)» посвящена обзору результатов изучения комплекса вооружения средневековых кочевников из восточной части степей Евразии.

Особое внимание специалистов-оружиеведов приковано к изучению вооружения и военного дела Улуса Джучи (Золотой Орды). Этой теме посвящен целый блок статей. Д. и. н., доцент **И.В. Матюшко** (Оренбург, ОГПИ) рассматривает комплекс «Вооружения и конской упряжи кочевников степного Приуралья по материалам золотоордынских погребений». Д.и.н., проф. **В.А. Иванов** (Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы) представляет собственный анализ «Статистической корреляции и географию комплексов вооружения кочевников Золотой Орды».

Еще три статьи посвящены разным аспектам истории вооружения кавказского региона. Д.и.н. **Е.И. Нарожный** и к.и.н. **В.Е. Нарожный** (Краснодар-Армавир, НАО «Наследие Кубани»), совместно с к.и.н..**Д.Ю. Чахкиевым** (Магас, Ингушетия, ГАСРИ) вводят в научный оборот несколько «Погребений «копейщиков» Келийского могильника (высокогорная Ингушетия)». Эти раскопочные материалы 1988-1989 гг. дополняет совместная публикация д.и.н. **М.Б. Мужухоева** (Назрань, Ингушетия, ИГУ), д.и.н. **Е.И. Нарожного** и к.и.н. **Д.Ю. Чахкиева**: «Воинское погребение № 33 Келийского могильника (горная Ингушетия)». Несомненной «изюминкой» данной публикации является оригинальный кольчужный шлем – «балаклава», по мнению авторов, своим генезисом связанный с кольчужными «шапочками», нередко встречающимися при исследовании кремационных и ингумационных захоронений эпохи средневековья Северо-Западного Кавказа. На этом фоне пристальный интерес вызывает и русскоязычный вариант статьи **И.З. Бакрадзе** (Тбилиси, Грузия): «Шлем вавельского типа в Историческом музее г. Цагери. (Грузия)».

Завершает данный блок статья д.и.н. **И.Л. Измайлова**, посвященная комплексному анализу вооружения и военного искусства татар Казанского ханства XV – XVI вв., показывающая высокий уровень развития вооружения и организации военного дела в этом средневековом государстве Среднего Поволжья и Приуралья.

Отдельный блок представляют статьи, посвященные исследованиям по истории военного дела позднего средневековья и **раннего Нового времени**. В ней представлена статья д. и. н. **И.В. Зайцев** (ИВ РАН, г. Москва), в соавторстве с **Р.Р. Эминовым** (Бахчисарй, БИКАМЗ), в которой публикуются материалы Бахчисарайского музея-заповедника – два ружья крымских ханов. В статье д.и.н. **Л.А. Боброва (НГУ)**, **В.П. Зайцева (ИВР РАН)**, и к.и.н**. С.П. Орленко (Музеи Московского Кремля)** публикуется железный шлем, хранящийся в фондах Музеев Московского Кремля, который является одним из подарков, отправленных хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо русскому царю Михаилу Федоровичу Романову 14 января 1635 г.

Представляемый сборник – в значительной мере дань памяти Михаилу Викторовичу Горелику, неординарному ученому-востоковеду, искусствоведу, специалисту по древнему и средневековому оружию и военному делу разноэтничного населения Евразии. Будучи искусствоведом, М.В. Горелик привнес немало нового в изучение военного дела, не только расширив его исходную источниковую базу, но и значительно «оживив» историю военного дела многочисленными прорисовками с миниатюр и других изобразительных источников. Значительной увлекательности его исследований служила и целая серия его авторских графических реконструкций возможного внешнего облика древних и средневековых воинов не только Азии, но и Европы.

Поэтому наша рубрика **In memoriam** целиком посвящена его памяти и его вкладу в развитие российской военной археологии. Являясь человеком увлеченным и умеющим увлекать за собой других, быстро становившихся его единомышленниками, Михаил Викторович всегда поражал исключительной работоспособностью и умением видеть то, что другие просто не замечали. Обстоятельные монографии, статьи, рецензии и отзывы на диссертации коллег всегда отличались наличием в них своей «изюминки», характерной только для него, оригинальным взглядом на проблему. И всегда он выступал в различных ипостасях – доброжелательно или поучительно, иногда даже жестко. Его одержимая увлеченность воспринималась всегда по-разному. Но те, с кем он общался неформально, прощали ему все, в том числе и неожидан-

ные телефонные звонки среди ночи, что означало одно – Михаил Викторович только что читал твою статью и нашел в ней что-то, что вызывало непреодолимое желание это обсудить именно сейчас и именно в эту минуту. Да и разговор незаметно растягивался не на один час…

Сборник собрал и объединил статьи разных ученых не только нашей страны, но и из ближнего зарубежья. Одни из них очень близко и хорошо знали Михаила Викторовича, другие нередко «пересекались» с ним в силу своих научных интересов, но всех объединило одно – желание оставить память об ученом-востоковеде, этнографе, искусствоведе, историке и оружиеведе.

Раздел открывается статьей **И.А. Дружининой** и **В.Н. Чхаидзе**. (Москва, ИА РАН) «Вспоминая Михаила Викторовича Горелика», представляющая собой теплые воспоминания о М.В. Горелике не только как об ученом, но и о человеке и, в чем-то, наставнике. В статье **И.Л. Измайлова** рассматривается вопрос о вкладе М.В. Горелика в развитие российской военной археологии. Следом публикуется «Список работ кандидата искусствоведения Михаила Викторовича Горелика» по истории военного дела, древнему и средневековому вооружению.

Завершающая часть представляемого сборника научных статей включает в себя шесть статей М.В. Горелика. Часть из них уже публиковалась им ранее, потом была доработана и расширена, но издать их при жизни исследователь не успел, часть стала библиографической редкостью. Полагаем, что включение этих статей в знак памяти М.В. Горелика не только справедливо, но и вполне оправданно, учитывая его огромный вклад в изучение вооружения и воинского костюма древних и средневековых народов Евразии.

Редколлегия

FROM THE EDITORIAL BOARD

Archaeological research, actively conducted at present across the vast territory of the Eurasian steppe zone, is characterized by the unique nature of field research and extracted material analysis methods. The scale of research is determined not only by the geography of the steppe zone, but also by the concentration of the historical sites of archaeological heritage. In various periods, the steppe zone has been the origin of new sociocultural phenomena, which were reflected in the material culture of the population of the entire Eurasian continent as a result of close interrelations between the population of steppe, forest-steppe and forest zones.

Archaeological research provides new source study opportunities in the field of historical studies. The methodological originality of the archaeology of the steppe zone necessitates the accumulation, analysis and dissemination of the collective experience of research work. The combination of present conditions accounts for the need to establish a new international periodical – *Archaeology of the Eurasian Steppes*, allowing to strengthen international scientific relations of Russia with Bulgaria and Hungary, Turkey, Iran, Afghanistan and China, Mongolia and Korea, CIS countries, as well as European and North American archaeological centres.

The journal will feature a wide range of experts working in the field of steppe archaeology in Russia itself and abroad, who will contribute to the development of a unified concept based on a number of controversial historical and cultural issues of the steppe peoples of Antiquity and the Middle Ages.

The emergence of a new scientific periodical is an indicator of a qualitative change in the organization of work of the scientific community. Current journals and serial publications allow us diversify the themes of published works on steppe cultures and cultures of the adjacent territories. The series "Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes" published in Kazan since 2007, established by the decision of the Founding Congress of Medieval Archaeology, has played an important role in the development of serial publications on the issues of the archaeology of the Eurasian steppes. About 30 volumes of this series were have been published, concerning the results of investigating steppe and forest-steppe areas of Eurasia within a wide range of geographical and chronological issues.

The established periodical is primarily aimed at expanding the publication opportunities for researchers. Each of the six issues of the journal will focus on a specific period concerning a specific theme. The theme of the publication facilitates the integration of efforts of research centres within the large Eurasian space dealing with the issues of archaeology of the steppe zone.

In the opinion of the Editorial Board of the journal, the primary publication areas will be as follows:

- issues of the origin, development and mutual influence of the archaeological cultures of Eurasian steppes;
- processes of interaction between nomadic and sedentary cultures, the establishment of sedentary settlements and the history of architecture;
- comprehensive study of armament and horse ammunition, patterns and dynamics of their emergence and transformation, connection of weapons with military traditions, costume and culture of the society, place of armament in funeral and memorial ceremonies of ancient and medieval societies;
- archaeological study of the spiritual culture;
- investigation of art monuments located in the natural landscape;
- study of numismatics and epigraphic monuments;
- archaeology, auxiliary historical and natural scientific disciplines in the study of the material and spiritual culture of the population of the steppe world;
- issues of the preservation and use of archaeological heritage;
- studies on the development history of the archaeology of the steppe cultures and personalities who have influenced its formation.

The journal is planned to feature not only individual articles, but also monographic works on the issues of the archaeology of steppe Eurasia. The theme of each volume is determined by the annual plan of publications in accordance with the priorities determined by the Editorial Board.

The emergence of the new periodical imposes great responsibility on its organizers in terms of the preparation of the issues for publication, as well as on the authors in terms of the quality of submitted material. The Editorial Board positions the journal as an international publication, provid-

ing a new platform for scientists willing to make the results of their research known to a wider scientific community.

This volume of the series, similarly to the subsequent annual publications, is dedicated to military archaeology - weapons, ammunition, military costume and rituals related to war, military art and military history of ancient and medieval peoples of Eurasia, as well as fortifications and military architecture.

The volume begins with the **Antiquity** section, namely an article by a senior researcher of the Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, K. Khetagurov North-Ossetian State University) Bladed Weapons from Elhotovo Burial Ground of the Koban Culture by **V (Kh).T. Chshiev** is dedicated to certain results of studying the vast burial ground investigated by the author, who is presently generalizing the characteristics of metal daggers of the Koban culture the items discovered in the burials of this necropolis.

A publication by the leading specialist of NJSC "Heritage of Kuban" (Krasnodar) **V.P. Mokrushin** and Dr. Habil. **E.I. Narozhnyi** "Military Artefacts and Horse Ammunition from the Cultural Layer of Kishpek-2 (Kabardino-Balkaria) Late Koban settlement introduces into scientific discourse the relevant items from the cultural layer of Kishpek-2 settlement of the Koban period investigated by the authors in 2009.

Dr. Hab. **A.A. Tuallagov** (Vladikavkaz, V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies) offers the readers to return to the "Interpretation of a Motif on a Silver Pyxis from a Kosika Burial" familiar to experts of the Early Iron Age. The author of the article considers the topic of interest from the perspective and in the historical context of the Ossetian Nart sagas. The following publication is an article by Candidate of Historical Sciences **A.E. Negin** (Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University): "Spheroconical Helmets in the Roman Army of 2nd-3rd Centuries A.D."

The subsequent series of articles under the heading of "**Middle Ages**" is dedicated to various issues of studying the military art and armament of the medieval period. The section begins with an article by Candidate of Historical Sciences **Ya.V. Pilipchuk** (Kiev, A. Krymskyi Institute of Oriental Studies): "The New "Scourge of God": the Wars between Hungarian Leaders of the "Conquest of the Homeland" Period according to Latin European Sources Dr. Hab. **E.I. Narozhnyi** (Armavir) in his article "A Helmet from an Early Juchid Burial near Semenovod Village (Stavropol Krai)" insists on the significance of archaeological materials originating from the unfortunately destroyed Early Juchid complex near Semenovod (Urozhainoe) village in Stavropol Krai.

Of special interest is the following article by **V.A. Babenko** (Stavropol, Nasledie LLC): "A Medieval Barrow with Two Ditches from Sovruno-1 Barrow Burial Mound in Stavropol Krai" It introduces into scientific discourse new excavation materials, including armament items. Archaeological materials published by V.A. Babenko will undoubtedly attract the attention of specialists.

They continue a series of articles and several works associated not only with the armament and ammunition of medieval nomads of Eastern Europe. They include an article by Candidate of Historical Sicences **V.N. Chkhaidze** (Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences) "Spurs from the Burials of Medieval Nomads in the Steppe Ciscaucasia". **I.A. Druzhinin** (Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences) introduces into scientific discourse "A Flanged Mace from a Barrow near Abinskaya Village (Based on Excavations by V.G. Tizengauzen in Kuban Oblast, 1879)". Of particular interest is the article by our Ukrainian colleague **M.L. Shvetsov** (Donetsk, Donetsk branch of the Institute of Oriental Studies named after A. Krimsky of the National Academy of Sciences of Ukraine). M.L. Shvetsov presents an article entitled "The Song of the Steppe", in which he reviews the musical instruments discovered in nomadic burials. Candidate of Historical Sciences **V.N. Chkhaidze** in collaboration with Candidate of Historical Sciences **A.Yu. Vinogradov** (Moscow, the Higher School of Economics) consider "A Golden Ring with a Greek Inscription in a Medieval Nomad Burial".

Of similar interest is the article by Candidate of Historical Sciences **V.N. Chkhaidze** concerning "A Helmet with the Deesis from the Collection of the Armoury Chamber in the Moscow Kremlin. Origins and Dating."

An important place in the study of the military art of Eurasian peoples belongs to the issues of fortification and defensive systems. In the article by Candidate of Historical Sciences **Z.G. Shakirov**, Dr. Habil. and Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin,** Candidate of Historical Sciences **A.G. Gubaidullin** (Kazan, Institute of Archaeology of the Tatarstan Acad-

emy of Sciences) all these issues are considered in the context of the fortifications of the medieval Bolgar capital Bilyar and the neighbouring region.

An article by Dr. Habil., Prof. **A.M. Ilyushin** (Kemerovo, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev) entitled "The Armament Complex of Nomads from Eastern Dasht-i-Kipchak (based on Materials from the Excavations of Musokhranovo-3 Barrow Group)" features a review of the results of studying the armament complex of medieval nomads from the eastern part of the Eurasian steppes.

Special attention of armament experts is drawn to the study of weapons and military art of the Ulus of Jochi (the Golden Horde). An entire section of articles is dedicated to this topic. DR. Habil. and Associated Professor **I.V. Matiushko** (Orenburg, OGPI) is considers a complex of "Armament and Horse Ammunition of Nomads from the Steppe Cisurals based on Materials from Golden Horde Burials." Dr. Habil., Prof. **V.A. Ivanov** (Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah) presents an independent analysis of "Statistical Correlation and Geography of the Armament Complexes of Golden Horde Nomads".

Another three articles are dedicated to different aspects of the armament history of the Caucasus. Dr. Hab. **E.I. Narozhny** and Candidate of Historical Sciences **V.E. Narozhny** (Krasnodar-Armavir, NJSC "Heritage of Kuban") in collaboration with Candidate of Historical Sciences **D.Yu. Chakhkiev** (Magas, Ingushetia, State Archival Service of the Republic of Ingushetia) introduces into scientific discourse several "Burials of 'Spearmen' from Keliya Burial Ground (High-Mountain Ingushetia)". These excavation materials of 1988-1989 are supplemented by a joint publication by Dr. Habil. **M.B. Muzhuhoev** (Nazran, Ingushetia, Ingush State University), Dr. Habil. **E.I. Narozhny** and Candidate of Historical Sciences **D.Yu. Chakhkiev** "Military Burial No.33 from Keliya Burial Ground (Mountain Ingushetia)". An undoubted 'highlight' of this publication is the original chain helmet - 'balaclava', which according to the authors is associated by its genesis with mail 'caps' frequently discovered during the investigation of cremation and inhumation burials of the medieval period in the North-Western Caucasus. Of particular interest in this context is the Russian version of the article by **I.Z. Bakradze** (Tbilisi, Georgia) "A Helmet of the Wawel Type in the Historical Museum of Tsageriy. (Georgia)".

This section of articles ends with a work by Dr. Habil. **I.L. Izmaylov** concerning the comprehensive analysis of armament and military art of the Tatars from Kazan Khanate of 15th-16th centuries, demonstrating a high development level of weapons and military organization in this medieval state of the Middle Volga region and the Urals.

A separate section is dedicated to the research of the history of military art of the late Middle Ages and the **Early Modern Period** . It contains an article by Dr. Habil. **I.V. Zaitsev** (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow), co-authored with **R.R. Eminov** (Bakhchysarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve, Bakhchysarai), featuring materials from the Bakhchysarai Museum-Reserve – two rifles belonging to Crimean Khans.

The collection is to a large extent a tribute to the memory of Mikhail Viktorovich Gorelik, an extraordinary orientalist, art expert, specialist in ancient and medieval weapons and military art of the multiethnic Eurasian population. As an art critic, M.V. Gorelik introduced numerous new material to the study of military art, which not only expanded its original source base, but also significantly 'refreshed' the history of military art with numerous sketches from miniatures and other graphic sources. A great deal of attractiveness of his reseach work was accounted for by a whole series of personal graphical reconstructions of the probable appearance of ancient and medieval warriors not only from Asia, but from Europe as well.

Therefore, the **In memoriam** section is entirely dedicated to his memory and contribution to the development of Russian military archaeology. As an enthusiastic person capable of enthralling other people who quickly became his associates, Mikhail Victorovich always impressed others with his exceptional commitment and the ability to see what others simply did not notice. The comprehensive monographs, articles, reviews and reports on the theses by his colleagues were always distinguished by a unique 'highlight' and an original view of the problem. Besides, his action took various forms - his remarks could be benevolent or instructive, and sometimes even harsh. His obsessive enthusiasm was always perceived in different ways. However, the people he communicated with informally, closed their eyes on everything, including the unexpected phone calls in the middle of the night, which only implied that Mikhail Viktorovich had just read your article and discovered something

which caused an irresistible desire to discuss it at that very moment. These conversations could casually continue for several hours...

The collection features a compilation of articles by different scientists not only from our country, but also from the near abroad. Some of them were very close with Mikhail Viktorovich, and others often 'crossed paths' with him because of their scientific interests, but all of them had a desire to keep the memory of the orientalist, ethnographer, art historian and armament expert.

The section opens with an article by **I.A. Druzhinina** and **V.N. Chkhaidze** (Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences) entitled "Remembering Mikhail Viktorovich Gorelik", which is a collection of kind works in remembrance of M.V. Gorelik not only as a scientist, but also as a person and a mentor. An article by **I.L. Izmailov** considers the issue of M.V. Gorelik's contribution to the development of Russian military archaeology. The next published work is the "List of Works by Ph.D. in Art history Mikhail Viktorovich Gorelik" concerning the history of military art, ancient and medieval armament.

The final part of the collection of scientific works includes six articles by M.V. Gorelik. Some of the previously published works were subsequently finalized and expanded by the author, but the he did not have the time to publish them, and a certain part of the works have become rare. We are convinced that the inclusion of these articles in memory of M.V. Gorelik is not only fair, but also quite justifiable, considering his enormous contribution to the study of armaments and military costume of the ancient and medieval Eurasian peoples.

Editorial Board

УДК 355.48+930.26+571

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

© 2017 г. И.Л. Измайлов

В статье дается понятия военной археологии, как дисциплины, которая изучает раздел археологии, занимающийся изучением древностей, относящихся к вооружению, военному делу, воинскому снаряжению, военно-оборонительному делу и, в целом, военной культуры, а также полей сражений и мест, связанных с военно-политической активностью (захоронения воинов, памятные сооружения и т.д.) для изучения военной культуры и военной деятельности древних и средневековых социумов. Использует процедуры и методики археологических исследований с учетом определенной специфики использования вооружения, военной культуры и военного дела. Объектом исследования военной археологии является изучение предметов вооружения, конской амуниции, защитного снаряжения, а также вспомогательные и походные средства, фортификация и осадная техника, военный костюм, военная эмблематика и символика. Хронологически военная археология включает период от древности, когда война стала специализированным занятием части населения до нового времени, когда производство оружия приобрело промышленный характер, а война стала вестись массовыми рекрутируемыми из своего населения государственными армиями.

Ключевые слова: война, военная археология, археология, вооружение, военное дело, военный костюм, военная символика, фортификация, военно-служилое сословие, история древней и средневековой Евразии.

Войны играли и играют важную роль в жизни человечества. Со времени становления производящего хозяйства (особенно хозяйственно-культурного типа кочевого скотоводства) и начала обработки металлов в степном и лесостепном поясе Евразии война и военная культура стали неотъемлемой частью истории древних скотоводов и земледельцев. В последующие исторические периоды от средневековья вплоть до новейшего времени влияние войн на все сферы жизни общества только усилилось.

Активизация войн и военных столкновений в степной и лесостепной зоне Евразии произошло в период освоения металлов, сначала металлургии меди и бронзы, а затем – железа. В этот период начинается период переселения больших групп населения и воинских миграций. Отличительной особенностью этих перемещений стало то, что они состояли из групп вооруженной молодежи, объединенных властью и авторитетом вождя, и происходили на территориях уже хорошо освоенных предшествующим населением. Изначально такие миграции были, очевидно, вызваны относительным перенаселением, но затем стали постоянной и широко практикуемой практикой. Эти воинские миграции происходили с целью захвата определенной территории, часто сопровождалось истреблением мужчин и/или обращением живых в рабство. Военная группа, таким образом, становилась господствующей элитой данного общества. Объединенные силой оружия общины становились вождествами (чифдом) и прообразом нового социального строя – государства (подробнее см.: Худяков, 1995).

Не исключено, что на первых этапах становления производящего хозяйства подобные образования были неустойчивыми и сильно зависели от авторитета вождя и сплоченности группы, способности ее к аккультурации местного населения и т.д. Вероятно, на характер этих вождеств большое влияние оказывали социальные традиции и представления о власти. Например, в некоторых индоевропейских обществах ранней древности и даже античности, государства, как организованной система господства и подчинения не возникало, хотя система вождей и воинской элиты была.

Позднее в период становления государственности, которая возникла у народов Северной Евразии под влиянием пояса цивилизованных стран от Средиземноморья до Дальнего Востока, война и военные действия приобрели регулярный характер. Кроме обычных целей войны – захват ценностей и пленников, они стали преследовать также различные политические цели, в первую очередь для оказания непрямого воздействия на соседей с целью получить от них материальные выгоды.

С середины III века до н. э. в процессы классообразования активно включились тюрко-монгольские народы Евразии, создавшие эффективную военную систему, а позднее близкие к ним соседи – кочевые угры и тунгусо-маньчжуры.

Военное искусство тюрко-монгольских государств, благодаря постоянному использованию в боевой практике, длительное время развивалось и совершенствовалось в качестве самостоятельного явления всемирной истории. Благодаря передовому военному делу и развитой социальной структуре тюрки, а позднее монголо-татары оказывали существенное, а в отдельные исторические периоды и решающее воздействие на ход исторических событий в средневековой Евразии в целом.

Прямая зависимость функционирования общества от степени развития военной культуры объясняется не только тем, что войны вели к захвату новых богатств, пленных и расширение территории государств, но и той ролью, которую играло в его жизни военно-служилое сословие, чьей профессией была война. Средневековая военно-служилая знать (рыцарство, а позднее – дворянство) структурировало все общество, во многом определяя степень его этнического, социального и культурного развития. Это сословие профессиональных воинов вырабатывало свою культуру, которая кроме чисто военных (вооружение, военное искусство, специальные трактаты по военному делу, военная организация) включала целый ряд культурно-этологических аспектов – таких как рыцарский этос (психофизическая подготовка, боевые искусства, мораль и этикет, стереотипы сознания и образ жизни), а так же символика (в том числе геральдика), фольклор (мифы о вождях и их завоеваниях и войнах, героический эпос и т.д.), литература (истории деяний предков, рыцарские романы и генеалогии) и т.д. Все это в в древности и средневековье часто было пронизано религиозными мотивами «борьбы за веру» («священная война») и идеальными представлениями о «пути воина» – рыцарским кодексом чести. Примыкают к военной культуре также медицина, связанная с врачеванием боевых ран и травм, диетология в части изучения походной пищи и т.д.

Войны и регулярные военные столкновения немыслимы без создания специализированных средств ведения вооруженной борьбы. Если на первых этапах в качестве оружия спорадически использовались охотничьи орудия – копья, лук и стрелы, топоры и ножи, то по мере усложнения системы венных столкновений и появления слоя людей, занимавшимся им практически профессионально, возникают новые специализированные «орудия войны» – боевые палицы и топоры, мечи, боевые серпы и главное – защитное вооружение. Новый импульс этим тенденциям придало освоение металлов и превращение войн в особый промысел, а позднее и в образ жизни.

Первой революцией в военном деле народов степной Евразии, изменившей ход истории, стала доместикация лошади и появление колесниц, а позднее и всадничества. Освоение лошади и преимуществ, связанных с использованием упряжек и верхового коня, привело, наряду с широким использованием бронзового оружия, к военному доминированию воинских мигрантов из степей во всей Евразии и завоеванию ими значительных территорий Ближнего и Переднего Востока, Индостана и Срединной Азии (см.: Ковалевская, 1977; Кузьмина, 2008; Клейн, 2010). Этапом в развитии военного дела и вооружения народов степной Евразии, оказавшем определяющее влияние на все развитие военного дела в цивилизованной ойкумене стало появление особых контингентов конных копейщиков закованных вместе с боевым конем в чешуйчатые доспехи. Появление катафрактариев сделало народы, снаряжавшие подобные воинские контингенты, в число передовых в военном отношении политий, а также оказало важное влияние на все развитие военного дела, предопределив появление европейского рыцарства и тяжеловооруженной кавалерии (см.: Хазанов, 1971: 64-90).

Следующим этапом развития военного дела народов степной Евразии стало изобретение в III-VII вв. сложносоставных луков, стремян с жестким седлом, узколезвийных пик, кривых однолезвийных клинков – сабли и стальных пластинчатых доспехов (панцири, шлемы, конские доспехи). Развитие подобного комплекса вооружения, достигшее расцвета в древнетюркский период привело к доминированию степной кавалерии на полях сражения Старого Света, а появление их сыграло настолько революционную роль, что ее можно сравнить с поздней «огнестрельной» революцией XV-XVII вв. Использование новых форм луков и типов наконечников стрел, устойчивой посадки в седле и сабель в ближнем бою привело к воинским победам и резкому усилению военно-политического влияния и авторитета тюркских народов в мире. Кульминации

использование этого комплекса вооружения достигло в Монгольской империи и государствах наследников Чингиз-хана. В позднее средневековье система военного дела степных народов Евразии постепенно стала деградировать, а после широкого внедрения огнестрельного оружия пришла в упадок и автаркию.

Войны и военное искусство народов Евразии оставили глубокий след в истории Евразии. Не удивителен вследствие этого постоянный интерес современников к причинам их возвышения и особенностям их боевой практики. История войн, особенности военного искусства, организации войска и вооружения довольно подробно описаны на страницах летописей и трактатов, изображены на рисунках и миниатюрах. Постепенно, по мере развития огнестрельного оружия и крушения государств Чингизидов, военное дело тюркских народов отошло на периферию развития военного дела, а изучение их боевого опыта из актуальных тем – в область военной истории.

Всплеск интереса к военному делу тюрко-татар обозначился после наполеоновских войн, когда потребовалось осмыслить значение этих общеевропейских войн в историческом контексте и внезапно возрос интерес к «Наполеону Средневековья» – Чингиз-хану. Не только как завоевателю из глубин Азии, которая стала объектом колониальной экспансии европейских держав и России, но и как полководцу, которому удалось создать мировую евразийскую империю. Именно в середине XIX в. начали появляться работы военных историков (например, М.И. Иванина, И.М. Марков, Н.С. Голицын и д.р.), анализировавших особенности военной тактики монголов и татар. Другим направлением исследований в этот период было изучение военной археологии – предметов вооружения, остатков валов и рвов древних городов и т.д. С точки зрения изучения военной истории этот период можно назвать временем накопления материала и несистемного изучения отдельных сюжетов, наиболее полно отраженных в письменных источниках, таких как завоевания Чингиз-хана и Бату, а так же оборона и взятие Казани в 1552 г. Но эти труды заложили основу для нового подхода к изучению военной истории и культуры.

Вместе с тем, в этот период четко обозначились и организационно-концептуальные издержки, которые тормозили исследование военного дела татар и их предков. Во-первых, не оказалось дисциплины, которая бы ставила своей задачей изучение этой проблемы. Военная наука, в силу своей организационной оторванности от академических исследований ставила ее в самом общем виде, в основном в традиционном русле изучения войн Чингиз-хана и эмира Тимура. Этнология и традиционная этнография народов степной и лесостепной Евразии, в силу отсутствия очевидных пережитков военной культуры, как это было у народов Средней Азии и Кавказа, не изучала этот вопрос. Археология практически исследовала только древности, полученные в ходе сборов и раскопок, как правило, не позднее XVI в. Во-вторых, исследование проблем военной истории тормозилось специально санкционированной коммунистическим руководством так называемой «борьбой за мир». Под предлогом того, что советскому народу всегда был чужд милитаризм, огульно запрещалось изучение и пропаганда сведений об оружии, военном костюме, военной игрушке не только татар, но вообще всех нерусских народов Советского Союза. В отношении тюрко-татар и монголов, а также их предков эта политика усугублялась запретом на изучение степных империй, включая тюркские государства, Монгольскую империю, Золотую Орду и татарские ханства, которые объявлялись «рыхлыми, паразитическими объединениями» со слаборазвитым социальным строем и военным делом. Концепция эта подкреплялась и смыкалась с традиционной теорией о «мирном характере татар и их предков», которые якобы больше занимались торговлей, чем военным строительством, которая глубоко засела в умах советских историков, боявшихся обвинений в национализме и прославлении Золотой Орды. В-третьих, военно-политическая история и военная культура татар считалась полностью разрушенной и утраченной после завоевания их Русским царством. Этот подход явно преуменьшал и игнорировал как сильное влияние тюрко-татарской военной культуры на русскую, так и частичного сохранения сословия служилых татар, игравших важную роль в военной системе Русского государства вплоть до начала XVII в.

В настоящее время по мере стала осознаваться необходимость изучения традиций этнополитической и военной истории. Способствовало этому также углубление представлений о военном сословии и его культуре, изученных как на материалах средневековой Западной Европы, так и Дальнего и Ближнего Востока.

Все это заставляет ставить вопрос об изучении военной культуры народов степной Евразии как комплексной, междисциплинарной проблемы. Цель ее исследования является не простое любопытство, а выявление закономерностей становления и развития военной истории во все ее полноте, которая невозможна без представления о военной культуре и военной археологии степной Евразии. Основными направлениями этих исследований должны стать выявление всего комплекса источников – вещественных, письменных, изобразительных, определение роли и значения различных народов в развитии военного дела Евразии, характер влияния религий и верований, включая ислам на развитие военной культуры тюрок, этапы и формы взаимодействия военных систем народов степной Евразии с русской, традиции и современное развитие военной культуры.

Специальной программы требует изучение ***военной археологии***, как раздела археологии, занимающегося изучением древностей, относящихся к вооружению, военному делу, воинскому снаряжению, военно-оборонительному делу и, в целом, военной культуры, а также полей сражений и мест, связанных с военно-политической активностью (захоронения воинов, памятные сооружения и т.д.) для изучения военной культуры и военной деятельности древних и средневековых социумов. Использует процедуры и методики археологических исследований с учетом определенной специфики использования вооружения, военной культуры и военного дела. Объектом исследования военной археологии является изучение предметов вооружения (мечи, сабли, кинжалы, наконечники копий, топоры, луки и стрелы и т.д.), конской амуниции (удила, псалии, седла, детали узды, элементы сбруи и другой амуниции), защитного снаряжения (панцири, шлемы, щиты, другие детали доспеха), а также вспомогательные и походные средства (хасак и др.), фортификация (военное зодчество и военно-инженерное искусство) и осадная техника (детали метательных и осадных машин и приспособлений), военный костюм, военная эмблематика и символика. Хронологически военная археология включает период от древности, когда война стала специализированным занятием части населения до нового времени, когда производство оружия приобрело промышленный характер, а война стала вестись массовыми рекрутируемыми из своего населения государственными армиями.

Проблема соотношения военной археологии и собственно военной истории не совсем проста и имеет такую же диалектическую связь, как археологический источник с историческим фактом. Это скорее процедура и построение универсальных образов, а не прямая иллюстрация. Совершенно понятно, что в археологическом источнике заложена историческая информация, но степень ее полноты и возможность однозначного восприятия в силу искажения или полной утраты тех связей, в которых объективация этих предметов происходила в прошлом. В этом отношении важен не столько разрыв в традиции использования того или иного предмета, который никогда не бывает полным для целого класса или комплекса однородных предметов, сколько узость экспериментальных возможностей исследователя и вероятностный, реконструктивный характер историческ4ой интерпретации археологического материала (Клейн, 1978: 61). В военной археологии подобным реконструктивным элементом, позволяющим протянуть мостик от набора предметов археологии к истории вооружения и военного дела, выступает ***комплекс вооружения***. Данный элемент является высшим элементом реконструкции, доступным на основе процедур анализа непосредственно предметов, относящихся к сфере компетенции военной археологии. Комплекс вооружения является концентрированной и систематизированной абстракцией, которая от анализа отдельных предметов вооружения и деталей снаряжения, от конкретных типов и форм оружия перейти к анализу тенденция их развития, использования и модификации в условиях изменения боевой практики. Именно категория комплекса вооружения расположена между конкретикой военной археологии и историей военного искусства, созданного на основе изучения письменных источников, в качестве базового элемента для анализа в рамках военно-исторического исследования.

Традиция изучения военной археологии в России была положена в начале XIX в. после находок знаковых предметов вооружения, приписываемых великому владимирскому князю и ряд древнерусских могильников. В 1907 г. было образовано Императорское Русское военно-историческое общество, ставившее своей целью изучение и сохранение сведений о военной истории, поиск и археологические исследования мест сражений прошлого, создание и описание военно-исторических музеев, коллекционирование воен-

ной формы, оружия и атрибутики, публикация сведений о наследии предков. Оно издавало «Труды имп. Русского военно-исторического общества» (1909-1912 гг.) и «Записки разряда военной археологии и археографии» (1911-1914 гг.). В советское время эти традиции были преданы забвению, но в период Великой Отечественной войны стали возрождаться. В 1950-90-х гг. военная археология стала важной частью научного изучения древности и средневековья, но развивалась спорадически, а различные научные центры и отдельные специалисты практически не координировали деятельность между собой. Попыткой подобной координации стало образование в 1988 г. Комиссии по военной истории народов Востока, которая на первых порах объединила всех специалистов в области военного дела народов Евразии и начала выпускать свой ежегодник (Проблемы, 1988; Проблемы, 1990). С конца 1990-х военная археология получила новый импульс в виде специализированных научных конференций и научных трудов (Военная археология, 1998). Развивались региональные центры по изучению военной археологии и военной истории народов России и мира. В 2012 г. Указом Президента России было создано Русское военно-историческое общество. В мире военная археология является влиятельной и значимой исторической дисциплиной, а ее деятельность имеет широкий общественный резонанс. В 1957 г. под эгидой ЮНЕСКО было образована Международная ассоциация музеев оружия и военной истории (IAMAM).

В Казани изучение военной археологии имеет давние традиции и сосредоточено на изучении оружия, воинского снаряжения, фортификации и военной истории различных народов от эпохи поздней бронзы до раннего нового времени.

К военной археологии примыкает ***военное музееведение***, которое включает как изучение предметов вооружения из музейных коллекций, особенно позднего средневековья, так и создание научных реконструкций. Экспозиции музеев должны быть пополнены, воссозданными на основе различных источников воинскими костюмами – доспехами и полным воинским вооружением или их рисунками, а также макетами укреплений и их новоделами под открытым небом в историко-культурных заповедниках.

Новыми направлениями должны стать ***военная этнография***, понимаемая широко – как традиционная народная культура. Предметом ее изучения должны стать традиции, остатки и пережитки прежней военной культуры, такие, например, как элементы воинского костюма в народной одежде, народные праздники (конные состязания, народная борьба и т.д.), диетология (походная пища), народная медицина. Важное место занимает изучение фольклора, который частично сохранил произведения рыцарского цикла, описания быта, обрядов и других элементов военной культуры.

Давние традиции имеет ***военная лексикология***, которая, однако, требует более комплексного и монографического изучения. Особый вопрос стоит в формировании терминов, их заимствование различными народами Евразии, выявление этой лексики, ее фиксация и выяснение путей ее распространения. Важной задачей является актуализация этой лексики в современной науке и публичном пространстве в виде специализированных словарей. Так, например, работа над словником Татарской энциклопедии выявила отсутствие в современном татарском языке терминов, адекватно отражающих средневековое военное снаряжение и явления военной истории. Недостаточная разработанность терминологии тормозит становление татарской военно-исторической науки и ведет к неоправданным заимствованиям. Между тем, значительная часть военной лексики, хотя и была выброшена из советских словарей, но сохранилась в литературе и отдельных диалектах. Очевидно, что нисколько не лучше обстоит дело и у других народов с изучением данной проблемы. Гораздо лучше изучается русская военная лексика и намечены пути взаимодействия ее с тюркскими терминами (Сороколетов, 1970).

Кроме того необходимо начать изучение ***военной символики и церемониала***. Выявить древние его элементы и возможности их использования в современной практике.

Необходимо развивать также ***военную историографию***, которая призвана исследовать закономерности возникновения, функционирования и определять будущие направления разработки актуальных проблем военно-исторической науки.

История военно-стратегической мысли, пожалуй, самый слабоизученный вопрос татарской военной науки. Главная сложность – в отсутствии, в силу ряда причин, аутентичных военных трактатов. Можно только предполагать, что в период средневековья, будучи частью мусульманской цивилизации, где этот жанр теоретической мысли имел древ-

нюю традицию и значительное распространение, тюрко-татарские военачальники не могли не быть знакомы с ними. Между тем, изучая военные кампании тюрок, монголов и татар, приходишь к мысли о наличии в их действиях продуманной общей стратегии и высокой степени оперативно-тактического мастерства, что проявлялось как в полевом сражении, так и обороне крепостей. Однако, несмотря на обилие общих военно-исторических трудов, военная мысль и тактика известных и анонимных полководцев степных народов Евразии практически не изучена, хотя изменения в характере военных действий в период древности и средневековья несомненны. Видимо, выявление характерных элементов военной доктрины и оперативно-тактических приемов требует специального источниковедческого анализа (подробнее см.: Худяков, 1980; Худяков, 1986; Бобров, Худяков, 2008 и др.).

Все вышесказанное показывает, что назрела необходимость обобщить все данные по военной истории приступить к созданию ***истории военного искусства***. В данный момент эта задача может быть поставлена в плане подготовки очерков или научно-популярных работ по отдельным периодам и проблемам, а также создания учебника по этой теме. Оценивая многовековую историю военной культуры народов степной и лесостепной Евразии периода древности и средневековья, необходимо кратко очертить ее ключевые периоды и их содержание. Периодизацию есть смысл представить по основным этапам этнополитической истории:

- *гуннский (середина III в. до н. э .– V в. н.э.)*
- *древнетюркский (V – X вв.)*
- булгаро-кыпчакский (X в. – середина XIII в.)
- монголо-татарский (период государств Чингизидов)(вторая половина XIII в. – конец XVI в.)
- российско-имперский (вторая половина XVI в. – 1917)

Настоящий период является благоприятным для изучения военной культуры татарского народа, которые еще не были предметом специального изучения, тогда как историко-культурная значимость этого наследие вполне определенна. Важность широкого изучения и пропаганды военно-исторического наследия несомненна из-за вполне определенного политического значения темы в связи с формированием и укреплением государственного и национального патриотизма, укрепления внутреннего единства народов России и других народов Евразии на почве сложной и кровавой, но нераздельной общей истории, в которой военная история и военная археология, несомненно, займут достойное место.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового врмени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Ответ ред. В.М. Массон. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. 344 с.

Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука, 1977. 150 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.

Проблемы военной истории народов Востока (Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Вып. 1. М.: Главная ред. вост. лит-ры, 1988. 65 с.

Проблемы военной истории народов Востока (Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Вып. 1. Л.: Всесоюзная ассоциация востоковедов, 1990. 212 с.

Происхождение и распространение колесничества. Луганск: Глобус, 2008. 319 с.

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI-XVII вв.). Л.: Наука, 1970. 383 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1995. 98 с.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

Izmaylov I. L.

MILITARY ARCHEOLOGY OF THE PEOPLE OF EURASIA: TO THE QUESTION ON THE CONCEPT MAINTENANCE

In article it is given concepts of military archeology, as disciplines which studies the section of archeology which is engaged in studying of antiquities, concerning arms, military science, military equipment, military-defensive business and, in whole, military culture, and also fields of battles and the places connected with military-political activity (burial places of the soldiers, memorable constructions etc.) For studying of military culture and military activity of ancient and medieval societies. Uses procedures and techniques of archaeological researches taking into account certain specificity of use of arms, military culture and military science. Object of research of military archeology is studying of subjects of arms, horse ammunition, protective equipment, and also auxiliary and marching means, fortification and the obsidional technics, a military suit, military эмблематика and symbolics. Chronologically military archeology includes the period from an antiquity when war became specialised employment of a part of the population till new time when weapon manufacture has got industrial character, and war began to be conducted mass рекрутируемыми from the population by the state armies.

Keywords: war, military archeology, archeology, arms, military science, a military suit, military symbolics, fortification, military estate, history of ancient and medieval Eurasia.

About the author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Scences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

ДРЕВНОСТЬ

УДК 902+903+908+947+7.03(470.6)

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ЭЛЬХОТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 г. В. (Х). Т. Чшиев

В статье рассматриваются кинжальные клинки из погребений IX – начала VII вв. до н.э. Эльхотовского могильника кобанской культуры.

Ключевые слова: клинковое оружие, кобанская культура Кавказа, древняя история Северного Кавказа.

Эльхотовский могильник кобанской культуры расположен в предгорьях Республики Северная Осетия – Алания, на правом возвышенном берегу р. Терек. Раскопки на памятнике производились с 1996 по 2005 г. (Чшиев, 2001, 2004, 2007). Несмотря на относительно небольшое количество мужских, воинских погребений Эльхотовского могильника – 15, от общего числа в 59 захоронений, тем не менее, материалы памятника представлены достаточно большим количеством предметов вооружения, свидетельствующих о высокой степени военизированности населения, оставившего некрополь. В частности, в каждом из точно установленных мужских погребений (часть захоронений разрушена и ограблена) находились те или иные предметы вооружения (копья, кинжалы, топоры, стрелы). Из 15 мужских захоронений могильника в 5-ти находились клинки кинжалов, по одному в каждом из этих погребений. Это бронзовый цельнолитой кинжал из погребения № 41, бронзовые клинки из погребений 73, 45 и 91, и, железный клинок из погребения 52.

Клинок кинжала из погребения 41 – обоюдоострый, вытянуто-подтреугольной формы, срединное ребро треугольной формы, в сечении клинок кинжала представляет собой вытянутый ромб (Рис. 1, *1*). Рукоять отлита вместе с клинком. В плане представляет собой пластину с плавным сужением в центре. В сечении – вытянутый прямоугольник. Нижняя часть рукояти (в месте перехода ее в клинок) – прямая, широкое перекрестье, с небольшими плечиками, выступающими за режущую кромку клинка, плавно сужаясь, переходит в ручку и, далее расширяясь, образует навершие. Прямая верхняя часть последнего имеет небольшой выступ в центре, прямоугольной формы. В месте перехода навершия в ручку имеется и отверстие диаметром 4 мм. Режущая часть лезвие клинка кинжала тонко откована и заточена.

Аналогии данному кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известны. На наш взгляд, по внешним очертаниям эльхотовский цельнолитой кинжал напоминает кинжалы так называемого «переднеазиатского» типа с составной рукоятью и заполнением или накладками и вставками из дерева, известные на западе РСО – Алания – Дигории, Южной Осетии – в Тлийском и Стырфазском могильниках и в Закавказье – сел. Кедабек и т.д. Также, в Закавказье, цельнолитой кинжал с рукоятью близких очертаний, но с закраинами для накладок известен из сел. Гари (в Раче) (Техов, 1977. С. 106. Рис. 89, *13–14*; 2006. С. 275. Рис. 26, *1*; Куфтин, 1949. Табл. XXIX, *7*; Крупнов, 1951. С. 67. Рис. 25, *3, 6*). Как отмечалось, прямые аналогии кинжалу в материалах кобанской культуры нам не известны, однако по некоторым характерным деталям можно проследить его прототипы и близкие ему параллели. Такими важными деталями являются форма перекрестья, плавно «охватывающего» клинок с небольшим выступом и переходящего в ручку, где последняя постепенно расширяясь, переходит в навершие с прямой верхней частью, снабженной небольшим выступом по центру (вероятно – литник). Кинжалы, имеющие в плане подобную форму рукояти (с сужением в середине, сочетающиеся с клинком вытянуто-подтреугольного типа), известны в материалах Верхнекобанского и Тлийского могильников

(Уварова, 1900. Табл. IX, *2*; Техов, 1977. С. 106. Рис. 89, *12*). Так, в погребении № 176 Тлийского могильника был найден бронзовый кинжал с рукоятью снабженной костяными накладками. Форма рукояти этого кинжала в плане аналогична форме эльхотовского. Клинок кинжала из погребения № 41 имеет слабовыраженное подтреугольное сечение, и по этому признаку также находит аналогии в относительно ранних материалах Тлийского могильника (тип 3 по классификации Б.В. Техова) (Техов, 1977. С. 90, 96. Рис. 83, *19–21*). На наш взгляд, форма рукояти кинжала из погребения 41 также весьма близка очертаниям рукоятей некоторых кинжалов так называемого «переднеазиатского типа». Эта близость обусловлена также тем, что как у «переднеазиатских», так и у эльхотовских кинжалов предполагается наличие накладок на уплощенную бронзовую рукоять. Бронзовый кинжал «переднеазиатского» типа из Кумбулта, по мнению Т.Н. Нераденко, сделан на Кавказе под влиянием переднеазиатских или закавказских прототипов, и вследствие этого, отличается от последних рядом признаков (Нераденко, 1986. С. 59–61. Табл. 1, *4*). Этот кинжал по форме (в плане) весьма близок нашему из погребения 41. Также связывает их и наличие отверстий на рукояти – семь на кумбултинском и одно на эльхотовском экземпляре. Возможно, кинжал из Эльхотово представляет собой синкретичную форму, соединяющую в себе производную от кинжалов «переднеазиатского типа» (к примеру, кинжалы из Фаскау и Кумбулта), и перекрестие, типичное для кобанских клинков (Уварова, 1900. Табл. XCVII, *4*). Представляется, что здесь прослеживается определенный канон, заключающийся в разнообразных сочетаниях рукояти переднеазиатского типа и перекрестья кобанских форм. Синкретизм форм, восходящих, вероятно, к каким-то более ранним прототипам, проявляется как в материалах северного склона Главного Кавказского хребта, так и южного, с преобладанием пока что южных закавказских находок (Куфтин, 1949. С. 44. Табл. IX–XXIX). В вопросе о поиске исходной формы для этой синкретической категории предметов, вероятно, близким к истине является мнение С.Л. Дударева, полагающего, что прототипами северокавказских кинжалов с однокольчатым орнаментом на рукояти следует считать переднеазиатские образцы (Дударев, 1999. С. 105). В таком случае кинжал из погребения № 41 может быть одной из линий развития той типологии кинжалов, более ранними звеньями которой являются кинжалы из Кумбулты и Гари (Куфтин, 1949. Табл. XXIX, *7*). Во всяком случае, по сравнению с другими материалами Эльхотовских комплексов, данный кинжал относится к ранней категории и, может быть датирован временем середины – конца IX в. до н.э.

Из погребения 73 происходит бронзовый клинок кинжала вытянуто-треугольной формы, с резко выделенным подпрямоугольным в сечении срединным ребром (Рис. 1, *2*). В области перекрестья имеется прямоугольный заостренный выступ для насаживания на рукоять. В верхней части клинка пробито два отверстия для шпеньков, посредством которых, вероятно, к клинку прикреплялась деревянная несохранившаяся рукоять.

Прямой аналогии нашему кинжалу в памятниках кобанской культуры нам не известно, однако, в материалах Тлийского могильника есть экземпляры, сходные с ним. Это некоторые варианты бронзовых кинжалов, отнесенных Б.В. Теховым к третьему типу тлийских кинжалов (Техов, 1977. С. 90, 96. Рис. 83, *21*). Необходимо отметить, однако, что срединное ребро тлийских кинжалов третьего типа – треугольное, а нашего – прямоугольное.

В погребении № 45 находился клинок кинжала с сужением в средней части, насадом подтреугольной формы и двумя отверстиями в последнем (Рис. 1, *3*). В отверстиях сохранились бронзовые, круглые в сечении, шпеньки для закрепления несохранившейся, вероятно деревянной, рукояти. Срединное ребро на клинке слабовыраженное, по форме – полуовал. Кинжал имеет следы выраженной амортизации, неоднократно проковывался и подтачивался. Возможно, форма ребра на эльхотовском кинжале изначально была сделана в классической для кобанских клинков этого типа подпрямоугольной форме, однако, в результате применения и дополнительных проковок оказалась «смазанной». Кинжал близок морфологически клинкам второго варианта первого типа по классификации В.И. Козенковой. В частности, это клинок из погребения в каменном ящике 1 Инжиччукунского могильника, датируемый рубежом 2–1 тыс. до н.э. Подобные клинки характерны для кобанской культуры с раннего периода и «доживают» до 8 в. до н.э. (Козенкова, 1995. С. 50. Табл. VIII, *4*).

Кинжалы с сужением в средней части широко представлены также в Тлийском и Стырфазском могильниках, где они датируются временем от рубежа II-I тыс. до н.э. – до начала I тыс. до н.э. (Техов, 1977. С. 98. Рис.

84; 2006. С. 263. Рис. 12). В целом, данный кинжал является одним из наиболее ранних артефактов в материалах Эльхотовского могильника и может быть продатирован в рамках начала – середины 9 в. до н.э.

В погребении 91 находился бронзовый клинок вытянуто-треугольной формы и насадом подтреугольных очертаний (Рис. 1, *4*). В насаде клинка (перекрестье) сохранился бронзовый шпенек для закрепления рукояти. Судя по слабозаметному отличию цвета окислов на насаде клинка, деревянное перекрестье охватывало края насада в виде дуги. Срединное ребро клинка кинжала треугольной формы. Клинок прокован и остро заточен. Клинок относится к первому варианту первого типа по классификации В.И. Козенковой. В памятниках восточного варианта на эфесе кинжалов данного типа присутствуют от пяти до двух отверстий для скрепления с рукоятью. При этом, как отмечает В.И. Козенкова, «Типологически наиболее поздними … были клинки с двумя отверстиями» (Козенкова, 2002. С. 62, 85. Рис. 8, *4*). Ближе всего к нашему – некоторые кинжалы из Верхнекобанского могильника, и кинжалы из Пседаха (раскопки В.И. Козенковой 1986 г.). Датируются кинжалы этого типа (первый вариант первого типа) В.И. Козенковой в рамках X-VIII вв. до н.э. (Козенкова, 1982. С. 19, 155. Табл. XIV, *3*).

Единственный найденный в Эльхотовском могильнике железный клинок кинжала находился в погребении 52 (Рис. 1, *5*). Клинок вытянуто-подтреугольной формы, перекрестье/насад заоваленное, сечения клинка - вытянуто – линзовидное. В месте насада имеются четыре отверстия, в которых сохранились бронзовые, подпрямоугольной формы в сечении, шпеньки для закрепления рукояти. Погребение № 52, где был найден клинок, потревожено и ограблено в древности, вследствие этого кончик клинка утрачен. Но не вызывает сомнений, что он был треугольной формы. Железо, из которого сделан клинок, достаточно высокого качества. Полная аналогия нашему клинку в материалах кобанской культуры нам не известна. В то же время, по форме клинка, его сечению и способу крепления рукояти эльхотовский экземпляр обнаруживает близость с железными кинжалами из могильника «Лермоновская скала (у реки)» – погребение № 2 1989 года и поселения Клин – Яр (Сборник., 2011. С. 236, 243. Рис. 9, 4; С. 266, 268. Рис. 2, *1*). В последнем случае на кинжале из поселения Клин-яр совпадает с эльхотовским и количество отверстий и шпеньков для насада – 4. Железные кинжалы разных форм, снабженные отверстиями в насаде и бронзовыми шпеньками, известны в материалах скифского времени Тлийского могильника, однако они резко отличаются от нашего по форме, в первую очередь, насада/перекрестья. (Техов, 2002. С. 334. Табл. 53, *5*; С. 344. Табл. 63, *3*; С. 364. Табл. 82, *2*).

На наш взгляд, кобанские мастера, изготовившие эльхотовский кинжальный клинок, ориентировались на классические бронзовые кинжалы с треугольным клинком и подтреугольным или овальным насадом. То есть, морфологически кинжал подражает еще бронзовым кобанским экземплярам. Об этом свидетельствует форма насада/перекрестья и традиционные бронзовые шпеньки для насада деревянной рукояти. Позднее, как известно, северокавказские кинжалы из железа отковывались целиком.

В целом, по материалам комплекса, где был найден данный кинжал, он датируется второй половиной VIII, возможно, самым началом VII вв. до н. э.

Учитывая количество непотревоженных мужских погребений могильника (всего – 7, т. е. почти половина всех мужских захоронений памятника), можно предполагать, что данный вид оружия был весьма типичен для эльхотовских «кобанцев».

Интересен в группе кинжальных клинков Эльхотовского могильника железный экземпляр из погребения № 52, близкий по форме насада бронзовым, но снабженный отверстиями в нем и шпеньками – гвоздиками для закрепления деревянной рукояти. На его примере можно наблюдать, как новый эффективный металл входил в обиход эльхотовских «кобанцев» VIII – начала VII веков. Здесь видно, что приемы работы с ним и формы оружия пока соблюдают многовековую традицию. Мастер пробил в железе отверстия для бронзовых шпеньков крепления, а не отковал рукоять вместе с клинком, как это стало практиковаться позднее, в VII–VI вв. до н.э.

Заслуживает внимания и то, что все рассмотренные клинки, несмотря на то, что происходят из одного памятника, относятся к разным типам. И если отличие железного клинка из погребения 52 можно связать с его относительной поздней датой, то отличия остальных экземпляров, видимо, свидетельствуют о хождении в кобанской военной среде, оставившей могильник, одновременно весьма разнообразных типов данного вида вооружения.

ЛИТЕРАТУРА:

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: РИЦ АГПИ, 1999. 401 с.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант /САИ. Вып. В 2-5. М.: Наука, 1982.175 с.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Систематизация и хронология. Западный вариант / САИ Вып. В 2-5. М.: ИА РАН, 1995.166 с.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: «Памятники исторической мысли», 2002. 232 с.

*Крупнов Е.И.*О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока // ВИМК. №1. М. – Л., 1958.С. 72 – 82.

Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН Груз.ССР, 1949.230 с.

Нераденко Т.Н. К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 57–63.

Сборник научных трудов Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: «Илекса», 2011. 558 с.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 238 с.

Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900.420 с.

Чшиев В.[Х.]Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // МИА России. Вып.3 / Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. М.: ИА РАН, 2001. С. 45–51.

Чшиев В.[Х.]Т. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // МИА Северного Кавказа. Вып.4. Армавир: РИЦ АГПУ, 2004.С. 273–286.

Чшиев В.[Х.]Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Т.1. / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. С. 178–293.

Информация об авторе:

Чшиев Валерий (Хасан) Таймуразович – старший научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания. E-mail: hacht@mail.ru

BLADED WEAPONS FROM ELHOTOVO BURIAL GROUND OF THE KOBAN CULTURE

V. (H). T. Chshiev

The article considers dagger blades from the burials dating back to 9th - early 7th centuries B.C. located at Elhotovo burial ground of the Koban culture.

Keywords : blade weapons, Koban culture of the Caucasus, ancient history of the Northern Caucasus.

About the author:

Chshiev Valery (Khasan) T., senior Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania. E-mail: hacht@mail.ru

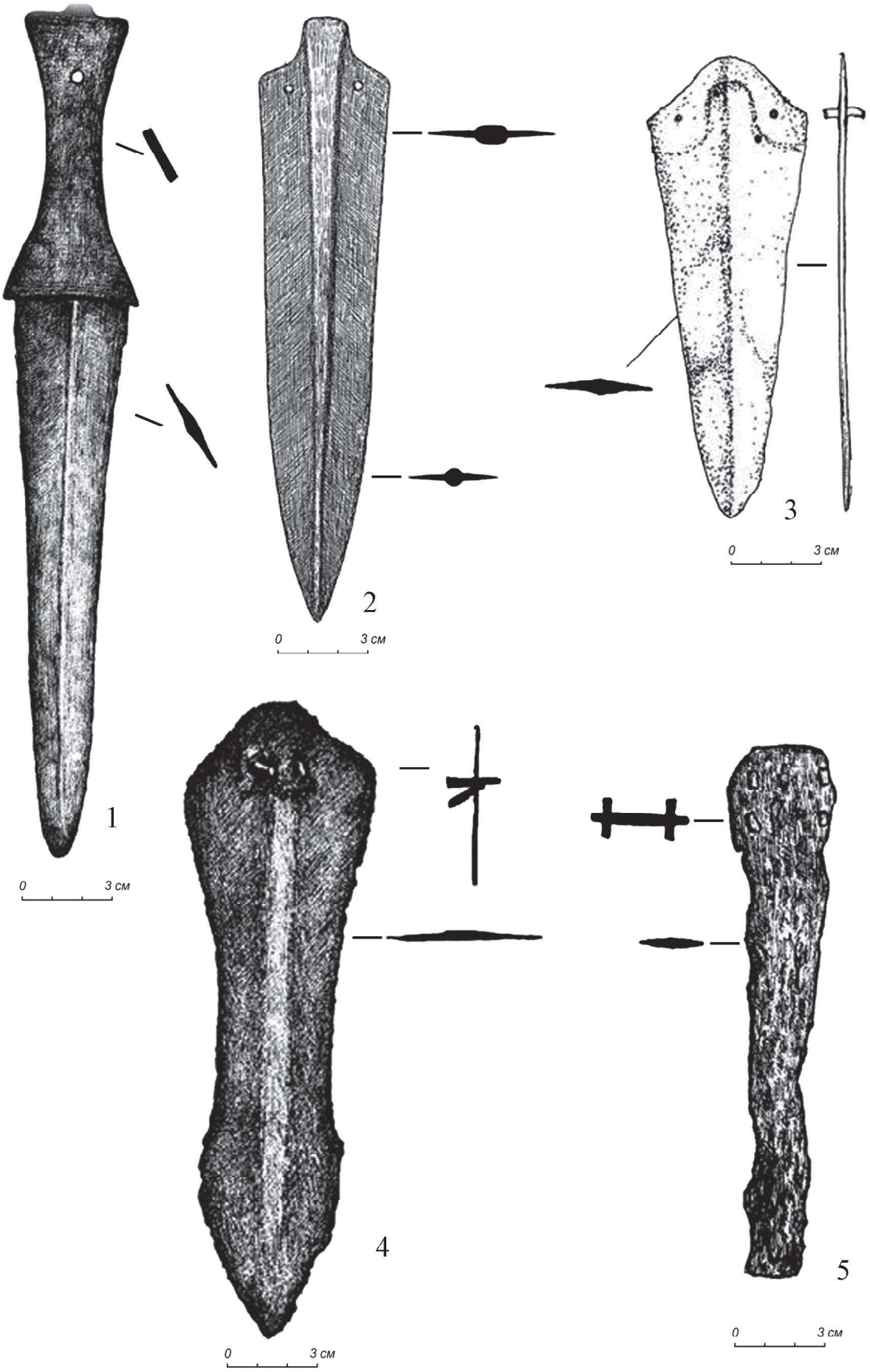

Рис.1. Клинковое оружие Эльхотовского могильника.

УДК 902+903+908+947+7.03(470.6)

ПРЕДМЕТЫ ВОИНСКОГО БЫТА И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОЗДНЕКОБАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «КИШПЕК-2» (КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ)

© 2017 г. В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный

В статье в научный оборот вводится серия предметов быта, вооружения и конского снаряжения позднекобанского времени, происходящих из культурного слоя поселения «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии. Эти материалы – результат охранно-спасательных археологических исследований, проводившихся в 2009 году. Публикуемые материалы дают некоторое представление о материальной культуре, включая предметы вооружении племен кобанской культуры условного «западного варианта». Предварительные выводы дают основания для уточнения хронологических особенностей данного археологического объекта.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, кобанская культура, предскифское время, предметы вооружения, конская упряжь.

В 2002 г., в ходе разведочно-рекогносцировочного обследования участка под строительство объездной автодороги федеральной трассы М 29 вокруг г. Нальчик и пос. Чегем-2, протяженностью почти 18 км, сотрудниками ООО «Институт археологии Кавказа» было выявлено 39 курганообразных всхолмлений различной высоты и диаметра, а также три древних поселения, в их числе «Кишпек-2», находившихся на левом берегу р. Чегем, (правый приток р. Баксан), примерно в 2 км к северу от русла. Оно занимает почти ровный, лишь местами слабохолмистый, участок пахотного поля, на момент раскопок занятого луговой растительностью. Первоначально предполагалось, что площадь этого поселения не превышала 300 кв. м, при мощности культурных напластований до 1 м. В соответствии с общим уклоном местности здесь наблюдалось понижение рельефа к востоку. В данном районе в начале 1980-х годов было изучено несколько групп разновременных курганных могильников, в подавляющем своем большинстве ныне опубликованных (Археологические, 1984, 1985, 1987).

По объективным причинам раскопочные материалы с раскопанной в 2009 году части поселения «Кишпек-2», представляющего определенный научный интерес, до сих пор пока не введены в научный оборот. Исключение составляет несколько информационных сообщений (Нарожный, Савенко, 2010.; Доценко, Нарожный, Соков, 2013; Козлов, Мокрушин, Нарожный, 2016.). В данной публикации, в научный оборот вводятся некоторые предметы быта, вооружения и конской упряжи, происходящие из культурного слоя этого бытового памятника.

Заложенный в 2009 г. на поселении «Кишпек-2» охранный раскоп (30×90 м) с сеткой квадратов размерами 5×5 м (108 кв.+ прирезки) ориентирован меридионально. Еще до начала здесь археологических работ строителями была проложена трассировка будущей дороги, в результате которой на большей части будущего раскопа ими был срезан растительный слой на глубину 20-25см. Исключение составлял лишь небольшой участок (20× 30 м) в самой высокой части памятника, где нивелировочные отметки поверхности превышали -30см от $R_{0,}$ и где сохранился пласт 0, снятый бульдозером на соседних секторах. При ручной разборке данного пласта половина квадратов оказались вообще «пустыми», в остальных находки представлены единицами, и только в четырех количество материала можно охарактеризовать как значительное.

Предварительно, в первую очередь, можно вести речь о том, что обращает на себя внимание наличие двух широких (до 15 м) периферийных зон поселения - восточной и западной, вплотную примыкающими к соответствующим краям исследованной площадки, где в прошлом отсутствовала активная хозяйственная деятельность; эпизодические находки здесь сосредоточены только в 1 и 2-м пластах; накопление здесь культурных остатков проходило не очень интенсивно: на одном квадрате отмечено максимум 8 обломков посуды в одном пласте (суммарно - менее 72 инвентарных номеров, включая черепки глиняной кухонной утвари, кости животных и металлические предметы).

Посередине западной, условно выделяемой нами, периферийной зоны, в относительно узкой (менее 4 м) полосе, как можно предположить, когда-то находились «ограждения жилой территории» с неровной цепочкой из 15 округлых, овальных или яйцевидных в плане ям примерно одинакового размера. Они совершенно без находок либо с отдельными, явно случайными предметами (не более 5 фрагментов керамики); т. е. были отрыты и сразу же (после установки деревянных столбов -?), засыпаны; культурный слой в них не успел сформироваться, т.к. уплощенное, либо плоское дно ям впущено в материк незначительно (не глубже -1,4 м от R_0). Скорее всего, здесь можно реконструировать достаточно легкую конструкцию – турлучный плетень (?). Возможно, у обитателей поселения периодически возникала потребность замены подгнивших опор «ограждения», делавших такие сооружения неустойчивым. При таких заменах, рядом с уже существующими ямками, выкапывались новые ямы, что в конечном итоге приводило к образованию четырех обособленных групп из 2-5 отдельных объектов такого рода.

Судя по слабой насыщенности культурных отложений в средней части раскопа, с севера на юг пролегал, возможно, своеобразный «транспортный коридор» шириной до 5 м, служивший для перемещения людей и животных (?). С запада к нему примыкала прямоугольная наземная постройка 1 размерами 4,2×3,5 м, с большой хозяйственной ямой в самом ее центре. По углам этого «строения» фиксировалось 4 скопления из булыжников, (площади скоплений от 0,45 до 1,05 м). Каждое такое скопление состояло из некоторого числа относительно крупных (от 10 см в поперечнике) булыжников и значительного числа мелких галек, скорее всего, служивших для забутовки и надежного крепления угловых (несущих) опор этого сооружения. Незначительная концентрация в слое находок (всего 24 фрагмента керамики на участок) свидетельствует, скорее всего, о систематической («санитарной») очистке жилища от бытовых отходов.

С гораздо меньшей долей уверенности можно выделить два условных «производственно-бытовых комплекса», включавших помещения 1 и 2 (2,2×3,05 и 2,6×4,05 м) – неправильной формы, заглубленных на 50-100 см от древней дневной поверхности. К предполагаемым «помещениям» тяготела серия однотипных ям (7 и 2, соответственно), очевидно, предназначенных для хранения сельхозпродукции (?). Они - в основном, овальные и округлые в плане; довольно крупные (диаметром от 115 до 225 см) и достаточно глубокие (уровень фиксации дна: -1,47 – -2,30 м от R_0).

Расположенный по соседству другой «производственно-бытовой комплекс 3» занимал участок приблизительно подтрапециевидной формы (ориентировочно – 6-10×10 м). В его средней части, с северо-востока на юго-запад ровной цепочкой разместились 4 грунтовые ямы, почти одинаковые по своим габаритам и форме: в основном округлые, либо овальные; диаметром 1,15-1,4 м; впущены в грунт до отметок -1,55 – -2,13 м от R_0, возможно, с целью установки крупных опор, поддерживавших центральную балку для навеса от дождя и снега (?). Тут же засвидетельствованы 8 овальных, либо округлых ям, вероятнее всего, служивших преимущественно для хранения в них зерновых (?) или иных запасов. Все они, кроме одной, - крупногабаритные (диаметром 135-215 см), при этом, почти всегда достаточно глубокие (уровень фиксации дна в основном колебался в пределах -1,83 – -2,09м от R_0); одна находилась в самом центре площадки; еще шесть размещались парами по обе стороны от предполагаемых центральных опор, на расстоянии 60-200 см от них.

В процессе работ были обнаружены также отдельные канавообразные углубления, скопления речных булыжников, галечные вымостки различных конфигураций, остатки фрагментов черепицы (?). В турлучных развалах попадались обломки «угловых» деталей, вероятно, от входных (дверных) проемов. На оборотной стороне кусков обмазки иногда сохранялись отпечатки веток, а снаружи – следы заглаживания при помощи пучка травы.

В составе огромной выборки остатков глиняной кухонной утвари больше всего мисок; есть кружки с ручками, круглодонные кубки, сосуды с сосцевидными налепами либо валиками. Довольно часто встречались черепки с геометрическим и нарядным («пышным») орнаментом, выполненным с помощью тонких прочерченных линий. К наиболее типичным элементам декора принадлежат заштрихованные треугольники, обращенные вершинами навстречу друг другу.

В числе относительно массовых находок - каменные оселки и керамические пряслица. Длинная «ветка» рога благородного оленя с аккуратно спиленными боковыми отростками и следами искусственного заостренным

нижнего его края, предположительно, являлась заготовкой для почвообрабатывающего орудия.

В коллекции хорошо представлены изделия из цветных металлов, в первую очередь, клад из 6-ти бронзовых серпов. У трех из них относительно слабо изогнутое дуговидное лезвие; перегиб от спинки к рукоятке - «коленчатый» (тип 1б, по А.А. Иессену). Считается, что производство последних на Северном Кавказе завершается где-то в начале I тыс. до н. э. (Козенкова, 1998.).

Для скрепления верхней грубой одежды, а, возможно, и - сложных женских головных уборов, служили булавки: тип VI, варианты 1 и 2, по В.И. Козенковой. У них тонкое пластинчатое навершие - трубочкой; стержень квадратного сечения (в нижней трети – округлый), чаще всего - витой. Это весьма представительная в кобанских погребальных комплексах категория изделий (см.: могильники: Березовский-1, Белореченский-2, Мебельная фабрика, Терезе и др.), бытовавшая на протяжении первой половины I тыс. до н. э., в т.ч. и у соседей древних «кобанцев» (Козенкова, 1998. С. 64-66. Табл. XXI, *15-16, 18-19*; 2002. С. 199. Табл. 14, 2; 2004. С. 14. Рис. 8, *18, 20-24*; С. 43. Рис. 36, *6*; и сл.).

Интересна пронизка с утолщениями на концах и вздутием посередине. Ее трубчатая основа декорирована узкими продольными треугольными прорезями и гравированным многорядным зигзагом (Рис. 1, *1*).

Весьма важной для решения в перспективе вопросов хронологии раскопанного участка памятника представляется серия ножей (5 экз.), в их числе - весьма архаичный экземпляр из бронзы.

Остальные четыре орудия – железные, с режущей частью шириной 11-15 мм. Среди них преобладали серповидные, с горбатой спинкой и выемчатым лезвием, появившиеся у «кобанцев» в середине VIII в. до н. э. и встречающиеся в следующем столетии, что, возможно, позволит предварительно ограничить основной период функционирования поселения именно этими временными рамками. Один предмет представляет собой обломок средней части клинка, длиной 50 мм (Рис. 2, *13*); у второго лезвие не отделено от плоского, прямоугольного в сечении черенка (Рис. 2, *11*). Третий нож - с коротким (17 мм) черенком, заканчивающимся резким уступом со стороны брюшка (Рис. 2, *9*), находит аналогию, к примеру, в погребении 12 Исправненского могильника. (Козенкова, 1998. С. 9. Табл. I, *10*). Есть также нож с прямым лезвием (Рис. 2, *12*).

Ценную информацию о контактах населения этого поселения с окружающим миром дают предметы вооружения и конской узды - те категории материальной культуры, которые наиболее активно заимствовали друг у друга.

Считается, что в результате переднеазиатских походов кочевническая знать могла воспринять манеру украшения ремней конского оголовья круглыми бляхами и накладками, о расположении которых в системе узды дают представление ассирийские рельефы времен Саргона II и Ашшурбанипала. В нашей коллекции есть костяная накладка (диаметр 42 мм) с резной геометрической композицией, включающей концентрические круги и бегущие спирали (Рис. 2, 5). Заманчиво ее воспринимать как попытку воспроизвести (?) известные образцы, например, некоторые из материалов из Келермесских курганов, но изготовленных там из тонкой золотой пластинки, большими (8,4-13,7 см) накладками нащечных фаларов с прочеканенным орнаментом и следами загиба на краях (Галанина. 1997. С. 122, 235; рис. 28, *1-3*; 32, *13*; табл. 19, 129, 130, 144, 146).

Гладкая бронзовая выпуклая бляха (диаметр 45 мм) с отломанной тыльной петлей для крепления (рис. 2,*8*) – достаточно широко распространенная находка на юге Восточной Европы в предскифскую эпоху. В качестве примера приведем ей аналогии из кургана Гиреева могила - Аксай Ростовская обл., раскопки А.Н. Мелентьева в 1959 году (Тереножкин, 1976. С. 26, 28. Рис. 3, *3*). Немало их известно и в кобанских памятниках Северного Кавказа (Козенкова, 2002. С. 197. Табл. 42, *22*; 2004. С. 71. Рис. 72, *8, 10-12*; С. 77. Рис. 80. *1, 3-7*; и сл.).

На Северном Кавказе, в пределах всего ареала кобанской культуры, широко распространены т. н. «киммериийские» молотки из камня, известные в пределах как восточного, так и западного вариантов этой культуры (Козенкова, 1995. С. 82-83; Белинский, Дударев, 2001. С. 73. Рис. 8, *1*; Дударев, 2004. С. 63. Рис. 2, *3*). Основная масса таких находок, как правило, цилиндрической формы, нескольких разновидностей, имевших с двух сторон плоские ударные площадки. Сегодня известен и образец «каменного молотка черного цвета и прямоугольной формы» (Мамаев, Нарожный, 2013. С. 135,138. Рис. 2, *1*). Непрерывная линия их эволюции охватывает здесь эпоху финальной бронзы и завершается в VIII-VII вв. до н. э. Раньше предполагалась связь

данной категории инвентаря с белозерской ступенью срубной культуры, однако, т. к. в кочевнических захоронениях юга Восточной Европы их известно достаточно мало, возобладала точка зрения, считающая, что степь дала лишь «идею» цилиндрического молотка. С другой стороны, своего объяснения требует, например, присутствие довольно представительной коллекции этого вида оружия (10 экз.) в чернолесских предскифских памятниках Украины (Махортых, 1994. С. 60).

Для анализируемых изделий нельзя исключать вероятность их использования в качестве оружия, хотя небольшая длина некоторых (например, всего 6,5 см для орудия из погребения 32, мог. Фарс) и незначительный вес, ставят вопрос о такой возможности. В целом их относят к предметам парадно-боевого назначения и атрибутам власти, рассматривают в качестве культовых жезлов или знаков воинского достоинства, ибо в комплексах с цилиндрическими молотками часто присутствует оружие (Эрлих, 2007; Дударев, 2011а.). Большинство артефактов этого рода – каменные, с круглой проушиной, полученной двусторонним сверлением при помощи костяной трубочки. В нашей коллекции есть, предположительно, неудачная раскололовшаяся заготовка (?) такого орудия, длиной около 30 и диаметром 17-19 мм (Рис. 1, *2*). Имеющееся небольшое сужение на конус, по заключению С.Л. Дударева, является поздним признаком. Изделия строго цилиндрической формы признаются более ранними.

Другой предмет, сделанный из очень мягкой горной породы, имеет бочковидную форму, диаметр – 54 и высоту – 87 мм (Рис. 2, *14*). У него - выпуклые торцы и пять поперечных рифленых утолщений, возможно, предназначавшихся для прикрепления с помощью кожаных ремней или металлических «хомутов» к концу деревянной рукояти.

Уникален тщательно заполированный массивный роговой молоток длиной 168 мм, подгрушевидной формы в сечении (52×82 мм), с подпрямоугольным проухом (20×25 мм). На бойке сделана узкая выточка (возможно, для дополнительной металлической насадки -?); противоположный конец - закруглен (Рис. 1, *3*). Поперечное узкое (д-5-6 мм) сквозное отверстие служило для надежной фиксации древка-держака.

Обломок 3-дырчатого рогового псалия (Рис. 2, *7*) находит параллели в погребении 54 Эльхотовского могильника (VIII – начало VII вв. до н.э.) (Фидаров, Чшиев, 2004. С. 191, Рис. 21, *1*).

Среди имеющихся наконечников стрел доминировали костяные (4 экз.): два из них – тонкие шиловидные (51 и 55 мм), один в сечении круглый, другой – трапециевидный, их оба конца приострены (Рис. 2, *2, 3*). Оставшиеся предметы принадлежат к числу четырехгранных (7×7 и 8×9 мм), с внутренней втулкой, высотой 21 и 30 мм (Рис. 2, *1, 10*). Аналогии последним представлены, в частности, в кургане 1 у ст. Усть-Лабинской – VIII – начало VII в. до н. э. (Дударев. 2011б. С.115. Рис. 1. *I, 18-28*). Хронологическая позиция данного набора определяется по найденной здесь «киммерийской» стеле, доживание которой до келермесского времени не исключено в свете последних данных. Впрочем, В.С. Ольховский полагал, что она могла попасть в курган еще до Н.И. Веселовского, при грабительских раскопках (Эрлих, 2007. С. 100).

В публикуемой коллекции есть один бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с лавролистной головкой и короткой (7 мм) выступающей втулкой (Рис. 2, *6*), почти идентичный находке начала VII в. до н. э. из кургана 1 у с. Гумарово (Оренбургская область) (Галанина, 1997. С. 106, 110; рис. 27, *68*).

Исследованный нами археологический объект представлял собой довольно значительный ремесленный центр, вероятно, снабжавший своей продукцией весьма обширную округу. В ее ареале, судя по присутствию сходных форм глиняной кухонной утвари с идентичной орнаментацией, располагался и знаменитый дружинный некрополь, открытый в 1979 г. на северной окраине с. Нартан, приблизительно в 13 км южнее места наших работ, (т.е., на удалении пешеходной доступности). Большинство исследованных там насыпей были возведены в VI—V вв. до н. э., расчищены жертвоприношения взнузданных коней - от одного до пяти. Курганы №№ 12—14, 16, 19, 21, 22 принято датировать второй половиной VII — началом VI вв. до н. э. (Степи., 1989. С. 218-22). Весьма значительные по своим размерам могильные конструкции курганов №№9, 16, 20 с обильными подношениями, вероятно, предназначались для безбедного загробного существования местных племенных вождей. Последний из названных курганов, содержавший хорошую выборку ромбовидных наконечников стрел, С.В. Махортых сближал с такими архаическими погребальными комплексами на Ставрополье, как Красное Знамя (кург. 9) и

Алексеевский; полагая, что они доказывают «появление» здесь скифов еще в начале VII или даже в VIII вв. до н.э.» (Махортых, 1991. С. 43-44). В Нартановском могильнике в изобилии представлены двухлопастные наконечники стрел с овальной или лавролистной головкой, но, в отличие от нашего, – обычно с более длинной втулкой и не плохо «выраженными ложками на лопастях» (Махортых, 1991. С. 44-46. Рис. 15, *42*; 17, *1, 2*).

В шурфе № 34, заложенном в 100 м к западу от границы поселения обнаружен не крупный (31 мм) бронзовый трехлопастной наконечник стрелы – не древнее VI в. до н. э. (Рис. 2,*4*).

ЛИТЕРАТУРА:

Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.1 / Отв. ред.В.И. Марковин. Нальчик: Эльбрус,1984.300 с.

Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2. / Отв. ред. М.П. Абрамовой и В.И. Козенковой. Нальчик: Эльбрус, 1985.276 с.

Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус, 1987. 242 с.

Доценко И.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Охранно-спасательные исследования на трассе федеральной объездной автодороги вокруг г. Нальчик и Чегем II в Кабардино-Балкарии // Археологические открытия за 2009 год. М.:«Нестор-история», 2013. С.174–177.

Нарожный Е.И., Савенко С.Н. Поселение «Кишпек-2» – новый бытовой памятник позднекобанского времени Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Магас. 26-30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов международной научной конференции. Магас: ООО «Пилигрим», 2010. С. 267–270.

Галанина Л.К. Келермесские курганы (Степные народы Евразии. Т. I.) М.: «Палеограф», 1997. 270с.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX —первая половина VII века до н. э.). // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. Статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илека, 2011а. С. 102–113.

Дударев С.Л. К этнокультурной атрибуции «киммерийских» погребений Северного Кавказа. // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. Статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илека, 2011б. С114–124.

Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991.136 с.

Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка,1994. 94с.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. /САИ. Вып. В2-5. М.: Наука, 1998. 200с.

Козлов М.С., Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. Поселение «Кишпек-2» в Кабардино-Балкарии (предварительные итоги изучения) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (г. Грозный. 18-21 апреля 2016 г.). Грозный: Изд-во Чеченского гос-о ун-та, 2016.С. 90–93.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М.: Наука, 1989. 464 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.222 с.

Фидаров Р.Ф., Чшиев Х.Т. Новые материалы бытовых памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии. // МИАСК. Вып. 3 /Отв.ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПА. С.186–206.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Протомеотская группа памятников. М: Наука, 2007.430 с.

Информация об авторах:

Мокрушин Владимир Павлович – главный специалист НАО «Наследие Кубани»; E-mail: vlmokrushin@yandex.ru

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист НАО «Наследие Кубани»; E-mail: zai_ein@mail.ru

MILITARY ARTEFACTS AND HORSE AMMUNITION FROM THE CULTURAL LAYER OF KISHPEK-2 LATE KOBAN SETTLEMENT (KABARDINO-BALKARIA)

V.P. Mokrushin, E.I. Narozhyi

The article introduces into scientific discourse a series of household items, armament and horse ammunition of the Late Koban period originating from the cultural layer of Kishpek-2 settlement in Kabardino-Balkaria. These materials are the result of protective and rescue archaeological studies conducted in 2009. The published materials provide some insight into the material culture, including the armament items of tribes belonging to the conventional 'Western version' of the Koban culture. Preliminary conclusions give grounds to update the chronological features of this archaeological site.

Keywords: Kabardino-Balkaria, Koban culture, Pre-Scythian period, armament, horse ammunition.

About the authors:

Mokrushin Vladimir P. – Leading Specialist of NJSC "Heritage of Kuban"; E-mail: vlmokrushin@yandex.ru

Narozhnyi Evgeny I. – Dr. Habli., Honoured Cultural Worker of Kuban, Leading Specialist of NJSC "Heritage of Kuban"; E-mail: zai_ein@mail.ru

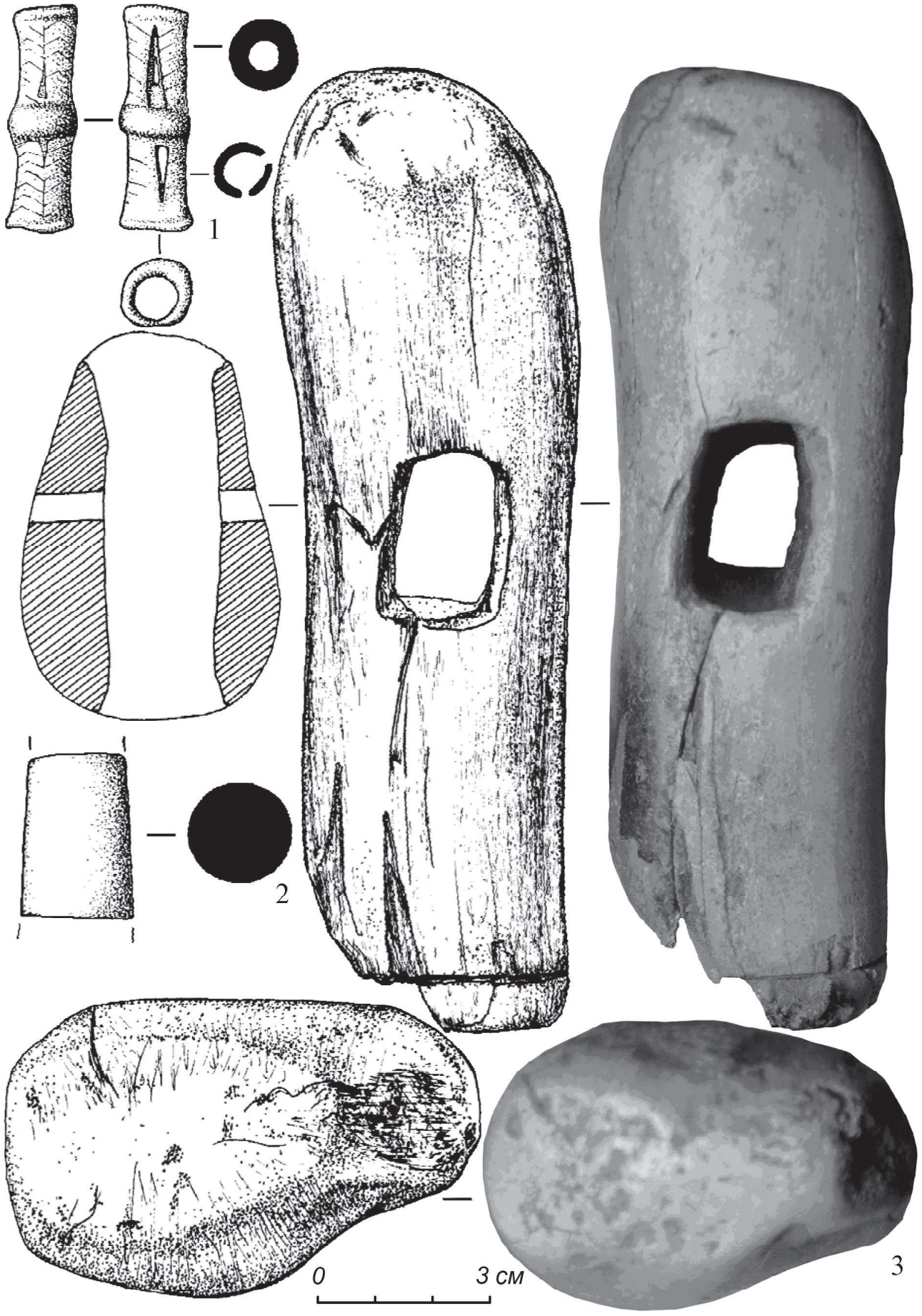

Рис. 1. Поселение «Кишпек-2»: 1 – пронизка (бронза); 2 – 3 – цилиндрические молотки (камень, рог).

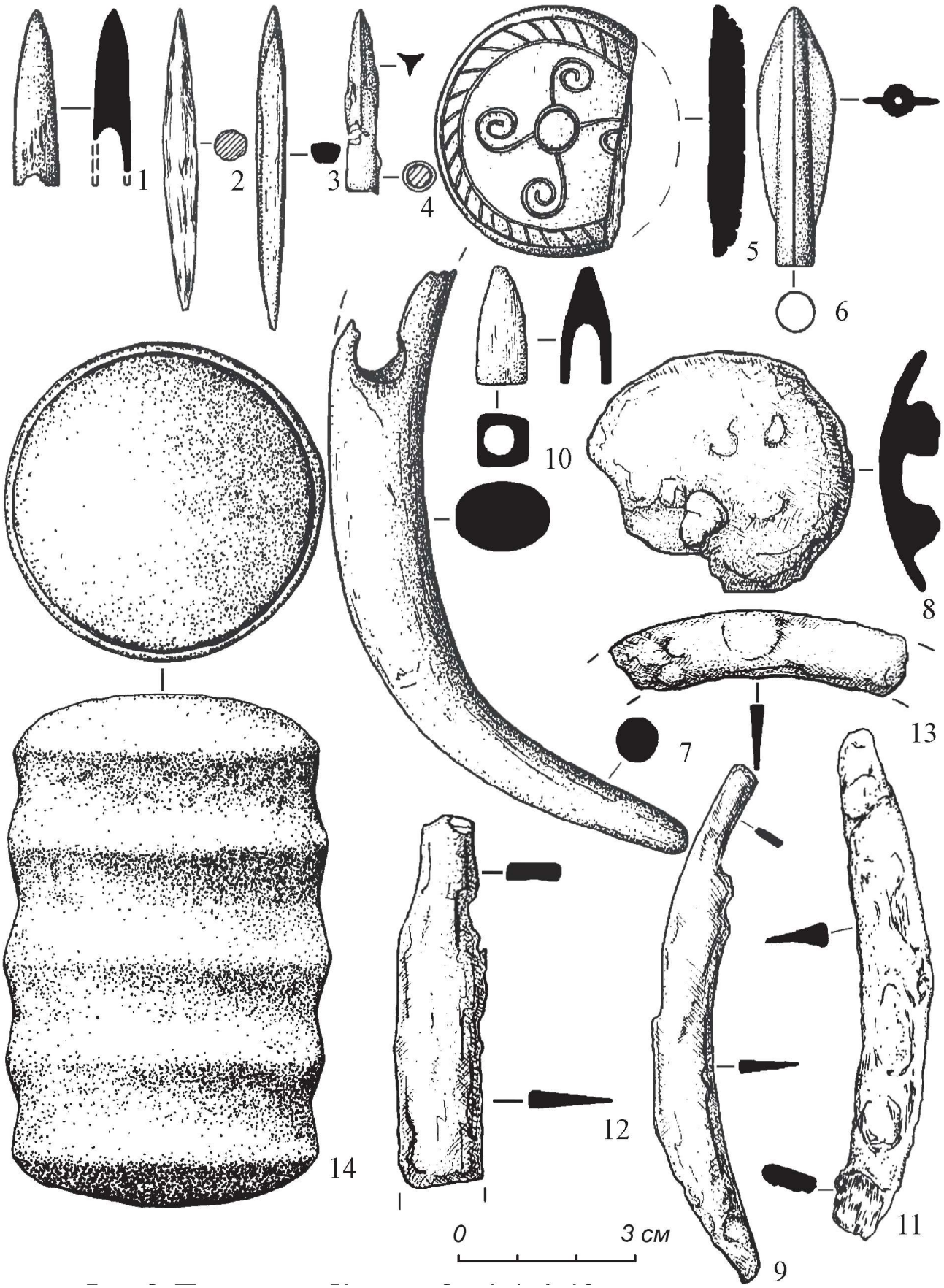

Рис. 2. Поселение «Кишпек-2»: 1-4, 6, 10 – наконечники стрел; 5 – накладки; 7 – псалий; 8 – бляха; 9, 11-13 – ножи; 14 – предмет бочковидной формы; 1-3,5, 10 – кость; 4, 6, 8 – бронза; 7 – рог; 9,11-13 – железо; 14 – камень.

УДК 902+903+908+947+7.03(470.6)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЮЖЕТА НА СЕРЕБРЯНОЙ ПИКСИДЕ ИЗ КОСИКСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ

© 2017 г. А.А Туаллагов

Статья посвящена анализу сюжета на серебряной пиксиде из погребения у с. Косика. Погребение может быть связано с волной азиатских мигрантов аланского круга, который формировался на востоке в тесных контактах с хуннским миром. О таком положении свидетельствуют как материалы погребения, так и изображения на предметах торевтики. Автор интерпретирует изображение на пиксиде на основе данных индоиранской мифологии и осетинского Нартовского эпоса.

Ключевые слова: археологические данные, аланы, индоиранская мифология, осетинский нартовский эпос.

Известное специалистам погребение № 1 «скептуха» у с. Косика, вполне вероятно, принадлежала представителю азиатских мигрантов, которых следует отождествлять с аланами (Туаллагов, 2012.). В данной связи обращает на себя внимание изображение наконечников стрел на серебряных пиксиде и сосуде. Исследователи полагали, что здесь изображены вильчатые наконечники стрел, применявшиеся для охоты на мелкую дичь и птицу. Но справедливо отмечалось, что такое отождествление соответствует сюжету охоты на птиц на пиксиде, однако на сосуде изображено сражение. Поэтому, хоть и менее вероятным, полагалась возможность отождествления со ступенчатыми наконечниками хуннов I в. до н. э.-I в. н. э., которые появятся в Европе в конце IV-V вв. н. э. Но заслуживающим внимание признавалась ранняя находка такого наконечника в погребении из Порогов (Трейстер, 1994.).

Если одни исследователи отмечают, что подобные наконечники могли применяться не только на охоте, но и в боевых действиях, то другие полагают, что находки трехжальных наконечников в наборах стрел в единичных экземплярах может быть обусловлено их не боевым, а ритуальным применением, по типу находок редких наконечников стрел в погребении № 26 грунтового могильника Новолабинского городища. В пользу последнего решение свидетельствует не только наблюдения об их непрактичности, но и сочетание с ритуальным жезлом (Подушкин, 2012; Раев, 2012,; 2012а). Но такое сочетание обкладки жезла из золотой фольги и железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, т. е. типично боевых, что подтверждается отдельным набором стрел возле колчана из того же погребения, обнаружено в сарматском погребении № 2 I в. н. э. кургана № 1 могильника Октябрьский-V, что также трактуется как проявление определенных идеологических воззрений и ритуалов (Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999. с. 157, 161, рис. 1; Кияшко, Мыськов. 2000. с. 49, 52, рис. 2, 60, рис. 11).

Масштабы и определенная условность изображений на пиксиде и сосуде из Косики осложняют возможность идентификации наконечников. Вместе с тем, более четкое одно из двух изображений на пиксиде и изображение на сосуде позволяют воздержаться от идентификации с вильчатыми наконечниками, применявшимися для охоты на мелкую дичь и птиц (Литвинский. 1965, с. 83, рис. 7, 47, 48, 87, рис. 9, 33, 90-91). Речь, скорее, должна идти о хуннских ярусных (двухъярусные, ступенчатые) наконечниках стрел, первоначально распространившихся в азиатском регионе, а позднее появившихся и в европейском (Засецкая.1983, с. 71, 72, рис. 1, 14-16, 76, рис. 3, 10-20, 77-78; 1994, с. 37, рис. 4, 14-17, 6, 10-20; Худяков,1986,с. 165, рис. 2, 1-2, 166; 1978, с. 31, 32, рис. 5, 14-20, 22-24, 26, 34, 40, рис. 8, I, 3, 47, рис. 14, 70, рис. 26, 70-71, 74, 85, рис. 34, 92, 93, рис. 36, 7-21, 96, 97, рис. 38, I, 3, 105, рис. 42, 11-112, 111, рис. 49, 6-10, 113, 114, рис. 50, 1, 116, рис. 51, I, 5, 124, рис. 56, 128, рис. 58, 8-12, 129-130, 133, рис. 61; Эбель. 1998. с. 13, 20; Никоноров, Худяков. 2004, с. 55-56, 57, рис. 9, 14-20, 22-24, 29, 94, рис. 17, 11, 95, рис. 18, 12, 139, рис. 26, 6, 15, 140). Что касается определения типа наконечника (Николаев, 1989, с. 89-91; Неверов, Мамадаков.1991, с. 121-135; Горбунов, 2006. с. 28-32; Матренин, Тишкин, Плетнева. 2014, с. 159, 160, рис. 4, 161, рис. 5, 1-12), то здесь, пожалуй, также следует воздержаться даже в попытке общей иденти-

фикации с широкими хуннскими или узкими южносибирскими наконечниками.

Что касается утверждения о том, что ярусные наконечники стрел являются этнографической чертой вооружения хунну, исключающей их применение в инокультурной среде в период могущества их державы (Матренин, Тишкин. Плетнева. 2014), то оно не может распространяться на все известные случаи. Подобные наконечники в хуннских памятниках Забайкалья (Ильмовая Падь и др.) и Монголии (Ноин-Ула) датируются I в. до н. э.-I в. н. э., в Туве (Кокэльский могильник) относятся к I-II вв. н. э. Впоследствии они появляются в Средней Азии. Но отдельные экземпляры таких наконечников достаточно рано попадают и в Северное Причерноморье – погребение у с. Пороги второй половины I в. н. э. и погребение 120 Битакского могильника конца I-начала II вв. н. э. или первой половины II вв. н. э. (Трейстер.1994, с. 185; Пуздровский. 2007, с. 138, 366, рис. 92, 14; Симоненко. 2008, с. 251; 2010, с. 99-100, 242, 97, рис. 68, 4; Раев. 2012, с. 189-190; Подушкин. 2012, с. 33, рис. 1, 14, 34, рис. 2, 22, 35-36, 43).

Данные примеры могут быть обусловлены не столько непосредственным ранним проникновением в Европу отдельных групп хуннского населения, сколько появлением ираноязычных групп, с которыми были связаны аланы, и которые находились в тесных контактах с хуннским миром еще в Азии (Симоненко. 2010а). Сами материалы косикского погребения несут на себе черты явной связи с южносибирским и среднеазиатским регионами, и далее вплоть до хуннских древностей (Дворниченко, Федоров-Давыдов. 1993.; Скрипкин. 2010), а серебряные предметы из погребения, как и сосуды из кургана 28 могильника Высочино и кургана № 4 могильника Вербовский-II, являются образцами производства парфянских мастеров (Сергацков. 1994; Скрипкин. 1999,; Яценко. 2000; Раев. 2009; Симоненко. 2010.).

Исследователи отмечали, что трактовка рыб на пиксиде, типично греческой формы, имеющей серебряные прототипы с гравировкой, чеканкой и позолотой III-I вв. до н. э. (Трейстер.1994, с. 179), и на серебряной чаше из Косики близка манере мастера, изготовившего железную пластину (одновременно матрица), плакированную золотой фольгой, которая служила украшением центральной части нагрудника, из комплекса вещей конца II-I вв. до н. э., найденного в поле кургана у с. Веселая Долина Тарутинского района Одесской области. Данная пластина свидетельствует о времени сложения этого стиля (Редина, Симоненко.2002, с. 79, 84, 89, рис. 1, 3; Симоненко. 2010, с. 213-214). Если мы сопоставим эти данные с появлением ярусных наконечников стрел у самих хуннов в конце I в. до н. э.-I в. н. э. (Матренин, Тишкин, Плетнева. 2014, с. 159) с вероятной синхронизацией погребений №№ 1 и 2 Косики (Туаллагов. 2012, с. 66), то, во-первых, изображения ярусных наконечников стрел будут фиксировать ранний этап их появления вообще, а погребение № 1, как и весь комплекс, будет тяготеть к рубежу н. э.

Гравированные изображения с частичной плакировкой золотом на пиксиде привлекают к себе особое внимание, в целом. Исследователи предположили, что изображения на серебряных предметах из погребения могли воспроизводить мифы или эпические сказания, бытовавшие в сарматской среде (Трейстер. 1994). По поводу сюжета верхнего фриза на пиксиде было отмечено, что оно могло бы найти соответствие в иранской мифологии, как, например, изображение, выполненное в той же технике и покрытое золотом на серебряном кувшине из кургана 28 могильника Высочино VII (Нижний Дон) (Раев .2012, с. 190).

На нижнем фризе пиксиды изображены птицы, на среднем фризе – рыбы, на верхнем – сюжет охоты лучника на птицу. На крышке пиксиды изображена розетка с завязью цветка в центре, что находит себе параллель в изображении свастикообразного меандра на крышке другого сосуда из того же погребения. Подобное изображение отмечается на крышке пиксиды из Артюховского кургана (Трейстер, 1994). Анализ изображений на упомянутом сосуде из кургана 28 могильника Высочино VII показывает, что изображения растений могут быть связаны с образом Мирового Древа, которое, в свою очередь, связано с образом солнца, воплощенного в виде изображения розетки на крышке самого сосуда (Лукьяшко. 2000, с. 163-171; 2008, с. 58-61).

Таким образом, на фризах пиксиды представлены образы нижнего (подводного) мира – рыбы, среднего мира – сцены охоты, верхнего мира – древо-солнце. Вместе с тем, образ птиц на нижнем и верхнем фризах объединяет их как с нижним, так и со средним мирами. Единственной параллелью из Нартовского эпоса осетин для всего сюжета может служить сказание о том, как братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг, охраняя плоды волшебного дерева, ранили в крыло или печень Дзерассу, дочь подводного правителя

Донбеттыра, прилетавшую обычно в образе домашнего или дикого голубя, или некой птицы с «железным клювом». Таким образом, первая встреча Ахсара (Ахсартага) с Дзерассой произошла у волшебного дерева нартов, от которого зависела их судьба. На нем росло золотое яблоко, исцелявшее от смерти. Дерево до полуночи цвело, а после полуночи приносило плоды. Несомненно, мы имеем дело с образом Мирового Древа (сравни косикское изображение розетки с цветочной завязью). В таком качестве образ яблони фигурирует и в осетинской волшебной сказке. В одном из вариантов нартовского сказания похитительницы прилетали с острова, расположенного посреди моря, что может служить отголоском представлений о первоначальном расположении волшебного дерева.

Следует отметить, исследователи уже предполагали, что изображения на другом косикском серебряном сосуде могли быть связаны с образами братьев осетинского эпоса (Урызмаг и Хамыц, Ахсар и Ахсартаг). Непосредственно с сюжетом о нартовском дереве сопоставлялись изображения на серебряном бокале из погребения рубежа н. э. из Кривой Луки, на пряжке из погребения IX в. могильника Казазово II, на бронзовой золоченой пластине Змейского могильника. Было также отмечено, что косикский сюжет на пиксиде типологически близок сюжету фрески из погребения знатного алана, видимо, тесно связанного с боспорскими династами, в Горгиппии («склеп Геракла» II-III вв. н. э.) с изображением Геракла, стреляющего в стимфалийских птиц и ранящего одну из них (Кузнецов.980, с. 121-123; Яценко. 1992, с. 196; 1992а, с. 74; Трейстер. 1994, с. 185). Сюжет фрески связан с космогоническим мифом о борьбе пигмеев с журавлями. Возможно, отголосок последнего просматривается в изображениях царской аланской гробницы XI в. Кяфарского городища (Охонько. 1994).

Было предложено рассматривать общий сюжет на верхнем и нижнем фризах косикской пиксиды, как разворачивающийся снизу вверх, но в нижнем фризе, начиная с фигуры спокойно стоящей птицы, – слева направо, а в верхнем – справа налево (Раев. 2012, с. 189). В свете нартовского сказания данный подход представляется также вполне оправданным. Но следует полагать, что рассмотрение обоих фризов происходило за счет постоянного поворота пиксиды в одну и туже стороны – слева направо, по часовой стрелке. В пользу данного направления может указывать отмеченное сопоставление изображения розетки на крышке пиксиды с изображением свастикообразного меандра на крышке другого серебряного сосуда из погребения и на крышке пиксиды из Артюховского кургана. Они указывают на движение слева направо, т. е. по солнцу, подобно вихревой розетке из голов грифонов на фаларах и свастикам на фрагменте прорезной железной накладки из самого косикского погребения. При таком направлении движения, учитывая размеры пиксиды и изображений, перед глазами рассматривающего представало отдельное изображение, а каждое последующее естественным образом выходило на рассмотрение корпусом вперед.

В результате достигалась своеобразная «раскадровка» сюжета, который приобретал во время просмотра динамичное развитие. На нижнем фризе мы видим вначале спокойно стоящую птицу, потом птицу, приходящую в движение, – несколько поднимается шея, птицу, начинающую приподнимать крылья, птицу на начальной стадии полета, развернувшую крылья и поджавшую лапы. На этом завершается мультипликация (Раев Б. А., 2012.) процесса взлета птицы (вылет Дзерассы из подводного мира), и происходит переход к рассмотрению верхнего фриза, что облегчается появлением к тому моменту изображения летящей птицы с полностью расправленными крыльями и поджатыми лапами.

При последующем повороте мы видим целящегося в нее коленопреклоненного лучника (поза сидевшего в засаде Ахсартага, которому пришлось и подползать к дереву), затем птицу в самый момент ее ранения стрелой, затем вновь изображение лучника, подтверждающее «авторство» удачного выстрела. Следом идет изображение еще одной летящей птицы, завершающее просмотр всей истории.

Главная героиня сюжета становится жертвой, а затем, как свидетельствуют материалы Нартовского эпоса, супругой ранившего ее героя. Ее изначальный зооморфный образ может вновь проявляться в образе птицы, располагающейся за спиной ранившего ее лучника и завершающей весь сюжет. Тогда он не только возвращает нас к восприятию исходного образа, но и указывает на продолжение сюжета. Но образ последней птицы может указывать на него и в другом направлении.

По одному из вариантов сказания ищущий раненную героиню юноша доставляется на ее остров, на вершину горы, орлом. Потом орел

возвращает уже их двоих обратно, к подножию гор. По другому варианту, его приносит на огромный камень посреди моря, под которым находится вход в подводное царство, сокол, слетающий с вершин нартовских гор, а затем возвращающийся обратно. Возможно, именно такая птица и оказывается за спиной лучника на косикской пиксиде. Исследователи уже сравнивали гигантского орла, принесшего другого нарта Урызмага на морской остров, под которым находился вход в подводное царство, с грифоном (Абаева, 1985).

Нетрудно заметить, что в нартовском сказании представлены образы, восходящие к мифологическим образам Мирового Древа и Мировой Горы, с которыми тесно связан образ солнца, с образом мифологической горы ариев, воплощенной в образах Рип и Хара Березайти, с образами легендарных грифонов, стерегущих в горах золото, с образом священного острова посреди озера-океана Ворукаша, который охраняется рыбами и на котором произрастают древо Хаома Гард и древо Виспобиш. Все они неоднократно отмечались исследователями в отношении осетинского эпоса. В некоторых вариантах осетинского сказания над могилой братьев насыпается курган, а у их изголовья высаживается золотая яблоня. Таким образом, священное нартовское дерево вновь появляется уже в конце сказания, а его значимость подчеркивается образом кургана, напоминая об образах Мирового Древа и Мировой Горы.

Находка в мужском погребении такой «немужской вещи», как пиксида, сопоставимо с находкой корзины, в которой лежали зеркало, бальзамарий, шило и серебряная пиксида, в погребении 2-й пол. I в. н. э. знатного воина-сармата у с. Весняное. Причина появления такого «женского набора», по мнению исследователей, может быть двоякой: он символизировал «сопровождающую» покойника женщину, либо мы имеем дело с обрядом «передачи» на тот свет вещей, что прослежено этнографически (Симоненко А. В., 2012). В данной связи следует отметить, что недалеко от косикского мужского погребения располагалось и женское погребение. Исследователи полагают, что оба погребения могли составлять единый комплекс (Трейстер, 2005.; Зайцев, Мордвинцева, 2007.). Если это так, то серебряная пиксида, найденная in situ специально выставленной на кожаном предмете в мужском погребении, могла предназначаться для «передачи» ее женщине для «опознавания» друг друга в «ином мире». Тогда семантика изображений на пиксиде могла бы экстраполироваться на образы самой погребенной пары как представителей социальных верхов общества, статус и союз которых мог восприниматься через соответствующие религиозно-мифологические представления.

Видимо, следует вспомнить, что в упоминавшемся космогоническом мифе о борьбе пигмеев с журавлями последние предстают именно в образе хищной птицей. Имя прародительницы пигмеев Герании восходит к индоевр. корню -ger. В данной связи рассматривается и название знаменитого скифского Герроса (Трубачев О. Н., 1987). Аналогичное происхождение имеет и осетинское название журавля. Собственно, и само имя Дзерассы, возводимое к dzera – «хищная птица» (Bailey H. W., 2003), раскрывает ее первоначальный облик. Таким образом, мы приближаемся к раскрытию образа птицы на косикской пиксиде, которую предположительно считают цаплей, пеликаном или грифоном (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993; Раев Б. А., 2012). Учитывая этот хищный и опасный образ волшебной птицы, можно понять, почему герой использует стрелу с ярусным, боевым наконечником.

Одновременно с изображением хищной птицы на пиксиде изображается и водоплавающая птица. В осетинском фольклоре отмечается и древний космогонический сюжет, сравнимый с хакасским мифом и сюжетом из «Калевалы», в котором главную роль играет утка (Боргояков М. И., 1984). Его истоки ищут в прафинно-угорском мифе (Напольских В. В., 1990.). Вместе с тем, изображения водоплавающих птиц неоднократно встречается в скифском искусстве, что связывают с аналогичным мифом миротворения в индоиранской религиозной традиции, в которой противопоставляются образы хищной птицы, олицетворяющей мир богов, и водоплавающей птицы, олицетворяющей «телесный, смертный мир». В таком качестве водоплавающая птица могла служить символом скифского прародителя Таргитая-Геракла (Раевский Д. С., 1977.). Данное толкование может быть приложимо и к изображениям на косикской пиксиде (Трейстер М. Ю., 1994.).

Изображенные на пиксиде птицы отличаются друг от друга только головами, что может указывать на единый образ персонажа. С учетом известной семантики водоплавающей птицы еще в скифской традиции вполне объяснимым становится тот факт, что именно такая птица изображена в момент вылета

из подводного царства и в «среднем мире» в момент ее ранения. Она становится добычей, а затем, как свидетельствуют материалы Нартовского эпоса осетин, супругой героя того мира. Изображения же двух первых хищных птиц на нижнем фризе могут раскрывать ее изначальный образ. Он может вновь проявляться в образе птицы, располагающейся за спиной ранившего ее лучника, образ которой завершает весь сюжет. Тогда он не только возвращает нас к восприятию исходного образа, но и указывает на продолжение сюжета.

Но он может указывать на него и в другом отмеченном направлении, касающемся отмеченного образа хищной птицы, на которой герой достигает входа подводного царства, а затем возвращается обратно вместе с супругой. «Горное окружение» этой хищной птицы, приносящей героев на морской остров соотносится с взаимосвязанными образами птицы и Мировой Горы, сохранившимися в осетинском эпосе, восходя к образам легендарных скифских грифонов, которые охраняли в горах золото (Дзиццойты Ю. А., 1992; Туаллагов А. А., 2001, 2011). Отметим, что образ грифона неоднократно представлен в материалах косикского погребения (фалары, наконечник парадного пояса, пектораль).

Обращает на себя внимание и манера стрельбы изображенного на пиксиде лучника. Он, развернув фронтально корпус, держит лук «скифского типа» в правой руке, а оттягивает тетиву левой рукой, причем, заведенной за спину. Такая «манера стрельбы» явно противопоставлена естественной манере стрельбы конного лучника на серебряном сосуде, чей корпус уже и не имеет такого фронтального разворота, как на пиксиде. Предполагают, что на пиксиде изображена не сцена рядовой охоты, а какие-то ритуальные действия (Раев Б. А., 2012.). Такие ритуальные действия могли включаться в определенные религиозно-мифологические представления, посвящаться им и воспроизводить их. С учетом материалов осетинского эпоса в сюжете на пиксиде речь может идти о представлениях о священном браке первопредка и женского божества.

Возможно, для понимания семантики изображений на косикской пиксиде следует привлечь и некоторые другие параллели. Неоднократно обращалось внимание на связь определенных осетинских нартовских сюжетов с древним космогоническим мифом, который является наследием первобытной индоиранской религии (Кейпер Ф. Б. Я., 1986.). Отмечалось, что, например, у скифов он, прежде всего, был связан с их генеалогической легендой (Раевский Д. С., 1977; Полiдович Ю., 1995.), яркой параллелью которой является осетинское нартовское сказание о склепе Дзерассы. (Абаев В. И., 1982.). Данное сказание, как и сказание о женитьбе нарта Хамыца, является, в свою очередь, своеобразным «дубликатом» сказания о Дзерассе и Ахсартаге.

Различные варианты космогонического мифа многократно повторяются в «Ригведе» Согласно первому, демоны Пани спрятали в скале Вала коров. Индра с Ангирасами или Марутами нашел тайник, пробив ваджрой скалу, и освободил коров (вместе с ними свет, богатство и т. д.). В некоторых вариантах героями событий становятся один Индра, Ангирас или Брихаспати с Ангирасами. Согласно второму, Индра убил змея Вритру, развалившегося на горе и запрудившего своим телом все реки. После убийства чудовища реки свободно потекли по земле. В Индии тема противоборства Индры и Вритры продублирована сказаниями о битвах Рамы с Раваной и Арджуны с демонами.

Возможно, оба ригведовских варианта восходят к единому, еще более древнему мифу. В «Ригведе» коротко говорится о том, что Вритру убил некий Трита. Индийский Трита функционально связан, как с огнем, так и с водой. В «Махабхарате» он один из трех братьев, а его имя отражает сакральный характер числа «три». Ближайшим аналогом ведийского Триты является иранский Трита. Хаома даровала Трите сыновей Урвахшаю и Керсаспа, последний из которых убил водного демона Гандарва. Другим аналогом Триты представляется Траэтаона. Его главной заслугой, по «Авесте», стало убийство Ажи-Даххака и освобождение жен, семантически тождественных мифическим коровам. В «Шахнаме» в роли Траэтаона выступает Феридун, уничтоживший змееголового Заххака. С образом Триты связывают образ богатыря Исрита, предка Рустама.

Недавно была предпринята интересная попытка сопоставления (Дарчиев А. В. 2008.) осетинского нартовского сказания об охоте Батраза на кабана с сюжетом «Ригведы» о схватке Индры с кабаном Эмуши, являющимся еще одним вариантом космогонического мифа. Для нас важно обратить внимание на отмеченное сопоставление эпизода броска Батразом при состязании лучников связки хвороста с выстрелом Индрой травой драбха, ассоциирующейся со стрелой с сотней наконечников и с тысячью перьев. Данное сопоставление, на наш взгляд,

подтверждается тем, что в подобном сюжете, замещающий Батраза Сауай, сын Кандза, бросает рукой непосредственно стрелы. В абхазском эпосе близкий мотив относится к Сасрыкуа, который затем спасает съеденных старухой братьев, которая сидит возле яблони. Другой параллелью стало сопоставление «неустойчивого положения Индры в момент стрельбы в кабана» с одним из положений Батраза.

Образ травы драбха неоднократно сопоставлялся с брасманами, воплощавшими собой сакральную огненную стихию, для которых, в свою очередь, отмечали параллели в скифской традиции, а также в традициях осетин. Брасманы усматривают в прутьях тагарского захоронения Медведка II, «савроматского» погребения на р. Илек, сопоставлявшихся с изображениями прутьев на пластине из Амударьинского клада, с деревом в руках богини на пазырыкском ковре [Смирнов К. Ф., 1964; Дмитриев А. В., 1984.; Кияшко В. Я., 1984; Чернопицкий М. П., 1987.). С брасманами сопоставляют скифские прутья, использовавшиеся при сооружении алтарей Ареса, в культе которого проявляются черты почитания огня, или связок для казни-сожжения прорицателей (Бессонова С. С. 1990.). С пылающим священным огнем и брасманами сопоставляли (Кадырбаев И. К., 1984.), например, мощный слой веток над раннекочевническим погребением кург. № 9 могильника Бесоба в Южном Приуралье (сравни: (Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., 2007.). У древних иранцев вместо брасманов могло использоваться оружие, а в скифском погребальном ритуале роль пучка брасманов мог выполнять пучок стрел (Андреев В. Н., Саенко В. Н., 1992.). Последнее наблюдение сопоставимо с отмечавшимся примером находки в сарматском погребении № 2 кургана № 1 могильника Октябрьский-V вместе с обкладкой жезла целого пучка стрел.

С учетом приведенных материалов можно поставить вопрос о возможной связи мотивов «неустойчивого положения» Индры и Батраза и необычного метания Батразом во время соревнования лучников с неестественной позой и манерой стрельбы лучника на косикской пиксиде. В отдельных вариантах сказания о яблоне нартов братьям-близнецам оказывается трудно разглядеть похитителя из-за внезапных вспышек света или спуска облака, некоего подобия тумана и т. п., что приводит к их дезориентации. Такая обстановка, как и необходимость, например, для Ахсартага подползти к дереву, может служить своеобразным вариантом «неустойчивости положения». Стрельба косикского лучника, такого же юного как Индра и Батраз, стрелой с ярусным наконечником не только напоминает образ стрелы со ста наконечниками Индры, но, учитывая идею воплощения в брасманах сакральной огненной стихии, и образ Агни, брата-близнеца Индры, воплощавшего священный огонь и предстающего в ведической традиции «трехголовым», чем символизировалось его соотнесение с тремя сферами мироздания. С точки зрения известного переноса мифологической структуры мира на социальную, свойственного, например, скифской традиции, интересно отметить, что в «Книге деяний Ардашира сына Папака» предвестниками будущего царствования героя предстают три огня, олицетворяющие фарн и три основных сословия. Интересно, что на золотом браслете-наруче из косикского погребения, который мог быть изображен и на руках всадников на серебряном сосуде, представлены растянутые шкуры с оттиснутыми в их центре тушками баранов. Полагают, что они являлись символами «небесной благодати» (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993.), т. е. фарна.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1982. 106 с.

Абаева З. В. Легенды и сказания о происхождении скифов и нартов (истоки и параллели) // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. XXVII / Отв. ред. Б. В. Техов. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 117–130.

Андреев В. Н., Саенко В. Н. О семантике стрел в скифском погребальном обряде // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Сборник научных трудов. Т. III. Запорожье. 1992. С. 157–162.

Бессонова С. С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины / Отв. ред. В. М. Зубарь. Киев: Наукова думка, 1990. С. 17–40.

Боргояков М. И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири / Отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 1984. С. 172-184.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2006. 232 с.

Дарчиев А. В. Скифский военный культ и его следы в осетинской Нартиаде. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 308 с.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. №3. 141–179.

Дмитриев А. В. Поселение майкопской культуры на Мысхако // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Майкоп, 1984. С.32–33.

Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Владикавказ: Алания, 1992. 279 с.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 319–358.

Засецкая И. П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV-V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Межвузовский научный сборник / Отв. ред. А. С. Скрипкин, Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. С. 70–84.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.: АО «Элипс. ЛТД», 1994. 224 с.

Кадырбаев И. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М: Наука, 1984. С. 84–93.

Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. 196 с..

Кияшко В. Я. Семантика молоточковидных «булавок» // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Майкоп, 1984. С. 33–35.

Кияшко А. В., Мыськов Е. П. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев / МИА Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 46–60.

Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.

Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.

Лукьяшко С. И. О семантике изображений на серебряном кувшине из кургана 28 группы Высочино VII // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 163–172.

Лукьяшко С. И. Древнеиранский космогонический сюжет на серебряном кувшине из сарматского погребения у г. Азова // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб.-Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2008. С. 58–61.

Матренин С. С., Тишкин А. А., Плетнева Л. М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужуанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. Т. 2. № 4 (84) / Отв. ред. И. Н. Липинская. Барнаул, 2014. С. 154–164.

Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. С. 149–167.

Напольских В. В. Миф о возникновении земли в приуральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. № 1. 1990. С. 65–74.

Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, С. В. Цыб. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1991. С. 121–135.

Николаев Н. Н. К методике изучения ярусных наконечников стрел // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Тезисы докладов региональной научной конференции / Отв.ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Тюменский государственный университет, 1989. С. 89-91.

Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Филоматис, 2004. 320 с.

Охонько Н. А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // Аланская гробница XI в. Сборник. Музейные раритеты. Кн. 1. Ставрополь: АРС-дизайн, 1994. С. 3–35.

Подушкин А. Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до-I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // Stratum plus. 2012. № 4.С. 31–53.

Полідович Ю. Б. Образ хтонічної істоти, що живе у печері в Скіфському Логосі Геродота // Наукова конференція: Скелі й печери в історії та культурі стародавнього населення України (Львів, 2-3 лютого 1995 року): Збірник тез повідомлень та доповідей. Львів, 1995. С. 78–80.

Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э.-III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Раев Б. А. «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2009. С. 269–271.

Раев Б. А. Серебряный сосуд из с. Майкор (Пермский край) // Археология Арктики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 188–192.

Раев Б. А. К интерпретации редких типов наконечников стрел из Новолабинского могильника // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. М.: ИИМК РАН; «Периферия», 2012а. С. 384–389.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. 216 с.

Редина Е. Ф., Симоненко А. В. «Клад» конца II-I в. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы по истории и археологии Кубани. Вып. 2. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. С. 78–96.

Сергацков И. В. Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории: Материалы научной конференции. Волгоград, сентябрь 1993 г. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1994. С. 19-30.

Симоненко А. В. Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А. М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2008. С. 238–286.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.:: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.

Симоненко А. В. «Гунно-сарматы» (К постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2010а. С. 392-402.

Симоненко А. В. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. / Отв.ред.? Киев: КНТ, 2012. С. 207–226.

Скрипкин А. С. Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ. 1999. С. 123–136.

Скрипкин А. С. Сарматы и Восток: избранные труды. К 70-летию автора. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2010. 370 с.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 375с.

Трейстер М. Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.

Трейстер М. Ю. Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 322–330.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. *kank-uta- a gruibus fugatos/pulsos` // Античная балканистика / Отв. ред. Л. А. Гиндин. М.: Наука, 1987. С. 119–124.

Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2001. 315 с.

Туаллагов А. А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. 271 с.

Туаллагов А. А. К исторической интерпретации материалов Косикского погребения (некоторые вопросы историографии) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13 / Отв. ред. П. В. Соков. Армавир-Краснодар, 2012. С. 60–72.

Худяков Ю. С. О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. С. 164-169.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. 268 с.

Чернопицкий М. П. Майкопский «балдахин» // КСИА. № 192. М.: Наука. 1987. С. 33–40.

Эбель А. В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дис… канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. 2007. № 2. С. 55–62.

Яценко С. А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С. 189–214.

Яценко С. А. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых алан // Проблемы этнографии осетин Вып. 2. / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: Издательство «ОС», 1992а. С. 64–81.

Яценко С. А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4. С. 186–204.

Bailey H. W. Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских исследований: Эпос, Мифология и Язык. Vol. II. № 1-2 / Отв. ред. Ф. Корнийо, В. Гусалов. Владикавказ-Париж: Проект-Пресс, 2003. P. 7–40.

Информация об авторе:

Туаллагов Алан Ахсарович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания. E-mail: alan167@mail.ru

THE INTERPRETATION OF A MOTIF ON A SILVER PYXIS FROM A KOSIKA BURIAL

A. A Tuallagov

The article features an analysis of a motif on a silver pyxis discovered in a burial near Kosika village. The burial could be related with the wave of migrants from Asia of the Alan circle which was established in the east in close contact with the Hun world. This situation is indicated by burial materials as well as images on toreutic items. The author interprets the image on a pyxis on the basis of Indo-Iranian mythology and the Ossetian Nart sagas.

Keywords: archaeological data, Alans, Indo-Iranian mythology, Ossetian Nartian sagas.

About the author:

Tuallagov Alan A. – Dr. Habil, Leading Research Scientist of V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre if the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania. E-mail: alan167@mail.ru

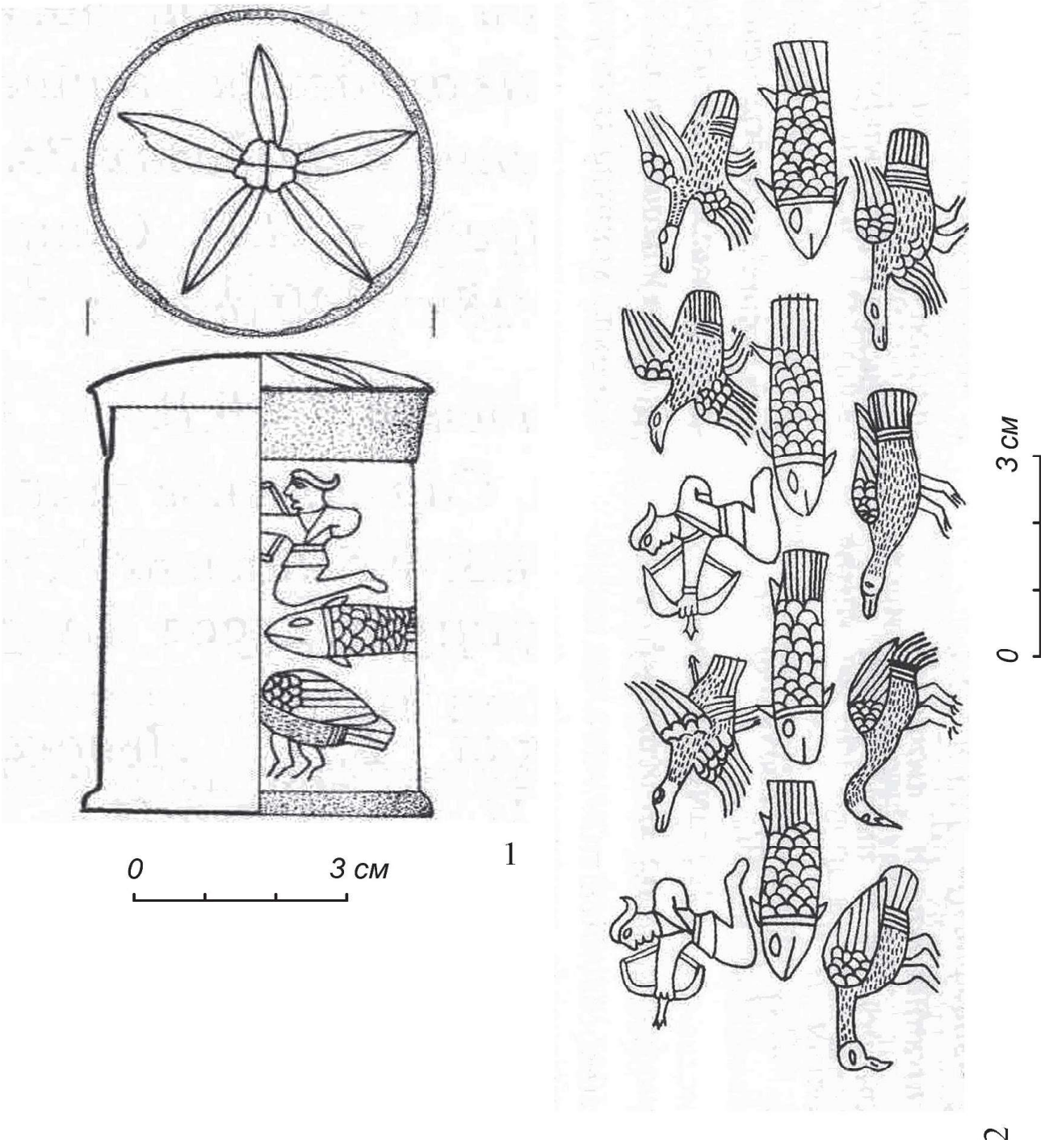

Рис. 1. Серебряная пиксида из Косикского погребения.
1 – рисунок Н.Е, Беспаловой; 2 – развертка изображения по Раеву Б.А. 2012.

УДК 94.37

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ ШЛЕМЫ В РИМСКОЙ АРМИИ II-III ВЕКОВ Н.Э.

© 2017 г. А.Е. Негин

В работе рассмотрены шлемы сфероконической формы. Прослежена их эволюция, начиная с Железного века и заканчивая эпохой Римской империи. Экземпляры, применявшиеся в римской армии II–III вв., демонстрируют преемственность традиции использования в Средиземноморье сфероконических шлемов, ранние образцы которых относятся к середине II тысячелетия до н.э.

Ключевые слова: шлемы, Римская империя.

Для рассмотрения этнокультурной преемственности в области оружейных традиций древнего населения Средиземноморского региона довольно интересны нетипичные для римской военной моды первых веков н.э. образцы боевых наголовий. Существует несколько редких цельнокованых шлемов сфероконической формы, найденных в Подунавье, которые ассоциируются или с сарматскими воинами вспомогательных подразделений, или с левантийскими лучниками (Robinson, 1975. «Auxiliary Infantry D»).

Речь идет о шлемах из Брястовеца (Болгария), Джаково (Босния), Бумбешти (Румыния), Интерцизы (Венгрия), а также нащечнике из Миции (совр. Минтия, Румыния), который приписывается его публикатором к шлемам рассматриваемого типа (Petculescu, 1982. no. 2, fig. 3/1; Petculescu, 2002. P. 129). Кроме того, имеется находка сегментного, сфероконического шлема, найденного в Бреде (Голландия)(Koot & Berkvens, 2004. Fig. 14, *10*).

Бронзовый шлем из захоронения у Брястовеца (Караагач) (Рис. 1–2), обнаружен в могильном кургане в погребении с ориентировкой восток-запад. По обряду погребение – трупосожжение. Высота тульи – 19,7 см. Шлем богато украшен чеканным рельефом. Тулья разделена рельефными колоннами на пять частей. Колонны имеют базу и капитель. Ствол колонн украшен спиралевидными и вертикальными каннелюрами. Над колоннами виднеется часть сомкнутого свода. Над ним, обрамляя навершие шлема, изображены две параллельные полосы, отделенные друг от друга различными орнаментальными мотивами. Вдоль нижней кромки шлема пущена орнаментальная полоса, в лобной части состоящая из гирлянды лавровых листьев, а в затылочной части – переплетенными между собой зигзагообразными линиями. В нишах между колоннами, под каждой из арок, помещены статуи богов: Меркурия, Аполлона, Минервы, Виктории, Марса, а на нащечнике изображен Нептун.

На умбоне щита, находившемся в захоронении, имеются две чеканных пунктирных надписи (AE 2002.1257a–b = HD043982). Первая датируется первой половиной I в. н.э. и читается как (Centuria) Macrini / Q. Capiton(is), что свидетельствует о принадлежности данного предмета Квинту Капитону из центурии Макрина. Вторая надпись по своим палеографическим особенностям относится ко второй половине I в. н.э. и читается как (Centuria) Prude(ntis) / Eftatr(alis), то есть «принадлежит Ефтатралису из центурии Пруденса». Таким образом, датировать данную находку можно не ранее конца I – начала II в. н.э.

Сходный по геометрии купола шлем был случайно найден в XIX веке на территории Боснии и поступил в Хорватский национальный музей в Загребе из с. Джаково (Hoffiller, 1910–1911. S. 191) (Рис. 3). Высота бронзового шлема составляет 20,5 см. Полое коническое навершие завершается конической кнопкой, помещенной на двухуровневой базе. В затылочной части нижний обод выступает вниз на 2 см, и к этой выступающей части нижней кромки некогда крепилась защита шеи. В налобной части шлема, по его нижнему краю, проходит декоративная полоса высотой в 4 см с фигурками Виктории, Юпитера и Марса. Высота фигур составляет приблизительно 2,8 см. С внутренней стороны шлема сохранились приклепанные шарниры для крепления нащечников.

Бронзовый шлем, найденный в 1937 году при раскопках римского лагеря в Бумбешти, имеет высоту сохранившейся части купола – 20,5 см. (Рис. 4) На шлеме прослеживаются следы ударов молотка, что не оставляет сомнения в том, что данный экземпляр был изготовлен формирующей ковкой. Нижний

край шлема загнут и скручен трубочкой, видимо, для того чтобы избежать случайного травмирования острым краем во время ношения шлема. Шлем имеет целую серию особенностей: следы примитивной починки; отсутствие с древности нащечников, назатыльника, навершия. Исходя из этих наблюдений, авторы публикации шлема предполагают, что боевое наголовье было оставлено римскими военными как непригодное, и что оно было приготовлено для утилизации в fabrica лагеря (Petculescu, Gheorghe, 1979. P. 603). По предположению публикаторов находки, поддержавших предположение Г.Р. Робинсона о связи данного типа шлемов с контингентами восточных лучников в римской армии (Robinson, 1975. P. 83, 85), данный экземпляр принадлежал солдату cohors IV Cypria civium Romanorum, чье присутствие в военном лагере в Бумбешти отмечено в третьей четверти II в. н.э. (Petculescu, Gheorghe, 1979. P. 605) Хотя, в итоге Л. Петкулеску и П. Георге, все же, выдвигают более осторожную датировку: 106–180 гг.

Шлем хранящийся в музее Дунавароша, был извлечен из Дуная, во время дноуглубительных работ на территории Дунауйвароша, в непосредственной близости от территории военного лагеря римских вспомогательных войск Интерциза (Рис. 5). Бронзовый лист из которого был изготовлен шлем был разорван в нескольких местах, нижняя часть затылочной области тульи не сохранилась. Размеры шлема: высота 23 см; диаметр 24 см; толщина стенки 1–2 мм. Внутри шлема видны следы выколотки. Внешняя поверхность по окончании работы была отполирована, чтобы удалить следы инструмента. В отверстии на нижней кромке купола шлема сохранился фрагмент небольшого колечка, которое могло быть частью кольчужной бармицы.

На шлеме сохранилась надпись: T MAXI MACEDO и CONSTANTI[S]. При этом второе имя написано в другой манере письма, что позволяет интерпретировать надпись как две разновременные надписи: t(urma) Maxi(mi) Macedo(nis) и t(urma) Maxi(mi) Constanti(s) (Szabó, 1986. S. 423–424). Исходя из анализа имен, первый владелец шлема был, вероятно, уроженцем кельтских территорий в области Дуная, а второй был родом из восточной Паннонии. В пользу такого предположения может свидетельствовать тот факт, что I cohors milliaria Hemesenorum Sagittaria equitata, стоявшая гарнизоном в Интерцизе с 175 по 260 гг., состояла из местных рекрутов (Mócsy, 1973. P. 234).

Бронзовый правый нащечник от шлема был найден в 1929 году при раскопках римского форта Мициа в окрестностях современного Вецеля в Румынии (Рис. 6). По своей форме этот экземпляр является очень похожим на нащечник шлема из Брястовеца, что позволило Л. Петкулеску признать его деталью аналогичного сфероконического шлема (Petculescu, 1982. No. 2. Fig. 3/1; Petculescu, 2002. P. 129).

Особняком в данной группе шлемов стоит шлем, найденный в Бреде (Рис. 7). Он находился в колодце, содержавшем материалы III в. н.э. Купол шлема в данном случае состоял из восьми удлиненных треугольных пластин 22 см в длину и толщиной в 1 мм, склепанных между собой медными заклепками. По нижнему краю размещался перекрывающий пластины широкий обод. Нижний край обода был снабжен рядом маленьких отверстий, предназначавшихся или для крепления подкладки, или для крепления бармицы. Шлем такой конструкции был нетипичен для западных областей Римской империи, и был, видимо, привезен вернувшимся из восточных провинций ветераном. Судя по найденным материалам, этот воин был рядовым ауксилариям, так как на поселении полностью отсутствуют какие-либо статусные вещи (Roymans N., Derks T., 2011. P. 153). В данном случае перед нами образец тех составных шлемов, которые показаны на колонне Траяна, и которые, несомненно, были хорошо известны и сарматам Северного Причерноморья и непосредственно на Боспоре.

Интерпретация же цельнокованных сфероконических шлемов в римской армии – проблема гораздо более сложная. Интересно, что в трех местах находок описываемых шлемов размещались подразделения лучников из восточных провинций – в Интерцизе, Бумбешти и Мициа (Ţentea, 2012. P. 92-93). Эти шлемы в археологической литературе принято ассоциировать или с сарматскими воинами вспомогательных подразделений, или с левантийскими лучниками (в подобном шлеме на надгробии изображен сириец из состава Cohors I Hamiorum Sagittaria (Рис. 8), чье присутствие отмечено в римском форте Хаустедс (Housesteads) на Валу Адриана, похожие же шлемы, хотя и, по всей видимости, сегментной конструкции, можно видеть на лучниках с рельефов колонны Траяна).

Своей формой эти образцы напоминают одновременно и древние «колоколо-

видные» шлемы с территории Подунавья (Hencken, 1971.), и сфероконические шлемы восточного Средиземноморья ассирийского времени (Dezsö, 2001), и кельтские шлемы типа Берру (Schaaf, 1988. S. 293), и даже шлемы типа Монтефортино. При этом половина всех известных шлемов несет на себе богатый декор в стиле «парадного вооружения». Релефный декор шлема из Брястовица изображает храм, где видны статуи Меркурия, Аполлона, Минервы, Виктории, Марса, а на нащечнике изображен Нептун (Velkov, 1928–1929. Табл. III-V). Шлем из Джаково украшен фигурками Виктории, Юпитера и Марса (Popović, Mano-Zisi, Veličkovic, Jeličič, 1969. № 206; Robinson, 1975. P. 85. Pl. 237). Изображения таких богов греко-римского пантеона как Аполлон, Нептун, Венера и Вакх, отсутствуют на римском парадном вооружении. В то же время Марс, Виктория и Минерва встречаются довольно часто (Künzl, 2004. S. 400–401). Несомненно, для обычного пехотинца, служившего во вспомогательных частях, эти шлемы являлись слишком дорогими. Более логично предположить их использование вспомогательной сарматской кавалерией (хотя на иконографических памятниках шлемы сарматов сегментные), тем более что на это имеется косвенное указание. Как уже было указано выше, на шлеме из Интерцизы сохранилась надпись, содержавшая две буквы T, которые истолковывают как сокращение слова turma (Szabó, 1986. S. 421–425). Если это действительно так, то к пехоте данная группа шлемов не имеет никакого отношения. Но не имеют эти шлемы никакого отношения и к римским турнирным шлемам. Можно было бы предположить их сугубо парадное назначение, но у этих образцов хорошие защитные свойства (толщина материала и дополнительные защитные детали в виде нащечников и чешуйчатой бармицы). В то же время на рельефах Трофея Траяна — монумента из Адамклиси изображены римские легионеры в очень похожих, несмотря на большие повреждения и сколы, шлемах (Рис. 9). В данном случае можно предполагать сложение определенной модификации шлемов на определенной территории, под влиянием каких-то сугубо местных традиций, хотя и не исключено влияние со стороны пока неизвестных нам синхронных восточных образцов, привнесенных сирийскими лучниками. В этом случае верна широко распространенная на сегодняшний день гипотеза о принадлежности всех этих образцов воинам вспомогательных войск римской армии. В данном контексте определенно подтверждается влияние на описываемые шлемы со стороны уже вышедших из употребления шлемов типов Монтефортино и Кулус. Схожа не только форма тульи, но в некоторых случаях и форма и детали наверший. Так, по форме схожи навершия монтефортинского шлема из Веселой Долины (где кнопка навершия крепилась к шишаку системой пазов и шипов) (Симоненко, 2010. С. 141-142. Рис. 115) и шлема из Джаково. Поскольку, самый ранний экземпляр рассматриваемых шлемов датируется концом I –началом II в. н.э., мы имеем лакуну между временем бытования монтефортинского шлема и сфероконическими шлемами восточного типа с нащечниками и бармицей. Однако, это не исключает реминисценции некогда очень популярных, но вышедших из употребления к этому времени пехотных шлемов. С другой стороны, детали дополнительной защиты, определенно заимствованы с восточных образцов, которые были привычны воинам вспомогательных войск восточного происхождения.

Если на рельефе из Адамклиси действительно первоначально был изображен подобный шлем, то можно говорить о его спорадическом использовании римскими легионерами. Хотя говорить об этом на основании одного единственного изображения было бы некорректно, так как объяснений появлению сфероконического шлема на данном изображении может быть много. Можно предположить, что воин показан в трофейном сарматском шлеме или здесь имеет место ошибка скульптора.

Сарматские шлемы, богато украшенные растительным орнаментом, изображены на базе колонны Траяна (Рис. 10). Формой своей эти сфероконические шлемы напоминают уже вышедшие из употребления шлемы типа Монтефортино, хотя полосы с заклепками, показанные на шлемах позволяют интерпретировать большинство из них как клепанные с составной тульей. Вместе с тем, на памятнике имеется и изображение шлема не клепаной конструкции, а цельнокованого, очень сильно похожего на экземпляр из Брястовеца (Рис. 10, *1*). В силу этого, совершенно логично предполагать, что образцом для шлема из Брястовеца послужил как раз сарматский шлем. Но каковы же прототипы самого сарматского шлема? Также как и образец показанный на основании колонны Траяна, шлем из Брястовеца своей формой очень похож на шлемы Монтефортино, с которыми сарматы были довольно хорошо знакомы.

В Северном Причерноморье, Северо-Западном Предкавказье, в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону была найдена целая серия этрусско-италийских шлемов. Появление их на этой территории объясняется исследователями по-разному. Б. А. Раев считал их изделиями этрусских мастерских IV–III вв. до н. э., однако их появление в Северном Причерноморье исследователь связывал с концом II — первой половиной I в. до н. э., как следствие событий эпохи Митридатовых войн (Раев, 1988. С. 36; и сл.). В вышедшей через год работе А. В. Симоненко, шлемы были определены как этрусско-италийские III в. до н. э. Их проникновение в степи Восточной Европы автор связывает с кельтской экспансией III в. до н. э., которая привела к непосредственному столкновению кельтов с сарматами (Симоненко., 1987. С. 104 сл.). М. Ю. Трейстер, рассматривая проблемы кельтского и этрусского импорта в Северном Причерноморье, определял шлемы как этрусско-италийские IV–III вв. до н. э. и связывал большинство находок с военной добычей скифов и сарматов, захваченной во время сражений с войсками Митридата VI Евпатора, не исключая возможности одновременного проникновения шлемов из района Балкан и Карпат (Трейстер, 1990). В своей совместной работе эти же авторы несколько иначе объясняют пути проникновения ранних этрусско-италийских и кельтских шлемов в степи юга России. Согласно их гипотезе, это могла быть военная добыча сарматов, попавшая к ним во время пребывания в войсках Митридата VI Евпатора (App. Mithr. 19), разграбивших азиатские провинции, включая Галатию (App. Mithr., 18-21, 112), либо военная добыча кочевников, захваченная во время сражений с войсками Митридата VI во время их пребывания в Северном Причерноморье. Аппиан (Mithr. 111) отмечает наличие в войсках Митридата VI на Боспоре в 63 г. до н. э. отряда галлов во главе с Битиотом (Раев, Симоненко, Трейстер, 1990.). Однако был и иной путь попадания на эту территорию шлемов монтефортинского типа, связанный с действиями римской армии. Так, например, проникновение шлема типа Буггенум, найденного в сарматском погребении у станицы Серегинская (Адыгея), можно связывать либо с событиями 45–49 гг. н. э. на Боспоре (Tac. Ann. XII. 15-20), когда здесь находились римские войска под командованием Дидия Галла и Гая Юлия Аквиллы, либо с аланским походом 72 г. в Закавказье (Jos. Ant. Jud. XVIII. 4. 97). В более новых публикациях, посвященных монтефортинскому шлему в Восточной Европе, дебаты относительно датировок и путей появления данного типа шлемов на описываемой территории продолжаются. В данной работе не ставится задача выяснить пути попадания монтефортинского шлема к сарматам. Нам важен сам факт их бытования в сарматской среде. Как показывают археологические находки, на землях сарматов и их соседей, появлялись свои собственные варианты шлемов, подражавших античным образцам. Именно к таким подражаниям монтефортинских шлемов можно отнести богато декорированные шлемы с базы колонны Траяна. Конечно, за исключением похожей формы тульи это были уже совершенно другие боевые наголовья, снабженные по восточной традиции не только нащечниками, но и защитой шеи в виде кольчужной или чешуйчатой бармицы. Причем, на формирование этого типа шлемов, скорее всего, влиял не только этрусско-италийский вариант монтефортинского шлема, но и оружейные традиции соседних народов, в которых могли сохраняться реминисценции на давно существовавшие на территории центральной Европы т.н. «колоколовидные» шлемы (Hencken, 1971.), которые, в свою очередь могли косвенно повлиять на формирование кельтского, а затем и этруско-италийского вариантов монтефортинского шлема.

Если рассматривать историю сфероконических шлемов в Средиземноморье в более широком контексте, то можно утверждать, что традиция их изготовления довольно давняя, и существовала она на обширной территории. Напомним лишь о сфероконических шлемах сиро-палестинского региона, Ассирии и Урарту (Dezsö T., 2001), которые, также были включены в процесс формирования и бытования сфероконического наголовья в Средиземноморье и прилегающих территориях, причем как к востоку, так и к западу. Представляется, что и монтефортинский шлем являлся одним из вариантов боевых наголовий, появившихся в Эгеиде в середине II тысячелетия до н.э. Они произошли от критских и микенских оригиналов (шлемов из кабаньих клыков) и развились в бронзовые цельнокованые сфероконические каски, наиболее ранним образцом которых является шлем, найденный в Кноссе (Hood, de Jong, 1952. P. 243–277; Borchhardt, 1972. Taf. 37, *1*). К концу II тысячелетия до н.э. ареал распространения таких «колоколовидных» шлемов охватывал уже огромные территории

Центральной Европы, и, по-видимому, оттуда они проникают на Апеннинский полуостров, где был выработан их италийский вариант. Датировка италийских образцов совпадает с хронологическими рамками периода Виллановы (Hencken H. 1971.). В дальнейшем, в ходе видоизменения колоколовидных шлемов, распространившихся на огромной территории центральной Европы, появился наиболее популярный в республиканскую эпоху шлем монтефортинского типа. Распространился этот новый тип через сенонов, мигрировавших в Италию около 400 г. до н.э., а сформировался в кельтской среде, где прошел долгий путь развития, в ходе которого сформировалось еще несколько типов кельтских шлемов (типы: Берру, Дюррнберг, Варенна) (Schaaf, 1988. S. 293 ff.).

Шлемы из Брястовеца, Джаково, Бумбешти и Интерцизы изготовлены также как и монтефортинские шлемы (Craddock, 1984. ; Симоненко, 2011.), т.е. они откованы из литой полой заготовки. На это указывают полые кнопки наверший шлемов. Процесс изготовления заключался в следующем: в форму с плоскими краями отливались кнопка и шишак, а уже затем образовавшийся вокруг них слиток расковывался в тулью ударами молотка. Такая технология производства не свойственна сарматским оружейникам, которые предпочитали более простые технологии, и массовым для их продукции был составной шлем. Шлем с бармицей был данью восточной оружейной традиции, так как бармица – явный признак восточного влияния. Именно такие бармицы присутствуют на изображениях трофейных сарматских (или парфянских) сегментных конических боевых наголовий на римских рельефах. Причем, шлем из Брястовица был снабжен бармицей из мелких бронзовых чешуек. Но, поскольку рассматриваемая группа шлемов отличается цельнокованой тульей, то уместно говорить о слиянии в этих образцах двух оружейных традиций – римской и восточной, причем изготовлялись такие шлемы, судя по великолепному высокохудожественному декору с изображением богов греко-римского пантеона на некоторых из них, римскими оружейниками для воинов вспомогательных подразделений (пехотных, и, возможно, кавалерийских).

Следует отметить, что по археологическим находкам не представляется возможным проследить эволюцию сфероконических шлемов Придунавья начиная с Железного века и заканчивая эпохой Римской империи, так как образуется лакуна по меньшей мере в несколько столетий. Тем не менее, экземпляры, применявшиеся в римской армии II–III вв., демонстрируют преемственность традиции использования в Средиземноморье сфероконических шлемов, ранние образцы которых относятся к середине II тысячелетия до н.э. На протяжении этого времени «геометрия» и детали сфероконических шлемов менялись в зависимости от ареалов их распространения – будь то Восточное или Западное Средиземноморье, а также регионы Центральной Европы, – но они продолжали пользоваться популярностью даже в эпоху Римской империи.

ЛИТЕРАТУРА:

Раев Б.А. Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея // КСИА. Вып. 194. М.: Наука, 1988. С. 36–39.

Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани: Материалы семинара / Ред. А. М. Ждановский, И. И. Марченко. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 1990. С. 117–135.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета; Нестор-История, 2010. 328 с.

Симоненко А.В. Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск: Днепропетровский гос. университет, 1987. С. 104–113.

Симоненко А.В. Об изготовлении шлемов типа Монтефортино // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину / Отв. ред. Мачинский Д.А. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 116–124.

Трейстер М.Ю. Кельти в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2. С. 37–50.

Borchhardt J. Homerische Helme. Mainz am Rein: Philipp von Zabern, 1972. 162 s.

Craddock P.T. The Metallurgy and Composition of Etruscan Bronze // Studi etruschi. 1984. № 52. P. 211–271.

Dezsö T. Near Eastern helmets of the Iron Age. British archaeological reports (Том 992). Oxford: British Archaeological Reports, 2001. 296 p.

Hencken H. The Earliest European Helmets. Bronze Age and Early Iron Age. – Cambridge: Harvard University Press, 1971. 200 p.

Hoffiller V. Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva // Vjestnik Hrvatskoga Arheoloskoga Drustva (Zagreb). № 11. 1910–1911. S. 145–240.

Hood M.S.F., de Jong P. Late Minoan Warrior Graves from Ayios Ioannis and the new hospital site at Knossos // Annual of the British School at Athens. № 62. London: British School at Athens, 1952. P. 243–277.

Koot C.W., Berkvens R. Bredase Akkers, 4000 jaar bewoningsgeschiedenis op de rand van zand en klei. Rapportage Archeologische Monumentenzorg 102. Breda, 2004. 512 p.

Künzl E. Sol, Lupa, Zwillingsgottheiten und Hercules: Neue Funde und Bemerkungen zur Ikonographie römischer Paradewaffen // Archäologisches Korrespondenzblatt. Heft 34,3. Mainz: RGZM, 2004. S. 389–406.

Môcsy A. J. Fitz: Les Syriens à Intercisa. Collection Latomus , vol. 122. Bruxelles, 1972. 264 S. mi t zwei Karten beilagen. réc. Fitz 1972 // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. № 25. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1973. P. 233–234.

Petculescu L., Gherghe P. Coiful roman de la Bumbeşti // Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. № 30. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1979. P. 603–606.

Petculescu, L. Obrazare de coifuri Romane din Dacia // Acta Musei Napocensis. № 19. Cluj: Comitetul de Stat pentru Cultură şi Artă, Muzeul de Istorie, 1982. P. 291–300.

Petculescu L. The military equipment of oriental archers in Roman Dacia // Limes 18: Proceedings of the 18th International Congress of Roman Frontier Studies held in Amman, Jordan (September 2000) / Ed. Ph. Freeman. Oxford: Archaeopress, 2002. P. 765–770.

Popović B., Mano-Zisi D., Veličkovic M., Jeličič B. Anticka bronza u Jugoslaviji, 1844–1969. Beograd: Časopis "Jugoslavija", 1969. 344 p.

Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. London: Arms and Armour Press, 1975. 200 p.

Roymans N., Derks T. Villa Landscapes in the Roman North: Economy, Culture and Lifestyles. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. 322 S.

Schaaf U. Keltische Helme // Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin / A. Bottini (Hrsg.). Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1988. S. 293–317.

Szabó K. Le casque romain d'Intercisa – récente trouvaille du Danube // Studien zu den Militärgrenzen Roms III. – 13. Internationaler Limeskongress. Stuttgart: K. Theiss, 1986. S. 421–425.

Ţentea O. Ex Oriente ad Danubium: the Syrian auxiliary units on the Danube frontier of the Roman Empire. Bucureşti: Mega, 2012. 234 p.

Velkov I. Neue Grabhügel aus Bulgarien // Bulletin de l'Institut d'Archéologie Bulgare. 1929. № 5. P. 13–55.

Информация об авторе:

Негин Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

SPHERO-CONICAL HELMETS IN ROMAN ARMY OF II-III CENTURIES CE.

A.E. Negin

The work considers helmets of the spheroconical shape. Their evolution is traced in the article starting with the Iron Age and ending with the period of the Roman Empire. The specimens used in the Roman army

of 2nd-3rd centuries demonstrate the continuity of the tradition of using in spheroconical helmets in the Mediterranean region, the earliest of which date back to the mid-2nd millennium B.C.

Keywords : helmets, the Roman Empire.

About the author:

Negin Andrey E. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Faculty of History of the Ancient World and Classic Languages of N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Рис. 1. Шлем из Брястовеца. София, Национальный исторических музей (фото Dan Diffendale).

Рис. 2. Шлем из Брястовеца. София, Национальный исторических музей (фото Dan Diffendale).

Рис. 3. Шлем из Джаково, Загреб, археологический музей (фото Raffaele D'Amato).

Рис. 4. Шлем из Бумбешти. Тыргу-Жиу, Исторический музей (рисунок автора)

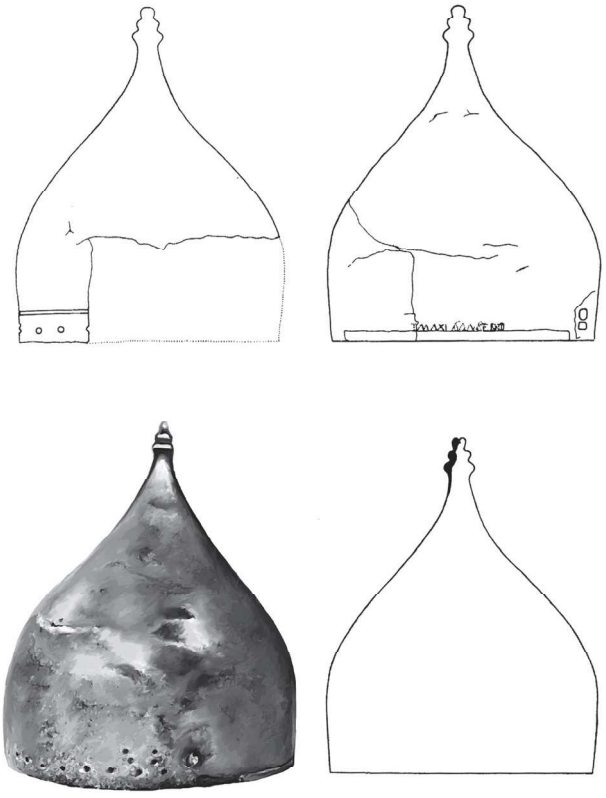

Рис. 5. Шлем из Интерцизы. Музей Дунайвароша (рисунок автора по: Szabo, 1986. S. 422 – 423, fig.3, 6).

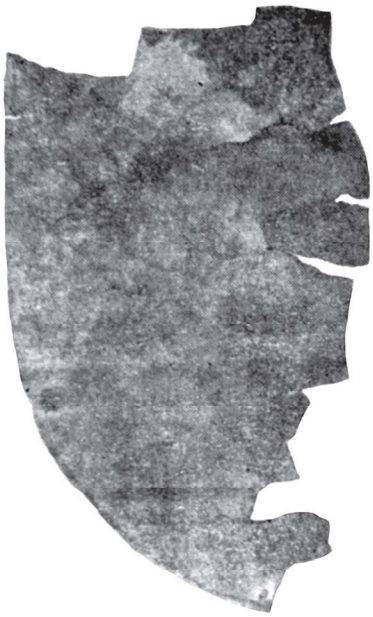

Рис. 6 Нащечник из Мидии. Деваб Музей дакийской и римской цивилизации (по Petculescu, 1982, fig. 3/1).

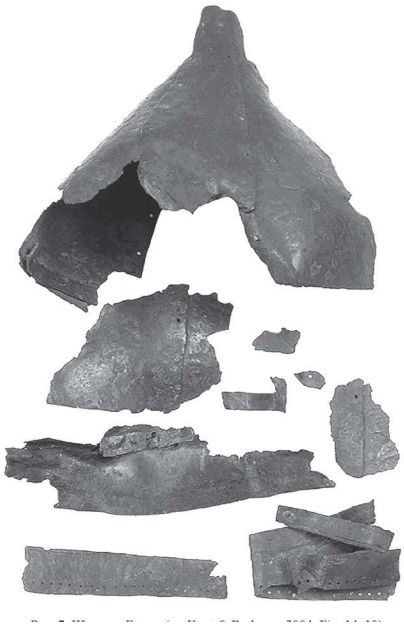

Рис. 7. Шлем из Бреды (по Koot & Derkvens 2004. Fig. 14. 10).

Рис. 8. Надгробие сирийца из состава Cohors Hamiorum Sagittaria в римском форте Хаустеде (рисунок автора).

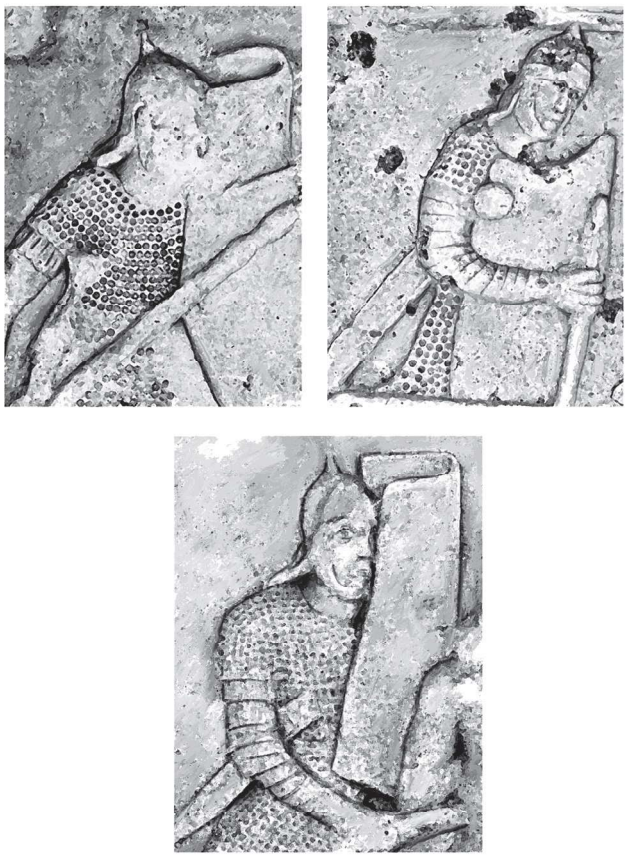

Рис. 9. Изображения римских воинов в сферокических шлемах с метоп Трофея Траяна в Адамклиси (рисунок автора).

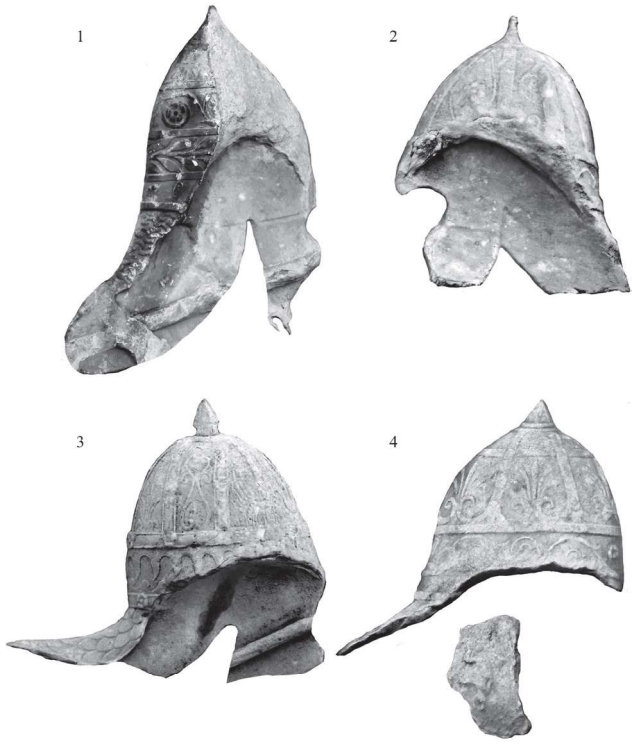

Рис. 10. Сарматские сфероконические шлемы с рельефов колонны Траяна (фото автора).

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

УДК 94(=511.141)”9”

НОВЫЙ «БИЧ БОЖИЙ» ВОЙНЫ ВЕНГЕРСКИХ ВОЖДЕЙ ВРЕМЕН ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ ПО ДАННЫМ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

© 2017 г. Я.В. Пилипчук

Статья посвящена венгерским походам в Западную Европу. В периодизации венгерских походов можно выделить несколько хронологических этапов. Первый датируется 862–898 гг., когда венгры участвовали как наемники в войнах властителей Западной и Центральной Европы. Второй период возможно датировать 899–910 гг., и он отметился походами венгров против немцев. Походы против итальянцев (899) и словенцев (901 г.) были разовыми акциями. Пика интенсивности венгерские походы достигли в третий период 911–933 гг., когда венгры опустошали не только немецкие, но и французские и итальянские земли. Немецкие герцоги платили дань венграм. Конец этому положило поражение венгров в битве под Мерзебургом в 933 г. Немцы положили конец своей даннической зависимости от венгров. Эта победа немцев, хотя и не имела решительного значения, но вынудила венгров ходить походами на итальянские и французские земли и лишь иногда опустошать немецкие земли. Конец венгерским нападениям на Западную Европу положило поражение от немцев в битве на реке Лех в 955 г. Из немецких герцогов наиболее удачно венграм противостоял правитель Баварии. Европейская историческая традиция использовала для обозначения венгров более давние этнонимы – гунны, авары, агаряне – сравнивая их с более ранними кочевниками. Цифры, озвученные для войска венгров, завышены европейскими хронистами. Основу венгерского войска составляла легкая конница, вооруженная луками и саблями, которая использовала типично кочевническую тактику.

Ключевые слова: венгры, кочевники, Западная Европа, Центральная Европа, даннническая зависимость, наемники, походы.

Одним из интереснейших вопросов истории Европы является военная история венгров в эпоху Обретения Родины. Походы венгров на европейские страны достаточно хорошо исследованы венгерскими учеными (А. Барта, Д. Кришто, И. Зимони, П. Энгел, Л. Маккиа, Ш. Тот). Среди невенгерских ученых эту проблему исследовали В. Спиней и В.П. Шушарин, Ч. Боулус. Пример венгров во многом уникален, поскольку они были единственным из известных финно-угорских народов, который был кочевым. Заданием данного исследования является анализ сведений письменных источников относительно венгерских походов в Европу (Шушарин, 1997; Bowlus, 2006; Spinei, 2003).

Лев Мудрый описывал тактику венгров как тактику кочевников. Сообщалось, что венгры не преследуют отступающих в боевом строю, так что если отступающие развернутся против них в строю, то могут нанести потери преследующим. Указывалось, что венгры могут вести ближний бой и находятся под командованием одного вождя. За проступки людей жестоко наказывали. Вооружение венгров состояло из меча, кожаного панциря, лука и копья. Венгры в руках держат лук, а на плече копье. При преследовании венгры получали преимущество, используя лук. Венгры добивались успеха с помощью обмана и неожиданного нападения. Они много упражнялись в стрельбе из лука на скаку. Кони знатных венгров были защищены железными латами. В сражении они делились не на три части, а на большее количество отрядов и кроме основных сил еще использовали и резерв для удара из засады. У них были караулы, а сами они не останавливались лагерем, а кочевали со своими стадами. Большие стада коней делали войско венгров визуально больше, чем было на самом деле. Авангардные отряды венгров находились недалеко один от другого. В боевые порядки они строились ночью, а относительно боевого строя, то заботились о его глубине, делали строй более равномерным и плотным. Предпочтение венгры отдавали дистанционному бою, окружению неприятеля, засадам,

притворному отступлению. Венгры преследовали противника до тех пор, пока максимально не уничтожали (Шушарин, 1997.).

Византийский военный теоретик советовал принимать контрмеры против них. Он отмечал, что эффективно им противостояла пехота, низменная и пустынная местность были невыгодны для их конницы, которая была зависима от пастбищ. Лев Мудрый указывал, что некоторых из венгров можно было переманить на свою сторону. Против венгров предписывалось, чтобы войска разделялись на пять частей, то есть выделить авангард и арьергард и выделить больше сил на фланги. В тылу предписывалось оставить природную преграду, чтобы враги не напали с тыла. Рекомендовалось в ходе преследования не отрываться от основных своих сил и не обольщаться отступлением венгров после первой стычки. При этом не стоит забывать, что Лев Мудрый списал свой трактат со слов Маврикия. При этом Маврикий описывал тюркютов, которых называл турками, а Лев Мудрый упоминал под этнонимом турки венгров. Так что сведения этого теоретика нужно воспринимать критично (Шушарин, 1997.).

Комплекс вооружения был похож на других кочевников. Он реконструируется по материалам Большетиганского могильника, а также памятников Караякуповской и кушнаренковской культуры. Наконечники стрел были железными и делились на трехлопастные, трехгранные и четырехгранные, плоские и листовидные, срезни, треугольные, ланцетовидные. Трехгранные наконечники были массивными и бронебойными. Венгры широко использовали луки тюркского типа и заимствовали вооружение енисейских кыргызов и булгар. Любимым видом вооружения ближнего боя была сабля. Ножны сабли украшались серебром. Традиция украшать оружие существовала у тюркских народов Южной Сибири и алан. Влияние салтово-маяцкой культуры проявилось в заимствовании венграми боевых топоров. Среди оружия встречались копья, однако их наконечники в погребении встречались редко, куда более были распространены наконечники стрел. Доспехи представлены шлемами, кольчугами, пластинами от панцирей. Шлемы преимущественно сфероконические. Ударную силу войска составляли всадники, вооруженные саблей (Иванов, 1987.).

Памятники типа Субботцы характеризовались таким же комплексом вооружения. В качестве основного оружия использовались лук и сабля. М. Горелик считает, что на Утемильской чаше изображен легкий венгерский всадник с колчаном типичного евразийского степного типа в виде длинного узкого короба. Он считает узор, изображенный на колчане, типично венгерским. На чаше с озера Нанто в Венгрии изображен воин, вооруженный саблей и копьем. Этот воин принадлежит к средней коннице, поскольку изображен без защитного вооружения. На чаше из с. Мужи изображен тяжеловооруженный всадник с ламеллярным панцирем. Кольчуга надета под панцирь и доходит до локтей. Голову всадника защищает конический шлем с бармицей. Ученый считает воина, изображенного на сосуде из Надь-Сент-Миклоша, кабаром. По мнению А. Комара, клад из этого места принадлежит или венграм или кабарам. Секеев исследователей относит к потомкам булгар-ашкелов. Нужно сказать, что эту версию в 1869 г. выдвинул еще Д. Хвольсон. О. Прицак и С. Кляшторный считали секеев потомками чигилей (изкилей). Кабарский всадник был защищен кольчугой с подолом до колен, коническим шлемом, бармицей, поножами, наручами. Из Чернигова были ламеллярные хазарские панцири. М. Горелик считал, что в Приуралье у венгров был панцирь в сочетании с кольчугой, сабли, реже копья. В захоронении в с. Манвеловке в Днепропетровской области найдены палаш и яйцевидный шлем, принадлежащий венграм. Сами яйцевидные шлемы характерны для Приуралья и хазар. Для венгров же характерны и конические шлемы. Из с. Немия на Западной Украине - шлем с серебряной оковкой. Исследователь уверен в наличии у венгров латной конницы, в противовес сведениям венгерских исследователей, которые утверждали, что латная конница у венгров отсутствовала, вследствие чего венгры были вынуждены приглашать немецких всадников. Нужно отметить, что П. Ланго не считает Утемильскую чашу и чашу из с. Мужи венгерскими[1] (Горелик, 2008.; Ланго, 2006). Ниже мы приведем сообщения источников, которые подтверждают, что преимущественно у венгров была легкая конница. Само по себе существование тяжелой конницы у венгров не поддается сомнению, но, как и других кочевых народов, у венгров она составляла незначительное количество воинов.

Регинон Прюмский отмечал, что венгры очень хорошо владеют луками и убивают стрелами многих. Однако он приписывал им неспособность сражаться вплотную в строю и брать города. Говорилось, что они нападают и отступают, часто отступают притворно. Отме-

[1] Личная консультация А. Комара.

чалось, что их первый натиск сильный, после жаркой сечи они оставляют поле боя, потом возвращаются в бой. Венгры охарактеризованы как люди действия, которые мало говорят, а больше действуют. Венграм приписана спесивость, коварность, мятежность. Венгры учили ездить на конях своих детей и слуг. Многими занятиями венгры занимались, сидя на конях. Перед нами классический пример описания военного дела народов кочевников к коим и относились венгры. Видукинд Корвейский описывал как в ходе набега на Саксонию как те, вторглись двумя отрядами. Эти отряды, в свою очередь, делились на меньшие отряды. В своих набегах венгры сжигали церкви и вообще воспринимались как Бич Божий. В венгерском хроникальном своде XIV в. в уста плененных Леля и Булчу вложены слова о том, что они Бич божий. Это скорее видение христианских книжников, однако, представляется возможным, что венгры могли использовать такие настроения. Например, сами венгры называли одного из этих вождей Вербульчу, то есть кровавый Булчу. Во многих случаях они предавали огню церкви и дома своих противников. Венгры с удовольствием поддерживали свою грозную репутацию. Во время походов венгры брали в плен христиан и язычников. Это делалось для того, что получать регулярные источники прибыли. Луитпранд Кремонский сообщал, что около 943 г. и в 947 г. итальянцы платили венграм дань размером в десять модиев золота. В 924-932 гг. Саксония также платила дань венграм. Продолжатель Феофана и Луитпранд Кремонский сообщали о выкупе людей из венгерского плена. Как правило, выкупали феодалов и духовенство. Простые люди или попадали в рабство к самим венграм, или попадали на рынки рабов в странах ислама. По сведениям Видукинда Корвейского, венгры в 954 г. взяли в плен около 1 тыс. зависимых людей в Франконии (Шушарин, 1997.).

Луитпранд Кремонский сообщал, что Арнульф использовал венгров против моравян. Он приписывал немецкому правителю, то, что он выпустил из-за стены нечистые народы, к числу которых он и причислял венгров. В Сенкт-Галленских анналах под 892 г. сказано, что венгры воевали против моравян. В этих же анналах под 863 г. сообщалось, что нападению подверглись христиане. Под 888-889 г. сообщалось о первом нападении агарян на христиан. Под наименованием агаряне упоминались венгры. По первому Сенкт-Галленскому продолжению Аламанских анналов под 863 г. упоминались гунны. В Бертинских анналах отмечалось, что венгры пришли в Австрию, когда между Людовиком и Карломаном была усобица. В Больших Зальцбургских анналах в 881 г. отмечена первая война с венграми под Венией (Веной) и вторая война с коварами при Кульмите. Венгры взяли Вену. Появление венгров и каваров до ”Обретения Родины” в Паннонии, вероятно, связано с тем, что князь Великой Моравии нанимал их в свое войско для войны с франками. В 862 г. в Бертинских анналах указывалось, что унгры разорили королевство Людовика. Привести венгров против франков должен был великоморавский князь Ростислав. Под 863 г. в Вейнгартенских анналах упоминалось о нападении гуннов на христиан. В Вюрцбурских анналах сообщалось, что в 870 г. гунны, они же венгры, приняли христианство. Ламперт Герсфельдский под 893 г. сообщал о битве венгров с баварцами. Видукинд Корвейский называл венгров аварами и считал, что Карл Великий изгнал их и построил вал, который при Арнульфе был разрушен. Приход венгров был приписан инициативе славян. Аварами считал венгров Титмар Мерзебургский. Инициатива использования венгров против христиан приписана Святополку в 894 г. Указывалось, что на протяжении нескольких лет мораване заключали с венграми союз по языческому обряду. Под 892 г. в Фульдских анналах сказано, что король Арнульф пользовался помощью венгров в войне с моравянами. Регинон Прюмский сообщал, что венгры были изгнаны со своих земель печенегами в 889 г. По Старшим Альтаихским анналам сообщалось, что в 889 г. венгры переселились из Скифии. Оттон Фрайзингенский сообщал об изгнании венгров печенегами. Переселение венгров наверняка сопровождалось конфликтами (Луитпранд Кремонский, 2005; Большие Сенкт-Галленские анналы, 2009; Аламанские анналы, 2010; Вейнгартенские анналы, 2009; Вюрцбургские анналы, 2008; Ламперт Герсфельдский, 2010; Видукинд Корвейский, 1975; Титмар Мерзебурский, 2004; Annales bertiniani, 1883; De Vajay, 1976. S. 11-17; Альтаихские анналы, 2009; Оттон Фрайзингенский, 2010; Annales fuldenses 1891; Регинон Прюмский, 2010).

В венгерской исторической традиции указывалось, что венгры отвоевали свою родину и связывали венгров с гуннами. Прародителями венгров названы Хунор и Магор. Венгерский Аноним сообщал, что венгры победили кунов, а потом осадили Киев и взяли с него

дань. Также он сообщал о пребывании около Галича. Текст венгерского хрониста полон анахронизмов. Куны в его сочинении - это, вероятно, печенеги, а Галич тогда не существовал. Вероятно, венгры до перехода через Карпаты нападали на Белых Хорватов, живущих в Галичине. Нестор ни о чем подобном не сообщает, но говорит, что венгры прошли около Киева. При этом он стыдливо умалчивает, почему венгры проходили у Киева, сообщая только, что они шли как современные ему половцы. Вероятно, во время своей миграции венгры столкнулись с Русью и совершили набег в землю полян. Князь Олег, вероятно, противопоставить им ничего не мог, поскольку венгры были сильны конницей, а скандинавы и славяне были преимущественно пешими, и им оставалось только обороняться в укрепленных поселках. А. Комар считал, что восстание кабар против хазар и разрыв отношений кабар с венграми просходили в 861–881 гг. (Spinei, 2003.; Rady, 2009; Комар, 2011, 33-34; Шушарин, 1997; De Vajay, 1968.).

Важным индикатором прихода венгров в Центральную Европу были походы в Западную Европу. Одним из таких походов был поход на Баварию. Сообщалось, что перед тем венгры напали на Баварию и подчинили себе народ моравов. Говорилось, что турки (так назвал венгров Луитпранд Кремонский) напали на немцев короля Людовика и начали притворно отступать, заманили преследующих их рыцарей в засаду. В описании венгров были использованы те же выражения, которые использовал Аммиан Марцеллин для характеристики гуннов. После этой победы венгры прошли земли баварцев, швабов, франков, саксонцев. После этого венгры напали на Италию и встали около реки Бренты. До битвы на этой реке прошел год, и венгры снова пришли в Италию. Они выманили на себя итальянское войско и отступили из долины реки Адды через Верону к реке Бренте. Христианские рыцари преследовали их. Увлеченные преследованием итальянцы остановились лагерем и не приняли мер предосторожности. Венгры ворвались в лагерь итальянцев и многих перебили. Это произошло в том же году, в котором другая часть венгров напала на Баварию, Швабию, Франконию, Саксонию. В Сенкт-Галленских, Вейнгартенских и Аламанских анналах под 899 г. сообщалось о победе агарян (венгров) над лангобардами. В Альтаихских анналах сказано о вторжении в Италию и о победе венгров в 899 г. По Монцскому и Веронскиму кодексам Аламанских анналов сообшалось, что в 899 г. венгры вторглись в Италию, разбили христиан и взяли некоторые крепости. В Анналах Беневенто сказано о вторжении венгров в Италию под 899 г. Гуго из Флавиньи указывал под 899 г. о нашествии венгров с севера. В Кельнских анналах под 899 г. сказано, что венгры вторглись в Италию и причиняли много зла. В Лаухбаских анналах просто сказано, что венгры вторглись в Италию. В Удинских анналах сообщалось об опустошении Италии венграми. В описании города Монца описано опустошение венграми Фриуля. В сочинении Иоанна Дьякона сказано, что венгры прошли Тарвизий (Тревизо), Патавий (Падову), Бриксию (Брешию), а также Папию (Павию) и Медиолан (Милан). Сказано, что во время возвращения в Паннонию из похода на Италию венгры разорили прибрежные районы и ряд поселений. В ”Матрирологе Церкви Верцелли” сказано, что в Италию вторглись гунны и ариане. В источнике из Модены сказано, что битва на Бренте произошла 26 января 900 г. Из Фульдских анналов мы узнаем, что набег аваров (венгров) на моравов состоялся уже в 894 г., а в 892 г. венгры нанялись в войско Арнульфа. Нападение на Болгарию датировано 895 г., а в 896 г. сообщалось об их поражении в Болгарии и миграции в Паннонию. Под 900 г. сообщалось о вторжении венгров в Италию и разорении этого региона. Говорилось, что когда итальянцы решили выступить против них, то за одень день полегло 20 тыс. воинов (это очень большое преувеличение, поскольку даже в индустриальную эпоху во время Первой Мировой в день в большой битве гибло около 17 тыс.). Сказано, что, чтобы разведать местность, венгры отправили в Баварию послов. Тем же годом датировано вторжение венгров в Баварию и поражение их войска от баварцев. Венгры обрушились на Баварию за Энсом, опустошили все на 50 миль в длину и ширину. Баварцы побуждали своего герцога выступить против венгров. Заслышав об этом, большинство венгров отступило к себе в Паннонию. Но некоторая часть венгров осталась на север от Дуная. Герцог с епископом из Пассау перешли Дунай и одолели венгров. В стычке с ним погибло 200 венгров. Под 901 г. упомянуто о разорении Карантании венграми. Регинон Прюмский сообщал о вторжении венгров в Италию под 901 г. В Анналах Рейхенау было сказано, что в 899 г. венгры пришли в Италию и сотворили много зла. Венгры заняли Паннонию и устранили влияние баварцев и франков в 900 г., и нападали на Австрию

(Annales Fuldenses 1891; Spinei, 2003; Шушарин, 1997; De Vajay, 1976; Сенкт-Галленские анналы большие, 2009; Лаубахские анналы, 2009; Гуго из Флавиньи, 2011; Большие кельнские анналы, 2010; Анналы Рейхенау, 2009; Аламанские анналы, 2010).

По сведениям Саксонского анналиста в 906 г., венгры напали на Саксонию. В Сенкт-Галеннских анналах сообщалось, что в 900 г. баварцы сразились с агарянами (венграми) и часть их перебили. В 902 г. баварцы пригласили венгров на пир и перебили их с вождем Хуссолем. В Аламанских анналах сообщались практически те же данные, но без описания Хуссоля. В Сенкт-Галеннских анналах под 908 г. венгры перебили баварское войско, а в 909 г. напали на Аламанию. В Аламанских анналах под 908 г. сообшалось, что венгры уничтожили все баварское войско, а в 909 г. вторглось в Аламанию. Под 910 г. сообщалось, что венгры победили алеманов (швабов) и франков (в смысле немцев), но часть из венгров была перебита баварами. В заметке в некрологе большой Фрейзингенкой церкви сказано, что баварцы были побеждены баварским герцогом Арнульфом. Авентин указывал, что крепости Баварии были готовы к отражению нападения и что отряд венгров проходил около Аугсбурга. Относительно событий 900-901 гг., в Зальцбургских анналах и у Авентина было сказано, что унгары дошли до Линца. В анналах Святого Рудберта Зальцбургского было указано, что их было перебито более тысячи. В Анналах Градо сказано, что на Пасху 901 г. венгры вторглись в Карантанию. В битве под Любляной они были побеждены. Авентин сообщал, что баварцы начали строить укрепления против венгров. По Монцскому и Веронскому кодексам Аламанских анналов сообщалось, что в 901 г. венгры вторглись в Италию, а в 902 г. немцы были разбиты венграми в Моравии. В 903 г. была битва венгров с баварцами, а в 904 г. венгров перебили на пиру и убили их правителя Хуссаля. В 907 г. состоялась битва баварцев с венграми, и в этой битве уцелело мало христиан. В 908 г. венгры напали на саксонцев. В битве с ними полегли Буркхард герцог Тюрингии, епископ Рудольф и многие другие. В 909 г. венгры вторглись в Аламанию, а в 910 г. совершили повторное нападение на этот край. В битве с ними пал граф Гоцберт. В этом же году они сразились с франками и баварцами и в битве с ними пал граф Гебхардт. Венгры вернулись с добычей домой, правда баварцы перебили часть из них (Саксонский анналист, 2005; Большие Сенкт-Галленский анналы, 2009; Аламанские анналы, 2010; de Vajay, 1976.).

В Мелькских анналах сообщалось, что в 901 г. венгры вторглись в Каринтию и в субботу были разбиты. В 903 г. венгры также были разбиты, однако в битвах с ними погибли Беренгер, Регинольт, Герхард. В 908 г. венгры опустошили Саксонию и Тюрингию, а в 909 г. напали на Аламанию. В Альтаихских анналах под 906 г. сказано о вторжении венгров в Саксонию, под 907 г. сказано о победе язычников над баварцами, под 908 г. указано на гибель герцога Луитпольда Под 909 г. указано на гибель герцога Тюрингии Бурхарда в битве с венграми. В 910 г. сказано о сражении короля Людовика с венграми. По данным Больших Вюрцбургских анналов под 900 г. есть упоминание, что в правление короля Людовика венры вторглись в Баварию. Сообщалось, что в 901 г. из них было перебито 1 тыс. В 902 г. венгры вторглись в Каринтию и там также были побеждены. Под 906 г. сообщалось, что венгры были разбиты, а из христиан погибли родные братья Беренгер, Регинольт, Герхард. Под 909 г. упомянуто о вторжении венгров в Саксонию и гибели Луитпольда. В 910 г. венгры вторглись в Аламанию. В Кведлингбурских анналах сказано, что в 910 г. франконцы были перебиты и обращены в бегство венграми. В Корвейских анналах под 907 г. указывалось, что почти весь баварский народ был перебит венграми. Ламперт Герсфельдский сообщал, что в 906 г. венгры опустошили Саксонию, а в 908 г. убили герцога Луитпольда. В Кратчайших Магдебурских анналах упоминалось, что в 907 г. венгры пришли в Саксонию. В Певтингеровых анналах сказано, что в 906 г. венгры вторглись в Саксонию. В Анналах Рейхенау было сказано, что в 907 г. баварцы были перебиты венграми. Под 908 г. было сказано о опустошении венграми Саксонии и Тюрингии. 909 г. датировано вторжение в Аламанию. В Анналах Рейхенау было сказано, что франки были или обращены в бегство или убиты венграми (Мелькские анналы, 2013; Альтаихские анналы, 2008; Большие Вюрцбургские анналы, 2008; Кведлинбургские анналы, 2009; Корвейские анналы, 2008; Кратчайшие магдебургские анналы, 2012; Анналы Рейхенау, 2009; Певтингеровы анналы, 2012).

Битва, которая состоялась в 907 г., была сражением под Пожонью (Братиславой). Как место битвы в Зальцбургских анналах был назван Brezalauspurc (Братислава). Битва датирована 907 г. В этой битвы погиб баварский граф Луитпольд. Франки выступали как

союзники мораван против венгров. Еще в 901 г. Моймир II заключил договор с восточными франками для того, чтобы воевать против венгров. В 907 г. Луитпольд Баварский возглавил большое войско и сосредоточил его у замка Энн. Вместе с ним в поход выступили зальцбургский епископ Титмар, епископ Отто из Фрайзинга, епископ Захария из Себена, а также много знатных людей из Баварии – Гундовальд, Хартвиг, Хеленберт из Братиславы, Ратольд, Хатох, Мегиновард, Изенгрим и другие. Авентин сильно преувеличивал войска сторон и говорил, что баварцы собрали войска со всей своей земли. Он считал, что венгров было 35 тыс., а баварцев – 100 тыс (это чрезвычайно завышенные данные. Венгров, вряд ли, было больше нескольких тысяч, как и баварцев). Ч. Боулус считал, что битва произошла у Залавара (замок Братислава) на запад от озера Балатон. Другие исследователи локализировали место битвы на восток от Вены и около Братиславы. Немцам пришлось дорого выкупать своих пленных у венгров. В Фрейзингенском мартирологе под 909 г. сообщалось про опустошения, которые причинили Германии венгры (Bowlus, 2006. P. 83-84, 216, 223, 258-259; Spinei, 2003. P. 69-72; Negyesi, Veszpremy, Torma, 2011. Old. 50-69; Torma, 2006. Old. 144-166; de Vajay, 1976. S. 41-46, 48-49).

Период 900-910 гг. был сложным для европейских стран. Только баварцы смогли достичь небольших локальных побед над венграми, однако и сами терпели поражения от них. Саксонцы, франконцы и аламаны к вторжениям венгров и кочевнической тактике не были готовы и терпели от них постоянные поражения. В 902 г. на пиру баварцы убили вождя венгров Хуссаля, которого можно отождествить с Курсаном. Из двух венгерских вождей остался один – Арпад, потомки которого сосредоточили в своих руках власть. Постоянной целью венгерских нападений стали немецкие земли (de Vajay, 1976. S. 37-38).

Период 911-932 гг. также характеризовался активными венгерскими набегами. По сведениям Аламанских анналов в 913 г. венгры вторглись в Аламанию. Возвращаясь через Баварию в Алфельд они были побеждены войском, которое возглавляли Арнульф (сын Луитпольда), Эрхангер, Бертольд, Ульрих. По Альтаихским анналам венгры опустошили Франконию и Тюрингию. Немцы сразились с венграми под Лоихингом в 911 г. В 913 г. венгры дошли до Фульды. В Больших Зальцбургских анналах было сказано о военных действиях около Нухинга против венгров. По Анналам Святого Венцентия Мецкого в 917 г. венгры вторглись в Лотарингию. По Большим Вюрцбурским анналам в 911 г. венгры воевали с франками. Потом в 913 г. венгры были разбиты на реке Инн швабами и баварцами. Однако потом Аламания была опустошена венграми. В 915 г. венгры огнем и мечом опустошили Аламанию. В 919 г. через Аламанию и Эльзас венгры вторглись в королевство Лотаря. По Кведлинбургским анналам в 912 г. венгры опустошили Франконию и Тюрингию. В Мелькских анналах отмечено, что в 912 г. венгры были разбиты в битве на реке Инн швабами (аламанами) и баварцами, но венгры опустошили Аламанию. В 916 г. венгры снова опустошили Аламанию, а в 917 г. взяли Базель и через Аламанию и Эльзас вторглись в королевство Лотаря. В Анналах Рейхенау сказано, что в 913 г. венгры вторглись в пределы Аламании и были на реке Инн перебиты баварцами и швабами. Под 915 г. сказано о опустошении всей Алемании. В 917 г. венгры через Аламанию прибыли в Эльзас и достигли границ королевства Лотаря. В Прюмских анналах было сказано, что в 911 г. венгры опустошили земли восточных франков, вторглись в Галлию, причинили большие опустошения и вернулись назад. В Больших Зальцбуррских анналах под 914 г. отмечено, что герцог Арнольд находился в опасности. В Анналах Иеремии под 912 г. сказано о вторжении венгров в Тюрингию и Франкию. В Анналах Квинтия из Вермандуа сказано, что в 913 г. венгры перешли Рейн и вторглись в Бургундию. Под 915 г. Продолжатель Регинона из Прюма сообщал, что венгры опустошили Тюрингию и Саксонию и дошли до монастыря в Фульде. В Каталоге аббатов Фульды сказано о нашествии венгров в 915 г. В Анналах Иеремии сказано, что венгры вторглись в Аламанию и Эльзас в 917 г. Под 917 г. в Хронике Святого Медарда Суассонского сказано, что в 917 г. венгры впервые вторглись в Бургундию. В Деяниях Сенонской церкви сказано о опустошении венграми Бургундии, Эльзаса и Лотарингии. В Чудесах Святого Адельфа указано, что Лотарингия опустошалась венграми, которые были и у Мозеля. Адам Бременский сообщая о венграх указывал, что они опустошали не только Саксонию и другие немецкие провинции и перешли через Рейн и опустошали Лотарингию (Аламанские анналы, 2010; Альтаихские анналы, 2009; Большие Вюрцбургские анналы, 2008; Кведлинбургские анналы, 2009; Анналы Рейхенау, 2009; Анналы

Святого Винцентия Мецкого, 2008; Мелькские анналы, 2013; de Vajay, 1976. S. 49-62).

По данным Больших Вюрцбургских анналов в 927 г. венгры опустошили Франконию, Галлию, Эльзас, Аламанию. Погиб герцог Бурхардт. В 934 г. Генрих разбил в Свирбии венгров. Согласно анналам Беневенто венгры в 922 г. второй раз вторглись в Италию. Гуго из Флавиньи сообщал, что в 924 г. изгнанный лангобардами король Беренгарий привел в Италию венгров. Те сожгли сорок четыре церкви и город Павию. Рудольф и Гуго напали на венгров и окружили их в Альпах. Однако венгры смогли выйти из окружения, а преследующие разбили только их аръергарды. Король Беренгарий был убит своими людьми. Луитпранд Кремонский сообщал, что вождь венгров Салард напал на Италию, и страна была наводнена венграми. Они окружили Павию валами и блокировали ее. Благодаря зажженным стрелам в Павии поднялся опустошительный пожар, а испугавшиеся пожара были поражены венгерскими копьями. Эти события датировались 924 г. По данным Больших Кельнских анналов венгры опустошили Галлию, Франконию, Эльзас и Алеманию. По Лаубахским анналам в 926 г. венгры вторглись в Аламанию и Франконию и опустошили земли за Рейном. В Кратчайших Мецских анналах сказано, что венгры в 926 г. приходили в третий раз. В Альтаихских анналах сказано, что в 926 г. напали на монастырь Святого Галла, однако находящиеся в монастыре отряды Галла и Отмара отразили вторжение венгров. В Мелькских анналах под 927 г. венгры опустошили Франконию, Аламанию, Эльзас, Францию. В Анналах Рейхенау сказано о том, что венгры опустошили Францию, Эльзас, Галлию и Аламанию. Под 932 г. сказано, что венгры через восточную Франконию и Аламанию дошли до Рейна около Вормса, а оттуда прошли в Галлию до самого Океана. Титмар Мерзебурский сообщал, что король изгнал аваров (венгров) часто против него восставших, но однажды был осажден ими в 924 г. в поселении Пюхен. В Деяниях Льва, записанных Лаврентием, указано, что в 921 г. венгры были у Берна и сожгли и опустошили все в округе. В Каталоге графов Капуи под 922 г. говорилось о вторжении венгров в Апулию. Иоанн из Вольтурно также об этом говорил. В 923 г. по сведениям Альберика де Труа Фонтене венгры под командованием Дьюлы воевали в Северной Италии. Георгий Верлен из Милана сообщал, что правитель Бургундии одолел венгров. Флодоард под 924 г. сообщал о опустошении венграми Готии, то есть области около Тулузы в Аквитании. Правитель же восточных франков откупался от венгров данью и более беспокоился об отношениях с славянами. В Салернской хронике Ромуальда сказано, что в 926 г. на Апулию напали славяне, а после них венгры. Бенедикт Сент-Андер из Монте-Сокракте сообщал о набеге венгров на Тоскану около 929 г. (de Vajay, 1976. S. 62-80; Мелькские анналы, 2013; Альтаихские анналы, 2009; Анналы Рейхенау, 2009; Большие Вюрцбургские анналы, 2008; Гуго из Флавиньи, 2011; Луитпранд Кремонский, 2005; Лаубахские анналы, 2009; Титмар Мерзебургский, 2004).

В Корвейских анналах сказано, что король разбил венгров в 933 г. Луитпранд Кремонский сообщал, что битва при Мерзебурге происходила в правление императора Генриха, который собрал из саксов большое войско. Венгры же устремились на Тюрингию и Саксонию, поскольку они не были защищены горами. Мерзербург находился на границе между Саксонией, Тюрингией и славянами. К подходу немецкого войска венгры уже грабили Саксонию и уничтожали население. Судьбу битвы решила атака конницы правильным строем. Венгерские стрелы не причинили существенного урона, а фалары и украшенное оружие стали обузой для венгров. Войско из саксонцев одержало славную победу. Видукинд Корвейский сообщал, что венгры были привлечены к походу на Саксонию славянами. Это войско венгров перед тем, как вторгнутся в Саксонию, находилось в земле доленчан и ожидало подхода второго войска, которое грабило Саксонию и вынудило многих саксов мигрировать за границы своей земли. Императору Генриху приписывалась речь, в которой он призывал людей сразиться с войском аваров и варваров (так Видукинд Корвейский именовал венгров). Послы венгров, прибывшие за данью, были отправлены ни с чем восвояси. Венгры вторглись в Тюрингию. После этого они разделили свои войска надвое и с запада и юга напали на Саксонию. Западное войско было разбито саксонцами и тюрингцами. Войско венгров, находившееся до того в земле доленчан, снова напало на саксонцев, теперь с востока. Рассказ Видукинда менее помпезен, чем у Луитпранда Кремонского. Увидев отряд тюрингцев из войска Генриха, венгры отступили и потеряли лишь немногих убитыми или пленными. Немцы смогли захватить лагерь венгров, на чем их успехи и закончились. В Вейнгартенских анналах есть короткое

упоминание, что Генрих убил аккаренов (венгров). В Кведлингбурских анналах сообщалось, что венгерское войско было разбито Генрихом. Согласно Мелькским анналам Генрих в 933 г. разбил в Сербии (в земли лужицких сорбов) венгров. В 10-20-х гг. X в. венгры расширили географию своих походов. Все также от их набегов страдали немецкие земли, однако венгры в своих походах начали доходить до французских земель. Правители немецких герцогств и сам император платили им дань. Битва под Мерзербургом, несмотря на успешный конец, не остановила вторжений венгров, однако заставило их умерить свои аппетиты и фактически привело к тому, что немцы перестали платить дань венграм. Наибольшим успехом из региональных правителей пользовался баварский герцог, который в полевой битве победил венгров. Италия же находилась на окраине интересов венгров. Руотгер в ”Житии Брунона” указывал, что Генрих разбил венгров. В Анналах Рейхенау под 934 г. было сказано, что венгры были разбиты войском короля и многие захвачены в плен. В ‘’Саксонской Всемирной хронике” даже сохранилось изображение битвы с венграми, где немцы преследуют венгров. В Анналах Флодоарда указывалось на баварский контингент в составе войска Генриха (Корвейские анналы, 2008; Луитпранд Кремонский, 2005; Видукинд Корвейский, 1975; Вейнгартенские анналы, 2009; Кведлинбургские анналы, 2009; Мелькские анналы, 2013).

Между битвами при Мерзебурге и на реке Лех венгры совершили ряд опустошительных нападений на Европу. В Сенкт-Галленских анналах упомянуто, что все войско агарян (венгров) было перебито баварцами в 943 г. В Альтаиских анналах же упоминалось, что баварцы перебили венгров в битве при Вельсе. В 949 г. венгры сражались с христианами при Ло. В Барийских анналах сообщалось, что унгары вторглись в Италию. В Беневентских анналах отмечено, что венгры в третий раз вторглись в Италию в 937 г., а в четвертый раз напали в 947 г. Зафиксированные в этих итальянских хрониках нападения затронули и Южную Италию. В Анналах Святого Венцентия Мецского отмечено, что в 937 г. венгры опустошили королевство Лотаря. В Анналах Флодоарда сказано, что венгры совершили нападение на Францию, сожгли много домов и церквей и большим количеством пленных отступили. В этом же источнике указано, что в 951 г. венгры прошли Италию, взяли Амьен и вторглись в Аквитанию. Флодоард сообщал, что Конрад вступил в сговор с венграми и привел их в Лотарингию вплоть до владений Рагенария и епископа Брунона. В Больших Вюрцурбургских анналах под 938 г. сказано, что венгры вторглись в Франконию, Аламанию и Францию до самого Океана (то есть опустошили даже Аквитанию), а через Бургундию и Италию возвратились домой. Под 945 г. отмечена победа венгров над баварцами. Под 955 г. сказано о вторжении в Норик (Австрию), Франконию и Италию. Луитпранд Кремонский сообщал, что королю Беренгару II удалось откупиться от венгерского вождя Таксиса (Такшоня). В Больших Кельнских анналах же указывалось, что венгры в 944 г. были побеждены баварцами. В Кратких Кельнских анналах сказано о походе венгров в Лотарингию. Ламперт Герсфельдский упоминал о большой битве между венграми и баварцами в 950 г. В Кратчайших мецских анналах упоминалось о том, что в 934 г. венгры приходили в третий раз, а в 954 г. пришли в третий раз. Согласно данным Мелькских анналов, в 938 г. сказано, что венгры вторглись в Франконию, Аламанию, Францию и через Бургундию и Италию вернулись домой. В 944 г. венгры сразились с баварцами и были разбиты. В 954 г. венгры вторглись в Норик, Франконию и Италию (Сенкт-Галленские большие анналы, 2009; Альтаихские анналы, 2009; Барийские анналы, 2010; Анналы Святого Винцентия мецкого, 2008; Флодоард, 1997; Вюрцбургские большие анналы, 2008; Луитпранд Кремонский, 2005; Ламперт Герсфельдский, 2011; Мелькские анналы, 2013; Анналы Беневенто, 2011; Большие Вюрцбургские анналы, 2008; Кратчайшие Мецские анналы, 2010; Большие Кельнские анналы, 2010).

Саксонский анналист под 955 г. сообщал, что венгры собрали огромное войско и возгордившись указывали, что их никто не сможет победить. Однако они были разбиты королем под Аугсбургом. В Сенкт-Галленских анналах сказано, что в 955 г. король Оттон разбил агарян на день Святого Лаврентия. Говорилось, что венгров было 100 тыс. (это чрезвычайно завышенная цифра. По сведениям арабских источников у венгров всего было 20 тыс. войска, а вместе с семьями всех венгров было около 100 тыс.). Сообщалось, что многие из них были схвачены и повешены вместе со своим королем Пульши. Второй отряд под командованием Леле был разбит чехами. В Альтаихских анналах сообщалось, что в 955 г. король Оттон разбил венгров, однако его войско понесло значительные

потери, погибли герцог Конрад и Генрих Баварский. В Анналах Святого Венцентия Мецкого сказано, что венгры в четвертый раз напали на королевство Лотаря, однако были разбиты императором Оттоном. В Больших Вюрцбурских анналах сказано, что венгры, разорив всю Баварию, в большом числе были перебиты королем Оттоном около Аугсбурга. Гуго из Флавиньи отмечал, что Оттон разбил венгров 10 августа 955 г. и в битве погиб герцог Конрад. В Кведлинбургских анналах сказано, что в 955 г. Оттон с огромным риском для себя дал битву венграм. В битве пали герцоги Конрад, Коно, Генрих Баварский. В Больших Кельнских анналах отмечалось, что в 955 г. венгры опустошили всю Баварию, однако были разбиты в битве у Аугсбурга. В Корвейских анналах под 955 г. отмечено, что король разгромил венгров и славян. Ламперт Герсфельдский сообщал, что на праздник Святого Лаврентия на реке Лехфельд король Оттон разбил венгров, однако его войско понесло значительные потери и в битве погибли герцоги Конрад и Генрих Баварский. В Мелькских анналах сказано, что венгры, разорив Баварию, сразились с королем Оттоном у Аугсбурга и в большой резне 10 августа были разбиты. Титмар Мерзербургский сообщал, что сын Оттона Дудо восстал против отца и нанял аварских лучников (венгры). Оттон разгромил мятежников и наемников-венгров. После этого венгры вторглись уже как самостоятельная сила. Герцог Конрад проинформировал короля, который собрал в Аугсбурге своих вассалов. В Анналах Флодоарда сообщалось, что множество венгров пришло в Баварию и собралось напасть на Францию. Против него выступил король Отто, Конрад и князь сарматов (чехов) Болеслав. Конрад, который храбро сражался, был убит. В анналах Продолжателя Регинона Прюмского указано, что венгры пришли и хвастались, что скорее небо упадет на землю, чем кто-либо их победит. Указывалось, что с Божьей помощью король разбил их, но в битве погиб Конрад. В ”Житии Ульриха из Аугсбурга” сообщалось, что венгры пришли в Баварию и разорили ее до Дуная, а потом остановились лагерем в лесах. После этого они перешли реку Лех, опустошили Аламанию до реки Иллер, сожгли церковь Сент-Арфа и приступили к осаде Аугсбурга. Епископ города храбро оборонялся пока не подошли силы Оттона из саксонцев. Король храбро сражался вместе с Конрадом. Сам Конрад был ранен стрелой и скоро умер. Три вождя венгров были схвачены и казнены через повешение (Bowlus, 2006. P. 175-176; Negyesi, Veszpremy, Torma, 2011. Old. 73-76; Саксонский анналист, 2005; Большие Сенктгалленские анналы, 2009; Альтаихские анналы, 2009; Корвейские анналы, 2008; Анналы Святого Винцентия Мецкого, 2008; Большие Вюрцбургские анналы, 2008; Гуго из Флавиньи, 2011; Корвейские анналы, 2008; Ламперт Герсфельдский, 2011; Мелькские анналы, 2013; Флодоард, 1997; Титмар Мерзебургский, 2004; Кведлинбургские анналы, 2009).

Наиболее детально о битве на Лехе рассказывал Видукинд Корвейский. Он сообщал, что к Оттону пришли венгерские послы, однако от послов своего брата он узнал, что венгры напали на немецкие земли. Оттон выступил в поход с немногими саксонцами, поскольку большинство из них отражало вторжение славян. Около Аусбурга к нему прибыли отряды из франконцев и баварцев, а также воины герцога Конрада. Первый, второй, третий отряды были из баварцев герцога Генриха, четвертым руководил Конрад и он состоял из франконцев, пятый состоял из воинов самого короля, шестой и седьмой отряды состояли из аламанов (швабов), восьмой отряд состоял из чехов. Венгры обратили в бегство чехов, потом убили швабов и обратили их в бегство. Только отряды короля и Конрада разбили венгров и вынудили их спасаться бегством (Видукинд Корвейский, 1975).

Как можно убедиться из сведений письменных источников, после поражения на Мерзебурге венгры не прекратили вторжений в немецкие земли, однако старались избегать сражений с саксами и баварцами. Сражения с баварцами часто заканчивались поражениями для венгров. Вторжение же в Баварию в 955 г. обернулось для венгров катастрофическим поражением, после которого венгры уже не осмелились вторгаться в Европу.

Некоторые сведения о походах венгров были и в ”Деяниях венгров” Анонима. Сказано, что с вождем Золтане венгры опустошили Лотарингию и Аламанию, а также ходили походами на восточных франков на границах Франконии и Баварии. Многие тысячи врагов были перебиты и обращены в бегство. Сказано, что при императоре Конраде Лель, Булчу, Ботонд вторглись в Аламанию. Но при отступлении на реке Хин (Инн) Булчу и Лель были разбиты, Ботонд и другие удачно отступили. Потом венгры огнем и мечом разорили Баварию, Саксонию, Аламанию и обезглавили Ерхангера и Бертольда. Через некоторое время они напали на Францию (Франконию)

и Галлию (Францию). Золтон, мстя за гибель Булчу и Леля, совершил поход против тевтонцев, опустошил Баварию, Аламанию, Саксонию, Тюрнгию, на Большой пост перешли Рейн и разорили Лотарингию. Венгры взяли Сегузу (Сиену) и Таврин (Турин), прошли ломбардскими землями. Ботонд и Урку были разбиты Оттоном. У Шимона Кезаи была зафиксирована легенда о горне Леля. Сообщалось, что Лель перед смертью попросил позволить сыграть на своем роге. Улучив минуту, Лель ударил Оттона, и тот умер от удара. На самом деле, никакого рога не было. Венгерский Аноним указывал, что Лель был сыном Таша и потомоком Арпада. Шимон Кезаи считает, что он владел землями в районе Глоговаца (Латински извори, 2001. С. 58-60; Rady, 2009; Шимон Кезаи, 2010).

До «Обретения Родины» в Паннонии венгры довольно часто нанимались в войска соседних государств. До 889 г. венгры появлялись в Центральной Европе эпизодически и как союзники мораван. На протяжении 899-910 гг. Основными целями походов венгров были немецкие (восточнофранские) земли. Венгры победили немцев под Братиславой (907 г.) и итальянцев на реке Бренте (899 г.). С 910 по 933 гг. немецкие земли часто становились бъектами нападения, однако география походов существенно расширились. Из герцогов отдельных немецких земель наиболее успешно венграм противостоял правитель Баварии. Победа императора Генриха над венграми при Мерзебурге в 933 г. не была эпохальным событием, как битва на реке Лех (955 г.), однако после нее венгры значительно реже нападали на немецкие земли и более часто - на итальянские и французские земли. Цифры, озвученные для войска венгров, завышены европейскими хронистами. Основу венгерского войска составляла легкая конница, вооруженная луками и саблями, которая использовала типично кочевническую тактику.

ЛИТЕРАТУРА:

Аламанские анналы. Электронный вариант 2010 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Allamannici/frametext.htm

Альтаихские анналы. Электронный вариант 2009 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Altaich_maior/frametext1.htm

Анналы Святого Венцентия Мецкого. Электронный вариант 2008 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ann_Vincentii_Mettensis/text.phtml?id=3960

Барийские анналы. Электронный вариант 2010 года. Перевод О. Луговой. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Bari_annales/text.phtml?id=1788

Беневенто анналы. Электронный вариант 2011 года. Перевод Е.А. Хвальков. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Beneventani/text.phtml?id=9455

Вейнгартенские анналы. Электронный вариант 2009 года. Перевод Е. Чепель. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Annales_Weingartenses/text.phtml?id=5127

Большие Кельнские анналы. Электронный вариант 2010 года. Перевод И.Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_colon_maximi/frametext1.htm

Большие Сенкт-Галленские анналы. Электронный вариант 2009. Перевод И. Дьяконова. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_St_Gall/frametext3.htm

Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М.: Наука, 1975. 272 с. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Widukind/frame1.htm

Вюрцбургские анналы большие. Электронная версия 2008 года. Перевод И.В Дьяконов URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Wirziburg/frametext1.htm

Вюрцбургские анналы малые. Электронная версія 2012 года. Перевод И.В Дьяконов URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_wuerz_minores/text.phtml?id=11200

Горелик М.В. Латная конница древних венгров // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 296-303.

Гуго из Флавиньи. Хроника. Электронная версия 2011 года. Перевод И.В Дьяконов URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Hugo_Flaviniacensis/frametext5.htm

Иванов В.А.. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1987. С. 6-27. URL: http://swordmaster.org/2013/07/10/vooruzhenie-srednevekovyh-kochevnikov-yuzhnogo-urala-i-priuralya-vii-xiv-vek.html

Кведлинбургские анналы. Электронный вариант 2009 года. Перевод И.В. Дьяконов URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Quedlinb/frametext1.htm

Кёльнские анналы. Электронный вариант 2010 года. Перевод А. Котов URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Colon/frametext.htm

Комар А. Древние мадяры Этелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Вип. 7. К.: Інститут археології НАН України, 2011. С. 21-78.

Корвейские анналы. Электронная версия 2008 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Corbeiensis_ann_mai/frametext1.htm

Краткие кёльнские анналы. Электронная версия 2012 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Colon_breves/text.phtml?id=11656

Кратчайшие магдебургские анналы. Электронная версия 2012 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Magdeb_breviss/frametext.htm

Кратчайшие мецкие анналы. Электронная версия 2010. Перевод И. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mettenses_brevissimi/text.phtml?id=8037

Ламперт Герсфельдский. Анналы. Электроннаяверсия 2011. Перевод И. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Lampert/frametext1.htm

Ланго П. Утемильская чаша (заметки о восточных связях венгров) // Взаимодействие народов в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: Удмуртский университет, 2006. С. 192-202.

Латински Извори за българската история (Унгарски латиноезични Извори. Ч.1). Т. 5. София: Издательство на БАН, 2001. 195 с.

Лаубахские анналы. Электронная версия 2009 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Ann_Laubachenses/text1.phtml?id=6892

Луитпранд Кремонский. Книга воздаяния (Антаподосис). Электронная версия 2005 года. Перевод И. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Liut_Kr/frametext4.htm URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Liut_Kr/frametext5.htm

URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Liut_Kr/frametext6.htm

URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Liut_Kr/frametext8.htm

Мелькские анналы. Электронная версия 2013 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mellicenses/frametext.htm

Оттон Фрайзингенский, 2010. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники/ Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Otton_Freising_2/text1.phtml?id=12643

Певтингеровы анналы. Электронная версия 2012 года. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Pevtinger/text.phtml?id=398

Рейхенау Анналы. Электронная версия 2009 года. Перевод Е. Митюкова. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Augiens/text.phtml?id=6415

Регинон Прюмский, 2010. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010 URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Regino_Pruem/text2.phtml?id=9684

Саксонский анналист. Хроника. Электронный вариант 2005 года. Перевод И.В. Дьяконов. http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annalista_Saxo/text1.phtml?id=1313

Титмар Мерзебургский. Хроника. Электронный вариант 2004. Перевод И.В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/frametext1.htm

URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/frametext2.htm

Флодоард. Анналы // Рихер Реймский. История = Historiarum Libri IIII / Пер. с лат., сост., коммент. и указ. А. В. Тарасовой ; отв. ред. И. С. Филиппов. М.: РОССПЭН, 1997. 322 с. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Flodoard/frameFlodoard.htm

Шимон Кезаи, 2010. Деяния венгров // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Simon_Kezai/text1.phtml?id=12648

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

Annales Bertiniani. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1883, URL: https://archive.org/stream/annalesbertinian00wait#page/n3/mode/2up

Annales Fuldenses // Scriptores Rerum Germanicarum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1891. URL: https://archive.org/details/annalesfuldenses00einhuoft

Bowlus Ch.R.. The battle of Lechfeld and its Aftermath, August 955. The end of the Age of Migrations in the Latin West. Ashgate: Routledge, 2006. 247 p.

De Vajay S. Der eintrit des ungarisches stammebundes in die Europische Geschichte. Mainz, 1968. URL: http://mek.oszk.hu/08900/08903/08903.pdf

Negyesi L., Veszpremy L., Torma B. Gy. 1000-1100 évvel ezelőtt... A Magyarország a Kárpát-medencében. Budapest: Zrinyi Media, 2011. 91 old. http://mek.oszk.hu/09100/09186/09186.pdf

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Béla: A Translation. // Slavonic and East European Review. Vol. 87 (4). London: Unibersity college, 2009. P. 681-727. URL: http://discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf

Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century–Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute – Istros Publishing House, 2003.546 p.

Torma B. Gondolatok a. 907. évi pozsonyi csatát megörökítő források hitelességéről // Torma Felderítő Szemle. № 3. Budapest: A Magyar Köztársaság Katonai Felderítő Hivatal kiadványa, 2006. Old. 144-166. http://knbsz.gov.hu/hu/letoltes/fsz/2006-3.pdf

Информация об авторе:

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины. E-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

NEW «SCOURGE OF GOD»: CAMPAIGNS OF HUNGARIAN LEADERS AT PERIOD OF OBTAINING OF MOTHERLAND ACCORDING TO ROMAN SOURCES

© YA.V. Pylpchuk

The article is dedicated to the Hungarian campaigns against Western Europe. Several chronological stages can be distinguished in the sequence of Hungarian campaigns. The first period dates back to 862-898 when the Hungarians participated as mercenaries in the wars between the rulers of Western and Central Europe. The second period is presumably dated 899-910 and distinguished by campaigns of the Hungarians against the Germans. The campaigns against the Italians (899) and the Slovenes (901) were non-recurrent events. Hungarian campaigns reached peak intensity during the third period of 911-933 when the Hungarians ravaged not only German, but also French and Italian lands. German dukes paid tribute to the Hungarians. It ended with a defeat of the Hungarians in the Battle of Merseburg in 933. The Germans put an end to their tributary dependence on the Hungarians. This victory of the Germans, despite not being decisive, forced the Hungarians to march on Italian and French lands and only occasionally devastate German lands. The end of Hungarian attacks on Western Europe was marked by a defeat by the Germans in the Battle of Lechfeld in 955. The German duke who had the most success in resisting the Hungarians was the ruler of Bavaria. More ancient ethnonyms - Huns, Avars and Hagarins - were used in the European historical tradition in relation to the Hungarians when they were compared with nomads of the earlier periods. The figures announced by European chroniclers for the Hungarian army are overestimated. The Hungarian army was based on light cavalry armed with bows and swords, which practised typical nomadic tactics.

Keywords: Hungarians, nomads, Western Europe, Central Europe, tributary dependence, mercenaries, campaigns.

About the author:

Pilipchuk Yaroslav V. – Candidate of Historical Sciences, Junior Research Scientist of the Eurasian Steppe Department of the Institute of Oriental Studies named after A.Yu. Krimsky of the National Academy of Sciences of Ukraine. E-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com.

УДК 94(5) 902/904

ШЛЕМ ИЗ РАННЕДЖУЧИДСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ У СЕЛ. СЕМЕНОВОД (СТАВРОПОЛЬЕ)

©2017 г. Е.И. Нарожный

В статье рассматривается шлем из разрушенного кочевнического захоронения у пос. Семеновод на Ставрополье. Захоронение трактуется как погребение раннемонгольское. Особого внимания заслуживает редкий тип шлема с полумаской, вероятно, дающий возможность иного восприятия сразу нескольких деталей оформления целого ряда шлемов восточной Европы уже золотоордынского времени.

Ключевые слова: ранние монголы, Северный Кавказ, кочевники, вооружение, защитный доспех, шлемы.

Поводом к этой заметке послужила относительно недавняя статья С.Ю. Каинова и Ю.А. Кулешова, посвященная рассмотрению различных аспектов истории боевых полумасок Восточной Европы, как утверждают они, через призму «последних находок и новых исследований» (Каинов, Кулешов, 2014.). Публикуя новую находку полумаски из окрестностей сел. Диброво Донецкой области и вторую полумаски из Вщижа Брянской области, оба автора уделили некоторое внимание и одной нашей публикации, в которой, в научный оборот нами была введена реконструкция еще одной полумаски, происходящей из разрушенного кочевнического захоронения у пос. Семеновод (ныне – сел. Урожайное) на Ставрополье. Высказав несколько вполне конкретных замечаний и оценок по ее поводу, указанные авторы вынесли их в отдельное примечание. Как представляется, эти замечания требуют специального рассмотрения. Но для начала полностью процитируем точку зрения указанных авторов. Перечисляя известные им находки боевых полумасок, С.Ю. Каинов и Ю.А. Кулешов отмечают: «В литературе есть упоминания ещё об одной находке полумаски. В качестве таковой представляют набор коррозированных железных фрагментов, видимо[1], связанных (!? – Е.Н.) со шлемом из разрушенного золотоордынского погребения у поселка Семеновод (Ставропольский край, Россия) (Нарожный. 2010. 102-103. Рис.5;*6*). **Но здесь мы имеем дело с недоразумением, вызванным неправильной трактовкой материала и неверным подбором аналогий**» (Каинов, Кулешов, 2014. С. 86. Прим. 4)(Здесь выделено мной - Е.Н.).

В связи с указанным «недоразумением» нам приходится вновь обратить внимание и на некоторые недоразумения, на этот раз, продемонстрированные уже нашими уважаемыми оппонентами, в некоторых случаях сознательно, или по каким то другим соображениям проигнорировавших некоторые пояснения, опубликованные нами ранее. К тому же удивляет немного то, что у одного из указанных авторов (Ю.А. Кулешов) были на руках некоторые из наших предварительных («рабочих») реконструкций, задолго до этого, по настойчивым просьбам предоставленные ему, как он и просил, «для ознакомления».

В первую очередь С.Ю. Каинов и Ю.А. Кулешов указывают на то, что: «в публикации погребения (имеется в виду описания находок из разрушенного кочевнического захоронения- Е.Н.) у М.В. Горелика, И. В. Отюцкого и Н.А. Охонько не было ни слова о фрагментах полумаски или наносника, найденных в составе этого погребального комплекса (Горелик, Отюцкий, Охонько, 2010. С. 97-100)» (Каинов, Кулешов, 2014. С. 86. Прим. 4). Оппоненты справедливо ссылаются на коллективную статью М.В. Горелика, И.В. Отюцкого и Н.А. Охонько, опубликованную в том же самом журнале, что и наша статья. Подчеркну специально: подобное «соседство» обеих публикаций под одной обложкой, оказалось далеко не случайным. Наши уважаемые оппоненты должны были на это обратить внимание первыми, прежде чем заострять внимание других читателей международного журнала, каковым является «Stratum plus». Но должны были бы обратить внимание и на то, что под указанной статьей М.В. Горелика,

[1] Оговорка в форме «видимо»; прежде всего, демонстрирует очевидный факт того, что указанные авторы никогда не видели объект их обсуждения, но при этом они сразу же берут на себя функцию безапелляционного «оценщика», которому читатель должен верить безоговорочно.

И.В. Отюцкого и Н.А. Охонько стояла и дата ее написания: **«1989 г.»**, что должно было если не насторожить наших оппонентов, то заставить их разобраться с причиной такой «давности» этой статьи. Кроме того, Ю.А. Кулешов должен был обратить внимание и на то, что еще в 2007 г., во вводной части нашей монографии (она хорошо ему известна), вводившей в научный оборот материалы из другого уникального археологического комплекса со Ставрополья – Новопавловского могильника (Нарожный, Охонько, 2007), мы эту ситуацию описали отдельно. Напомню: акцентируя внимание на том, что в Ставропольском музее находится, как минимум, два оригинальных археологических комплекса эпохи Золотой Орды – материалы из подкурганных захоронений Новопавловского могильника и из разрушенного захоронения у пос. Семеновод, мы сконцентрировали внимание читателей и на другом. В частности отмечалось, что оба комплекса осматривались, реставрировались и изучались лично М.В. Гореликом по инициативе которого была подготовлена небольшая публикация Н.А. Охонько по Новопавловскому могильнику и коллективная статья М.В. Горелика, И.В. Отюцкого и Н.А. Охонько по Семеноводу. В том же 1989 г. обе названные выше статьи были отправлены в готовившийся к печати сборник научных статей – «Искусство Монголии и Великой Степи». Сборник этот по понятным причинам в известных всем реалиях начала 1990-х гг. так и не вышел в свет. Понимая что обе указанные статьи где-то еще лежат и ждут своего часа, мы и предупредили читателя об этом (Нарожный, Охонько. 2007. С. 3-8).

В 2010 г., поскольку М.В. Горелик решил опубликовать в очередном номере «Батыра» обе «старые» статьи по Новопавловке и по Семеноводу, т.е. - копии тех статей, что планировались к изданию в Монголии в конце 1980-нач. 1990-х, он, как и обещал, снабдил их примечаниями, указывающими на время написания этих статей («1989 г.»). Это вполне должно было объяснить не только «разницу» в объеме публикуемых материалов как в варианте 1989 г., так и более позднего времени. К тому же, в атрибуции одних и тех же материалов по версиям 1989, 2007 и 2010 гг. сохранялись и некоторые различия (Охонько. 2010. С. 96; Горелик, Охонько. 2010. С. 100). Однако наши уважаемые оппоненты – С.Ю. Каинов и Ю.А. Кулешов, видимо, на такие «мелочи» не обращают внимания, вопрошая: почему в статье 1989 г. нет ни слова о фрагментах полумаски? Проигнорировали они еще один момент в установленном ими «недоразумении». В моей публикации, помещенной в том же номере «Батыра», мы отдельно подчеркнули: публикуемые нами материалы из комплекса у пос. Семеновод (фрагменты полумаски), нами были **случайно обнаружены среди разрозненных и сильно фрагментированных материалов, находившихся среди находок Новопавловского могильника.** Часть из них – со следами реставрации**;** вероятно, они «затерялись» и, как выяснилось позднее, не попали в поле зрения М.В. Горелика (Нарожный, 2010. С. 100). Весьма странно, что наши оппоненты на это также не обращают никакого внимания.

Пропущенные тогда и опубликованные нами предметы из разрушенного кочевнического комплекса, реконструированные как полумаска, не единственные. Вместе с ними были обнаружены: половинка железной дужки от котелка (?) небольших размеров; более десятка обломков правых и левых окончаний бронзовых лунниц, а также фрагмент бронзовой проволоки с чередующимися, равноудаленными округлыми утолщениями. Этот фрагмент предмета изогнут в виде полуовала, позволяя соотносить его с целыми деталями поясного набора, находящими аналогии в кочевническом погребении могильника «Олень-Колодезь» (Ефимов.1999, цв. вкл. 3, фото вверху и в средней части, между с. 36 и с. 37). Эти, как и другие предметы из комплекса из пос. Семеновод, также остались неопубликованными. Они, во-первых, документируют очевидный факт того, что в Ставропольский музей, из кочевнического комплекса у пос. Семеновод, скорее всего, попали далеко не все находки. С другой стороны становится очевидной и потребность в перспективе новой и максимально полной публикации всех материалов кочевнического погребения у пос. Семеновод.

С.Ю. Каинов и Ю.А. Кулешов, развивая свой, хотя и «мимолетный», но, все-таки, критический «разбор» публикации варианта нашей реконструкции полумаски из погребения, отмечают также: «… Происходящий из погребения шлем не имеет ничего общего с боевыми наголовьями, на которых устанавливались полумаски, Т-образные профилированные анатомические наносники с дугообразными бровями и круговая бармица (Горелик, Отюцкий, Охонько, 2010. С. 98. Табл. 1,*7*; Нарожный, 2010. С. 101. Рис.1,*2*)» (Каинов, Кулешов, 2014. С. 86. Прим. 4). Но и в этом

случае все далеко не так, хотя с наблюдениями оппонентов можно согласиться лишь отчасти. Рисунок шлема из разрушенного кочевнического комплекса у пос. Семеновод принадлежит, скорее всего, музейному художнику и был использован в обеих статьях, посвященных данному комплексу (Горелик, Отюцкий, Охонько, 2010. С. 98. Табл. 1,*7*; Нарожный, 2010. С. 101. Рис. 2). Но этот вариант реконструкции, на мой взгляд, не совсем реалистичен, предлагая восприятие шлема, как немного вытянутого и приплюснутого с боков. Вместе с тем есть все основания вести речь о том, что данное боевое наголовье, что видно, например, на фото шлема (Нарожный, 2010. С. 101. Рис. 1), округлое. На этом фото шлем запечатлен сбоку, т.е. – это вид сбоку, лицевая его сторона в этом случае находится справа. Именно с лицевой стороны наголовья хорошо прослеживается вытянутый п-образный «вырез» (Рис. 1,*1*) с неровным верхним краем. «Вырез» этот, вероятнее всего – для крепления боевой полумаски.

Больше всего «умиляет» очередное «наблюдение» наших уважаемых оппонентов. Они указывают на то, что опубликованная нами реконструкция «полумаски несет явные признаки ее создания», явно, «в графическом редакторе» (Каинов, Кулешов, 2014. С. 86. Прим. 4). Утверждение это, вероятно, должно убедить потенциального читателя в некоей, *исключительной проницательности* наших уважаемых оппонентов, или, что вернее, одного из них – Юрия Алексеевича Кулешова, в свое время, после настойчивых просьб получившего от нас рабочие материалы и самые первые копии различных вариантов предварительных реконструкций. Кстати, никто тогда не только не скрывал от Юрия Алексеевича того факта, что предпринимавшиеся нами частичные графические реконструкций (в т.ч. реконструкции бармицы, системы ее крепления, как и полумаски к шлему), были отработаны в т.ч. и с использованием графического редактора. Вот только к чему все это публикуется в форме проницательного «предположения», Юрий Алексеевич? В принципе, «действия» подобного характера им уже демонстрировались и особо не удивляют; при необходимости могу привести еще пару-тройку примеров подобного «профессионального самовыражения» и только своей, исключительной эрудированности, при наличии досадной «забывчивости» при этом в ссылке на первоисточник полученной, или даже, уже опубликованной информации. Возможно, что и здесь, «предположив» об использовании нами графического редактора (в чем здесь криминал - ?), наш уважаемый оппонент вместе со своим соавтором попытался в очередной раз убедить уже более широкий круг читателя в наличии «установленного» ими «недоразумения»? Хотя и в этой ситуации, на наш взгляд, недоразумение заключается не в его констатации, а в стремлении «убедить» во что бы ни стало только в своей собственной «правоте». Что ж, в таких случаях никакими апелляциями, например, к давно принятым и используемым правилам, уже не проймешь, особенно в тех случаях, когда очень сильно хочется «показаться», в особенности, на международном уровне.

Среди прочего наших оппонентов сильно «удивило», к примеру, и оформление смотровых щелей опубликованной нами полумаски, вернее, наличия у них «кольчужной оторочки (Нарожный. 2010. С. 103. Рис. 5,*6*)». При этом, - пишут они, - «осталось не совсем понятным, как эта оторочка крепится к верхним и боковым смотровой щели, а снизу кольца «насажены» прямо на дуги, которые выглядят достаточно тонкими. Возможно так исследователь интерпретировал деформированный монтажный прут для бармицы (?-Е.Н.) с остатками нанизанных на него колечек, которые хорошо известны на золотоордынских шлемах (Ефимов, 1999. С. 95. С. 97. Рис. 2,*2*)» (Каинов, Кулешов, 2014. С. 86. Прим. 4).

Признаюсь, подобная «озабоченность» по поводу специфики крепления оторочки к корпусу полумаски, равно как и возникшие у оппонентов «ассоциации» с «монтажным прутом» могут показаться кому то серьезными и убеждающими. Однако комментировать подобные умозаключения не только сложно, но, как иногда кажется, бессмысленно, поскольку подобная безаппеляционность никогда не является следствием работы сомневающихся с реальным археологическим материалом из музейных фондов, чтобы убедиться в правомерности хотя бы собственных суждений. Здесь важно убедить читателя в «правильности» и «правоте» предлагаемых, «альтернативных» сомнений.

Действительно, подмеченная специфика оторочки смотровых щелей пока не имеет аналогий, эксклюзивна, оригинальна и нами встречена тоже впервые. Наличие на металлических пластинках по паре сквозных отверстий для каждого, овально-вытянутого «колечка» такой оторочки (Рис. 1,*2,3*), заставляет предполагать, что оторочка вполне могла играть не

только декоративную роль. Таким способом, вероятнее всего могла крепиться к оборотной стороне полумаски, как минимум двухслойная матерчатая подкладка (второй, верхний и самый мягкий слой подкладки должен был покрывать внутреннюю поверхность полумаски с этой стороны, предохраняя лицо воина от возможного увечья). Несмотря на то, что полумаски крепились к шлемам так, что она должна была отстоять от лица воина заметно на удалении, наличие на ней матерчатой подкладки, представляется нам весьма вероятной; подобная мера дополнительной предосторожности защиты лица вполне могла существовать, в чем убеждают интересующие нас детали оторочки полумаски из Семеновода.

Попытки соотнести интересующие нас фрагменты полумаски с, якобы, деформированным монтажным прутом для бармицы, как это предлагают С.Ю. Каинов и Ю.А. Кулешов – абсурдна. На фото фрагментов шлема из Семеновода, впрочем, как и на варианте его графической реконструкции (Горелик, Отюцкий, Охонько. 2010. С. 98. Табл. 1,*7*; Нарожный. 2010. С. 101. Рис. 2) хорошо видны 5 или 6 сквозных отверстий, равномерно расположенных вдоль нижнего края шлема, находящихся на некоторой высоте от этого края. Отверстия эти, скорее всего, были предназначены для системы крепления бармицы посредством ободка. когда к шлему по типу, действительно напоминающему систему крепления бармицы, но не только как на шлеме из могильника «Олень-Колодезь» (Ефимов. 1999. С. 93. Рис. 2,*2*). В других известных нам случаях некоторое количество опубликованных шлемов имели крепление бармицы иным способом – при помощи U-образной рамки с близко расположенными и чередующимися п-образными вырезами, образующими «зубец» подпрямоугольной формы. Кольца бармицы вставлялись в вырезы, сквозь которые продевался монтажный прут (Нарожный, Нарожный, Чахкиев. 2005. С. 303. Рис. 4,*8*; Нарожный. 2008. С. 50. Рис. 1,*1,2*. С. 52 и др.).

В завершающей части своего «заключения» С.Ю. Каинов и Ю.А. Кулешов однозначно констатируют: «Исходя из вышеизложенного, нет никаких оснований считать находку полумаской» (Каинов, Кулешов, 2015. С. 86. Прим. 4); просто и со вкусом!

Причины подобного и в значительной мере сильно самоуверенного «вывода» объясняется тем, что в настоящее время существует несколько точек зрения на вопрос о происхождении некоторых типов шлемов и деталей их оформления. Правы те. Кто считает: «При этом, первоначальный ареал бытования клювовидных наносников и полумасок до конца неясен». А.Н. Кирпичников (Кирпичников. 1971. С. 29), Ю.Ю. Петров (Петров. 1997. С. 139-143), К.А. Жуков (Жуков. 2006.) и др., «определяют боевые наголовья типа 4 – основные носители клювовидных наносников и полумасок, как исключительно русские. М.В. Горелик (Горелик. 2002) и А.Е. Негин (Негин. 2013. С. 67), напротив, придерживаются гипотезы о монгольском происхождении шлемов данного типа. В частности, значительную часть известных шлемов с полумасками и наносниками, найденными в курганах кочевой половецкой знати М.В. Горелик считал «монгольскими» или, изготовленными русскими по монгольскому образцу (Горелик. 2002. С. 25-26)» (Панкратов. 2015. С. 120)[2].

Отталкиваясь от данного наблюдения, во многом объясняющего и позицию С.Ю. Каинова и Ю.А. Кулешова, целесообразно отметить следующее. Комплекс археологических предметов из погребения у пос. Семеновод, как и шлем из него – важный информационный источник, нуждающийся в дальнейшем и специальном изучении. Вместе с тем, позиция наших оппонентов, утверждающих о «нехарактерной» форме шлема для того, чтобы у него была полумаска – мнение субъективное, требующее более серьезных доказательств. Вместе с тем, шлем этот, как и другие предметы, действительно, своеобразны и оригинальны.

Кочевническое погребение, в котором находился этот шлем – разрушенное и судить о его погребальном обряде и этнокультурной принадлежности сложно. Однако, этот комплекс содержал в своем составе и другие, не менее выразительные вещи - поясной набор (Горелик, Отюцкий, Охонько. 2010. С. 99. Табл. 2). Он, судя по аналогиям его деталям, входит в круг аналогичных наборов, ныне хорошо исследованных М.Г. Крамаровским. Абсолютное большинство таких же археологических комплексов, имевших в своем составе близкие детали поясных аксессуаров, включая и поясной набор из Семеновода (Крамаровский. 1991), были учтены М.Г. Крамаровским. Исследователь датирует их периодом «XII-XIII вв.» и относит

[2] Любопытно: А.Г. Панкратов приводит исчерпывающую подборку изучаемых им полумасок, в т.ч. и публикуемые С.Ю. Каиновым и Ю.А. Кулешовым. Однако полумаску из Семеновода, увы, вероятно, разделив точку зрения наших оппонентов, он не учитывает.

их к кругу раннемонгольских археологических древностей (Крамаровский. 2001. С. 43-81), к тому же входящих в «круг предметов, занесенных на территорию Евразии вместе с представителями поколения внуков Чингис-хана, независимо от принадлежности к родовым линиям разошедшихся на полмира отцов, ощущавших свою причастность к великому наследию деда. Иначе говоря, речь идет о великоханском культурном наследии, которое при старшем поколении Чингисидов было перенесено из Центральной Азии в европейский пояс степей (Дешт – и - Кипчак), Иран и Китай» (Крамаровский. 1995. С. 194). Данное обстоятельство само по себе девальвирует многое из необоснованных предположений С.Ю. Каинова и Ю.А. Кулешова. Во-первых, шлем – раннемонгольский, что само по себе дает право рассматривать его как не совсем характерную для Восточной Европы инновацию. То же самое, наверное, должно относиться и к полумаске данного шлема с ее неординарными приемами декорировки, поскольку она, вместе со шлемом – составной элемент боевого наголовья, привнесенного, скорее всего, из Центральной Азии. Рассматривая данное боевое наголовье именно с этой точки зрения, необходимо обратить внимание на еще одну, весьма важную деталь того же шлема – навершие (Рис. 1.*2*) (Нарожный. 2010. С. 102. Рис. 3). Навершие – двусоставное, нижняя часть в виде усеченного конуса из рога животного (Рис. 1,*2*). В верхнюю часть рогового конуса вставлен железный стержень (овально-округлой формы в сечении). Его верх завершается в виде лунницы («рогами» вверх) к концам которой перпендикулярно прикреплены железные окружности небольшого диаметра (правая сторона обломана) (Рис. 1,*2*). От центра нижней части лунницы вниз (вовнутрь конуса) «утоплен» железный стержень (вдавлен вовнутрь). Стержень утолщается книзу и, перед выходом наружу из конуса, обломан. К сожалению, реальную его высоту установить сложно, хотя по имеющимся фрагментам, она реконструируется в пределах 18-20 см. Нижний край этого стержня, насколько можно судить по фрагментам, с одного края утоньшался. Эта тонкая его часть проходила сквозь сквозное отверстие в центре «макушки» шлема и, вероятнее всего, расплющивалась и крепилась к куполу изнутри. При таком способе крепления, конус из рога закреплялся неподвижно: нижний его края плотно «сидел» на предусмотренной для этого уплощенной «площадке» на макушке шлема, а сверху конус прижимался округлой (цилиндрической формы) «шляпкой», предусмотренной на шпилевидном стержне (на фото эта деталь не видна, поскольку она сильно вдавлена вовнутрь конуса). Не ставя перед собой задачу полной характеристики этого навершия, что требует отдельной работы, отмечу лишь одно: специфика навершия этого шлема делает вполне заманчивым и перспективным его сближение с типом металлических наверший на целом ряде шлемов с территории Восточной Европы, происходящих к тому же, не только из кочевнических захоронений. Мы имеем в виду разнотипные шлемы, в т.ч. с наносниками и полумасками и завершающихся шпилевидными стержнями, «выходящими» из металлического конуса. Некоторые из таких конусов дополнительно крепятся к куполу, в том числе и посредством специальных «лапок» (Негин, 2012. С. 57. Рис. 11; Панкратов, 2015. Рис. 5,*18* и др.). Особо не настаивая на данном предположении, но учитывая хронологическую разницу данных традиций, сегодня вполне реально предполагать о возможности восприятии шлема с полумаской и специфичным навершием из Семеновода, как одного из самых ранних, «монгольских» привнесений в Восточную Европу, попавших сюда из Центральной Азии. «Копии» (реплики) различных деталей таких шлемов, вероятно, достаточно быстро получили распространение в различных вариациях на территории Восточной Европы.

В этом же контексте, наверное, необходимо рассматривать и другое: С.Ю. Каинов и Ю.А. Кулешов указывают на то, что в публикации полумаски из Семеновода мы привели не совсем удачные аналогии ей, с чем мы можем согласиться лишь отчасти, т.к. посредством этих аналогий, наши оппоненты «вышли» на полумаску из с. Вщиж, опубликовав ее в статье вместе с критикой нашей статьи. Обратим внимание на еще одну деталь. Опубликованная полумаска из комплекса у пос. Семеновод, как и приведенные нами «неудачные» аналогии, все же имеют одну, объединяющую их деталь. На всех в верхней части сравниваемых полумасок имеется выдавленные снаружи вовнутрь углубления, напоминающее «брови вразлет». Вероятно, помимо утилитарного назначения, придававшего полумаске дополнительную жесткость, эта деталь, наверное, выполняла и декоративную функцию. В любом случае, наличие такой детали на «русской» полумаске из Вшижа и на монгольской полумаске из

Семеновода – еще один повод для объяснения подобного совпадения и определения генезиса подобных и, наверняка, общих их истоков, а также – определения хронологической последовательности появления таких истоков и поэтапного распространения в Центральной Азии и в Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА:

Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV вв. М: Восточный горизонт, 2002.84 с.

Горелик М.В., Отюцкий И.В., Охонько Н.А Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1.С.97–100.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения могильника «Олень-Колодезь» // ДА. 1999. 3-4. С.93-108 + цв. вклейки между стр.36 и с.37.

Жуков К.А. Куполовидные шлемы с полумасками на Руси. //Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научно-практической конференции. М.: МО РФ, 2006. С.151–156.

Каинов С.Ю., Кулешов Ю.А. Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // Stratum plus. 2014. №6. С. 83–98.

Кирпичников А.Н. Доспех, комплекс боевых средств / САИ. Вып. Е-36. 3.-Л.,1971. 102 с.

Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северокитайские и исламские черты в торевтике 13-14 вв.// Восточный художественный металл из степного Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока. Л: ГЭ. 60 с.

*Крамаровский М.Г.*Золотая монгольская пластинка из коллекции Халлили // Эрмитажные чтения 1986-1994 годов памяти В.Г. Луконина. Санкт-Петербург: ГЭ, 1995. С.192–199.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII - первой пол. XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани.1223-1556 гг./Отв. ред. А.А. Арсланова. Казань: ИИ АН РТ, 2001.С.43-81.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Погребение №15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // МИАСК. Вып5 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ. 2005. С.291-304.

Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов // Военная археология. Сб. материалов семинара при ГИМ. Вып. 1.М.: ГИМ, 2008. С.42-54.

Нарожный Е.И. Шлем из разрушенного кочевнического захоронения у поселка Семеновод (Новоалександровской район Ставрополья) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1.С.101–104.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей // МИАСК. Вып.7 / Под ред. С.Н. Савенко. Армавир-Ставрополь: РИЦ АГПУ, 2007. 220 с.

*Негин А.Е.*Шлем из Городца // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. №.1-2 (4-5), 2012. С. 52–82.

Негин А.Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород: НИ НГУ, 2013.98 с.

*Охонько Н.А.*Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1, 2010. С.88-96.

Панкратов А.Г. Наносники и полумаски некоторых боевых наголовий древней Руси // Клио. 2015. №5 (101). С.120–133.

Петров Ю.Ю. Древнерусские шлемы с полумасками // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т.2. Санкт-Петербург: ИИМК. 1997.С.139–143.

Информация об авторе:

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист НАО «Наследие Кубани»; E-mail: zai_ein@mail.ru

A HELMET FROM AN EARLY JUCHID BURIAL NEAR SEMENOVOD VILLAGE (STAVROPOL KRAI)

E.I. Narozhnyi

The article is dedicated to a helmet from a destroyed nomadic burial near Semenovod village in Stavropol Krai. The burial is considered an early Mongol site. Of special interest is the rare type of helmet with a half-mask, supposedly allowing to reconsider the perception of several design features of a series of helmets from Eastern Europe crafted as late as in Golden Horde period.

Keywords: Early Mongols, North Caucasus, nomads, armament, protective armour, helmets.

About the author:

Narozhnyi Evgeny I. – Dr. Habil, Honoured Cultural Worker of Kuban, Leading Specialist of NJSC "Heritage of Kuban"; E-mail: zai_ein@mail.ru

Рис. 1. Фото шлема из пос. Семеновод, его навершие и полумаска.
1 – Фото шлема; 2 – Навершие; 3 – Реконструкция полумаски; 4 – Полумаска, деталь.

УДК 94(5) 902/904

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУРГАН С ДВУМЯ РОВИКАМИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА СОВРУНО-1 НА СТАВРОПОЛЬЕ

© 2017 г. В.А. Бабенко

В ходе археологических раскопок кургана 2 курганного могильника «Совруно-1» на территории Ипатовского района Ставропольского края были исследованы интересные погребения эпохи Средневековья. Всего в кургане было исследовано 2 погребения, окруженных ровиками. Погребение 1 датируется эпохой Золотой Орды. Погребение 2 датируется хазарской эпохой. Данные погребения локализуются в зоне расположения зимних пастбищ, традиционных для эпохи средневековья. Это новые погребения воинов-всадников хазарской и золотоордынской эпох на территории Центрального Предкавказья и степей Юга России.

Ключевые слова: курган, ровик, погребение, кочевник, лошадь.

Археологическая экспедиция ГУП «Наследие» (директор А.Б. Белинский, начальник отряда А.А. Калмыков) в 1998-2001 гг. исследовала ряд комплексов эпох раннего средневековья и Золотой Орды в курганных могильниках из окрестностей пос. Советское Руно Ипатовского района Ставропольского края. Они располагались в долине р. Айгурки (Айгурский-2) и на незначительном удалении от нее (Совруно-1). Айгурка является правым притоком р. Калаус, имеет широкое меандрирующее русло и меридиональное направление течения. Ее истоки расположены на Прикалаусских высотах, одной из наиболее высоких точек Ставропольской возвышенности (Рис. 1).

Комплексы из курганного могильника Айгурский-2 (раскопки В.А. Бабенко) нуждаются в отдельной публикации. Курганный могильник Совруно-1 был исследован в 2000 г. (раскопки А.В. Яковлева)[1]. Памятник располагался в 2,5 км к юго-западу от пос. Советское Руно, на пологом левом берегу р. Айгурки и состоял из 2 насыпей, подвергавшихся длительной распашке. Курган 2 имел высоту около 0,4 м и диаметр около 5,5 м. Он располагался в 170 м к северу-северо-западу от кургана 1[2]. Раскопки производились с применением бульдозера на базе трактора Т-170 с ножом шириной 3,5 м.

В кургане были обнаружены 2 ровика, кости животного, яма и 2 погребения, датирующиеся хазарским и золотоордынским временем.

Ровик 1. Основное погребение 2 было совершено на площадке трапециевидной формы с размерами 5,65×,5 м, ограниченной ровиком-оградой с 4 перемычками по углам. Ровик ориентирован по сторонам света, при этом длинные стенки погребения 2 параллельны северной и южной канавкам ровика. Северная, восточная и южная канавки имеют в плане дугообразную форму с закругленными углами. Северная и восточная канавки образуют не угол, а закругление, остальные канавки образуют между собой углы. Канавки имеют сильно скошенные стенки и ровное дно. Ширина канавок по верхнему контуру составляет 0,4-0,75 м. Они заглублены в материк до 0,5 м от уровня погребенной почвы. Их дно зафиксировано на уровне -0,86-1,18 м от R_0 (Рис. 2.*1*).

Ровик 2. Ровик 2 расположен с незначительным смещением к востоку относительно основного ровика. Он связан с впускным погребением 1. Он имеет в плане кольцевую форму с двумя разрывами в северо-западном и в юго-восточном секторах. В северной части его заполнение прорезает яма 1. Диаметр ровика – 12,5 м, ширина канавок по верхнему контуру – 0,40-1,85 м. Дно канавок зафиксировано на уровне -0,94-1,12 м от R_0 (Рис. 2.*1*).

Стратиграфия насыпи. Насыпь кургана разрушена распашкой, стратиграфические прослойки не прослежены. Под пахотным слоем мощностью от 15 до 25 см зафиксированы погребенная почва и материк. В центральной части профиля встречались небольшие линзы светло-коричневого суглинка, нарушенные норами землеройных животных и напоминающие грунт материкового выкида. Канавки ровика 2 прорезают околокурганные западины, сформировавшиеся вокруг насыпи и заполненные серо-коричневым суглинком. Южная стенка северной канавки ровика

[1] Выражаю А.В. Яковлеву признательность за возможность публикации материалов раскопок.

[2] В кургане 1 было выявлено 2 сырцовых сооружения эпохи Золотой Орды, опубликованные ранее (Бабенко. 2012. с. 196-199, 211-217, рис.4-10).

2 прорезана ямой 1. Погребение 1 выбрано в заполнении погребения 2 (Рис. 2, *1*).

Кость животного-1. Обнаружена при прорезке 1-й восточной траншеи за пределами кольцевого ровика на уровне -0,58 м от R_0. Представляет собой правую путовую кость лошади[3], ориентированную по линии север-юг. Примерно на одном уровне с ней зафиксированы частицы древесного тлена, расположенные в 0,25 м западнее (Рис. 2, *1*).

Яма 1. Обнаружена в 1-й западной траншее в плане на уровне -0,74 м от R_0 и в западном фасе бровки по пятну заполнения и выступающему из пятна камню. На зачищенной поверхности отчетливо просматривалось прорезание ямой 1 заполнения северной канавки кольцевого ровика. При выборке заполнения в северо-восточном углу в заполнении был обнаружен абразивный камень (находка 1). При дальнейшей расчистке была выявлена яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Яма имеет покатые стенки и сильно сужается ко дну. Размеры ямы по верхнему контуру: длина – 1,43 м, ширина – 0,52 м. Размеры ямы по нижнему контуру: длина – около 0,9 м, ширина в западной части – около 0,39 м, ширина в восточной части – около 0,43 м. Дно ямы ровное, с уклоном в сторону юго-восточной стенки, где оно зафиксировано на уровне –1,23 м от R_0 (Рис. 3, *1*).

Описание инвентаря.

1. Камень абразивный. Изготовлен из пористой породы с небольшими вкраплениями кварца. Имеет уплощенно-трапециевидную форму. В средней части рабочей поверхности имеется выемка, образовавшаяся в результате использования предмета в качестве точильного бруска. Тыльная сторона не имеет признаков обработки. Размеры: длина – 20,2 см, ширина – 4-7,5 см, толщина – 4,2 см (Рис. 3, *2*).

Погребение 1. Впускное. Совершено в яме с подбоем, ориентированной длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Судя по пропорциям сохранившейся части конструкции, яма могла иметь подтрапециевидную форму, сужающуюся с запада на восток. Вдоль северной стенки с уровня около -1,5 м от R_0 была выбрана ступенька подтрапециевидной формы, скошенная в сторону подбоя.

На ступеньке вдоль северной стенки были уложены череп и кости конечностей лошади (остатки чучела), возраст которой составил около 4-4,5 лет. Это среднерослая лошадь восточного типа, рост которой мог быть от 139,03 до 153,9 см. Она отличалась большей массивностью передних конечностей по сравнению с задними, поэтому обладала скоростным аллюром. Наличие хорошо развитой предглазничной впадины (или ямки), служащей местом крепления носогубной мускулатуры, свидетельствует о развитии и подвижности верхней губы, что связано с питанием более грубыми, сухими кормами. Чучело лошади было уложено черепом на восток-юго-восток, с имитацией положения целой туши на правом боку. Череп лежал на пологой части ступеньки на правом боку, передней частью на юго-восток. В пасть лошади были вставлены железные удила (находка 1). Передние ноги были отчленены по локтевые кости и положены вдоль ступеньки к западу от черепа. Задние ноги были отчленены по берцовые кости и положены в средней части ступеньки поперек передних ног. Анатомический порядок ряда костей нарушен. Возможно, они были смещены землеройными животными. Ближе к черепу в древности были положены железные стремена (находка 2, 2 шт.), ориентированные дужками на северо-восток. Между стремян была обнаружена копытная кость и железная пряжка (находка 3). В заполнении ямы на верхних уровнях было найдено несколько зубов, включая зуб еще одной особи, возможно, от лошади из погребения 2 и три хвостовых позвонка лошади.

В плане ниша подбоя имеет подтрапециевидную форму и сужается с запада на восток. Западная часть подбоя сильно смещена относительно западной стенки ямы. Размеры: длина ямы – 2,3 м, ширина ступеньки в западной части – 0,42 м, ширина ступеньки в восточной части – 0,32 м, длина ниши – 2,44 м, ширина ниши в западной части – 0,68 м, ширина ниши в восточной части – около 0,48 м. Дно ниши понижается с запада на восток и зафиксировано на уровнях-1,84-1,99 м от R_0. В нише лежал скелет мужчины в возрасте 25-35 лет[4], отно-

[3] Все палеозоологические определения, приведенные в статье, выполнены в камеральных условиях старшим научным сотрудником Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве кандидатом биологических наук А.К. Швыревой.

4 Все палеоантропологические определения, приведенные в статье, выполнены совместно М.М. Герасимовой, старшим научным сотрудником Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, и Д.В. Пежемским, старшим научным сотрудником научно-исследовательского института и

сящегося к центрально-азиатской популяции монголоидной расы.

Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на запад-северо-запад. Череп лежал на затылке, с небольшим разворотом к югу. К юго-западу от черепа погребенного зафиксирован крестец молодой лошади, ориентированный на запад-северо-запад. На лучевой кости левой руки и коленном суставе левой ноги лежала железная сабля (находка 4). Она лежала на левой стороне и была ориентирована острием на восток-юго-восток. Ближе к правому коленному суставу остриями на восток-юго-восток лежали железные наконечники стрел (3 шт., находка 5). В 15 см к востоку-юго-востоку от них, рядом с большой берцовой костью, лежала костяная накладка на лук (находка 6). При снятии сабли были обнаружены железный нож (находка 7) и железная пряжка (находка 8). Между бедренными костями погребенного было выявлено пятно органического тлена бурого и белого цвета с остатками кожи и бересты (Рис. 4, *1*, рис. 5).

Описание инвентаря.

1. Удила железные. Изготовлены из прямоугольного в сечении прута с закругленными гранями. Состоят из двух стержней, соединенных подвижно между собой. На концах стержней с помощью зажимов крепятся два кольца. Кольца изготовлены из квадратного в сечении прута толщиной около 0,6 см. Размеры: длина стержней – около 9 см, сечение прута – 1,1×0,8 см, диаметр колец – 5-5,7 см (Рис. 6, *2*).

2. Стремена железные (2 шт.). 2а. Стремя железное с арочной дужкой, в верхней части которой имеется широкая прорезь для ремня и узкой подножкой с загнутыми вниз краями. Размеры: высота – 14,1 см, ширина – 13 см, ширина дужки – 0,8-2,8 см, толщина дужки – 0,8-1,7 см, размеры прорези для ремня – 2,5×0,4 см, ширина подножки 4,3 см, толщина – 0,6 см (Рис. 6, *1а*). 2б. Стремя железное плохой сохранности, разрушилось при снятии. Имело арочную дужку, в верхней части которой прослеживалось сильно корродированная прорезь для ремня и узкую плоскую подножку. Размеры: высота – 14 см, ширина – 12,7 см, ширина сохранившейся части дужки – 0,8-2,2 см, толщина дужки – 0,7-1,6 см, ширина подножки 4,5 см, толщина – 0,7 см (Рис. 6, *1б*).

3. Пряжка железная. Сильно корродированна. Имеет плоскую рамку овальной формы овального сечения и язычок аналогичного сечения с загибом на конце. Размеры: длина – 5,2 см, ширина – около 4 см, сечение рамки – 1,1×0,7 см, сечение язычка – 0,8×0,4 см (Рис. 6, *3*).

4. Сабля железная. Имеет короткую рукоять и длинный среднеизогнутый клинок, закругленный на конце. Участок максимального изгиба находится в центральной трети клинка. Рукоять отделена от клинка прямым перекрестьем. Размеры: длина – 115,5 см, длина рукояти – 10,2 см, длина клинка – 102,9 см, ширина рукояти – 1,2-3,9 см, толщина рукояти – 1,2-2 см, ширина перекрестья – 11,7 см, ширина клинка – 3,6-4,8 см, толщина клинка – 1,2-2,5 см, кривизна клинка – около 3 см (Рис. 7, *1*).

5. Наконечники стрел железные (3 шт.). Предметы сильно корродированны и скипелись между собой. Форма одного из наконечников не реконструируется. Самый крупный по размерам наконечник имеет длинный черешок округлого сечения, и плоское перо ромбической формы, обломанное на острие. На черешке имеются следы древесного тлена, конец его скошен. В верхней части имеется слабо выделенный упор высотой около 1 см. Размеры: длина – 12,2 см, длина черешка – 6,4 см, длина упора – около 1 см, длина пера – 5,8 см, диаметр черешка – 0,7 см, диаметр упора – около 1,4 см, максимальная ширина пера – 3,5 см, толщина пера – 0,4-0,7 см. Меньший по размерам наконечник имеет удлиненную четырехгранную форму и ромбическое сечение. Он был насажен на деревянное древко, от которого сохранился фрагмент длиной 3,2 см. Возможно, наконечник обладал бронебойным действием. Размеры: длина – 3,9 см, ширина – 1,5 см, толщина – 1,2 см (Рис. 7, *3*).

6. Накладка на лук концевая, костяная. Нижний край утрачен. Имеет форму уплощенного сегмента овала с двумя прямыми сторонами. Вдоль длинной ровной стороны имеется арочный вырез под тетиву размерами 1х0,7 см. На одной из сторон накладки имеется след потека, возможно от клея. Размеры – 5,3×2,9×0,2 см (Рис. 7, *4*).

7. Нож железный. Имеет рукоять в виде заостренной хвостовины и короткое заостренное лезвие плохой сохранности. На рукояти и лезвии имеются следы древесного тлена. Размеры: длина – 8,2 см, длина рукояти – 3,4 см, длина лезвия – 4,8 см, ширина рукояти – 0,3-1 см, толщина рукояти – 0,4-0,6 см, ширина лезвия – 1,5 см, толщина лезвия – 0,8 см (Рис. 7, *2*).

8. Пряжка железная. Является деталью портупейного ремня от сабли. Имеет плоскую рамку округлой формы прямоуголь-

музея антропологии МГУ.

ного сечения, с утоньчением в центральной части и язычок квадратного. Окончание язычка сильно корродированно. Размеры: диаметр рамки – 2,4 см, сечение рамки – 0,4×0,2 см, толщина язычка – 0,3 см (Рис. 6, *4*).

Погребение 2. Основное. Совершено в яме трапециевидной формы, ориентированной длинной осью по линии запад-восток со ступенькой и подбоем в южной стенке. Южная стенка и юго-восточный угол ямы разрушены погребением 1. Северная стенка ямы имеет в плане дугообразную форму. В западной стенке выбрана ниша шириной в плане около 0,52 м. Ее дно повышается в сторону западной стенки. Длина ямы по верхнему контуру составляла 2,5 м. Вдоль северной стенки на уровне около –1,95 м от R_0 оставлена большая ступенька длиной 2,9 м, шириной в западной части 1,32 м, в восточной части – 0,6 м. Ступенька понижается с запада на восток и в сторону подбоя. В восточной части ступеньки обнаружены кости скелета лошади 3-3,5 лет, имевшей рост в холке около 136,76 см. Туша лошади была положена на ступеньку на правом боку, передней частью на запад. Череп отсутствовал, возможно, был разрушен при сооружении погребения 1. Сохранились шейные позвонки, лежащие в сочленении. От передних конечностей сохранились только лопатки и плечевые кости плохой сохранности. Сильно согнутые в коленных суставах задние конечности были сведены копытами и свисали над нишей подбоя. В средней части ступеньки, на ее краю было обнаружено железное стремя (находка 1), ориентированное дужкой на запад-северо-запад.

Камера подбоя имела подпрямоугольную форму с закругленными углами. Длина – около 2,5 м, ширина – около 0,62 м. Дно подбоя понижается с запада на восток и зафиксировано на уровнях -2,04-2,14 м от R_0. На дне лежал скелет мужчины в возрасте 25-35 лет.

Погребенный лежал, вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад. Череп лежал на затылке, нижняя челюсть была перемещена землеройным животным по норе, прошедшей под черепом. В юго-западном углу за черепом был обнаружен лепной горшок (находка 2). Кости рук погребенного вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки положена на шейку левой бедренной кости. Кисть правой руки положена рядом с правой бедренной костью, ее лучевая кость смещена нижним концом к правой подвздошной кости. Кости ног погребенного вытянуты и сдвинуты в коленных суставах и стопах, стопы вытянуты по оси туловища. Вдоль левой половины останков погребенного были обнаружены многочисленные кости животных. Вдоль левой плечевой кости был обнаружен череп ягненка, ориентированный на запад-юго-запад и лежащий в сочленении с шейными позвонками (возраст не превышал 3-х месяцев), а также кости передних и задних конечностей **(КЖ 1)**. У костей левого предплечья был обнаружен череп взрослой овцы, шейный позвонок и кости правой конечности **(КЖ 2)**. Череп был ориентирован мордой на запад-юго-запад. После снятия черепа рядом с костями левого предплечья погребенного был обнаружен железный предмет, содержащий вкрапления древесного тлена (находка 3). В ногах погребенного, под задними конечностями лошади и в северо-восточном углу камеры подбоя находились левая передняя и обе задние конечности той же особи взрослой овцы **(КЖ 3)**. Овца не достигла 2-х летнего возраста. Ее рост в холке достигал 70 см. Она близка древнехорезмским овцам и современным овцам романовской породы (Рис. 4, *2*, рис.5).

Описание инвентаря.

1. Стремя железное. Имеет высокую выделенную петлю для путалища, широкую дужку арочной формы и узкую подножку. Подножка сильно корродирована, поэтому наличие жгутов, которые обычно укрепляют подножки не выявлено. Размеры: высота – высота – 22 см, ширина 13,5 см, высота петли – 6,7 см, ширина петли – 3,5 см, толщина петли – 1 см, ширина дужки – 2 см, толщина дужки – 1,7 см, ширина подножки – 3,5 см, толщина подножки – 0,7 см (Рис. 8, *3*).

2. Горшок глиняный. Имеет плоское широкое дно, высокое профилированное тулово, высокие дугообразные и отогнутый наружу высокий венчик. В тесто добавлены дресва и кварцевый песок. Размеры: высота – 19,3 см, высота тулова – 9,5 см, высота плечиков – 6,8 см, высота венчика – 3 см, диаметр дна – 14,2 см, диаметр тулова – 16,5 см, диаметр шейки – 13,5 см, диаметр венчика – 15 см, ширина устья – 11,3 см (Рис. 8, *1*).

3. Предмет железный. Имеет неправильную форму и сильно корродирован. Содержит вкрапления древесного тлена, напоминающие по форме черешок наконечника стрелы. Размеры - 9,56×6×3,5 см (Рис. 8, 2).

Предварительные выводы. В ходе охранных раскопок ГУП «Наследие» на севере Ставрополья было исследовано значительное количество подкурганных захоронений эпох раннего средневековья и Золотой Орды.

Здесь районы с наибольшей концентрацией курганов различных периодов эпохи средневековья практически совпадают и локализуются в приманычской зоне. Это подтверждает справедливость вывода А.В. Гадло, что Ставропольская возвышенность являлась местом сезонной, в основном, зимней, концентрации населения (Гадло, 2004. С. 226-240). Одним из таких районов является долина Айгурки. Раннесредневековые и золотоордынские памятники долины Айгурки расположены в контактной зоне, в которой проходили коммуникации от эпохи средневековья до Нового времени, связывавшие различные районы Центрального Предкавказья и Ставропольской возвышенности с районами Нижнего Поволжья (Бабенко, 2006. С. 112).

Прослеженное в кургане 2 курганного могильника Совруно 1 сочетание ровиков хазарской и золотоордынской эпох имеет редкие аналогии на сопредельных территориях. Известно о двух подобных случаях на территории Сальско-Манычского междуречья, но там впускные ровики половецкого времени прослежены частично (Власкин, Ильюков, 1990. С. 146. Рис.6, *1*). В кургане 2 курганного могильника Южный-84 на территории степного Прикубанья прослежено разрушение основного погребения эпохи раннего средневековья позднекочевническим погребением (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 188-189). Подобные случаи требуют особого внимания исследователей. Возможно, на поверхностях курганных насыпей сохранялись какие-то внешние признаки, привлекавшие внимание позднесредневековых кочевников. Иными причинами объяснить симметричное расположение ровиков в кургане невозможно.

Комплекс Совруно 1-2-2 относится к памятникам хазарского времени соколовского типа (Клейн Л.С. и др., 1972. С. 132-134). В планировке ровика-ограды прослеживается переход от кольцевой формы к подквадратной, известный по памятникам Нижнего Подонья (Круглов Е.В, 2006. С. 280). Он может быть сравнен с такими памятниками, как курган 14 курганного могильника Подгорненский IV (Безуглов, Науменко, 2007. С. 81. Рис.1, *1*) и Кировский V могильник (Власкин, Ильюков, 1990. С. 146. Рис.6, *6*).

Горшок и стремя типичны для захоронений соколовского круга. Подобные предметы найдены в комплексе Таловый II-3-1. Стремя отнесено авторами публикации к рубежу VIII-IX вв. (Глебов, Иванов, 2007. С. 161, 169. Рис.3, *2*; С. 170. Рис.4, *3*). Аналогичное стремя происходит из могильника Куцый XII, курган 1, погребение 1. Комплекс датируется В.В. Яценко в пределах VIII-IX вв. (Яценко, 2007. С. 186, 191. Рис. 4, *2*). Таким образом, комплекс Совруно 1-2-2 аналогичен нижнедонским древностям круга памятников типа Соколовской балки и может быть датирован в пределах VIII в. Обнаружение такого памятника на Ставрополье существенно расширяет их географию.

Комплекс Совруно 1-2-1 имеет многочисленные аналогии в золотоордынских памятниках Донбасса, Нижнего Подонья и Северного Кавказа. Инвентарь из комплекса допускает широкие датировки в пределах XII-XIV вв., но более предпочтительной представляется его датировка золотоордынской эпохой.

Наконечник ромбической формы близок к типу BIV по типологии Г.А. Федорова-Давыдова, который обычно датируются домонгольским временем (Федоров-Давыдов, 1966. С. 28) и ромбическим крупным наконечникам типа 49 по А.Ф. Медведеву, занесенным в Европу монголами (Медведев,1966. С. 50). Подобные наконечники обнаружены во многих памятниках от Донбасса (Евглевский, 1992. С. 113. Рис.3, *11*) до Северного Кавказа (Дружинина, 2007. С. 160, 173. Рис.1, *12*). А.В. Евглевский относит массивные наконечники, близкие по форме к типам BIV и BV к вещам, появившимся в Северном Причерноморье с началом монгольского нашествия (Евглевский,1992. С. 115). В ряде комплексов подобные наконечники датируются монетами Токты (Нарожный, 2008. С. 531) и Узбека, (Гармашов, 2002. С. 209. Рис. 2, *12*). Второй наконечник может быть отнесен к группе граненых (бронебойных) черешковых по А.Ф. Медведеву, предположительно, к типу 97-4, широко распространенному на подвластных Золотой Орде землях (Медведев,1966. С. 61).

Сабля относится к типу 13 по типологии А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2000. С.124. Рис. 3; С. 136. Табл. 2). Сабля датируется 1-й пол. XII – 2-й пол. XIV вв. (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 145. Табл.8).

Атрибуция накладки на лук затруднена рядом моментов. Аналогии ей на территории Северного Кавказа автору неизвестны. Ее можно сравнить с концевыми вкладышами, распространенными у монголов (Худяков, 1991. С.101. Рис.50, *4*), а также у племен Верх-

него Приобья и Горного Алтая (Худяков,1997. С. 60. Рис.36, *1*). В отличие от массивных центральноазиатских образцов, она имеет плоское сечение. Очевидно, что данный вариант лука был привнесен в Центральное Предкавказье в том виде, в каком он сложился на северной периферии Монгольской империи.

Стремена близки стременам типа ДII. Так же как и стремя из погребения 1 кургана 5 курганного могильника Вербовый Лог VIII, они имеют уплощенную подножку (Власкин, Гармашов, Науменко, 2006. С. 58. Рис.16, *1*). Подобные стремена обнаружены в курганном могильнике Золотаревка-7, в кургане 1, погребении 3 (Бабенко, Калмыков, 2007. С. 233. Рис.5, *4*). Удила относятся к типу ГII по типологии Г.А. Федорова-Давыдова. Пряжки и нож не имеют узкой даты.

Вызывает интерес связанный с погребением 1 кольцевой ровик. По данным А.Г. Атавина, рвы прослежены в 48 курганах, отнесенных им к половецкой эпохе, что составляет 19% от общего числа захоронений, (Атавин, 2008. С. 88). Похожие ровики с двумя перемычками прослежены в кургане 2 курганного могильника Джухта 2, в котором также прослежена яма в северной части конструкции (Доде, 2001. С. 118. Рис. 1), в курганах 1 и 3 курганного могильника Вербовый Лог VIII (Власкин, Гармашов, Науменко, 2006. С. 13. Рис.1, *3*; С. 54. Рис,12, *1*). Можно согласиться с предположением Е.А. Армарчук, что наличие кольцевых ровиков вокруг насыпей является хронологическим показателем курганов золотоордынского времени (Армарчук, 2000. С. 123).

Погребальный обряд в рассматриваемом захоронении характеризуется смешением торко-печенежских и половецких черт. Погребение может быть отнесено к отделу Б по типологии Г.А. Федорова-Давыдова в целом. Наиболее близко оно типу БVI, но в захоронениях этого типа череп коня ориентирован на запад (Федоров-Давыдов,1966. С. 125).

Подбойные погребения распространяются в IV период (Федоров-Давыдов, 1966. С. 157). По данным А.Г. Атавина, они отсутствуют в Волгоградской, Саратовской, и Воронежской областях, встречаются в незначительном количестве в Краснодарском и Ставропольском краях, Калмыкии и Астраханской области; лидирует по их количеству Ростовская область. По его предположению, факт их концентрации в районах сосредоточения курганов хазарского времени с подбоями можно объяснить наличием остаточного хазарского населения (Атавин, 2008. С. 90). На наш взгляд, здесь имеет место расположение зимних пастбищ у кочевников раннего средневековья и Золотой Орды в одних ландшафтных зонах.

Способ членения туши коня соответствует типу III., варианту VII по типологии А.Г. Атавина (Атавин А.Г., 1984. С. 136. Рис. 3). А.Г. Атавин считал чертой половецкого обряда укладывание коня черепом в противоположную от человека сторону. Он проследил корреляционную связь данных признаков с восточной ориентировкой погребенных (Атавин, 2008. С. 91-92).

В то же время, отмеченная западная ориентировка человека и восточная ориентировка чучела коня имеют пока немногочисленные аналогии в памятниках Нижнего Подонья и Северного Кавказа (Гармашов, Глебов, 2004. С. 212-213; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 61. Рис. 22; Березин, Березин, Нарожный, 2011. С. 181. Рис. 1). Имеются основания для выделения этой группы погребений в отдельный тип. Это не противоречит выводу. Г.А. Федорова-Давыдова, что характерным явлением для IV периода было образование новых смешанных типов (Федоров-Давыдов, 1966. С. 152).

По заключению М.М. Герасимовой, для черепов золотоордынского времени из могильника Совруно 1 показательным является наличие ореховидных вздутий, типичных для монголоидных групп. Они вместе с черепами из могильников Айгурский 2, Джухта 2, Шарахалсун 2 образуют большую серию, отнесенную к центрально-азиатской монголоидной расе. При этом череп из комплекса Совруно 1-2-1 отличается меньшей уплощенностью лица (Герасимова, 2003. С. 61-63). На наш взгляд, в связи с отмеченными особенностями, данный комплекс может быть связан с выходцами из Южной Сибири, перенявшими погребальную обрядность местного населения.

Отмеченные в работе М.М. Герасимовой памятники расположены на северо-востоке Ставропольской возвышенности и образуют компактную группу. В исследованных в кургане 2 курганного могильника Совруно-2 сырцовых сооружениях были похоронены носители аналогичного антропологического типа. Материалы из курганов 1 и 2 позволяют проследить эволюцию погребального обряда в среде монгольской аристократии на протяжении жизни нескольких поколений. В комплексе Айгурский 2-27-1, расположенном поблизости, прослежены каменная

подкурганная конструкции и т.н. баранье «стегно», имеющие аналогии в памятниках Западного Забайкалья (Бабенко, 2006. С. 111. Рис.1). Вероятно, в погребальном обряде этой группы населения проявилось воздействие погребального обряда местного населения и новых явлений, приведших к смене традиционных для половцев и монголов ориентировок на западную (Нарожный, 2005. С. 173-176). Эта смешанная группа монголоидного населения контролировала важный участок в долине р. Айгурка и на прилегающих территориях северо-восточных районов Ставропольской возвышенности. Здесь проходили маршруты перекочевок ханских ставок и торговые коммуникации.

С учетом предложенной ранее датировки сырцовых сооружений сер. XIV в. (Бабенко, 2012. С. 208), комплекс Совруно 1-2-1 предварительно может быть датирован рубежом XIII–XIV в. Прослеженные в нем такие признаки, как кольцевой ровик, наличие подбоя, западная ориентировка погребенного, способ членения туши коня, погребальный инвентарь могут рассматриваться как датирующие для памятников Центрального Предкавказья.

ЛИТЕРАТУРА:

Армарчук Е.А. Степь копьеносных наездников – взгляд из XX века // ТА. 2000. №1-2(6-7). С. 103–131.

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА.1984. № 1. С. 134–143.

Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. С. 71–105.

Бабенко В.А. Древности эпохи Золотой Орды из долины р. Айгурки (тезисы) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне / Тезисы докладов III Международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения. Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931-2000). М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 110–112.

Бабенко В. А. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. Сб. науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 193–230.

Бабенко В. А., Калмыков А. А. Позднекочевнические погребения из курганных могильников Золотаревка 6 и Золотаревка 7 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII: Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 225–244.

Безуглов С. И., Науменко С. А. Курган раннехазарского времени на Нижнем Дону // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 73–84.

Березин С. Я., Березин Я. Б., Нарожный Е. И. Средневековые кочевнические погребения из курганного могильника Ильинский-1 на Ставрополье // МИАСК. Вып. 12 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПА, 2011. С. 169–188.

Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3 / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2003. С. 184–208.

Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. №1. С. 137–153.

Власкин М. В., Гармашов А. И., Науменко С. А. Погребальные комплексы золотоордынского времени в курганном могильнике Вербовый Лог VIII // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 9–74.

Гадло А.В.. Предыстория Киевской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб: Издательский дом СПбГУ, 2004. 364 с.

Гармашов А. И.. О некоторых памятниках XIV века в Аксайском районе // Аксайские древности / Отв. ред. Л.С. Ильюков. Ростов-на-Дону, 2002. С. 207–213.

Гармашов А. И., Глебов В. П. Позднекочевническое погребение из могильника Целинский II // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2004. С. 202–214.

Герасимова М. М. Краниология калаусских ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV: Антропология ногайцев / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 36–68.

Глебов В. П., Иванов А. А. Кочевническое погребение хазарского времени из курганного могильника Таловый II Дону // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 154–176.

Доде З. В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта 2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 117–127.

Дружинина И. А. Курганный могильник в урочище Гора близ Пятигорска (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова 1882 г.) // МИАСК. Вып. 8 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. С. 158–176.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М., 2011. 266 с.

Евглевский А. В. .Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник / Науч. ред. В.А. Посредников. Вып. 1. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. С. 133–134.

Евглевский А. В., Потемкина Т. М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья Т. 1. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДГУ, 2000. С. 107–116.

Круглов Е. В. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8 / Отв. ред А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Издательство ВоЛГУ, 2006. С. 257–301.

Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону // АО 1971 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 133–134.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 182 с.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир: АГПУ, 2005. 210 с.

Нарожный Е .И. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. С. 525–542.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Издательство Московского университета, 1966. 274 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск. «Наука». Сиб. отд-е, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Яковлев А.В. Отчет о раскопках курганных могильников «Совруно-1» и «Совруно-2» у совхоза Советское руно Ипатовского района Ставропольского края в 2000 г. / Архив ИА РАН, 2001.

Яценко В .В. Подкурганное захоронение VIII-IX вв. у г. Пролетарска // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 182–192.

Информация об авторе:

Бабенко Виталий Александрович - ведущий научный сотрудник ООО «Наследие», г. Ставрополь. E-mail: vit-babenko@yandex.ru

A MEDIEVAL BARROW WITH TWO DITCHES FROM SOVRUNO-1 BARROW BURIAL MOUND IN STAVROPOL KRAI

V.A. Babenko

Peculiar burials of the medieval period were investigated during the archaeological excavations of barrow 2 from Sovruno-1 barrow burial mound in the territory of the Ipatovsky District of Stavropol Krai. A total of two burials encircled by ditches were investigated in the barrow. Burial 1 dates back to the Golden Horde period. Burial 2 is dated the Khazar period. These burials are located in the area of winter pastures, traditional for the Middle Ages. These are new burials of horsemen corresponding to the Khazar and Golden Horde periods located in the territory of the Central Ciscaucasia and Southern Russian steppes.

Keywords: barrow, ditch, burial, nomad, horse.

About the author:

Babenko Vitaly A. – Leading Research Scientist of Nasledie LLC, Stavropol. E-mail: vit-babenko@yandex.ru

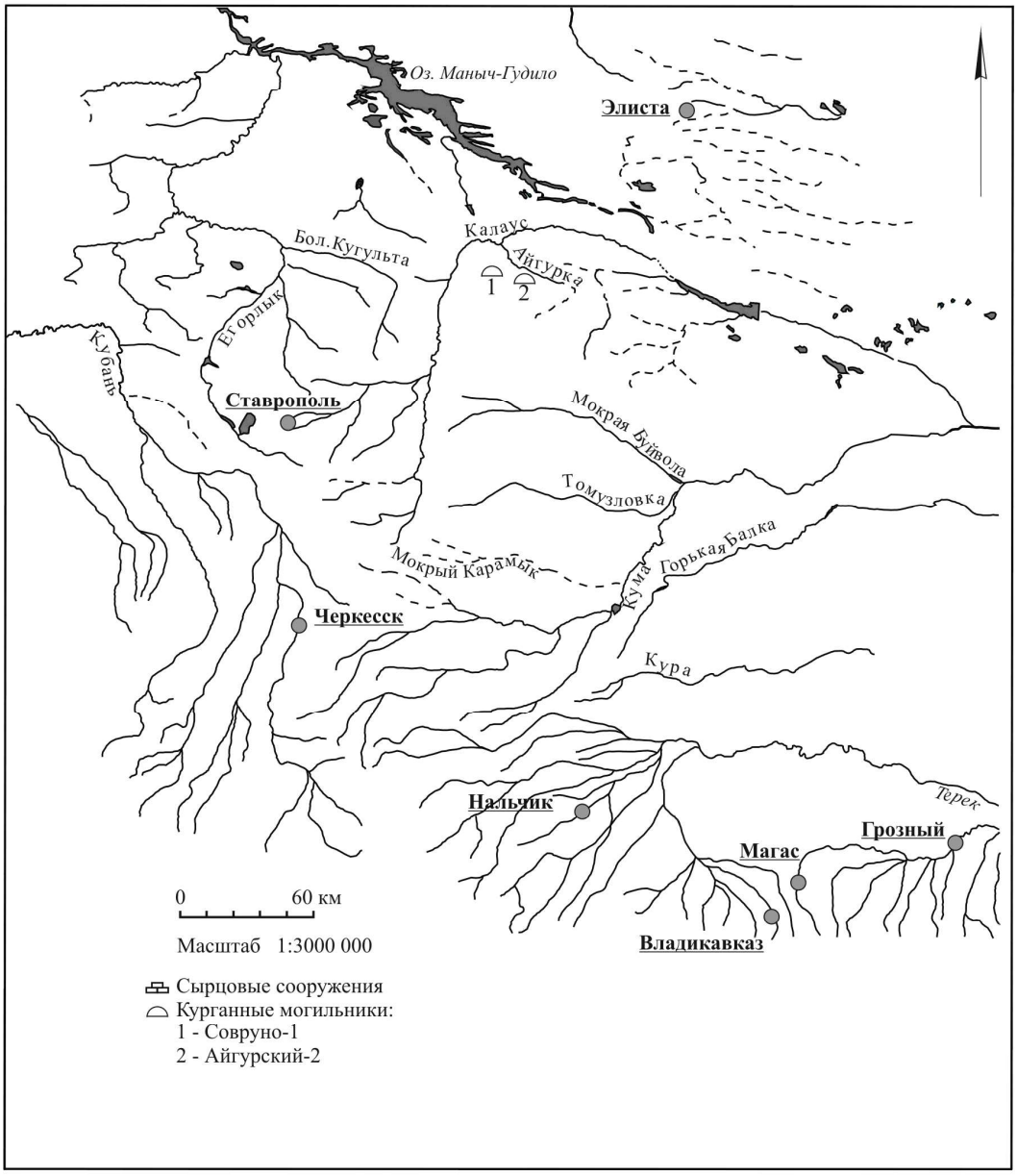

Рис. 1 Карта-схема Центрального Предкавказья.

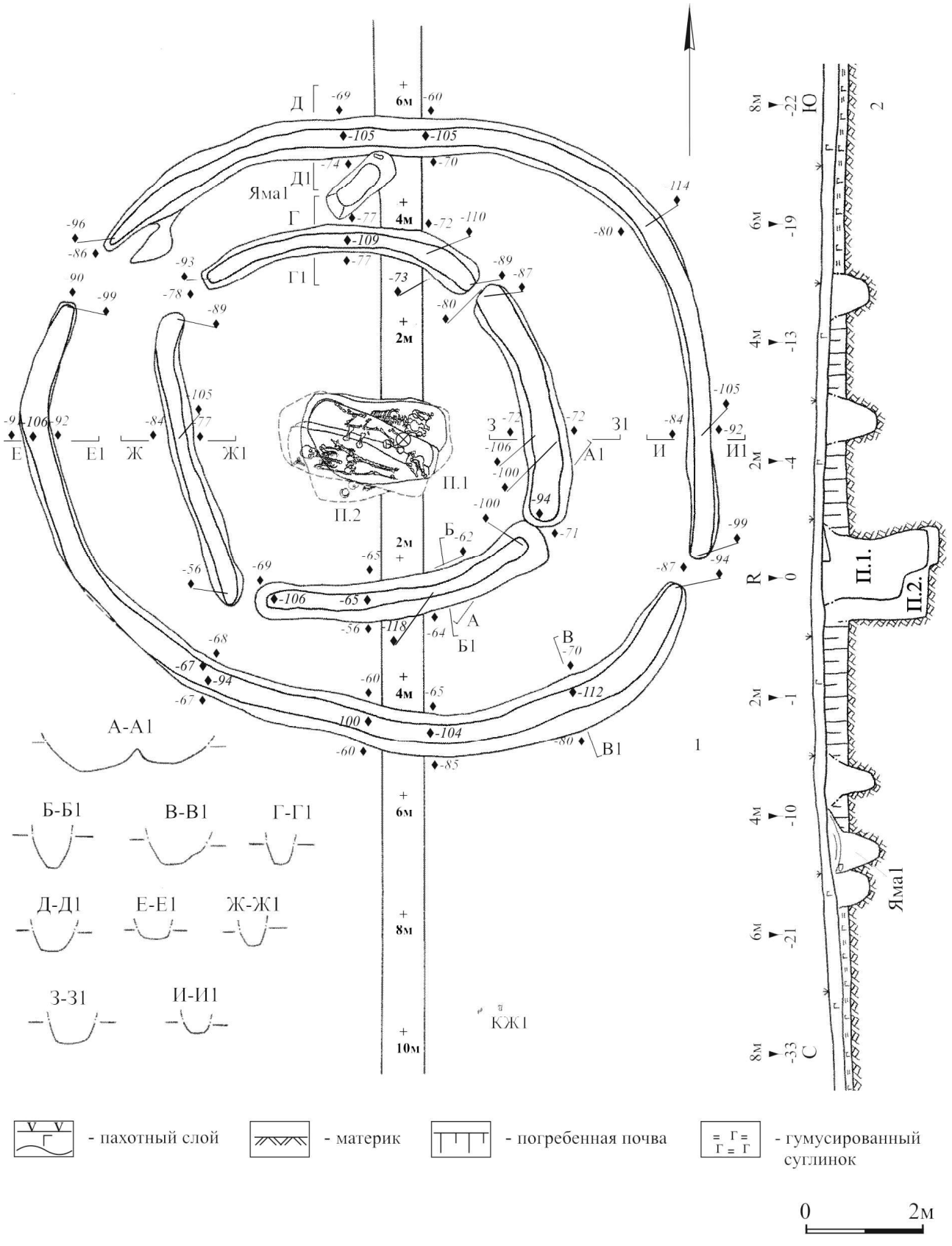

Рис. 2. Совруно-1. Курган 2. Общий план. Юровка. 1 – общий план, 2 – бровка, западный фас.

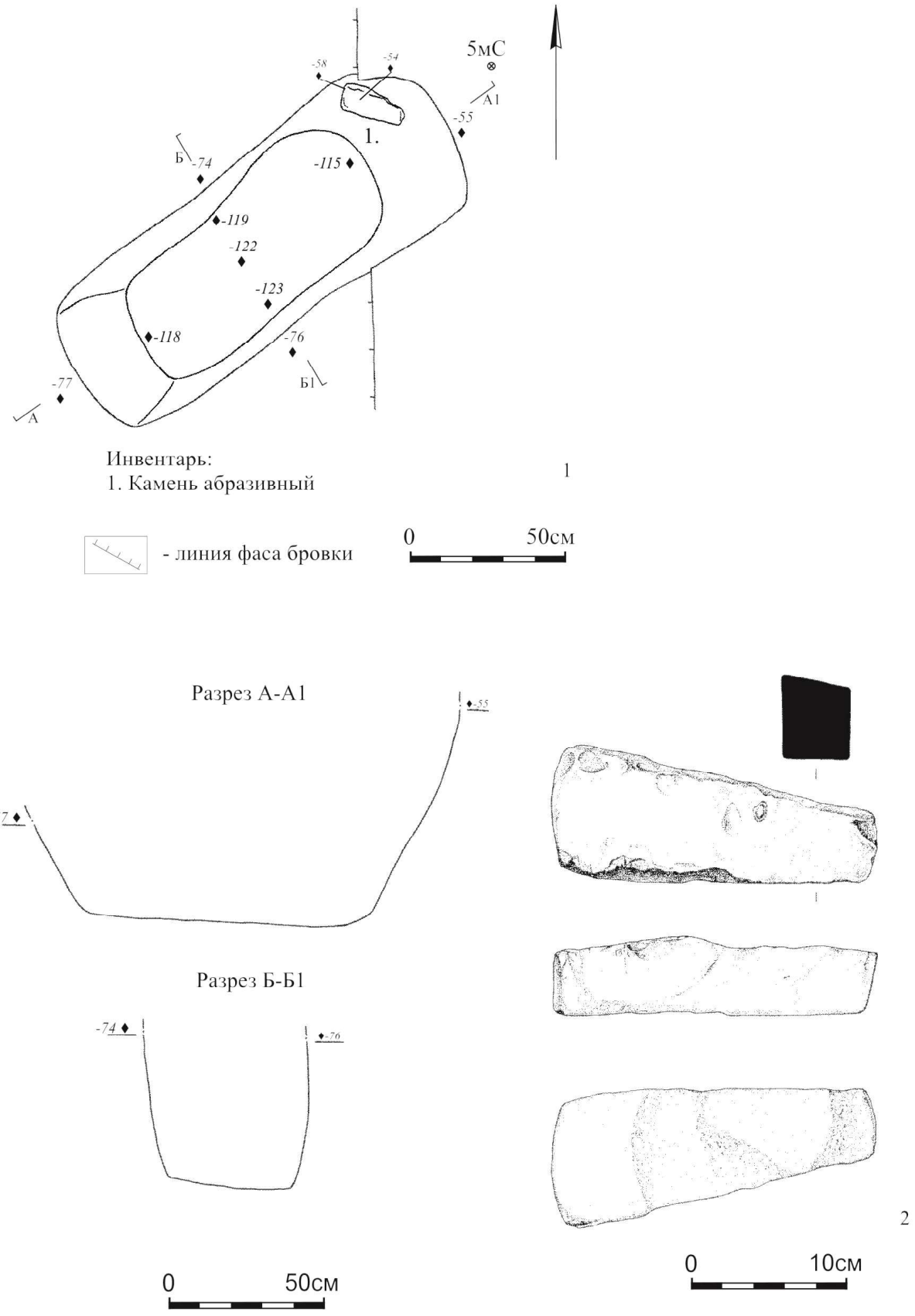
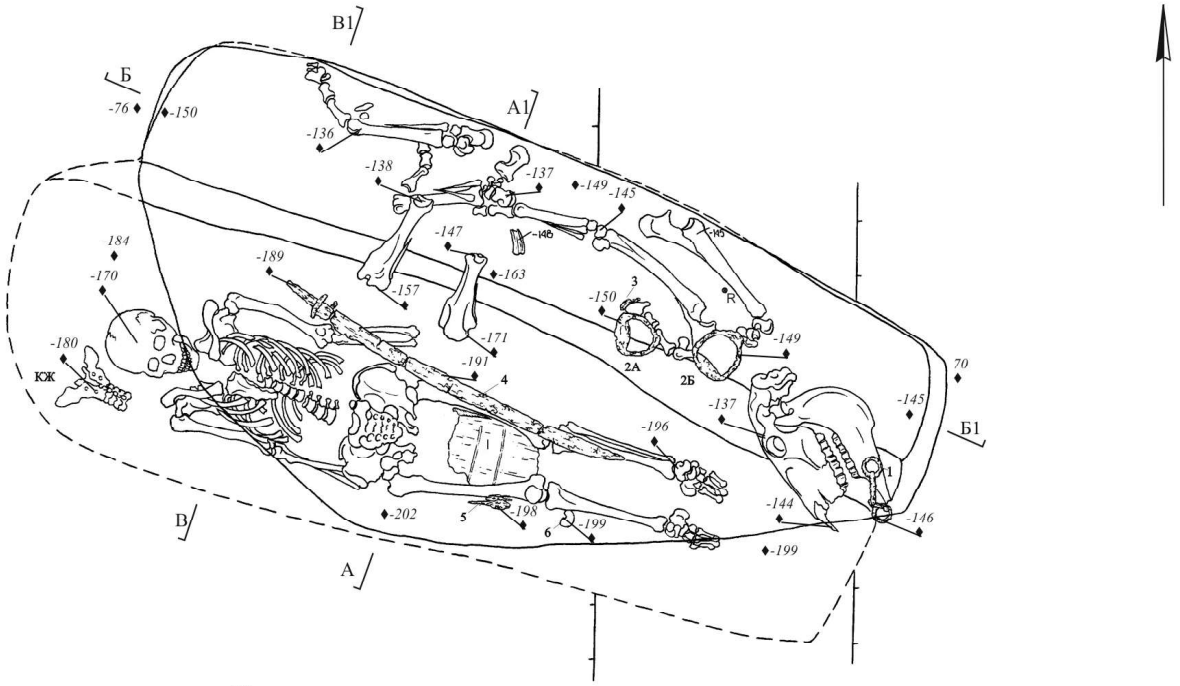

Рис. 3. Совруно-1. Курган 2, Яма 1. 1- Яма 1, план, разрезы, 2 – находка 1, камень абразивный.

Инвентарь:
1. Удила железные
2. Стремена железные, 2 шт.
3. Пряжка железная
4. Сабля железная
5. Наконечники стрел железные, 3 шт.
6. Накладка на лук костяная, концевая.
7. Нож железный.
8. Пряжка железная

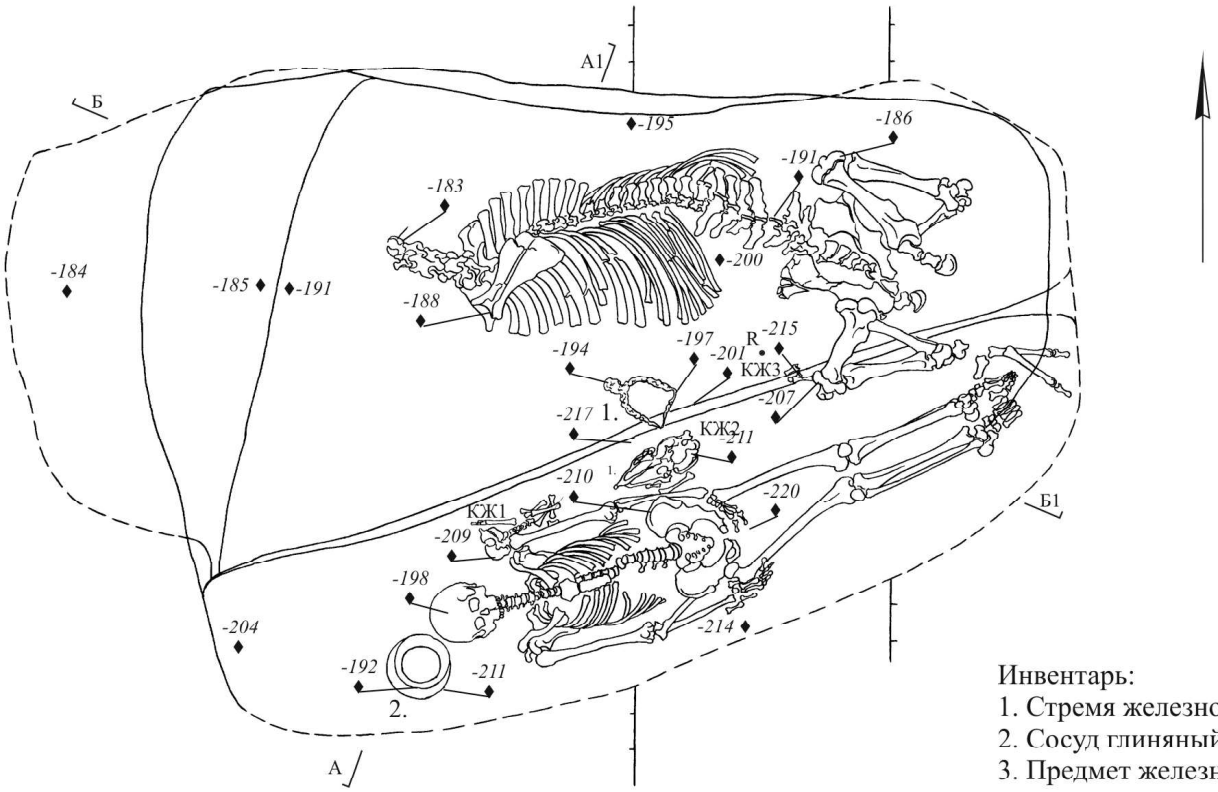
КЖ - кости животного

I -остатки кожи, бересты, бурый и белый органический тлен

- линия фаса бровки

0 50см

1

Инвентарь:
1. Стремя железное
2. Сосуд глиняный
3. Предмет железный

2

Рис. 4. Совруно-1. Курган 2, погребения 1,2. Планы. 1 –план погребения 1,2 – план погребения 2.

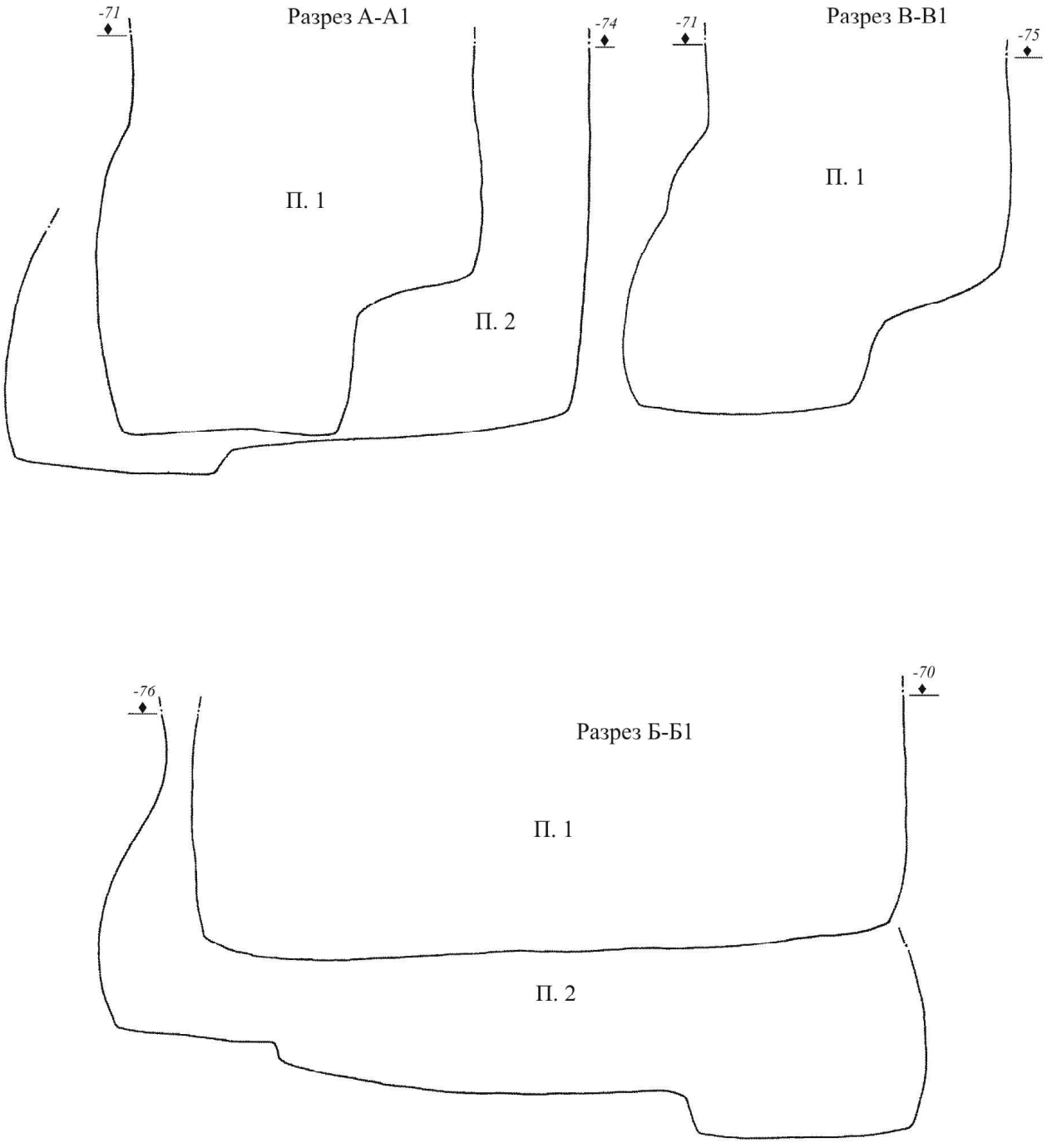

Рис. 5. Совруно-1. Курган 2, погребения 1,2. Разрезы.

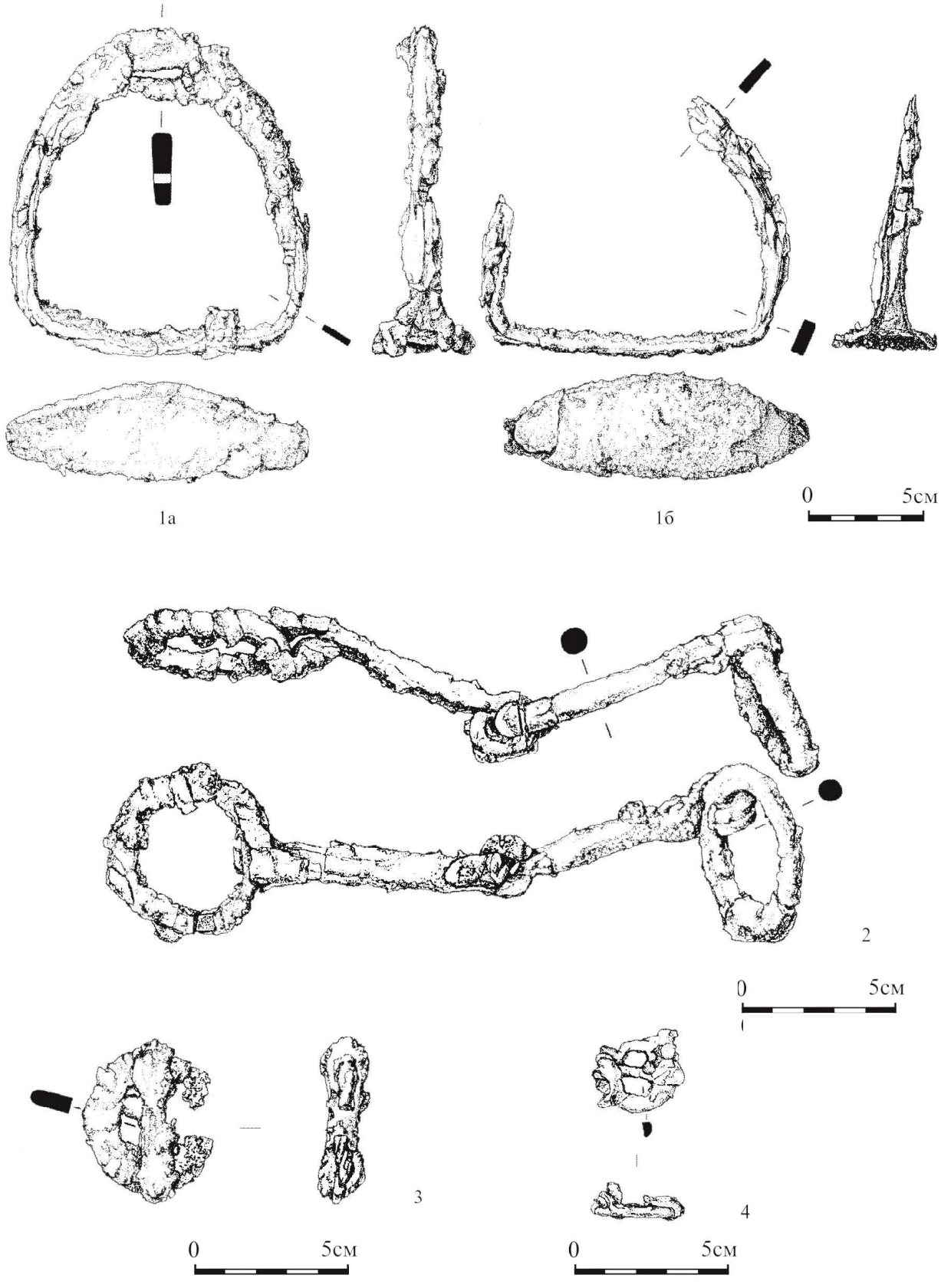

Рис. 6. Совруно-1. Курган 2, погребение 1. 1а, 1б – стремена (находка 2), 2 – удила (находка 1), 3 – пряжка (находка 3)Ю, 5 – пряжка (находка 8); 1,2,3,4-железо.

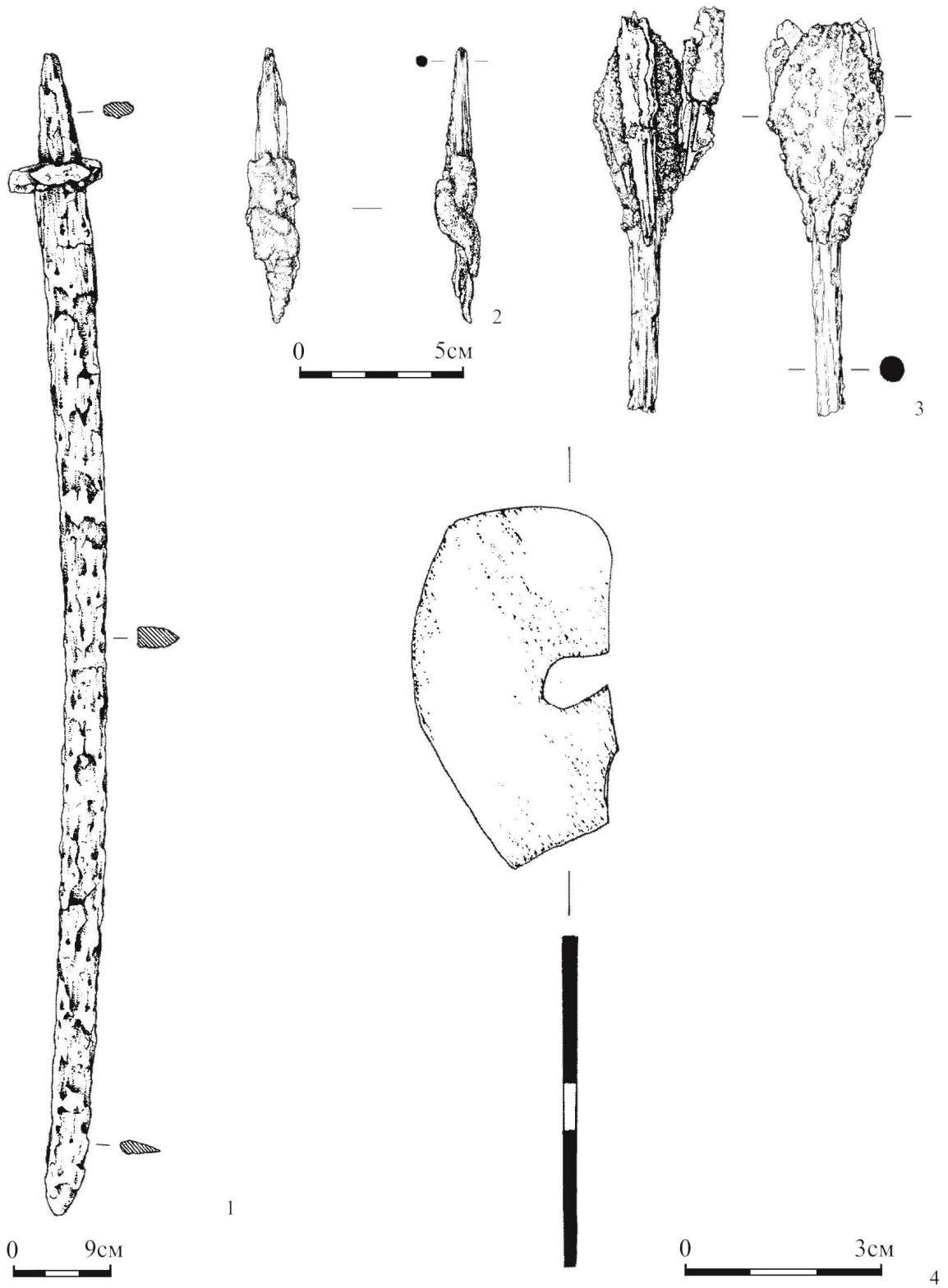

Рис. 7. Совруно-1. Курган 2, погребение 1. 1 – сабля (находка 4), 2 – нож (находка 7),
3- наконечники стрел, 3 шт. (находка 5), 4 – накладка на лук концевая (находка 6); 1,2,3 – железо; 4 - кость.

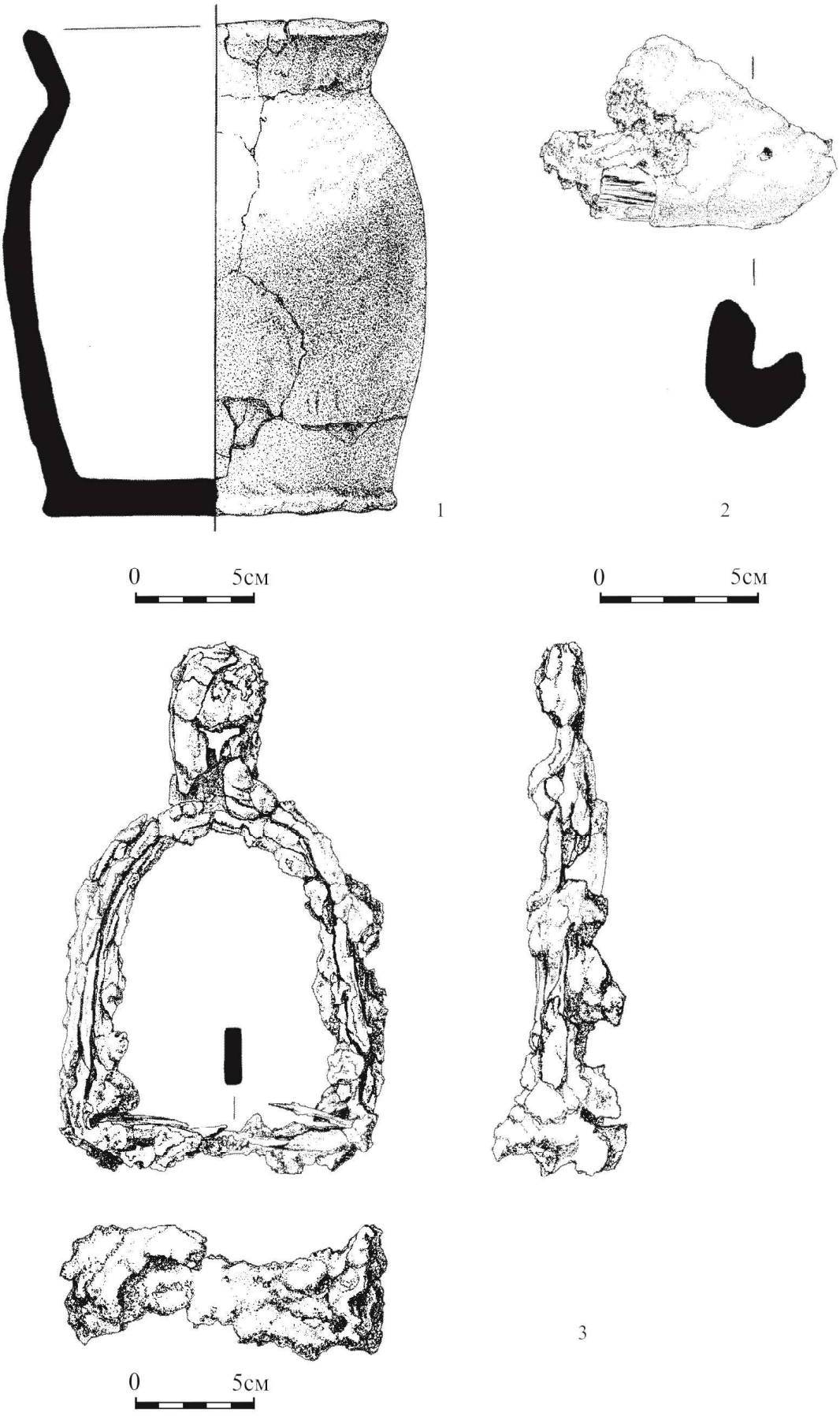

Рис. 8. Совруно-1. Курган 2, погребение 2. 1 – горшок (находка 2), 2 – предмет (находка 3), 3 – стремя (находка 1); 2,3 - железо, 1 – глина.

УДК 903.1

ШПОРЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОГО ПРЕДКВАКАЗЬЯ

© 2017 г. В.Н. Чхаидзе

В работе рассматриваются находки двух пар шпор в погребениях средневековых кочевников в Степном Предкавказье. Это единственные находки шпор в погребениях средневековых кочевников Восточно-европейской равнины вообще. Погребения, принадлежавшие представителям половецкой родовой знати, состоящим на военной службе в улусе Джучи, датируются второй половиной XIII–XIV вв. Высказывается предположение, что шпоры попали к кочевником в Предкавказье из Грузии, где с эпохи крестовых походов они становятся широко распространенными.

Ключевые слова: средневековые кочевники, шпоры, Грузия, крестоносцы.

Царь Рамаз коня пришпорил,
Убегая без оглядки.
Я настиг его и выбил
Из седла, и вместе с войском
Был пленен Рамаз лукавый
В том сражении геройском.
Вепхисткаосани («Витязь в тигровой шкуре»)

Широко известно, что средневековые кочевники евразийских степей при управлении лошадью пользовались исключительно поводом, шенкелем и плетью. А потому незаурядными являются находки шпор в двух (из более чем 2500) погребениях кочевников Восточноеропейской равнины XI–XIV вв. Обе находки сделаны в степном Предкавказье.

Первая пара шпор была обнаружена при раскопках Н.И. Веселовским кургана у пос. Праздничный (Раздольная) (Веселовский, 1903. Л. 108-109; Чхаидзе, 2010. С. 155-157. Рис. 3). В настоящее время шпоры выставлены в экспозиции ГИМ (Рис. 1). В погребении тяжеловооруженного воина они находились возле пяточных костей. Погребение относится к отделу В типу I (Федоров-Давыдов, 1966. С. 126. Рис. 21; С. 257. № 510).

Шпоры с частой золотой точечной инкрустацией по внешним сторонам и на шипах. Одна сохранилась целиком, размерами 10×12 см, вторая – без петель. Относятся к типу I. Шипы притупленные, с утолщениями при соединении со скобой – типа А. Петли прорезанные, прямоугольные, типа 2. По материалам с территории Древней Руси такие шпоры датируются XI–XII вв., изредка доживая до первой половины XIII в. (Кирпичников, 1973. С. 63-65. Рис. 37-38. Табл. XVIII.1).

Дата погребения: вторая половина XIII–XIV вв. (Чхаидзе, 2010. С. 157; 2015, С. 283; Потемкина, 2015. С. 81, № 151), хотя М.В. Горелик склонялся к более узкой датировке: середина XIV в. (Горелик, 2008б. С. 170). С другой стороны, Ю.В. Зеленский поначалу датировал погребение не ранее 30-х гг. XIII в. (Зеленский, 1997. С. 31; 1998. С. 12), затем первой половиной XIII в. (Зеленский, 1999. С. 39). Однако в итоге все же предпочел датировку второй половины XIII–XIV вв. (Зеленский, 2008. С. 479)

Вторая пара шпор встречена в кургане Южный – 2/1 (Дьяченко, 1984. Л. 9-13. Рис. 30, 37; Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 188-190. Рис. 7-8). Находятся на хранении в КГИАМЗ (Рис. 2). В погребении шпоры располагались под левой голенью тяжеловооруженного воина. Погребение относится к отделу Г (тип отсутствует в классификации) (Федоров-Давыдов, 1966. С. 126-127).

Шпоры с шипами с шарообразным утолщением и прорезными петлями дисковидной формы для крепления к обуви. Относятся к типу IV – с полуциркульным в профиле изгибом дуг и шипом, лежащим под прямым углом к плоскости этого изгиба. Шипы с шарообразными утолщениями – типа Е. Петли прорезанные, дисковидные, типа 3. Древнерусские образцы датируются XII – первой половиной XIII в. (Кирпичников, 1973. С. 65-66. Рис. 37-38. Табл. XX, *1-1а*).

По мнению М.В. Горелика, такие шпоры известны на памятниках изобразительного искусства Европы (Горелик, 2008а. С. 143).

Вероятно, к западноевропейскому типу относится и кольчужная рубашка погребенного (Горелик, 2010; Потемкина, 2015.).

Авторы публикации комплекса отнесли его к половецким памятникам XII – первой половины XIV вв. (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003.). Ю.В. Зеленский датировал погребение еще более широко: XII–XIV вв. (Зеленский, 2008.).

Между тем можно сузить датировку комплекса до второй половины XIII–XIV вв. (Потемкина, 2015. С. 81, № 132; Чхаидзе, 2015. С. 284) и даже до второй половины XIII – первой половины XIV вв. (Горелик, 2008а.).

М.Г. Крамаровский соглашается с датой погребения: второй половины XIII – первой половины XIV в., отмечая, что погребенный принадлежал к половецкой родовой знати, находящейся на службе у Джучидов (Крамаровский, 2005.; 2012.).

Следует отметить, что известно сообщение о находке шпоры в могильнике Суклея в Нижнем Поднестровье, раскопанном в 1899 г. И.Я. Стемпковским (Добролюбский, 1986. С. 92). Однако, изображения шпоры (?) не сохранилось, вероятно, за нее была принята какая-то деталь уздечного набора; само же погребение Суклея – 156 – женское.

В своей работе, посвященной шпорам из могильника Южный – 2/1-2, Ю.В. Зеленский констатирует отсутствие шпор у крымских татар, предкавказских алан, предков современных адыгов и в дружинных захоронениях Северо-Западного Причерноморья. Автор резюмирует: *«Остается открытым вопрос: как попали шпоры в погребения кочевников из степного Прикубанья?»* (Зеленский, 2008. С. 478-479. Рис. 1).

Между тем, предельно очевидно, откуда могли появиться шпоры у кочевников в Предкавказье – из Грузии, где они становятся широко распространенными с XII в.

В грузинских рукописях[1] шпоры упоминаются уже с IX в.: «Синайский многоглав» (864 г.); «Деяния Апостолов» (974, 977 гг.); «Ошкская Библия» (978 г.).

Упоминание шпор содержится в «Житии Гиорги Святогорца» (XI в.) (Гиорги Мцире. С. 255).

Однако наиболее широко шпоры в Грузии (так же как и в Византии) распространились в эпоху крестовых походов, будучи привнесенными на Ближний Восток крестоносцами. Так хорошо известны грузино-латинские связи на протяжении X–XIII вв. В Иерусалиме находился грузинский монастырь Святого Креста, возведенный еще в 1038 г. (Брюн, 2015.).

Уже с XII в. появляются упоминания шпор в грузинских исторических и литературных памятниках.

В поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (1189–1212) шпоры упоминаются неоднократно: «*Сказав это, он пошел (своей дорогой), пришпорил коня…*»; «*Витязь пришпорил своего коня…*»; «*Я пришпорил коня, решил отбить ее у них дланью и мечом…*». «*Внезапно они пришпорили коней, раздался свист плети…*» (Шота Руставели. С. 48; С.152; С.157; С.208).

В сочинении Басили Эзосмодзгвари «Жизнь Царицы Цариц Тамар» (1210–1213) в числе прочих дается такая характеристика царицы: *«Она была уздой для сбившихся с пути истины и шпорой для нерадивых»”* (Жизнь Царицы Цариц Тамар, 1985; Картлис Цховреба, 2008).

Можно полагать, что западная рыцарская культура употребления шпор так подошла грузинскому феодальному обществу, что их ношение даже стало связываться с внутрисословным ранжированием: так различались князья с одной шпорой и князья с двумя шпорами. Этот факт применительно к мегрельскому дворянству отмечался в XIX в. (Бороздин, 1885).

Уже в XVII в. распространение шпор среди грузинских тавадов и азнауров отмечено на рисунках итальянского миссионера Кастелли (С. 86-88. Илл. 43, 44, 47, 48) (Рис. 3-4). Более того, им же приводится зарисовка черкесской наездницы (Кастелли. С. 111-112. Илл. 121) (Рис. 5.1), что свидетельствует об использовании шпор в это время и в Предкавказье.

В качестве еще более раннего примера укажем на рисунок 1495 г. Альбрехта Дюрера (Рис. 5.2), изображающий османского всадника со шпорами.

О наибольшей вероятности попадания шпор из Грузии в степи Предкавказья, безусловно, свидетельствуют события XII–XIV вв., когда половцы несколькими волнами совершали переселение в Грузинское царство (Мургулия, Шушарин, 1998).

Так в историографии достаточно подробно описано переселение в Грузию в 1118 г. 40-тысячной половецкой орды[2] Давидом IV

[1] Автор признателен М. Цурцумия (Тбилиси) за консультации в процессе написания данной статьи.

[2] Ю.В. Зеленский считает, что такое количество воинов в Грузии уместиться не могло (Зеленский, 2005.

Агмашенебели (1089–1125), боровшегося против сельджукских правителей. Половцы (кипчаки) были наделены землями для поселения на восточных и юго-восточных границах грузинского государства. После смерти Давида IV значительная часть переселенных кочевников вернулась на Северный Кавказ, но часть осталась в Закавказье. В войнах Георгия III (1156–1184) также принимают участие многочисленные половецкие отряды, не только потомки переселившихся при Давиде IV, но и более поздние пришельцы – "новые кипчаки". Часто кочевники упоминаются и в войнах царицы Тамар (1184–1213). Впоследствии кипчаки в Грузии были ассимилированы (Анчабазе, 1960.; Котляр, 1968.; Степнадзе, 1969.; Мургулия, 1971; 1975; Лордкипанидзе, 1974; Анчабадзе, 1980; Гадло, 1994; Гуркин, Федирко, 2002; Зеленский, 2005.).

В качестве наиболее яркого примера военного взаимодействия половцев и крестоносцев укажем на Дидгорскую битву 13 августа 1121 г., где в составе войска Давида IV, помимо 15 тысяч кипчаков, участвовал отряд из 100 (или 500) "франков" (крестоносцев)[33] (Matthew of Edessa. P. 227; Смбат Спарапет. С. 83). Следует отметить, что борьба Давида IV с сельджуками перекликалась с боевыми действиями крестоносцев против этого врага – в данной связи и следует рассматривать участие крестоносцев в Дидгорском сражении (Чхатарайшвили, 1966. 161-186; Лордкипанидзе, 1974. С. 104-105, 110; Бартикян, 1978. С. 144; Анчабадзе, 1990. С. 115; Мургулия, Шушарин, 1998. С. 133-136; Брюн, 2015. С. 141-142).

Помимо того, что половцы могли воочию наблюдать использование франками шпор в бою, несомненно, подобное взаимодействие грузинских и крестоносных войск – еще один аргумент в пользу широкого распространения шпор в Грузии с XII в. В качестве примера подобных контактов можно указать на влияние "дидгорских" крестоносцев на тактику грузинского войска (Tsurtsumia, 2014. P. 87-88).

Таким образом, хоть и незначительное использование шпор кочевниками в степном Предкавказье можно увязать с постоянными половецко-грузинскими контактами XII–XIV вв. Вместе с этим, в настоящее время нельзя однозначно ответить на вопрос, выполняли ли шпоры для их владельцев – представителей высшего военного сословия в составе золотоордынского войска (Чхаидзе, Дружинина, 2011.) социально-ранжированную функцию (Чхаидзе, Дружинина, 2013.), как это имело место быть у грузинских феодалов.

В заключении остается добавить, что М.В. Гореликом был реконструирован облик кочевников из двух погребений, в инвентаре которых находились шпоры: Пролетарский (Горелик, 2008б. Рис. 10; Чхаидзе, 2010. Рис. 4) и Южный – 2/1 (Горелик, 2008а. Рис. 6Б; 2010. Рис. 21).

ЛИТЕРАТУРА:

Смбат Спарапет. Летопись. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А. Галстяна. Ереван: Айастан, 1974. 240 с.

Дон Кристофоро де Кастелли. Альбом зарисовок и сведения о Грузии XVII века. Текст расшифровал, перевел, снабдил исследованием и комментариями Б. Гиоргадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 459 с. + 594 рис. (на груз. яз).

Садр-ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-сельджукийя. («Сообщения о сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях»). Издание текста, перевод, введение, примечания и приложения З.М. Буниятова. М.: Восточная литература, 1980. 190 с.

Жизнь Царицы Цариц Тамар. Перевод и введение В.Д. Дондуа. Исследование и примечания М.М. Бердзенишвили / Памятники грузинской исторической литературы. Вып. V. / Источники по истории Грузии. 39. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 72 с.

Гиорги Мцире. Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Гиорги Святогорца. Перевод И. Зетеишвили // Символ. Журнал христианской культуры. № 38. Париж; М., 1997. С. 289–317.

Картлис Цховреба. История Грузии. Под редакцией Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008. 456 с.

Шота Руставели. Вепхисткаосани (Витязь в тигровой шкуре). Подлинная история. Подстроч-

С. 6; 2013. С. 44-45). Ранее эту же мысль высказывала С.А. Плетнева (1990. С. 96), однако, о количестве военных колонистов свидетельствует перепись 1123 г., показавшая численность кипчаков, носивших оружие, уже в 50 тысяч человек (Анчабадзе, 1990. С. 109-111; также см.: Гуркин, Федирко, 2002. С. 46).

[3] Согласно Садр ад-Дину Али аль-Хусайни «франки» (ал-фарандж) в 1067–1068 гг. присутствовали и в войске Баграта IV (1028–1072), однако тогда под ними, вероятнее всего, понимались варяги (Садр ад-Дин Али аль-Хусайни. С. 54).

ный прозаический перевод с грузинского С. Иорданишвили. Комментарии Н. Сулава. СПб.: Симпозиум, 2015. 328 с.

Matthew of Edessa. Armenia and the Crusades: Tenth to Twelfth Centuries: The Chronicle of Matthew of Edessa. Translated by Ara Edmond Dostourian. Foreword by Krikor H. Masoudian. New York: University Press of America, 1993. 375 p.

Анчабадзе Г.З. Кыпчаки в Грузии // Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата: [б.и.], 1980. С. 342–344.

Анчабадзе Г.З. Источниковедческие проблемы военной истории Грузии (исследование грузинских исторических сочинений). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 256 с.

Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии. Нальчик: [б.и.], 1960. С. 113–126.

Бартикян Р.М. «Хронография» Матфея Эдесского о Грузии и грузинах // Византиноведческие этюды. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 142–145.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар: [б.и.], 2003. С. 184–208.

Бороздин К.А. Упразднение двух автономий. (Отрывок из воспоминаний о Закавказье). Глава V // Исторический вестник. № 5. СПб., 1885. С. 334–371.

Брюн С.П. Ромеи и франки в Антиохи, Сирии и Киликии XI–XIII вв. Том II. К истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах востока. М.: Маска, 2015. 638 с.

Веселовский Н.И. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках старшего члена комиссии Н.И. Веселовского в Кубанской области в 1903 году // Архив ИИМК. Ф.1. № 14. 1903.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994. 240 с.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2008а. С. 139–159.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик: КБИГИ, 2008б. С. 158–189.

Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы: LEM, 2010. С. 127–186.

Гуркин С.В., Федирко Ю.В. К вопросу о взаимоотношениях половцев с народами Северного Кавказа и Закавказья во второй половине XI – первой трети XII вв. // Исторические этюды. Вып. 5. Ростов-на-Дону: [б.и.], 2002. С. 42–47.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова Думка, 1986. 140 с.

Дьяченко А.Н. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Краснодарском крае в 1984 г. Волгоград. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11281. 1984.

Зеленский Ю.В. Погребение воина-всадника из степного Прикубанья // ДК. Материалы семинара посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. Краснодар: [б.и.], 1997. С. 30–32.

Зеленский Ю.В. Предметы упряжи из половецких погребений из степного Прикубанья и Восточного Закубанья // ДК. Вып. 12. Краснодар: [б.и.], 1998. С. 10–14.

Зеленский Ю.В. Хронология половецких погребений из степного Прикубанья и Восточного Закубанья // ДК. Вып. 15. Краснодар: [б.и.], 1999. С. 38–40.

Зеленский Ю.В. Половцы в Предкавказье и Закавказье // Historia Caucasica. Вып. 5. Краснодар: КГИАМЗ, 2005. С. 4–10.

Зеленский Ю.В. Шпоры из позднекочевнических погребений Прикубанья // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М.: ТАУС, 2008. С. 478–481.

Зеленский Ю.В. О численности и местоположении «орды» Атрака // Кавказ и Абхазия в древности и средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухуми: [б.и.], 2013. С. 44–45.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. 140 с.

Котляр Н.Ф. Половцы в Грузии и Владимир Мономах // Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 16–24.

Крамаровский М.Г. Куманские пояса в Дешт-и Кипчаке и на Балканах в XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 126–141.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 494 с.

Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI – начала XIII века. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 212 с.

Мургулия М.П. К вопросу переселения половецкой орды в Грузию // Из истории украинско-грузинских связей. Вып. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 40–54.

Мургулия М.П. Куманы-кипчаки в грузинской историографии (XI–XIV вв.) // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. III. Bucarest, 1975. С. 397–406.

Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М.: [б.и.], 1998. 336 с.

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Потемкина Т.М. Этнокультурный контекст восточноевропейских позднекочевнических погребений с защитным доспехом // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 6. М.: Издательский дом Марджани, 2015. С. 66–81.

Степнадзе Д.К. Из истории взаимоотношений Грузии с половцами в 80-х годах XII в. // Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1969. С. 123–124.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского университета, 1966. 275 с.

Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н.И. Веселовского в степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // МИАСК. Вып. 11. Армавир: ЦАИ АГПУ. 2010. С. 154–163.

Чхаидзе В.Н. Котлы из погребений кочевников Степного Предкавказья XI–XIV вв. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 280–291.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Астрахань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 127–129.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 171–178.

Чхатарайшвили К.А. Воины-иноземцы в грузинском войске XII в. // Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси: Мецниереба, 1966. С. 161–186 (на груз. яз.).

Tsurtsumia M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East The Georgian Experience // Journal of Medieval Military History. Vol. XII. Suffolk. 2014. P. 81–108.

Информация об авторе:

Чхаидзе Виктор Николаевич - кандидат исторических наук, научный сотруд-ник отдела средневековой археологии Института археологии РАН 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. ИА РАН. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

SPURS FROM THE BURIALS OF MEDIEVAL NOMADS IN THE STEPPE CISCAUCASIA

V.N. Chkhaidze

The work considers two spurs discovered in the burials of medieval nomads in the Steppe Ciscaucasia. These are the only spurs found in the burials of medieval nomads in the East European Plain as a whole. The burials belonging to the representatives of Cuman nobility serving in the military in the Ulus of Jochi date back to the second half of the 13th-14th centuries. It is suggested that the nomads of Ciscaucasia acquired the spurs from Georgia, where became widespread starting with the period of the crusades.

Keywords: medieval nomads, spurs, Georgia, crusaders.

About the author:

Chkhaidze Viktor N. – Candidate of Historical Sciences, Research Scientist of the Medieval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 117036 Moscow, Dm. Ulyanov street, 19. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

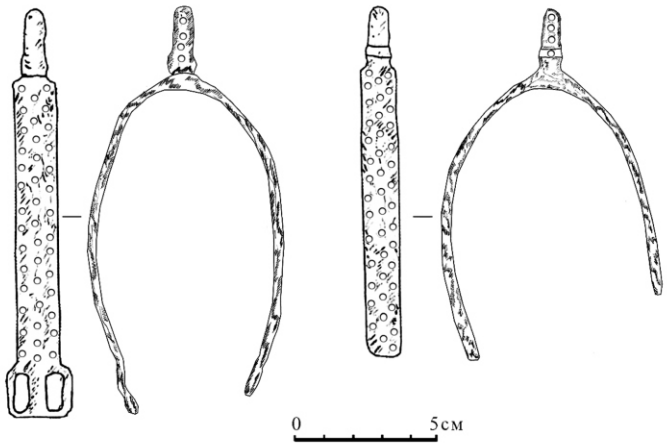

Рис. 1. Праздничный (1903 г.).
Шпоры. Рисунок. Фото.

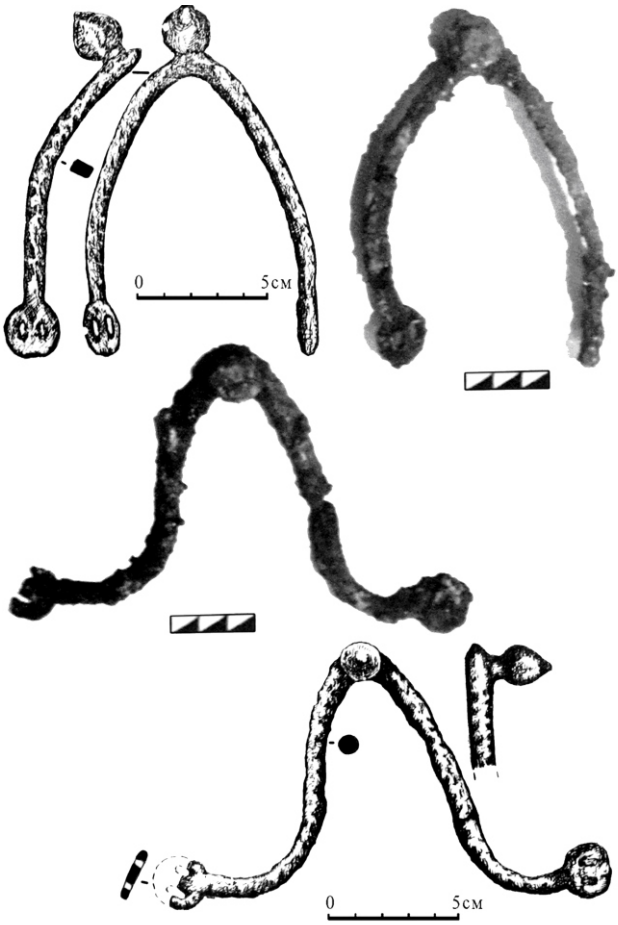
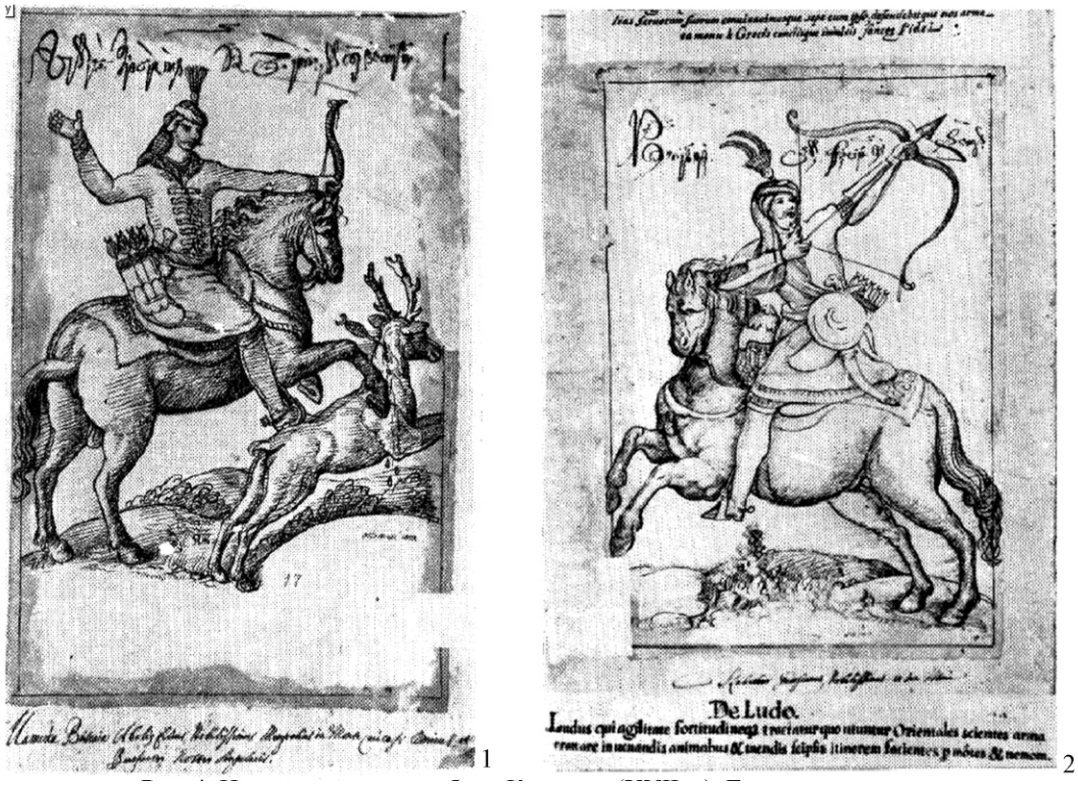

Рис. 2. Южный – 2/1-2 (1984 г.).
Шпоры. Рисунок. Фото.

1 2

Рис. 3. Иллюстрации из альбома Кастелли (XVII в.). Грузинские князья: 1 – Мамия Гуриели; 2 – Вахтанг Гуриели.

1 2

Рис. 4. Иллюстрации из альбома Кастелли (XVII в.). Грузинские князья: 1 – Мамука Бисклая; 2 – Сабахтар Ахалишвили.

Рис. 5. 1 – Черкесская наездница. Иллюстрации из альбома Кастелли (XVII в.). 2 –Восточный всадник. Репродукция рисунка Альбрехта Дюрера (1495 г.).

УДК 94(5) 902/904

ШЕСТОПЕР ИЗ КУРГАНА У СТАНИЦЫ АБИНСКАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В.Г. ТИЗЕНГАУЗЕНА В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ, 1879 Г.)[1]

© 2017 г. И.А. Дружинина

В данном исследовании публикуется железный шестопер из раскопок В.Г. Тизенгаузена в 1879 г. под Абинском. Шестопер, вероятно, находился в могиле (кон. XIII–XIV в.) представителя знати предков адыгов. Представлены находки аналогичных шестоперов на Юге России. Отмечается, что в районы Центрального Кавказа перначи поступали, по-видимому, в основном из Ирана, тогда как для Западного Кавказа и Северного Причерноморья главным поставщиком этого оружия был Египет.

Ключевые слова: шестопер, инсигния, Северный Кавказ.

К настоящему времени в научный оборот введено около дюжины перначей золотоордынской эпохи, обнаруженных на Северном Кавказе. Большинство образцов этого вида ударного вооружения ближнего боя происходят из случайных сборов и не привязаны к конкретным археологическим комплексам.

Три шестопера с территории «северного Предкавказья» представил в своей работе М.В. Горелик (без уточнения локализации находок) (Горелик, 2002. С. 66-67. № 14, 18, 20).

Бронзовый шестопер обнаружен на территории городища Маджары (район г. Буденновска на Ставрополье), этот образец не опубликован (Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 127). В окрестностях городища также был найден железный шестопёр (Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 130. Рис. 3, *6*).

Три экземпляра обнаружены на территории Чечни, на правобережье Терека, между современными станицами Шелковская и Шелкозаводская (Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 129. Рис. 3, *2-4*).

Еще два происходят из горной Ингушетии: первый из подъемного материала склепового могильника Магатэ у с. Салги, а второй найден Л.П. Семеновым при доследовании полуподземного склепа №2 у сел. Верхний Лейми (горная Ассинская котловина) (Чахкиев 1985. С. 62-63. Рис. 1, *4*; Чахкиев, Голованова, Нарожный, 1986. С. 71. Рис. 1, *3*; Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 129-130. Рис. 3, *1-5*).

По сведениям Вс.Ф. Миллера, «железные шестоперы» были обнаружены в Шуанском могильнике (Миллер, 1888. С. 30).

Три шестопера, в том числе бронзовый, отмечены В.И. Долбежевым в средневековых погребениях близ с. Донифарс и Лезгур, близ замка Богайта, у с. Камбулте в Северной Осетии (ОАК за 1882-1888 гг. С. CXIX-CXXIII).

Шестопер, плакированный белым металлом, происходит из североосетинского святилища Реком (Дружинина, 2012. С. 15-17; Дружинина, Чхаидзе, 2013. С. 74-81). А.С. Уваров указывал на находку в этом святилище двух бронзовых перначей (Уваров, 1910. С 84). Но дальнейшая судьба этих предметов не известна, как неизвестна и их датировка.

Н.И. Веселовский обнаружил шестопер в кургане 12 могильника в окрестностях станицы Андрюковской (ОАК за 1896. С. 56).

В частной коллекции находится шестопер с поселения Ангелинский Ерик, расположенного в окрестностях станицы Староижестеблиевская на Правобережье Кубани (Волков, 2005. С. 351, 376. Рис. 6, *1*)[1].

Еще одна находка происходит из кочевнического погребения в междуречье Дона и Сала (Гармашов, 1991. С. 117. Рис. 32, *12*; Горелик, 2002. С. 67. № 22; Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 130. Рис. 3, *7*).

Эта представительная серия шестоперов сопоставима и едва ли не превосходит по количеству находок коллекции перначей из других регионов Улуса Джучи.

Так, в Самарской губернии, в Ставропольском уезде на границе с Казанской губернией обнаружен пернач с 8-ю ударными гранями (ОАК за 1898, 1901. С. 77. Рис. 132).

Аналогичный пернач, но с навершием, происходит с городища Сарайчик на р. Урал (Галкин, 2007. С 288-290. Рис. 1).

Близкий по форме бронзовый пернач выявлен на Царевском городище (Греков,

[1] Следует указать, что в публикации И.В. Волкова говорится о находке булавы. Однако радиально расходящиеся ударные вертикальные лопасти навершия позволяют нам отнести этот экземпляр к шестоперам. При этом Игорь Викторович обращает внимание читателей на схематичность рисунка находки, имевшегося в его распоряжении (Волков, 2005. С. 351).

Якубовский, 1950. Рис. 21; Галкин, 1963. С. 239; 2007. С. 289; Воронцов, 2011. С. 59-60. Рис. 1, *5*).

Перначс 8-ю ударными гранями происходит с территории селища XIV в. Грязновка 4 в верховьях Дона (Гоняный, Двуреченский, 2014. С. 105. Рис. 3,1).

Подобный пернач, но с шестью ударными гранями обнаружен в центральной могиле мавзолея Абат-Байтак XIV–XV вв., Западный Казахстан (Беназаров, 2005. С. 151. Рис. 2).

Еще один бронзовый шестопер был найден А.П. Смирновым на территории Болгарского улуса Золотой Орды (сдан на хранение в ГИМ) (Галкин, 1963. С. 239).

Шестопер обнаружен на Селитренном городище (Сг-69, р. VI, материк, уч. 9, №294) (Воронцов, 2011. С. 59-60. Рис. 1, *2*).

Следующий экземпляр происходит из кургана 1 могильника Балабани II (Молдова) (Sava, 1996. P. 1-213. Fig. 7, *1*, 8, *1*; Кулешов, Абызова, 2011. С. 92-94. Рис. 1-2).

Шестопер выявлен в погребении всадника на Березанском лимане (Добролюбский, Смирнов, 2008. Рис. 5, 6; 2011. С. 161).

Еще один шестопер происходит из кочевнического погребения с. Каирка Каланчакского района Херсонской области (раскопки А.И. Кубышева) (Толочко, 1999. Рис. 45, *5)*.

В ряде публикаций к числу шестоперов отнесено навершие булавы с Царевского городища (Галкин, 1963. С. 239. Рис. 1; 2007. С. 288-289, 291. Рис. 2; Воронцов, 2011. С. 59. Рис. 1, *4*). В работах Л.Л. Галкина на рисунках показана возможная реконструкция предмета, которая, впрочем, может быть поставлена под сомнение. В работе И.А. Воронцова приводится рисунок, но уже без указания на то, что на нем представлен результат реконструкции.

В целом, на территории Золотой Орды в заметно большем количестве выявлены навершия булав шарообразной и с гранеными выступами форм, нежели перначи (Федоров-Давыдов, 1966. С. 32; Алланиязов, 1998. С. 45-46; см. также ссылки на местонахождения булав: Горелик, 2002. С. 67. Рис. 1-11; Кулешов, Абызова, 2011. С. 92). Это утверждение справедливо и для находок наверший булав на территории Древней Руси (Кирпичников, 1966. С. 48-54, 59-63; Возный, 2014. С. 56-57, 60-61) и Второго Болгарского царства (Парушев, 1998; Кузов, 2002; Рабовянов Д., 2010).

Исследователи относят шестоперы к категории статусного оружия (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 311; Чахкиев, 1986. С. 8; Горелик, 2002. С. 20; Воронцов, 2011. С. 59). На средневековых миниатюрах перначи изображены в руках тяжеловооруженных всадников, воинов элитных подразделений и правителей (Горелик, 2002. С. 20, 67-71; The Legacy. 2003. Fig. 161,172,182,184,194, ets; Miloševi ć, 2016. P. 80, 83, 88). Считается, что с XIV в. это оружие становится атрибутом военачальника (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 311), с его помощью осуществлялось управление войсковыми соединениями во время боя (Кушкумбаев, 2012. С. 205).

Перначи демонстрировали не только принадлежность к элите, но и ранг их владельцев в военной и политической иерархии. Так, известны образцы элитарного вооружения, принадлежавшие представителям высших слоев знати: пернач с Неревского раскопа (Великий Новгород) (Кирпичников, 1976. С. 28-29; Артемьев, 1990. С 11-12. Рис. 9, *2*), шестопер из курганного могильника Балабани II (Молдова) (Кулешов, Абызова, 2011. С. 92-94. Рис. 1-2), шестопер из святилища Реком (Северная Осетия) (Дружинина, Чхаидзе, 2013. С. 74-81).

Булава или пернач рассматривается в качестве атрибутов и символов власти и у Джучидов, и у Хулагуидов наряду с такими инсигниями, как «золотой шатер, трон с «подушкой власти», зонт, корона, государев флаг, государственная печать, пайцзы, воинский барабан, халат с геральдическими символами, воинские пояса, жезлы, мужские шапки-орбелге и женский головной убор боктаг» (Юрченко, 2013. С. 87). По свидетельству Рашид-ад-Дина, военные ярлыки Хулагуидов имели тамгу с изображением лука, булавы и сабли (Рашид-ад-Дин, 1946. С. 276).

В научной литературе представлены различные мнения о путях проникновения перначей на территорию Золотой Орды (центральноазиатском, ближневосточном, русском, черноклобуцком) (см.: Горелик, 2002; Горелик 2008. С. 168; Нарожный, Чахкиев, 2003; Галкин, 2007; Воронцов, 2011. С. 61-62; Кушкумбаев, 2012). При этом исследователи единодушны в том, что шестоперы попадали на Северный Кавказ по каналам импорта. С местными мастерами производство подобного оружия специалисты не связывают. В свою очередь, хотелось бы заострить внимание на некоторых обстоятельствах поступления шестоперов на Северный Кавказ.

Даже беглый анализ географии находок показывает, что подавляющее большинство северокавказских шестоперов выявлены в восточных районах края, главным образом, в

горах Ингушетии и Северной Осетии. Сосредоточение находок в этом регионе Кавказа, на наш взгляд, более чем выразительно.

Объяснение можно было бы искать в близости к зимним кочевьям монгольской ставки – известно, что перначами были вооружены кэшигтен из личной гвардии хана. Однако ни в одном из кочевнических погребальных комплексов XIII–XIV в., выявленных на территории степного Прикубанья и особенно Предкавказья, где отмечается высокая концентрация погребений тяжеловооруженных воинов с металлическим защитным вооружением, составлявших элиту монгольского войска (Чхаидзе, Дружинина, 2013. С. 171-178), шестоперы обнаружены не были. Единичны находки шестоперов и в Волго-Донском междуречье (Мыськов, 2015. С. 117). Ближайшее кочевническое захоронение с шестопером – это упомянутое выше погребение могильника Вербовый Лог-IV – 13/1 в междуречье Дона и Сала (Гармашов, 1991. С. 117. Рис. 32, *12*; Горелик, 2002. С. 67. № 22; Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 130. Рис. 3, *7*).

В данной связи более вероятным представляется поступление шестоперов, в числе образцов другого вооружения[2], из Хулагуидского Ирана. На это обстоятельство ранее уже указывали исследователи: «Есть все основания для того, чтобы и соседство обитателей Северного Кавказа с Ираном рассматривать в числе воздействующих факторов, обусловивших распространение ... иранских образцов ударного вооружения на Северном Кавказе и в Золотой Орде» (Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 137). Здесь также отметим, что Ю.С. Худяков связывал появление шестоперов в комплексе вооружения монгольских воинов именно с завоеванием Передней Азии (Худяков, 1991. С. 139).

На этом фоне особого внимания заслуживает тот факт, что северокавказские погребальные комплексы, в которых были найдены шестоперы, выявлены в горной территории края, в значительно меньшей степени, чем равнинные районы, подчиненной военной и административной власти монголов. Самой выразительной паспортизированной находкой, безусловно, является шестопер из Рекома – североосетинского святилища, прочно связываемого фольклорной традицией с народным героем Ос-Багатаром. Согласно Анонимному хронографу XIV в., Ос-Багатар, бывший в числе северокавказских алан, занимавших антиордынскую позицию и вынужденных переселиться после 1263 г. на территорию подчиненной Хулагуидам Грузии, сыграл выдающуюся роль в хулагуидско-джучидском противостоянии (Жамтаагмцерели, 2005. С. 94, 154, 155).

Шестопер из Рекома, без сомнения, принадлежал представителю военной и политической элиты. Это мощное оружие весом 850 г. На обеих сторонах каждой из шести ударных лопастей навершия, покрытого слоем белого металла, был изображен кошачий хищник с поднятой к голове передней лапой. Поверхность втулки между гранями также орнаментирована (мотив вьющегося побега) (Дружинина, Чхаидзе, 2013. С. 77-80. Рис. 2-3).

Известные аналогии рекомовской находке по форме и орнаменту включают ее в круг статусных предметов вооружения ближневосточного происхождения второй половины XIII – начала XIV в. И само наличие подобных предметов в горных районах Центрального Кавказа, долгое время находившихся под прямым политическим, религиозным, культурным влиянием Грузии, в свою очередь в XIII в. оказавшейся в вассальной зависимости от Ильханата, может рассматриваться в качестве одного из свидетельств активного участия местных сил в военно-политическом противостоянии Джучидов и Хулагуидов.

По-видимому, именно через Грузию поступали предметы вооружения в горные районы Северного Кавказа. На территории Картли обнаружено значительное количество наверший перначей как XIII–XIV вв., так и более позднего времени (ОАК за 1902 г. С. 144. Рис. 260-261; Чартолани, 1976. С. 50-51. Табл. XXX-XXXII; Svaneti Museum, 2014. № 28-30,38). А.С. Уваров, подчеркивая значительное число находок перначей у сванов, даже заметил, что «Сванетия может считаться настоящею родиною этого оружия» (Уваров, 1910. С. 84).

Находки перначей исследователи связывают и с крупными военными событиями того времени, такими как сражения на Тереке 1262–1263 г. войск Берке и темника Ногая, с одной стороны, и Абаги, сына Хулагу, с другой: три обнаруженных навершия в отмелях Терека, в районе между станицами Шелкозаводская и Шелковская, могли принадлежать воинам Абаги-хана, потерпевшего 13 января 1263 г. поражение в битве на Тереке (Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 137).

Известно также, что на протяжении полутора столетий верными союзника-

[2] См. статью Е.И. Нарожного, 2003. С. 112-125.

ми Джучидов в их борьбе с Хулагуидами за Закавказье оставались Египетские султаны (Трепавлов, 2010. С. 46). Из Египта по торговым каналам и в виде дипломатических даров поволжским ханам через Северное Причерноморье поступали разнообразные товары, в том числе предметы роскоши, среди которых источники называют и престижное оружие. Так, Ибн абд-аз-Захыр среди даров, отправленных хану Берке султаном Египта Эльмелик-Эззахыром Бейбарсом, перечисляет и «булавы с железным основанием, позолоченные и другие» (Золотая Орда в источниках, 2003. С. 43). В этой связи очень показательна находка великолепного шестопера с изображением мамлюкской чаши в кургане могильника Балабани II, располагавшегося на территории личного удела темника Ногая.

Предметы ударного вооружения ближнего боя упоминаются и Шараф ад-дином Йазди при описании одного из эпизодов битвы двух армий Тимура и Тохтамыша 15 апреля 1395 г. – сражения между эмиром Османом и Яглыбием: «… обе стороны сцепились и обрушили друг на друга удары беспощадных мечей, *палиц* и метательных копий» (Золотая Орда в источниках, 2003. С. 356)[3].

Уместным будет сказать, что в бою палицы (с железной или бронзовой оковкой, металлическими шипами и т.д.) использовались горцами на протяжении всего средневековья и вплоть до этнографического времени (Чахкиев, 1986. С. 8; Сланов, 2007. С. 85-86). Перначи, напротив, так и не вошли в традиционный комплекс вооружения местных воинов. По-видимому, наибольшее распространение они получили в центральных районах Северного Кавказа именно в XIII–XIV вв. – в период джучидо-хулагуидских войн. Хотя известны перначи и в более позднее время, когда за ними окончательно закрепилось значение символа власти. В данной связи выразительна «палица», принадлежавшая имаму Шамилю, ныне находящаяся на хранении в Государственном Эрмитаже (инв. № В.О. – 624), представляющая собой составное оружие из нанизанного на рукоять пернача, по форме ударных лопастей аналогичного рекомовскому образцу, и булавы (Рис. 1, *3*).

Иную картину представляют находки предметов ударного вооружения ближнего боя на Северо-Западном Кавказе. Здесь они единичны[4]. Железный шестопер выявлен в богатом воинском погребении курганного могильника в окрестностях станицы Андрюковская (ОАК за 1898. С. 56). В Закубанье известно также навершие железной 12-гранной булавы из 9 кургана у ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского 1906 г. (ОАК за 1906 г. С. 99. Рис. 127) и железная шарообразная несколько приплюснутая с полюсов булава из погребения 49 Ленинохабльского могильника в Адыгее (Тарабанов, 1984. С. 167, 171. Табл. II, *7*). Видимо, поступление образцов данного вида оружия на Северо-Западный Кавказ было эпизодическим.

Тем актуальней представляется цель настоящей работы – познакомить специалистов с еще одним шестопером с территории Закубанья.

Шестопер обнаружен в 1879 г. В.Г. Тизенгаузеном в ходе так называемых «Абинских неудач», когда исследователь раскапывал курганы в окрестностях станицы «по большей части разоренные, [которые – И.Д.] содержали в себе только позднейшие мусульманские могилы XIII и XIV вв.» (ОАК за 1878-1879 гг. С. XLII).

В настоящее время эта находка хранится в фондах Государственного исторического музея (ГИМ 78607. Оп. 399. №7). Шестопер железный (Рис. 1, *1*). Длина общая – 7,8 см. Втулка глухая. Длина втулки ниже ударных лопастей – 2,9 см, глубина втулки – 7,5 см. Над лопастями втулка выступает на 0,35 см. Ее внешний диаметр – 2,6 см, внутренний – 2,2 см. Лопасти шестопера подтреугольной формы, с плавно закругленными углами и намечающимся коленчатым переходом пера к втулке в нижней его части. Максимальная ширина лопасти – 2 см. Ширина шестопера (по противопоставленным лопастям): 5,45× 5,6×6,0 см. Толщина граней – до 3,7 мм. Вес – 200 г. Сохранность предмета удовлетворительная. Достаточно сильно повреждены два ребра.

На поверхности втулки между ребрами выявлены позолоченные полосы геометрического орнамента двух вариантов. Первый вариант – две зигзагообразные пересекающиеся линии, образующие цепочку ромбов, заключены между двумя параллельными полосами; второй вариант – зигзаг между двумя параллельными линиями.

Близкими по форме, но с большей шириной ударных граней, являются три шестопера, поднятых на отмелях р. Терек (Нарожный,

[3] Но здесь, справедливости ради, обратим внимание на то, что речь в источнике идет о палицах, а не о перначах или булавах.

[4] Находки кистеней в данной работе мы не рассматриваем. Об этом виде вооружения на Северном Кавказе см.: Нарожный, Чахкиев, 2003.

Чахкиев, 2003. С. 129. Рис. 3, *2-4*). По описанию, оставленному М.П. Севостьяновым, эти навершия «весом от 500 до 900 гр.; высота – от 6 до 10 см; ширина – от 6 до 10 см» (Нарожный, Чахкиев, 2003. С. 129) были массивнее абинского пернача.

Ближайшими аналогиями являются шестоперы XIII-XIV вв. с территории Болгарии (Popov, 2015. P. 280, cat. no. 414, p. 404, cat. no. 448; Milošević, 2016. P. 78, fig. 27, 5-6).

Аналогичный образец хранится и в фондах Регионального исторического музея в Добриче, Болгария (Археология на Добруджа, 2006. С. 23. Рис. 2, *1*).

Еще одной близкой по форме аналогией является мамлюкский шестопер, обнаруженный на территории современной Палестины или Ливана, датированный концом XII–XIII вв. (Кулешов, Абызова, 2011. С. 94. Цв. вкл.: Рис. 4).

По стилю орнаментации, связанной с византийской традицией, абинский шестопер аналогичен болгарским шестоперам и серии инкрустированных 12-шипных булав (с 4-мя крупными и 8-мью меньшими выступами) (Popov, 2015. P. 296-298, cat. no. 296,297,299, p. 280, cat. no. 414, p. 404, cat. no. 448; Milošević, 2016. P. 78, fig. 27, 1-6). Этой же серии находок принадлежит булава из кургана 9 у станицы Белореченская (Рис. 1, *2*) (ОАК за 1906 г. С. 99, Рис. 127; Музейные тайны.., 2010. С. 27), а также образец, обнаруженный у села Долище, общ. Аксаково, датированный XIII–XIV вв. (Парушев, С. 69. Обр. 10).

По аналогиям форме и орнаменту абинский шестопер можно датировать второй половиной XIII–XIV вв. Не противоречат этому и другие находки, выявленные В.Г. Тизенгаузеном в абинских курганах, такие, как, например: византийская тарелка, декорированная в технике позднего sgraffito и снятия фона с подцветкой, серебряные поясные чаши, два серебряных зеркала – с арабской надписью и растительным орнаментом, а также не орнаментированное, наконечник четырехгранной пики и другие находки, в совокупности укладывающиеся во временные рамки второй половины XIII – первой половины XIV вв.

В.Г. Тизенгаузен не оставил подробного описания раскопанных им курганов в научном отчете, однако любопытные детали, в том числе и об особенностях обряда, в соответствии с которым были совершены абинские погребения, вместе со своими впечатлениями о раскопках исследователь, в подражание М.Ю. Лермонтову, изложил в стихотворной форме. Процитируем часть этой шутливой Элегии (Тизенгаузен, 1910. С. 84-85):

И гадко, и скверно, и не с кем беседу повесть
В несносном и скучном Абине!
Так стану же с горя хоть вирши я плесть
И петь о хандре и о сплине.

Ведь вздумал сам черт подшутить надо мной,
Зазвав на раскопки в Абину,
Как будто уж нет у нас глуши другой,
Где можно искать мертвечину.

Не видел я, правда, еще до сих пор
Худого в курганах Абина.
Но часто уж снятся грабитель и вор
И гнусная, древняя мина.

Мне чудятся груды истлевших костей
На смех и забаву Абина,
Обломочки бронзы и ржавых гвоздей
Да дно от простого кувшина.

А углей-то, углей! Их хватит на год
На все самовары в Абине:
Бежит отовсюду к курганам народ
Дивиться проклятой картине.

Увы, коли сбудутся все эти сны,
Придется мне в мерзком Абине
Рыдать об истраченных деньгах казны,
О собственной горькой судьбине.

Само месторасположение могильника в Закубанье, в долине реки Абин, такие обрядовые признаки, как подкурганные ингумации, большое количество угля в погребениях, а также находки, находящиеся на хранении в Государственном историческом музее, позволяют относить раскопанные В.Г. Тизенгаузеном комплексы к числу погребальных памятников предков адыгов.

И хотя Владимир Густавович так и остался не доволен результатами своих абинских изысканий и с надеждой уехал на Тамань, где был «вознагражден» удачными раскопками античных памятников, сегодня, по прошествии без малого 140 лет, очевидно, что деньги казны статский советник потратил не зря. От окончательного разграбления был спасен для науки интереснейший памятник. При этом вопреки сетованиям на «горькую судьбину» В.Г. Тизенгаузену посчастливилось доследовать погребения, содержавшие редкие для этого региона находки.

Помимо шестопера, в абинских курганах было обнаружено навершие боевого знаме-

ни – гротик[5] (Рис. 1, *4*). Не так уж важно, находились ли эти предметы в одном комплексе или в соседних. Наличие шестопера и навершия знамени в одном могильнике, наряду с выявленными здесь же наградными серебряными чашами, указывают на то, что в этом могильнике были захоронены представители местной элиты, состоявшие на военной службе у монголов.

В целом же многочисленные изображения шестоперов на тебризских и гератских миниатюрах, концентрация подобных находок в землях Золотой Орды, непосредственно вовлеченных в военное противостояние Джучидов и Хулагуидов, красноречиво характеризуют ближневосточное направление, как основной путь поступления перначей на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА:

Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1998.140 с.

Артемьев А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 5–28.

Бекназаров Р.А. Посохи, как предмет историко-этнографического исследования (на примере навершия из мавзолея Абат-Байтак XIV–XV вв.) // Вопросы археологии Западного Казахстана: сборник научных трудов. Вып. 2. Актобе: Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова, 2005. 164 с.

Возный И.П. 2014. Ударное вооружение Северной Буковины XII – первой половины XIII вв. // Stratum plus. 2014. №6. С. 55–64.

Воронцов И.А. Предметы ударного вооружения золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума, (Казань, 29-30 марта 2011 г.). / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 59–62.

Галкин Л.Л. Булава из Нового Сарая // СА.1963. №4. С. 239.

Галкин Л.Л. Две булавы из городов Улуса Джучи (XIV) в. // История и культура Улуса Джучи: [ежегодник]: Бертольд Шпулер. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность/ Под ред. И.А. Гилязова, И.Л. Измайлова. Казань: Фэн, 2007. С. 288–292.

Гармашов А.И. Позднекочевническое погребение с шестопером в междуречье Дона и Сала // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып. 10. / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей 2010. С. 110–123.

Гоняный М.И., Двуреченский О.В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV в., происходящий с территории поселений, расположенных в верховьях Дона // Военная археология. 2014. Вып. 3. С. 102–146.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. М., 2002. 56 с.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. 15. С. 158–189.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М-Л., 1950. 478 с.

Добролюбский А., Смирнов І. Південний захід України у другій половині XIII – першій половині XIV т. // ЕМІНАК. 2008. № 1-4 (3). Миколаїв. С. 43–59.

Добролюбский А.О., Смирнов І.О. Кочовики Південно-західної України в X–XVII століттях. Київ, 2011. 172 с.

Дружинина И.А. Комплекс предметов вооружения из святилища Реком как источник по истории Ближневосточно-Кавказских связей на рубеже XIII–XIV вв. // IV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. (Севастополь, 31 мая – 5 июня г.). Севастополь: «ЕКОСІ-Гідрофізика», 2012. С. 15–17.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святилища Реком // Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. / Отв. ред. В.И. Козенкова.М.: ИА РАН, 2013 С. 74–81.

[5] Гротик был выявлен также И.А. Владимировым в 1897 г. в одном из курганов золотоордынского времени в окрестностях Нальчика, современная Кабардино-Балкария (ОАК за 1897 г. С. 44. Рис. 123).

Жамтаагмцерели. Анонимный грузинский “Хронограф” XIV века. Перевод со старогрузинского Г.В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005.

Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения / Составление, вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М.: «Типография «Наука», 2003. 448 с.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. / Археология СССР / Ред.Б.А. Рыбаков. М: Наука, 1985. С. 298–363.

Кузов Х. Боздугани от Варненския археологически музей //Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV-XV в. Международна конференция. (Варна,14-16 септември 2000 г.). Варна: РИМ, 2002. С. 179–190.

Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума, (Казань, 29-30 марта 2011 г.). / Отв. ред. и сост. И.М.Миргалеев. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С.92–100, цв. вкл.

Кушкумбаев А.К. Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 199–219.

Миллер Вс.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Вып. 1. / Под ред. Графини П.С. Уваровой. М.: тип. А. И. Мамонтова и К° 1888. С. 30.

Музейные тайны и открытия. Буклет выставки ГИМ "Археологические находки. Первобытность. Античные древности. Славянские клады. Парадное оружие" 19 марта - 29 апреля 2010 г. / Авторы текста А.А. Кадиева, И.В. Белоцерковская. М., 2010.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: *Изд*-во *Волгоградского* филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Николов Д. Новооткрити паметници в Старозагорския музей // Известия на Археологическия институт. Книга XX.1955. С. 575-576, Обр. 2.

Нарожный Е.И. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком (Чечня и Северная Осетия) // МИАСК. 2003. Вып. 2. С. 112–125.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // МИАСК. 2003. Вып. 2. С. 126-153.

ОАК за 1878-1879 гг., СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1881.

ОАК за 1882-1888 г., СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1891. 463 с.

ОАК за 1896 г., СПб.: Типография Главного управления уделов. 1898. 240 с.

ОАК за 1897 г., СПб.: Типография Главного управления уделов. 1900. 240 с.

ОАК за 1902 г., СПб.: Типография Главного управления уделов. 1904. 187 с.

Парушев В. Боздугани от музея в Добрич // Археология.1998. №3-4. С.67-72.

Рабовянов Д. Средновековни боздугани от фонда на Регионален исторически музей – Велико Търново // Известия на Регионален исторически музей Велико Търново, XXIV–XXV, 2009–2010. 2010. С. 187–199.

Рашид-ад-Дин Сборник летописей. Т. III. / Перевод А. К. Арендса. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946.

Сланов А.А. Военное дело алан I–XV вв. / Под ред. Р.С. Бзарова. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 2007.400 с.

Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1984. С. 164–172.

Тизенгаузен В.Г. 1910. Элегия (Посвящается всем любителям рифмоплетства) // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. 1910. № 44. Симферополь. С. 84–85.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев. Издательство Московского государственного университета, 1999. 200 с.

Уваров А.С. Булава или пернач // Сборник мелких трудов. Издан ко дню 25-летия со дня кончины. Том II. М. 1910. С 84–88.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.

Чартолани Ш.Г. Материалы по археологии Сванети. Часть 1. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 84 с. (на груз. яз.).

Чахкиев Д.Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (Горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозны: Типография имени И.Н. Заболотного Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Чечено-Ингушской АССР, 1985.С.60–68.

Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII–XVIII вв.) (археолого-этнографическое исследование) / Автореф. дис. на соискан. уч. степ. к.и.н. М.: МГУ, 1986. 17 с.

Чахкиев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный. 1986. С. 70–80.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 171–178.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 504 с.

The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256 – 1353. New York, 2003.

Milošević A. Iz armatorija srednjovjekovnog Bribira. From the Armoury of Medieval Bribir // Starohrvatska prosvjeta. III. Serija – svezak 43/2016. P. 49-89.

Popov S. 2015. The Maces from the Present Bulgarian Lands (10th-17th c. AD). Vatevi Collection. Sofia. 438 p.

Sava E. 1996. Necropola Tumulară Bălăbani – II // Arheologia Moldovei. XIX. Bucureşti. P. 1-213.

Svaneti Museum. 2014.Tbilisi.

Информация об авторе:

Дружинина Инга Александровна – научный сотрудник группы археологии Кавказа Института археологии РАН. E-mail: inga_druzh@mail.ru.

A FLANGED MACE FROM A BARROW NEAR ABINSKAYA VILLAGE (BASED ON EXCAVATIONS BY V.G. TIZENGAUSEN IN KUBAN OBLAST, 1879).[1]

I.A. Druzhinina

This work features an iron flanged mace from the excavations conducted by V.G. Tizengauzen near Abinsk in 1879. The mace was probably deposited in a grave (late 13Th-14th centuries) belonging to a noble ancestor of the Circassians. Other similar flanged maces discovered in Southern Russia are also presented. It is noted that flanged maces were brought to the regions of Central Caucasus primarily from Iran, whereas the main supplier of these weapons to the Western Caucasus and the Northern Black Sea region was Egypt.

Keywords: flanged mace, insignia, the Northern Caucasus.

About the author:

Druzhinina Inga A. – Research Scientist of the Caucasus Archaeology Group of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: inga_druzh@mail.ru.

Рис. 1.
1 – Шестопер из раскопок В.Г. Тизенгаузена 1879 г. (ГИМ).
2 – Булава из кургана 9 у ст. Белореченская 1906 г. (ГИМ).
3 – «Палица» имама Шамиля (Государственный Эрмитаж).
4 – Гротик из из раскопок В.Г. Тизенгаузена (ГИМ).

УДК 94(5) 902/904

ПЕСНЬ СТЕПИ

© 2017 г. М.Л. Швецов

В работе рассматриваются три известных в настоящее время кочевнических погребения с однотипным музыкальным инструментам – «комузом», являвшимся органической частью музыкальной культуры тюркских кочевников Средневековья. Все три погребения принадлежат половецким воинам.

Ключевые слова: средневековые номады. Восточная Европа, музыкальная культура, музыкальные инструменты.

Предлагаемая нами публикация материалов, отражающих одну из необычных сторон музыкальной культуры кочевого населения Восточно-Европейской степи эпохи Средневековья, неразрывно связана с Михаилом Викторовичем Гореликом. В 1986 году, во время нашей очередной встречи в Москве, я ознакомил его с отчетными материалами кочевнических погребений из раскопок курганов Краснознаменской экспедиции Института археологии АН СССР, переданными мне ее начальником Г.Л. Евдокимовым для совместной публикации (Евдокимов и др., 1984, Отчет, ф.э. 1984/16). Одним из наиболее ярких и необычных комплексов были «материалы из захоронения 4 в большом кургане 1 у с. Кирово, Бериславского района Херсонской области» (Там же. С. 70-74). Конструктивная сложность деревянного погребального сооружения (саней), интересный обряд захоронения воина и состав сопровождающего умершего инвентаря дополнялись уникальной находкой музыкального струнно-смычкового инструмента (Рис. 1). Обсуждение и характеристика комплекса, даже вызывая спорную интерпретацию, ставили вопрос о его немедленной публикации. Тогда же Михаил Викторович, в качестве аналогичного памятника, обратил наше внимание на материалы известнейшего «Кочевнического кургана близ г. Юрьева Польского», опубликованного А.А. Спицыным в начале века **(Спицын, 1905. С. 78-83).** Однако недоговоренность в характеристике воинской интерпретации обоих комплексов отодвинула сроки публикации на дальнейшее. В 1987 году, будучи в Саратове, благодаря И.Б. Васильеву, коллеги впервые ознакомили меня с материалами раскопок И.В. Синицыным могильника Усть-Курдюм, из кургана 8, хранящимися в фондах Саратовского музея. Именно в материалах данного комплекса были представлены детали деревянного музыкального инструмента.

Участие автора в работе международных конгрессов ЮНЕСКО по трассам Великого Шелкового пути, проходившего по республикам Средней Азии, знакомство с историей музыкальных инструментов Востока расширили круг материалов и источников для продолжения исследования и интерпретации рассматриваемых погребений. В 1991 году Г.Л. Евдокимов опубликовал данное погребение 4 из кургана 1 у с. Кирово в красочном международном сборнике «Золото степу. Археологія України» (Евдокимов, 1991. С. 281-283). В тот же год, на III краеведческих чтениях, посвященных 400-летию г. Саратова, нами был прочтен доклад «О находках музыкальных инструментов в памятниках Дешти-Кыпчак»[1]. Участие в работе краеведческих чтений 1991 года в Саратове, посвященных 400-летию музея, дало возможность не только выступить с докладом, но и зарисовать и описать уникальный комплекс материалов погребения кочевника с музыкальным струнным инструментом из кургана 8 могильника Усть-Курдюм, раскопки И.В. Синицына в 1963 г. Участие в работе III краеведческих чтений в Самаре М.Г. Крамаровского и его консультации по материалам погребений могильника Усть-Курдюм дали возможность выступить с докладом о данных захоронениях на Маргулановских чтениях в Алма-Ате в 1992 г. (Евдокимов, Швецов,1992. С. 249-249).

После возвращения из Алма-Аты в Москву и представления Михаилу Викторовичу новых материалов о средневековых музыкальных струнно-смычковых инструментах Средней Азии, собранных автором, были продолжены совместные исследования. Целью дальнейшей работы стали также вопросы изучения истории формирования струнно-смычковых инструментов, их связь

[1] Материалы представленного доклада, к сожалению, не были опубликованы в вышедшем в 1993 году сборнике (Краеведческие чтения, 1993).

с духовным миром и мировоззрением населения Восточно-Европейской степи эпохи Средневековья и их связь с военной элитой (?).

На Третьей международной конференции по изучению праболгарской археологии, истории и культуры в г. Шумен в 1990 году я с большой радостью встретился с известнейшим в мире ученым и путешественником Слави Дончевым, специалистом по истории происхождения и появления струнно-смычковых инструментов в Европе. Именно его фундаментальное исследование «Към въпроса за происхода и най-ранната поява на струнните лъкови инструменти в Европа», изданное в 1984 году (Слави Дончев, 1984. С. 102-149), раскрывало одно из ранних направлений формирования данных музыкальных инструментов и их путь через Степи в Европу. Позднее, в 1992–1995 годах, объезжая музеи Израиля, Украины, России, Казахстана, мы собрали интереснейший материал по распространению и формированию струнно-смычковых инструментов, связанных с миром культуры степного и городского населения эпохи Средневековья. Тогда же были выявлены и новые малоизвестные памятники, оставленные населением как южнорусских степей, так и городов Крыма. Так, согласно тексту В.Н. Ястребова, «в 1894 г. крестьянин с. Тишовка, Херсонской губернии, раскопал погребение с остатками музыкального инструмента типа бандура (?), который был зарисован В.Н. Ястребовым», но рисунок не сохранился[2].

Необходимо отметить, что изображения этого вида инструментов известны и на изваяниях половецкого времени (Веселовский, 1915. Рис. 10, 45; Плетнева,1959. С. 212; Плетнева. 1974. С. 105). Ряд исследователей неоднократно обращался к их интерпретации и описанию, увязывая с данными письменных источников (Ипатьевская летопись. С. 479; Codex Cumanicus (Cobuxci). С. 206; Плано Карпини, 1957. С. 71; Гийом Рубрук, 1957. С. 95, 105, 111). Однако у Г. Рубрука и П. Карпини, по-видимому, упоминается щипковый инструмент, ведь смычковые инструменты неизвестны были в Европе ранее (Fidel) (Bvchner, 1956). К струнным смычковым инструментам Степи считают возможным отнести и изображение, заменяющее сосуд в руках статуи (изваяния) из Джамбульского музея. По мнению А.А. Чарикова, это изваяние музыканта XII века (Чариков, 1981. С. 289). Известны и в других археологических материалах детали музыкальных инструментов, правда, маленькие и значительно юго-восточнее. Мы имеем в виду гриф музыкального инструмента из раскопок в замке Чильхуджра, в окрестностях Бунджиката, к югу от Шахристана. По мнению автора, «сам фрагмент представляет собой головку грифа струнного инструмента, изготовленного из крепкого орехового дерева» (Древности Таджикистана, 1985. С. 262-263. Рис. 686). Фрагмент струнного инструмента найден и в помещении Балыктепе. Это колок и две конусообразные головки грифов (Там же. С. 93). А также гриф от струнного инструмента, экспонируемого в Румянцевском музее, о котором мы упоминали ранее. Кроме рассмотренных материалов из погребений населения Степи, необходимо отметить уникальную глиняную статуэтку XII века (Рис. 2), изображающую византийского монаха, играющего на струнно-смычковом инструменте, найденную К.И.Красильниковым в Херсонесе [3]. Изображение музыканта-монаха, играющего на струнно-смычковом инструменте, не удивительно в христианских древностях Киевской Руси. Так, при описании музыкальной истории России и Украины приводится копия изображения музыканта в кафедральном соборе XI в. в Киеве (Buchiver, 1956. С. 294). По его мнению, «начиная с XIII – второй половины XIV в. широкое отражение в искусстве находит изображение трехструнных смычковых инструментов (Buchiver, 1956. С. 93).

Более широкий интерес к памятникам и материалам захоронений степного населения эпохи Средневековья с находками музыкальных инструментов проявляется в последующие годы. Так, материалы раскопок курганов И.В.Синицыным в Поволжье 1963 года были опубликованы в коллективной монографии «Средневековые кочевники Поволжья» Гарустовичем Г.Н., Ракушиным А.И., Яминовым А.Ф в 1989 году (Гарустович Г.Н. и др., 1989). В состав публикуемых древностей вошли и материалы из курганного могильника Усть-

[2] Ссылка на композитора П. Бородина, который при создании оперы «Князь Игорь» собирал все имеющие отношение к данной эпохе материалы. Так, венгр Гунфалев прислал ему напевы, записанные у потомков половцев, проживавших в Венгрии. К сожалению, прорисовки данного инструмента нам не известны.

[3] Считаем своим долгом высказать слова признательности К.И. Красильникову, за предоставление данной находки, хранящейся в археологическом музее Луганского университета, для публикации.

Курдюм, где, как мы уже отмечали, было открыто захоронение с музыкальным струнно-смычковым инструментом (Гарустович, 1998. С. 211-215). Однако в процессе публикации данных материалов произошла неожиданная ошибка. Так, при описании комплекса захоронения из кургана 8 музыкальный инструмент был включен в состав находок кургана 9 этого же могильника (Гарустович и др., 1998. С. 213). К сожалению, текста описания материалов раскопок могильника И.В. Синицыным в музее не было. По объяснениям сотрудников музея, они, по-видимому, хранились (?) у Е.К. Максимова. По материалам и записям, собранным сотрудниками музея в 1987г., нами было переписано описание захоронения. Приведем его: «Могильная яма погребения в кургане 8, в отличие от всех других захоронений могильника, была с подбоем. Входная яма, ориентированная по линии СВВ – ЮЗЗ, прямоугольной формы, длина – 2,10 м, глубина ямы в грунте – 1,20 м. Подбой, устроенный под южной стенкой, овальной формы, длина – 2,10 м и ширина 0,65 м, ниже дна могильной ямы на 10 см. Погребенный уложен головой на СВВ. Череп на левой стороне, лицом у югу, руки вытянуты вдоль туловища. В заполнении костяной предмет. На ребрах, в левой части грудной клетки, на правой кости таза, на животе и бедрах, уходя под левую бедренную кость, лежал кожаный пояс (Рис. 3) с бронзовыми накладками. Он состоит из двойных ремешков, соединенных друг с другом. Кожаная сумка-кошелек была закреплена на поясе (Рис. 3). В правой части погребения, вдоль стенки подбоя, сохранились остатки деревянного блюда и обрывки бересты с линейным орнаментом. За черепом погребенного найдены фрагменты деревянного музыкального инструмента и кусочки черной кожи»[4]. На приводимой фотографии погребения в публикации (С. 214) виден лежащий в изголовье погребенного музыкальный инструмент, что не уточнено в публикации. В описании же погребения из кургана 9 указано, что «недалеко от черепа была обнаружена трубочка от бокки» (с. 213), что указывает на принадлежность данного погребения женщине. О погребенном из кургана Усть-Курдюм 8: «Костяк мужчины лежал вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный головой на СВ», что видно и на фотографии (Там же. С. 211). Что касается погребенной в кургане 9, в тексте описания указано, «что руки погребенной полусогнуты в локтях» (С. 213). Место якобы лежащего в погребении 9 музыкального инструмента не уточнено (С. 213).

Приводимая детализация описания материалов из захоронения в кургане 8 могильника Усть-Курдюм взаимосвязана и с характеристикой аналогичных погребений. Примером этого можно назвать элементы погребального обряда и сопровождающего инвентаря из приводимого нами погребения 4 из кургана 1 у с. Кирово (Евдокимов и др., 1984; Отчет, ф.э. 1984/16). Полная и уточненная публикация этого уникального комплекса была сделана дважды автором его раскопок (Гершкович. 2011. С. 40-49; Он же, 2012. С. 231-250). Частичная публикация и сравнительная характеристика музыкальных инструментов из данных погребений и пути их исторического развития были опубликованы нами в 1991, а затем в 1998 годах (Швецов, Хазова. 1998. С. 82-88). Во время обсуждения и подготовки материалов приведенных погребений с музыкальными инструментами к совместной публикации с Михаилом Викторовичем Гореликом одним из основных спорных вопросов была принадлежность этих погребений к военному сословию, а возможно, и к военной элите населения Степи. По военной атрибутике, а более точно, составу и набору военного инвентаря их можно разделить на три группы, представленные:

1. Погребением из кургана близ Юрьева-Польского. Захоронение половецкого воина с доспехами и оружием (сабля, лук, стрелы). XII в.

2. Погребением 1 из кургана у с. Кирово. Захоронение половецкого воина с оружием (колчан, лук, набор стрел). XII в.

3. Погребением 4 из кургана 1 могильника Усть-Курдюм. Захоронение половецкого воина (?) со статусным поясом и кошелем. XIII–XIV вв.

Необходимо сказать, что в захоронениях второй и третьей групп, в составе инвентаря, отражающего общие детали погребального обряда, можно отметить и наличие деревянных блюд, что характерно для определенного ритуала в погребальном обряде.

4 При знакомстве с материалами раскопок И.В. Синицына, 1963 г., из фондов Саратовского музея, нами были описаны и зарисован комплекс, рассматриваемого погребения, кургана 8. Пользуясь возможность высказать слова признательности Наталье Петровой, научному сотруднику музея, слова благодарности за помощь в сборе материалов из комплекса могильника Усть Курдюм.

К числу элитных воинских захоронений Степи мы считаем необходимым отнести захоронение первой группы.

Именно образ этого воина и воссоздал Михаил Викторович Горелик в своей реконструкции (Рис. 5).

Объединяющим элементом рассмотренных комплексов можно считать «комуз, являющийся органической частью музыкальной культуры тюркских кочевников Средневековья (М. Крамаровский).

ЛИТЕРАТУРА:

Афоньков Н.Н. Стрелковый пояс и кошель золотоордынского времени из курганного могильника у с. Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Полиграфия Поволжья, 2012. С. 158–163.

Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» / Записки Одесского общества истории древностей. 1915. Том XXVII. 40 с. + 14 табл.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И.. Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV в). Уфа: Гилем, 1998.

Гершкович Я.П. Половецкий кобызчи. Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ. 2012. С. 221–250.

Гершкович Я.П. Спадщина Коркута в половецькому середовищі Північного Прчерномор'я // Археологія. 2011. № 1. С. 40–50.

Гийом Рубрук: Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Редакция, вступ. статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Изд-во географической литературы, 1957. 270 с.

Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.

Евдокимов Г.Е, Швецов М.Л. Погребение музыканта // Маргулановские чтения. Тезисы. Петропавловск: Петрозаводский ПИ, 1992.С. 249–250.

Евдокимов Г.Е. Співай же йому пісні половецькі // Золото степу. Археологія України. Шлезвіг, 1991. С. 281–283.

Евдокимов Г.Л. Отчет Краснознаменской экспедиции Института археологии АН Украины / Архив НА ИА НАНУ, 1984/16.

Краеведческие чтения: Доклады и сообщения I–III чтений / Саратовский обл. музей краеведения, Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского и др.; под общ. ред. Е.К. Максимова. – Саратов: [б. и.], 1993. 107 с.

Плано Карпини: Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Редакция, вступ. статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Изд-во географической литературы, 1957. 270 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.: Наука, 1959. С. 151–226.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Е 4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.

Слави Дончев. Към въпроса за происхода и най-ранната поява на струнните лъкови инструменти в Европа // Музикални горизонти. Союз на музикалните дейци в Бъгарии. Бюлетин. № 3. София, 1984. С.102–149.

Спицын А.А. Кочевнический курган близ г. Юрьево-Польского // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 78–83.

Чариков А.А. Статуя музыканта XII в. // СА. 1981. № 2. С. 289–291.

Швецов М. О находках музыкальных инструментов в памятниках Дешт-и-Кыпчака // III краеведческие чтения, посвященные 400-летию г. Саратова. Саратов: [б.и.], 1991. С. 33–34.

Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. Трета международна среща по праболгарската археология. Шумен: Аргес, 1990. С. 109–123.

Швецов М.Л., Хазова А.Г. К истории формирования струнно-смычковых инстментов // Музичне мистецтво: традиції, досягнення, перспективи. Донецк: [б.и.], 1998. С. 82–88.

Buchner A. Musikinstrumente der volker. Prague: ARTIA. 1968. 295 s.

Информация об авторе:

Швецов Михаил Львович – руководитель Донецкого Центра института востоковедения им. А.Крымского.

THE SONG OF THE STEPPE

M.L. Shvetsov

The article considers three currently known nomadic burials with similar musical instruments - 'komuzes', which was an organic part of the musical culture of Turkic nomads in the Middle Ages. All three burials belong to the Cuman warriors.

Keywords : medieval nomads, Eastern Europe, musical culture, musical instruments.

About the author:

Shvetsov Mikhail L. – Head of the Donetsk Centre of the Institute of Oriental Studies named after A.Yu. Krimsky.

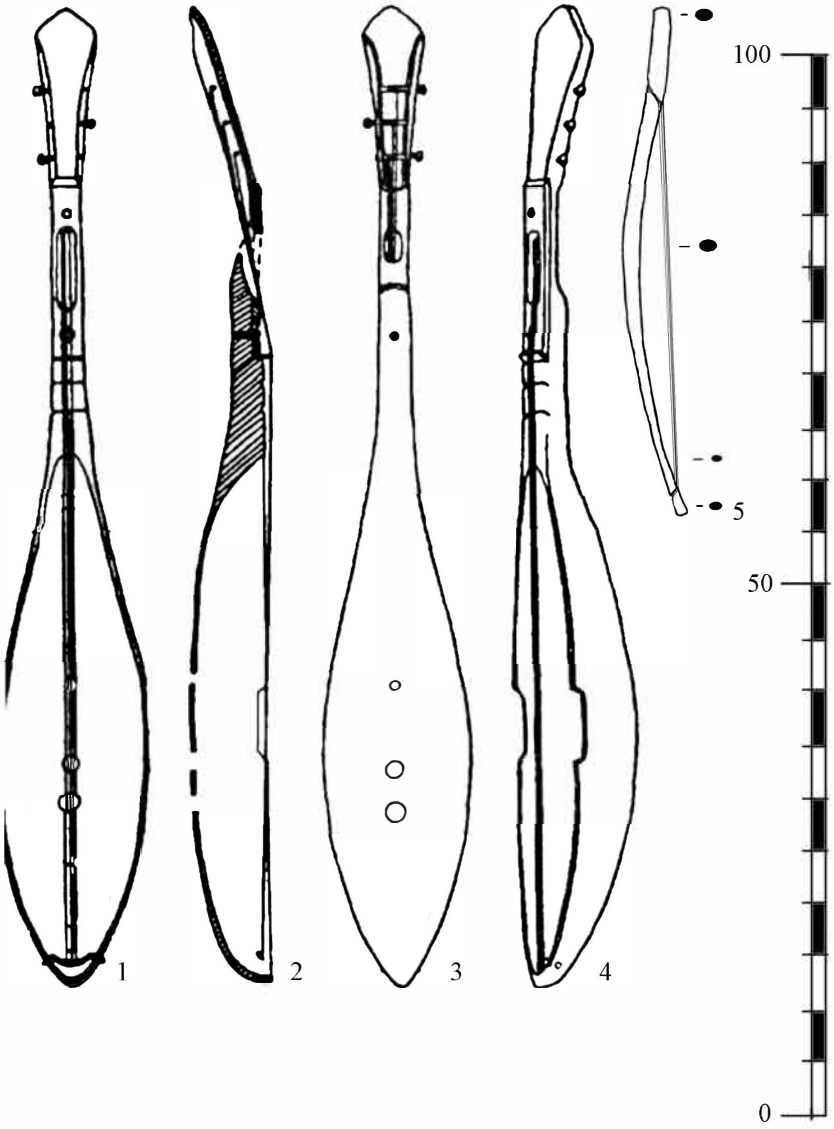

Рис. 1. Комуз из погребения 1 кургана 4 с. Кирово.

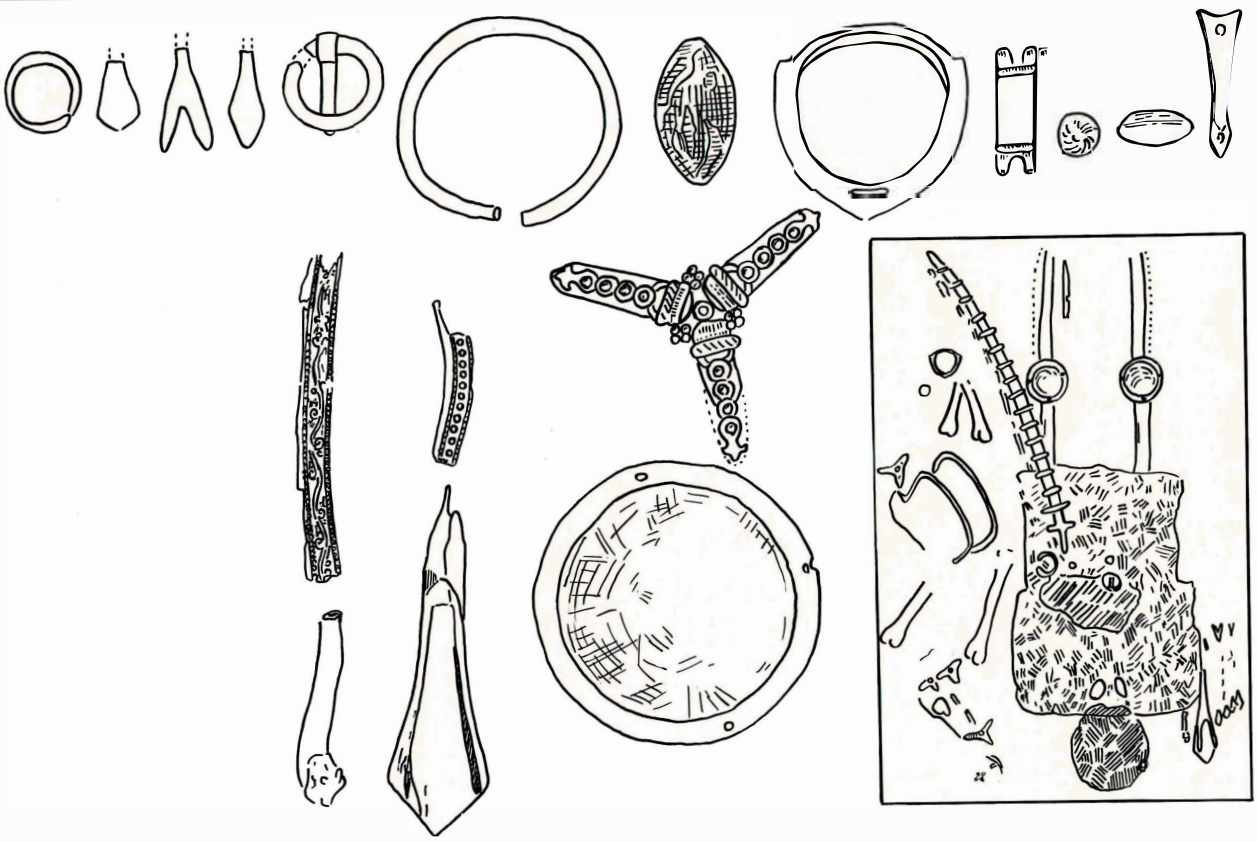

Рис. 2. Металлы из «Кочевнического кургана близ г. Юрьева Польского».

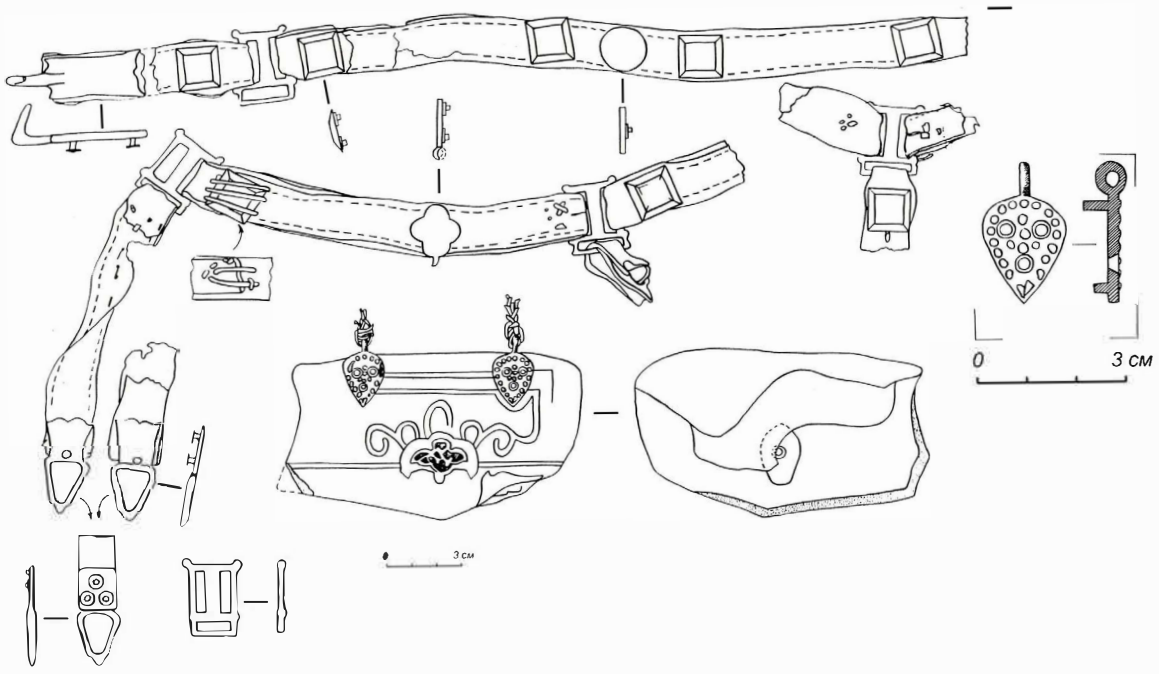

Рис. 3. Пояс и кошель из кургана 8 Усть – Курдюм.

Рис. 4. Реконструкция музыкального инструмента из кургана 8 Усть-Курдюм.

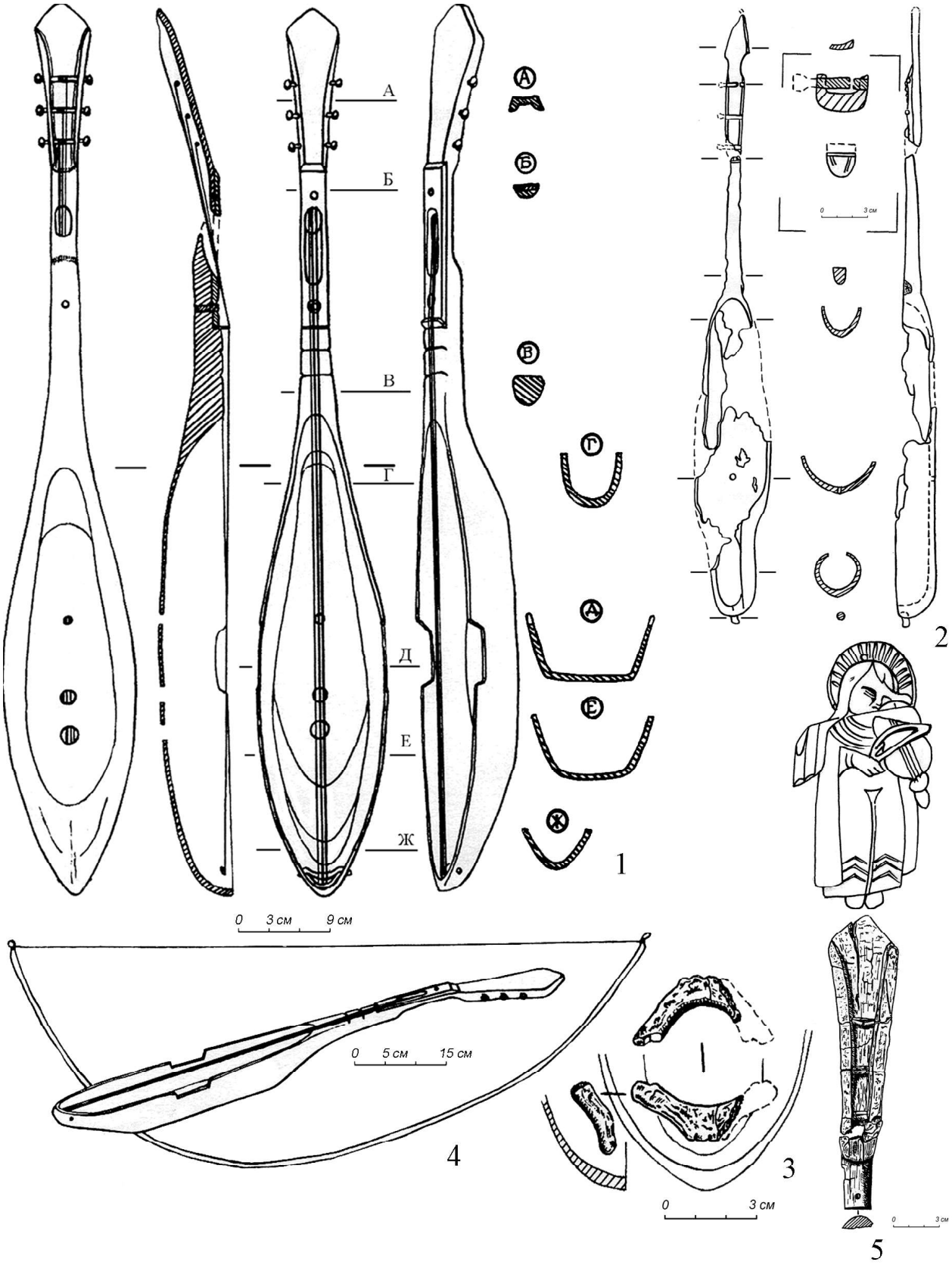

Рис. 5. Музыкальные инструменты из погребений населения Евразийской Степи. 1 – Инструмент из погребения у с. Кирово, 2 – Его реконструкция, 3 – Гриф инструмента из погребения у с. Кирово. 4 – Инструмент из погребения у с. Усть-Курдюм. 5 – глиняная статуэтка из Херсонеса.

Рис. 6. Реконструкция М.В. Горелика.

УДК 94(5) 902/904

ЗОЛОТОЙ ПЕРСТЕНЬ С ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ В ПОГРЕБЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЧЕВНИЦЫ

© 2017 г. В.Н. Чхаидзе, В.Ю. Виноградов

В работе дается правильное прочтение греческой надписи на золотом перстне из погребения кочевницы конца XII – первой половины XIII вв. в Северном Приазовье. Сомнению подвергается христианская принадлежность погребенной. Еще один золотой перстень с уйгурской надписью был обнаружен на кладбище у церкви в Великом Тырново. Здесь конфессиональная принадлежность погребенного в первой половине XIV в. сомнений не вызывает, однако маловероятно делать какие-либо выводы о погребенном лишь на основании находок перстня и серьги. Представляется, что последние владельцы обоих перстней с надписями навряд ли понимали их значение, используя лишь как украшения.

Ключевые слова: средневековые кочевники, золотые перстни с надписями, Византия, Болгария.

Для погребений кочевников XII–XIV вв. перстни из цветных металлов являются достаточно редкой категорией находок (Федоров-Давыдов, 1966. С. 41. Рис. 6, *2*; Отрощенко, Рассамакін, 1986. С. 24-25. Рис. 9; Кравец, 2005. С. 42. Рис. 7, *7, 9*; Каримова, 2013. С. 40-42. Рис. 18). Захоронения с перстнями обычно содержат богатый погребальный инвентарь, свидетельствующий о высоком социальном статусе погребенных (Каримова, 2013. С. 42. Табл. 28).

Тем более интересна находка золотого перстня в богатом женском погребении из кургана у с. Новоивановка Донецкой области. В депаспортизированном погребении, совершенном по половецкому обряду, также выявлены: золотые шейная гривна, серьги, второе кольцо с пирамидкой для вставки камня, серебряные браслеты и распрямленная гривна, линза горного хрусталя, зеркало, остатки очелья, красноглиняный кувшин, бронзовый котел, сбруйный набор. В совокупности инвентарь позволяет отнести захоронение к концу XII – первой половине XIII вв. (Швецов, 1974. С. 93-97. Рис. 1-3; 2013. С. 307-316. Рис. 1-8; 2015. С. 98-104. Рис. 1-10).

Золотой перстень (Рис. 1)[1] (щиток шириной 2 см при высоте 2,3 см) содержит пятистрочную греческую надпись, расшифрованную не менее чем в трех вариантах (без диакритических знаков), но во всех неверно[2]:

1) Θεο (φίλακα κο(σ)τ(οι)αρα οπουν) οσ(εω) = Богу мил несчастный. Тебе мольба, когда страдаю;

2) Θεο (φίλακα κο(ησ)αρα οπουν) οσ(εουσι) = Богу милы страдания и молитвы, когда терпят;

3) Θεοφυλακτος εκουτα ζιοπουλος = Феофилакт Скутари (Швецов, 2013. С. 311-313. Рис. 7, *1*; 2015. С. 101-102. Рис. 7).

Между тем прочтение надписи на перстне достаточно очевидно:

† Θεο-
φίλακ(τ)ος
ὁ Κοταρα-
.όπουλ-
ος †

† Θεοφίλακ(τ)ος ὁ Κοταραόπουλος † = † Феофилакт Котара.опул †

Пропуск «тау» в имени Феофилакт свидетельствует о низкой грамотности резчика, что подтверждается и написанием Θεοφίλακ(τ)ος (вместо Θεοφύλακ(τ)ος). В «Просопографическом лексиконе Палеологовского времени» под 1268 г. упоминается имя Котарас (Κοταρᾶς) (PLP. № 13321). Имена с формантом -πουλος («сын») характерны именно для поздневизантийского периода. Следует отметить, что надпись сильно потерта по краям, что указывает на длительное использование перстня.

Подобные перстни (золотые или бронзовые), содержащие имя владельца, нередко с обращением к Божественной помощи, были достаточно распространены в Византии XII–XIV вв. (Ross, 1954. P. 169-171; 1965. P. 87-91; Zacos, Veglery, 1972. P. 954. № 1658. Pl. 8, 121; Vikan, Nesbitt, 1980. P. 16. Fig. 29-30; Chadour, Joppien, 1985. № 180; Evans, Wixom, 1997. P. 247-248. №№ 172-173; Spear, 2013. P.

[1] Перстень неоднократно, без прочтения надписи и с неверным отнесением к «послемонгольскому периоду», воспроизводился в работах Э.Е. Кравченко (2007. С. 66-67. Рис. 1, *3*; 2011 С. 149. Рис. 5, *2*; 2015. С. 428. Рис. 10, *3*. Илл. 14, *3*).

[2] В прочтении надписи принимали участие Б.Ю. Михлин и С.Н. Малахов.

82-84; Campagnolo-Pothitou, Cheynet, 2016. P. 153. № 131).

Именно с византийским миром следует связывать происхождение перстня из кургана у с. Новоивановка, а его попадание в погребение половчанки–аристократки возможно рассматривать через контакты кочевников с Крымским полуостровом. Тем не менее, маловероятным представляется предположение о христианском вероисповедании погребенной, основанное лишь на находках перстня с греческой надписью и двух орнаментированных золотых серег (Швецов, 2013. С. 315-316; 2015. С. 104).

Здесь уместно упомянуть находку еще одного золотого перстня, но с уйгурской надписью, также обнаруженного в депаспортизированном погребении, совершенном на прицерковном кладбище у храма «Св. 40 мучеников» в Великом Тырново (Вълов, 1974. С. 51-52. Обр. 19, *б*; Владимиров, 2011. С. 273-278. Рис. 1-10; 2013. С. 139-153. Обр. 1-17).

Золотой перстень (Рис. 2) с двухстрочной надписью, первоначально неверно прочитанной: «Принадлежит Хадару Муртазе» (Вълов, 1974. С. 52-54, сноска 37). Между тем, как надпись нанесена уйгурским письмом:

قوتلوغ

بولسون

Кутлуг / болсун = Будь счастлив.

Перстень датирован XIII в. и имеет булгарское происхождение, так как серебряные и медные монеты с формулой «кутлуг болсун» чеканились только в Болгаре (Владимиров, 2011. С. 277. Рис. 3-4; 2013. С. 151. Обр. 3-4).

Помимо перстня, в погребении была обнаружена золотая серьга в виде «знака вопроса». Данные серьги могут выступать хронологическим определителем второй половины XIII–XIV вв., являясь элементом золотоордынской, надэтничной культуры (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 135-136; Каримова, 2013. С. 29-35; Владимиров, 2014. С. 223-229. Рис. 1, *4*).

Автор публикации относит комплекс к первой половине XIV в., соглашается с высоким социальным статусом погребенного и предлагает три варианта его происхождения:

1) аристократ из Волжской Булгарии;

2) половецкий воин;

3) посол/наместник из Золотой Орды, и отдает предпочтение последнему предположению (Владимиров, 2011. С. 277-278; 2013. С. 152-153).

В отличие от половецкой кочевницы с перстнем, в случае с погребенным на кладбище у храма «Св. 40 мучеников» сомнений в его (либо ее – ?) христианском вероисповедании нет. В то же время находки булгарского перстня с надписью и серьги со «знаком вопроса», в свою очередь, не несут информации об этнической принадлежности их последнего владельца, который мог использовать перстень не в качестве личного, а лишь как украшение; то же касается и серьги, ношение которой можно объяснить данью общеимперской моде.

Эти примеры показывают, что обнаружение в погребальных комплексах артефактов, являющихся своего рода символами тех или иных культур, конфессий, этносов, указывают лишь на происхождение самих этих предметов, а также на возможные пути их поступления в древности в те регионы, где они в наши дни были обнаружены археологами. Попытки определить с помощью подобных предметов этническую и конфессиональную принадлежность погребенных чаще всего бесперспективны.

Относительно погребальных комплексов средневековых кочевников можно указать на погребения XIV в., в инвентаре которых содержатся предметы с арабскими надписями (Шалобудов, 1982. С. 63. Рис. 2, *4*; Чхаидзе, 2012. С. 142. Рис. 3, *11*). Однако маловероятно, что погребенные при жизни понимали значение этих надписей.

В качестве еще одного примера упомянем серебряную пластинку XI в. с персидской надписью из женского кочевнического погребения XIV в. на р. Урал (Иванов, 1984. С. 91). Попав из Ирана, где пластинка являлась элементом поясной гарнитуры, на Южный Урал, она стала использоваться в качестве элемента украшения «бокки» (Булгаков, 1984. С. 98-101; Каримова, 2013. С. 28. Рис. 9).

Наконец, вспомним знаменитое ханское погребение в Чингульском кургане, содержащее многочисленные импортные предметы, в том числе византийского происхождения, прежде всего – роскошный кафтан (Woodfin, Rassamakin, Holod, 2010. P. 161-178; Holod, Rassamakin, 2012. P. 356-381).

Представляется, что в случаях обоих перстней – и с греческой надписью из кургана у с. Новоивановка, и с уйгурским письмом из погребения на христианском некрополе при царской церкви в Великом Тырново, их последние владельцы навряд ли использовали эти украшения в соответствии с той смысловой нагрузкой, что несли выгравированные на перстнях надписи.

ЛИТЕРАТУРА:

PLP: Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasc. 1-12. Wien, 1976-1995.

Булгаков Р.М. Персидская надпись на серебряной пластинке из кыпчакского кургана на р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 98–102.

Вълов В. Новите разкопки на църквата "Св. четиридесет мъченици" във Велико Търново (предварително съобщение) // Археология. 1974. № 2. С. 51–54.

Владимиров Г.В. Погребение эпохи Золотой Орды в средневековой Болгарской столице Велико Тырново: проблемы, гипотезы, факты // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Казань: Фолиант, 2011. С. 272–279.

Владимиров Г. Археологически находки от западната пристройка на църквата «св. Четиредесет мъченици» в Търново // Приноси към българската археология. Том VII. В памет на проф. Рашо Рашев. София: НАИМ-БАН, 2013. С. 139–152.

Владимиров Г.В. Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения // Поволжская археология. 2014. № 1. С. 223–232.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М. [б.и.], 2011. 266 с.

Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 75–98.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. 216 с.

Кравченко Э.Е. Донецкие степи в золотоордынское время (отражение особенностей региона в керамическом комплексе его памятников) // «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.» II международная научная конференция. Тезисы. Ялта: [б.и.]. 2007. С. 66–73.

Кравченко Э.Е. Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского Форума. 19-21 июня 2010 г., Болгар / Археология евразийских степей. Вып. 12. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. 240 с.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Археологические источники Восточной Европы. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–473.

Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.

Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. Половецькиї комплекс Чингульского кургану // Археологія. 1986. № 53. С. 14–36.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского университета, 1966. 275 с.

Чхаидзе В.Н. Половец-золотоордынец – обладатель лука с арабской надписью «Махмуд» // ИАА. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М.: [б.и.], 2012. С. 140–153.

Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск: ДГУ, 1982. С. 60–68.

Швецов М.Л. Багате кочівнецьке поховання з Донбасу // Археологія. 1974. 13. С. 93–98.

Швецов М.Л. Погребение знатной половчанки // Археологический альманах. 2013. № 30. С. 307–318.

Швецов М.Л. Половецкая ханум // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 6. М.: Издательский дом Марджани, 2015. С. 98–105.

Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-C. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. Milan: 5 Conteiner Editions, 2016. 524 p.

Chadour A.B., Joppien R. Schmuck II. Fingerringe. Cologne. 1985. 373 p.

Evans H.S., Wixom W.D. The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. New York: The Metropolitan Museum of Art. 1997. 574 p.

Holod R., Rassamakin Y. Imported and Native Remedies for a Wounded "Prince": Grave Goods from the Chungul Kurganin the Black Sea Steppe of the Tirteenth Century // Medieval Encounters. 18. Leiden, 2012. P. 339–381.

Ross M.C. Two Byzantine Nielloed Rings // Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene. Princeton, 1954. P. 169–171.

Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2. Washington: Harvard University, 1965. 156 p.

Spier J. Late Byzantine Rings, 1204–1453. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2013. 87 p.

Vikan G., Nesbitt J. Security in Byzantium: Locking, Sealing and Weighing / Dumbarton Oaks. Byzantine Collection. No 2. Washington: Dumbarton Oaks, 1980. 39 p.

Woodfin W.T., Rassamakin Y., Holod R. Foreign Vesture and Nomadic Identity on the Black Sea Littoral In the Early Thirteenth Century // Ars Orientalis. Vol. 38. Washington, 2010. P. 155–186.

Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Vol. I. Basel, 1972. 1699 p.

Информация об авторах:

Чхаидзе Виктор Николаевич - кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Виноградов Андрей Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»**.** E-mail: ampelios@gmail.com

A GOLDEN RING WITH A GREEK INSCRIPTION N A MEDIEVAL NOMAD BURIAL

V.N. Chkhaidze, A.Yu. Vinogradov

The work features a correct interpretation of a Greek inscription on a golden ring from a nomad woman's burial of late 12th - early 13th centuries in the Northern Cis-Azov Region. The article questions the Christian origin of the burials. Another golden ring with an Uyghur inscription was discovered at a cemetery near a church in Veliko Tarnovo. In this case the confession of the person buried in the first half of 14th century cannot be argued, but it is a questionable practice to make any conclusions about the buried on the basis of a discovered ring and earring. It appears that the last owners of both inscribed rings hardly understood their meaning, and only used them as adornments.

Keywords: medieval nomads, golden rings with inscriptions, Byzantium, Bolgaria.

About the authors:

Chkhaidze Viktor N. – Candidate of Historical Sciences, Research Scientist of the Medieval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Vinogradov Andrey Yu. - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the School of Historical Sciences of the Faculty of Humanities of the National Research University Higher School of Economics**.** E-mail: ampelios@gmail.com

Рис. 1. Перстень с греческой надписью из погребения в кургане у с. Новоивановка. Фото.

Рис. 2 Перстень с уйгурской надписью из погребения в церкви «Св. 40 мучеников» в Великом Тырново. Фото.

УДК 94(5) 902/904

ШЛЕМ С ДЕИСУСОМ ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДАТИРОВКЕ[1]

© 2017 г. В.Н. Чхаидзе

В исследовании предпринята попытка показать, что далеко не все возможности в изучении шлема с Деисусом, происходящего из Оружейной палаты Московского Кремля, исчерпаны, а в случае с палеографией надписей и не использованы. Можно констатировать, что проблема датировки и происхождения шлема с Деисусом еще далека от своего разрешения. Авторы ряда работ, посвященных этому памятнику, искусственно ограничили поиски аналогий XIV веком с упором на Древнерусское государство. С привлечением данных сфрагистики возможно относить дату шлема либо к 20-м–40-м гг. XII в., либо началу XIII в.

Ключевые слова: шлем с Деисусом, Византия, палеография, сфрагистика.

Шлем с композицией Деисус («шапка ерихонская», «шапка греческая» и т. п.), находящийся в собрании Оружейной палаты Московского Кремля, известен с 1686–1687 гг. (Рис. 1). Несмотря на его широкую узнаваемость (изображен на картине В.М. Васнецова «Богатыри», на страницах школьных учебников истории), этот единственный в своем роде шлем не избалован обилием посвященных ему исследований – количество специальных работ, даже не монографического характера, не превышает десятка. Более подробно с историей вопроса можно ознакомиться в изданном не так давно каталоге выставки произведений византийского искусства, хранящихся в Музеях Московского Кремля (см.: Византийские древности, 2013. С. 140-149. № 15).

Оставив в стороне пропатриотически окрашенные атрибуции шлема с Деисусом авторов XIX в. («шишак великого князя Александра Невского», «настоящий новгородский русский») (см.: Стерлигова, 2014. С. 114, 116, 130), остановимся на вопросах его происхождения, датировки и интерпретации надписей в исследованиях XX – начала XXI вв.

До недавнего времени византийская атрибуция шлема и его датировка XIII в. были поддержаны большинством исследователей (Arendt, 1932. P. 1-3; Писарская, 1964. С. 17. Табл. XIV–XVII; 1969. Ил. 36, 37).

На основе анализа техники декорации чуть более ранним временем, концом XII – началом XIII вв., датировал шлем Ф.Я. Мишуков, отметив при этом принадлежность предмета к произведениям византийского искусства (Мишуков, 1954. С. 126-129. Рис. 1).

А.Н. Кирпичников первым обратил внимание на типологическое сходство шлема с Деисусом и шлема колоколовидной формы с полями, происходящего из раскопок южнорусских курганов XIX в. и известного лишь по изображению (см.: Прохоров, 1883. Табл. VIII.1) (Рис. 2). Он же отметил, что похожие шлемы показаны на двух миниатюрах Радзивиловской летописи (Рис. 3-4). “Греческий” шлем с Деисусом был датирован до первой половины XIII в. (Кирпичников 1958. С. 66-67. Рис. 1.3; 1971. С. 31. Рис. 9, *3*).

Впоследствии и Б.А. Рыбаков, в свою очередь, причислив шлем к кругу изделий византийских мастеров XII в., также соотнес его с миниатюрой Радзивиловской летописи, на которой изображено окружение противником Андрея Юрьевича Вышгородского в разгар сражения под Луцком (1149 г.) (Рис. 3) (Рыбаков, 1981. С. 223. Рис. 62-63; 1994. С. 295).

А.В. Банк, не сомневаясь в византийском происхождении шлема, датировала его концом XIII в. и обратила внимание на технику убранства “дамаскинери”, перекликающуюся с техникой украшения бронзовых дверей XI в. (Банк, 1966. С. 320-321. №№ 241-243; 1967. С. 295. Рис. на стр. 19; 1978. С. 76).

В каталоге «Искусство Византии» шлем также датирован XIII в. Констатировано, что все надписи на нем греческого происхождения (1977. С. 34-35. № 911).

К XIV в. неуверенно отнес шлем Д. Николль, указав, что подобные шлемы в это время являлись распространенными в Византии (Nicolle, 1999. P. 46, 362, № 71).

[1] Настоящая работа планировалась к написанию совместно с М.В. Гореликом, однако в силу печальных причин это воплотить не удалось.

Именно в XXI веке появились крупные исследования, посвященные шлему с Деисусом, правда, не бесспорные.

Прежде всего, это специальная работа А.В. Рындиной, которая, следует отметить, избирательно подошла к рассмотрению объекта своего исследования (2004. С. 289-305. Ил. 48-52). Уже в первом предложении автор относит шлем к эпохе митрополита Киевского и Всея Руси Киприана (1389–1406). Исследовательница не соглашается с выводом А.В. Банк о привлечении техники "дамаскинери" в качестве аналогий при изучении особенностей орнаментации шлема и целиком сосредотачивается на филигранной технике Руси XIV в., предполагая создание шлема с Деисусом в качестве подражания шапке Мономаха. Подобным образом рассматривается иконографическая программа изображений на шлеме – схожая композиция изыскивается исключительно среди памятников XIV в., преимущественно древнерусских. Для исследовательницы "совершенно очевидна «русская» рука" в исполнении изображений апостолов, Николая Мирликийского и, возможно, архангела Гавриила; априори св. Николай Мирликийский называется на русский манер святителем Николой Чудотворцем (подразумевается, что надпись по обеим сторонам от фигуры святого выполнена кириллицей). Все это приводит автора к выводу о "смешанной артели, состоящей из греческих и русских мастеров", изготовивших шлем. Не исключается и участие закавказского ювелира, в частности, армянина.

Греческие надписи на шлеме Е.А. Рындина специально не рассматривает, касаясь лишь надписи по обеим сторонам изображения Иоанны Предтечи, соотнося ее с надписями на резной стеатитовой иконе с Иоанном Предтечей конца XIV–XV вв. (см.: Искусство Византии, 1977. С. 161. № 1015; Византийские древности. 2013. С. 294-297. № 74).

Далее автор отвергает вероятность применения шлема в бою и предполагает, что его использовали в качестве мощевика – покрова для блюда с мощами при перенесении святых реликвий в сакральном пространстве Москвы конца XIV в. Уже было отмечено, что эти последние положения Е.А. Рындиной не находят оснований в фактическом материале (см.: Византийские древности, 2013. С. 145-146; Стерлигова, 2014. С. 119).

В работе, посвященной русским шатровидным шлемам, К.А. Жуков рассматривает и шлем с Деисусом – цилиндроконический, с полями, относя его появление к концу XIII–XIV вв. и не исключая возможности его изготовления русскими оружейниками по византийским образцам. Также автор обращает внимание на миниатюру «Романа об Александре» (1321–1357), где изображен подобный шлем (Жуков, 2005а. С. 223-224. Рис. 5, *1-3*; см.: Негин, 2012. С. 65. Рис. 2, *2*) (Рис. 5).

Е.А. Стерлигова в своем исследовании с характерным названием (2014. С. 112-134. Ил. 1-12) в целом принимает положения Е.А. Рындиной, связанные с формой и символикой шлема, однако более склоняется к датировке серединой – второй половиной XIV в. Исследовательница отмечает, что технико-технологические особенности декорации шлема мало информативны для его локализации и заключает, что ни по художественным особенностям, ни по орнаментации, ни по палеографии надписей (в статье не рассматривалась) невозможно относить его к произведениям византийского круга (византийская атрибуция шлема и его датировка XIII в. названы "легендарными"). Шлем с Деисусом, по мысли Е.А. Стерлиговой, помимо использования его в качестве предмета защитного вооружения, являлся и инсигнией, подчеркивающей статус его владельца как православного самодержца, правителя Руси.

В работе оружиеведа-любителя Ю.А. Кулешова шлем рассматривается с позиции подбора ему аналогий среди известных в настоящее время боевых наголовий (2014. С. 135-152). Статья представляет собой пространный обзор памятников изобразительного искусства конца XIII–XIV вв., а также шлемов, имеющих некоторые общие элементы (цилиндроконическая форма и техника декора) со шлемом с Деисусом. Автор приходит к выводу, что цилиндроконические шлемы появляются с середины XIV в., а рассматриваемый шлем следует относить к эпохе Дмитрия Донского (1350–1389). Вместе с этим, в работе содержатся правильные указания на изображения идентичных по форме шлемов на фресках второй половины XIII–XIV вв. сербских памятников: церковь св. Троицы в монастыре Сопочаны (Nicolle, 1999. P. 59, 367, № 95c) и церковь Иоакима и Анны в монастыре Студеница (Nicolle, 1999. P. 62, 370, № 105) (Рис. 6), а также на миниатюре XIV–XV вв. «взятие Рима галатянами» из Тверского списка «Хроники Георгия Амартола» (см.: Жуков, 2005б. С. 26. Рис. 26) (Рис. 7).

В целом, несмотря на несколько крупных работ, появившихся в последние годы, посвященных шлему с Деисусом, приходит-

ся признавать, что он изучен не равномерно. Если достаточно подробно рассмотрена особенность декорации шлема, то поиск аналогий среди известных боевых наголовий пока что бесперспективен – шлем с Деисусом продолжает оставаться уникальным в своем роде. Так, достаточно сравнить рисунки двух шлемов из альбома В.А. Прохорова, чтобы убедится, что они лишь схожи по форме (Рис. 2). Шлем из раскопок XIX в. более приземистый, но при этом не известно, насколько точно передает рисунок сам предмет – не известны ни его размеры, ни наличие декора, ни конструкция. В данной связи трудно согласиться с утверждением К.А. Жукова, что оба шлема относятся к одному времени (2005а. С. 224), хотя отдельные авторы и считают это справедливым (Кулешов, 2014. С. 136).

При, казалось бы, окончательном разрешении вопроса о принадлежности шлема и его датировке (изготовлен на Руси по византийским образцам во второй половине XIV в.), остается совершенно не разработана палеография надписей на нем. Так, авторы статьи о шлеме с Деисусом в каталоге «Византийские древности» считают ошибочным мнение, что все надписи на нем греческие и, невзирая на то, что палеография надписей в работе не рассмотрена, утверждают, что она “не дает оснований относить шлем к чисто византийским произведениям” (2013. С. 145, 148).

Между тем, надписи по обеим сторонам Деисуса, Богородицы, апостолов и архангелов, без сомнения, греческие. Вопрос вызывает лишь надпись по обеим сторонам от Николая Мирликийского: NHK ‖ ΟΛΑ, что может быть интерпретировано как сокращенное греческое Νηκόλα(ος) или русское «Никола», написанное кириллицей (т.е. “русифицированное”) (см.: Византийские древности, 2013. С. 142, 149). Специально отметим, что в византийской иконографии и сфрагистике сокращение NHKΟΛΑ встречается так же часто, как и другие варианты сокращения имени святого Николая, кстати, самого распространенного среди святых (Cotsonis, 2005. P. 477-486. Chart XIII; Stepanova, 2006. P. 185-195). Также следует указать, что и другие надписи по обеим сторонам полуфигур приведены в сокращении, с титлами. В любом случае пока что специальная работа с надписями на шлеме не проводилась.

Если же обратиться к шлемам с полями, изображенным в византийской и древнерусской живописи (Рис. 3-7), то все же приходится констатировать, что все они достаточно поздние (XIV–XV вв.) (см.: Византийские древности, 2013. С. 146, 148), т.е. того времени, когда цилиндроконические шлемы с полями были достаточно распространены.

Однако существует еще один памятник изобразительного искусства, который необходимо привлечь к процессу изучения шлема с Деисусом и на котором, как представляется, помещено наиболее раннее изображение цилиндроконического шлема с полями. Речь идет о византийском моливдовуле Алексея Комнина, который был обнаружен в 1963 г. на акрополе Трапезунда (Рис. 8) (см.: Чхаидзе, 2013. С. 37-39. Рис. 1, *1*). В октябре 1998 г. печать была продана с аукциона «Спинк» (SPINK, 1998. P. 48-49. № 93) и в настоящее время находится в коллекции Афинского нумизматического музея (Koltsida-Makre, 2006. P. 13. № 3).

На аверсе печати помещена композиция Воскресение Господне – Сошествие во Ад. На реверсе изображены две фигуры. Святой Георгий в полный рост, с нимбом, безбородый и безусый, в военной тунике, препоясанный мечом, левая рука поднята и держит некий предмет (или же поднята в неком жесте). Правой рукой святой держит за локоть левой руки изображенного в полный рост Алексея Комнина с бородой и усами, в военной тунике и высоком конусообразном шлеме со шпилем и защитой для шеи и затылка. В правой руке воин держит на плече меч острием вверх. Одна надпись, трехстрочная, помещена между двумя фигурами: ΟΑ|ΓΕΩΡ|ΓΙΟ|Σ = Ὁ ἅγιος Γεώργιος, вторая – справа от воина: Α|ΛΕ|ΞΙ|ΟΣ|Ο|ΚΟ|ΜΝΗ|ΝΟΣ = Ἀλέξιος ὁ Κομνηνός.

Шлем на Алексее Комнине – заказчике печати, явно цилиндроконический с полями, аналогичный шлему с Деисусом.

Ранее в истории изучения шлема с Деисусом уже предпринималась попытка обратиться к памятникам сфрагистики в поиске аналогий. Так отмечалось (Висковатов, 1841. С. 53-54; Кирпичников 1958. С. 67; 1971. С. 31), что точно такой же по форме шлем изображен на печати 1372 г. кончанского тысяцкого Великого Новгорода Ивана Еремьинича (см.: Янин, 1970. С. 114, 122, 219. № 699. Табл. 35, 95). Впрочем, было обозначено, что изображенный на печати шлем – «шапель» (chapel de fer), получает распространение с середины XIV в. в Западной Европе и относится к иному типу наголовий (Петров, 2003. С. 199, 201. Ил. 1, *1*; 2009. С. 645-646. Рис. 1, *1*; также см.: Куле-

шов, 2014. С. 137-138 – автор, коверкая отчество владельца печати, почему то считает, что памятники сфрагистики не могут быть использованы в качестве аналогий).

Относительно датировки и интерпретации моливдовула Алексея Комнина – издатели каталога аукциона «Спинк» отнесли печать к XII в. и посчитали, что определить ее владельца невозможно, так как имя «Алексей» было достаточно популярно в семье Комнинов (SPINK, 1998. P. 49). Однако, в том же 1998 г. владелец печати из Трапезунда был отождествлен С.П. Карповым с Алексеем I Великим Комнином, первым императором Трапезунда (1204–1224) (Γουναρίδης, 1999. Σ. 248; Карпов, 2001. С. 27). Эта гипотеза была развита в специальной статье П. Гунаридиса, который считает, что изображение воина рядом со святым символизирует претензии владельца на императорский престол. А в изображениях печати автор видит определенную идеологическую программу: святой Георгий (один из трех святых воинов, изображавшихся на печатях Комнинов) подчеркивает роль ее владельца как военного командира, тогда как сцена Воскресения отражает идею спасения и политического воскресения Византийской империи. Помимо этого, П. Гунаридис первым отметил и идентичность шлема на печати со шлемом с Деисусом, предположив, что один из путей попадания этой формы на Русь – через Грузию (Γουναρίδης, 1999. Σ. 248-258. Εικ. 1-2).

В статье каталога «Византийские древности», посвященной шлему с Деисусом, лишь упомянута работа П. Гунаридиса (при этом искажена его фамилия), который якобы “согласился с византийской атрибуцией шлема” (2013. С. 145). Е.А. Стерлигова также приводит печать Алексея Комнина, лишь полагая, что он изображен “в высоком шлеме с перпендулиями (?)” (2014. С. 124. Ил. 18). Между тем, на печати хорошо видно, что шлем изображен с бармицей и, кстати говоря, подобным образом, шлем с Деисусом и бармица приведены на одном из рисунков фундаментального труда А.В. Висковатова (1841. С. 56. Рис. 47) (хотя шлем и показан сидящим на голове достаточно низко) (Рис. 9). Здесь же отметим, что Е.А. Рындина отвергала наличие у шлема бармицы, которая могла крепиться с помощью мелких отверстий на наружных краях полей шлема, предполагая наличие там подвесных бубенцов, звучащих в церемонии перенесения мощей (Рындина, 2004. С. 290, 301, 305). Как уже отмечалось, подобное положение малоубедительно.

Возвращаясь к атрибуции печати Алексея Комнина, отметим, что гипотеза С.П. Карпова и П. Гунаридиса была в дальнейшем поддержана и подкреплена дополнительными соображениями. Ж.-К. Шене также видит в изображении Воскресения намек на «воскресение» Византийской империи (Cheynet, 2005. P. 64. Fig. 7. № 3). С.П. Карпов связывает эту иконографию со вступлением Алексея в Трапезунд и провозглашением его императором в апреле 1204 г. (Карпов, 2007. С. 109). Эту же точку зрения разделяет В. Зайбт (устное сообщение).

Таким образом, владелец печати из Трапезунда первоначально был отождествлен с основателем Трапезундской империи Алексеем Великим Комнином, и эта атрибуция была принята специалистами по византийской сфрагистике. Соответственно датировка моливдовула (а значит и изображения шлема на нем) была определена как начало XIII в.

Вместе с этим, существует и вторая точка зрения на интерпретацию и датировку печати, согласно которой ее владельцем мог являться Алексей Комнин (1106 (рожд.) – 1122 (соправ.) – 1142), сын и соправитель императора Иоанна II (1087 (рожд.) – 1118 (нач. цар.) – 1143). Во-первых, Алексей должен был наследовать престол, и гипотеза П. Гунаридиса относительно смысла изображения воина рядом со святым подходит и в этом случае. Во-вторых, провозглашение соправителем самого Иоанна, его отца, было отмечено выпуском монет или жетонов, на которых рядом с наследником изображен святой воин. В-третьих, иконографию воина с обнаженным мечом на правом плече ввел на монеты Исаак I Комнин, (ок. 1005 (рожд.) – 1057 (нач. цар.) – 1061), которому Иоанн II приходился внучатым племянником. Можно предположить, что изображение святого Георгия на печати также отсылает к Иоанну II. Тогда смысл композиции получается следующий: святой Георгий (иносказательно – император) ведет наследника и соправителя Алексея, который изображен в образе архангела Михаила. В качестве объяснения идеологической подоплеки помещения сцены «Воскресения – Сошествия во Ад» можно предложить гипотезу о том, что оно должно было отражать планы Иоанна Комнина по утверждению византийского сюзеренитета над Иерусалимом, в чем должен был, по-видимому, принимать активное участие его старший сын и соправитель

(Chkhaidze, Kashtanov, Vinogradov, 2014. P. 2-18).

Таким образом, в настоящее время мы имеем византийскую печать, на которой изображен шлем, идентичный шлему с Деисусом – это, пожалуй, самое раннее изображение наголовья такой формы. Датировка печати может быть установлена либо в пределах 20-х–40-х гг. XII в., либо начала XIII в. и это отчасти возвращает нас к дискуссии о дате шлема, предложенной исследователями в XX в. А учитывая статус владельца печати (не важно, принимаем мы первый или второй вариант датировки), излишне сомневаться, что изображенный на моливдовуле шлем выполнял такую же функцию инсигнии, как и шлем с Деисусом.

В результате можно констатировать, что проблема датировки и происхождения шлема с Деисусом, еще далека от своего разрешения. Представляется, что авторы последних работ, посвященных этому памятнику, искусственно ограничили поиски аналогий XIV веком с упором на Древнерусское государство. Безусловно, отдельные их положения представляются убедительными, но, как мы постарались показать, далеко не все возможности в изучении этого уникального предмета исчерпаны, а в случае с палеографией надписей и не использованы.

Здесь, в качестве контрпримера, укажем на ряд исторических реконструкций, в которых, пока что безосновательно, шлем с Деисусом и производные от него отнесены к первой половине XIII в. (Голыженков, Дзысь, 1994. С. 4-5; Кирпичников, 1997. С. 4; Щербаков, Дзысь, 2001. С. 6-7, 49-51, 67, 70-71).

В заключении отметим, что шлем с Деисусом из собрания Оружейной палаты продолжает оставаться не достаточно изученным памятником. И для его всестороннего исследования ошибочно руководствоваться аргументацией по принципу “нам так кажется” или “по нашему мнению”, но комплексным анализом с привлечением вспомогательных исторических дисциплин и, кстати, естественно-научных методов. Будем надеяться, что в ближайшем будущем такое исследование будет проведено. Работа еще предстоит.

ЛИТЕРАТУРА

Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М., Л.: Советский художник, 1966. 392 с.

Банк А.В. Прикладное искусство // История Византии. Том 3. / Под ред. С.Д. Сказкина. М.: Наука 1967. С. 289–302.

Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки / Культура народов Востока. Материалы и исследования. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 312 с.

Византийские древности. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля. Каталог / Отв. редактор-составитель И.А. Стерлигова. М.: Пинакотека, 2013. 608 с.

Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Часть 1. СПб.: Типография В.С, Балашева и К°, 1841. 118 с.

Голыженков И., Дзысь И. Битва на Калке 31 мая 1223 г. М.: Изограф, 1994. 48 с.

Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово поле и юго-восточная Русь в XII–XIV веках. Тула: ИНФРА, 2005а. С. 216–235.

Жуков К.А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // Воин. 2005б. № 18. С. 18–27.

Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. 3. Искусство XIII века. Искусство Палеологовского времени. Поздневизантийский период / Под научной редакцией А.В. Банк и О.С. Поповой. М.: Советский художник, 1977. 180 с.

Карпов С.П. Образование Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 5–29.

Карпов С.П. История Трапезундской империи / Византийская библиотека. Исследования. СПб.: Алетейя, 2007. 657 с.

Кирпичников А.Н. Русские шлемы X–XIII вв. // СА. 1958. № 4. С. 47–69.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. САИ. Е1-36. Л.: Наука, 1971. 91 с. + XXII табл.

Кирпичников А.Н. Ледовое побоище. Тактические особенности, построение и численность войск // Цейхгауз. 1997. № 6 (1). С. 2–6.

Кулешов Ю.А. Место «шапки греческой с Деисусом» из собрания Оружейной палаты в ряду поздневизантийских боевых наголовий Восточной Европы // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования Вып. 22. М.: Московский кремль, 2014. С. 134–152.

Мишуков Ф.Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Советский художник, 1954. С. 115–136.

Негин А.Е. Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории Западного Дешт-и-Кыпчака // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 62–70.

Петров М.И. Изображения вооружения и доспехов на древнерусских печатях // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 194–211.

Петров М.И. Военное дело в древнерусской сфрагистике // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию В.Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 644–654.

Писарская Л.В. Памятники византийского искусства V–XV веков в Государственной Оружейной палате. Л.; М.: Советский художник, 1964. 104 с.

Писарская Л.В. Византийское искусство V–XV вв. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Московский рабочий, 1969. С. 23–26.

Прохоров В. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Том 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1883. VII с. + XL рис.

Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М.: Издательство московского университета, 1984. 240 с.

Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков // Радзивиловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр / Под редакцией М.В. Кукушкиной, Г.М. Прохорова. СПб.: Глаголъ; М.: Искусство, 1994. С. 281–301.

Рындина А.В. «Иерихонская» шапка Оружейной палаты. Образ и смысл // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М.: Русский путь, 2004. С. 289–305.

Стерлигова И.А. «Шапка с Деисусом» как памятник культуры Древней Руси // Музеи Московского кремля. Материалы и исследования Вып. 22. М.: Московский кремль, 2014. С. 112–134.

Чхаидзе В.Н. Моливдовул Алексея I Великого Комнина // XVII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. (Москва, Пущино, 22–26 апреля 2013 г.). М.: Триумф принт, 2013. С. 37–39.

Щербаков А., Дзысь И. Ледовое побоище. 1242. М.: Экспринт, 2001. 84 с.

Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Том II. Новгородские печати X–XV вв. М.: Наука, 1970. 326 с.

Arendt W. Der “Griechische Einhut” aus der Moskauer Rüstkammer // Zeitschrift für Historische Waffen und Kostümkunde. Bd. 4 (13). Hft. 1. Berlin. 1932. S. 1–3.

Cheynet J.-C. L’iconographie des sceaux des Comnènes // Siegel und Siegler. Acten des 8 Internationalen Symphosions für Byzantinische Sigillographie / Berliner Byzantinistische Studien. Band 7. Frankfurt-am-Main: Peter Lang. 2005. P. 53–67.

Chkhaidze V., Kashtanov D., Vinogradov A. The Mysterious seal of Alexios Komnenos from Tamatarcha. Moscow, 2014. 20 p.

Cotsonis J. The Contribution of the Byzantine Lead Seal to the Study of the Cult of the Saints (Sixth – Twelfth Century) // Byzantion. Revue internationale des Études byzantines. Tome LXXV. Bruxelles, 2005. P. 383–497.

Γουναρίδης Π. Ένα μολυβδόβουλλο του Αλεξίου Α᾽ Μεγαλοκομνηού // Βυζαντινά Σύμμεικτα. 13. Θεσσαλονίκη, 1999. Σ. 247–261.

Koltsida-Makre I. New acquisitions of Byzantine Lead Seals in the Athens Numismatic Museum Collections // Studies in Byzantine sigillography. Vol 9. München; Leipzig: De Gruyter, 2006. P. 11–22.

Nicolle D. Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. Islam, Eastern Europe and Asia. London: Greenhill Books, 1999. 638 p.

SPINK. Auction 127. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. Part I. London, Wednesday 7 October 1998. 66 p.

Stepanova E. The image of St. Nicholas on Byzantine Seals // Studies in Byzantine sigillography. Vol. 9. München; Leipzig: De Gruyter, 2006. P. 185–195.

Информация об авторе:

Чхаидзе Виктор Николаевич - кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

A HELMET WITH THE DEESIS FROM THE COLLECTION OF THE ARMOURY CHAMBER IN THE MOSCOW KREMLIN. ORIGINS AND DATING[2]

V.N. Chkhaidze

The work attempts to demonstrate that by no means all the possibilities of studying a helmet with the Deesis, originating from the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin, have been exhausted, and in the case of palaeography of the inscriptions, have been applied. It can be stated that the issue of the dating and origin of the helmet with the Deesis is still far from its resolution. The authors of a series of works dedicated to the site artificially limited the search for counterparts to 14th century with a focus on the Old Russian state. With the involvement of sphragistic data, the helmet can be dated either 1120-1140s, or early 13th century.

Keywords: helmet with the Deesis, Byzantium, palaeography, sphragistics.

About the author:

Chkhaidze Viktor N. - Candidate of Historical Sciences, Research Scientist of the Medieval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

[2] The present work was planned to be written in collaboration with M.V. Gorelik, this could not be accomplished but due to the unfortunate reasons.

Рис. 1. Шлем с Деисусом (Музеи Московского Кремля, № ОР – 4732).

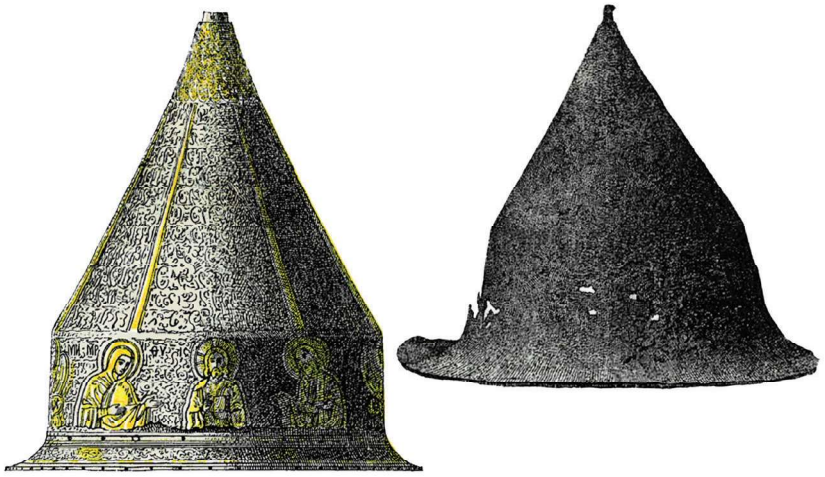

Рис. 2 Шлем с Деисусом и шлем из раскопок курганов Южной Руси в XIX в. (Прохоров, 1883. Табл. VIII. 1, IX.1).

Рис. 3. Миниатюра из Радзивиловской летописи (Л. 185).

Рис. 4. Миниатюра из Радзивиловской летописи (Л. 12).

Рис. 5. Миниатюра из «Романа об Александре» (Л. 36 об.).

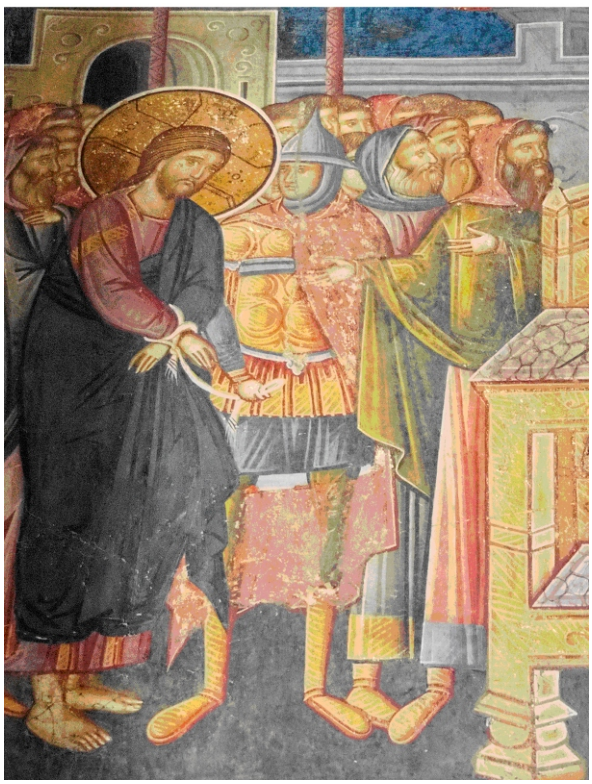

Рис. 6. «Суд Пилата». Фреска в экзонартексе церкви Иоакима и Анны монастыря Студеница (Сербия).

Рис. 7. Миниатюра из Тверского списка «Хроники Георгия Амартола» (Илл. 41).

Рис. 8. Печать Алексея Комина (SPINK, 1998. № 93).

Рис. 9. Изображение шлема с Деисусом в «Историческом описании одежды и вооружения российских войск» (Восковатов, 1843. Рис. 47).

УДК 63.3(2)7

УКРЕПЛЕНИЯ ГОРОДА БИЛЯРА И ГОРОДИЩА ЕГО ОКРУГИ КАК СИСТЕМА ОБОРОНЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ[1]

© 2017 г. З.Г. Шакиров, Ф.Ш. Хузин, А.М. Губайдуллин

Авторы рассматривают укрепления города Биляра и городищ его округи в системе обороны административно-политического центра домонгольской Волжской Булгарии. Выдвинуто предположение, что подходы к Биляру, его посадам и пригородам обеспечивали гарнизоны, размещавшиеся в укрепленных поселениях. Вероятно, в функции городищ и размещавшихся в них воинов могло входить предотвращение внезапного вторжения с целью обеспечить возможность сосредоточить и развернуть более крупные силы. Городища, оборудованные системой фортификационных сооружений, прикрывали участки местности на оперативных направлениях.

Ключевые слова: история, археология, Волжская Булгария, Биляр, городище, система городищ, оборона, оборонная политика, домонгольский период.

Для Волжской Булгарии, как и для любого средневекового государства, остро стоял вопрос о гарантиях территориальной безопасности и сохранении относительно стабильного внутриполитического положения в стране. Необходимость мероприятий по осуществлению этой гарантии, частично отраженных в археологических материалах, была вызвана опасностью военных вторжений со стороны кочевников юга и вооруженных отрядов древнерусских князей – северо-западных соседей булгар. О войнах булгар с печенегами и половцами, походах русских князей на булгарские города свидетельствуют письменные источники (Измайлов, 1997, с. 163; Хузин, 2009, с. 234–241).

Анализ элементов оборонной политики по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Волжской Булгарии позволяет раскрыть ряд аспектов системы политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер, связанных с целостностью и неприкосновенностью ее территории. Одним из элементов оборонной политики правителей становится сеть укрепленных поселений – городищ.

На сегодняшний день на территории Волжской Булгарии известно более 170 городищ, которые в основной своей массе относятся к домонгольскому времени (Хузин, 2001, с. 16 и сл.).

Наличие сети укрепленных поселений позволяет предполагать продуманную государственную политику, следовательно, и нормативные акты (письменные документы, к сожалению, до нас не дошли), регулирующие вопросы обороны или право на контроль тех или иных территорий. Городища, расположенные на стратегически важных участках, могут говорить о прогнозировании и оценке военной угрозы, возможно, и наличии военной доктрины, направленной на контроль территорий, находящихся в сфере различных интересов правителей Волжской Булгарии. Об экономическом потенциале и уровне развития военной науки у булгар свидетельствует характер оборонительных сооружений. Отражением поддержания необходимой боевой готовности могут являться археологизированные следы подновления и перестройки оборонительных сооружений. Несомненно, ряд городищ являлись центрами хранения материально-технических средств и ресурсов воинских формирований и, что логично, мобилизационными центрами определенных территорий.

Показательным и относительно хорошо изученным является регион в среднем течении р. Малый Черемшан, где XI–XV вв. располагался один из центральных районов домонгольской Волжской Булгарии, а позже – относительно развитая периферия Улуса Джучи. Наиболее насыщенной средневековыми археологическими памятниками является территория, прилегающая к Билярскому городищу, на базе которой выделяется округа Биляра (Шакиров, 2014, с. 38–40).

Нами сделана попытка рассмотреть Биляр и городища его округи X–XIII вв. в системе оборонительных функций и взаимосвязей. На сегодняшний день на территории Билярской округи известно 17 укрепленных поселений (без учета Билярского городища),

[1] Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ (Проект № НШ-7170.2016.6)

что составляет 6,8% от общего количества археологических памятников интересующего нас региона (рис. 1). За два с половиной столетия об остатках Биляра-Великого города и городищах его округи собран значительный материал, позволяющий констатировать ряд положений или же выдвигать версии об историческом значении данного вида объектов (Хузин, 2001; Шакиров, 2012, с. 276–283).

Билярское городище по своим масштабам для Восточной Европы является уникальным объектом. Занимаемая памятником площадь – 620 га в пределах укреплений (с примыкающими посадами-пригородами около 800 га). Оно имеет мощные укрепления в виде валов и рвов, разделяющих городище на внутренний и внешний город (рис. 2). Внутренний город обнесен двумя линиями валов и рвов. Протяженность основной линии валов около 4700 м (по топографическому плану В.Н. Сементовского 1928 г. – 4600 м, по данным аэрофотосъемок 1973 г. – 4800 м), дополнительной, недостроенной в некоторых участках линии – 5300–5400 м. Внешний город окружен тремя линиями укреплений. Внутренняя (основная) линия валов имеет общую протяженность около 9000 м (по плану В.Н. Сементовского; по данным аэрофотосъемок – 9125 м). Длина средней, местами недостроенной линии валов достигает 9375–9400 м, а наружной, отстоящей на 80–100 м от первых двух, – 10200 м. Средняя высота валов – 2–3 м, ширина основания – до 20 м, глубина рвов – 2,5–3 м. Таким образом, общая длина всех пяти линий укреплений внутреннего и внешнего города достигает почти 40 км! Поселение датируется только домонгольским периодом истории Булгарского государства: его возникновение относится к первой четверти X в. (922 г.?), гибель – ко времени монголо-татарского нашествия 1236 г.

Многолетними археологическими исследованиями Биляра были изучены составляющие его структуру линии обороны внешнего и внутреннего города, увязываемые с различными этапами возведения, подправки и функционирования укреплений. На сегодня выделяется четыре основных этапа, которые укладываются в хронологические рамки первой четверти X – первой трети XIII в.: 1 этап – первая половина X в.; 2 этап – XI – первая половина XII вв; 3 этап – вторая половина XII в.; 4 этап – начало XIII в. (Халиков, 1976, с. 50; Хузин, Кавеев, 1985, с. 48–54; Хузин, 1985, с. 58–90).

Основываясь на полученных материалах раскопок Биляра-Великого города, можно проследить почти всю эволюцию булгарских оборонительных сооружений – от самых простых до наиболее сложных. Этот факт является показателем развития фортификационных сооружений за все время существования Волжской Булгарии.

Выявленные на памятнике самые ранние укрепления представляли собой небольшую насыпь, частокол и неглубокий ров с напольной стороны. Однако это вряд ли может говорить о том, что булгары не знали других типов оборонительных конструкций. Видимо, на определенный промежуток времени столь простые сооружения были достаточны. Вскоре, однако, они перестраиваются. В связи с этим вызывают интерес деревоземляные конструкции внутреннего города. В последний период своего существования они представляли собой довольно сложную конструкцию. Например, в ходе археологических исследований были выявлены остатки крепостных стен из толстых плах, установленных по гребню внутреннего вала (рис. 3). Исследователи интерпретировали их как частокол-тын. Может показаться странным, что последний рубеж обороны города состоял из довольно простых укреплений. Однако понятие «простой» еще не значит «слабый». У такого крупного административно-политического, экономического, торгового, военного и духовного центра государства, каким был столичный Биляр, занимавший огромную по тем временам территорию, имелась и сложная фортификация, сооруженная с учетом естественных условий защиты местности и, надо полагать, последних достижений тогдашней инженерной мысли. Кроме того, поздняя датировка этой конструкции не исключает ее спешного возведения, осуществлявшегося в процессе общего ремонта крепостных сооружений и подготовки обороны города перед монгол-татарским вторжением. То есть на каких-то участках городских укреплений «старые» стены могли только ремонтироваться, а на других же, из-за недостатка времени и средств, строились более легкие защитные устройства вместо предшествующих более мощных, которые пришли в непригодность. Скорее всего, на разных участках линий обороны имелись различные по типу наземные крепостные сооружения. Таким образом, осуществлялся принцип разумной достаточности. Об этом может говорить и использование для защиты внутреннего города русла

р. Малой Елшанки, включенной в северо-восточную часть укреплений. И здесь действительно достаточно было построить только стены типа тыновой ограды. Можно предположить, что наклонное положение стены, которое выявилось в процессе исследований, говорит о наличии здесь разрушенных укреплений. По-видимому, они были завалены в процессе их уничтожения во время или после штурма города. Не исключено, что подтверждением применения такой конструкции могут свидетельствовать и использованные в ее устройстве плахи, имеющие себе аналогии в древнерусском военном зодчестве (Енуков, Енукова, 1993, с. 48–50).

Оборона «Великого города» – Биляра отличалась значительной сложностью. Ее искусственные рубежи имели три пояса фортификационных сооружений. Однако необходимо иметь в виду, что крепостные стены Билярского городища вряд ли были единообразны по всей длине валов. Скорее всего, с наиболее угрожаемых сторон могли устанавливаться мощные конструкции или наоборот, там, где опасность нападения была меньше, – более простые.

Судя по окружающему ландшафту и линиям обороны, наиболее опасными для города и удобными для штурма были юго-восточная, восточная и, частично, северо-восточная стороны. Именно здесь находятся три ряда внешних валов и рвов, строительство которых было полностью завершено, а также относительно ровная прилегающая местность. Некоторым подтверждением этого являются зафиксированные в юго-восточной части укреплений внутреннего города небольшие впадины, устроенные в валах в виде окопов-шанцев. Сейчас они считаются остатками хозяйственных сооружений русского села Билярска. Однако, согласуясь с их формой и мнением исследователя XIX в. А.И. Артемьева, можно предположить устройство этих объектов стрельцами (Артемьев, 1851, с. 13). Ими в Билярске был построен острог, входивший в русскую засечную черту. Поэтому не случайно, что, как и ранее булгарами, данному направлению оказывалось особое внимание.

Несмотря на относительно небольшое количество раскопов и вскрытых площадей, все же мы имеем определенное представление об общем облике крепостных сооружений Билярского городища, основанное на археологических исследованиях. Что же касается возможного существования цитадели «Великого города» – вопрос остается пока открытым (Губайдуллин и др., 2016, с. 223–232).

Как говорилось выше, помимо собственных укреплений Биляра в его округе известен еще ряд городищ, которые, скорее всего, составляли единую систему обороны. Информация по большинству городищ получена в результате разведок, по двум – из публикаций XIX в. Более или менее значительные раскопки проводились на Балынгузском (Кокорина, 1983), Николаев-Баранском I (Халиков, 1984, с. 133–134; Шакиров, 2004, с. 145–147), Щербеньском I и II городищах (Губайдуллин и др., 1998). Из-за слабой археологической изученности городищ на сегодняшний день нельзя еще вычислить численность населения. Хотя мы знаем, что, по мнению П.П. Толочко, имея представление о площади, занятой жилой застройкой и количестве располагавшихся на ней условных усадеб, можно с достаточной степенью точности производить демографические реконструкции (Толочко, 1989, с. 115–124). Исходя из этого, для уточнения размеров городищ округи Биляра на основе планов, представленных в археологических отчетах и публикациях, нами проведено сравнение с топографическими основами и данными спутниковой съемки. Уточнены сведения об общей площади памятников с укреплениями и селитебной площадью, т.е. без учета укреплений, которые часто неверно указывались в работах предыдущих исследователей.

Варианты типологий городищ Волжской Булгарии, в том числе и округи Биляра, предлагались многими исследователями средневековья Волго-Камья:

– классификации городищ с учетом их размеров, особенностей планировки, рельефа и характера культурного слоя (Калинин и др., 1954, с. 63; Губайдуллин, 2002);

– социальная типология городищ по размеру, форме, характеру обороны, мощности культурного слоя и наличию или отсутствию окружающих селищ. Р.Г. Фахрутдиновым к остаткам городов и их детинцев отнесены Николаев-Баранское II и Балынгузское городища; к феодальным замкам – Атлашкинское, Горкинское I, Крещелтанское, Савгачевское, Николаев-Баранское I, Новоальметьевское, Старокамкинское, Старотатадамское, Щербеньские I и II городища; к военным крепостям – Новоамзинское городище (Фахрутдинов, 1990, с. 68–84). Ф.Ш. Хузин внес некоторые коррективы в типологию Р.Г. Фахрутдинова, интерпретируя Щербень-

ское I городище как остатки города, Горкинское I – как военную крепость, городище «Святой ключ» – как дозорную крепость-башню, территории Балынгузского и Николаев-Баранского II городищ, где практически отсутствует культурный слой, считает неосвоенными (Хузин, 2001, с. 18–20).

Нельзя не согласиться с мнением В.Ю. Коваля о том, что из-за ограниченной источниковой базы, прежде всего раскопочных материалов, осталось немало нерешенных проблем с интерпретацией функциональных особенностей городищ (Коваль, 2016, с. 64–66). Однако уже имеющийся материал позволяет выдвигать ряд положений, касающихся системы Билярское городище – укрепленные объекты в его округе.

Размеры 16 (94,1%) городищ, включая площади укреплений, (Биляр золотоордынский, не имевший укреплений – Билярское III селище, не рассматривается) варьируют от 0,29 га до 296,45 га, без учета площади укреплений – от 0,14 до 268,72 га. Общая площадь их составляет около 385,74 га с укреплениями и 338,7 га без укреплений, что, в свою очередь, составляет около 0,26% и 0,22% соответственно от площади рассматриваемой округи.

На 6 (35,3%) памятниках археологии в результате шурфовки и зачистки обнажений фиксировались культурные напластования мощностью от 15 до 80 см, для 11 (64,7%) поселений мощность культурного слоя не определялась. На селитбенных площадках городищ, в отличие от Биляра, следы застройки не прослеживаются и поэтому этот признак при их дальнейшей характеристике не рассматривается.

В основе определения планировочных особенностей использовалась существующая типологическая классификация городищ, предложенная П.А. Раппопортом для древнерусских памятников (Раппопорт, 1961, с. 215–220) и отработанная А.М. Губайдуллиным (Губайдуллин, 2002, с. 26–30), а также дополненная К.А. Руденко (Руденко, 2007, с. 37–44) для городищ Волжской Булгарии.

Среди укрепленных поселений округи Биляра топографически выделяется четыре типа (см. таблицу):

Тип городищ	*% из всех городищ*	*Характеристика*	*Название городища*
мысовые городища	41,2%	с планировкой укреплений, подчиненной окружающему рельефу местности	Крещелтанское (рис. 4), Щербеньское I, Щербеньское II, Савгачевское, Старокиреметское, Старокамкинское, «Святой ключ»
не подчиненные рельефу	23,5%	расположены на ровной местности или одной своей стороной примыкающих к обрыву, либо краю террасы	Старотатадамское, Николаев-Баранское I (рис. 5), Новоальметьевское, Горкинское I
частично использующие свойства рельефа	17,7%	частично использующие защитные свойства рельефа местности	Атлашкинское, Николаев-Баранское II (рис. 6), Новоамзинское
сложно-мысовые и сложные	11,7%	носят смешанный характер использования ландшафта и оборонительной системы	Горкинское II, Балынгузское (рис. 7)

По характеру системы обороны независимо от занимаемой ими площади выделяются 5 групп (см. таблицу):

Схема укреплений	*% из всех городищ*
один вал, один ров	58,8%
один вал и два рва с внутренней и внешней сторон	5,9%
два вала и два рва	5,9%

два вала, один ров	11,7%
три вала, два рва	5,9%

На основе датировок предыдущих исследователей из 17 укрепленных поселений домогольского времени 23,5% продолжают функционировать в золотоордынский период.

Сведения по одному городищу, ввиду утраты памятника, отсутствуют. Приведенные выше процентные соотношения, возможно, имеют некоторую погрешность, так как рвы и валы некоторых памятников могут быть полностью уничтожены (запаханы) в наши дни, но вследствие слабой археологической изученности оборонительных сооружений эти факты точностью не установлены.

Многие исследователи увязывали, и это неоспоримо, большую концентрацию булгаро-татарских памятников с нахождением в сфере экономического и административно-политического контроля столичного города Биляра (Фахрутдинов, 1969, с. 226; Казаков и др., 1987, с. 36; Хузин, 1993, с. 21–22).

Нам бы хотелось, прежде всего, отметить военно-стратегическое значение городищ округи Биляра. Еще Н.П. Рычков предполагал, что глубокие рвы и высокие валы обширного Балынгузского городища «служили защитою каменных гробниц и внизу стоящего города» – Биляра (Рычков, 1770, с. 15–18). Ряд исследователей XIX в. также предполагал наличие сильных связей и защитных функций «городков» с древним Биляром (Артемьев, 1851, с. 56–74; Казаринов, 1884, с. 115–126). В наше время К.А. Руденко говорит о системе Горкинкинских, Балынгузских и Николаевбаранских укрепрайонов в рамках Билярского поселенческого комплекса (Руденко, 2007, с. 18).

Одним из параметров выбора территории является система городищ. Так, расположенные по границе округи, в 18–22,5 км от внешних валов города Биляра – Крещелтанское (рис. 1, *58*), Атлашкинское (рис. 1, *9*), Савгачевское (рис. 1, *116*), Старокиреметское (рис. 1, *207*), Щербеньские I (рис. 1, *159*) и II (рис. 1, *160*), Новоамзинское (рис. 1, *184*), Новоальметьевское (рис. 1, *101*), Старокамкинское (рис. 1, *133*), Старочелнинское (рис. 1, *147*) городища могли прикрывать подходы с запада от р. Волга, юга и востока.

Другая цепочка из Николаев-Баранских I (рис. 1, *95*) и II (рис. 1, *181*), «Святой ключ» (рис. 1, *122*), Балынгузского (рис. 1, *167*), Горкинских I (рис. 1, *37*) и II (рис. 1, *38*) городищ на ближних подступах высокого правого берег р. Малый Черемшан прикрывала Биляр от неожиданных нападений с севера, со стороны р. Кама.

Не вписывается в отмеченные цепочки Старотатадамское городище (рис. 1, *142*), расположенное в 11 км к востоку-северо-востоку от Билярска. Городище могло контролировать бассейн р. Адамка – левый приток Малого Черемшана.

По нашему мнению, подходы к Биляру, его посадам и пригородам как раз обеспечивали гарнизоны, размещавшиеся в укрепленных поселениях. Вероятно, в функции городищ и размещавшихся в них воинов могло входить предотвращение внезапного вторжения с целью упорной обороны обеспечить возможность сосредоточить и развернуть более крупные силы. Городища, оборудованные системой фортификационных сооружений, прикрывали соответствующие участки местности.

Возможно, накануне монголо-татарского вторжения в первой трети XIII в. начинается ремонт, оборудование старых городищ и строительство новых линий укреплений, имевших оперативное назначение, обеспечивая возможность приведения их в боевую готовность в короткие сроки. Вопрос, насколько эти мероприятия были реализованы, ввиду слабой археологической изученности остается открытым.

Строительство и поддержание укреплений в надлежащем состоянии при уровне средневековых технологий говорит о серьезном экономическом потенциале региона. Однако в итоге мощная военная машина молодой монгольской империи оказалась в разы сильней булгарской и в 1236 г. Биляр пал.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Артемьев А. Древний булгарский город Джукетау // ЖМВД. 1851, Ч. XXXIII, № 1. С. 56–74.

Губайдуллин А.М., Газимзянов И.Р. Археологические исследования Щербеньского I и Щербеньского II городищ. Археологические исследования Щербеньского могильника // Архив НФ МА РТ. 1998. 122 л.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 232 с.

Губайдуллин А.М, Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 223–234.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Оборонительные сооружения славян Посеймья (по материалам Ратского городища) // Археология и история юго-востока Древней Руси (по материалам научной конференции). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1993. – С. 47–50.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Магадан; Казань: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 214 с.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987. 240 с.

Казаринов В.А. Описание Билярских и Баранского городищ // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 89–127.

Коваль В.Ю. Города Волжской Булгарии: проблемы и перспективы исследований // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Отв. ред. А.Г. Ситдиков. – Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. – С. 64-66.

Кокорина Н.А. Отчет об археологическом исследовании Билярского городища и его окрестностей в 1982 г. Т. II. // Архив ИА РАН. 1983. Р-1, № 11768. 40 л.

Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105. 246 с.

Руденко К.А. **Волжская Булгария** в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 189 с.

Толочко П.П. Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX – XIII вв. // Древние славяне и Русь. Киев: Наукова думка, 1989. С. 115–124.

Фахрутдинов Р.Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии // СА. 1969. № 1. С. 224–236.

Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ // СА. 1990. № 4. С. 68–84.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 41–57.

Халиков А.Х. Разведочные работы к северу от Билярского городища / Отчет о полевых исследованиях Билярского городища и его окрестностей летом 1983 г. // Архив ИА РАН. 1984. Р-1, № 10163. Л. 90–159.

Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–90.

Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Болгарии. Проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С. 6–32.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М. Белавин. Казань, 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария и Древняя Русь: к оценке характера военно-политических связей в X – начале XIII вв. // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 234–241.

Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.

Шакиров З.Г. Исследования на Николаев-Баранском I городище // Археологические открытия в Татарстане. 2002 год. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2004. С.145–147.

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 37–48.

Шакиров З.Г. История изучения археологических памятников в округе Билярского городища // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации: сб. науч. тр. Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь, 2012. С. 276–283.

Информация об авторах:

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); zufar_alchi@mail.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, зам. директора, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); khuzinfayaz@mail.ru

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); airg_g@mail.ru

FORTIFICATIONS OF THE TOWN OF BILYAR AND THE NEIGHBOURING SETTLEMENT AS A DEFENSIVE SYSTEM OF THE ADMINISTRATIVE AND POLITICAL CENTRE OF VOLGA BOLGARIA[2]

The authors consider the fortifications of the town of Bilyar and the neighbouring settlements within the defensive system of the administrative and political centre of the Pre-Mongol Volga Bolgaria. It has been suggested that the approaches to Bilyar, its villages and suburbs were protected by garrisons stationed in fortified settlements. The functions of the settlements and warriors stationed therein presumably included the prevention of sudden invasions in order to ensure the possibility of concentrating and deploying larger military forces. Settlements equipped with fortification systems protected the strategic areas of the region.

Keywords: history, archaeology, Volga Bolgaria, Bilyar, settlement, system of settlements, defence, defence policy, Pre-Mongol period.

About the authors:

Shakirov Zufar G., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Associate Professor of Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); zufar_alchi@mail.ru

Khuzin Fayaz Sh., Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Dr. Habil., Deputy Head of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation); khuzinfayaz@mail.ru

Gubaidullin Airat M., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation); airg_g@mail.ru

[2] The study was conducted within the framework of a grant by the President of the Russian Federation (Project No. NS-7170.2016.6)

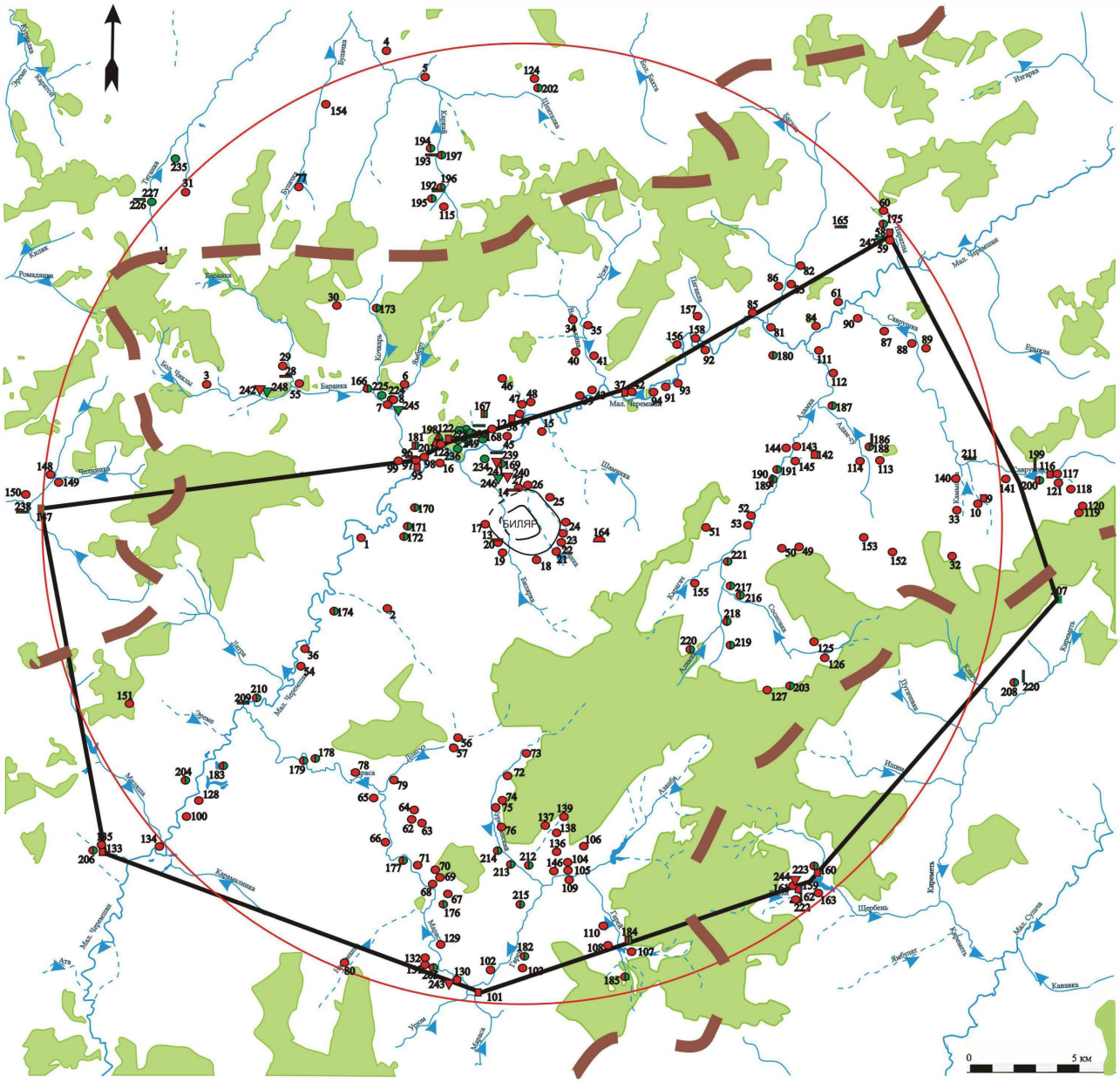

Рис. 1. Округа Биляра. Сводная карта археологических памятников X – X вв.

Рис. 2. Снимок Билярского городища из космоса (ресурс SASPlanet).

Рис. 3. Фото наклонных деревянных плах на гребне внутреннего вала, 1976 г.

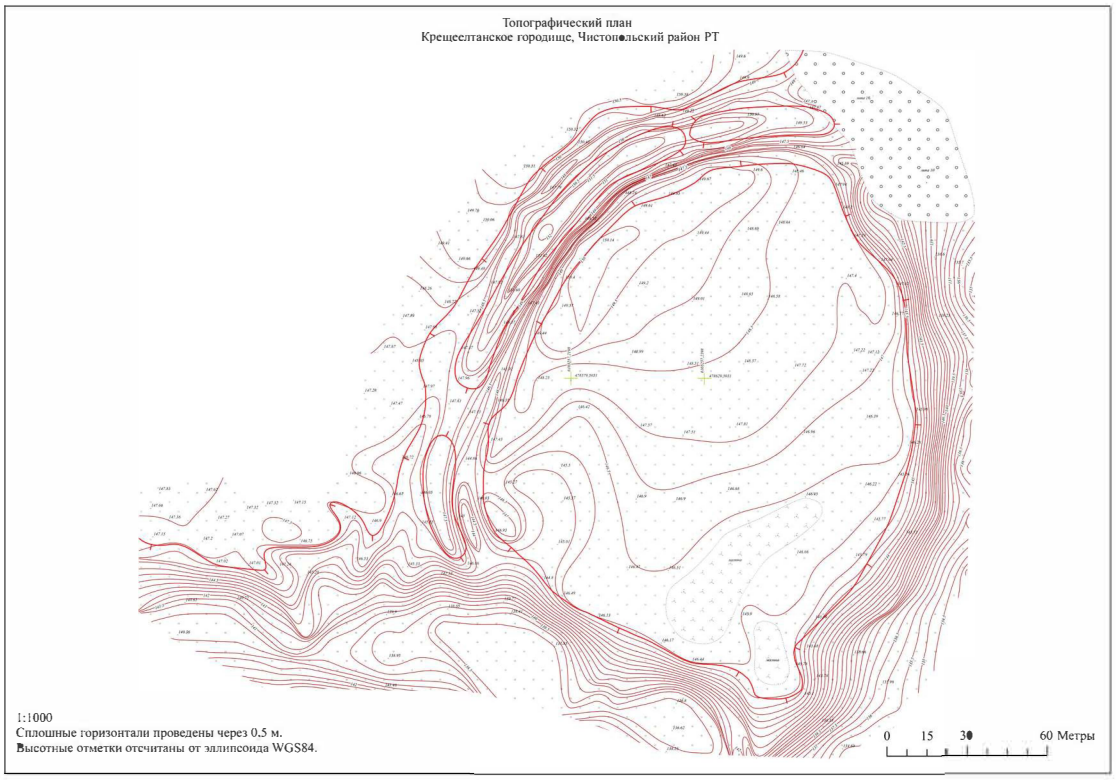

Рис. 4. Топографический план Крещелтанского городища.

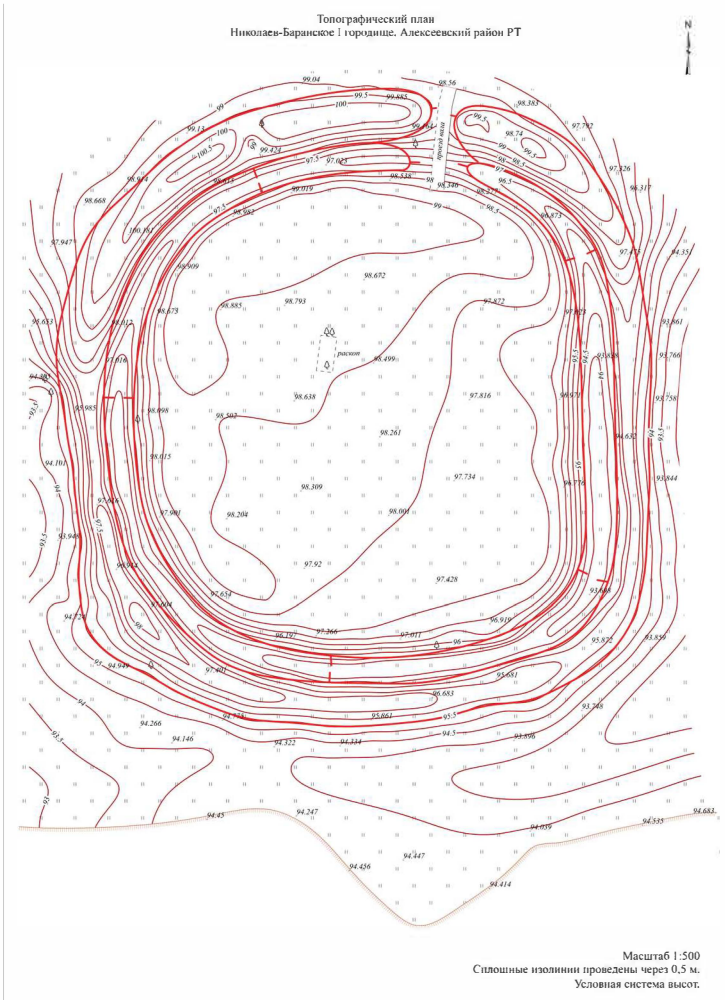

Рис. 5. Топографический план Николаев-Баранского I городища.

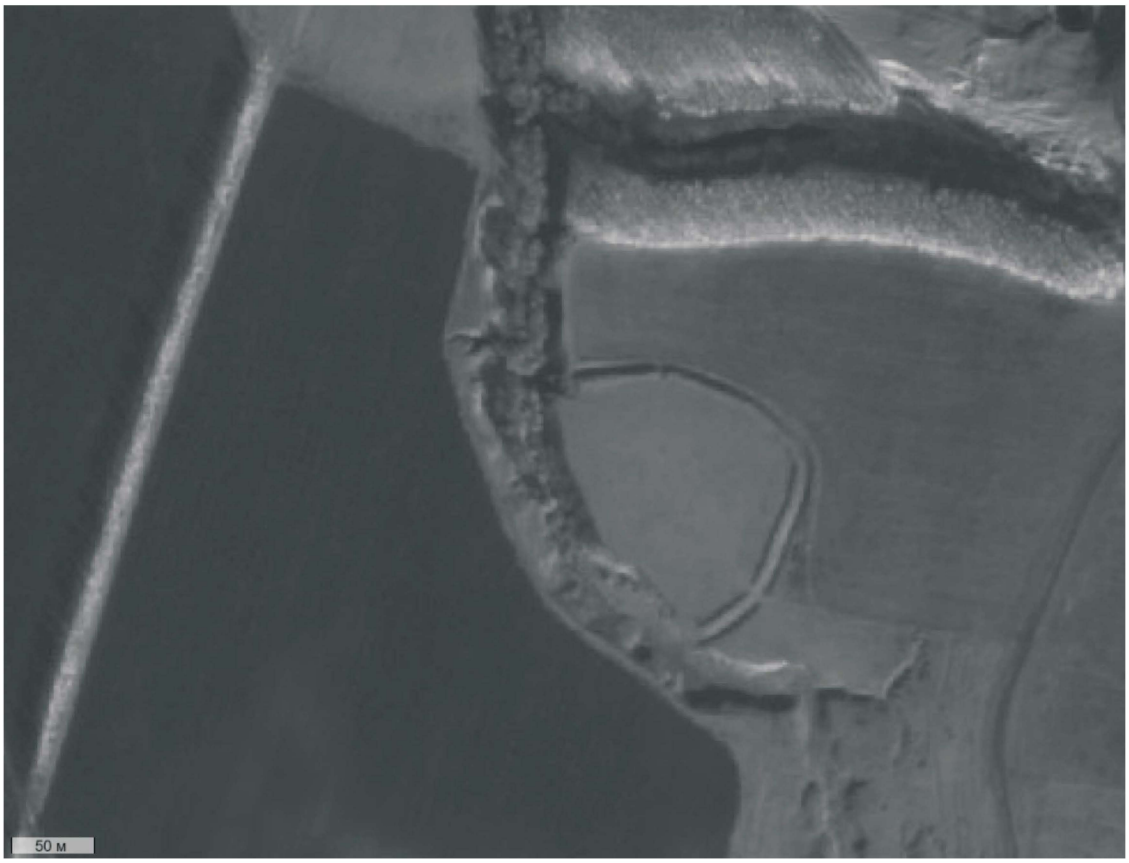

Рис. 6. Снимок Николаев-Баранского II городища из космоса (ресурс SASPlanet).

Рис. 7. Снимок Балынгузского и Горкинского II городища из космоса (ресурс SASPlanet).

УДК 930.26/930.85

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОГО ДАШТ-И-КИПЧАК (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАННОЙ ГРУППЫ МУСОХРАНОВО– 3)

© 2017 г. А.М. Илюшин

Исследуется комплекс вооружения одной из этнических групп восточных кипчаков по археологическим материалам из раскопок курганной группы Мусохраново-3 в Кузнецкой котловине. Проделан сравнительный анализ классифицированных артефактов, датированных второй половиной XII – началом XIII вв., периодом становления монгольской государственности и формированием кочевой империи Чингиз-хана. Делается вывод, что погребенные воины относятся к категории легковооруженных всадников-лучников, способных воевать в составе самостоятельных кыпчакских отрядов и в монгольском войске как в дистанционном конном бою, применяя тактику рассыпного строя, так и ближнем, применяя тактику лавы.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, восточные кипчаки, вооружение, наконечники стрел, сабля, легковооруженный всадник-лучник.

В дело изучения истории средневекового вооружения кочевников Центральной Азии большой вклад внес М.В. Горелик, который поднял качество изучения вещественного исторического источника на более высокий уровень, предложив комплексную методику реконструкции вооружений отдельных категорий воинов и структуру воинского контингента армий этой эпохи. Его замечательные исследования по вооружению тюрков и монголов позволили выявить общие и специфические закономерности развития наступательного и защитного оружия, тактику и стратегию ведения боя различными этническими группами, входившими в многонациональную армию империи, созданной Чингиз-ханом (Горелик, 1987. С. 163-208; 1990. С. 155-160; 2002; 2009. С. 157-180; 2010. С. 207-231; 2010а. С. 16-79; 2010б. С. 137-145; и др.). В рамках этой тематики научных исследований уместно упомянуть о комплексе вооружения одной из этнических групп восточных кипчаков, чьими руками монголы добились политического доминирования в Центральной Азии, который представлен в материалах курганной группы Мусохраново-3 на территории Кузнецкой котловины, расположенной на северной периферии Саяно-Алтая.

Курганная группа Мусохраново-3 состояла из пяти подверженных разрушению земляных насыпей округлой формы, которые располагались цепочкой по линии ССЗ–ЮЮВ в 0,8 км на Ю от пос. Мусохраново на правом берегу в среднем течении р. Касьмы на административной территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Этот объект культурно-исторического наследия средневековых кочевников был открыт и раскопан сотрудниками Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1993 и 1994 годах (Илюшин,1993а, С. 14; 1995. С. 5–16; Илюшин, Сулейменов,1994. С. 170; Илюшин, Сулейменов, Роговских.1995. С. 271). Материалы этих раскопок частично и полностью введены в широкий научный оборот (Илюшин, 2005.С. 38, табл. 17, *3-6*; 18, *33*, *37*, *40*, *41*, *45*, *49-55*, *58*, *59*, *62*, *63*; 2014. С. 245–251; Илюшин, Сулейменов, 1998. С. 79–106; 2007.С. 70–73; и др.). В этих публикациях курганная группа была предварительно датирована второй половиной XII–XIII вв., отнесена к кругу памятников развитого средневековья и отождествлена с древностями шандинской археологической культуры XI–XIV вв. в Кузнецкой котловине, которая относится к культурному ареалу восточных кипчаков (Илюшин. 2005. С. 120-126).

В процессе раскопок памятника предметы вооружения были найдены в курганах №№ 2 (могила 1), 3 (могилы 3 и 4) и 5 (могила 1), в погребениях, совершенных по обряду кремации на стороне, трупообожжения на месте и ингумации с тушей лошади. Эти находки объединяются в единый комплекс предметов вооружения (Рис. 1), который состоит из средств ведения дистанционного, ближнего и рукопашного боя, а также вспомогательного снаряжения для обслуживания оружия. Отдельные предметы из комплекса вооружения на Мусохраново-3 уже исследовались в контексте истории развития разных категорий оружия на территории Кузнецкой котло-

вины в эпоху средневековья (Илюшин, 2009. С. 2-28; 2010. С. 120-133; 2014. С. 91-96; 2014а. С. 245-251). Однако весь комплекс вооружения с этого памятника, позволяющий реконструировать снаряжение воина, исследованию не подвергался. Последнее и является целью настоящей работы. Чтобы достичь цели, осуществим типологическую классификацию предметов вооружения, приведем аналогии выделенным типам с территории Кузнецкой котловины и исследуем вопрос их датировки.

Классификация предметов вооружения проведена с использованием методики, предложенной и апробированной Ю.С. Худяковым на широком круге источников по анализу оружия и военного дела средневековых кочевников Сибири и Центральной Азии (Худяков, 1980; 1986; 1991; 1997; и др.).

Наступательное оружие дистанционного боя в Мусохраново-3 представлено костяным и железными наконечниками стрел (Рис. 1, *3–24*). Эти находки по материалу изготовления относятся к двум классам: железные и костяные; по способу крепления и форме несущей части – к отделу черешковые, по сечению пера и ударной части делятся на группы, а по форме пера и оформлению ударной части – на типы. Боеголовковые типы наконечников стрел определяются по наличию овальной или округлой в сечении «шейки» упора, которые бывают длинные и короткие, удлиняющие и утяжеляющие наконечник.

Костяной наконечник стрелы относится к группе трехгранные, типу – лавролистные (Рис. 1, *20*). В Кузнецкой котловине аналогичный наконечник стрелы был найден на могильнике Бековo XI–XII вв. (Илюшин,1993. С. 39. Рис. 47, *6*).

При классификации железных наконечников стрел было выделено 6 групп и 14 типов наконечников стрел.

Группа 1. Трехлопастные. Отличительной особенностью наконечников стрел этой группы является трехлопастное перо, обеспечивающее стреле устойчивость в полете. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Шестиугольные. Представлен 1 экземпляром из могилы 4 кургана № 3 (рис. 1, *3*). Аналогичный наконечник стрелы на территории Кузнецкой котловины был найден на курганной группе Бирюля, датированной XI–XII вв. (Борисов, 2007. С. 39-42. Рис. 1, *19*).

Группа 2. Трехгранно-трехлопастные. Отличительной особенностью наконечников стрел этой группы является трехгранное сечение ударных граней пера и трехлопастное сечение плечиков. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. Включает 1 экземпляр из могилы 4 кургана №3 (рис. 1, *12*). Этот тип наконечников стрел на территории Кузнецкой котловины встречается в материалах погребальных комплексов развитого средневековья Шанда (XI–XII вв.), Сапогово-1 (рубеж I–II тыс. н.э.) и Мусохраново-1 (вторая половина XII – начало XIII вв.) (Илюшин,1993.С. 22, 39. Рис. 27, *15*; 1994. С. 103-111. Рис. 2, *3*; 2012а. С. 96. Рис. 1, *3*).

Группа 3. Трехгранные. Эту группу наконечников стрел отличает трехгранная монолитная боевая головка. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Ромбические. Включают 3 экземпляра из могилы 3 кургана № 3 (Рис. 1, *13*, *22*, *24*). Этот тип наконечников стрел в Кузнецкой котловине был встречен на погребальных памятниках Тарасово-1 (XI–XIII вв.) и Шабаново-3 (XIII–XIV вв.) (Бородкин, 1977. С. 146. Рис. 1, *1*; 2, *14*; Илюшин, 1998. С. 59. Рис. 7, *2*, *11*; 2005. С. 36, 38).

Тип 2.Удлиненно-лавролистные. Включает 2 экземпляра из могилы 3 кургана №3 (Рис. 1, *18*, *19*).

Тип 3. Боеголовковые, удлиненно-ромбические, с короткой шейкой. Включает 2 экземпляра из могилы кургана № 3 (Рис. 1, *4*, *8*). В Кузнецкой котловине имеет аналогии на курганных могильниках Шанда и Бековo, датированных XI–XII вв. (Илюшин, 1993. С. 22, 39. Рис. 34, *2*; 50, *2-4*).

Группа 4. Ромбические. Эту группу наконечников стрел отличает ромбическое сечение монолитной боевой головки. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольные. Включает 1 экземпляр из могилы 4 кургана № 3 (Рис. 1, *11*).

Тип 2. Боеголовковые, ромбические, с короткой шейкой. Включает 2 экземпляра из могилы 1 кургана № 2 и могилы 4 кургана № 3 (Рис. 1, *3*, *5*). Аналогии этому типу в Кузнецкой котловине известны на курганных группах Конево и Мусохраново-1 датированных рубежом XII–XIII и второй половиной XII – началом XIII вв. (Илюшин. 2012. С. 34, 70. Рис. 54, *3*; 2012а. С. 96, 98. Рис. 1, *5*).

Тип 3. Боеголовковые, удлиненно-ромбические с короткой шейкой. Включает 1 экземпляр из могилы 1 кургана № 2 (Рис. 1, *6*). Этот тип наконечников стрел встречен на погребальном памятнике Шабаново-9 XII–XIII вв. (Илюшин, 2010а. С. 102, 105. Рис. 3, *7*).

Тип 4. Боеголовковые, треугольные с массивной короткой шейкой. Включает 1 экземпляр из могилы 3 кургана № 3 (Рис. 1, *21*). Аналогичные изделия в Кузнецкой котловине известны в материалах развитого средневековья на погребальных памятниках Сапогово-1 (первая четверть II тыс. н.э.), Шанда и Сапогово-2 (XI–XII вв.), Торопово-1 (XIII–XIV вв.) и Мусохраново-1 (вторая половина XII – начало XIII вв.) (Илюшин, Ковалевский, Сулейменов,1996. С. 96. Рис. 46, *4*; Илюшин, 1993. С. 39. Рис. 27, *5*; 1997. С. 56. Рис. 27, *10*; 1999а. С. 68. Рис. 55, *10*; 2012а. С. 96. Рис. 1, *8*).

Группа 5. Округлые. Эту группу наконечников стрел отличает округлое сечение монолитной боевой головки. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Удлиненно-пятиугольные, штыреобразные. Включает 1 экземпляр из могилы 3 кургана № 3 (Рис. 1, *23*). Аналогичные наконечники стрел известны на погребальных памятниках Шабаново-3 и Торопово-1, датированных XIII–XIV вв. (Илюшин, 1998. С. 59-60, рис. 7, *13*; 1999а. С. 39, 68. Рис. 5, *8*).

Тип 2. Удлиненно-штыреобразные томары. Включает 1 экземпляр из могилы 4 кургана № 3 (Рис. 1, *7*). В Кузнецкой котловине такой тип наконечника стрелы зафиксирован на курганной группе Шабаново-3 XIII–XIV вв. (Илюшин,1998.С. 59-60. Рис. 7, *14*).

Группа 6. Однолопастные. Эту группу наконечников стрел отличает плоское и линзовидное сечение монолитной боевой головки. Насчитывает 3 типа.

Тип 1. Ассиметрично-ромбические. Включает 1 экземпляр из могилы 3 кургана № 3 (Рис. 1, *16*). Этот тип наконечников стрел в Кузнецкой котловине широко представлен в материалах X–XIV вв. на погребальных памятниках Саратовка (X–XII вв.), Ур-Бедари-1 (XI–XIII вв.), Камысла (конец XII–XIII вв.), Конево (рубеж XII–XIII вв.), Ишаново (конец XII–XIII вв.), Калтышино-1 (рубеж I–II тыс. н.э.), Танай-8 (XI–XII вв.) и Порывайка (XII–XIV вв.) (Илюшин, 1999. Рис. 57, *9-11*; 68, *19*; 2005. С. 40; 2008. С. 173. Рис. 8, *6*; 2014б. С. 43, 80. Рис. 73, *12*; Илюшин, Бутьян, Сулейменов, Роговских, 2007. Рис. 3, *1*, *4*; Илюшин, Сулейменов, 2008. С. 60-66. Рис. 3, *12*; Савинов. 1997. С. 86. Рис. 4, *4*; 2011. С. 60-72. Рис. 7, *4*; Васютин, Ширин, 2002. Рис. 6, *10*), поселениях Гурьевское (XI–XIII вв.) и Саратовка-6 (XII–XIV вв.), и городище Маяк (XI–XIII вв.) (Елькин,1974. Рис. 1, *24*; Илюшин, 2005. С. 30, 33; Илюшин, Ковалевский, Борисов, 2001. Рис. 6, *15*; Эрдниев.1960. Табл. XI, *8*).

Тип 2. Трапециевидные томары. Включает 2 экземпляра из могилы 3 кургана № 3 (Рис. 1, *10*, *15*). Аналогичные наконечники стрел в Кузнецкой котловине известны на погребальных памятниках Тарасово-1 и Тарасово-2 (XI–XIII вв.), Шанда и Сапогово-2 (XI–XII вв.), Саратовка (X–XII вв.), Торопово-1 (XIII–XIV вв.), Ишаново (конец XII–XIII вв.) и Порывайка (XII–XIV вв.) (Бородкин,1977. Рис. 2, *8*; Митько,1991. Рис. 1, *10*; Илюшин,1993. С. 39. Рис. 30, *8*; 1997. Рис. 17, *5*; 1999. Рис. 9, *7*; 64, *18*; 1999а. Рис. 5, *3*; 50, *4*, *5*; 2005. С. 36; 2014б. С. 43. Рис. 86, *4*; 2014в. С. 36. Рис. 8, *4*; Васютин. Ширин, 2002. Рис. 3, *13*, *14*; 6, *13*). Необходимо отметить наличие точки зрения о том, что плоские томары трапециевидной формы на территории Западной Сибири появляются в XII веке (Соловьев, 1987. С. 43), а их массовое распространение в восточноевропейской части евразийских степей связывают с нашествием монголо-татар в XIII веке (Медведев,1966. С. 75).

Тип 3. Вильчатые. Включает 1 экземпляр из могилы 3 кургана № 3 (Рис. 1, *17*). В Кузнецкой котловине имеет аналогию на кургане-кладбище Сапогово-2, который датирован XI–XII вв. (Илюшин, 1997. Рис. 20, *15*).

На черешке одного из железных наконечников стрел из могилы 4 кургана № 3 была зафиксирована костяная свистунка (Рис. 1, *3*), которая по размерам относится к типу больших. В Кузнецкой котловине аналогичные изделия были найдены в кургане-кладбище Сапогово-2 XI–XII вв. и на могильнике Торопово-1 XIII–XIV вв. (Илюшин, 1997. Рис. 20, *14*, *15*; 1999а. С. 40, 68. Рис. 13, *3*). Считается, что эти изделия крепились в местах стыка древка и черешка наконечника стрелы, что увеличивало ударную силу и во время полета издавали угрожающие, свистящие звуки, воздействующие на психику противника.

Предметы вооружения ближнего и рукопашного боя в исследуемых курганах встречаются реже, чем оружие дистанционного боя. Это обстоятельство характерно для материалов раскопок курганов кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине. На Мусохраново-3 из предметов вооружения ближнего и рукопашного боя были найдены целыми и фрагментарно тесло, сабли и ножи.

Железное тесло (Рис. 1, *26*) было найдено при исследовании могилы 3 в кургане № 3, где был погребен мужчина-воин с взнузданной лошадью, что еще раз указывает на боевое назначение этого предмета, который использовали в ближнем и рукопашном

бою. Найденное тесло по форме втулки и виду лезвия относятся к группе узколезвийных с несомкнутой втулкой, а по соотношению втулки и лезвия – к типу с плечиками (Нестеров.1981.С. 168–172). На территории Кузнецкой котловины в период развитого средневековья этот тип тесел зафиксирован на погребальных памятников Шанда, Беково, Сапогово-2 (XI–XII вв.), Торопово-1 (XIII–XIV вв.), Конево (рубеж XII–XIII вв.) и Мусохраново-1 (вторая половина XII – начало XIII вв.) (Илюшин, 1993. С. 39. Рис. 28, *2*; 31, *1*; 47, *4*; 50, *1*; 1997. С. 56. Рис. 19, *11*; 20, *1*, *13*; 21, *4*; 24, *7*; 30, *1*; 1999а. С. 42. Рис. 52, *4*; 2012. С. 36, 70. Рис. 36, *6*; 2012а. С. 97-98. Рис. 1, *11-13*).

Две сабли были найдены при раскопках могил 3 и 4 в кургане № 3 (Рис. 1, *1, 2*). Широкое распространение этого вида оружия у кочевников горно-степной и степной Евразии произошло на рубеже VII–VIII вв. и в VIII в., когда появляются первые образ(РИС.1)цы слабоизогнутых сабель с заостренным окончанием клинка и перекрестьем (Амброз,1981. С. 15. Рис. 5, *22*, *23*; Горбунов, 2006. С. 69; Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 62. Рис. 2, *5*; Табалдиев, 1996. Рис. 10, *1*; и др.), но на территории Кузнецкой котловины этот вид оружия появляется только в развитом средневековье (Илюшин, 2014. С. 245-251). По классификации, предложенной Ю.С. Худяковым (Худяков,1980. С. 39-50), сабли, найденные на Мусохраново-3, по разрезу лезвия относятся к одной группе трехгранных, а по форме перекрестья – к типу с брусковидным перекрестьем, в разном исполнении. Сабли этого типа в Кузнецкой котловине были найдены на погребальных памятниках Шанда (XI–XII вв.), Торопово-1 (XIII–XIV вв.), Шабаново-9 (XII–XIII вв.), Ишаново (конец XII–XIII вв.), Солнечный-1 (XII – начало XIII вв.) (Илюшин, 1993. С. 11, 39. Рис. 29, *1*; 1999а. С. 68. Рис. 63, *4*; 2010а. С. 102, 105. Рис. 3, *4*; 2014б. С. 44, 80. Рис. 82, *1*; 2014в. Рис. 4, *1*; Сулейменов, 2008. С. 93-96. Рис. 1, *18*). Необходимо отметить, что в могиле 1 кургана № 2 и могиле 1 кургана №5 были найдены фрагменты двусторонних режущих клинков (Рис. 1, *31*, *32*), которые могли быть как фрагментами окончания сабель, так и фрагментами небольших по размерам кинжалов.

Целые и фрагментированные ножи были найдены в могиле 1 кургана № 2, насыпе и могиле 3 кургана № 3 (Рис. 1, 25, 27–30). Эти предметы имеют один режущий край, просты в изготовлении и полифункциональны по своему назначению. Они могли использоваться не только в рукопашном бою, но и в повседневной, хозяйственно-бытовой деятельности. Ножи классифицируются по материалу изготовления, контуру лезвия и конструкции, по наличию или отсутствию перекрестья и размерам. Железный (Рис. 1, *25*) и костяной (Рис. 1, *27*) ножи относятся к группе прямые, типу маленькие, без перекрестья. Если костяной нож представляет собой уникальное изделие, вероятно, выполняющее ритуальную функцию в поминально-погребальном обряде, то железные прямые маленькие ножи без перекрестья на территории Кузнецкой котловины были в употреблении на всем протяжении эпохи средневековья.

Обращает на себя внимание, что все железные ножи и сабли были поломаны. Вероятно, их ломали умышленно и во фрагментах клали в могилы. Последнее обстоятельство можно объяснить боязнью использования этого вида оружия умершим против оставшихся в повседневном мире соплеменников, что связано с языческим мировоззрением.

Классифицированные предметы комплекса вооружения из Мусохраново-3 на территории Кузнецкой котловины имеют аналогии на археологических памятниках, датируемых в интервале от рубежа I–II тыс. н.э. до XIV в. Если эти факты зафиксировать по каждому столетию, то их количество составляет в X в. 3 аналогии, в XI в. – 26, в XII в. – 41, в XIII в. – 32 и в XIV в. – 12. При этом наибольшее количество аналогий зафиксировано в материалах погребальных памятников Торопово-1 XIII–XIV вв. (7 аналогий), Шанда XI–XII вв. (6 аналогий) Мусохраново-1 и Сапогово-2 XI–XII вв. (4 аналогии). Все приведенные аналогии в материалах Кузнецкой котловины позволяют датировать комплекс вооружения из курганной группы Мусохраново-3, а по нему и весь памятник, второй половиной XII – началом XIII вв., периодом становления монгольской государственности и формированием кочевой империи Чингиз-хана в Центральной Азии. В это время монголоязычные племена заявили о себе как политическом лидере на просторах Центральной Азии, подчинили многочисленные тюркоязычные племена и стали совершать совместные военные походы для присоединения к империи монголов новых народов и территорий.

Характеризуя комплекс вооружения, представленный на курганной группе Мусохраново-3, сооруженной одной из этнических

групп полиэтничных восточных кипчаков, в целом, можно констатировать наличие средств ведения дистанционного, ближнего и рукопашного боя. Многие предметы вооружения продолжают местные традиции, сложившиеся в культуре кочевников Кузнецкой котловины в начале развитого средневековья. У населения, соорудившего этот памятник, имелись луки и набор железных стрел как для поражения незащищенного панцирем противника (группа – трехлопастные), так и для пробивания брони (группы – трехгранно-трехлопастные, трехгранные, ромбические, округлые и однолопастные). При этом фиксируется явное преобладание наконечников стрел, предназначенных для пробивания защитного вооружения. В ближнем и рукопашном бою использовали сабли со слабоизогнутыми клинками и оружие, полифункциональное по своему применению – железные тесла и миниатюрные ножи. Защитное вооружение в воинских захоронениях Мусохраново-3 отсутствовало, что свидетельствует о том, что погребенные воины относятся к категории легковооруженных всадников-лучников. Они могли действовать в составе самостоятельных кыпчакских отрядов и в монгольском войске как в дистанционном конном бою, применяя тактику рассыпного строя, так и ближнем, применяя тактику лавы.

ЛИТЕРАТУРА:

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М: Наука, 1981. С. 10–23.

Бородкин Ю.М. Курганы у села Тарасово // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1977. С.139–147.

Борисов В.А. Захоронение средневекового воина по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине // Алтае-Саянская горная страна и история её освоения кочевниками / Отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 39–42.

Васютин А.С., Ширин Ю.В. Курганная группа Порывайка // Аборигены и русские старожилы Притомья / Отв. ред. В.М. Кимеев. Кемерово-Городок: Кузбассвузиздат, 2002. С. 78–92.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. 232 с.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. Деревянко А.П., Нацакдорж Ш. – Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–207.

Горелик М.В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 155–160.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Погребение знатного половца – золотоордынского латника // МИАСК. Вып. 10 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир. 2009. С. 157–180.

Горелик М.В. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир, 2010. С. 207–231.

Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. 2010а.№1. С. 16–79.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Восточного Приазовья (по материалам В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой) // Батыр. 2010б. №1. С. 137–145.

Елькин М.Г. Поселение позднего железного века у г. Гурьевска // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 5 / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1974. С. 119–129.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках в Гурьевском и Ленинск-Кузнецком районах Кемеровской области в 1993 году. Кемерово. 37 с.

Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине (хронология и культурная принадлежность) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 103–111.

Илюшин А.М. Отчет о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. Кемерово, 1995. 363 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во кузГТУ, 1999. 160 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999а. 208 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А.Т. Кузнецовой в 1927 году) // Археология степной Евразии / Отв. ред. К.М. Байпаков, А.М. Илюшин, А.И. Мартынов. Кемерово; Алматы: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 160–184.

Илюшин А.М. Костяные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 35. №32 (170). С. 21–28.

Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4/1. С. 120–133.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010а. №1. С. 97–106.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А.М. Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения) / Отв. ред. И.В. Толпеко. Омск: «Амфора», 2012а. С. 93–100.

Илюшин А.М. Железные однолопастные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Томского государственного университета. 2014. №385. С. 91–96.

Илюшин А.М. Сабли в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.И. Соенова. / Отв. ред. Н.А. Константинов. Горно-Алтайск. 2014а. №7 (19) С. 245–251.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014б. 216 с.

Илюшин А.М. Курган №10 на могильнике Ишаново // Теория и практика археологических исследований. №1. 2014в. С. 27–41.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2007 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. №6. 2007. С. 163–168.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А. Поселение Саратовка-6 // Историко–культурное наследие Северной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АГУ. 2001. С. 20–28.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Исследования в Кузнецкой котловине // АО 1993 года. М.: ИА РАН, 1994. С. 170.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 79–106.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Средневековые предметы конской упряжи на территории Кузнецкой котловины // Археологический журнал. №1 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир. 2007. С. 70–73.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху средневековья) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4(60) Т.2. С. 60–66.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Разведки и раскопки памятников в Кузнецкой котловине // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 271.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) Вып. 3. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М. 1997. С. 61–69.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1–36. М.: Наука, 1966. 154 с.

Митько О.А. Средневековые игольники // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. С. 101–109.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Худяков Ю.С. Новосибирск: Наука. 1981. С. 168–172.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э. // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай VIII // Историко–культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III / Отв. ред. А.В. Фрибус. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 60–72.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 226 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 189 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. 160 с.

Эрдниев У.Э. Городище Маяк. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1960. 68 с.

Информация об авторе:

Илюшин Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово. E-mail: ilushin1963@mail.ru

THE ARMAMENT COMPLEX OF NOMADS FROM EASTERN DAST-I-KIPCHAK (BASED ON MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF MUSOKHRANOVO – 3 BARROW GROUP)

A.M. Ilyushin

The article features an investigation of a complex of armament belonging to one of the ethnic groups of Eastern Kipchaks on the basis of archaeological materials from the excavations of Musokhranovo-3 barrow group located in Kuznetsk Depression. A comparative analysis of categorized artefacts dated second half of the 12th - early 13th centuries when the Mongol statehood was established and the nomadic empire of Genghis Khan was founded. It is concluded that the buried soldiers represent light horseback archers capable of fighting within independent Kipchak detachments and the Mongolian army both in remote mounted combat using the tactics of extended formation, and in close combat using the cavalry charge tactics.

Keywords: Kuznetsk Depression, East Kipchaks, armament, arrowheads, saber, light horseback archer.

About the author:

Ilyushin Andrey M. – Dr. Habil., Professor of the Faculty of National History, Theory and History of Culture of Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russia, Kemerovo. E-mail: ilushin1963@mail.ru

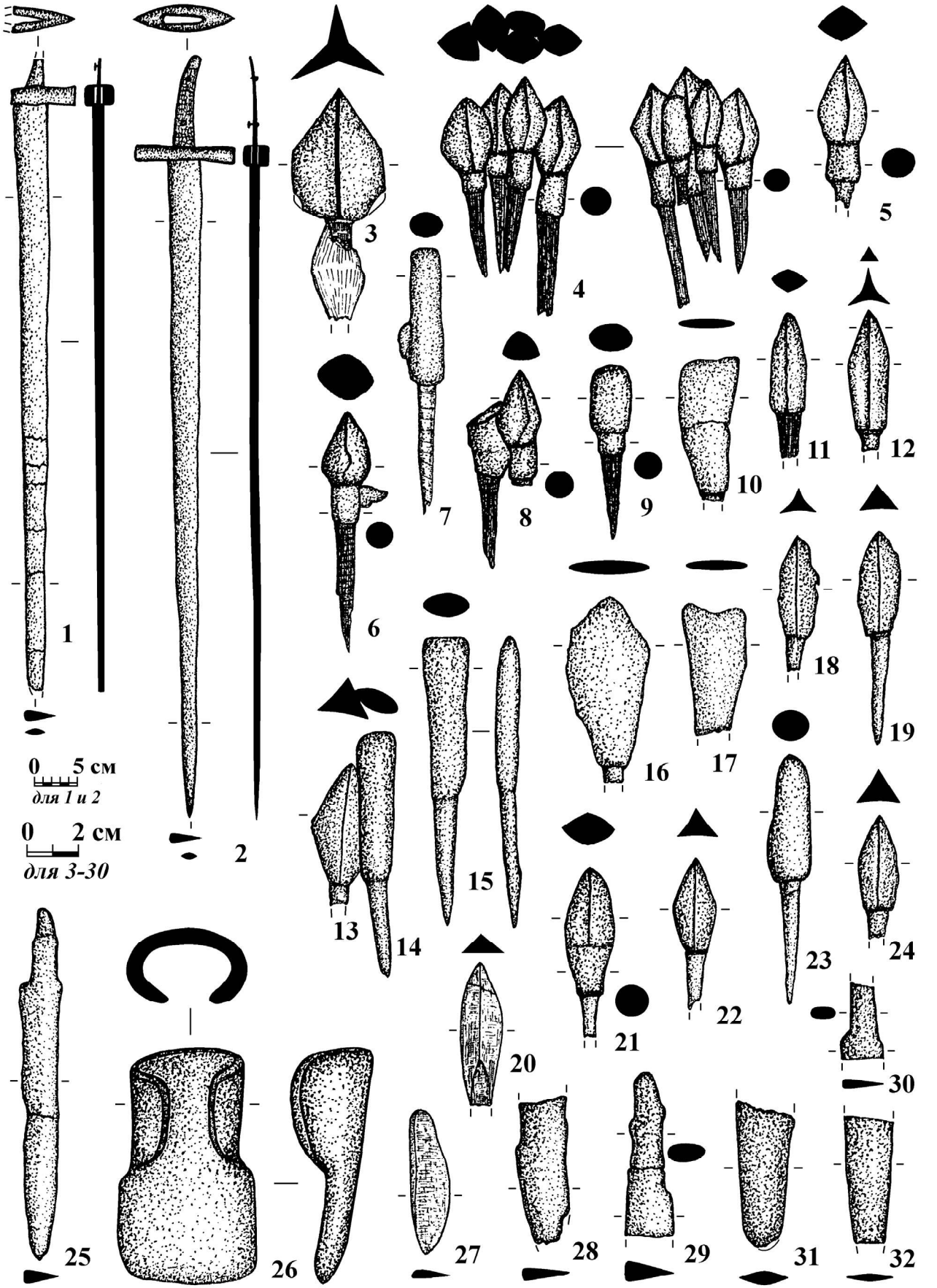

Рис. 1. Комплекс предметов вооружения из раскопок курганной группы Мусохраново-3: 1, 2 – сабли, 3–24 – наконечники стрел, 25, 27 – ножи, 26 – тесло, 28, 29, 30 – фрагменты ножей, 31, 32 – фрагменты клинков (1, 10, 13–26, 28, 29 – м. 3, к. №3; 2–4, 6–9, 11 – м. 4, к. №3; 5, 12, 30, 32 – м. 1, к. №2; 27 – насыпь к. №3, 31 – м. 1, к. №5); 1, 2, 5, 10, 12–19, 21–26, 28–32 – железо, 3 – железо, кость и дерево, 4, 6, 8, 9, 11 – железо и дерево, 7 – железо и береста, 20, 27 – кость

УДК 903.15

ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКАЯ УПРЯЖЬ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОГО ПРИУРАЛЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

© 2017 г. И.В. Матюшко

В статье анализируются материалы золотоордынских погребений, изученных под земляными курганами, а также под земляными курганами, но с каменной выкладкой на древнем горизонте. Во всех изученных погребениях был зафиксирован обряд жертвоприношения коня (целый остов коня находился на ступеньке слева от человека).

Ключевые слова: погребальный обряд, стрелы-срезни, стремена с широкой подножкой, половецкая культура.

В земляных курганах с каменными выкладками на древнем горизонте (каменное кольцо, выложенное вокруг погребения): Пчельник КМ I курган 1; Новый Кумак курганы 28, 35, 39; курганы I, 8, 9; курганы 12, 14, 15, 16; курганы 28 и 29; Новый Кумак III курганы 6, 7, 8, курган у Обелиска; КМ I у пос. Урал, курган 5, содержалось, как правило, одно погребение.

Могильные ямы имели ступеньку в северной стенке, а иногда еще и подбой. Только в одном случае была зафиксирована простая могильная яма, которая была выдолблена в материке, представляющим собой известковую породу (Иванов. 1984. С. 76).

На ступеньке слева от человека располагался целый остов коня. Конь был уложен на бок или живот с подогнутыми ногами, головой на запад, иногда с небольшим (вероятно сезонным) отклонением.

Погребенные люди также были ориентированы головой в западный сектор. Как правило, погребенные были уложены на деревянных носилках или находились в деревянных колодах. Руки были вытянуты вдоль тела.

В комплексах данной совокупности погребений содержатся типы вещей, датирующиеся XIII–XIV вв. (Рис. 1-5).

Детали конской сбруи были зафиксированы во всех погребениях. Преобладали стремена с расплющенной верхней частью дужки и широкими плоскими подножками.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, в преобладающем большинстве тупоугольными стрелами-срезнями в виде вытянутой лопаточки с широкой ударной гранью. Также были зафиксированы берестяные колчаны, и в одном из погребений костяные пластины на колчан, украшенные резьбой и гравировкой (Рис. 5, *15-20*). Такие костяные пластины на колчан имеют аналогии в средневековых материалах на территории Евразийских степей **(**Малиновская, 1974. С. 132-175**).**

Конская упряжь и оружие имеют широкие аналогии в Восточно-Европейских степях. Так, стремена типа Д III встречаются как в памятниках кыпчакского времени в Волго-Уральских степях, так и на юге России. Изученные колчаны также находят широкие аналогии в кочевом мире, начиная от Южной Сибири, заканчивая степями Восточной Европы, и они не выпадают из общего контекста морфологических признаков колчанов, что было связано со стандартизацией вооружения кочевников в эпоху развитого средневековья **(**Бытковский, Заседателева, Матюшко, Харламов, 2014. С. 226**).**

Плоские стрелы типа В XI имеют широкое распространение в XII–XIV вв. Они встречаются в слоях монгольского разорения древнерусских и булгарских поселенческих комплексов**.** Фигурные стрелы типа В XIII относятся Г.А Федоровым-Давыдовым к IV хронологическому периоду кочевнических древностей Восточной Европы и датируются второй половиной XIII–XIV вв. **(**Федоров-Давыдов, 1966**).**

Четкую датировку имеющихся погребений можно провести с помощью взаимовстречаемости предметов в погребальном памятнике. Наконечники стрел типа В XI, стремена типа Д III, кресала типа Б II, удила типа Г II дают общую дату – вторую половину XIII – начало XIV вв.

Аналогичные типы вещей и признаки погребального обряда были зафиксированы в синхронных погребениях степного Пруиалья, но под земляными курганами. Всего было изучено два таких захоронения: Новоорский КМ I, курган 12 и I КМ у пос. Урал, курган 9.

Судя по набору инвентаря, одно погребения было мужское, а второе – женское. В обоих захоронениях были зафиксированы предметы конской упряжи.

В мужском погребении были железные стремена с расплющенной верхней частью дужки, образующей правильную дугу над прорезью для путалища с широкой плоской подножкой. Они имеют аналогии в памятниках XIV в. **(**Федоров-Давыдов.1966. С. 16**).**

Железные наконечники стрел из погребения сильно коррозировали. Восстанавливается форма одного наконечника, который был ромбическим с удлиненной нижней частью (В IV). Они бытовали на протяжении с XI–XIV вв. **(**Федоров-Давыдов, 1966, с 28**).**

Также в мужской комплекс входило подтреугольное замкнутое кресало (Рис. 4, *4*). Замкнутые кресала имели распространение с середины XII в. **(**Плетнева, 1958. С. 169**).**

В женском погребении были стремена и удила. Стремена были с расплющенной верхней частью дужки, образующей округлый выступ над прорезью для путалища и широкой плоской подножкой. (Рис. 5, *1*)

Удила были двусоставные кольчатые с рудиментными дуговидными отростками у подвижных колец (Рис. 5, *25*). Этот тип предшествовал появлению двусоставных кольчатых удил без псалиев **(**Федоров-Давыдов, 1966. С. 19**).** Конская упряжь в женском захоронении была украшена бронзовыми бляшками. Бляхи были квадратные, прямоугольные, бипирамидальные. Крепились они с помощью штифтов (Рис. 5, *5-14*).

Также были зафиксированы железные пряжки от сбруи и остатки коры в центре скелета лошади, вероятно, от седла. Вооружения в женском захоронении не было **(**Заседателева.198).

Другой инвентарь из женского погребения представлен железными шарнирными ножницами с отогнутыми скобами (Рис. 5, *2*), железным ножом (Рис. 5, *22*), наконечником дротика (Рис. 5, *23*), бусами (Рис. 5, *26-33*), зеркалом (Рис. 5, *34*).

Таким образом, в комплексах вещей из этих двух погребений сочетаются поздние формы стремян, характерные для XIII–XIV вв., с удилами, имеющими рудиментные отростки-псалии, распространенными в более ранний период. Украшение конской сбруи с помощью бронзовых бляшек, что было характерным для тюркских захоронений VIII–XII вв., сочетается с золотоордынскими репликами китайских зеркал. Эти факты, вероятно, объясняются сохранением некоторых элементов тюркской материальной культурой с захоронениями домонгольского времени. Вероятно, что все представленные в данной статье курганы были оставлены одной культурной группой, которую можно связать с кыпчакским-половецким населением степей Евразии. Схожие резные костяные накладки на колчан, известные по погребениям кыпчаков половцев на территории степей Евразии, могут подтверждать данный вывод, а в одном из захоронений резьбой были украшены деревянные детали погребальных носилок. Захоронения с предметами вооружения можно соотносить, по классификации С.А. Плетневой (Плетнева, 1958), с рядовыми воинами-лучниками.

ЛИТЕРАТУРА

Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Матюшко И.В., Харламов П.В. Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ООО ИПК «Университет», 2014. С. 214–228.

Заседателева С.Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р – 1. № 13345. 1989.

Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. Изд-во БФАН СССР, 1984. С.75–97.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том I. / МИА СССР. № 62. М.-Л. 1958. С. 151–226.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М. Наука, 1974. С. 132–135.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Информация об авторе:

Матюшко Ирина Вячеславовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: irina_dojnikova@mail.ru

ARMAMENT AND HORSE AMMUNITION OF NOMADS FROM THE STEPPE CISURALS BASED ON MATERIALS FROM GOLDEN HORDE BURIALS

I.V. Matyushko

The article features an analysis of the materials of studied Golden Horde burials located underneath earth barrows, including those featuring stone lining on the ancient horizon. All studied burials feature traces of the ritual of sacrificing a horse (a whole horse skeleton was located on a step to the left of the buried).

Keywords: funerary rite, cutting arrows, stirrups with a wide footboard, Cuman culture.

About the author:

Matyushko Irina V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of Russian History, Research Scientist of the Archaeological Laboratory of Orenburg State Pedagogical University. E-mail: irina_dojnikova@mail.ru

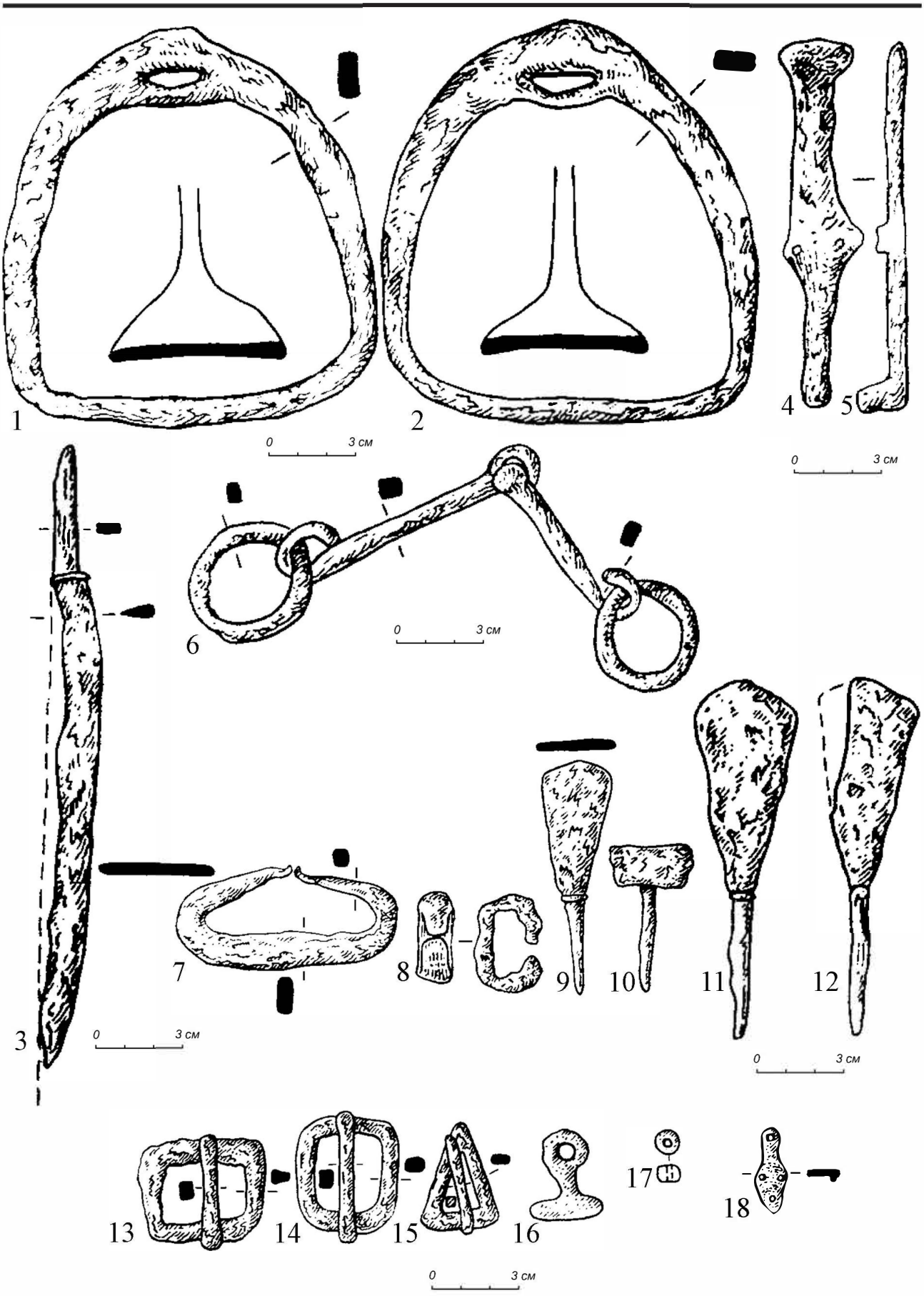

Рис. 1. Комплексы вещей из кургана у Обелиска. 1 – 15-железо; 16,18 – бронза; 17 –сткуло.

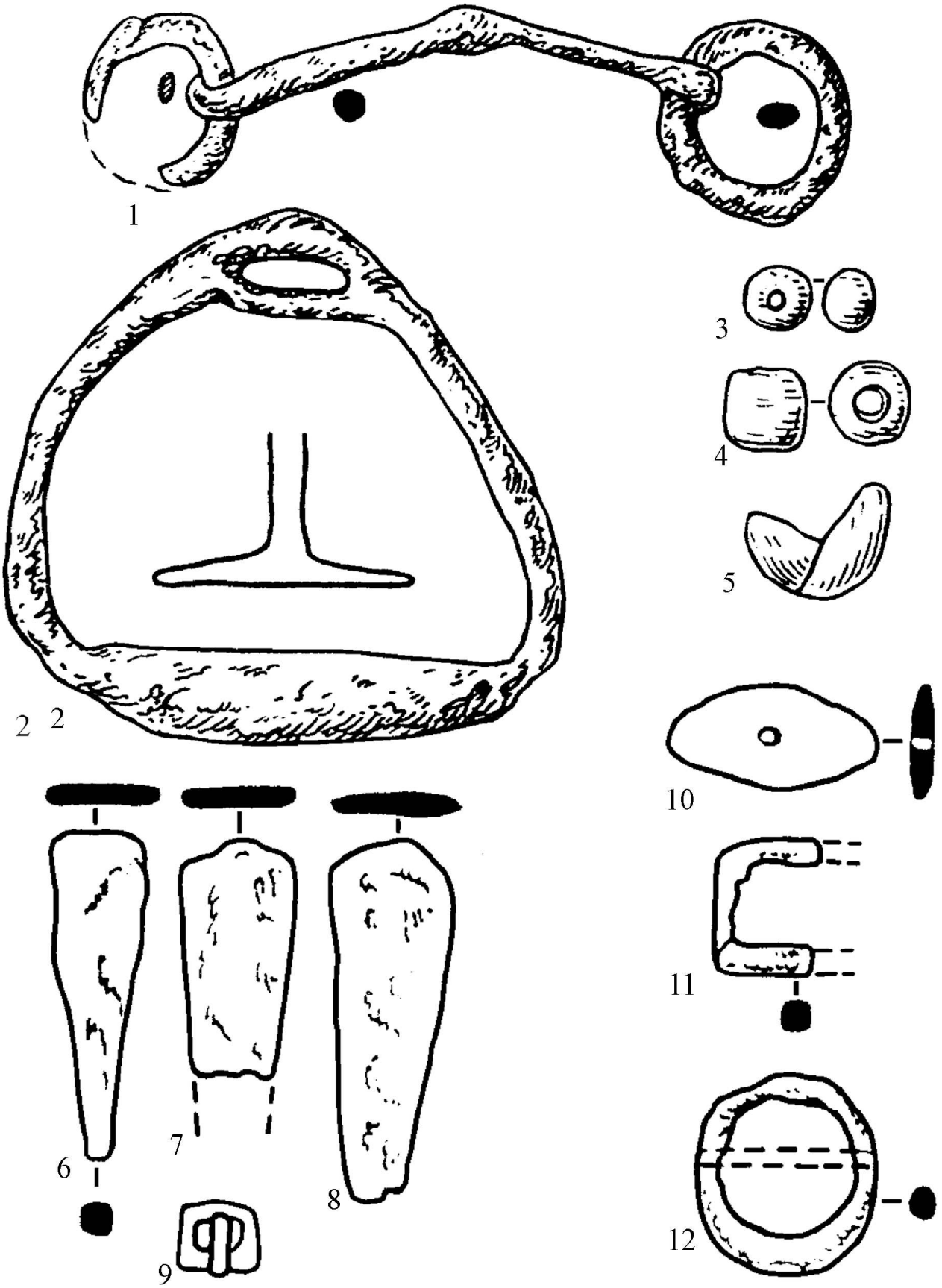

Рис. 2. Комплексы ваещей из погребений могильника Новый Кумак. 1-5 – курганный могильник Новый Кумак, курган 29 (1973 г.); 6 – 12 – курганный могильник Новый Кумак, курган 9 (1971 г.); 1, 2, 6 - 9, 11, 12 – железо; 10 – бронза; 3,4 – стекло; 5 – серебро.

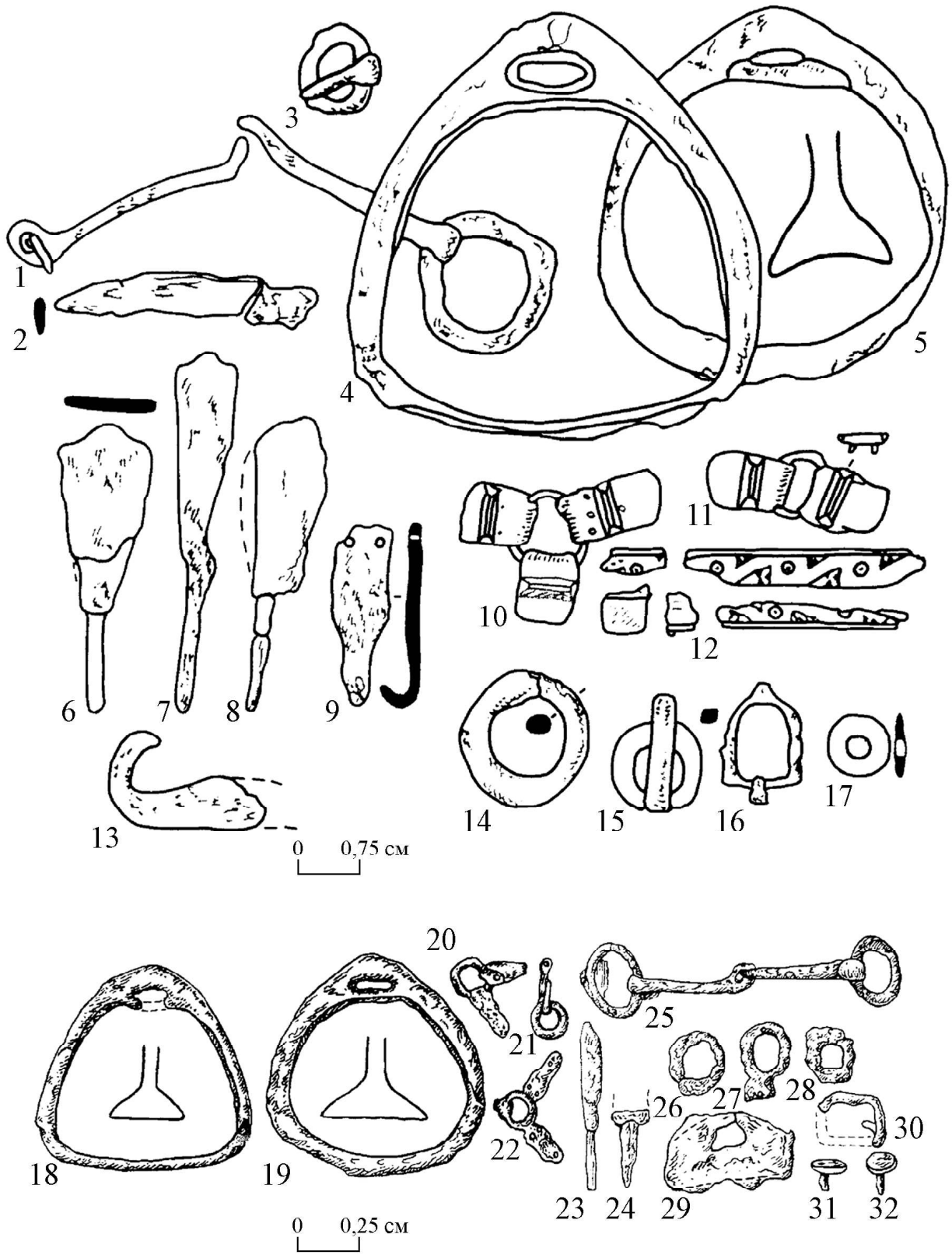

Рис. 3. Комплексы вещей из погребений курганного могильника Новый Кумак – 1-17 – курганный могильник Новый Кумак, курган 28 (1962 г.); 18 – 32 – курганный могильник Новый Кумак, курган 35 (1962 г.); 1-9, 13-19, 21, 23-32 – железо; 10,11, 20, 22 – бронза, кожа; 3,12 – кость.

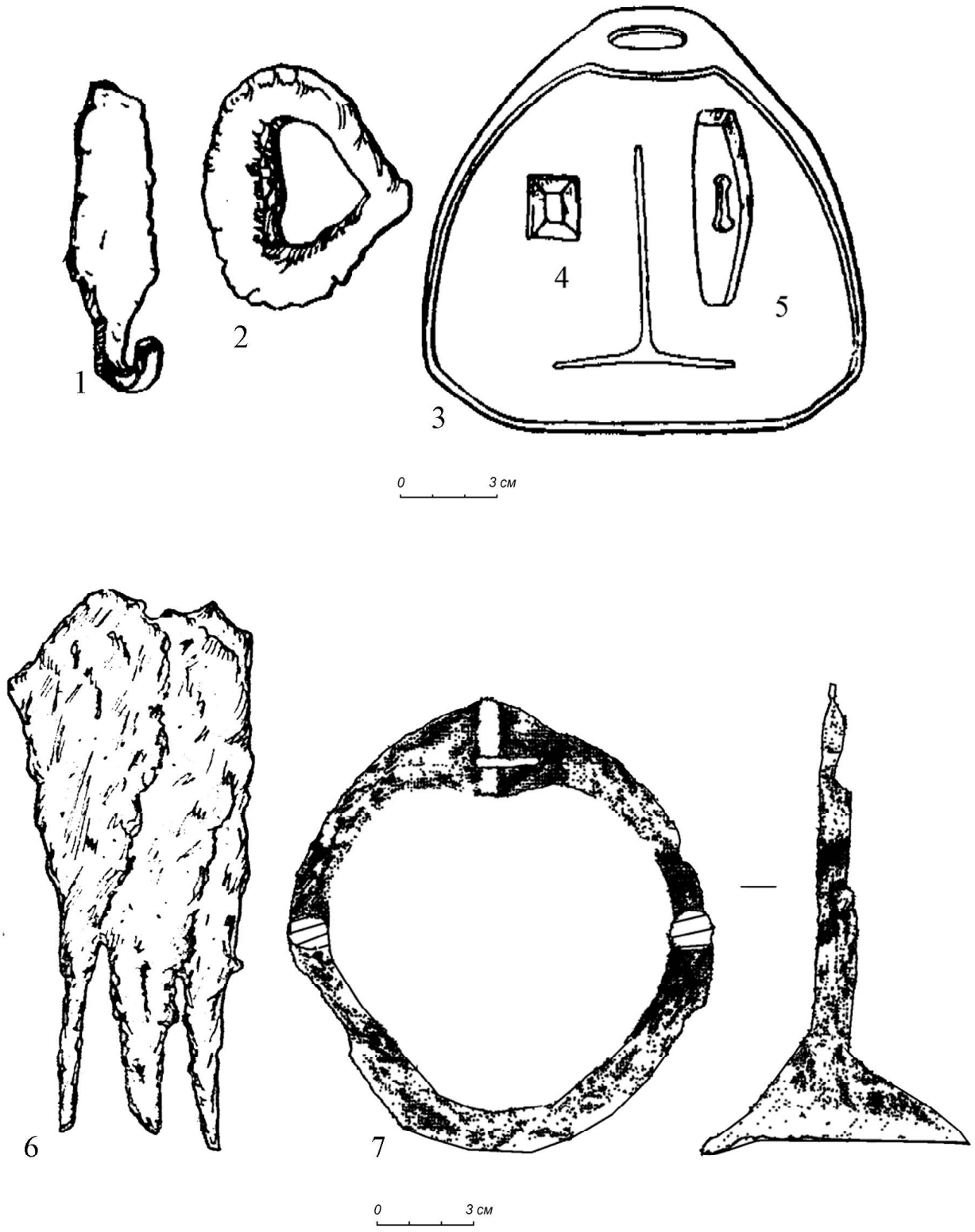

Рис. 4. Комплексы вещей из курганного могильника у пос. Урал и Новокумакского могильника (III северо-западная группа). 1-6 - I курганный могильник у пос. Урал, курган 9. 7 - Новокумакский могильник (III северо-западная группа) Курган 6. Погребение 1. 4-5 - кость, все остальное железо.

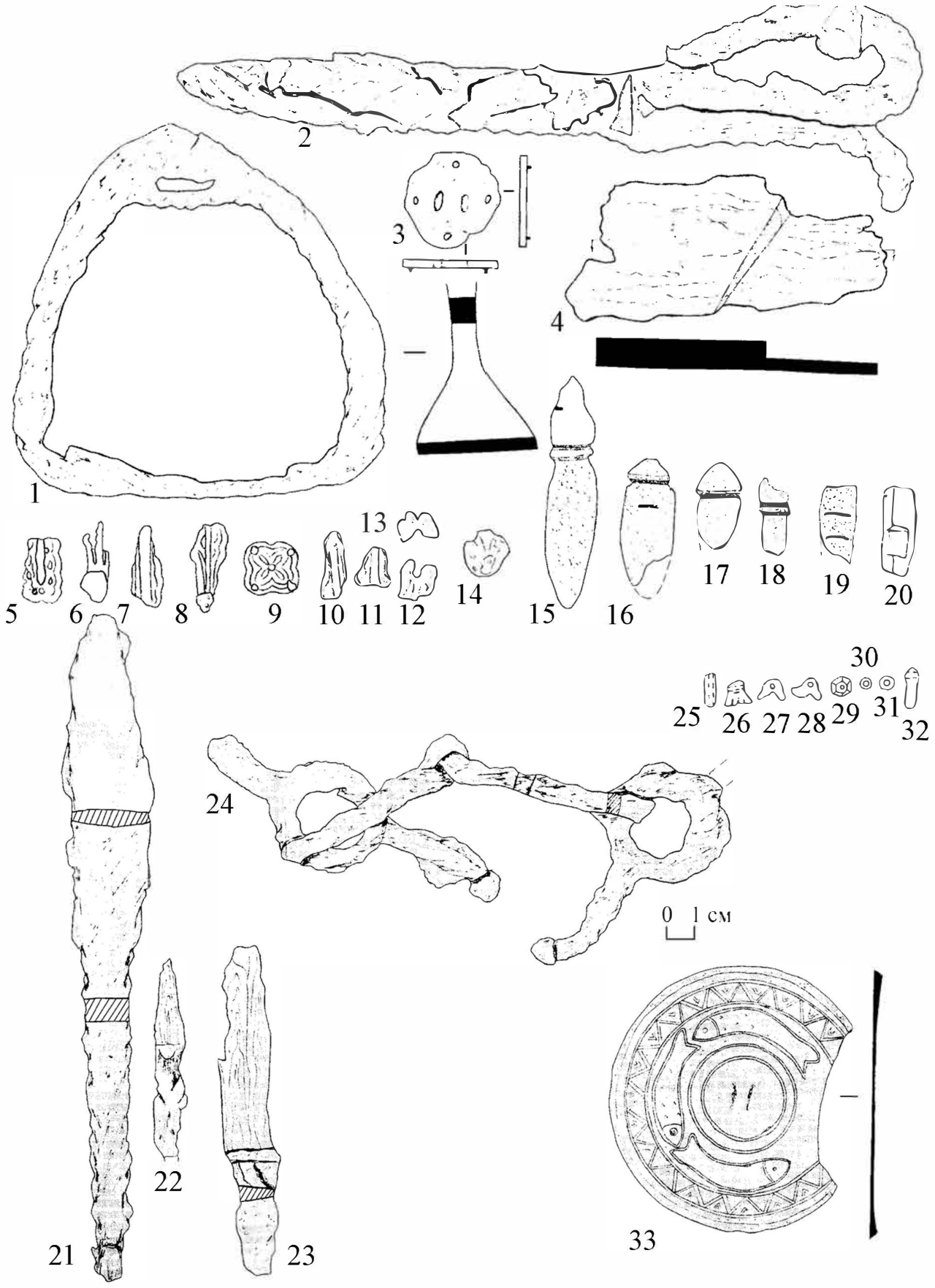

Рис. 5. Комплекс вещей из курганного могильника Новоорский I. 1-33 – I Новоорский курганный могильник, курган 12. 1-4,21-24 – железо; 5-14, 25 – бронза; 15 – 20 – дерево; 26-33 - камень, стекло.

УДК 94(100)”13/14”

СТАТИСТИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ КОМПЛЕКСОВ ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2017 г. В.А. Иванов

В статье рассматриваются предметы вооружения кочевников Золотой Орды. Выделяются статистически обусловленные комплексы оружия в погребениях, прослеживается география их распространения. Выводы: статистика предметов вооружения не имеет никакой географической закономерности, наборы оружия не несут никакой этнической информации, локализация погребений с элитным набором вооружения – шлем, доспех, сабля – в степях Северного Кавказа отражает политическую ситуацию в этом регионе в 30-е годы XIV века.

Ключевые слова: кочевники, Золотая Орда, статистика, взаимовстречаемость, комплекс, шлем, доспех, сабля, колчан.

В своих исследованиях, посвященных истории вооружения и военного дела Золотой Орды (Улуса Джучи), М.В. Горелик использовал комплекс источников: 1) археологические - находки подлинных предметов в погребениях золотоордынского времени (Горелик, 2011. С. 245-258); 2) письменные – персидские русские тексты – восходящие к этому же времени; 3) изобразительные – персидские миниатюры; 4) музейные – из старых хранилищ оружия (Горелик, 1983). На основании всестороннего анализа указанных видов источников им была создана, в буквальном смысле слова, энциклопедическая характеристика комплекса золотоордынского воина, характерной чертой которого, по определению исследователя, являлось единство вооружения. М.В. Горелик обусловливает это тем, что «на территориях Золотой Орды, а также западной части Чжагатайского улуса (Средняя Азия) и даже на северных территориях Хулагуидского Ирана — землях, где правили чингизиды, ставшие мусульманами, — сложилась единая органичная субкультура, частью которой было вооружение, воинский костюм и снаряжение» (Горелик, 2007).

Основными видами оружия золотоордынских воинов были: лук со стрелами; колчан — длинный узкий берестяной короб, где стрелы лежали остриями вверх (этого типа колчаны богато украшали покрытыми сложными резными узорами костяными пластинами), либо **плоская длинная кожаная сумка, в которой стрелы вставлялись оперением вверх** (выделено мной – *В.И.*)[1]; копье; мечи и сабли; кистень или булава; боевые топоры (по М.В. Горелику – региональное оружие Булгарского улуса); оборонительное вооружение – шлемы панцири, наручи, поножи, ожерелья, щиты. «Столь же любим ордынцами был ламелярный доспех — исконная броня Центральной Азии (по-монгольски «хуяг»)» (Горелик, 2007).

Все эти предметы были либо металлическими целиком, либо имели металлическую рабочую часть, что предполагает их если не сохранение, то четко обозначенное присутствие в археологических комплексах кочевого населения Золотой Орды, наиболее долго, в отличие от городского населения, придерживавшегося традиций тюрко-монгольского язычества. Последнее же подразумевает отражение в погребальном обряде социального статуса индивида, включая и его место в воинской иерархии Золотой Орды.

Настоящая статья имеет источниковедческий характер. Цель ее – во-первых, показать, насколько археологические комплексы вооружения кочевников Золотой Орды аутентичны комплексу вооружения, реконструированному исследователями по письменным и иконографическим источникам. Во-вторых, среди общей массы соответствующих артефактов выделить такие, которые действительно образуют **комплексы**, имеющие устойчивую, статистически обусловленную взаимовстречаемость в погребениях кочевников Золотой Орды.

Источниковую базу исследования составляют 1100 погребений кочевников Золотой Орды – главным образом – языческие, т.е. содержащие сопроводительный инвентарь – включенные в электронную базу автора этих строк[2]. В данном случае, это *выборка* из *гене-*

[1] То, что в описаниях авторов раскопок кочевнических погребений XIII–XIV вв. определяется как «кожаный колчан».

[2] Во избежание недоуменных вопросов поясняю:

ральной совокупности погребальных комплексов кочевников Золотой Орды (о генеральной совокупности и выборке из нее см.: Федоров-Давыдов, 1987. С.14-15). Полный объем генеральной совокупности мы, очевидно, никогда не узнаем, а рассматриваемая нами выборка отвечает двум основным источниковедческим требованиям: она *случайна* и *представительна*, т.е. отражает генеральные свойства всей совокупности (об этом см.: Генинг, Бунятян и др., 1990. С. 60).

Из случайной выборки кочевнических погребений Золотой Орды мы выбираем **полную** для нее выборку погребений, содержащих предметы вооружения либо в виде единичного артефакта, либо в виде комплексов. Их 368 погребений или 33,4% от всех учтенных погребений рассматриваемого периода. Подобная выборка позволяет установить нижний порог значимости того или иного признака = 1,0% (Генинг, Бунятян и др., 1990. С. 64).

По количеству помещенных видов оружия рассматриваемые погребения распределяются следующим образом (Табл.1): Частота встречаемости погребений, содержащих какой-то один предмет и содержащих несколько предметов (комплексы), примерно одинакова – 46,4% и 53,5% соответственно. Но, в целом, очевидно, что колчан со стрелами (1-5 наконечников) был едва ли не обязательным элементом погребального инвентаря кочевников Золотой Орды (в общей сложности 84,3% погребений с оружием). Еще почти 9% погребений содержит только берестяной колчан, очевидно, как символ воина-лучника.

География погребений, содержащих комплексы предметов вооружения[3], никакой закономерности в их распространении по золотоордынской степи не обнаруживает. За исключением, пожалуй, только одной – большинство погребений с полным набором вооружения – доспех, сабля, лук, колчан со стрелами – локализуются в степях Северного Кавказа (Рис.1).

Аналогичную картину демонстрирует география такого, безусловно, элитарного воинского комплекса, как шлем, доспех и сабля, и, пусть не совсем элитарного, но и не ординарного предмета, как колчан, украшенный резными костяными накладками (Рис.2). Здесь, пожалуй, опять-таки обращает на себя внимание скопление погребений с саблей, шлемом и доспехом (кольчугой) в степях Северного Кавказа и концентрация погребений с колчанными накладками в верховьях Ахтубы. Последний факт может быть объяснен близостью золотоордынских городов – Сарай-Бату, Сарай-Берке и др. – центров ремесла и торговли.

Для выяснения степени взаимовстречаемости предметов вооружения была проведена их парная корреляция (программа Excel, функция КОРРЕЛ), куда также были включены и такие признаки, как присутствие в могиле скелета (туша) или черепа и костей ног (шкура) (табл.2). Наиболее высокое значение коэффициента взаимовстречаемости обнаруживают следующие признаки: наличие в могиле конской сбруи без коня, железные наконечники стрел и берестяной колчан (соответственно, Q = 0,320 и 0,284); железные наконечники стрел и берестяной колчан (Q = 0,532); шлем и доспех (кольчуга или «хуяг») (Q = 0,590); берестяной колчан и костяные накладки на нем (Q = 0,375); сабля, доспех и шлем (соответственно, Q = 0,371 и 0,299); железные наконечники стрел и костяные колчанные накладки (Q = 0,232).

Представленные в виде графа эти значения четко обозначают два замкнутых блока: 1 – *шлем, доспех, сабля*; 2 – *железные наконечники стрел, берестяной колчан, колчанные накладки, наличие конской сбруи без коня* (рис.3). География этих блоков представляется следующей: из 16-ти погребений (4,3% от всех погребений с оружием), содержащих входящие в первый блок предметы вооружения, девять обнаружены в степях Северного Кавказа (Лосево, Старонижестеблиевка, Курчанская, Прикалаусские высоты, Новокорсунская, Останний, Пилипенковский I, Греки III). Остальные рассеяны по всей территории распространения курганов кочевников Золотой Орды от Южного Зауралья (Озерновский III) до Южного Буга (Плоское) (Рис. 2).

в одной из предшествующих моих публикаций объем источниковой базы по золотоордынским кочевникам был указан равным 1034 погребения (Иванов, 2014. С.195). Именно таковой она была на момент написания той статьи – такова диалектика формирования источниковых баз по археологии.

[3] Погребения, в которых найдены только наконечники стрел (115 погр.) или наконечники стрел и колчан (153 погр.), распространены повсеместно, а будучи нанесенными на карту они просто сделают ее не читабельной.

Таблица 1.

Таблица распределения предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды[4]

№	Оружие	Кол-во погребений	%
Предметы только одного вида			
1	Только доспех (кольчуга, панцирь)	2	0,54
2	Доспех+шлем	1	0,27
3	Топор	2	0,54
4	Копье	5	***1,35***
5	Сабля	11	***3,2***
6	Колчан	33	***8,9***
7	Костяные накладки лука	2	0,54
8	Наконечники стрел	115	***31,2***
Комплексы предметов			
9	Стрелы + колчан	153	***41,5***
10	Накладки лука+колчан+стрелы	9	***2,4***
11	Наконечники стрел+сабля	13	***3,5***
12	Доспех+шлем+стрелы+колчан	6	***1,6***
13	Доспех+ шлем+ наконечники стрел+ накл. на лук+ сабля	2	0,54
14	Доспех+ шлем+ наконечники стрел+ накл. на лук+копье	2	0,54
15	Доспех+ шлем+ наконечники стрел+ накл. на лук+колчан+топор	1	0,27
16	Доспех+стрелы+колчан+сабля	4	***1,1***
17	Доспех+шлем+сабля	3	0,81
18	Доспех+након. стрел+сабля	4	***1,1***
Всего:		368	100

Таблица 2.

Значения коэффициентов взаимовстречаемости (Q) предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	-															
2	-0,02	-														
3	-0,04	-0,02	-													
4	-0,01	-0,00	-0,01	-												
5	-0,10	-0,05	-0,10	-0,03	-											
6	0,05	0,041	0,080	0,016	***0,320***	-										
7	-0,0	0,014	0,012	-0,00	0,104	0,166	-									
8	-0,04	0,098	0,041	0,010	0,066	0,169	0,026	-								
9	0,06	-0,03	0,025	0,001	***0,284***	***0,532***	0,125	0,143	-							
10	-0,15	0,117	-0,01	0,196	0,004	0,104	-0,00	-0,01	-0,03	-						
11	0,03	0,044	0,018	0,040	0,114	***0,232***	-0,00	0,089	***0,375***	0,098	-					
12	0,05	0,184	0,134	0,052	0,040	0,177	0,004	0,191	0,018	0,119	0,102	-				
13	-0,00	0,042	0,043	0,084	0,117	0,101	0,027	-0,02	0,091	0,084	0,017	0,031	-			
14	-0,01	-0,00	-0,00	-0,00	0,012	0,004	-0,00	-0,00	0,019	0,003	-0,01	-0,01	-0,0	-		
15	0,01	-0,01	0,026	-0,00	0,000	0,079	0,048	0,139	0,102	-0,00	0,036	***0,299***	0,04	0,03	-	
16	0,05	-0,01	0,078	0,084	0,026	0,168	0,075	0,172	0,103	0,084	0,083	***0,371***	0,11	0,10	***0,59***	-

Обозначения: *1- Шкура коня слева; 2 - Шкура коня справа; 3 - Остов слева; 4 - Остов справа; 5 - Сбруя без коня; 6 – Железные наконечники стрел; 7 – Костяные наконечники стрел; 8 – Костяные накладки лука; 9 – Колчан берестяной; 10 - Колчан кожаный; 11 – Костяные колчанные накладки; 12 – Сабля; 13 – Наконечник копья; 14 – Топор; 15 – Шлем; 16 – Доспех (кольчуга, панцирь).*

[4] Полужирным курсивом выделены признаки, значимые для имеющейся выборки.

Такой признак обряда, как наличие в могиле шкуры (череп и кости ног) или туши (полный скелет) коня, дают коэффициент взаимовстречаемости с предметами вооружения либо отрицательный, либо небольшой. Данный факт «работает» в пользу сдержанного отношения исследователей к попыткам распространить вывод автора этих строк, сделанный по результатам анализа погребений золотоордынского времени в степях Урало-Поволжья, о том, что «всаднические погребения» Приуральского региона эпохи Золотой Орды позволяют нам обозначить несколько уровней в имущественной и социальной иерархии кочевого золотоордынского общества, отраженных в археологическом материале», полученный по результатам анализа погребальных комплексов степей Урало-Поволжья (Иванов, 2009. С. 22), на всю территорию Золотой Орды (Чхаидзе, Дружинина, 2013. С. 174). Хотя в кочевнических погребениях золотоордынского времени указанного региона некоторая связь между типами «всадниче ских погребений» и вооружением прослеживается. Так, шкура коня (череп и кости ног), уложенная справа от человека, обнаруживает связь с костяными обкладками лука (Q=0,277), а конская сбруя в могиле (без коня) – с железными наконечниками стрел и берестяным колчаном (соответственно, Q= 0,289 и 0, 254) (Табл.3). То есть, контингент всадников-нукеров археологически здесь все-таки улавливается. Тем более что по частоте встречаемости погребения, содержащие только предметы сбруи, составляют 18,2% всех золотоордынских кочевнических погребений региона[5]. А вот что касается археологического проявления контингента всадников-латников, то оно, действительно, не прослеживается, поскольку известно только два погребения, в которых латник (кольчуга) сопровождался шкурой коня (Бахтияровка I, к. 23; Бахтияровка II, к. 23).

Таблица 3.

Значения коэффициентов взаимовстречаемости (Q) предметов вооружения в погребениях кочевников Золотой Орды Урало-Поволжья[5]

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	-															
2	-0,02	-														
3	-0,04	-0,02	-													
4	-0,01	-0,00	-0,01	-												
5	-0,09	-0,05	-0,08	-0,03	-											
6	0,052	0,087	0,103	0,016	***0,289***	-										
7	-0,03	-0,01	0,056	-0,00	0,083	0,159	-									
8	-0,02	***0,277***	-0,01	-0,00	0,069	0,123	-0,01	-								
9	0,124	-0,00	0,022	0,032	***0,254***	***0,509***	0,130	0,035	-							
10	-0,01	-0,00	-0,01	-0,00	0,047	0,104	-0,00	-0,00	-0,02	-						
11	0,014	0,049	-0,03	-0,01	0,140	0,177	0,037	0,049	***0,412***	-0,01	-					
12	0,099	0,181	0,093	-0,01	-0,02	0,164	-0,02	***0,280***	0,072	-0,00	0,015	-				
13	-0,02	-0,01	-0,02	0,230	0,082	0,063	0,125	-0,01	0,090	***0,284***	0,057	-0,01	-			
14	-0,01	-0,00	-0,01	-0,00	-0,02	-0,03	-0,00	-0,00	-0,02	-0,00	-0,01	-0,00	-0,0	-		
15	-0,01	-0,00	-0,01	-0,00	0,047	0,036	-0,00	-0,00	-0,02	-0,00	-0,01	0,175	-0,0	-0,0	-	
16	0,107	-0,01	-0,01	-0,00	0,028	0,123	0,114	-0,01	0,119	-0,00	0,049	0,181	-0,0	-0,0	***0,53***	-

Обозначения: *1- Шкура коня слева; 2 - Шкура коня справа; 3 - Остов слева; 4 - Остов справа; 5 - Сбруя без коня; 6 – Железные наконечники стрел; 7 – Костяные наконечники стрел; 8 – Костяные накладки лука; 9 – Колчан берестяной; 10 - Колчан кожаный; 11 – Костяные колчанные накладки; 12 – Сабля; 13 – Наконечник копья; 14 – Топор; 15 – Шлем; 16 – Доспех (кольчуга, панцирь).*

[5] Разница в цифрах, приведенных в моей публикации 2009 г. – 17,3% (Иванов, 2009. С. 19) и в публикуемой табл.3 объясняется тем, что за период с 2009-2015 гг. количество погребений, внесенных в базу данных, возросло и сейчас составляет уже не 542 погребения, а 605.

Итак, результаты корреляционно-статистического и географического анализа воинских погребений кочевников Золотой Орды показывают, что, во-первых, они никоим образом не несут в себе какой-либо этнокультурной информации о родоплеменном составе этого населения; во-вторых, они, конечно же, маркируют социальный статус погребенного и его место в воинской иерархии (разброс погребений с полной «паноплией», состоящей из оружия и доспехов, по территории Золотой Орды – наглядное тому свидетельство); в-третьих, концентрация погребений со статусным набором оружия в степях Предкавказья (Восточное Приазовье), вероятнее всего, действительно обусловлена политическими событиями 30-х гг. XIV в. на южной периферии Золотой Орды. Джучидско-хулагуидские войны и насаждаемая Узбеком исламизация (Дружинина и др., 2011. С. 221-234) сопровождались, в первую очередь, гибелью родовой знати, которую хоронили со всеми ее прижизненными воинскими атрибутами.

В степях Заволжья и Южного Приуралья ситуация складывалась иначе. Но это тема специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Горелик М.В. Кочевники-золотоордынцы Восточного Приазовья (заметки к реконструкциям) // Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М. [б.и.], 2011. С. 245–258.

Горелик М.В. Куликовская битва 1380 г. Русский и золотоордынский воины. Доступно по URL: http://swordmaster.org/2007/07/14/kulikovskaja_bitva_1380_g_russkijj_i_zolotoordynskijj_voiny.html

Горелик. М.В. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV - начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. Доступно по URL: http://www.kitabhona.org.ua/libwar_armor/gorelikmongolarmor.html

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М. [б.и.], 2011. 266 с.

Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологическом материале // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». 17 марта 2009. Вып.1. Казань: Фэн, 2009. С.15–23.

Иванов В.А. Химеры и миражи Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С.190–211.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учеб пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников Степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. № 2(4.) С. 171–178.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории института исторического и правового образования ФГБОУ ВПО Башкирский государственный педагогический университет им.М. Акмуллы; E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

STATISTICAL CORRELATION AND GEOGRAPHY OF THE ARMAMENT COMPLEXS OF GOLDEN HORDE NOMADS

V.A. Ivanov

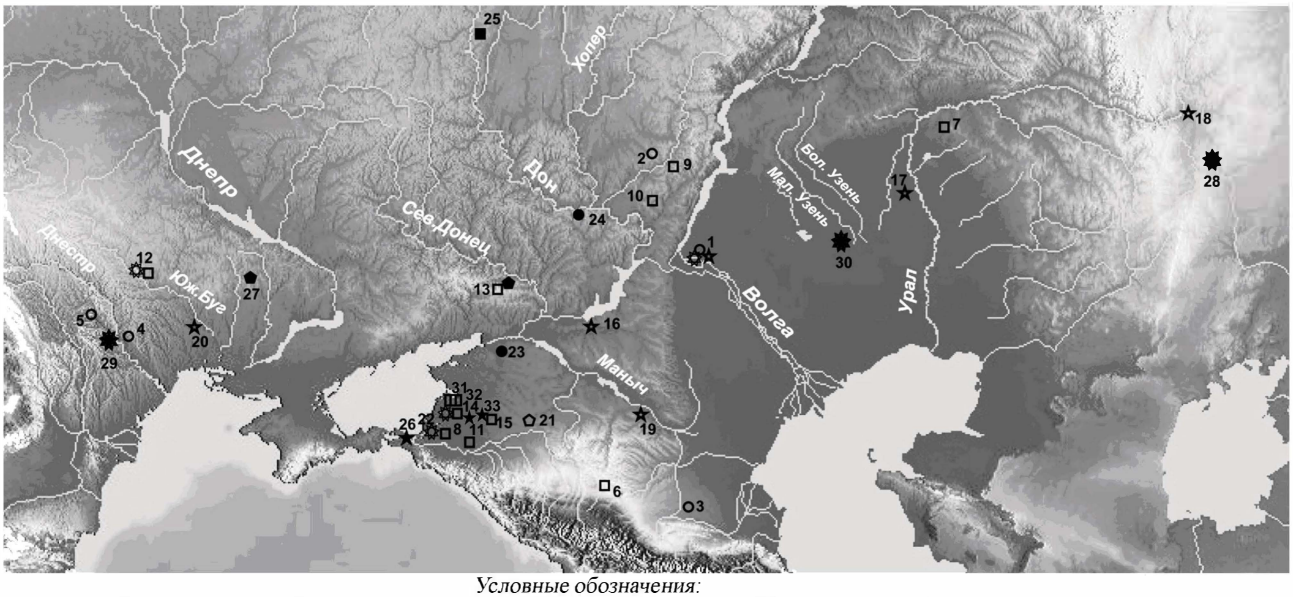
The article considers the armaments items belonging to nomads of the Golden Horde. It determines statistically established weapon complexes discovered in burials, and traces the geography of their distribution. Conclusions: the statistics of armament items has no geographical pattern, the weapon sets carry no ethnic

information, and the localization of burials with weapon sets - a helmet, armour and saber - in the steppes of the North Caucasus reflects the political situation in this region in the 1330s.

Keywords: nomads, the Golden Horde, statistics, mutual occurrence, complex, helmet, armour, saber, quiver.

About the author:

Ivanov Vladimir A. – Dr. Habil., Professor of the Faculty of National History of the Institute of Historical and Legal Education of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla; E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Условные обозначения:

- ○ - лук+колчан+наконечники стрел
- □ - наконечники стрел+сабля
- ☆ - доспех+шлем+наконечники стрел+колчан
- ⬠ - доспех+шлем+наконечники стрел+накладки лука+сабля
- ⬟ - доспех+наконечники стрел+сабля
- ● - доспех+шлем+наконечники стрел+накладки лука+наконечник копья
- ■ - доспех+шлем+наконечники стрел+колчан+топор
- ★ - доспех+шлем+сабля
- ✹ - доспех+шлем
- ☼ - доспех+наконечники стрел+колчан+сабля

Рис. 1. Карта погребений кочевников Золотой Орды с комплексами вооружения.

1 – Бахтияровка I,II; 2 – Калиновский – 4; 3. – стан. Моздок; 4 – Парканы; 5 – Трумушика; 6 – Горячевский; 7 –Лебедевка II; 8-Имение Борисово, к.2, 10; 9-Даниловка; 10-Нов. Молчановка; 11 – Псебайская II; 12-Плоское; 13 – Черемшино, к.3; 14 – Старонижестеблиевская; 15 – Верхний; 16 – Вербовый1 Лог VIII; 17 – Мамбетбай; 18-Новый Кумак; 1-Бахтияровка II; 19-Прикалаусские высоты; 20 – Сербка, к.180; 21-Лосево; 22-Новокорсунская; 23-Выщсочино II; 24 – Олень-Колодезь; 26-Курчанская; 27 – Урочище Лучки; 28 – Озерновский III; 29 – Суклея; 30-оз.Раим; 31 – Лебеди I, к.3, VI, к.1;т 32 – Греки, к.45; 33-Останний, к.2.

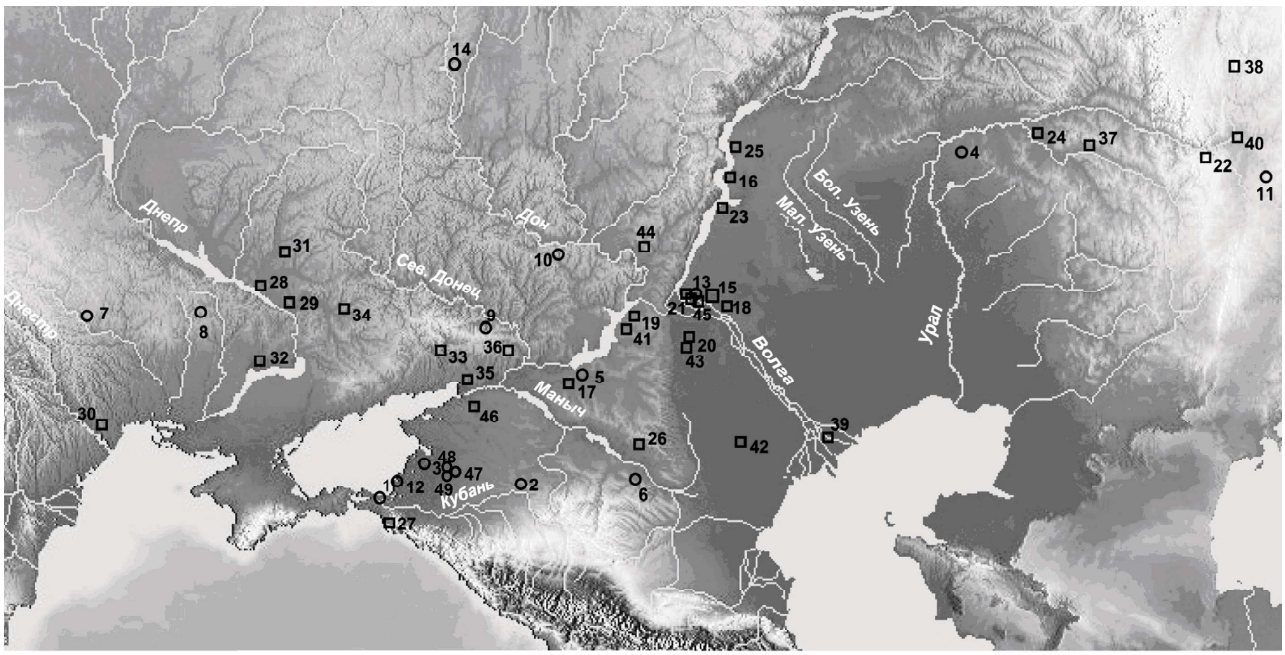

Рис. 2. Карта погребений кочевников Золотой Орды с саблей, шлемом и доспехом, и колчаном, украшенным накладками.

1-Курчановская; 2-Лосево; 3-Старонижестеблиевская; 4-Лебедека II; Вербовый Лог; 6-Прикалауские высоты; 7-Плоское; 8- Урочище Лучки; 9-Черемшино; 10 Высокая гора; 11 – Озерновский III; 12-Новокореунская; 13 - – Бахтияровка I; 14 0 Олень-колодезь; 15 – Ленинское; 16 – Ровное; 17 – Семенкин хут.; 18 – Царевский; 19 – Шебалино; 20 – Гува; 21 - Бахтияровка III; 22 – Худай-Берген; 23 – Бережновский; 24 – Лиман; 25 – Недвиговка; 26 – Элистинский; 27 – Мыс Хако; 28 – Пески; 29 – Александровка; 30 – Суклея; 31 – Котовка; 32 – Острая могила; 33 – Рай-городок; 34- Николаевка; 35 – Недвиговка; 36 – Чиковский; 37 – Тамар-Уткуль; 38 – Покровка; 39 – Маячный- I; 40 – Новокумакский; 41 – Первомайский VII; 42 – Цаган Усн; 43 – Гува II; 44 – Хмелевой; 45 - Бахтияровка I; 46 – Высочино; 47 – Останний; 48 – Греки III; 49 – Пилипенковский.

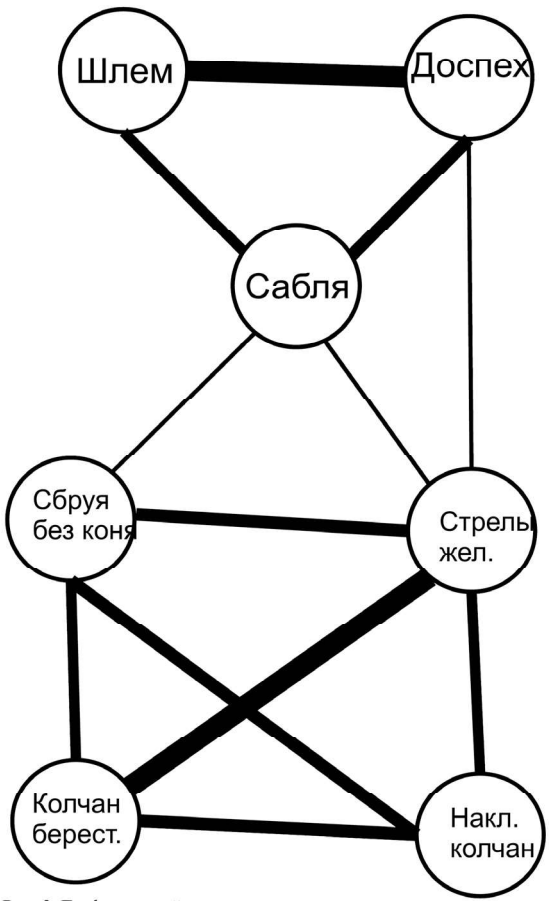

Рис. 3. Граф значений взаимовстречаемости предметов вооружения в погребений кочевников Золотой Орды.

УДК 904(470.6)

ПОГРЕБЕНИЯ «КОПЕЙЩИКОВ» КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА В ВЫСОКОГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

© 2017 г. Е.И. Нарожный, В.Е. Нарожный, Д.Ю. Чахкиев

В статье вводятся в научный оборот несколько воинских погребений XIII-XIV вв., в погребальном инвентаре которых находились наконечники копий и следы от их древок. Рассматривается вопрос о возможном существовании внутри горского общества некоей «воинской специализации», данные захоронения заманчиво рассматривать как погребения «копейщиков». Вместе с тем, обращая внимания на незначительную длину деревянных древок таких копий, авторы склонны рассматривать данный тип вооружения, как метательное вооружение, вполне удобное для данной ландшафтной зоны. Уточнения, вероятно, заставляют вносить и определенные коррективы в характеристику специализации таких воинов эпохи средневековья.

Ключевые слова: Высокогорная Ингушетия, золотоордынская эпоха, Келийский могильник, военное дело, наконечники копий.

После успешной защиты одним из авторов данной статьи кандидатской диссертации, посвященной проблеме организации военного дела предков средневековых чеченцев и ингушей (Чахкиев,1987), вместе с серией его статей, увидевших свет как в процессе подготовки этой диссертации, так и после ее защиты, история военной организации средневекового горского общества стала значительно понятней. Существенным подспорьем при этом являлся и сравнительный анализ такой структуры с системой организации военного дела средневекового, например, аланского общества, исследовавшегося В.Н. Каминским, С.Н. Савенко, а затем и А. Слановым (Каминский. 1992; Савенко. 1989; Сланов. 2000, 2007, 2013) и др. Обзор, хотя и не исчерпывающий, например, диссертационных работ по истории военного дела, защищенных к тому времени, в 2010 году был предпринят И.И. Басовым (Басов. 2010.). Он хотя и в общих чертах, показал весь спектр позитивного опыта, накопленного к настоящему времени.

Охранно-спасательные археологические исследования 1987-1988 гг., проводившиеся в высокогорной Ингушетии в связи со строительством подъездной автодороги к проектировавшейся Кавказской перевальной железной дороге (КПЖД), дали богатейший археологический материал и, прежде всего, из захоронений Келийского могильника, оставленного средневековым населением Горно-Ассинской котловины. Этот массовый и выразительный археологический материал позволяет судить не только о составе этого населения, уровне его социально-экономического развитии, а также и его военной организации (Нарожный В.Е., 2014). Эти материалы заставляют в некоторой степени корректировать ранее высказанные наблюдения.

В литературе уже давно опубликована достаточно выразительная подборка находок наконечников копий с территории бывшей Чечено-Ингушетии (Чахкиев. 1987а.). Являясь случайными находками (подъемным материал) в своей основе, находки справедливо отнесены к периоду XIII-XV вв. На базе именно этой выборки, в основном и формировалось представление о существовании внутри горских обществ золотоордынского времени профессионально развитой «прослойки» воинов - «копейщиков», имевших в своем арсенале самые разнообразные железные наконечники копий и дротиков. Однако, на что уже неоднократно указывалось в литературе, основная часть из уже введенных в научных оборот наконечников копий (Чахкиев. 1987а.; Нарожный. 2003. С.261. Рис.9, *4*; Басов, Нарожный, Тихонов. 2003. С.105-111) – это подъемный материал (случайные находки). Абсолютное их большинство происходит с небольшого по площади участка терско-сунженского побережья в окрестностях современного г. Гудермеса – сел. Кошкельды и прилегающего к ним участка Качкалыковского хребта. Именно здесь, как предполагал В.Б. Виноградов, следует локализовать серию военных столкновений 1222 года, произошедших между военным алано-половецким альянсом и вторгшимися отрядами монголо-татар. Если анализировать другие сведения в описаниях иных средневековых авторов, в этом же

районе могли происходить и военные столкновения более позднего времени, например, между отрядами Тохтамыша и военными силами эмира Тимура (Виноградов, Нарожный, Савенко. 2003. С. 89-114). По этим причинам, основная масса известных нам наконечников копий отсюда, впрочем, как и других предметов вооружения из окрестностей Гудермеса - сел. Кошкельды (Нарожный, Чахкиев. 2003. С 126-153), совсем не обязательно сопоставлять с арсеналом вооружения только местных горцев. Для изучения этой разновидности горского арсенала, пожалуй, наиболее оптимальными являются археологические материалы из Келийского могильника. Из них, наиболее репрезентативной может оказаться выборка таких предметов вооружения, выявленных в нескольких каменных ящиках и грунтовых захоронениях[1] Келийского могильника, хотя она, впрочем, как и вся коллекция наконечников копий этого могильника, статистически мала. В эту выборку мы включили находки всего из 9 погребальных комплексов (Табл.1). Даже на фоне этой небольшой выборки хорошо заметно, что только в одном случае (погр. №15) наконечник копья входил в состав арсенала тяжеловооруженного воина и соседствовал в инвентаре со шлемом, кольчугой, саблей и колчанным набором (табл.1, №2). К нему можно добавить и погребение № 84, в котором был шлем, сабля, колчанный набор, но отсутствовала кольчуга, которую, возможно, условно символизировало единственное колечко кольчужного плетения (табл.1, №3). В погр. №132 (табл.1, №6), наконечник копья сопровождался шлемом и только колчанным набором. В захоронении №99, в котором наконечников копий было 2, в одном случае этот предмет вооружения сопровождался лишь одним наконечником стрелы (табл.1. №4). В захоронении №226 (табл.1, №8) отмечен наконечник копья и колчанный набор. В захоронении № 236 (табл.1, №9- только наконечник копья и два наконечника стрелы. Еще в трех случаях (погр. №№9, 99(2) и 187 (табл.1, 33 1,5.7) было встречено лишь по наконечнику копья.

Естественно, что приведенные примеры, вряд ли можно рассматривать как статистическую закономерность. Однако указанные примеры все-таки позволяют предполагать, что в ряде случаев наконечник копья входили в арсенал тяжеловооруженных воинов, или воинов, имевших неполный комплект защитного вооружения, либо же, наконечники копий являлись единственным видом вооружения горских воинов.

Особый интерес представляют погребения, в которых наконечники копий зафиксированы с остатками деревянных древок.

Погребение № 99 - каменный ящик с костными останками 3-х погребенных в нем человек. Скелет № 1 взрослого человека (возраст – 30-45 лет), занимал основное пространство каменного ящика. Останки еще двух скелетов вне анатомического порядка были сложены (сдвинуты) в одну груду, находившуюся в восточной оконечности ящика.

Скелет №1 удовлетворительной сохранности (отсутствуют, не сохранились кости грудной клетки, кистей рук и ступни ног), был уложен вытянуто на спине, головой на З. Нижние конечности протянуты. Левая рука согнута в локтевом суставе, запястьем на пахе; правая рука вытянута вдоль туловища. Погребенного сопровождали два предмета: межу локтевым суставом левой руки и левым бедром, острием к В лежал железный нож с обломанным лезвием и роговыми накладками рукояти.

К югу от скелета, между правым предплечьем и стенкой ящика – железный наконечник копья, острием к З. С запада на восток, на расстоянии 87 см прослежены остатки округлого в сечении древка. Наконечник копья длиной 26 см. Перо вытянуто-листовидной формы ромбического сечения, с обломанным острием. Длина пера – 15 см. Втулка конической формы с вертикальным и хорошо заглаженным (прокованным) швом, длиной 11 см, диаметр втулки снизу – 4 см. На расстоянии 1,8 см выше нижнего края втулки – шляпка заклепки (заклепка в виде гвоздика).

Останки *скелета №2* были сложены в восточной части каменного ящика: в его юго-восточном углу находился череп взрослого мужчины, лицевой частью к СЗ. Западнее черепа, параллельно восточной короткой стенке ящика уложены две кости голеней, под которыми – фрагменты бедренных костей вперемешку с костями грудной клетки. Между ними железный наконечник стрелы с обломанным черешком, фрагмент железного ножа и поясная пряжка с отломанным язычком (сохранилась лишь петля крепления

[1] Такие же находки из полуподземных склепов немногочисленны, к тому же, специфика склепов такова, что будучи разграбленными еще в древности, они содержали в себе перемесы из вещей и отдельных костных человеческих останков. Корреляция таких предметов с конкретными захоронениями, затруднена.

язычка к пряжке). Здесь же – вток от второго наконечника копья[2] с обломанным и отсутствующим пером. Возраст второго мужчины (скелет №2) – 35-40 лет.

Остатки третьего скелета сохранились плохо и находились под костями скелета [2]. Это фрагменты детского черепа, нижней челюсти и фрагменты ребер. Вероятно, к остаткам этого скелета относится красноглиняная кружка и бронзовая спиралевидная пронизка.

По всей вероятности, захоронение «семейное», в котором поочередно были погребены: скелет ребенка и двух взрослых мужчин (поочередно сгребались в восточную часть ящика); хронологически самым поздним здесь стало захоронение скелета №1.

Погребение № 226 (Рис. 3). Каменный ящик с индивидуальным захоронением. Скелет взрослого мужчины (не более 40 лет) удовлетворительной сохранности. Череп смещен и лежал на правой височной кости, развернут лицом на северо-восток. Кости грудной клетки отсутствуют, отсутствует верхняя часть позвоночного столба (все указанные кости истлели). Скелет мужчины уложен вытянуто на спине, головой на З. Обе руки вытянуты вдоль туловища, кистями под крыльями таза, ноги протянуты.

Погребальный инвентарь представлен следующими предметами: выше левого плеча, остриями к западу – 6 железных, черешковых наконечников стрел (колчанный набор). Три наконечника стрелы имели перо вытянуто-подтреугольной формы. Четвертый наконечник – с короткой ромбовидной ударной гранью. Пятый наконечник с немного удлиненными верхними гранями, последний, шестой наконечник стрелы – трехлопастной. Вместе с наконечниками стрел фрагментированный нож. В области шейных позвонков находились 4 бронзовые полые пуговицы-бубенчики разных размеров. У самой крупной, в нижней части – вырезы.

С южной стороны погребенного, между скелетом и стенкой каменного ящика находился наконечник копья и остатки (древесный тлен) от древка. Общая длина – 110 см; длина наконечника копья – 24,5 см. Длина древка 76,5 см. Наконечник копья с кинжаловидным пером, уплощенно-ромбической формы в сечении. Коническая втулка в нижней своей части со следами свертывания в трубку. С древком наконечник копья соединялся при помощи железного гвоздика с округлой шляпкой.

Следующий каменный ящик – *погребение № 236*. Длинный каменный ящик плотно закрытый плитами перекрытия. Внутри – индивидуальное захоронение мужчины 30-35 лет. Скелет плохой сохранности: череп представлен затылочной частью. Отсутствуют кости грудной клетки, обеих тазовых костей и обеих кистей рук. Кости обоих предплечий фрагментарны. Скелет уложен вытянуто на спине, головой на З. Судя по остаткам костей верхних конечностей, правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе, кистью на пахе. Левая рука вытянута вдоль туловища.

Сопровождающий его погребальный инвентарь: к северу от левого плеча крупный черешковый наконечник стрелы, к перу которого «прикипел» фрагмент пера от второго наконечника стрелы. К югу от средней части правой бедренной кости находился каменный оселок. На левой ключице находился фрагментированный железный нож. В верхней части позвоночного столба две бронзовые пуговицы-бубенчики. Нижние части пуговиц декорированы. С северной стороны скелета, между ним и стенкой каменного ящика прослежен наконечник копья и остатки древка. Наконечник копья длиной 38 см. Перо вытянуто подтреугольной формы с закругленным острием, втулка вытянуто-конусообразной формы. Остатки древка прослежены на 0,6 м длины. В отличие от древка копья из погребения № 99 – это древко более узкое в месте его соединения с наконечником копья.

[2] Подобные предметы атрибутируются различно. В.Н. Шалобудов, Н.И. Кудрявцев и В.Д. Березуцкий опубликовали такие предметы из кочевнических захоронений Поднепровья (Шалобудов, Кудрявцев. 1986. С.95. Рис. 2. С.97. Рис.4,*9*); есть они и в Запорожье (Ельников. 2004. С.88. С.103. Рис.4,*1*), Подонье (Березуцкий. 1988. С.160. С.159. Рис. 3,*15*), в Волго-Донском междуречье (Мамонтов. 2000. С.132. Рис.41,*6*, рис.47,*11*), на Кубани (Басов, Нарожный. 2010. С. 56-63) и на др. территориях. Разные авторы трактуют их различно. В одних случаях в предметах видят навершия головных уборов (Шалобудов, Кудрявцев. 1986. С.91; Березуцкий. 1988. С.160). В других их связывают с навершиями от бунчуков (Ларенок. 1992. С.158-188); третьи рассматривают предметы как разновидность «посудовидных» изделий, включая их в отдельный тип II – изделия «в виде стаканов» (Потемкина. 2007. С. 21-122, тип II «в виде стаканов». С.141. Рис.3,*8-14*.. 2007а. тип II «в виде стаканов»). На наш взгляд, абсолютное большинство таких предметов могло использоваться как навершия метательных дротиков; другие, несколько больших размеров могли использоваться и как «копья», а также и как втоки, насаживавшиеся на нижнее окончание деревянного древка с противоположной от наконечника копья стороны. По крайней мере, многие из таких предметов имели остатки древок в конической части (Нарожный. 2010. С. 164-169).

Диаметр древка в этой части около 4,3 см, в то время как диаметр железной втулки 4,4 см. Древко входило в конус втулки и скреплялись при помощи железного «гвоздика» с округлой шляпкой. К противоположному от наконечника копья концу, древко расширялось, здесь, его диаметр достигал 5,2 см. Интересно, что на расстоянии 15 см от внешнего окончания древка, поперек него находилось железное кольцо из пластины, шириной 1 см (нижняя половинка, лежавшая на грунте, распалась). Возможно, кольцо использовалось в качестве упора (?). Публикуемые материалы, несмотря на их малочисленность, весьма показательны. Во-первых, на примере хоть и всего трех захоронений, мы столкнулись с установленными фактами наличия у копий *коротких древок*. Судя по размерам каменных ящиков, во внутреннем их пространстве могли поместиться и более длинные древки. Однако, несмотря на сохранение от древок тлена, во всех трех случаях было установлено, что нижний край древка не был преднамеренно обломан; он, несмотря на тлен, достаточно хорошо представлял собой округло-выпуклое окончание, позволяющее воспринимать их как изначально короткие. В погребении № 126 общая длина копья не превышала 110 см. В захоронении № 236 длина копья достигала длины около 1 м. При этом на древках находились довольно массивные наконечники копий. Получается, что во всех трех случаях мы сталкиваемся с копьями, большей частью предназначенными для метания (?). Любопытно, что установленные факты имеют и аналогии.

Таблица 1.

Корреляция находок наконечников копий Келийского могильника с другими предметами вооружения.

№ п/п	№ погребения	шлем	Защитный доспех	Сабля	Колчанный набор	Публикация
1.	Погр. №5	-	-	-	-	Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1994, с. 81, рис.8,1.
2.	Погр. № 15	+	+	+	+	Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2005.
3.	Погр. № 84	+	1кольчуное колечко	+	+	Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.
4.	Погр. № 99 (№1)	-	-	-	1 наконечник стрелы	Нарожный Е.И. Отчет
5.	Погр. №99 (№2)					
6.	Погр. 132	+	-	-	+	Отчет, рис. 444
7.	Погр. 183	-	-	-	-	
8.	Погр. №226	-	-	-	Колчанный набор	
9.	Погр. №236	-	-	-	2 наконечника стрелы	

А.К. Кушкумбаев и Л.А. Бобров, классифицируя копья и дротики золотоордынского времени, к дротикам, собственно относят «короткие метательные копья», подразделяя их на дротики «втульчатые и черешковые» (Кушкумбаев, Бобров. 2010. С.136). Специалисты-оружиеведы отмечают, что, например, монголы использовали дротики в ближнем бою, «когда невозможно было пользоваться луком» (Худяков. 1991. С. 135-136; Кушкумбаев, Бобров. 2010. С.136). Известно ныне и о наличии в арсенале центральноазиатских кочевников эпохи средневековья успешно использовавшихся ими специальных «пик», снабженных коротким или удлиненными древками (Кушкумбаев, Бобров. 2010. С.137). По всей вероятности, такие же, укороченные дротики активно использовались и в горной зоне Северного Кавказа, что наглядно документируют раскопочные материалы Келийского могильника. По всей вероятности, их использование здесь было продиктовано и особенностями организации военных структур и спецификой ведения боя в особых, ландшафтных условиях региона.

Обратим внимание на еще одну особенность нескольких захоронений Келийского могильника с находками наконечников копий-

дротиков. Наличие в «семейном» захоронении № 99 сразу двух наконечников (наконечник копья и вток) сопряженных со скелетами двух мужчин, не единичный случай. В склепах №№ 10 и 11, как и в каменном ящике № 99 были обнаружены по 2 наконечника копья, к сожалению, из-за сильной переотложенности внутреннего содержания обоих склепов, судить о конкретной принадлежности той или иной находки копий к скелетам не приходится. Однако, если учитывать то обстоятельство, что склепы ныне рассматриваются как погребальные сооружения отдельных семей (род), связанных кровными узами людей, это обстоятельство становится поводом для некоторых предположений. Опираясь на указанные выше случаи, когда в погребениях были встречены по два целых или фрагментированных наконечника копь или дротика, мы можем полагать, что в этих случаях воинский статус погребенных «копейщика» мог быть сопряжен еще и с кровнородственными их связями и, чего нельзя исключать, наследственным (?) характером данной специализации. К сожалению, из всех, нам известных случаев, уверенно речь можно вести только о ситуации с погр. № 99. Здесь оба интересующих нас предмета были связаны со скелетами двух взрослых мужчин, по всей видимости, которые при жизни могли иметь отношение друг к другу, как «отец» и «сын», как «братья» и т.п. Эти обстоятельства дают некоторые основания и для дальнейших рассуждений на этот счет.

В заключении необходимо остановиться еще на одном аспекте проблемы, связанном с публикуемыми наконечниками копий и, в частности, с наконечником копья из погребения №236 Келийского могильника. Данный наконечник копья близок аналогичным экземплярам, недавно рассматривавшихся А.К. Кушкумбаевым и Л.А. Бобровым. Этот тип наконечников копий они отнесли к типу наконечников копий ланцетовидной формы с плоским и ромбическим сечением и угловатыми выступами («ушками») в нижней части переходящими к втулке. Указанные авторы вслед за М.В. Гореликом этот тип наконечников рассматривают, как тип, восходящий к наконечникам копий Прикубанья конца I тысячелетия н.э. (Кушкумбаев, Бобров. 2010.). Ссылаются они на случайную находку такого же наконечника копья с черноморского побережья (Соков, Хатнюк. 2003. С. 201. Рис.1.*2*), связывая такие наконечники копий с типичными образцами вооружения «черкесских золотоордынских воинов» (Кушкумбаев, Бобров. 2010.). Соглашаясь с тем, что такие образцы вооружения, действительно золотоордынского времени, но этнокультурная сопряженность данного типа наконечников копий конкретно с «черкесами», представляется преждевременной. И дело здесь не только в том, что наконечники копий, как и наконечники стрел, обычно рассматривают, как образцы вооружения «интернационального» характера. Сегодня интересующий нас тип наконечников копий не ограничивается только указанными образцами - из погребения 236 Келийского могильника (№1) и опубликованного П.В. Соковым и О.А. Хатнюком (№2). Известны они и из других точек Северо-Западного Кавказа. Прежде всего, такой же наконечник копья (№3) происходит из раскопочных материалов (культурного слоя) средневекового («итальянского»-?) укрепления (крепости) Годлик на черноморском побережье (Овчинникова. 1991. С.43. Табл.XV, Иванов. 1991. С.55; Нарожный. 2006. С. 191. Рис. 3,*1*), на что в литературе уже указывалось (Нарожный. 2006. С. 180-181). Помимо них известны и другие аналогичные наконечники копий: Л.Э. Голубев, опубликовал еще один (№4), такой же наконечник копья из-под Сочи (Голубев. 2008. С. 123. Рис.1,*3*), при этом справедливо указав и на еще один наконечник копья (№5), в свое время опубликованный Ю.Н. Вороновым (Воронов.1979. С.97. Рис. 24).

Наличие указанных наконечников копий на территории Северо-Западного Кавказа (Причерноморья), тем не менее, вряд ли, дает веские основания для их однозначной трактовки как сугубо «черкесских». Не оспаривая возможности их использования средневековыми черкесами, хотя в их погребальных комплексах этого времени их. Практически нет. Здесь мы вновь укажем на наконечники копий этого типа с территории Северо-Восточного Кавказа и, в частности, в упоминавшемся захоронении №236 Келийского могильника. Несмотря на то, что ныне улавливаются связи населения высокогорья Ингушетии с возможным влиянием влившихся в их среду средневековыми кочевниками Северо-Западного Кавказа (Нарожный В.Е., 2014), которые и могли занести рассматриваемый тип наконечников копий (и не только их) в Восточное Придарьялье. Вместе с тем, обратим внимание и на тот факт, что рассматриваемые наконечники копий специалисты оценивают, как «копья ланцетовидной формы», что позволяет сопоставлять их и с другой разновидностью

метательного вооружения - наконечниками стрел, также имеющими ланцетовидную форму, генезис которых, как представляется, вряд ли был связан с Прикубаньем.

Рассмотренные аспекты – лишь «приближение» к теме, требующее дальнейшего наращивания исходной (источниковой) базы проблемы, но и публикации новых, впрочем, как и давно известных материалов, позволяющих смотреть на проблему гораздо шире и многограннее.

ЛИТЕРАТУРА:

Басов И.И. Военное дело средневекового населения Северного Кавказа (по материалам диссертационных исследований) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас, 26-30 апре- ля 2010 г.). Магас: ООО «Пилигрим», 2010. С.43-44.

Басов В.И., Нарожный Е.И. Средневековые кочевнические погребения из курганов из-под Усть-Лабинска (комментарии к сведениям Н.И. Веселовского) // Чтения по истории Курганинска и Курганинского района. Вып.1. Курганинск: РИЦ АГПА. С.56-63.

Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.И. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып.2 / Отв.ред. Е.И. Нарожный. Армавир. РИЦ АГПИ, 2003.С. 105-111.

Березуцкий В.Д. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследования памятников археологии Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос-о пед. ин-та, 1988. С.152-165.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа /Отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар: Изд-во Кубанского гос-о ун-та, 1994. С.69-91.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище Хазарского времени на Тереке // МИАСК. Вып.1 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ, 2003. С. 89-114.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи. Краснодар: Краснодар. кн-е изд-во, 1979.128 с.

Голубев Л. Э. Случайные находки предметов средневекового вооружения из окрестностей Сочи // Археологический журнал. 2008. № 2. С.121–123.

Ельников М.В. Грунтовый кочевнический могильник «Мамай-Гора» XIV века из Нижнего Поднепровья // Татарская археология. 2004. № 1-2 (12-13), С.86–110.

Иванова С.Н. О раскопках на «цитадели» в устье р. Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи. Екатеринбург: Изд-во уральского гос-о ун-та, 1991. С.54–58.

Каминский В.Н. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I-XII вв. Автореф. дис. ... канд. ист.. наук. Санкт-Петербург, 1992. 21 с.

Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Оружие таранной атаки: золотоордынские копья и дротики XIII-XIV вв. // Вопросы археологии и истории Западного Казахстана. 2010. №1. С.133-146.

Ларенок В.А. Об этнической принадлежности погребений в кургане у хут. Семенова // Донские древности. Вып.1 / Отв. ред А.А.. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского краев. музея, 1992. С.158-188.

Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос-о ун-та, 2000. 145 с.

Нарожный В.Е. Население Горно-Ассинской котловины в XIII-XV веках. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2014. 27 с.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецкое и золотоордынское время. Сборник научных трудов /Отв. ред. А.В. Евгелевский. Донецк: ДГУ, 2003. С. 245 -274.

Нарожный Е.И. Новые находки предметов средневекового вооружения с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 6 /Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПИ, 2006. С.182-192.

Нарожный Е.И. Кочевнические погребения из-под Усть-Лабинска (некоторые комментарии к сведениям Н.И. Веселовского) // МИАСК. Вып. 11 /Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПА, 2010. С.164-169.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XV вв.). // МИАСК. Вып.2 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир. РИЦ АГПИ, 2003. С.126-153.

Овчинникова В.В. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-западного Кавказа. Материалы конференции, посвященной итогам исследований Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском районе г. Сочи. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос-о ун-та, 1991. С.7-34.

Савенко С.Н. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н.э. Автореф. дисс …. канд. ист.наук. М.: МГУ, 1989. 24 с.

Сланов А.А. Военное дело алан I-XV вв. Автореф. дис…. канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2000. 18 с.

Сланов А.А. Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ,2007. 400с.

*Сланов А.А.*Истоки военной культуры североиранских народов древности (II -I тыс. до н. э.). Автореф. дис. … докт. ист.наук. Владикавказ: СОГУ, 2013. 86 с.

Соков П.В., Хатнюк О.А. О двух случайных находках наконечников копий с территории Кубани // МИАСК. Вып.2 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПА, 2003. С.199–201.

Потемкина Т.М. О металлических посудовидных изделиях из кочевнических погребений золотоордынского времени Восточной Европы // МИАСК. Вып. 8 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИЦ АГПА, 2007. С.119–146.

Потемкина Т.М. Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007а №1. №1. С.208–234.

Чахкиев Д.Ю. 1987. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов XIII—XVIII вв. (Археолого-этнографическое исследование. Автореф. дис. … канд.ист.наук. М. МГУ, 1987. 20 с.

Чахкиев Д.Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов //Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чеч.- Инг. кн-е изд-во, 1987а. С.67–77.

Шалобудов В.Н., Кудрявцев Н.И. Кочевнические погребения Приорелья // Курганы степного Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалев. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос-о ун-та, 1980. С.90–96.

Информация об авторе:

Нарожный Виталий Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист НАО «Наследие Кубани»; E-mail: zai_ein@mail.ru

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист НАО «Наследие Кубани»; E-mail: zai_ein@mail.ru

Чахкиев Джабраил Юрьевич – кандидат исторических наук, зам. начальника (Главный хранитель) Государственной архивной службы Республики Ингушетия.

Burials of ‘Spearmen’ from Keliya Burial Ground High-Mountain Ingushetia

E.I. Narozhnyi, V.E. Narozhnyi, D.Yu. Chakhkiev

This article introduces into scientific discourse several military burials of 13th-14th centuries featuring spearheads and traces of their shafts among the funerary goods. The authors consider the possible existence of a certain ‘military specialization’ within the society of highlanders, and consider it tempting to refer to them as burials of ‘spearman’. At the same time, due to the small length of the wooden shafts of the spears, the authors tend to consider this type of armament as throwing weapons, which is rather convenient for this landscape.

Evidently, the updated information necessitates the revision of characteristics pertaining to the specialization of these medieval warriors.

Keywords: High-Mountain Ingushetia, the Golden Horde period, Keliya burial ground, military art, spearheads.

About the authors:

Narozhnyi Vitaliy E. – Candidate of Historical Sciences, Leading Specialist of NJSC "Heritage of Kuban"; E-mail: zai_ein@mail.ru

Narozhnyi Evgeny I. – Dr. Habil, Honoured Cultural Worker of Kuban, Leading Specialist of NJSC "Heritage of Kuban"; E-mail: zai_ein@mail.ru

Chakhkiev Djabrail Yu. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Head (Head of Conservation) of the State Archive Service of the Republic of Ingushetia.

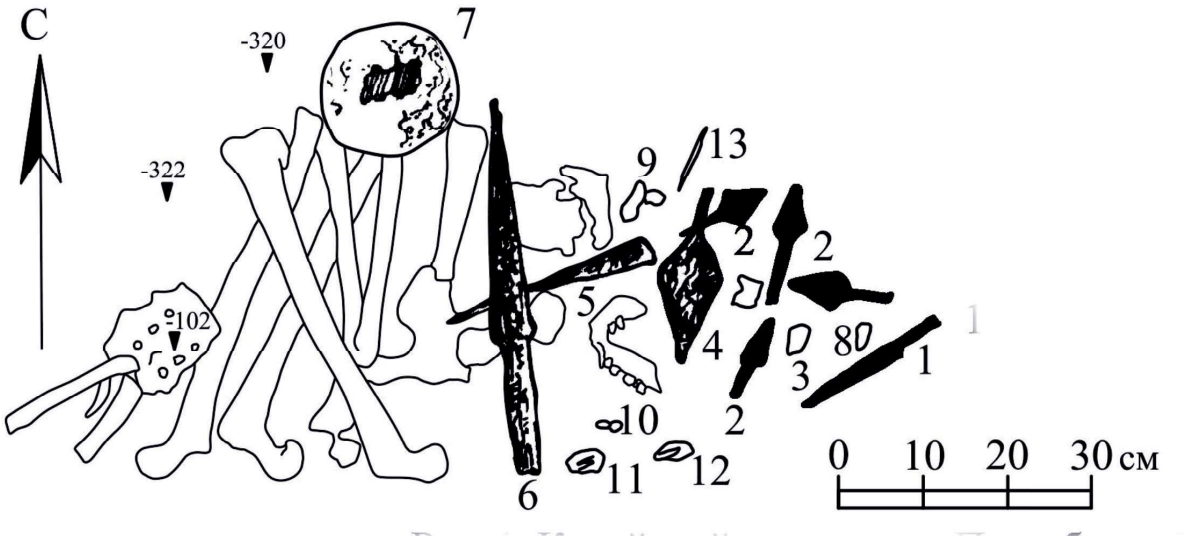

Рис. 1. Келийский могильник. Погребение № 132.
1 – железный нож, 2 – железные наконечники стрел, 3 – бронзовое колечко, 4 – крупный наконечник стрелы, 5 – железная пика, 6 – железный наконечник стрелы, 7 – железный шлем, 8 – железная обойма ножен, 9 – бронзовые пластины, 10-12 – фрагменты шлема, 13 – фрагменты ножниц, 14-15 – бронза.

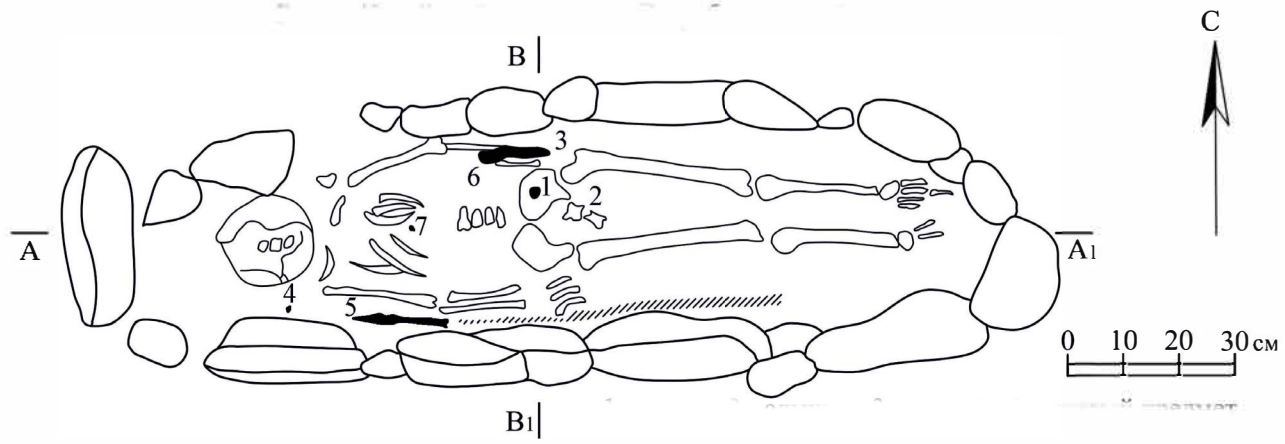

Рис. 2. Келийский могильник. Погребение № 183.
1 – бусина, 2 – альчики, 3 – нож, 4 - бронзовый предмет, 5 – наконечник копья, 6 – ножницы, 7 – бусина.

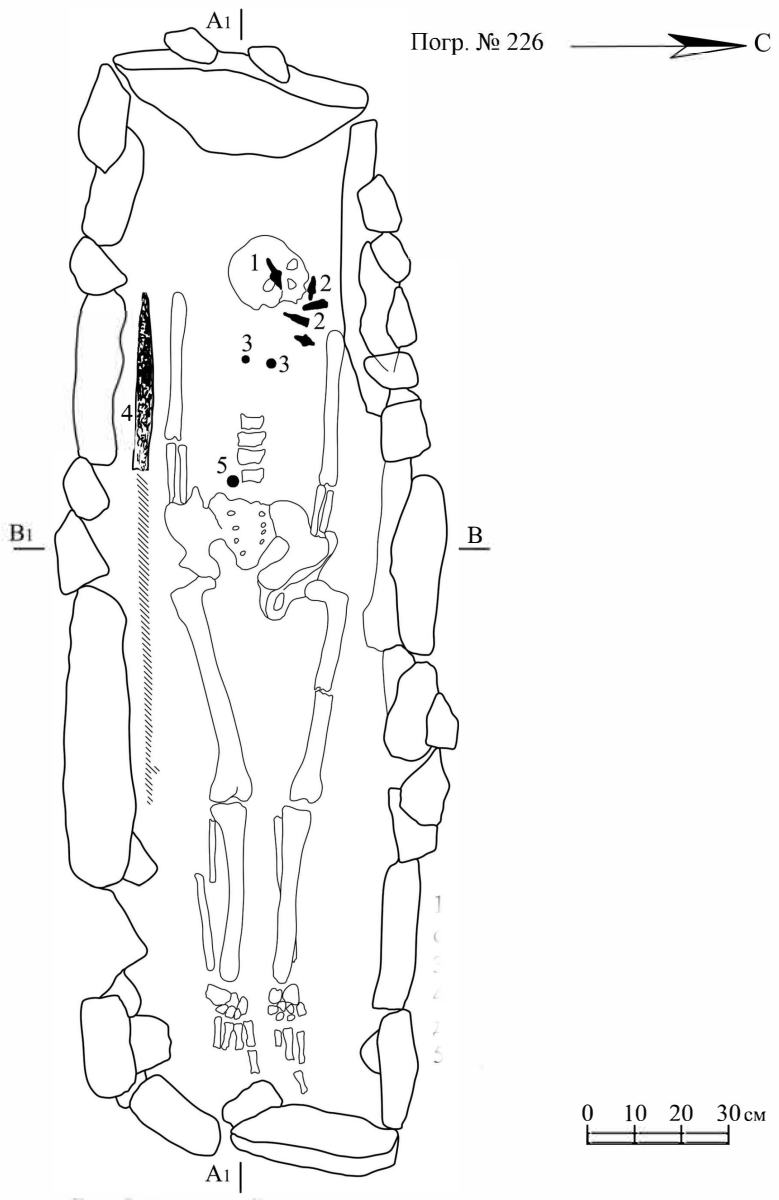

Рис. 3. Келийский могильник. Погребение копейщика № 226. 1 -2 – бронзовые наконечники стрел; 3 – бронзовый бубенчик; 4 – наконечники пики и фрагменты древка; 5 – броонзовая бусина.

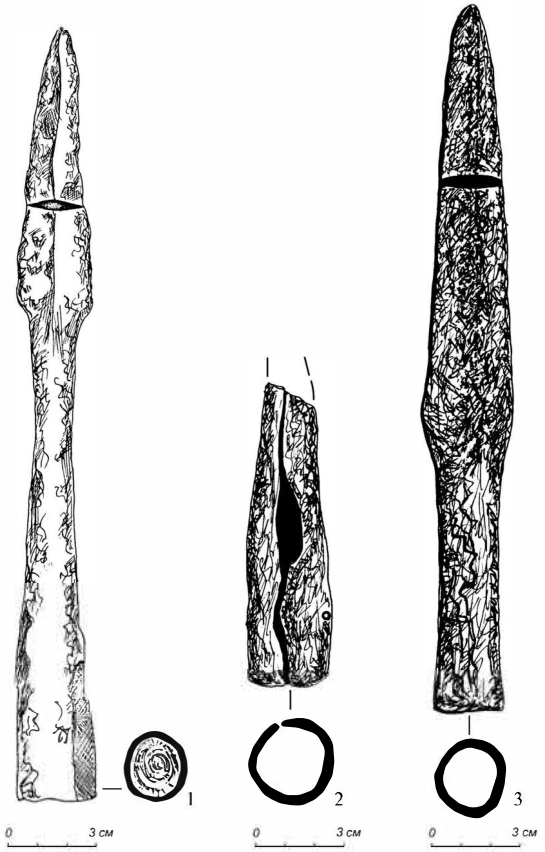

Рис.4. Келийский могильник. Наконечники копий из погребения 183 (1) и склепа №4 (2,3).

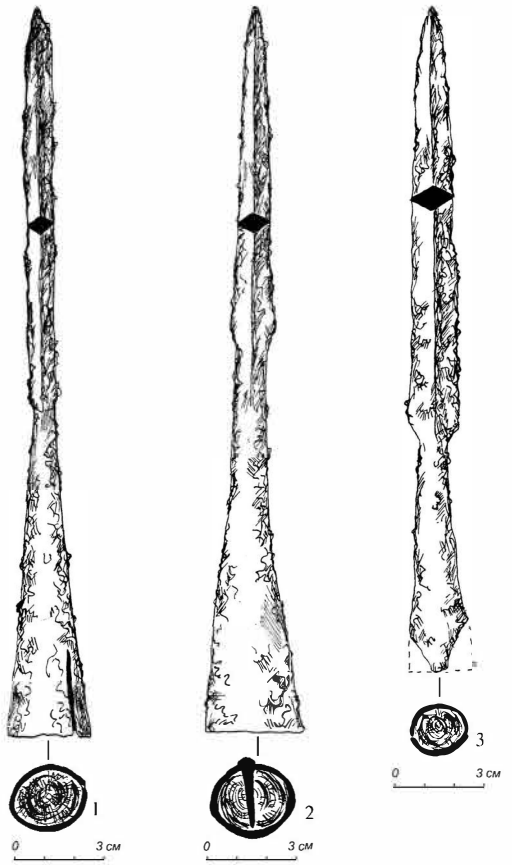

Рис. 5. Келийский могильник. Наконечники копий из погребения 132 (1), погребения № 186 (2), погребения №198 (3).

УДК 904(470.6)

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ №33 КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ)

© 2017 г. М.Б. Мужухоев, Е.И. Нарожный, Д.Ю. Чахкиев

В статье вводится в научный оборот еще одно воинское захоронение Келийского могильника золотоордынского времени из горной Ингушетии. Шлем, сопровождавший погребенного в каменном ящике, представлен экземпляром, полностью изготовленным из кольчужной сетки, надевавшейся на голову. Сверху шлем венчало бронзовое навершие с изображением 4-х птиц-грифонов. На лицевой стороне боевого наголовья – подпрямоугольные вырезы для глаз. Если шлем не имеет прямых и точных аналогий, хотя его конструктивно можно соотнести с «кольчужными шапочками» Северо-Западного Кавказа, то бронзовые навершия имеют точные аналогии на нескольких шлемах из кочевнических захоронений эпохи Золотой Орды и из Нового Сарая. Аналоги не только датируют публикуемый шлем, но и позволяют сделать несколько предположений, позволяющих рассматривать его и как возможный прототип более поздних наголовий – т.н. «мисюрок».

Ключевые слова: высокогорная Ингушетия, Келийский могильник, золотоордынское время, военное дело, шлемы, навершие с изображением грифонов.

Охранно-спасательные археологические исследования 1987-1988 гг., проводившиеся силами двух археологических отрядов - ЧИНИИИСФ (рук. д.и.н. М.Б. Мужухоев)[1] и ППАЭ АЛ ЧИГУ им. Л.Н. Толстого (рук. – в 1987 г. Е.И. Нарожный, в 1988 г. С.Н. Савенко), дали массовый и яркий археологический материал, включая и материалы для изучения вооружения и военного дела средневекового населения высокогорной Ингушетии (Нарожный, 1989. С. 65). По объективным причинам в научный оборот к сегодняшнему дню введена лишь мизерная часть раскопочных данных и, в особенности, воинских захоронений (Нарожный, Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1990. С.49-79; Виноградов, Нарожный, 1994. С. 68-91; Нарожный, Нарожный, Чахкиев., 2005. С 291-304; Нарожный, Нарожный., 2012а. С. 173-183; 2012б. С. 182-196).

Раскоп ЧИНИИИСФ 1987 года (Нарожный, Нарожный., 2015. С. 169–176, рис.1) был отделен от раскопа ЧИГУ небольшой (0,5 м ширины) смежной бровкой. Нумерация погребений на обоих раскопах велась отдельно. По этой причине публикуемое погребение № 33 следует оговаривать тем, что находилось оно в раскопе ЧИНИИИСФ.[2]

Публикуемое захоронение[3] было совершено в каменном ящике, образованном поставленными вертикально («на ребро») камнями без следов тщательной их обработки. Сверху каменный ящик (Рис. 1) был перекрыт каменными плитками, уложенными плашмя, поперек сооружения. Длиной осью погребальная конструкция вытянута с З на В (Рис. 1). Внутри (Рис. 2) – скелет молодого мужчины удовлетворительной сохранности; костяк положен вытянуто на спине, головой на западный сектор, сохранился не полностью: череп смещен, лежал на левой височной кости, затылочной частью к В. От грудной клетки сохранилось лишь одно ребро, лежавшее под левой плечевой костью. Кости левой руки смещены, кости правой руки отсутствовали. Кости тазобедренного сустава не сохранились. Кости нижних конечностей вытянуты к В. Захоронение сопровождал довольно выразительный инвентарь.

К юго-западу от черепа находился шлем, целиком изготовленный из колец кольчужного плетения в виде немного удлиненной шапочки - «балаклавы» с прорезями подпрямоугольной формы для глаз на лицевой стороне и бронзовым навершием в центральной части верха шлема. Высота шлема от нижнего края кольчужной основы до верхнего окончания навершия –24 см. Навершие литое, из бронзы, состоит из вогнутой пластинки подквадратной формы (7х6,7 см) с декорированной

[1] Помимо М.Б. Мужухоева непосредственное участие в работах этого отряда принимал сотрудника сектора археологии и этнографии ЧИНИИСФ - к.и.н. Х.М. Мамаев и к.и.н. Д.Ю. Чахкиев

[2] В раскопе АЛ ЧИГУ было другое погребение под тем же номером.

[3] В силу различного рода обстоятельств, публикуемые материалы остались единственным отчетным источником, которые и вводятся в научный оборот.

внешней поверхностью и фигурно оформленными боковыми сторонами; пластинка разделена по внешней поверхности на 4 сектора. В каждом из таких секторов помещено слабо рельефное изображение грифона. В центре пластины, вверх отходит округлая бронзовая трубка, завершающаяся вверху расширением подцилиндрической формы.

Вырезы для глаз – подпрямоугольной формы размерами 3х6 см[4].

Определенный интерес представляет то, что шлем, находясь рядом с черепом почти в вертикальном положении, будучи полым, сильно не деформировался, что свидетельствует о том, что под кольчужной сеткой его основы, вероятнее всего, изначально находилась и другая основа из твердой кожи (?). От этой основы сохранился тонкий налет, просматривавшийся в ржавчине. На внешней поверхности шлема, впрочем, как и на некоторых других предметах из захоронения сохранились небольшие участки со следами пятен тлена домотканой, полотняной (?) ткани, скорее всего, от погребального покрывала (савана), покрывавшего не только шлем, но и все захоронение внутри каменного ящика[5].

В центре изначального расположения несохранившейся грудной клетки находилась железная пряжка, восточнее пряжки лежал железный черешковый нож. Южнее черешка рукояти этого ножа – бронзовое кольцо от портупеи. Почти от плеча правой руки, вдоль туловища погребенного была уложена железная, двулезвийная сабля.

Железная пряжка[6] из захоронения находит многочисленные и полные аналогии среди точно таких же предметов в других каменных ящиках и грунтовых захоронениях, а также и среди пряжек из погребального инвентаря полуподземных склепов Келийского могильника XIII-XIV вв. В целом ряде случаев, если судить по микротопографии расположения таких пряжек внутри захоронений, их вполне позволительно рассматривать, как относящиеся к портупеям сабель.

Железный черешковый нож также типичен для захоронений Келийского могильника золотоордынского времени.

Бронзовое кольцо изготовлено из округлой в сечении проволоки с сомкнутыми концами. Диаметр проволоки -0,25 см; диаметр кольца – 3 см. Среди погребального инвентаря других захоронений Келийского могильника такие же кольца связаны с портупеей сабель.

Наибольший интерес представляет находка шлема оригинальной «конструкции», напоминающей немного удлиненный вариант современных шерстяных шапочек - «балаклав». Публикуемый шлем полностью сплетен из колец кольчужного плетения, в виде невысокой, удлиненной «шапочки», полностью закрывавшей верх, затылочную часть, боковые части черепа, а также, его лицевую часть (Рис. 2, рис. 3). Аналогий данному типу воинских боевых наголовий нам неизвестно, хотя отдельные его детали позволяют вести речь о следующем.

В первую очередь, обратим внимание на бронзовое навершие, состоящее из фигурной (четырехчастной) и слабовыпуклой пластины подвершия, крепившейся к шлему посредством 4-х железных заклепок, размещенных в углах пластины. Сквозь центр пластинки вверх проходит полая бронзовая трубка с утолщением наверху (Рис. 3. Рис. 4). Высота навершия (от низа пластинки до верха трубки) – 4,8 см. Из них – высота возвышения пластинок -3,3 см. Диаметр округлого утолщения сверху трубки – 1,5 см.

Подобные, практически, тождественные навершия на шлемах хорошо известны, хотя

[4] На фото вырезы кажутся иной конфигурации. Однако этот эффеки обусловлен деформацией этой части шлема.

[5] Укажем и на остатки подобного покрывала и на шлеме из Убинского могильника, Остатки ткани на нем Р.Б. Схатум трактует, как остатки чалмы (Схатум. 2004. С. 331-342), хотя доказательств в пользу такой трактовки следов ткани, он не приводит. А это делает его предположение маловероятным, особенно, на фоне нынешнего восприятия данного некрополя как могильника представителей монокультурного и синхронного массива, без каких-либо ярко выраженных признаков их исламизации. Наоборот, в одном из таких захоронений («курган 1, погребение 2») была обнаружена даже иконка с изображением «Богоматери с младенцем» (Хачатурова. 2012. С. 91. рис.1,*2*). Данная находка делает заметно схожей этноконфессиональную ситуацию здесь, например, с конфессиональной обстановкой, характерной для Келийского могильника в горной Ингушетии (Нарожный. 2014. С.147-153), на котором, также, были обнаружены и предметы христианской пластики (Виноградов, Нарожный, Голованова. 1990. С.6-17; Нарожный. 1990. С. 50-54). На этом фоне следы покрытия погребенных и сопровождавшего их погребального инвентаря специальными покрывалами (саваном), не вызывает вопросов.

[6] Здесь и далее, к сожалению мы не можем привести рисунки отмеченных предметов, поскольку в данном случае остается довольствоваться лишь кратким их описанием по полевой описи, в 1987 году ведшейся одним из авторов данной публикации.

их основная масса сопряжена со шлемами различных типов, а сами шлемы, преимущественно, связаны с кочевническими погребениями (предварительный обзор находок см.: (Нарожный. 2008.).

На наличие подобного навершия уже обращалось внимание специалистов: в 1960 году Е.К. Максимов опубликовал шлем из кочевнического захоронения из-под г. Энгельса (Саратовское Заволжье). Это боевое наголовье было презентовано им как «древнерусское» по происхождению (Максимов. 1960. С. 190-193. С. 191, рис.1, *1-3*).[7] Данную точку зрения разделил сначала Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривавший декор подвершия того же шлема как связанный с русским искусством (Федоров-Давыдов. 1966. С. 32-34). Вслед за ним, к числу деталей «русских» шлемов было отнесено еще одно бронзовое навершие, происходящее из культурного слоя золотоордынского Нового Сарая (Полубояринова. 1978. С. 33, рис. 5,*2*). Разделив точки зрения Е.К. Максимова и Г.А. Федорова-Давыдова, М.Д. Полубояринова связала данную находку со следами пребывания в Новом Сарае либо русских пленников, либо – так или иначе зависимых от золотоордынских ханов русских воинов.

К указанным двум навершиям (из-под г. Энгельса и из Нового Сарая) примыкают еще, как минимум, два аналогичных навершия. Как выяснилось после очистки уже опубликованного ранее навершия из кочевнического («монгольского») погребения у сел. Новотерское в Чечне (Чахкиев. 1983. С. 95-104), оно оказалось идентичным вышеупомянутым образцам (Нарожный. 2008. С. 42-43). Еще позднее было высказано предположение о возможности идентификации с точно такими же бронзовыми навершиями и навершия со шлема из кочевнического захоронения Старонижестеблиевский-1 4/3 (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный. 2011. С. 96-98. С. 97. Рис. 38,*3*). Таким образом, вместе с публикуемым нами шлемом, на сегодняшний день нам известно уже пять случаев использования однотипных наверший на четырех самых разнообразных шлемах. Судя по семантике декоративного сюжета на четырехчастной пластики подверший, все они, вряд ли имеют отношение к русскому искусству. Скорее всего, все указанные предметы изготавливались (отливались) в одной (?) литейной форме, или же, принадлежат к одной ремесленной мастерской. Вероятно, производство таких наверший было отдельным от производства шлемов. Деятельность предполагаемой ремесленной мастерской, вероятно, следует связывать с территорией Золотой Орды (Нарожный. 2008. С. 42-43). Нельзя исключать при этом и того, что изначально, подобные навершия могли являться и своеобразным, если не этнокультурным, то социальным, или же, военно-иерархическим (?) маркером.

Значительно сложнее дело обстоит с атрибуцией самого шлема, которому, как уже отмечалось выше, аналогий мы не нашли. Тем не менее, здесь будет уместным сослаться на любезное сообщение А.В. Дмитриева, в своих раскопочных материалах курганов из Восточного Причерноморья неоднократно сталкивавшегося с находками сильно спекшихся «кольчужных шапочек» (?), сопровождавших некоторые кочевнические погребения, в т.ч. и в виде кремаций, совершавшихся в разнотипных керамических «урнах».[8] Данное сопоставление особо интересно и в связи с тем, что в литературе уже ставился вопрос о том, что в погребальном обряде захоронений Келийского могильника встречались некоторые элементы обрядов, более характерных для кочевников Северо-Западного Кавказа и Восточного Причерноморья. Это позволяет ныне ставить вопрос о заметной инфильтрации некоторой их части, вместе с фольклорными «борганами» (?) (Нарожный. 2004.), «занесшими» на Северо-Восточный Кавказ и, в его высокогорную зону не только т.н. «скальный (пещерный) обряд захоронений», ныне датируемый там в пределах XIII-XVIII вв. (Нарожный. 1996. С. 32-35), впрочем, как и многое другое (Нарожный В.Е. 2014). Указанные «инновационные явления» заставляют считать, что некая часть этих мигрантов вполне могла не только влиться в местную этнокультурную среду, но и участвовать в непосредственных этнокультурных и внутриполитических событиях и ситуациях рассматриваемого времени. Особенно это должно было проявиться и в реалиях консолидирующих процессов форми-

[7] Сегодня этот шлем реконструирован иначе (Коровки. 2010.).

[8] Пользуясь случаем, авторы выражают искреннюю благодарность Александру Васильевичу за информацию. Количество подобных случаев еще предстоит установить, но точно известно, что подобные находки встречались в курганах в районе Новороссийска, массовое распространение которых А.В. Дмитриев связывает с монголо-татарским вторжением. Несколько случаев таких находок известно в курганах могильника «Криница» и «Молоканова щель» в районе Геленджика.

рования близких этому населению средневековых предков карабулаков (Нарожный. 1996), а также и всей Горно-Ассинской котловины (Нарожный В.Е., 2014).

Несмотря на отсутствие аналогий и существование многих, пока труднообъяснимых вопросов, связанных с генезисом публикуемого шлема - «балаклавы», в качестве рабочей гипотезы можно указать и на заметную его близость со шлемами более позднего времени – боевыми наголовьями, широко бытовавшими на Кавказе и известными как «мисюрки». В эволюционном ряду известных образцов «мисюрок», публикуемый нами шлем может оказаться в самом его начале.

Помимо шлема, интерес представляет и сабля из этого же захоронения. Сабля имела рукоять, перекрестие, два крепления ножен и обойму нижней части ножен. Эти детали документируют тот факт, что в захоронении сабля была в деревянных ножнах, обтянутых кожей. Следы дерева и кожаной обивки ножен хорошо были заметны на лезвии сабли. На отдельных участках внешней поверхности лезвия были заметны следы сохранившихся отпечатков тлена полотняной (?) ткани, такой же, как и ее следы, сохранившиеся на некоторых участках внешней поверхности шлема. Вероятнее всего – эти следы от уже упоминавшегося погребального савана (?).

Сохранилась верхняя и нижняя насадки на черенок рукояти сабли. Верхняя часть рукояти округлая, из тонкого листового железа. Она в виде округлого полого «шара», от которого вниз отходит короткая полая трубка. С двух сторон навершия рукояти заметны вертикальные полоски соединения, что свидетельствует о том, что подобная «конструкция» рукояти, кстати, была хорошо известна и по другим находкам сабель этого же могильника; изготавливалась из двух вертикальных половинок (полос). В верхней части этих полос, изнутри, выдавливались (выколачивались) две полусферы, переходившие затем в половинки полой трубки. Затем вся «конструкция» соединялась («сворачивалась»), образуя полое, верхнее завершение рукояти. Нижний край полой трубки насаживался на деревянные, или роговые пластинки[9] - обкладки средней части рукояти, «обхватывая» их со всех сторон.

Перекрестье сабли, плавно изогнутое вниз, концы завершаются двумя округлыми утолщениями, также имело отходящую вверх от перекрестья полую «трубку», которая плотно охватывала низ обкладок черенка рукояти. Перекрестье сабли, также изготавливалось из двух, но более массивных, вертикальных половинок, скреплявшихся двумя соединительными швами. Швы в месте соединения и «сварки» (?), зашлифовывались. В нижней части перекрестия имелась узкая «щель», ширина которой равнялась толщине предусмотренного выступа на лезвии клинка, на который перекрестье насаживалось.

Сабли с подобными перекрестьями встречались и в других захоронениях Келийского могильника (Нарожный, Нарожный, Чахкиев., 2005. С 300. Рис. 1,*2*; Нарожный, Нарожный. 2012. С. 184. Рис. 3,*1*).

Сабля слабоизогнутая, однолезвийная, общая ее длина – 96,5 см, длина клинка -88 см. Ширина клинка у перекрестья - 4 см; толщина спинки - 0,9 см. Вес сабли – 1,050 кг. Степень кривизны лезвия – 1 см.

Железные крепления ножен, также типичны для сабель Келийского могильника. Обоймица нижнего окончания ножен, несмотря на то, что из-за плохого состояния распалась, была длиной более 7 см, и тоже является характерной для сабель этого же могильника. Сабля относится к типу, хорошо известному на территории высокогорья Ингушетии, в основном, ее аналогии распространены в погребениях Келийского могильника (Нарожный, Нарожный, Чахкиев. 2005. С. 300. Рис. 1,*1-2*; Нарожный, Нарожный. 2009. С. 376. Рис. 1,*2*; 2012. С. 194. Рис. 3, *4*). Точно такие же образцы есть и среди нескольких захоронений золотоордынского времени, выявленных на территории обширного и, в основном, раннесредневекового Паметского могильника в горной Ингушетии (Чахкиев. 1998. С. 26. Рис. 2, *1*).

На некоторых саблях этого типа встречались крепления ножен идентичные таковым же деталям на саблях из Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии. Как уже отмечалось в литературе (Нарожный, Нарожный, Чахкиев. 2005.), одно время близкая сабля экспонировалась и среди средневековых предметов вооружения Грузии (НМГ).

Таким образом, опираясь на весь отчетный материал о раскопках 1987-1988 гг., отметим: в погребальных комплексах Келийского могильника золотоордынского времени было встречено немалое количество воинских

[9] Использование рога животного в качестве сабельной рукояти иллюстрирует одна из сабель Келийского могильника (Нарожный, Нарожный.2009. с. 335, рис. 1, 1).

захоронений, позволяющих в перспективе вернуться к проблеме обобщающей характеристики военного дела и воинского снаряжения населения высокогорной Ингушетии данного периода. Публикуемое воинское захоронение – еще один выразительный и весьма важный аргумент в указанном направлении. Остается надеяться, что со временем, в научный оборот будут введены и другие, кстати, не менее выразительные и информативные материалы, имеющие информационную важность не только для северокавказской археологии, но и для археологии населения окружающего и сопредельного мира эпохи средневековья.

ЛИТЕРАТУРА:

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа / Отв.ред. Н.И. Кирея. Краснодар: Изд-во Кубанского гос-о ун-та, 1994. С.6–19.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Голованова С.А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы этнокультурного единства) / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Изд-во Чеч.- Инг. гос-го ун-та, 1990. С. 6–19.

*Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И.*Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М.: РИЦ АГПА, 2011. 260 с.

*Д.С.*Снаряжение всадника из погребения около города Энгельса в Саратовском Заволжье (новые данные) // Военная археология. Сборник материалов проблемного Совета «Военная археология» при ГИМ. Вып.2. М.: ГИМ, 2011. С.179–188.

*Максимов Е.К.*Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // СА. 1960. №4 С.190–192.

Нарожный В.Е. Население Горно-Ассинской котловины в XIII-XV веках. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2014. 27 с.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. 2009. Горная зона Восточного Придарьялья и золотоордынские владения (К изучению динамики взаимоотношений) // Донские древности. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.). Азов: АКМ, 2009. С.373–382.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Захоронение № 84 Келийского могильника (Высокогорная Ингушетия) // Вестник археологического центра. Вып.4. Назрань: ЦАИ, 2012.С. 182–196.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Случайные находки из разрушенной части Келийского могильника // Вестник Археологического центра. Вып. V. Назрань: ЦАИ, 2015а. С.169 – 176.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е. Погребение № 67 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Поволжская археология. Казань, 2015б. №2. С.173–183.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир: РИЦ АГПА, 2005. С. 291–304.

Нарожный Е.И. Келийский могильник XIII-XIV вв. – выдающийся памятник вайнахской средневековой культуры // Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством КПЖД и организацией комплексного заповедника: Тезисы докладов Грозный: ЧИГУ .С.62.

Нарожный Е.И. Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 50–54.

Нарожный Е.И. .«Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 1996. С. 32–35.

Нарожный Е.И. Борганы Северного Кавказа (Историко-этнографический аспект проблемы) // «Дикаревские чтения» (10). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Материалы северокавказской научной конференции. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 193–200.

Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ. Вып.1. М.: ГИМ, 2009.С.42–54.

Нарожный Е.И. Конфессиональный синкретизм XIII-XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции / Отв. ред.Н.А. Дашковский Барнаул: Изд-во Алт. гос-о ун-та, 2014. С.147–153.

Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии /Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: Чеч.- Инг. кн. изд-во, 1990.С.49–79.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: ИА РАН, 1978.135 с.

Схатум Р.Б. Шлемы из Убинского могильника // МИАК. Вып. 4./ Отв.ред.И.И. Марченко. Краснодар: Изд-во Кубанского гос-о ун-та, 2004. С. 331–342.

Хачатурова Е.А. К истории изучения Убинского могильника по материалам архива Краснодарского музея-заповедника // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Отв. ред. А.Г. Еременко. Краснодар: Изд-во Краснод. госуд. истор. - археол. музея - заповедника, 2012. С.92–97.

Чахкиев Д.Ю. Богатое погребение воина-кочевника у сел. Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1983. С.94-104.

Чахкиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Сборник статей / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Нальчик: «Эль-Фа», 1998. С.15–27.

Информация об авторах:

Мужухоев Макшерип Баудинович - доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России» ФГБОУ ВПО Ингушский государственный университет;

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист НАО «Наследие Кубани»; E-mail: zai_ein@mail.ru

Чахкиев Джабраил Юрьевич – кандидат исторических наук, зам. начальника (Главный хранитель) Государственной архивной службы Республики Ингушетия.

MILITARY BURIAL NO.33 FROM KELIYA BURIAL GROUND (MOUNTAIN INGUSHETIA)

M.B. Muzhokhoev, E.I. Narozhnyi, D.Yu. Chakhkiev

The article introduces into scientific discourse another military burial from Keliya burial ground of the Golden Horde period located in mountain Ingushetia. The helmet lying alongside the buried in a stone box is represented by a specimen made entirely of chain mail, which was worn on the head. A finial on top of the helmet featured an image of four griffons. The front side of the combat headpiece had sub-rectangular cutouts for the eyes. Whereas the helmet does not have direct and exact counterparts, although in terms of structure it can be related to the 'mail caps' from the North-Western Caucasus, the bronze finials have exact counterparts on several helmets from the nomadic burials of the Golden Horde and New Sarai. The counterparts have allowed not only to date the helmet, but also to make several assumptions making it possible to consider it a possible prototype of later headpieces - the so-called 'misyurkas'.

Keywords: high mountain Ingushetia, Keliya burial ground, Golden Horde period, military art, helmets, headpiece with a griffin image.

About the authors:

Muzhokhoev Maksherip B. – Dr. Habil., Professor of the Russian History Faculty of Ingush State University;

Narozhnyi Evgeny I.– Dr. Habil, Honoured Cultural Worker of Kuban, Leading Specialist of NJSC "Heritage of Kuban"; E-mail: zai_ein@mail.ru

Chakhkiev Djabrail Yu. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Head (Head of Conservation) of the State Archive Service of the Republic of Ingushetia.

Рис. 1. Фото перекрытия погребения №33.

Рис. 3. Фото шлема из погребения №33.

Рис. 2. Фото погребения №33.

Рис. 4. Фото навершия из погребения №33.

Рис. 5. Фото рукояти сабли из погребения №33.

УДК 94(5) 902/904

ШЛЕМ ВАВЕЛЬСКОГО ТИПА В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ Г. ЦАГЕРИ (ГРУЗИЯ)

© 2017 г. И.З. Бакрадзе

В Историческом Музее г. Цагери (Грузия) хранится чрезвычайно интересный шлем. Самый близкий аналог данного боевого наголовья хранится г. Кракове (Польша) в Вавельском Дворце, а также в г. Санкт-Петербурге (Россия) в Государственном Эрмитаже. Сильное сходство всех трёх шлемов наводит на мысль о том, что все они произведены в одном регионе и в сравнительно небольшой временной промежуток. Также ряд общих признаков со шлемами Вавельского типа имеет боевое наголовье из святилища Реком (Сев. Осетия). Исследователи датируют данные боевые наголовья по-разному, от XIII до XV вв., впрочем, указанная датировка, на наш взгляд, требует уточнения. Этнокультурная принадлежность шлемов Вавельского типа также не вполне ясна, однако есть основание рассматривать Кавказ и Грузию, в частности, как один из регионов, где мог производиться данный тип боевого наголовья.

Ключевые слова: шлемы, наголовья вавельского типа, Кавказ.

В 2012 году, в ходе расчистки и консервации экспонатов Исторического музея им. Варлама Махароблидзе в г. Цагери, наше внимание привлёк хорошо сохранившийся железный шлем (рис. 1. *1-3*). Согласно инвентарной книге предмет был приобретён музеем в 1947 году у некоего Гр. Сагинадзе в деревне Лухвано (Цагерский муниципалитет) за 350 рублей (ИКЦИМ, Т. 1, № 1034). Данная работа ставит перед собой целью ввести указанный шлем в научный оборот, сравнить его с известными аналогами и по возможности определить время изготовления и этнокультурную принадлежность предмета [1].

Основная часть тульи шлема откована из одного куска железа (стали ?). Венец откован отдельно и привязан к тулье двумя рядами заклёпок. Верхний край венца декорирован параллельными полосами и прорезным орнаментом в виде мелких бутонов цветка, в нижнем крае вырезаны неглубокие прямоугольные зубья (рис. 1. *1, 2*). С лицевой стороны венец имеет вырезы для глаз, на “переносице” закреплена прямоугольная П-образная скоба для удержания носовой стрелки. Над глазными вырезами расположены мелкие отверстия, иногда с сохранившимися заклёпками, что, несомненно, является остатками декоративных бровей. К нижнему концу венца изнутри приклёпана ещё одна полоса, частично утерянные прямоугольные зубья которой, в свою очередь, свёрнуты в трубочку и удерживают проволоку для закрепления бармицы (Рис. 1. 2).

Верхняя часть шлема повреждена, разрыв и вмятины идут овалом, как будто повторяя очертания округлого основания навершия, видимо благодаря которому «внутренняя» часть сохранилась лучше (Рис. 1. 3). В самом центре тульи имеется отверстие (Рис. 1. 3). Также две пары отверстий проделаны на «переносице». Нижние, частично сточенные, несомненно, удерживали бармицу, верхние же возможно указывают на то, что одна скоба для удержания носовой стрелки отсутствует, или же что имеющаяся скоба появилась в результате ремонта. Несколько отверстий разного диаметра имеется также на боковой и задней части тульи, что, по всей видимости, является поздними (вплоть до наших дней) добавлениями. Размеры шлема: Высота 20.5 см; D ок. 21.5 см.; вес: 1145 г.

Самый близкий известный аналог Цагерского шлема хранится в г. Кракове (Польша) в Вавельскоом дворце (Рис. 2. 4). Благодаря своей отличной сохранности, совершенной форме купола, изящному орнаменту и пространной надписи (Рис. 2. 5) шлем давно привлекает внимание исследователей и занимает прочное место в изучении восточных боевых наголовий *(Żygulski.* 1979, с. 230, рис. 240, 24; Горелик.1983. с. 261-265; Тсуртсумиа. 2013, с. 47-79; Тсуртсумиа. 2011, с.79-103). Второй, ещё лучше сохранившийся, экземпляр хранится в Санкт-Петербургском Эрмитаже (рис. 2. 6). При несомненном сходстве шлем имеет некоторые отличия: тулья более низкая и тяжёлая, присутствует конусообразное навершие, декоративные элементов боль-

[1] Авторская версия статьи на грузинском языке была опубликована в 2014 году (Бакрадзе. 2014. с. 134-150). Пользуясь случаем, мы бы хотели высказать благодарность Е. И. Нарожному и А. В. Дарчиеву, которые оказали нам большую помощь при сборе материалов для статьи.

ше и т.д. (Горелик. 1983, с.261-263; Тсуртсумиа. 2013, с.64-65)

Шлемы из Вавельского дворца и Эрмитажа хорошо описаны, поэтому мы не будем далее останавливаться на данном вопросе, отметим лишь, что все три шлема имеют общие типологические признаки, такие как:

- Цельнокованная овальная тулья.
- Округлое в основании навершие.
- Глазные вырезы с декоративными бровями.
- Прямоугольная скоба для удержания носовой стрелки.
- Способ крепления бармицы на проволоку.
- Декор в виде линий и бутонов цветка.

Подобное сходство, естественно, наводит на мысль о том, что все три предмета, произведены в одном регионе и в сравнительно небольшой временной промежуток.

В контексте Вавельского шлема часто рассматривают ещё несколько образцов. Это два шлема из дворца Топкапы (Стамбул, Турция) (Nicolle.1979, рис. 16; Горелик. 1983, с.261,263; Тсуртсумиа. 2013, с.51, 52), шлем из Оружейной Палаты Кремля (Москва, Россия), так называемая мисюрка Голицина (Горелик, 1983.) и шлем из Святилища Реком (Северная Осетия), который утерян и известен лишь по зарисовкам и фотографии (Кузнецов. 1990: рис.18; Дарчиев. 2011, с. 3-12, 36).

Опираясь на некоторые общие типологические признаки, вышеперечисленные боевые наголовья рассматриваются как ранние этапы в развитии Вавельского шлема (Горелик, 1983.; Тсуртсумиа, 2013). Датировка данных шлемов, со второй половины XIII в. до второй половины XIV в., в основном, опирается на представление о том, что процесс эволюции выше перечисленных боевых наголовий apriori шёл путём непрерывного совершенствования формы и технологии: Переход с сегментовидного купола к цельнокованому, совершенствование декоративного орнамента и. т.д. Следовательно, сравнительно грубые работы из музея Топкапу-Сарай (рис. 3. 7) и Московского Кремля (рис. 3. 8) позиционируются как самые древние, шлем из Рекома – как промежуточное звено, изящные боевые наголовья из Вавеля и Эрмитажа, следовательно – как самые поздние (Горелик, 1983, с. 261-265; Тсуртсумиа. 2013. с. 48-49, с. 52, с. 54, с.59-60, с.62-64).

Однако, несмотря на некоторые общие типологические признаки, (глазные вырезы, декоративные брови (кстати, видимо добавленный позже как минимум к одному из Стамбульских шлемов (Дарчиев, 2011), скользящий наносник), шлемы групп Стамбула-Кремля и Вавеля-Эрмитажа существенно отличаются техникой изготовления и декором. Для первой группы характерно сегментное или декоративно-сегментное строение купола, указывающее на кочевые традиции. Поверхность же боевых наголовий из Вавеля и Эрмитажа (а вместе с ним и Цагерского шлема) не имеет и намёка на сегментное деление шлема. Скорее всего, это обстоятельство говорит о том, что указанные две группы предметов произведены не только в разное время, но и весьма вероятно, в регионах с разными традициями обработки металла и разными эстетическими предпочтениями, поэтому утверждение о том, что вторая группа предметов напрямую исходит из первой и органично её продолжает, нам не кажется убедительным. На наш взгляд, находка шлема из Цагерского музея даёт ещё один повод рассматривать группу предметов Вавель - Эрмитаж - Цагери как вполне самостоятельный вид боевых наголовий, что, естественно, не отрицает их определённого сходства с некоторыми другими шлемами своей эпохи.

Отдельно необходимо упомянуть боевое наголовье из святилища Реком (Северная Осетия, Алагирское ущелье), которое без сомнения является самым близким аналогом шлемам Вавельского типа, что делает вопрос о его датировке для нас особенно интересным. Утерянный ныне шлем доступен исследователям по фотографии Г. К. Ниорадзе и зарисовкам В. Б. Пфафа и А. А. Миллера (рис. 3. 9, рис. 4. 10) (Кузнецов.1990, рис. 18; Дарчиев. 2011. с. 3-12, 36). Несложно заметить целый ряд общих признаков со шлемами вавельского типа – цельнокованную тулью овальной формы, глазные вырезы, двигающийся наносник. Шлем из Рекома отличается от группы Вавель-Эрмитаж-Цагери декоративными бровями и венцом на тулье, однако сам факт их наличия, так же сильно близит указанные предметы. В отличие от других вышеупомянутых боевых наголовий, которые не имеют какого- либо очевидного датирующего признака (надпись, археологический контекст, достоверно датированный близкий аналог и т. д.), реликвия из Рекома имеет некоторую привязку ко второй половине XIII в. По легенде шлем принадлежал военному вождю алан Ос-Багатару, который умер в 1306 или 1307 году (Кузнецов.1990, с. 131-138; Дарчиев. 2011, с. 26; Тсуртсумиа. 2013, с. 62).

Датировка шлема из Рекома, конец XIII в. – вторая половины XIV в., основывается на вышеупомянутой устной традиции и предполагаемой эволюционной цепи (см.: Дарчиев. 2011, с. 6-35). М. Горелик для датировки шлема из Рекома (а также шлемов из Топкапы, Оружейной Палаты, Вавеля и Эрмитажа) привлекает Тавризские миниатюры второй четверти - второй половины XIV в (Горелик, 1983, с. 263, табл. VIII-10). Надо заметить, однако, что приведённый пример, несмотря на наличие коронообразного венца и схожих очертаний, едва ли может считаться аналогичным реликвии из Рекома, хотя бы из-за отсутствия такой характерной детали, как глазные вырезы.

Подвижная носовая стрелка, действительно хорошо просматриваемая на фотографии и зарисовках шлема из Рекома, без сомнения, является важной деталью для датировки не только реликвии из Рекома, но и других вышеуказанных шлемов.[2] Старейшим шлемом, где встречается подобная конструкция, некоторые исследователи считают боевое наголовье (рис. 4. 11), приписываемое мамлюкскому султану Мухаммад I-ому (ибн Калаун ан-Насиру), который правил с перерывами в 1294-1340 годах[3]. (Горелик. 1987, с.191; Тсуртсумиа. 2013, с. 63). Шлем хранится в Королевском Музее искусства и истории (Cinquantenaire Museum, Брюссель, Бельгия), однако принадлежность данного шлема к указанному периоду весьма сомнительна. Если обломки крепежа для плюмажа на тулье ещё можно интерпретировать как поздние добавления, то сама форма купола и его декор, явно напоминающие более поздние Иранские кула-худы, сложно не заметить. Сомнение вызывает и аутентичность самой носовой стрелки: форма стрелки выглядит более архаично, чем образцы на Иранских шлемах XVII-XVIII вв., однако орнамент заметно отличается от обоих типов орнамента на самом шлеме. Также неукрашенная поверхность скобы носовой стрелки выпадает из общего стиля предмета, приделана к шлему коряво и частично закрывает орнамент на венце, при этом имея винт для удержания носовой стрелки в поднятом виде, что едва ли можно признать за признак XIII-XIV вв. Создаётся впечатление, что более древнюю носовую стрелку приклепали к более позднему шлему.

О распространении подвижной носовой стрелки очень интересную запись мы находим у Руи Гонзалеса де Клавихо, руководителя дипломатической миссии Энрике III-го, короля Кастилии и Леона к Тамерлану в 1403-1406 годах. Описывая г. Самарканд, Клавихо пишет: «В конце города стоит замок... в этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы, и круглый год работали для него». После семилетнего похода же «(Тамерлан) приказал нести перед собою всё оружие, которое сработали пленники после того, как он уехал из города. В числе этого оружия несли три тысячи пар лат, украшенных красным сукном, очень хорошо сделанных; только они не делают их довольно крепкими и не умеют закалять железо. Потом несли перед ним много шлемов; и он в этот день поделил и раздал эти шлемы и латы рыцарям и разным другим особам. **Их шлемы круглые и высокие, некоторые до самого верху** (Вероятно, здесь есть пропуск). **Напереди перед лицом против носа идёт полоса шириною в два пальца, которая доходит до бороды и может подниматься и опускаться; она сделана для того, чтобы защищать лицо от удара поперёк;** (выделено нами – И.Б.) а латы сделаны так же как наши, только у них спускается полоса из другой ткани и видна из-под лат как рубашка». (Клавихо Руи Гонзалес. 1881, CXXXII- CXXXV).

Приведённый пример не оставляет сомнения, что к началу XV в. подвижная конструкция носовой стрелки была известна Тимуридским воинам и в то же время являлась новшеством для Европейского наблюдателя.

По всей видимости, в Иране такая конструкция известна была и значительно раньше: на иранских миниатюрах XIV в. изображения шлема с носовой стрелкой встречаются, однако сделать убедительный вывод о его устройстве редко представляется возможным. В этом смысле нам кажется очень интересной одна миниатюра Ширазской школы (?) из рукописи Шах-наме, датированная 1333

[2] Е И. Нарожний на основании рисунка А. А. Миллера и описания шлема из Рекома анонимным автором, упоминающим «налобную пластину» предложил версию о существования личины на шлеме [Нарожный. 2003. с. 116-120]. Вновь найденная фотография Г. Ниорадзе, где шлем с опущенным наносником отчётливо видны, как нам кажется, позволяет отказаться от данной версии. По всей видимости, анонимный автор упоминая «тщательно сделанную налобную пластину» [Нарожный. 2003. с. 116] имел в виду венец, под «забралом» же - подвижный наносник.

[3] Л. Майер считает, что датирующая надпись на указанном боевом наголовье, указывает не на принадлежность шлема султану, а на изготовление в период его правления (Mayer. 1943. с. 6).

годом. (рис. 5. 12) (Адамова, Гюзальян.1985, с. 94, рис. 24). Носовая стрелка здесь довольно длинная и доходит до подбородка, к тому же отчётливо видно, что она расположена за пределами контура тульи шлема, что дает возможность предполагать здесь именно подвижную конструкцию.

Интерес представляет и само очертание носовой стрелки шлема из Рекома, нижний конец которой напоминает абрис носа в фас (рис. 3. 9). М. Горелик считал подобную особенность типично монгольской деталью и приводил Тавризские миниатюры второй четверти – середины XIV в., где подобная особенность хорошо просматривается (Горелик. 1987, с. 189, рис. 10 - 13, 30; Горелик. 1983: таб. VIII-10). Следовательно, наличие подвижной носовой стрелка и ее форма действительно могут датировать шлем XIV веком.

Некоторый диссонанс в подобную датировку вносят узкие брови-окантовки, которые сближают шлем Ос-Багатара с более поздними образцами турецких тюрбанных шлемов (Дарчиев. 2011. с. 24), что, на наш взгляд, требует дальнейшего изучения.

Таким образом, несмотря на то, что датировка шлема концом XIII - нач. XIV вв. ещё требует уточнения (Дарчиев. 2011, с. 32), подобная гипотеза, бесспорно, имеет основание, что нельзя не учитывать при датировке шлемов Вавельского типа.

Заканчивая обзор шлема из Рекома, хотелось бы привести один примечательный пассаж из хроники первой половины XIV в. Хронографа («Жамта-агмцерели»), одного из самых ярких и объективных летописцев средневековой Грузии. Когда великим ханом (каганом) стал Мунке (Мангу) (1251—1259 гг.), монголы “Отправили к нему посланника и известили о захвате Персии, Грузии, Греции и отовсюду послали ему **шапки и латы и одеяния** (Выделено нами И.Б.)… Посланник прежде пришел к Бато, что был сыном Туши - первородного сына Чингиз-каэна, потому как у Бато были преимущества перед всеми, овладел он Овсетией и Великой Кипчакией, Хазарией и Русью до (земель) Мрака и моря Дарубандского. А он отправил его к Мангу казну. Увидя посланника - возрадовался, **а при виде шлема его – удивился** (Выделено нами И.Б.).” (Картлис Цховреба История грузии. 2008 с. 348) На фоне изящного шлема из Рекома, а также шлема с указанной миниатюры, где сочетается новаторская конструкция наносника и вероятно цельнокованая тулья без всякого намека на сегменты, рассказ Хронографа кажется нам особенно любопытным.

Ещё один чрезвычайно интересный экземпляр, который имеет много общих черт с Вавельским и Рекомскими типами, хранится в музее Метрополитен (Нью-Йорк, США). (рис. 4. 14). Согласно надписи на тулье шлема, его владельцем допустимо предполагать Хана Золотой Орды Джани-бега (Джанибека, 1342-1357 гг.) Интересно, что шлем имеет тонкие брови, схожие с Рекомским экземпляром, однако некоторые детали указывают на то, что данное боевое наголовье подвергалось переделке: тонкие брови заходят за орнамент, полоса под скобой носовой стрелки неестественно вогнута вовнутрь, отверстия под глазными вырезами выглядят как гнезда для крепления бровей наподобие Вавельского типа. Использовать указанный шлем для датировки шлемов типа Вавеля или Рекома поэтому затруднительно.

Интерес представляет также боевое наголовье, которое хранится в Музее Грузии им. Симона Джанашиа (НМГ) и трактуется М. Тсуртсумиа как ранний этап в развитии шлема из Вавеля (Тсуртсумиа. 2013, с. 58-60). Шлем поступил в музей из храма Мравалдзали в Западной Грузии и по легенде принадлежал последнему хорезмшаху Джелал ад-Дин Менгуберди, который в 1226 году разбил Грузинские войска и нанёс огромный урон г. Тбилиси. Шлем отождествляют с упомянутой в грамоте Куцны амир-эджиба (нач. XV в.) «шапкой самого высокого султана» (перевод по: Какабадзе. 1982, с. 126), которую, якобы, после победы над «персами» поднесли Мравалдзалскому храму (Тсуртсумиа. 2013, с. 58). М. Тсуртсумиа предполагает, что шлем является провинциальной Грузинской работой второй половины XIII в. (Тсуртсумиа. 2013, с. 60). Несмотря на значительные повреждения, шлем интересен деталями (рис. 5. 15), которые действительно близят его со шлемом Вавельского типа: это цельнокованая гладкая тулья, наличие венца (коронообразного и по сравнению с Вавельским более примитивного), схожая конструкция подвеса бармицы «на проволоку», но не идентичная – зубья, удерживающие нанизанную на проволоку бармицу, в данном случае не свёрнуты в трубочку, а вырезаны в U-образно согнутой пластине. Действительно, очень похожее изображение с характерным венцом на тулье мы находим в Грузии, например, на фреске фасада церкви Чажаши в Сванетии (Тсуртсумиа. 2013. с. 60, рис. 7) или на миниатюрах грузинской псалтыри (рис. 5. 17) (Шервашидзе.1964; Тсуртсу-

миа. 2013. рис. 11-13, 22); Следует признать, однако, что похожие шлемы (с коронообразным или гладким венцом) встречаются и на Иранских и Сирийских изображениях XIII-XV вв. Это, например, миниатюра Евангелие 1222 года из Мосула (Gorelik. 1979, илл. 36); Миниатюра из Сирийского Евангелия XIII в. (Nicolle. 1979, илл.175); миниатюра из трактата по астрологии 1240 г. из Египта (Nicolle. 1979, рис. 39); Миниатюра «Шах-наме» 1333 года (предположительно Шираз) (Адамова, Гюзальян. 1985, с.85) (рис. 5. 16); миниатюра «Шах-наме» 1494 года из Лахиджана (рис. 6. 18). Таким образом, датировка и этно-культурная принадлежность шлема из Мравалдзали также не однозначна.

Принимая во внимание всё вышесказанное, следует признать, что на сегодняшний день мы не имеем возможности уверенно датировать шлем из Цагери. Несмотря на существование прямых аналогов (шлемы из Вавеля и Эрмитажа), ряда шлемов с отдельными схожими типологическими признаками (группа Топкапу-Кремля, Реком, Метрополитен), а также большого числа изображений (в том числе на Тавризских миниатюрах XIV в.), датировать боевое наголовье из Цагери возможно лишь приблизительно XIV или XV веком.

Шлемы Вавельского типа и Грузия: высокое мастерство исполнения и красота шлемов Вавельского типа делает вопрос об этно-культурном происхождении предметов особенно интересным. Высказывалось предположение о турецком, сирийском, монголо-татарском или иранском происхождении шлемов, однако убедительного доказательства пока не представлено.

Безусловно, следует очень внимательно отнестись к наблюдению М. Горелика о том, что цветочный орнамент, подобный шлемам Вавельского типа встречается на Тавризских миниатюрах 70-80-их годов XIV в. (Горелик. 1983, с. 265, таб. VIII-8), однако считать шлем иранским лишь на основе одиночных схематичных изображений нам кажется преждевременным. К тому же, помимо отсутствия глазных вырезов и носовой стрелки, на указанном изображении хорошо просматривается козырёк – деталь, которая не встречается на шлемах Вавельского типа.

По мнению М. Тсуртсумиа, шлем из Вавелского дворца происходит из Грузии. Опираясь, в основном, на различные изображения, автор также датирует шлем XIV веком (Тсуртсумиа. 2013, с. 48, с.49, с.54, с.59-60, с.64) и далее делает вывод что «шлем Вавельского типа пользовался в Грузии большой популярностью, и с небольшими изменениями его использовали в течении трёх-четырёх веков, практически до конца феодальной эпохи» (перевод наш – И.Б.) (Тсуртсумиа, 2013). Основным источником для подобных выводов автору служат миниатюры Грузинской псалтыри XIV или XV века.[4] Шлемы, во множестве изображённые в рукописи, действительно похожи на Вавельский артефакт формой тульи (рис. 5. 17). Автор приводит интересное наблюдение о том, что отсутствие носовых стрелок у шлемов является иконографической особенностью (Тсуртсумиа. 2013. с.65-67), однако нельзя не признать, что подобные шлемы изображены повсеместно на восточных миниатюрах. Фактически мы не видим на миниатюрах псалтыри наиболее характерных деталей, таких как глазных вырезы, декоративные брови, лицевая бармица, подвижная носовая стрелка, цветочный орнамент – следовательно, доказать связь миниатюр и Вавельского шлема не представляется возможным. К тому же, нам не известны шарообразные навершия на шлемах Вавельского типа, которые, как правило, изображены на указанных миниатюрах.

Вторая группа памятников, где автор видит «шлемы Вавелского типа», только «модифицированные», датируется XVII веком. (Тсуртсумиа. 2013. с. 69, с. 71, с. 78, рис. 14-17). Это иллюстрации рукописи «Витязь в тигровой шкуре», переписанной в 1646 году при дворе владетельного князя (мтавара) Мегрелии Левана II Дадиани секретарём царя Имеретии Мамукой Тавакарашвили.[5] (рис. 20). Также графические зарисовки князей Вахтанга и Мамия Гуриели и Сабахтара Авалишвили (рис. 6. 20), сделанные в 1628-1654 годах Доном Кристофоро де Кастелли, католическим миссионером, который провёл в Грузии значительную часть своей жизни и оставил нам уникальные по своей значимости альбомы (**Кристофоро де Кастелли. 1976).**

Указанные изображения боевых наголовий действительно имеют некоторое общие черты со шлемами Вавельского типа, такие как наличие овального купола, венца и оваль-

[4] Рукопись хранится в Грузинском Национальном центре рукописей (№ H1665). Рукопись датируется по разному, Л. Шервашидзе посвятивший манускрипту обширное исследование датировал его XV веком (Шервашидзе.1964). М. Тсуртсумиа склоняется ко второй половине XIV в. (Тсуртсумиа. 2013, с. 65).

[5] Рукопись хранится в Грузинском Национальном центре рукописей (№ H599).

ного навершия с фигурными краями, однако нельзя игнорировать и существование явных отличий: шлемы на изображениях не имеют носовой стрелки, глазных вырезов или декоративных бровей, что, в случае Кастелли, трудно приписать какой- либо художественной особенности. Наоборот, на портрете Сабхтара Авалишвили у Кастелли (рис. 6. 20) и портрете Автандила мы видим глазные прорезы в бармице, а не в куполе. Внимание привлекает также изображения «шейных пластин» (Тсуртсумиа. 2013, с. 70) или, более вроятно, наушей, которые на шлемах Вавельского типа нам не встречаются. Таким образом, на указанных изображениях мы не находим большинства деталей, характерных для шлемов Вавельского типа, следовательно, данный термин, как нам кажется, здесь не совсем уместен. На наш взгляд, данные изображения скорее можно связать с боевыми наголовьями, подобными Османским шишакам конца XVI - нач. XVII веков, типа шлема Мехмеда Соколлу (рис. 4. 13) (Аствацатурян. 2002, с.63). С другой стороны, вполне можно допускать некую генетическую связь между шлемами Вавельского типа и боевыми наголовьями с миниатюр Тавакарашвили и зарисовок Кастелли. Надо также отметить, что изображение данных шлемов имеет некоторое сходство и с Европейским бацинетом[6] (чему, возможно, способствовало деятельность итальянских колоний на Чёрном море) что видимо, является как следствием влияния, так и отражением общего пути развития боевых наголовий.

Несмотря на то, что трактовка М. Тсуртумиа изображений шлемов в Псалтыри, на иллюстрациях Псалтыри и "Витязя в тигровой шкуре" и рисунках Касстелли не кажется нам убедительной, версия о грузинском происхождении шлема из Вавеля, на наш взгляд, заслуживает внимания. В этом смысле, в первую очередь, интересна хорошо читаемая развёрнутая надпись на грузинском (Рис. 2. 5), которая палеографически датируется XVII веком: «Господь и доблестный великий святой Гиоргий даруй победу Чиджавадзе Сазверели» (перевод наш. ИБ) (Тсуртсумиа. 2013, с. 53). Надпись не оставляет сомнения в том, что Вавелский шлем в указанный период принадлежал одному из представителей известной феодальной семьи из Западной Грузии. Фиксация аналогичного шлема в Цагерском муниципалитете, в исторической провинцией Лечхуми − самом сердце западной Грузии, безусловно, заставляет задуматься о подобной концентрации редких боевых наголовий в сравнительно небольшом регионе. Надо заметить, что непосредственно с западной Грузией граничит и Алагирский район, где находится святилище Реком.

К сожалению, факт археологической находки шлемов исследуемого периода в Грузии нам неизвестен, однако очень интересны в этом смысле некоторые археологические находки с Северного Кавказа, имеющие более-менее надёжную датировку. Стоит отметить в этом смысле шлем из захоронения Келийского могильника №15 (Горная Ингушетия) (рис. 6. 21). Комплекс рассматривается как коллективное, возможно – «семейное», захоронение второй половины – конца XIII века [Нарожный, Нарожный, Чахкиев. 2005, с. 296, с.299, рис. 4.2-8). Несмотря на плохое состояние шлема, совокупность таких признаков, как: схожая форма тульи, глазные вырезы, мелкие отверстия вдоль глазных вырезов и на вершине купола (которые предполагают наличие декоративных бровей и навершия), округлое отверстие в центре верхней части тульи, система подвеса бармицы, подобная шлему из Мравалдзали, на наш взгляд, дают возможность видеть в келийском шлеме прообраз шлема Вавельского типа. Это впечатление усиливает также отсутствие венца и наличие неподвижного наносника.

Как мы видим, в сравнительно небольшом регионе можно проследить также и процесс формирования классического шлема Вавельского типа (Келийский могильник - Реком - Вавель), что позволяет рассматривать Кавказ и Грузию, в частности, как один из регионов, где мог производиться данный тип боевого наголовья.

ЛИТЕРАТУРА:

Адамова А.Т., Гюзальян Л.Т. Миниатюры рукописи поэмы «Шахнаме» 1333 года – Л.: «Искусство», Ленинградское отделение, 1985. 167 с.

Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. 335 с.

[7] М. Горелик и Е. Ленц упоминает «Европейский» узор XV-XVI вв. на шлеме из Эрмитажа (Горелик, 1983, с. 261-265). К сожалению, шлем известен нам, исключительно по публикациям, где узор не просматривается, поэтому у нас нет возможности принять во внимание эту важную деталь.

Бакрадзе И.З. Шлем Вавельского типа в Историческом музее г. Цагери (на груз. яз.) // Тр. Цагерского Исторического музея. Тбилиси, 2014.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 244-268.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв.ред А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1987. С. 163–208.

Дарчиев А. О некоторых реликвиях святилища Реком. Владикавказ, 2011. URL: http://www.istmira.com/istnovei/o-nekotoryx-relikviyax-iz-svyatilishha-rekom/

Картлис Цховреба. История Грузии. Гл. ред. ак. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. URL: https://archive.org/stream/KartlisCxovreba/Kartlis%20Cxovreba%202012%20Rus_djvu.txt

Какабадзе С.С. Грузинские документы IX-XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Перевод и комментарии С.С.Какабадзе. М., 1982. URL: http://www.vostlit.info

Клавихо Руи Гонзалес Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. (пер. И. И. Срезневского). СПб., 1881. URL: http://www.vostlit.info

Кастелли. Кристофоро де. Альбом зарисовок и реляции Кристофоро де Кастелли. Издание и перевод Б. Гиоргадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 457 с.

Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990. 201 с.

Нарожный Е.И. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком: (Чечня и Северная Осетия) // МИАСК. Вып. 2. / Отв.ред. Нарожный Е.И. Армавир: РИЦ АГПИ, 2003. С. 112 – 125.

Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребение №15 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5, Армавир: РИЦ АГПИ, 2005. С.291-304.

Тсуртсумиа М. Шлем из музея Вавеля и его место в процессе эволюции восточных боевых наголовий (на груз. языке) // Вопросы военной истории Грузии (на груз. языке), Т. I. Тбилиси, 2013. С.40-65.

Шервашидзе Л. К вопросу о грузинской светской миниатюре (Миниатюры батальной тематики Джучской псалтири). Тбилиси: Мецниереба, 1964. 160 с.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour (ed. Robert Elgood). London, 1979. P. 30-63.

Mayer L.A. Saracenic Arms and Armor // Ars Islamica. 1943. Vol. 10. pp. 1-12,

Nicolle D. An introduction to arms and warfare in classical Islam // Islamic Arms and Armour (ed. Robert Elgood). London, 1979. Pp. 1962-177.

Tsurtsumia M. The Helmet from the Wawel Royal Castle Museum and its place in the Evolution of Oriental Helmet // Acta Militaria Medievalia (Kraków-Sanok-Rzeszów). 2011. № 7. S. 79-103.

Żygulski Z. Islamic weapons in Polish collections and their provenance // Islamic Arms and Armour. London, 1979. Pp.214-238.

Информация об авторе:

Бакрадзе Иракли Зурабович - выпускник исторического факультета Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили; реставратор изделий по металлу в Национальном Музее Грузии. E-mail: bakradze.irakli@yahoo.com

A HELMET OF THE WAWEL TYPE IN THE HISTORICAL MUSEUM OF TSAGERI (GEORGIA)

I.Z. Bakradze

A highly interesting helmet is deposited in the Historical Museum of Tsageri (Georgia). The closest counterparts of this battle headpiece is stored in the Wawel Palace in Krakow (Poland) and in the State Hermitage in Saint Petersburg (Russia). The strong similarity of all three helmets suggests that they were all produced

in a single region within a relatively short period of time. Besides, a number of features common to the Wawel type of helmets is demonstrated by a battle headpiece from Rekom Sanctuary of (Northern Ossetia). Researchers date these combat headpieces differently - from the 13th to the 15th centuries. However, in our opinion this dating requires rectification. The ethnocultural affiliation of the Wawel type of helmets is also unclear, but there are reasons to consider particularly the Caucasus and Georgia as one of the regions where this type of combat headpieces could have been produced.

Keywords: helmets, headpieces of the Wawel type, the Caucasus.

About the author:

Bakradze Irakli Z. – Graduate of the Historical Faculty of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; Restorer of Metal Articles at the National Museum of Georgia. E-mail: bakradze.irakli@yahoo.com

Рис. 1. Шлем. Исторический музей г. Цагери (Грузия) (фотография автора).

Рис. 2. Шлем. Королевский замок на Вавеле, Государственное собрание искусства (г. Краков, Польша) (по Z. Źygulski)

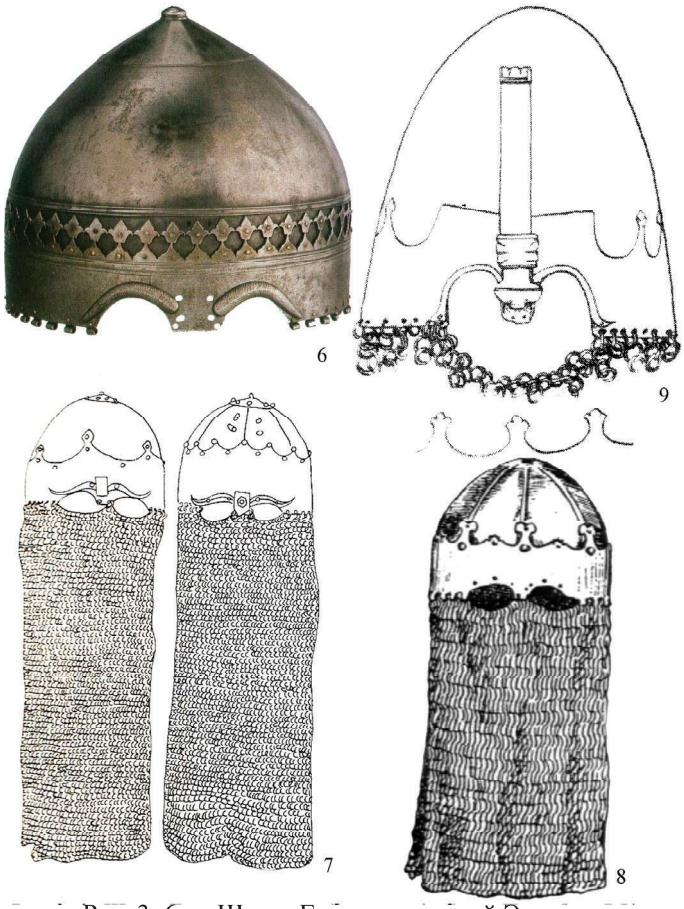

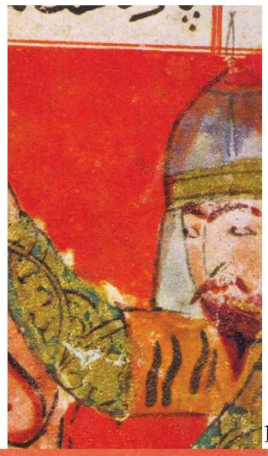
Рис. 3. 6. – Шлем. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, РФ) (по М. Тсуртсумиа), 7 – Шлемы. Дворец Топкапы (по D. Nicolle), 8 – Шлем. Оружейная палата Московского Кремля (по М.В. Горелику), 9 – Шлем. Святилище Реком, Алагирский район (Северная Осетия, РФ) (Рис. А.А. Миллера, по В.А. Кузнецову).

Рис. 4.10 – Святилище Реком. (Фотография Г.К. Ниорадзе, по Дарчиеву) , 11 – Шлем. Королевский Музей Искусства и Истории (Брюссель, Бельгия) (Фотография автора), 13 – Шлем Великого везиря Мехмеда Соколлу, 1560 г. (музей истории искусств, Вена, Австрия) (фотография Г.Лагидзе), 14 – Шлем Хана Золотой Орды Джани-бега (1342 – 1357гг.) (?) (Музей Метрополитен, Нью-Йорк, США) (фотография www.metmuseum.org)

15

16

12

17

УДК 94(47).904.355.48.470.41

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КАЗАНСКОГО ХАНСТВА XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI В.: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

© 2017 г. И.Л. Измайлов

В статье дается анализ вооружения и военного искусства татарского населения Казанского ханства. В первую очередь это материалы археологических исследований и музейных собраний, а также сведения письменных источников. Долгое время в историографии существовало мнение о том, что военное дело Казанского ханства переживало упадок и находилось на низком уровне развития. Этому мнению противоречило то, что казанские татары почти сто лет успешно противостояло Русскому государству. Комплексный анализ всех материалов по военной археологии и сведений письменных источников о военном деле Казанского ханства свидетельствует о его высоком уровне, сопоставимом с вооружением других стран Евразии. Вместе с тем, военная тактика боя и обороны казанских татар имела свои особенности и традиции.

Ключевые слова: вооружение, военное дело, Казанское ханство, огнестрельное оружие, военно-служилое сословие, татары, оборона Казани.

Вооружение и военное искусство населения Казанского ханства унаследовало боевые традиции Улуса Джучи (Золотой Орды). К моменту завоевания Россией татары имели все виды холодного оружия, защитного снаряжения, имели свой военный флот, огнестрельную артиллерию и прекрасные крепости. После поражения татар и взятия Казани оригинальная татарская военная культура была разрушена. У тюрко-татарских народов, живших на землях бывшей Золотой Орды, традиции военного дела законсервировались и постепенно деградировали. Они были только тенью своих великих предков, в результате в европейской военной науке утвердилось мнение об ущербности, «примитивности» оружия и тактики татарского войска. Даже такой серьезный и вдумчивый историк, как М.Г. Худяков, писал: «В эпоху Казанского ханства военное искусство татар находилось в упадке» (Худяков, 1923: 228). Широко в исторической литературе распространены мифы о том, что татары не владели огнестрельным оружием, не имели речного флота и защитного вооружения (собрание подобных суждений, например, см.: Бахтин, 2008: 201-208). Это мнение тиражировалось и развивалось в работах последующих историков.

Для составления верного суждения о вооружении татар необходимо собрать и проанализировать комплекс вооружения. Первые подобные работы, в которой делались попытки описать предметы татарского вооружения по коллекции Московской Оружейной Палаты начали появляться еще в 20-е гг. XX в. (Успенский, 1927: 1-14). В настоящее время наряду с коллекциями из музеев Москвы и Казани, известны материалы из раскопок памятников эпохи Казанского ханства (Казань, Камаевское, Арское. Чаллынское городище, Балынгузское селище и т.д.), что позволяет на более широком материале представить картину развития вооружения и военного дела в Казанском ханстве.

Сейчас накоплен значительный историко-археологический материал, позволяющий составить более полное представление о характере вооружения и тактике боя воинов Казанского ханства. В первую очередь это новые археологические находки и анализ письменных материалов, которые вместе с изучением военный культуры тюркских народов Европы и Азии, заставляют пересмотреть прежние уничижительные представления о характере татарского вооружения и военного дела (Измайлов, 1995: 135-139; Измайлов, 1997: 105-108; Измайлов, 2003: 71-74; Измайлов, 2005: 67-79).

Оружие ближнего боя казанских воинов включало разнообразный набор боевых средств позднего средневековья: сабли, копья, боевые топоры, булавы, ножи. Сабли были традиционным оружием тюрко-татар и получили распространение в Поволжье еще с VIII в. За это время они много раз видоизменялись и совершенствовались. С территории Казанского ханства из раскопок и музейных собраний известно, по крайней мере, две целых сабли и один обломок. Судя по этим находкам, в XV-XVI вв. татарские сабли обычно

имели длину лезвия 0,9-1 м, на нем имелась овальная выемка – дол, а клинок заканчивался обоюдоострым расширением – елманью.

Эфес этих сабель был крестовидный с расширениями на концах, находки подобных гард известны из раскопок в Казанском Кремле и ряде других памятников периода Казанского ханства. На ряде сабель XIII-XIV веков лезвие клинка у эфеса было оковано железной пластиной, чтобы избежать прорезания ножен. В отличие от более ранних, сабли XV-XVI веков часто имели большую ширину и кривизну клинка. Они позволяли наносить мощный рубящий удар, а также колоть. (Рис.1) Сабли обычно носили в кожаных ножнах с металлическими оковками краев. Богатые воины могли себе позволить ножны с серебряными и золотыми накладками и навершиями, усыпанными драгоценными камнями. Вообще, сабли традиционно были оружием знати, знаком рыцарского достоинства батыра. Их ношение и использование было исполнено особым смыслом. Например, батыр не должен был в случае ссоры обнажать клинок более чем на треть, так как после этого он мог вложить его обратно только «отмыв» в крови обидчика. Потерять или отдать саблю означало потерять честь. Обычно они передавались по наследству и хранились в домашних арсеналах. Этим объясняется редкость их находок среди археологических коллекций.

Универсальные боевые ножи были незаменимы в походе и быту, а в решающую минуту становились последней надеждой воина. Обычно хронисты средневековья, чтобы показать ожесточенность боя, писали, что дело дошло до ножей. Характерно, что на многих рисунках татары изображены именно с ножами. Судя по гравюре из издания С.Герберштейна, татары были вооружены узкими длинными ножами в кожаных ножнах и носились справа на поясе.

Копья были разнообразны по форме и области применения, хотя по количеству типов казанские копья уступали наборам предшествующего периода. В этот период происходит изменение в копейном наборе. Практически исчезают узкие, вытянутые, часто четырехгранные наконечники, насаженные на длинные (до 3-4 м) древки – пики, с помощью которых отряд всадников с ходу, развернутым строем – лавой, врезался в ряды противника, стараясь пробить доспехи неприятельских воинов, свалить их с коней и, если удастся, обратить в бегство. Их место занимают удлиненные листовидные и клиновидные копья. (Рис.3) Очевидно, что в этот период наряду с таранным ударом, копья стали использоваться более вариабельно с использованием более разнообразных приемов. Следовательно, казанские конные воины вели многоактный бой с многократным применением копий в разных фазах сражения – от таранного удара до фехтовальных приемов. Не исключено применение казанцами и метательных копий – джерид (по-русски – сулиц). Известны они только по более поздним письменным источникам, но не по археологическим материалам.

Пехотинцы имели другие копья – с широкими лезвиями на 2-3-метровых древках. Они были незаменимы в полевых условиях при действиях против латной конницы и пехоты, а также при защите укреплений.

Боевое применение копий татарами, вопреки мнению ряда историков, подтверждается не только многочисленными археологическими находками, но и данными письменных источников. Характерно, что в «Казанской истории» упоминается «копейный бой» у татар, что, очевидно, подчеркивает регулярное, правильное использование копии строем воинов.

На вооружении татар состояли разнообразные виды боевых топоров. Явно выделялись две группы ударно-рубящих древковых орудий. Часть из них – широколезвийные топоры на длинных топорищах – это, несомненно, оружие пехоты. Другой группой являлись топорики с выступающим обухом – чеканы. Большая часть из них, сохранившаяся в музейных собраниях Казани (НМ РТ) и Москвы (ГИМ), покрыта по всей поверхности лезвия затейливым растительным орнаментом. Скорее всего, это было вооружение знатного воина. (Рис.3)

Дополнительным вооружением рыцаря служили также булавы-шестоперы (железные или бронзовые навершия с шестью широкими боевыми лопастями) и боевые клевцы с узким клиновидным лезвием. По сравнению с XIII-XIV вв. навершия булав заметно потяжелели (до 0,6-0,8 кг). Они были незаменимы в ближнем бою и стремительных конных стычках, когда необходимо нанести сильный и неожиданный удар, способный пробить доспехи или оглушить противника. В этот период украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями, булавы служили также знаками воинской власти. Образцы подобных булав XVI-XVII вв. представлены во многих музейных собраниях России (ОП МК) и Турции (Стамбула) (Аствацатурян, 2002: 185-187). Не

исключено, что подобные навершия применялись и казанскими военачальниками.

Лук и стрелы были самым распространенным в XVI столетии оружием дистанционного боя. Судя по тому, что в памятниках периода Казанского ханства не обнаружены костяные детали луков, можно предположить, что татарские лучники имели на вооружение сложносоставные луки без костяных деталей. Такие луки использовались для стрельбы центральноазиатскими номадами в течение длительного исторического периода с хунно-сяньбийского времени. Подобные луки получили распространение в кочевом мире Центральной Азии в эпоху развитого средневековья (Худяков, 1991: 99-100; Худяков, 1997: 62). Схожие по конструкции луки с большим количеством плечевых фронтальных накладок были на вооружении у кыштымов в Южной Сибири в эпоху позднего средневековья (Нечипоренко и др., 2004: 133). Вооружались ими также воины Сибирского ханства. В могильнике Абрамово-10 (Западная Сибирь) были найдены остатки сложносоставных луков, кибить которых была изготовлена из деревянных деталей, без использования костяных накладок. Судя по сохранившимся деревянным частям, кибить лука была двухслойной с деревянной фронтальной накладкой и деревянными концами. Она была обклеена берестой (Молодин и др., 1990: 44-47). Они сохранились в арсенале сибирских татар вплоть до этнографической современности. Один такой лук, опубликованный Р. Карутцем (Karutz, 1925: 70), полностью изготовленный из дерева имел выгнутую форму, утолщенную середина и плавно загнутые концы.

В эпоху позднего средневековья в руках умелых, натренированных стрелков, какими были сибирские татарские воины, сложносоставные луки оставались привычным, удобным и достаточно эффективным оружием для стрельбы на короткие и средние дистанции. В источниках нет точных сведений о том, насколько дальнобойными были луки воинов Казанского ханства. Рекорд дальность стрельбы был зафиксирован в Турции, где на площади Ок-Мейдан (Площадь стрел) есть записи рекордов, где указано, что некоторые лучники пускали стрелы на 850-870 м (Маркевич, 1937: 18-19), но обычная дальность стрельбы для евразийских лучников достигала 200-300 м. При этом считается, что дистанция прицельной стрельбы сибирских лучников состояла в пределах до 50 м (Худяков, 2000: 73).

Очевидно, что убойная сила и скорострельность луков того времени была очень высока: хороший лучник мог в минуту выпустить около 10 стрел, каждая из которых на расстоянии 50-100 метров убивала лошадь наповал или пробивала грудь воина, защищенного кольчугой, насквозь таким образом, что наконечник вышел из спины. В источниках XV-XVII вв. есть сведения об убойной силе луков. В послании 1493 г. Менгли-Гирея к Ивану III упоминал, что один из приближенных детей Ахмада был убит стрелой в борьбе с мещерскими служилыми татарами (Сборник РИО, 41: 175-176). Другой случай был зафиксирован в 1616 г., когда некий служилый человек из Тулы Остафий Крюков подал челобитную о выдаче ему денег за лечение ран, полученной в бою с татарами под Дедиловым. Он написал, что был ранен из лука «в груди на обе стороны». Комиссия расследовала это прошение и пришла к выводу, что он действительно был «ранен из лука в грудь промеж титек, а стрела вышла в спину; рана зажила, а лечился собою» (АМГ, 1: 138). В этих прошениях первой трети XVII в. довольно часты указания на то, что боевые лошади служилых людей были убиты из лука – «подо мною застрелили из лука коня наповал» (АМГ, 1: 509, 511). В 1634 г. болховский воевода князь Юрий Мещерский свидетельствовал, что Тимофей Дичков «с татарами бился явственно … а его Тимофея на том бою ранили, застрелен из лука по левому боку, да под ним же убит конь наповал» (АМГ, 1: 634). Комиссия указывала после проверки, что «рана больна и ныне не зажила».

Особенно эффективно было использование луков большими маневренными массами всадников, буквально поливавших противника дождем стрел. Успешно применяли их также при осаде и обороне городов, во время речных сражений.

Лук был универсальным оружием как простых, так и знатных воинов. Различия касались лишь качества и совершенства конструкции лука и богатства отделки набора из колчана и кожаного чехла для лука – саадака. Сделанные из сафьяна, прошитые золотой и серебряной нитью, украшенные драгоценными камнями, они являлись признаком знатности и богатства. Один такой саадак – налучье – был найден при раскопках Казанского Кремля. (Рис.4) Он был сшит из хорошо выделанной кожи с тесненным орнаментом. Лицевая его часть была украшена небольшим изображением в виде круга с драконом в нем.

Некоторые подобные парадные саадаки XVI-XVII вв. украшают собрание ОП МК (Успенский, 1927: С. 7-8).

Весьма разнообразно было и защитное снаряжение. Для XVI в. вообще было характерно использование стальных защитных пластин и кольчужного плетения в различных сочетаниях. Оружейники стремились добиться непроницаемости доспехов и максимально облегчить их в условиях быстротечной, маневренной борьбы больших масс кавалерии, стремительных набегов и стычек, которые все чаще входили в боевую практику (См. подробнее: Денисова, 1953: 59-70; Кирпичников, 1976: 33-43; См. также: Успенский, 1927: 1-6.).

Как и раньше, наиболее распространенными были тегиляи – легкие стеганые бумазейные халаты до колен, в подкладку которых вшивались кольчужные сетки или стальные бляхи, и кольчуги (кёбе), собранные из десятков тысяч стальных колец (для XVI в. характерны новые типы плетения и формы колец, высокий стоячий воротник, простеганный кожаными ремнями, большой запах ворота и вес более 10 кг). Одним из видов кольчуги, известной по находкам археологов, была байдана – доспех в виде широкого длинного халата с разрезом спереди, собранного из широких шайб. Одевался он обычно на простую кольчугу или стеганный халат и, благодаря широкому запаху на груди, являлся довольно легким и надежным средством защиты. Остатки эти кольчатых доспехов известны из археологических находок из Казани и Камаевского городища. В фондах Национального музея Республики Татарстан также и целые кольчуги, которые относятся в XV-XVII вв. (Рис.5)

Наибольшие изменения коснулись в XVI в. доспехов из стальных пластин (йарак). Именно в этот период наряду с традиционными куяками (доспех-безрукавка из крупных стальных пластин, крепившихся заклепками к кожаной основе, часто снабжаемый наплечниками, воротом забралом и разрезным подолом) появились юшманы – доспехи из кольчуги с вплетенными на груди и спине большими пластинами, колонтари - комбинированные доспехи без рукавов в виде горизонтально расположенных крупных пластин, скрепленных кольцами, и бехтерцы (от персидского «бехтер» – панцирь), состоявшие из узких коротких стальных полос, располагавшихся вертикальными рядами на груди и спине. Все эти виды доспехов часто покрывались посеребренными изящными растительными узорами. Использовались также стальные наручи, защищавшие руки воина до локтя и поножи (бутурлык), прикрывавшие его голень.

Шлемы у казанцев также были нескольких видов. Большинство воинов защищали голову простеганной бумажной или кожаной шапкой, усиленной сеткой из стальных колец или полос. Использовались и стальные шлемы. Наиболее популярными были мисюрки (из Мисра, то есть Египта) - стальные сферические шапочки с железными наушами и длинной сеткой из стальных колец, защищавшей лицо и горло воина, и ерихонки – высокие конические наголовья с наушами, назатыльником и козырьком со стреловидным наносником.

Тело казанского воина, скорее всего, защищал небольшой (около 50 см в диаметре) выпуклый круглый щит из кожи или тростника с железной бляхой в центре. К сожалению, детали их не сохранились и об их конструкции можно служить по иллюстрациям и аналогиям – вооружению из музейных собраний Москвы (ОП МК) и Стамбула. Разумеется, иметь полный набор защитного снаряжения, особенно металлические доспехи, могли только знатные воины. Судя по известиям русских летописей, «панцири и доспехи», «панцири и шлемы» постоянно отмечались как обычное оружие татарской аристократии. В набор знатного воина, как правило, входили сабля, булава или боевой топор-чекан, пика, лук со стрелами в дорогом саадаке и полный набор защитного снаряжения, включавший стальной шлем, один из видов панциря, щит и наручи. (Рис.6) Лошади аристократии, судя по русским и крымским материалам, имели роскошные конские уборы из высоких седел – арчаков, драгоценной узды и чепраков, а иногда, видимо, и чалдар – доспехи из металлических блях, защищавшие грудь и бока боевого коня.

Именно тяжеловооруженные всадники составляли костяк войска казанских ханов. Формировались они из слоя татарской аристократии (огланы, эмиры, мурзы), мелкой служилой знати (казаки, батыры) и военных слуг. Их насчитывалось всего несколько тысяч человек, но решающая роль их в боевых действиях, не подлежит сомнению. (Рис.7) Определенное число панцирной кавалерии и конных лучников вливались в состав казанского войска благодаря союзам с Ногайской Ордой и Крымским ханством.

Воины-ополченцы, участвовавшие в походах в исключительных случаях, имели

универсальное и сравнительно недорогое вооружение: широкие копья, широколезвийные топоры, луки и стрелы, а также кожаные и бумазейные доспехи. Их роль была довольно значительна только при осаде укреплений, в полевом же сражении они практически не имели сколько-нибудь самостоятельного значения. Пехота казанцев формировалась из ополчений административно-феодальных округов (даруг) и союзников – «черемисов» (марийцев и чувашей). (Рис.8)

Войсками Казанского ханства довольно широко применялось огнестрельное оружие. Мнение о том, что в Казани не умели им пользоваться, а со стен Казани стреляли русские артиллеристы, прикованные к пушкам, ложно и восходит к православным легендам позднего времени. Современные находки позволяют говорить о том, что пороховое оружие было известно в Поволжье еще с 70-х годов XIV в. Из раскопок Казани известен один ствол огнестрельного ручного оружия (русское название пищаль), относящегося к XVI в. Часто встречаются в Казани и каменные ядра от пушек. В русских и европейских источниках сохранились сведения о пищалях и пушках, стреляющих со стен города: казанцы стреляли «з города из пушек и ис пищали и из луков» (ПСРЛ. 29: 99) и бывших на вооружении казанцев во время боевых действий: во время атаки небольшого татарского укрепления на Булаке в 1530 г. русские войска «и пушки и пищали у них поимаша» (ПСРЛ, 8: 273). В полевом бою использование пушек и пищалей казанцами зафиксировано в 1551 г., когда большой отряд мятежных мурз из Горной стороны подступил к стенам Казани. Тогда «вышли к нимъ все Казанские люди, Крымцы и Казанцы, да с ними билися крепко и от обоих падоша. Казанъцы же вывезли на них из города пушки и пищали да учяли на них стреляти. И Горные люди, Чюваша и Черемиса, дрогнули и побежали…» (ПСРЛ, 29: 62). Судя по всему, в Казани применялся разнообразный набор огнестрельных орудий – от легких ручных и тяжелых станковых ружей до легких пушек (тюфенк), стрелявших картечью, и тяжелых полевых и крепостных пушек. Их эффективно использовали как в полевом бою, так и при осаде городов, где применяли тяжелые стенобитные орудия типа мортир, ведшие навесной огонь. Очевидно, что большинство этих орудий отливалось самими казанцами, часть их была захвачена у русских во время неудачных походов (1506, 1524, 1530 гг.).

Есть сведения о существовании в цитадели Казани специального цейхгауза, где содержался порох и орудийный парк. При арсенале находились мастера-оружейники и опытные пушкари. Опытные пушкари были чрезвычайно ценными военными мастерами и их роль в военных действиях была довольно высокой (Об артиллерии и пушкарях во второй половине XVI в., см.: Немировский, 1982). Доказывает это, например то, что после поражения русского войска под Казанью в 1506 г., великий князь Иван III больше негодовал не по поводу потерянных пушек, а из-за того, что чуть было не попал в плен к татарам один из опытных артиллеристов. Он говорил: «не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними» (Герберштейн, 1988: 172). С. Герберштейн рассказывал о хорошей организации орудийного огня при обороне Казани в 1524 г. «единственным пушкарем», когда «осажденные защищались довольно решительно, также стреляя во врага из пушек» (Герберштейн, 1988: 178). То, что стрельбу вели умелые и опытные стрелки, подтверждает и смерть от пущенного со стены пушечного ядра князя Дмитрия Микулинского – одного из руководителей штурма Казани в 1552 г.

Часто русская наука, говоря об ущербности вооружения Казанского ханства, ссылается на отсутствие постоянной армии – пехотных полков вооруженных пиками и ружьями. Однако следует сказать, что и в России такие стрелецкие войска стали создавать только в 1550 г. и первое боевое испытание они прошли во время осады Казани (Разин, 1957: 330-338). Такие же постоянные пехотные войска начали создаваться в то же время во Франции, Швеции, Польши и Оттоманской Турции (Введенский, 2003; Nicolle, 1983). Можно сказать, что на пороге подобных военных реформ стояла и Казань, и только русское завоевание прервало этот закономерный процесс.

Особым средством ведения боевых действий был речной флот (Измайлов, 1994: 97-100). Традиции торгового и военного судоходства на Волге уходят в глубь веков. В течение веков здесь существовал своеобразный паритет между Русью и Булгарим улусом Золотой Орды. Но ослабление центральной власти в Золотой Орде привело к расцвету речного пиратства и грабительских набегов московских флотов на поволжские города. Возникшему Казанскому ханству потребовался новый речной флот. Основой создания его стали торговые суда, совершавшие дальние плавания от Твери до Хаджи-Тархана (Астра-

хани) и до южных берегов Каспийского моря. Торговый флот давал основные кадры капитанов, моряков и лоцманов. Суда перевозили войска и могли служить после небольшой перестройки в качестве военных судов.

Флот казанцев состоял из судов различных типов. Среди них были беспалубные корабли типа ладей. Они имели различные размеры – от небольших лодок до больших судов, которые по-русски назывались ушкуй. Они имели большой парус и весла, что делало их быстроходными и маневренными, а также удобными для подъема на берег. Средние ладьи могли разместить на борту 30-50 человек и несколько боевых лошадей. Обычно они использовались как вспомогательные или десантные суда, используемые для боевых действий на мелководье. Ушкуи были более крупными парусно-весельными судами и могли нести тяжелый груз и десант в 100-200 воинов. Не исключено, что в качестве боевых судов на Волге казанцы изредка использовали также палубные парусно-весельные суда, называемые насадами. Конструктивной особенностью этих самых крупных волжских кораблей, бороздивших волжские воды вплоть до XVII века, были высокие «насаженные» борта и палуба. Некоторые типы этих насад, очевидно, имели вид галер типа турецких кадырга или баштарда. На них могли размещаться даже легкие пушки и большой экипаж и десант. Обычная грузоподъемность их достигала 2 тысяч тонн. Боевые суда, в отличие от торговых, как правило, несли над палубой боевые надстройки на носу и корме, где располагались стрелки и легкие пушки (тюфенк).

Все казанские суда строились на местных верфях, самая известная из которых располагалась в деревне Бишбалта (ныне Адмиралтейская слобода) (См.: Султанов, 2004: 164-166). Жители ее строили не только суда, но и изготавливали все необходимые материалы – смолу, канаты, паруса. Здесь же жили судоводители моряки и лоцманы. Недаром, используя эти древние традиции, именно здесь были заложены по приказу Петра I стапели Казанского Адмиралтейства, с которых в XVIII в. сошло более ста судов для русского флота. Здесь же в устье реки Казанки и базировался казанский флот, насчитывавший в разные годы до 200 галер и ладей.

Тактика речных сражений заключалась в обстреле противника с целью нанесения ему повреждений или даже сожжения вражеских судов и уничтожения экипажей. Примером таких маневров может служить речной бой в 1469 г., когда казанский флот атаковал русские ладьи, после короткой перестрелки отступил, а потом вновь атаковал их, по словам русской летописи, «начав биться» и «обстреливать». Обычно все эти маневры заканчивались сближением судов и попыткой завязать рукопашный бой на палубе вражеского корабля и взять его на абордаж. Для этого на судах кроме команды размещались боевые десанты. В том же 1469 г. на казанских судах русский летописец упоминал «лучших князей и людей» (ПСРЛ, 25: 282-283). (Рис.9)

Один из самых ярких эпизодов речной войны между московским и казанским флотом произошел в 1469 г., когда отряд судов князя Ухтомского из города Устюга, двигаясь по рекам Вятка и Кама на соединение с русским флотом, был атакован близ Казани татарским флотом. Бой произошел по всем правилам. Сначала противники, сближаясь, обстреливали друг друга, а потом сошлись борт к борту в рукопашной схватке. В яростном сражении князь Ухтомский потерпел полное поражение. Как пишет летопись, «татарове устюжан били, и дворян в плен брали»; тогда же убили Никиту Ярославского, а воеводу Юрия Плещеева и его товарищей пленили». Всего в том бою погибло около пятисот русских воинов и почти весь флот. Князю Ухтомскому удалось прорваться только с несколькими судами (Иоасафовская летопись: 60; ПСРЛ, 30: 136; ПСРЛ, 37: 92).

Основная функция казанского флота была поддерживать наступательно-оборонительные действия основного войска и защищать речные подступы к Казани. Например, довольно успешно флот действовал при блокаде русской армии, осаждавшей Казань в 1524 г. Вместе с сухопутными войсками они разгромили флот князя Палецкого, который вез подкрепления, продовольствие и осадную артиллерию. В результате русские войска не только потеряли более девяноста судов и все пушки, но и были полностью окружены, что предопределило их полный разгром (Герберштейн, 1988: 177-179).

Разумеется, не всегда действия казанского флота были успешными. Были случаи, когда он терпел поражения и неудачи, но при этом всегда демонстрировал высокие боевые качества и выучку, на равных сражаясь с русскими флотами. История, к сожалению, не сохранила до нас много имен казанских флотоводцев, таких как бек Тулязий, но, несомненно, что их были достаточно и их военное искусство не уступало русским судоводителям. Упадок

татарского боевого флота начинается в 1540-е гг., когда основная часть судов была уничтожена или передана Москве.

Военная организация татар была связана с предшествующими традициями Золотой Орды. Она включала ополчения от различных областей и городов, личные отряды знати, а также полки союзников - черемисов и ногаев.

Господствовавшая феодальная верхушка состояла из хана, членов его семьи и ещё из четырех сословий: мусульманского духовенства, князей и мурз, казаков – дворных (ички) и задворных. Не исключено, однако, что ички имели более высокий статус и сами являлись беками (Исхаков, 1998: 61-80).

Социальная организация знати в Казанском ханстве имела иерархическую систему, связанную с правами на землевладение (или взимания определенного налога), как условное (сойюргал), за которое он обязан был служить своему сюзерену или условно-безусловное (тархан) – освобождение от повинности (всех или части) в пользу хана. Высший слой знати составляли огланы, карачи и эмиры, далее шли мурзы, а слой рыцарства составляли багатуры и казаки. Основным занятием служилого сословия была война. Недаром, на сохранившихся эпитафиях XVI в. можно довольно часто прочитать, что имярек «мученически пал от руки неверного» (См.: Рахим, 1930: 164, 169).

Интерес представляет термин «чура», который сохранился и в аутентичных письменных источниках, и в татарских преданиях. Выше уже говорилось, что этот термин не имеет ничего общего с наименованием «кол», а обозначал военных слуг, что отчетливо видно из эпоса «Чура-батыр» и «Казанской истории», описывающей бегство исторического Чуры Нарыкова. В принципе термин «чура» можно было бы совместить с широко известным восточным военным терминами, как «гулям» или «мамлюк». Гулямы и мамлюки – рабы, часто купленные на невольничьих рынках юноши, проходили военную подготовку в специальных военных лагерях, становясь профессиональными тяжеловооруженными воинами, способными сражаться с европейскими рыцарями, в социальном отношении они часто делали головокружительную карьеру, становясь правителями целых государств (например, государство мамлюков в Египте или Индии). Однако, скорее всего, под термином «чура» следует понимать общее наименование слоя военных слуг – рыцарей. Об этом свидетельствует, как указания источников (например, что Идегей стал у хана Токтамыша «чурой» (Усманов, 1972: 94)) и татарские предания о военных слугах – чурах, так и более ранняя тюркская традиция, которая восходит еще к эпохе Тюркских каганатов. Был он известен и в Поволжье, где фиксируется, по меньшей мере, со второй половины XII в. и широко использовался в титулатуре в XIII-XV вв., обозначая представителей военного сословия, рыцарство (Измайлов, 1997а: 145). В Поволжье он использовался в диалектной форме йори/чури (См.: Хакимзянов, 1978: 80-82). Позднее, после русского завоевания, этот термин был вытеснен из социальной практики другим наименованием сословия воинов – «служилые татары».

Вопреки мнению отдельных исследователей (Худяков, 1990: 201-203), в ханстве помещиками, получавшими земли за службу, были, скорее всего, не представители высший знати – они владели вотчинами – а низшей, т.е. казаки (рядовые, десятские и сотские). Возможно, им принадлежало до ¼ земельных угодий государства (Худяков, 1990: 201-203). Этот вывод вытекает из того факта, что в первые десятилетия после русского завоевания так называемые «служилые татары» были переписаны как группы, рассеянные по многим деревням в качестве помещиков (См.: Писцовая книга 1602 – 1603, 1978).

Система земельных правоотношений в Казанском ханстве и, основанная на ней структура военно-служилой знати, получила детальное описание в трудах Ш.Ф. Мухамедьярова и Р.Н. Степанова (См.: Мухамедьяров, 2012: 93-142; Мухамедьяров, 1958; Степанов, 1966: 94-110). Изучение источников позволило им сделать вывод, что типичной формой поземельных отношений в Казанском ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (сойургал или тархан). Держатель подобного владения обязан был нести военную или иную службу своему сюзерену (обычно таковым считается хан, хотя, думается, что власть его была опосредована главами татарских кланов), а взамен получал наследственное держание (владение), определенный налоговый и административно-судебный иммунитет. Тем самым, военная служба являлась основной и главнейшей обязанностью владельца сойургала, хотя порядок ее исполнения и продолжительность, диктовавшиеся, очевидно, обычаем, в деталях неизвестны. Иллюстрацией подобного сбора на войну может служить отрывок из «Казанской истории»: «И слышав Казанский царь Сапкирей великих воевод Московских

в велицеи силе идуща и посла во все улусы Казанские по князеи и мурзы, веля им в Казань собратися из отчин своих, приготовившимъся сести в осаде, сказуя многу, необычну силу Русскую» (ПСРЛ, 19: 252).

Вся сословная военно-служилая аристократия и, в значительной мере, духовенство в Казанском ханстве являлась представителями татарских родов и племен. Можно эту мысль сформулировать даже более четко – в Казани, как впрочем, и во всем Улусе Джучи, не было иного военно-служилого сословия, кроме татарского, то есть никто не мог быть включен в сословие знати, если он не принадлежал к какому-нибудь татарскому клану и, соответственно, все представители этого сословия в силу кровно-родственных и семейных связей принадлежали к тому или иному клану. Из всех родов (а их реестры, например, в государстве Шибанидов, насчитывали до ста названий) Казанского ханства особой знатностью и могуществом выделялись четыре – Ширин, Аргын, Кыпчак и Барын. Это были те самые четыре правящих рода, традиция выделения которых (именно четырех, тогда, как название конкретных родов варьировалась от ханства к ханству) восходит еще к государственной структуре Улуса Джучи, а через него – к древнетюркским временам (См.: Шамильоглу, 1993: 44-60).

Общее число воинов в Казанском ханстве, судя по численности всего населения, могло достигать 50 тысяч человек, но вряд ли превышало даже 20-30 тысяч во время серьезных боевых действий, что в какой-то мере сопоставимо с замечанием С. Герберштейна, что «царь этой земли (т.е. Казанской – И.И.) может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваши – весьма искусные стрелки». Однако численность тяжеловооруженной кавалерии во всем ханстве (включая и отряды ногаев и крымцев), вряд ли превышала 5-10 тысяч, а, скорее всего, была меньше, поскольку численность всего сословия феодалов составляла не более 10% всего населения. Поэтому ясно, что когда во время войн и смут 1546-1552 гг. погиб цвет татарской знати, то это явилось одной из причин поражения ханства.

Казанцы были весьма искусными воинами. Сама принадлежность к татарской клановой аристократии диктовала особые требования к чести, мужеству и отваге ее представителей. Эти качества татарских воинов отмечались даже их врагами. Итальянский путешественник Иосафат Барбаро, побывавший в начале XV в. в Азове и Поволжье, оставил такое описание татарского войска: «Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуются «гази багатер», что значит «безумный храбрец»... Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов» (Барбаро и Контарини о России: 146). У русских летописцев сложился уважительный образ храброго татарина - воина «в ратном деле очень свирепого и жестокого», не щадившего в бою ни своей, ни чужой жизни. Так, автор русской повести «Казанская история» с уважением писал об одном татарине, который вступил в бой с пятьюдесятью русских воинов (Казанская история: 70).

Для управления в бою и ориентировки войск татарам служили знамена. Главный флаг хана (туг, элем) был также символом достоинства государства и обычно имел вид прямоугольника, прикрепленного длинной стороной к древку. Цвет таких знамен был в XV-XVI веках голубым, зеленым или красным (или комбинацией этих цветов), с вышитыми золотом кораническими надписями или арабесковыми узорами (иногда на них, видимо, изображали тамгу Джучидов). Отдельные знатные люди и их полки имели большие (подтреугольные или прямоугольные) знамена (хорунга, еленге), а отдельные воины - небольшие флажки (жалау) на шлемах и древках копий. Часто в виде знамени военачальников использовались шесты с конскими хвостами, число которых указывало на ранг полководца.

Тактика полевого боя и оперативное искусство казанцев были довольно сложными – это не раз отмечали русские и европейские современники. Полевой бой включал маневры легкой конницы, которая галопом проносилась мимо рядов противника, закручивая своеобразный круговорот (по словам С. Герберштейна «пляску» – «хоровод» (Герберштейн, 1988: 168)), непрерывно обстреливая их из луков. Когда обороняющиеся отступали, то в бой вступала с пиками наперевес тяжелая кавалерия. В случае если неприятель атаковал сам, стрелки быстро отступали, стремясь измотать и расстроить его ряды, а потом подставить под разящий удар кавалерии. Обычно такой встречный бой распадал-

ся на ряд быстротечных схваток и маневров отрядов конницы.

В условиях многоэтапных боевых операций татары использовали различные театры военных действий, включая реки, применяя тактические и оперативные маневры и охваты. Наиболее показательна в этом смысле тактика обороны Казани. Не имея сил противостоять превосходящим русским силам, казанцы подпускали их под стены города, намереваясь окружить их и лишить подкреплений и подвоза продовольствия. Такая тактика активной обороны с опорой на мощную крепость, защищенную огнем артиллерии, позволяла измотать противника в локальных боях, обескровить его и окончательно разгромить. Наиболее успешными операциями такого рода явились войны 1467-1469, 1506-1507, 1524 и 1530, 1549 гг. (Рис.10)

Обычно многотысячные русские войска (иногда по данным летописей составлявшие до 100 тысяч человек) двигались двумя частями на Казань. Первая, высаживаясь с судов под Казанью, начинала осаду города, а вторая с основной частью войска и конницей выступала по правому берегу Волги позднее. Иногда коннице приходилось вступать в бой с татарской конницей, причем не всегда ей сопутствовала победа. Под Казанью, между тем, начиналась борьба за полевые укрепления, вынесенные казанцами за пределы стен. Смысл ее состоял в том, чтобы навязать наступающим русским войскам бой на открытой местности под прикрытием обстрела со стороны стен и башен города. Одновременно в тылу у осаждающих начинали концентрироваться конные полки и ополчение. Они согласовано с защитниками города нападали на русский лагерь и отдельные полки и нередко полностью перекрывали подвоз продовольствия и боеприпасов, как это было в 1524 г. В случае прямого штурма укреплений города казанцы отвечали контратаками и ударами конницы в тыл наступавшим. Так, во время осады 1487 г. действовали отряды карачи-бека Али-Гази, а в 1552 г. мурзы Епанчи. Чаще всего такой двойной удар приводил к поражению и бегству осаждавших войск. Неоднократно применявшаяся тактика свидетельствует о высокой выучке и стойкости татар.

Удавались казанцам и наступательные операции – обычно по Волге на Нижний Новгород (1505, 1523, 1536 гг.) и лишь однажды на Москву - в 1521 г. (в союзе с Крымским ханством). Обычно подобные операции были ответом на враждебные действия со стороны Московской Руси и преследовали цель заставить ее заключить мирный договор.

Таким образом, казанские татары имели весьма развитое и разнообразное вооружение и снаряжение, ничем не уступавшее оружию соседей. Весьма важно, что и артиллерия – наиболее перспективное оружие того времени – довольно активно использовалась казанцами. Анализ вооружения и военного искусства татар, позволяет уверенно отвергнуть имперский миф о «примитивной тактике набегов» и отсутствии способности бороться против России. Он показывает, что с 1487 г. Казань почти семь десятков лет успешно противоборствовала с Россией и не единожды наносила ее войскам жесточайшие поражения. Подобный успех был возможен только при наличии современных боевых средств и тактики обороны.

ЛИТЕРАТУРА

Акты Московского государства. Т.I. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1890. 802 с.

Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. 335 с.

Барбаро и Контарини о России. (К истории итало-русских связей в XV веке). Л.: Наука, 1971. 274 с.

Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2008. 252 с.

Введенский Г.Э. Янычары. СПб.: Атлант, 2003. 176 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Денисова М.М. Оборонительное вооружение // Русское оружие XI-XIX вв. М.: Гос. Изд-во культ.-просвет лит-ры, 1953. 214 с.

Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV-XVI вв.) (к постановке проблемы) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань: Заман, 1995. С.135-139.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X-XIII в. Казань; Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Измайлов И.Л. Казан ханлыгы флоты // Мирас. 1994. № 9. С.97-100.

Измайлов И.Л. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. № 3-4. С. 105-108.

Измайлов И.Л. Военная организация Казанского ханства (некоторые выводы и проблемы исследования) // Гыйльми язмалар / Ученые записки Татар. гос. гуманитарного института. 2003. № 11. С.71-74.

Измайлов И.Л. Социальная структура ханства // Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Институт истоии АН РТ, 2005. С.54-79.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

Иоасафовская летопись. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 240 с.

Казанская история / Публ., прим. Г.Н. Моисеевой. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.: Наука, 1976. 136 с.

Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Т.I. Л., 1937. 496 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 276 с.

Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Изд-во «Ихлас», 2012. 276 с.

Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань: Изд-во гос. объединенного музея ТАССР, 1958. 27 с.

Немировский Е.Л. Андрей Чохов (около 1545 – 1629). М.: Наука, 1982. 109 с.

Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г. Поздние луки среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. 232 с.

Писцовая книга Казанского уезда 1602 – 1603 годов. Публикация текста. Казань: Изд-во КГУ, 1978. 2409 с.

ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение Летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.

ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 368 с.

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.,Л.: Наука, 1949. 464 с.

ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., Наука. 1965. 390 с.

ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 242 с.

ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2. М., 1957. 654 с.

Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды общества изучения Татарстана (ТОИТ). Т.1. Казань, 1930. С.145−172.

Сборник Русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / Напечатано под наблюдением Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 588 с.,

Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Общественные и гуманитарные науки. Казань: Изд-во КГУ, 1966. С.98-99.

Султанов Р. Окрестные сельские поселения ханской Казани // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С.164-176.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, Изд-во КГУ, 1972. 223 с.

Успенский А. Памятники древнетатарского военного искусства в Московской Оружейной Палате // ИОАИЭКУ. 1927. Т. XXXIII. Вып. 4. С.1−14.

Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 208 с.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Репринт. изд. 1923. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 320 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 192 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1997. 159 с.

Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. № 5. С.72–75.

Шамильоглу Ю. «Карачи беи» Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд М.Султан-Галиева, 1993. С.44–60.

Karutz R. Die Volker Nord- und Mittelasiens. Stuttgart: Verlag von Strecker und Schroder, Franckhische Verlagshandlung. 1925. 120 S.

Nicolle D. Armies of the Ottoman Turks 1300-1774. L.: Osprey publ., 1983. 48 p

Информация об авторе:

Измайлов И.Л. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. E-mail: ismail@inbox.ru;

ARMAMENT AND MILITARY ART OF KAZAN KHANATE IN 15th - FIRST HALF OF 16th CENTIRIES: A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF SOURCES

I.L. Izmailov

The article features an analysis of the armament and military art of the Tatar population of Kazan Khanate. It primarily contains materials of archaeological research and museum collections, as well as information from written sources. There has been a long-standing opinion in historiography that the military art of Kazan Khanate was experiencing a decline and was at a low level of development. This opinion was contradicted by the fact that for almost a hundred years the Kazan Tatars successfully resisted the Russian state. A comprehensive analysis of all materials on military archaeology and information from written sources related to the military art of Kazan Khanate testifies to its high level of development comparable with the armament of other Eurasian countries. At the same time, the offensive and defensive military tactics of the Kazan Tatars featured unique distinctions and traditions.

Keywords: armament, military art, Kazan Khanate, firearms, military service class, the Tatars, defence of Kazan.

About the author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Scences. Institute of Archaeology of Sciences of Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Рис. 1. Сабля. XV-XVI вв. Поволжье. НМ РТ.

Рис. 2. Парадный орнаментированный топорик. XV-XVI вв. Казанское ханство. НМ РТ.

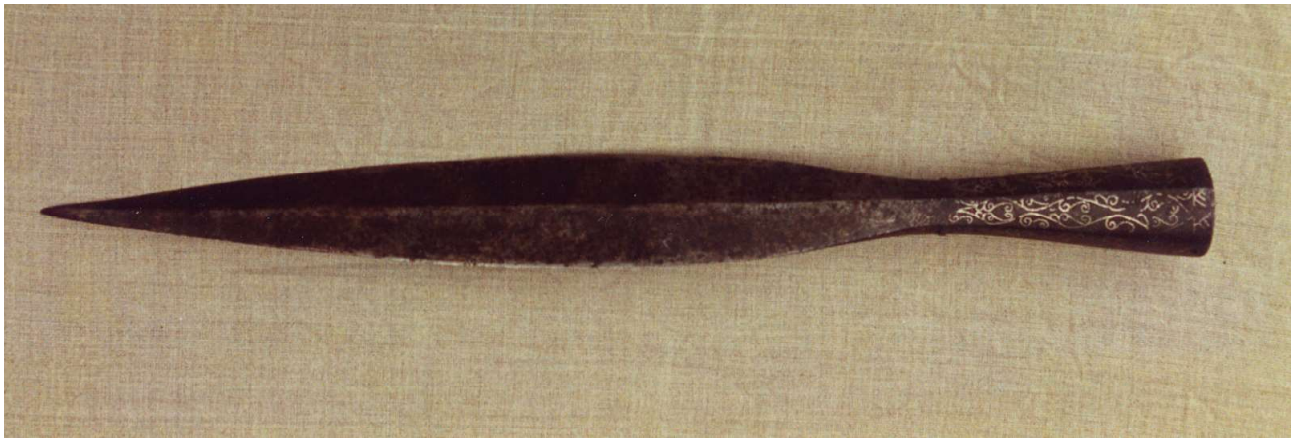

Рис. 3. Рогатина. XV-XVI вв. Казанское ханство. НМ РТ.

Рис. 4. Кольчуга. XVI-XVII вв. Поволжье. НМ РТ.

Рис. 5. Саадак. Узорная кожа. Казанский Кремль. XV-XVI вв. Раскопки Н. Набиуллина.

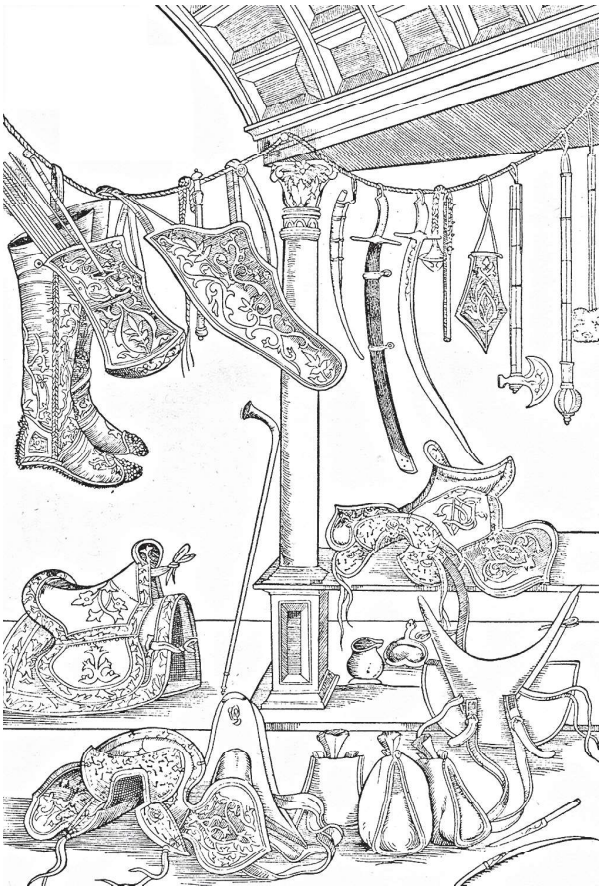

Рис. 6. Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов. Из латинского издания «Записок о Московии» С. Герберштейна, 1556 г.

Рис. 7. Вооружение знатного татарского воина из Казани. XVI в. Реконструкция О.Федорова. (Родина. 1997.№ 3-4).

Рис. 8. Московит в воинском одеянии. Татарин в своем туземном вооружении. Из немецкого издания «Записок о Московии» С. Герберштейна, 1556 г.

Рис. 9. Речное сражение между флотами русских и казанцев. 1467 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. Вторая половина XVI в. РГАДА.

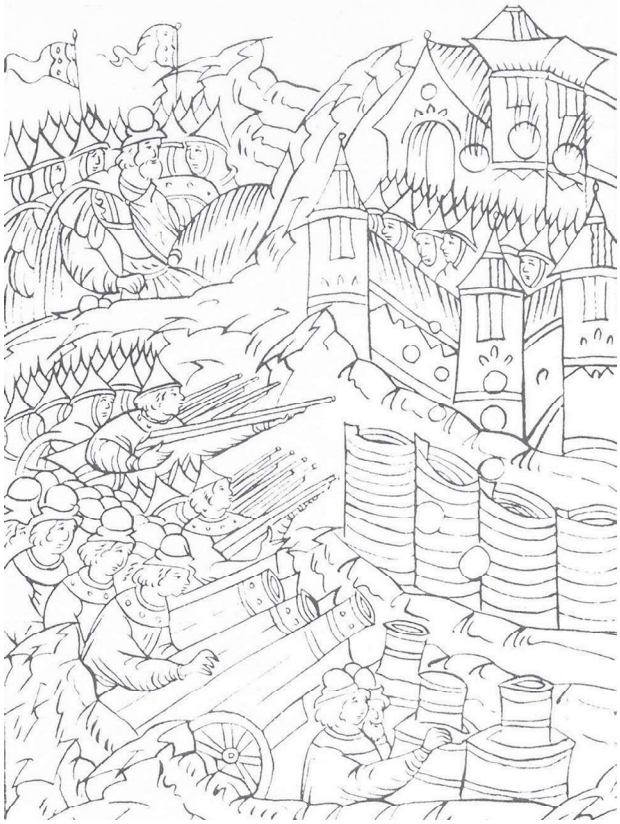

Рис. 10. Осада Казани русскими войсками в 1552 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. Вторая половина XVI в. РГАДА.

РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 94.5 (477.75)

ДВА РУЖЬЯ КРЫМСКИХ ХАНОВ[1]

© 2017 г. И.В. Зайцев, Р.Р. Эминов

В работе рассматриваются предметы вооружения, принадлежавшие крымским ханам - два кремневых ружья XVIII в. Первое ружье из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника принадлежало Бахты-Гирею (ум. 1801), номинально имевшего титул хана. Второе ружье из Ивановского государственного историко-краеведческого музея, принадлежало хану Селим-Гирею (ум. 1785).

Ключевые слова: Крымское ханство, оружие, ружья, надписи.

В музейных собраниях Российской Федерации хранится весьма значительное количество предметов холодного и огнестрельного оружия, а также оборонительного снаряжения, которые были либо произведены на территории Крымского ханства (начиная с XV в.) и бытовали там, либо были изготовлены за пределами Крыма для нужд представителей крымской правящей династии и княжеских родов (вплоть до конца XIX в.). Несмотря на тот факт, что на многих предметах вооружения имеются арабографичные надписи, позволяющие отнести его бытование к Крыму XV–XIX вв., этот богатейший материал не обобщен, детально не проанализирован и не введен в научный оборот. До сих пор проблема выделения крымского оружия даже не формулировалась: только Э.Г. Аствацатурян выделила крымскую группу среди ружей, бытовавших на Кавказе (Аствацатурян, 2004).

Приведем известные нам к настоящему времени публикации крымского подписного оружия и оборонительного снаряжения (список дан по хронологии изготовления предметов):

1. Сабля, владельцем которой был «вали Дагестана Гирей-хан сын Бахадур-Гирей хана» (Музей Топкапы, Стамбул) (Aydın, 2002. P. 170-171; Идрисов, 2015. С. 23). В публикации сабля датирована примерно 1473 г. Однако, время ее изготовления и имя владельца вызывают большие сомнения. Титул «вали Дагестана» в указанное время не мог существовать, да и крымского хана с таким именем в то время не было. Вероятнее всего относить предмет ко времени после правления Бахадыр-Гирея I (1637–1641гг.).

2. Шлем султана Шахин-Гирея сына хана Адиль-Гирея, не ранее 1666–1671 гг. (Музей Войска Польского, Варшава) (Gutowski, 1997. P. 54, 94, № 31).

3. Копье (дротик) Тохтамыш-Гирея (ГИМ), 20-е–40-е гг. XVIII в.; ГИМ, Москва) (Зайцев, 2008. С. 147-150).

4. Доспех хана Сахиб-Гирея сына Ахмед-Гирея (ок. 1771–1775 гг.). Доспех, возможно, собран из нескольких комплектов. Так, на одном из предметов владельцем назван Каплан-Гирей. Доспех был продан на аукционе Auctions Imperial в Мериленде, США, 16 марта 2013 г.[2]

5. Шлем Саадет-Гирея, кон. XVIII-первая половина XIX в. (до 1856 г.) (Нальчикский музей, Кабардино-Балкария) (Зайцев, Комаров, 2009. С.59-71).

В Российском этнографическом музее хранится так называемая «сабля Шахин-Гирея». Она упоминается в описи личных вещей цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) в 1891 г. После коронации сабля хранилась в Зимнем Дворце. Поступила в Этнографический отдел Русского музея (нынешний РЭМ) через Государственный музейный фонд в 1928 г.[3] По преданию, сабля сначала принадлежала крымскому хану, затем А.П. Орлову, который подарил ее Екатерине

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «История создания и формирования коллекций Бахчисарайского дворца-музея: 1917-2014 гг.», проект №15-31-10132

[2] http://www.icollector.com/THE-ARMOR-OF-SAHIB-GIRAY-II-KHAN-OF-CRIMEA_i15525520

[3] Или в 1919 г. (?). См. (Холодное, 2006. № 37).

II. Надписи на сабле никак не связывают ее ни с Шахин-Гиреем, ни с Крымом в целом. Есть и другие плохо аргументированные данные о принадлежности к Крыму и крымской династии предметов оружия и амуниции, шлемов и доспехов[4].

К настоящему времени нам известно еще о нескольких предметах вооружения, непосредственно связанных с крымскими ханами. В этой статье речь пойдет о двух кремневых ружьях из музейных коллекций Российской Федерации.

Ручное огнестрельное оружие начало распространяться на Крымском полуострове в XVII в. Однако поначалу собственного производства в Крыму не было. Основным нашим источником для характеристики производства вооружения в Крыму в это время является Эвлия Челеби. Описывая «высокий дворец правосудия» в Салачике, он упоминает, что у ханов была там особая оружейная: «Теперь в этом дворце нет ничего, кроме оружейной. Там много вещей, некогда принадлежавших ханам» (Эвлия Челеби, 1999. С. 39).

По словам Эвлии Челеби, в его время в Бахчисарае насчитывается 1100 лавок. «В каменном, крытом куполом здании безестана есть бесконечное множество разнообразных товаров. Там очень много [лавок] портных, сапожников, москательщиков, а также кофеен и буза-хане. Но [лавок] бронников там нет» (Эвлия Челеби, 1999. с.. 50). «Основным славным ремеслом людей этого города, - пишет далее Эвлия и Бахчисарае, — является изготовление разнообразных седел для коней, татарских колчанов, плетей и стрел, отделанных пером коршуна» (Эвлия Челеби, 1999. С. 53).

В Крыму в то время существовали целые деревни, занимавшиеся оружейным промыслом. Так, Эвлия Челеби описывает деревню Яйшили: «Народ здесь зовется яйшили, то есть «лучники», потому что с удивительным мастерством они делают татарские луки. Затем — селение Шанике. Затем стоянка селение Бузъяйши. И здесь делают странные луки» (Эвлия Челеби, 1999. С. 19).

Интересно, что говоря о ручном огнестрельном оружии в Крыму, Эвлия Челеби почти всегда упоминает крымских христиан. Описывая крепость Ор, Эвлия замечает: «Там есть начальник крепости и 500 стражников-секбанов с ружьями. Но все они — греческие джигиты (Rûm yiğitler). Потому, что татарский народ не умеет стрелять из ружей. Ружей они боятся. Если где-нибудь есть ружья, они говорят: «*Мылтык коп*», и туда не идут. Татарский народ называет ружье *мылтык*».

Комментатор Эвлии Челеби справедливо сравнил эту фразу (видимо, часть поговорки) с сообщением Андрей Лызлова: «[Татары] к приступам городов не суть способны. Ибо пушек и пищалей не имеют. Боящися оныя своея приповести: «Алтур пок, душа йок», яко бы души нет» (Эвлия Челеби, 1999. С. 12).

В XVIII в. Бахчисарай становится уже крупным центром производства огнестрельного оружия, прежде всего ружейных стволов, которые получают название «крымских» и широко распространяются, в частности, на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Аствацатурян, 2004).

По Пейсонелю, вывоз ружей из Бахчисарая в середине века достигал двух с половиной тысяч стволов (Никольский, 1924. С. 22). Только в Черкесию в середине XVIII в. из Бахчисарая вывозилось 1000 стволов ежегодно. Особенно хороши были бахчисарайские карабины, расходившиеся в разные страны от 500 до 2 000 в год. Цена карабина могла достигать 200 пиастров (при цене лошади в 30 пиастров). Славились также и крымские пистолеты. В связи с распространением огнестрельного оружия на полуострове получает развитие производство пороха, который также экспортировался (Хартахай, 1867. С. 170).

Впрочем, по другим данным в самом Крыму ружья все еще были редки. Тунманн (1777 г.) прямо пишет о крымских татарах: «Сабля, ружье и пара пистолетов составляют вооружение богатых, но большинство имеет только луки и стрелы или деревянную пику, закаленную или заостренную при помощи огня» (Тунманн, 1991. С. 23).

Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (ГБУ БИКАМЗ)[5] (Рис. 1).

В фондах БИКАМЗ под № КП 1157/О-80 хранится кремневое ружье с арабской надписью. В инвентарной карточке каталога Фондов, следующее описание предмета: «Ружье с кремнеударным замком. Ствол

[4] Шлем без указания места хранения. «Надписи свидетельствуют о татарском происхождении, предположительно из Крыма» (Ахметжан, 2015. С. 6). Судя по облику, это кавказский шлем, датированный 1196 г.х. / 1782 г. Судя по владельческой надписи, принадлежал некоему Мусе-беку б. Томшуку (видимо, кабардинскому князю).

[5] Наименование учреждения с 2015 г., ранее с 2006 г. - КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».

стальной восьмигранный слегка расширяется в казенной и продольной части, у мушки насечкой изображены три овальных медальона. На верхней грани казенника в картуше арабская вязь. Ложе[6] и приклад деревянные, инкрустированы костью, рогом, золотом. Изображены розетки, медальоны, два зеленых и один белый поясок украшены шишечками. Размер Дл[ина ствола] – 87 см; Дл[ина] л[ожа] – 84 см; Дл[ина] пр[иклада] – 34 см; Ш[ирина] – 10см; d[7] – 2 см. Курок поврежден, инкрустация частично утрачена. *Из Центрального музея Тавриды 1925 г.*[8]». Данное описание, к сожалению, не расшифровывает нам значение надписи, а также не указывает датировку предмета. В карточке также не указан старый инвентарный номер. Проблему более полной атрибуции, а также источника поступления значительного количества предметов «довоенного фонда» БИКАМЗ позволяют решить старые инвентарные книги.

Так в инвентарной книге Бахчисарайского Дворца-Музея (I-ая инвентарная книга с №1 по № 637) от 1945 г. указаны старые (довоенные) и новые номера [Архив].

В данной инвентарной книге под № КП-1157 следующая запись: «Ружье кремневое, нарезное дамасской стали, ствол граненый с прицельной пластинкой и мушкой. У основания и конец ствола художественная гравировка с серебром и золотом. Узор: медальоны, тюльпаны, шестигранники. Ремневые и курковое отверстие, и приклад инкрустированы белой костью, зеленой костью и густо вделанными розетками из медных точек. На прикладе три широкие полоски из белой и зеленой кости, и ряд медных пуговок. На стволе золоченая арабская надпись: «Владелец Бахт-Гирей хан, сын Крым Гирей хана». Работа XVIII века. Сталь. Работа ручная. Ствол О,88 м, общая длина 1,23 м., хорошей сохранности. Из Центрального музея Тавриды в 1925 г. Старый № 334» (Архив Л. 86). Старый (довоенный) инвентарный № 334, под которым данный музейный предмет хранился, находится в инвентарной книге 1929–1937 гг. Приводим запись из книги: «№ 334 – № акта 82-1 – «Туфек-чакмаклы» — ружье турецкое с дамасским стволом, нарезное, ложа с инкрустацией из кисточек, медных кружков и гвоздей и с золоченой арабской надписью: «Владелец Бахт-Гирей-хан, сын Крым-Гирей хана» – XVIII в. Длина – 1,20 м. Из Центрального музея Тавриды. Ст[арый] № 1635» (Архив 1. Л. 79).

Из еще более ранней инвентарной книги 1925–1929 гг., мы узнаем во сколько была оценена стоимость ружья: «№1635 – Ружье кремневое, восточной работы XVIIIв. с дамасским стволом, с ложем инкрустирован[ной] медью и костью с золоченой надписью на стволе арабскими буквами: «Владелец Бахт-Гирей хан, сын Крым Гирей хана», поступил предмет по акту №82 от 30.03.1925г. с оценкой в 25 р[уб.]. из Центрального музея Тавриды» (Архив 2. Л. 37).

К описанию в карточке и инвентарных книгах можно добавить следующее: ствол ружья восьмигранный в сечении, кованный из сварной дамасской стали[9], дульный срез с 9-ю нарезами, откидная прицельная планка с верхней прорезью и четырьмя отверстиями, в хвостовой части казенника отсутствуют два хвостовых винта для крепления ствола к ложу — ввинчен один современный шуруп; имеется деревянный шомпол с медной головкой для прибивания пули при заряжании; ложа из дерева, покрыта лаком, богато инкрустирована костью и желтым металлом[10] – в особенности приклад, в цевье у шомпольного отверстия глубокие трещины и утрата инкрустации костью кромки цевья с левой стороны ружья, на пятигранном прикладе также отсутствует часть инкрустации костью зеленного цвета в виде пластинки, там же утрачены две золоченные заклепки на пластинке из белой кости; замок (ударный) кремневый "турецкого типа", курок с курковым винтом и губами для зажима кремня без повреждений[11], но утрачена боевая пружина; спусковой крючок не имеет выемки под палец, наоборот, выпуклый в виде «шишечки», не защищен скобой.

В настоящее время надпись со значительными утратами позолоты, но читаема. (Рис.2)

Надпись: خان كراى قريم ابن خان كراى بحت صاحب

Перевод: «Владелец хан Бахт(ы)-Гирей сын хана Кырым-Гирея»

Бахты-Гирей в действительности носил звание хана, но это было звание-призрак: он вошел в историю как хан Кубани. Поначалу

[6] Так в тексте.

[7] Видимо наружный диаметр ствола.

[8] Вписано другим почерком и чернилами, по-видимому, позднее.

[9] По всей вероятности из "турецкого" или "розового" дамаска.

[10] Скорее всего, медью, но только пробы дадут точное заключение.

[11] Указано на повреждение в описании карточки предмета

он был калгой у Максуд-Гирея (1771–1772). Как пишет В.Д. Смирнов, «Бахты-Герай аттестован крымским историком как человек умный, добрый, ласковый, славившийся своими знаниями в истории и красноречием, и прекрасный собеседник. Но едва ли не самую достопримечательную страницу его истории составляет его скитальчество, которому он подвергся после своего разжалования. Сперва его сослали и заточили в Кандию, откуда вскоре перевезли на остров Митилену, потом на остров Хиос. Оттуда угнали в Галлиполи; из Галлиполи переселили в Текфур-Дагы. После того он получил разрешение на житье в своем чифтлике в Паша-Карыйеси, но спустя короткое время вторично отправлен на остров Метилену, где и умер в рамазане 1215 = в январе 1801 года. Продолжительность его титулярного властвования высчитывается в 3 года и 8 месяцев» (Смирнов, 2005. С. 213). Бахты был последний крымский чингизид, который носил титул хана, хоть и номинальный.

Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина (ИГИКМ). Экспозиция[12].

Ружье (инв. №6604) капсюльное, восточное с надписью арабским шрифтом. (Рис. 3).

Ствол нарезной с 8-ю нарезами — круглый в казенной и дульной части, в средней — восьмигранный. В дульной части ствола имеется небольшой раструб, прицел постоянный диоптрический, мушка продольной формы. Ложа из светлого орехового дерева, без украшений, приклад овальной формы с костяной пятой. В казенной и дульной части ствола таушировка золотой насечкой — растительный орнамент: листья со стеблями, тюльпаны, плоды граната.

На стволе в средней граненной его части золотой насечкой выполнено клеймо мастера: سليم عمل («Делал Селим»). (Рис. 2)

Вполне возможно, что это крымское ружье впоследствии переделывалось: технические параметры ружья не соответствуют времени изготовления ствола XVIII в. — замок капсюльный (изобретение 1814 г., распространение даже в Европе получили в 30-е гг. XIX в.). Скорее всего, замок был изготовлен позже (делал его другой мастер: грубовато, нет отделки, нет чернения и т.д.).

Надпись с именем владельца также выполнена золотой насечкой. (Рис. 4).

Надпись: خان كراى فتح بن خان كراى سليم

Перевод: «Хан Селим-Гирей сын хана Фетх-Гирея».

Таким образом, ружье, а вернее было бы сказать, первоначальный ствол его принадлежал хану Селиму III, который правил в Крыму дважды: в 1765–1767 и 1770–1771 гг. «Благородный простак» (такое прозвище хан заслужил у своего современника-мемуариста Мехмеда Неджати) скончался 73 лет от роду в августе 1785 г. в г. Визе в Османской империи, где и похоронен. «Как крымский историк ни расписывает мужество и доблести Селим-Герая, но из всего, что нам известно из его подвигов, только и выходит, что он был жаден до денег, любил пожить и умел устраивать свои дела», — такую нелестную характеристику дал хану В.Д. Смирнов (Смирнов, 2005. С. 174).

Таким образом, надпись на стволе ружья, владельцем которого являлся Селим-Гирея, была сделана после 1765 г.

ЛИТЕРАТУРА

Архив: Архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). Ф. 16. Оп. 1 Д. 11.

Архив 1: Архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 4.

Архив 2: Архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 2.

Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: Атлант, 2004. 113 с.

Ахметжан К.С. Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Научно-познавательное издание. Астана: [б.и.], 2015. 101 с.

Зайцев И.В. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // Эпиграфика Востока. 2008. XXVII. С. 147–154.

Зайцев И.В., Комаров И.А. Два шлема из Нальчика // Эпиграфика Востока. 2009. XVIII. С. 59–71.

[12] Авторы благодарны директору ИГИКМ Сергею Владимировичу Конореву за предоставленную возможность поработать с ружьем из коллекции Музея.

Идрисов Ю. Краткий обзор истории политических взаимоотношений феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа с Крымским ханством // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 22–29.

Никольский П.В. Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь: Крымохрис, 1924. 80 с.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. 542 с.

Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. 80 с.

Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар. Статья вторая // Вестник Европы. 1867. Кн. 6. С. 182–236.

Холодное: Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея / Edged Weapons in the Collection of the Russian Museum of Ethnography / Составитель альбома А.М. Лютов. СПб.: Российский этнографический музей, 2006. 245 с.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Перевод и комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар. 1999. 144 с.

Aydın H. Sultanların Silahları. Topkapı Sarayı Silah Koleksiyonu. İstanbul: Kültür ve Turizum Bakanlığı, 2002. 228 s.

Gutowski: Broń i uzbrojenie Tatarów («Tartar arms and armour») / Przygotował Jacek Gutowski. Warszawa: Res Publica Multiethnica,1997. 138 p.

Информация об авторах:

Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института востоковедения РАН, главный специалист Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. ilyaaugust@ya.ru

Эминов Рустем Русланович - заведующий этнографическим отделом Музея истории и культуры крымских татар «Ханский дворец» (Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник), заведующий отделом специальных проектов Фонда поддержки межмузейного коммуникационного пространства и культурно-образовательных программ «Связь эпох», г. Москва.

TWO GUNS BELONGING TO CRIMEAN KHANS[13]

I.V. Zaitsev, R.R. Eminov

The article considers armament items belonging to Crimean Khans - two flint guns of the 18th century. The first gun from the collection of the Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve belonged to Bakhta-Giray (d. 1801), nominally bearing the title of a Khan. The second gun from the Ivanovo State Museum of History and Local Lore belonged to Khan Selim-Giray (d. 1785).

Keywords: Crimean Khanate, weapons, rifles, inscriptions.

About the authors:

Zaitsev Ilya V. – Dr. Habil., Leading Research Scientist of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Leading Specialist of Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve. ilyaaugust@ya.ru

Eminov Rustem R. – Head of the Ethnography Department of the Museum of History and Culture of the Crimean Tatars “Khan’s Palace” (Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve), Head of the Special Projects Department of the Foundation for the Support of Inter-Museum Communication, and Cultural and Education Programs “Bond of Epochs”, Moscow.

[13] The study was conducted with the financial support of the Russian Foundation for the Humanities. “The history of the establishment and formation of the collections of Bakhchsarai Palace Museum: 1917-2014”, Project No. 15-31-10132.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 1. Ружье Бахты-Гирея (ГБУ БИКАМЗ)
Рис.2. Ружье Быхты-Гирея. Надпись владельца (ГБУ БИКАМЗ)

Рис. 3

Рис. 4

Рис.3. Ружье Селим-Гирея (ИГИКМ).
Рис. 4. Ружья Селим-Гирея. Надпись (ИГИКМ)

УДК 903.2: 930.26 (571.5)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ «ШЕЛОМ БУЛАТНОЙ» КОНЦА XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. ИЗ ЧИСЛА ДАРОВ ЭРДЭНИ ДАЙ МЭРГЭН НАНСО[1]

© 2017 Л.А. Бобров, В.П. Зайцев, С.П. Орленко

В работе рассмотрен железный шлем, хранящийся в фондах Музеев Московского Кремля (инв. № ОР–2058). Установлено, что он происходит из числа подарков, отправленных хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо русскому царю Михаилу Федоровичу Романову 14 января 1635 г. Не позднее 29 ноября 1636 г. шлем поступил в сокровищницу Казенного двора, откуда 2 ноября 1640 г. был передан в Оружейную палату.

В комплект с наголовьем входила трехчастная пластинчато-нашивная бармица, крытая цветным бархатом и шелком, матерчатый подшлемник, а также желтые атласные подбородочные ленты (все элементы органического происхождения были утрачены в первой половине XVIII в.).

Подвершие и козырек шлема покрыты надписями на санскрите, которые, как было установлено, представляют собой мантру Львиноголовой дакини (Симхамукхи). Мантра должна была защитить носителя шлема от магического воздействия и оружия противника. Технологическая экспертиза показала, что знаки на подвершии были позолочены, а на козырьке покрыты серебрением.

Первоначально наголовье было атрибутировано сотрудниками Оружейной палаты как «шапка манджурская». На основании типологического анализа установлено, что шлем изготовлен центральноазиатскими (монгольскими или ойратскими) мастерами в конце XVI — первой трети XVII в.

Рассматриваемый шлем может выступать эталонным образцом при датировке и атрибуции боевых и парадных наголовий кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени из числа случайных находок и старых оружейных коллекций.

Ключевые слова: Оружейная палата Московского Кремля, монголы, хотогойты, ойраты, защитное вооружение, шлемы, мантра.

Актуальным направлением современных исторических, археологических и оружиеведческих исследований является изучение военно-культурного наследия кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени. Особый интерес ученых вызывает вооружение, тактика и военная стратегия ойратов (джунгар, волжских и чакарских калмыков, хошоутов Кукунора) завоевательные походы которых оказали значительное влияние на судьбы многих народов Евразии. Специальные исследования показали, что военное дело номадов на протяжении указанного исторического периода не деградировало, а, напротив, активно развивалось, приспосабливаясь к новым военно-политическим условиям эпохи «пороховой революции». При этом монголо- и тюркоязычные кочевники XVI–XIX вв. не только осваивали новые для них виды вооружения (ружья, пушки), но и настойчиво совершенствовали традиционное оружие дистанционного и ближнего боя, а также защитный панцирный комплекс (Бобров, 2003, с. 79–88; Бобров, Худяков, 2008, 75–681; Бобров, 2011; Бобров, Анисимова, 2013).

Характерной особенностью источниковой базы по доспеху кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени является тот факт, что большинство предметов защитного вооружения происходят не из закрытых археологических памятников, а из числа случайных находок, старых арсеналов, частных собраний и так далее (Бобров, Худяков, 2003, с. 138–155; Бобров, 2011, с. 15). Отказ от традиционного погребального обряда, при котором в могилу вместе с умершим помещались принадлежавшие ему предметы вооружения, был связан с распространением среди кочевников религиозных верований, прямо или косвенно запрещавших перенос в погребение предметов материальной культуры, не связанных непосредственно с соответствующим религиозным культом (Бобров, Худяков, 2008, с. 44, 45). Это в известной степени затрудняет датировку и атрибуцию панцирей, шлемов, наручей, щитов монгольских и тюркских номадов

[1] *(Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности, проект № 1.4539.2017/8.9)*

XVI–XIX вв. В связи с этим особую ценность представляют предметы защитного вооружения, место и время изготовления которых может быть достоверно определено на основании материалов письменных источников и типологического анализа. Данные предметы служат своеобразным эталоном при датировке и атрибуции панцирных элементов из числа случайных находок и старых оружейных коллекций. Публикация таких, ранее не известных широкому кругу специалистов и любителей военной истории профильных вещественных материалов, позволяет уточнить многие вопросы, связанные с особенностями эволюции военного дела номадов XVI–XIX вв. Особый интерес вызывают предметы вооружения центральноазиатских народов Великой Степи, хранящиеся в музейных и частных собраниях Российской Федерации и до сегодняшнего времени не введенные в научный оборот.

В фондах Музеев Московского Кремля хранится богато украшенный железный шлем (инв. № ОР–2058), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружиеведов и военных историков. Он долгое время не привлекал к себе должного внимания российских и советских ученых. Единственное изображение наголовья (в трех проекциях) было выполнено в первой половине XIX в. академиком исторической живописи Ф.Г. Солнцевым (рис. 1) для издания «Древности Российского государства» (Древности…, 1853, [Альбом], рис. 26). Кроме того, черно-белая фотография шлема в анфас, отпечатанная методом фототипии, была включена в альбом рисунков к «Описи Московской Оружейной палаты», вышедшем в 1884 г. (Рисунки к Описи…, [1884], табл. 342, изобр. слева). Целью настоящей статьи является введение шлема в научный оборот, описание его конструкции и системы оформления, а также датировка и атрибуция.

Обстоятельства и время поступления шлема в Оружейную палату Московского Кремля

Установить условия и время поступления наголовья в царскую казну представляется возможным на основании анализа русской служебной документации первой половины XVII в.

Первое упоминание об интересующем нас шлеме мы находим в статейном списке посольства томского сына боярского Я.Е. Тухачевского к хотогойтскому хунтайджи Омбо-Эрдэни (3 июня 1634 г. — 12 мая 1635 г.) (Русско-монгольские отношения…, 1959, с. 203–214).

Держава хотогойтов была основана в конце XVI в. известным монгольским военачальником Шолой-Убаши (1567–1627), принявшим титул «хунтайджи».[2] В период расцвета своего государства хотогойтские правители контролировали северо-западную Монголию, а также значительную часть Южной Сибири, вели продолжительные (часто успешные) войны со своими ойратскими и халхаскими соседями. Шолой-Убаши-хунтайджи стал первым монгольским правителем, с которым русское правительство установило прямые дипломатические контакты (1616 г.). Отмечая военно-политическое могущество хотогойтского владыки, русские дипломаты (вслед за ойратами и енисейскими кыргызами) стали именовать Шолой-Убаши-хунтайджи и его потомков почетным титулом Алтын-хан (монг. *altan qayan*), то есть «Золотой хан» (Шастина, 1949, с. 385).

В начале XVII в. российские посланники регулярно посещали государство Алтын-ханов. В 1616 г. в ставку хунтайджи приезжал Василий Тюменец, в 1631 г. Казый Карякин, в 1634–1635 гг. — Яков Тухачевский, Дружина Агарков и Лука Васильев, в 1636–1637 гг. — Степан Греченин и Бажен Карташев (Карташов), в 1638 г. — Василий Старков и Степан Неверов. В ходе переговоров обсуждались вопросы политического, экономического и военного сотрудничества Русского государства и державы хотогойтов. При этом цели договаривающихся сторон различались весьма существенно. Московское правительство рассчитывало на то, что Алтын-ханы примут российское подданство и принесут соответствующую «шерть» (клятву). Хотогойтские хунтайджи, в свою очередь, воспринимали русских лишь как военных союзников, которых можно было использовать в борьбе со своими политическими противниками в Центральной Азии. Недопонимание и взаимные претензии привели к тому, что переговоры в 1638 г. зашли в тупик и были прерваны на целых девятнадцать лет (там же, с. 384–387).

Важным элементом дипломатического этикета XVII в. был обмен дарами, в состав которых нередко включались предметы вооружения. Очередная партия таких подар-

[2] Монг. *qung tayiǰi*, *quwang tayizi* от кит. *хуан тайцзы* 皇太子 букв. «августейший наследный принц (старший сын императора; наследник императорского престола)». Наиболее точный смысловой перевод на русский язык — великий князь.

ков (которые московские дипломаты традиционно определяли как «дань») была передана российским посланникам 14 января 1635 г.[3] В этот раз хотогойтский хунтайджи Омбо-Эрдэни (сын Шолой-Убаши-хунтайджи) и его духовный наставник лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо передали царю Михаилу Федоровичу Романову большую партию защитного вооружения, в состав которой был включен и интересующий нас шлем: «Генваря в 14 день Алтын-царь отпустил Якова и Дружину и сына боярсково и служивых людей. И дань с себя Алтын-царь государю царю и великому князю Михаилу Федоровичи всеа Русии дал куяк меденой с нагрудником серебряным в серебре, камень яшма, да барс, да двисти соболей, да 10 бобров… Да отец духовной царя Алтына Таи Мерген-ланзу послал дани с себя государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии куяк и *шапку железную, набиван на бархате надцветном на зеленом* [здесь и далее курсив наш. — Авт.], да наручи куяшные, да ирбиз, да 100 соболей» (Русско-монгольские отношения…, 1959, с. 213). В другом сообщении из описи оружейной казны царя Михаила Федоровича (1642–1643) уточняется: «Шелом булатной с наводом слова арапские. Прислан ис Тунгуские земли с куяком что по цветному бархату. Цена 5 р. А по осмотру на том шеломе верх подвершие слова арпские посеребренные позолочены. Городок и над верьем по железу опаивано серебром. А на полке слова арапские ж серебреные белые. Уши и затылок набиты железом по бархату цветному»[4]. Наряду с наручами в комплект со шлемом входил пластинчато-нашивной доспех — «куяк с рукавы, у нево ж пять щитов с пугвицы на петлех. Куяк и щиты прикрыты бархатом плохим цветным, травы розных цветов. Прислал к государю дани лаба во 144 [1636] году. Цена по тритцать рублев куяк» (Опись…, 2014, с. 104–105; Древности…, 1853, с. 30).

Дальнейшую судьбу шлема можно проследить по приходно-расходной книге Казенного приказа. В записи от 2 ноября 149 [1640] г. указано, что в этот день в числе прочих предметов с казенного двора в Оружейный приказ для хранения был передан: «Шелом булатный, на шелому надо лбом слова мусулманские серебреные, Государю прислал тот шелом дани Тунгузские земли Лоба Ирденей даин-Мен Герланзу во 144 [1636] году в 29 день ноября, цена пять рублев» (Опись…, 1884, с. 35).

Таким образом, анализ дипломатической документации по истории русско-монгольских отношений первой половины XVII в. позволяет достоверно определить обстоятельства и время отправки шлема в Россию, а также дату его поступления в царскую казну. Так, в частности, можно считать установленным, что шлем был отправлен в качестве дипломатического подарка царю Михаилу Федоровичу влиятельным хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо 14 января 1635 г. Почти два года спустя (29 ноября 1636 г.) он поступил на хранение в сокровищницу Казенного двора, откуда 2 ноября 1640 г. был передан в Оружейную палату Московского Кремля.

Первое подробное описание конструкции и системы оформления шлема было выполнено авторами описи казны царя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича: «Шелом наверху напереди резаны слова, зад и стороны доски [то есть пластины назатыльника и наушников бармицы. — Авт.] покрыты бархатом цветным, травы шолк червчат, да зелен, да жолт, цена пять рублев. Прислал Государю дани Лаба в 144 [1636] году» (там же; Опись…, 2014, с. 105; Древности…, 1853, с. 29). В описи Оружейной палаты 1643 г. шлем был записан под № 5. В описи 1687 г. он был отнесен к «Шапкам Немецким и Калмыцким», где указан под № 3: «Шапка железная Колмыцкая гладкая, здолы, наверху трубочка, прислана воружейной приказ сказеннаго двора, цена двадцать пять алтын, завяски отлас жолтый… А по нонешней переписи 195 [1687] году и по осмотру та шапка против прежних переписных книг сошлась; уши и затылок куяшные покрыты бархатом цветным, поверх шапки подтрубкою и на полки слова калмыцкие. А по нынешней оценке полтора рубли» (Опись…, 1884, с. 35; Древности…, 1853, с. 29, 30).

Материалы описей 1701 и 1711 гг. свидетельствуют, что в этот период шлем еще имел бармицу, однако уже в документах 1727 г. было указано, что подкладка шлема и наушники оказались утеряны: «…есть ветха, а у шапки подкладки нет, а по нынешнему осмотру нет ушей» (Опись…, 1884, с.

3 Все даты русских источников приводятся в статье по юлианскому календарю (старый стиль) до 31 января 1918 г. (включительно), после 31 января 1918 г. — по григорианскому (новый стиль). Таким образом, за 31 января 1918 г. (старого стиля) будет следовать 14 февраля 1918 г. (нового).

4 РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3226. Роспись знаменам и оружию царя Михаила Федоровича 151 г. Л. 2.

35). Наибольшие повреждения шлем получил в ходе пожара 1737 г. В описи 1746 г., в которой шлем числится в категории «Шапок Ерихонских» под № 15 есть пометка — «погорела» (там же). Вероятно, именно в результате пожара наголовье окончательно утратило пластинчато-нашивную бармицу и другие элементы органического происхождения. В 1810 г. шлем, в числе прочих предметов, был взят президентом Императорской Академии художеств, действительным тайным советником и известным исследователем старины А.Н. Олениным для «рассмотрения [и] истолкования» (Файбисович, 2006, с. 273–274)[5]. В музейное собрание он был возвращен только 18 июня 1843 г. (Опись…, 1884, с. 36).

Л.П. Яковлев — составитель опубликованной в 1884 г. книги «Броня» многотомной «Описи Московской Оружейной палаты» систематизировал документы прошлых лет и предложил свою атрибуцию данного наголовья. Он определил шлем как «Шапку манджурскую» и дал краткое описание ее конструкции: «Булатная досчатая, над лбом выпуклыя серебряныя слова; полка коробчатая; на верху трубочка железная, точеная» (там же, с. 35). В настоящее время представляется возможным уточнить атрибуцию данного наголовья.

Описание конструкции и системы оформления шлема

По материалу изготовления рассматриваемый шлем относятся к классу железных, по конструкции тульи к отделу клепанных, по форме купола к типу цилиндроконических (рис. 2). Общая высота наголовья — 22,3 см, диаметр — 20,5 см (лобно-затылочный) и 20,8 см (височный) соответственно. Вес шлема — 1,2 кг.

Тулья шлема склепана из четырех пластин-секторов, стыки которых прикрыты широкими железными накладками с вырезным краем и рельефной лицевой поверхностью. Каждая накладка (ширина накладок: 1,8–7,5 см) снабжена двумя парами симметричных остроугольных зубцов, рядом с которыми вбиты заклепки, соединяющие накладки с пластинами тульи. Ярко выраженное горизонтальное ребро жесткости пересекает купол шлема и придает наголовью характерный цилиндроконический силуэт (рис. 2). Верхняя часть пластин тульи и накладок покрыты слабовыраженным рельефным узором, выполненным в технике чеканки по металлу. Узор (ширина — около 8 см) представляет собой ряд повторяющихся Y-образных символов (рис. 2). Л.П. Яковлев, сотрудник Оружейной палаты в XIX в., называл подобный орнамент «путиками, соединенными между собою городками» (Опись…, 1884, № 4421, с. 37). В современной оружиеведческой литературе подобный узор именуется «двупалым лапчатым орнаментом» (Бобров, Худяков, 2008, с. 437).

Дополнительным фиксатором пластин тульи является обруч, представляющий собой железную ленту с ровным краем (ширина — 3,5 см), концы которой были соединены на затылке наголовья (рис. 2: 1). Вдоль верхнего края обруча вбиты восемь заклепок с полусферическими шляпками (диаметр — 0,35 см), соединяющими обруч с пластинами тульи и накладками. Вдоль нижнего края обруча пробиты 12 сквозных отверстий для крепления бармицы.

К лицевой части шлема приклепан так называемый «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пятиугольной «полки» (длина — 14,5 см) и вертикального «щитка» (ширина: 1–1,7 см) (рис. 2: 1–3; 3). Козырек крепится к тулье с помощью трех заклепок, вбитых в крепежную пластину на внутренней стороне купола шлема. Края «полки» и «щитка» снабжены выпуклым бортиком. Поверхность козырька покрыта рельефными надписями на санскрите (см. ниже). Надпись выполнена в технике так называемой оборонной резьбы, когда выпуклость элементов достигается за счет выборки (выемки резцом) фонового металла. Изначально знаки были посеребрены, однако позднее серебрение было в основном утрачено. Возможно, это произошло при пожаре 1737 г.

Венчает шлем навершие, состоящее из пластины-основания (подвершия) и трубки-втулки для плюмажа (рис. 4). Подвершие имеет форму короткого цилиндрического наперстка с выпуклым бортиком по нижнему краю (высота — 2,2 см, диаметр: 4,3–5,1 см). Боковые стороны подвершия покрыты рельефными позолоченными надписями на санскрите. Верхняя часть подвершия украшена изображениями восьми выпуклых, покры-

[5] По данным Л.П. Яковлева шлем был взят А.Н. Олениным «для соображений» в 1812 г. (Опись…, 1884, № 4418, с. 36). Вероятно, следуя этому сообщению, этот же год, но для другого шлема, определенно взятого Олениным в 1810 г. (Бобров, Зайцев, Орленко, Сальников, 2017, с. 1143; Опись…, 1884, № 4407, с. 19), приводит и И.А. Комаров (Государева Оружейная палата, 2002, с. 304). В настоящее время нам известны только документы, подтверждающие взятие А.Н. Олениным принадлежащих Оружейной палате вещей (рогатины с серебряною оправою и трех шишаков) в 1810 г.

тых позолотой лепестков в форме трилистника, символизирующих восьмилепестковый лотос (рис. 1; 4). Между ними вбиты заклепки, фиксирующие навершие с пластинами тульи.

Использование в декоре шлема золочения и серебрения было подтверждено экспертом по драгоценным металлам и камням Музеев Московского Кремля Н.В. Парменовой. Экспертиза проводилась на рентгенофлуоресцентном энергодисперсионном анализаторе «Призма М (Au)». Следует отметить, что для нанесения на знаки надписи и декоративные элементы на подвершии использовалось золото невысокой пробы с большим содержанием серебра. Так, в частности, процентная концентрация золота на подвершии составляет — 53,46 %, серебра — 27,99 %. Процентная концентрация серебра на козырьке — 78,9 %[6].

Втулка для плюмажа представляет собой полую трубку (высота — 7,3 см, диаметр — 1,2 см) с тремя гранеными шайбовидными насадками, помещенными соответственно в нижней, центральной и верхней части втулки. Диаметр насадок — 1,7 см, высота — 2, 1,7 и 1,8 см соответственно. Насадки сужаются в центральной части, их поверхность покрыта пятью вертикальными гранями (рис. 4).

Значительный интерес представляют надписи на санскрите, помещенные на поверхности козырька и подвершии шлема (рис. 3; 4). Так, в частности, было установлено, что все три надписи (одна на подвершии, две на козырьке) выполнены письмом ланьча (ранджана)[7]. Каждая надпись состоит из 17 знаков и читается слева направо. Надпись на вертикальном «щитке» козырька разделена на четыре части по 3, 6, 5 и 3 знака соответственно. Графика знаков (стиль письма) на подвершии незначительно отличается от графики знаков на козырьке. Все три надписи практически идентичны и передают один и тот же текст, однако в надписях, помещенных на козырьке, содержится ошибка, отличающая их от надписи на подвершии (см. ниже).

Транслитерация текста на подвершии: *// a ka sa ma ra ca śa ta ra sa ma ra ya pha ḍa :* (рис. 5). В надписях на козырьке вместо первого слога *a* ошибочно появляется слог *o*, а именно: *// o ka sa ma ra ca śa ta ra sa ma ra ya pha ḍa :*.

Орфография надписей на шлеме позволяет предположить, что их источником послужил текст, выполненный изначально тибетским письмом, то есть текст был «переведен» (переписан письмом ланьча) с тибетской записи мантры: *a ka sa ma ra tsa sha da ra sa ma ra ya phaT :*. На это указывают следующие обстоятельства: 1) восьмой слог *ḍa* ошибочно записан как *ta* (тибетские буквы *da* и *ta* можно перепутать); 2) четырнадцатый слог *phaṭ* ошибочно записан как *pha ḍa*, то есть вместо графемы *ṭa* написана графема *ḍa* (тибетские буквы *Ta* и *Da*, служащие для передачи санскритских *ṭa* и *ḍa*, можно перепутать), а кроме этого при ней отсутствует подстрочный диакритический знак *вирама*, указывающий на отсутствие гласного звука (этот знак не требуется при записи санскритского слога *phaṭ* тибетским письмом — *phaT*, но необходим при его записи письмом ланьча).

Таким образом, без ошибок текст мантры на шлеме должен был выглядеть так: *// a ka sa ma ra ca śa da ra sa ma ra ya phaṭ :*.

Кроме этого, можно отметить некоторое искажение форм графем в сравнении с известными нам памятниками письменности. Таковое, например, наблюдается в графемах, передающих слоги *a*, *śa* и *ma*. В написании последней, видимо, даже допущена ошибка.

Отдельного комментария заслуживает последний знак текста, обозначенный нами в транслитерации символом «*:*». Обычно этот знак, называемый *висарга* (*ḥ*), используется для передачи придыхания, однако в данном случае он, безусловно, выполняет пунктуационную роль и маркирует окончание текста, то есть выступает здесь вместо знака *данда*, сближаясь по своей функции с тибетским знаком *gter tsheg* (заметим, что вместо последнего в тибетских текстах так же нередко пишется знак придыхания *rnam bcad* и наоборот). Очевидно, что если принять рассматриваемый знак за обозначение придыхания, то получится слог *phaṭḥ* (или в ошибочной орфографии *pha ḍaḥ*), что не несет никакого смысла.

Рассматриваемый текст представляет собой мантру Львиноголовой или Львинoли-

---

[6] Авторы выражают глубокую благодарность эксперту по драгоценным металлам и камням Музеев Московского Кремля Н.В. Парменовой.

[7] Письмо ранджана (*rañjanā*), известное в Тибете под именем ланьча, ланца, ландза и др. (тиб. *lany+tsha*, *lany+dza*, *lan tsha*, *lan dza* и др.; здесь и далее тибетский текст приводится в транслитерации по системе Т. Уайли, текст на санскрите — по IAST), используется для записи санскритских, тибетских и неварских текстов на территории от Непала до Тибета (памятники письменности известны примерно с XI в.). Употребляется также для орнаментально-декоративных целей.

кой дакини (Симхамукхи)[8], известной в тибетской тантрической традиции как «гневная отвращающая четырнадцатислоговая мантра» (тиб. *sngags drag zlog yi ge bcu bzhi pa*)[9]. Мантра выполняет защитную функцию и применяется для отвращения убийства (тиб. *bsad zlog*) и отвращения врагов (тиб. *dgra zlog*). Согласно традиции, даже простое ношение мантры на теле оказывает защитное действие: «одного [того, что] эта мантра есть на теле, достаточно» (тиб. *sngags 'di lus la yod pa gcig pus chog pa yin*)[10]. В число магических действий (тиб. *las tshogs*), осуществляемых при помощи практик, связанных с Львиноголовой дакини, и включающих в себя использование данной мантры, входят отвращение или отражение (тиб. *zlog pa*) враждебного магического влияния, убийство (тиб. *gsod pa/bsad pa*) врага, магическая защита (тиб. *srung ba*) и защита от оружия (тиб. *mtshon srung ba*). Несмотря на подобные характеристики, данная мантра, по-видимому, крайне редко размещалась на поверхности боевых наголовий народов Центральной и Восточной Азии. В настоящее время шлем из собрания Оружейной палаты Московского Кремля является единственным известным нам образцом подобного рода.

Элементы шлема органического происхождения были утеряны еще в первой половине XVIII в. (см. выше), однако, благодаря описям 1640, 1687, 1727 гг. представляется возможным уточнить некоторые особенности их покроя и системы оформления. Так, в частности, известно, что первоначально шлем был снабжен бармицей, состоявшей из трех элементов — пары наушников («стороны», «уши») и назатыльника («зад», «затылок»). Бармица имела пластинчато-нашивную («куяшную») структуру бронирования. Железные пластины («доски») приклепывались к внутренней стороне органической основы таким образом, что постороннему зрителю были видны лишь головки заклепок. С внешней стороны бармица была покрыта специальным чехлом, изготовленным из шелка и парчи зеленого, желтого и красного цвета. Дополнительным украшением чехла являлся вышитый растительный орнамент, который авторы описи казны царя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича именовали «травами». К внутренней стороне купола крепился матерчатый подшлемник («подкладка»). Шлем дополнительно фиксировался на голове с помощью специальных «завясок» выполненных из желтого атласа, которые, в боевом положении затягивались под подбородком воина (Опись…, 1884, с. 35).

Атрибуция и датировка

Железные клепаные шлемы, составленные из четырех пластин-секторов и четырех широких накладок с двумя парами остроугольных зубцов, являются характерной разновидностью боевых наголовий воинов Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и раннего Нового времени (Бобров, Худяков, 2008, с. 425, рис. 153; с. 434, рис. 165, 1; с. 434, рис. 167, 1–3; с. 439, рис. 171; Бобров, Мясников, 2009, с. 236, рис. 1; с. 237, рис. 2; с. 238, рис. 3; с. 240, рис. 4; LaRocca, 2006, p. 69, 87). В тоже время необходимо отметить, что подавляющее большинство монгольских, ойратских, тибетских, бутанских и бурятских шлемов данной серии имеют сфероконическую или полусферическую форму. Клепаные цилиндроконические наголовья, в целом, не характерны для комплекса защитного вооружения номадов региона. Зато они типичны для маньчжурской (и шире — хоу-цзиньской, цинской) панопли XVII–XIX вв. Вероятно именно этот факт позволил Л.П. Яковлеву в начале 60-х годов XIX в. определить изучаемый шлем как «шапку манджурскую» (Опись…, 1884, с. 35).

Подобная атрибуция представляется нам ошибочной. За исключением силуэта тульи, шлем из Музеев Московского Кремля имеет мало общего с унифицированными маньчжурскими цилиндроконическими шлемами *чжоу* (胄). Тулья последних традиционно клепалась не из 4–8 железных секторов, а лишь из двух больших изогнутых пластин снабженных горизонтальным ребром жесткости (Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 11–13, 15, 16, 18). Цинские накладки-*лян* (梁), прикрывающие стыки пластин тульи, были выпуклыми, имели зауженные пропорции и ровный, а не зубчатый край (там же). В тех редких случаях, когда накладки снабжались зубцами, последние имели форму трехлепесткового бутона (там же, табл. 16, рис. 11). Практически обязательным элементом маньчжурских *чжоу* была массивная налобная пластина *хуэ* (護額) с надбровными вырезами, которая отсутствует на рассматриваемом шлеме.

[8] Санскр. *Ḍākinī Siṃhamukhā* или *Siṃhavaktrā*; тиб. *Mkha' 'gro ma seng ge'i gdong can*, *Seng gdong ma*, *Seng ge'i gdong ma*, *Seng ge'i gdong pa can*, *Seng ge gdong ma*, *Seng gdong can* и др.

[9] zab gsang seng gdong snyan brgyud…, 1976, с. 287 (f. 3a).

[10] Там же, с. 289 (f. 4a).

Широкий железный обруч, склепанный на затылке, типичен для монгольских, ойратских и южносибирских наголовий XVI–XVIII вв., в то время как на цинских шлемах он встречается крайне редко (Бобров, Худяков, 2008, с. 425, рис. 153; с. 427, рис. 155; с. 428, рис. 156, 157; с. 429, рис. 158, 159; с. 430, рис. 160; с. 431, рис. 162; с. 435, рис. 168; с. 436, рис. 169; с. 438, рис. 170; с. 440, рис. 173; с. 441, рис. 174; с. 443, рис. 175; с. 444, рис. 176; с. 445, рис. 177).

Если к маньчжурским шлемам пластинчато-нашивная бармица крепилась с помощью больших массивных заклепок с полусферическими шляпками (которые сохраняются на большинстве наголовий даже после утери самой бармицы), то в представленном случае отверстия на обруче пусты. Это позволяет предположить, что бармица крепилась не к заклепкам, а к кожаному ремешку, протянутому сквозь отверстия обруча. Подобная система подвеса бармицы достаточно часто фиксируется на монгольских, ойратских, южносибирских, тибетских и бутанских наголовьях XVI–XIX вв. (там же, с. 420; с. 440, рис. 173; с. 441, 449; с. 460, рис. 190, 2, 3; с. 467).

«Коробчатые» козырьки, состоящие из горизонтальной пятиугольной «полки» и вертикального «щитка», являются классической разновидностью защиты лица на центральноазиатских и восточноазиатских шлемах XV–XIX вв. (там же, с. 418, 421, 426, 432; с. 432, рис. 167; с. 440, рис. 173; с. 441, 443, 444, 446, 447, 450–452). Уникальность рассматриваемого образца заключается в особенностях его декоративного оформления. В настоящее время нам известно о пятидесяти девяти ойратских, монгольских и цинских шлемах, украшенных буддийской символикой. На сорока пяти из них фиксируются надписи религиозного содержания. Однако во всех известных случаях надписи нанесены на тулью или (в редких случаях) на обруч наголовья. Шлем из Музеев Московского Кремля — единственный образец серии, на котором надписи покрывают «полку» и «щиток» козырька. Значительным своеобразием отличается также и техника, в которой нанесены рассматриваемые надписи.

Подвершие шлема из Музеев Московского Кремля, выполненное в виде короткого цилиндрического наперстка с выпуклым бортиком по нижнему краю, не имеет точных аналогов среди известных нам наголовий Центральной и континентальной Восточной Азии. По своей конструкции и силуэту оно занимает промежуточное положение между почти плоскими подвершиями ойратских сфероцилиндрических шлемов и их минскими, цинскими и корейскими аналогами, изготовленными в виде высокого суженого по центру цилиндра (Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 12, 13, 15, 16, 18, 19; Бобров, Худяков, 2008, с. 440, рис. 173; с. 441, рис. 174; с. 444, рис. 176; LaRocca, 2006, p. 65, 86). Ближе всех к рассматриваемому экземпляру приближаются наперстковидные подвершия центральноазиатских (предположительно ойратских) шлемов, происходящие с территории Поволжья, Казахстана и Монголии. В том числе, сфероцилиндрический шлем № 1233 из собрания Государственного Эрмитажа и др. (Бобров, Худяков, 2008, с. 432, рис. 163). Однако и их силуэт, и декоративное оформление существенно отличаются от подвершия шлема из Музеев Московского Кремля.

Трубка-втулка наголовья, снабженная тремя гранеными насадками, относится к числу редких разновидностей центральноазиатских плюмажных втулок XV–XVIII вв. Она встречается на некоторых монгольских и ойратских шлемах данного периода (LaRocca, 2006, p. 73; Бобров, Худяков, 2008, с. 418, 444).

Характерный чеканный узор, напоминающий следы двупалых птичьих лап (рис. 6), совершенно не типичен для маньчжурских наголовий, зато периодически фиксируется на ойратских шлемах XVII в. (Бобров, Худяков, 2008, с. 429, 438; LaRocca, 2006, p. 87). Необходимо подчеркнуть, что декоративное оформление дальневосточных *чжоу* XVII–XIX вв. имеет принципиальные отличия от рассматриваемого наголовья (Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 11–13, 15, 16, 18).

В первой половине XVII в. пластинчато-нашивными бармицами снабжались как центральноазиатские, так и восточноазиатские шлемы. При этом расцветка маньчжурских бармиц была строго унифицирована и регламентирована. Так, в частности, желтыми бармицами дополнялись наголовья панцирников элитных корпусов «Желтого знамени» и «Желтого знамени с каймой». Однако, согласно имперскому регламенту, в комбинации с желтой материей использовалась ткань не зеленого (как на шлеме из Музеев Московского Кремля), а красного (окантовка) и синего или голубого (подкладка) цвета. Что касается ойратских пластинчато-нашивных доспехов, то желто-зеленая гамма, напротив, применялась при их оформлении достаточно

часто. Так, например, в собрании Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника хранится трехчастная ойратская бармица, крытая зеленой тканью[11], в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета — джунгарский панцирный «халат» с желтым матерчатым покрытием и зеленой окантовкой и так далее (Бобров, Худяков, 2008, с. 448, 449, 466–468; Бобров, 2009, с. 251–254; Бобров, Ожередов, 2010). Таким образом, цветовое решение бармицы рассматриваемого шлема также сближает его с наголовьями монголоязычных кочевников Евразии рассматриваемого периода.

Сочетание центральноазиатских технологий, конструктивных и оформительских решений с тульей цилиндроконической формы позволяет предположить, что мастер изготовивший этот шлем, работал в рамках центральноазиатской военно-культурной традиции, но был знаком с изделиями маньчжурских оружейников. Если кузнец, выковавший наголовье, проживал на территории Монголии, то нижняя граница изготовления шлема может быть локализована концом XVI в. В том случае, если наголовье было выполнено ойратскими мастерами, то наиболее вероятным временем его изготовления следует признать 1610-е — первую половину 1630-х гг. В обоих случаях нижняя граница изготовления шлема, украшенного буддийской символикой, надежно определяется временем распространения тибетского буддизма (ламаизма) среди монголов и ойратов соответственно (Златкин, 1983, с. 98–103).

В связи с вышесказанным, значительный интерес представляет личность дарителя шлема, передавшего наголовье российским посланникам.

Эрдэни Дай мэргэн Нансо входил в число представителей высшей элиты северомонгольской державы Алтын-ханов.[12] Он являлся наиболее известным и уважаемым представителем ламаистской церкви в государстве хотогойтов и выполнял функции духовного наставника хунтайджи Омбо-Эрдэни и его ближайших родственников. Российские посланники публично именовали ламу такими эпитетами, как «учитель Мугальской земле и отец духовной Алтыну-царю и матере ево Чечен-царице, братье ево», «Алтына-царя отец ево духовной и братье ево и всем мугальским ноянам и табунам Тангутцкой земли» и так далее (Русско-монгольские отношения…, 1959, с. 208–214). Высокопоставленный лама проживал во владениях Алтын-ханов «…из найму, на год емлет по сту баранов, служит ему по их вере, а по-руски вместо попа крестового» (Шастина, 1949, с. 387; Русско-монгольские отношения…, 1974, с. 124).

Наряду с собственно религиозными функциями, Эрдэни Дай мэргэн Нансо активно участвовал в политической жизни государства Алтын-ханов, принимал послов, вел дипломатические переговоры и так далее. Кроме того, лама часто путешествовал по региону. По его собственным словам, он «бывал… в Китайской и в Тангуцкой земли [то есть в Тибете. — Авт.] и в Черных Калмаках [то есть в Ойратии. — Авт.] и в-ыных во многих землях» (Русско-китайские отношения…, 1969, с. 109; Русско-монгольские отношения…, 1974, с. 75). Не меньшее внимание Эрдэни Дай мэргэн Нансо уделял и поездкам по самой Монголии. Не исключено, что во время одного из этих путешествий ламе и был преподнесен интересующий нас шлем. Подобная практика поднесения предметов вооружения духовным лицам была широко распространена среди центральноазиатской знати рассматриваемого исторического периода (Бобров, Худяков, 2008, с. 48).

В середине 1630-х гг. помимо прочих богатств, Эрдэни Дай мэргэн Нансо принадлежал воинский арсенал, включавший элитные предметы вооружения иностранного и местного производства. Так, например, лама владел богато оформленным хоу-цзиньским (поздним чжурчжэньским или ранним маньчжурским) шлемом, который он подарил царю Михаилу Федоровичу в 1637 г. (Бобров, Зайцев, Орленко, Сальников, 2017). Однако, как следует из описаний доспехов, основу оружейной коллекции духовного наставника Алтын-ханов составляли изделия центральноазиатских и, в первую очередь, монголь-

[11] В настоящее время ойратская бармица подвешена к татарскому цельнокованному полусферическому шлему, снабженному кольчатой защитой лица (Бобров, 2009).

[12] В русских источниках первой половины XVII в. духовный наставник хотогойтского хунтайджи именуется тангутским лабой (то есть тибетским ламой) и упоминается множество раз в различных русских транскрипциях того времени: Ирденей Даин Мерген-ланзу, Даин Мерген-ланзу, Таи Мерген-ланзу и т.п. Во вторичных источниках более позднего периода (XVIII в. и далее) появляются и другие экзотические написания, как то: Лаба Ирденей Даин-мен Герланзу, Лаба Даинмен Герланзу и т.д. Монашеское имя и титул ламы восстановлены нами по оригинальным монгольским документам того времени.

ских мастеров (Опись…, 1884, с. 39; Опись…, 2014, с. 104, 105).

В XVII в. в Монголии бурно развивалось собственное доспешное производство. Согласно сообщениям послов Дайши-зайсана, «…железной де руды у них множество, и делают куяки и пансыри и копья сами» (Русско-монгольские отношения…, 2000, с. 232). Кроме того, некоторое количество доспехов поступало к хотогойтским монголам в качестве дани от народов Южной Сибири (Бобров, Худяков, 2008, с. 348). Благодаря целенаправленной политике по развитию оружейных производств, Алтын-ханам, а также их халхаским и ойратским соседям удалось сформировать значительные по численности контингенты панцирной («куяшной») конницы. В русских документах XVII в. упоминаются отряды центральноазиатских кочевников составленные из 400, 2 000, 4 000 «куяшников» (там же, с. 360, 361). Главной ударной силой армии хотогойтских Алтын-ханов в середине 1630-х гг. были именно такие кавалерийские панцирные подразделения, обученные ведению ближнего боя с применением длиннодревкового и клинкового оружия: «А бой у мугальских алтыновых людей луки, копья, сабли, а вогненого бою нет. А ездят на бой против недругов своих в збруях, в куяках, и в шеломах, и в наручах, и в наколенках, а у иных де у лутчих людей и лошеди бывают на боех в железных доспесех и в приправах» (Русско-монгольские отношения…, 1959, с. 286; Русско-китайские отношения…, 1969, с. 106).

В данной связи представляется вполне логичным, что Эрдэни Дай мэргэн Нансо, демонстрируя свое богатство и влияние, мог отправить в подарок царю как доспехи иностранного, так и местного производства. Если в 1636 г. в Москву был передан рассматриваемый шлем центральноазиатского образца, то в 1637 г. туда же отправилось экзотическое для региона наголовье, выкованное дальневосточными оружейниками (Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–2057)[13].

Выводы

Комплексный анализ источников позволил уточнить время изготовления и атрибуцию шлема из собрания Музеев Московского Кремля (инв. № ОР–2058). Так, в частности, не получила подтверждение версия Л.П. Яковлева XIX в. о маньчжурском происхождении наголовья. Наиболее вероятно, что шлем был изготовлен монгольскими или ойратскими мастерами в конце XVI — первой трети XVII в. Теоретически, отдельные изменения в конструкцию наголовья и его элементов могли вноситься до середины января 1635 г. Заказчиком шлема являлся знатный центральноазиатский феодал, исповедовавший тибетский буддизм (ламаизм) — отсюда буддийские мантры на подвершии и козырьке наголовья. В середине 1630-х гг. владельцем шлема являлся духовный наставник хотогойтского хунтайджи лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо. На приеме 14 января 1635 г. наголовье было передано российскому посланнику Я.Е. Тухачевскому в качестве подарка для царя Михаила Федоровича Романова. 29 ноября 1636 г. шлем поступил на хранение в сокровищницу Казенного двора, откуда 2 ноября 1640 г. был передан в Оружейную палату Московского Кремля.

Наличие письменных свидетельств, надежно локализующих время бытования шлема, позволяет использовать данное наголовье в качестве эталонного образца при датировке и атрибуции шлемов кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров Л.А. О путях «вестернизации» азиатского доспеха в Позднем Средневековье и в Новое время (XV–XVIII вв.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2003. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. С. 79–88.

Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3: Археология и этнография. С. 251–254.

Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Средней, Центральной [и] континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в.: Автореферат дис. … доктора исторических наук: Специальность 07.00.06 — археология. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров Л.А., *Анисимова М.А.* Центральноазиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Вестник Ново-

[13] Исследование наголовья ОР–2057 см. в работе: Бобров, Зайцев, Орленко, Сальников, 2017.

сибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3: Археология и этнография. С. 196–208.

Бобров Л.А., *Зайцев В.П.*, *Орленко С.П.*, *Сальников А.В.* Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х — середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // Былые годы: Российский исторический журнал = Bylye Gody: Russian Historical Journal. 2017. Vol. 46. Is. 4. С. 1140–1173.

Бобров Л.А., *Мясников В.Ю.* Позднесредневековые шлемы из музейных собраний Республики Бурятия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 5: Археология и этнография. С. 235–244.

Бобров Л.А., *Ожередов Ю.И.* Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста из Центральной Азии. (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Вып. 1. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 7–64. (Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета; Т. III).

Бобров Л.А., *Худяков Ю.С.* Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого, позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: Сборник научных статей. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 66–212.

Бобров Л.А., *Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 774, [1] с., [8] с. вкл. (Historia militaris).

Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 407, [1] с. (Сто предметов из собрания российских императоров).

Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. Отд. III: Броня, оружие, кареты и конская сбруя / Рис. ак. Ф. Солнцевым. М.: В типографии Александра Семена, 1853. [4], III, [1], XXIII, [1], [2], 152 с.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Издание второе. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 331, [2], [2] с.

Опись Московской Оружейной палаты. Часть третья. Книга вторая: Броня / [Сост. Л.П. Яковлевым]. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1884. 312, X с.

Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года / Подготовка к публикации текста описи и составление указателей М.Ю. Горькова, С.П. Орленко; Научный консультант Т.С. Борисова. М.: [Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”»], 2014. 191, [1] с.

Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты / Фототипии худож. [М.М.] Панова. [М.]: [б. и.], [1884]. 500 л.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. В 2-х т. Т. 1: 1608–1683 / Составление и обработка текста Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Комментарии и историческое введение В.С. Мясников; Археографическое введение Н.Ф. Демидова; Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Ред. Л.И. Думан. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. 612, [4] с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов / Составители: Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; Отв. ред.: И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 352 с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Составители: М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; Отв. ред.: И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. 468, [2], [2] с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов / Составитель Г.И. Слесарчук; Отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 488 с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб.: [Изд-во «Российская национальная библиотека»], 2006. 480 с., [32] с. вкл.

Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. [Т.] VI. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 383–395.

LaRocca D.J. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet / Donald J. LaRocca, with essays by John Clarke, Amy Heller, and Lozang Jamspal. New York: The Metropolitan Museum of Art ; New Haven; London: Yale University Press, 2006. xii, 307 p.

zab gsang seng gdong snyan brgyud kyi lo rgyus sgrub thabs las tshogs dang bcas pa'i man ngag gi yi ge gces btus rin chen bum bzang zhes bya ba bzhugs so. grub chen sang rgyas mgon po nas brgyud pa'i bo dong lugs [Глубинные [и] тайные избранные наставления под названием «Прекрасный сосуд драгоценностей», включающие в себя историю устной передачи [практики дакини] Симхамукхи, садханы [и] магические ритуалы] // rin chen gter mdzod chen mo. A reproduction of the Stod-luṅ Mtshur-phu redaction of 'Jam-mgon Koṅ-sprul's great work on the unity of the gter-ma traditions of Tibet. With supplemental texts from the Dpal-spuṅs redaction and other manuscripts. Vol. 51. Paro, Bhutan: Published by Ngodrup and Sherab Drimay, 1976. [3], 706 p. (цифровая копия из коллекции TBRC, ID ресурса: W20578).

Информация об авторах:

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент Кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия); spsml@mail.ru

Зайцев Вячеслав Петрович, научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); sldr76@gmail.com

Орленко Сергей Павлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музеев Московского Кремля, хранитель коллекций доспеха и артиллерии (г. Москва, Россия); orlenko@kremlin.museum.ru

CENTRAL ASIAN "BULAT HELM" OF THE END OF THE 16TH — THE FIRST THIRD OF THE 17TH CENTURY FROM AMONG THE GIFTS OF ERDENI DAI MERGEN NANGSO

In this paper the authors analyze a richly decorated iron helmet from the holdings of the Moscow Kremlin Museums (inventory number OR–2058) which has never been closely examined before. The headgear is stated to have been sent as a gift from a Khotogoid lama, Erdeni Dai Mergen Nangso, to Tsar Michael I of Russia, on 14 January 1635. The helmet was deposited in the treasury of the Kazenny Dvor (Treasury Court) no later than 29 November 1636, and transferred to the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin on 2 November 1640.

The headgear used to have a three-part aventail composed of narrow iron plates and decorated with colored velvet and silk, a cloth arming cap, as well as some yellow satin ribbons to be tied under the warrior's chin. All the pieces made from organic materials have been missing since the first half of the 17WKcentury.

Sanskrit inscriptions that make the mantra of Lion-faced Ḍākinī Siṃhamukhā are inscribed on the visor and on a patterned onlaid band on the dome of the helmet. They were believed to protect the warrior from hostile charms and weapons. Technological analysis of the helmet indicates that the signs on the band are gold-lined and those on the visor are silver-lined.

The first assessment of the helmet by experts of the Armoury Chamber determined that it was a "Manchurian hat". On the basis of typological analysis it has been discovered that the headgear was made by some Central Asian (Mongolian or Oirat) masters between the end of the 16WKcentury and the first third of the 17WK century.

From the information gathered, it seems that the helmet in question is a perfect example for dating and attributing other battle and ceremonial headgear worn by nomads in Central Asia during the Late Medieval and Early Modern ages, which can be found occasionally or which are held in some old collections of arms.

Keywords: Armoury Chamber, the Mongols, the Khotogoids, the Oirats, protective weapon, helmet, mantra.

About the authors:

Bobrov Leonid A. Doctor of Historical Sciences; Associate Professor at the Department of Archaeology and Ethnography and Senior Researcher at the Humanities Research Laboratory of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); spsml@mail.ru

Zaytsev Viacheslav P., Researcher at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation); sldr76@gmail.com
Orlenko Sergey P., Candidate of Historical Sciences; Senior Researcher at the Moscow Kremlin Museums; custodian at the plate armour and artillery collections; the Moscow Kremlin Museums, (Moscow, Russian Federation); orlenko@kremlin.museum.ru

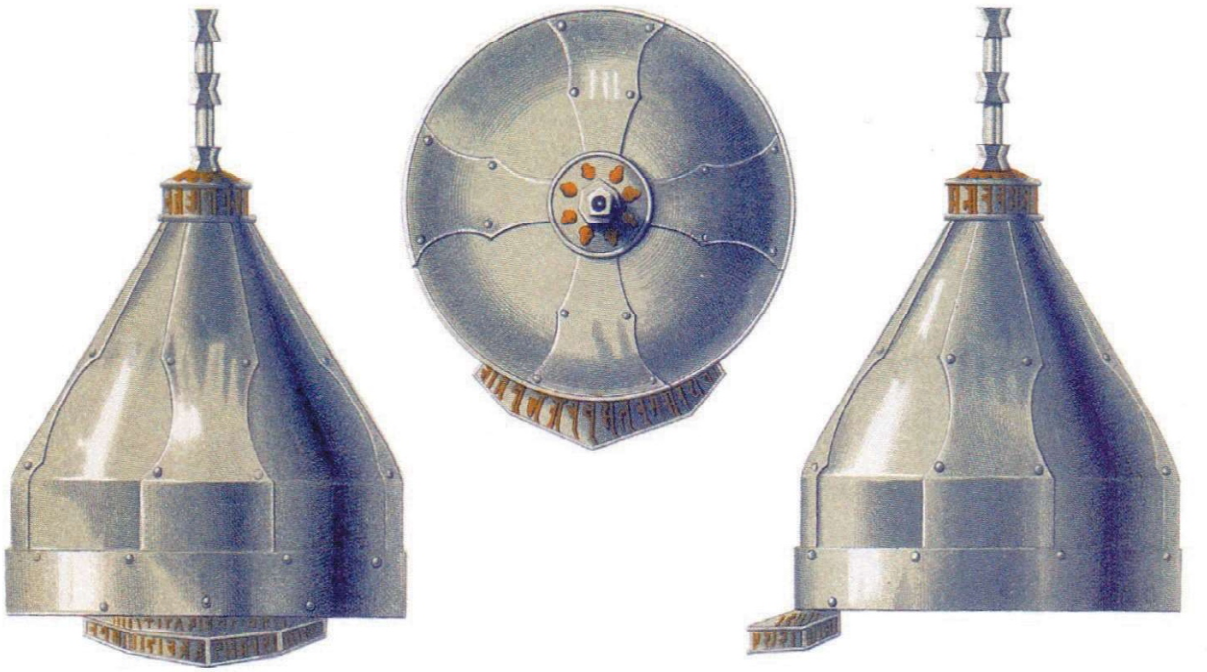

Рис. 1. Рисунок шлема, выполненный Ф.Г. Солнцевым для книги «Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I», 1853 г.

Рис. 2. Шлем ОР–2058. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.

Рис. 3. «Коробчатый» козырек шлема ОР–2058. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.

Рис. 4. Навершие шлема ОР–2058.
Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.

Рис. 5. Прорисовка надписи на подвершии шлема. Выполнена В.П. Зайцевым.

Рис. 6.1

Рис. 6.2

Рис. 6. Центральноазиатские шлемы позднего Средневековья и раннего Нового времени.
6.1. Шлем ОР–2058. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко.
6.2. Шлем 2001.162 из собрания Метрополитен-музея (г. Нью-Йорк, США). Фото Метрополитен-музея.

IN MEMORIAM

УДК 902.904.930

ВСПОМИНАЯ МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА ГОРЕЛИКА

© 2017 г. И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе

Когда воспоминания мои распяты и расколоты,
И мне эту пеструю мою наивность восприятия
сегодня воздают сторицей
Доспехи воина из Ру́си посередине комнаты
И женщина в мерцанье черно-белой фотографии, сверкающая мне
раскинутой страницей…
Вот шлем с железной маской,
острый
и с кольчужной сеткой.
Рот раскрыт у маски,
твердый нос торчит.
Вот панцирь,
весь тесемками скрепленный;
и меч в ножна́х,
наверное, совсем как настоящий.
И на полу такой узорный,
красно-пестрый щит…
Гримберг Ф.И. «Археология. А.Н. и М.Г.»

«…Я с детства этим занимался, сколько себя помню, всегда рисовал воинов. Вырос, стал искусствоведом, изучал японские гравюры, по персидским миниатюрам защитил диссертацию. И параллельно писал работы по истории оружия и костюма. На самом деле всех интересует только одно: как они выглядели и как их делали. Реконструкция – это конечный продукт моих научных изысканий, а кино – полигон.

В 1979 году, в преддверии юбилея Куликовской битвы, решили открыть музей. Но что выставлять? Находок практически нет. Они, конечно, были. В XIX веке помещик Нечаев, декабрист, много чего раскопал. У него в усадьбе была двухсветная зала, стены которой сплошь украшало оружие. Революция, естественно, покончила и с усадьбой, и с залой. И я предложил сделать реконструкцию военного костюма того времени. Наши экспонаты были гвоздем выставки. А директор музея Александр Шкурко стал после этого заместителем министра культуры.

После этого мне стали заказывать костюмы и вооружение музеи – ГИМ, лондонский Тауэр – и позвали в кино. На заре юности я консультировал Тарковского. Татары в рогатых шлемах в «Андрее Рублеве» сделаны по моим школьным рисункам. Так со всеми моими ошибками они в кино и перекочевали. А за «Ермака», на который мы потратили три года жизни и для которого сделали более ста костюмов, я получил «Нику». Из рук Анни Жирардо, между прочим».

Так Михаил Викторович представил дело, которому посвятил свою жизнь, в интервью журналу «Огонек».

Мы общались с Михаилом Викторовичем последние 10 лет его жизни. Это был заядлый спорщик и упорный боец за свое видение древнего мира кочевников. Так случилось, что родители одного из авторов живут по соседству с домом Михаила Викторовича – отсюда довольно частые (раз в месяц, два) посещения его гостеприимной квартиры, сопровождавшиеся демонстрацией новых материалов, увлеченными рассказами и беседами. В

комнате, доверху заполненной книгами и оружием – его реконструкциями и работами современных мастеров – он неизменно делился яркими впечатлениями после какой-нибудь поездки, а путешествовал он много и часто (объездил всю Европу и Восток, побывал в Монголии, Индии, Китае, в Средней Азии и на Ближнем Востоке).

Телефонный звонок от Михаила Викторовича мог продолжаться не один час. У этих разговоров была одна интересная особенность: не раз он звонил во время написания очередной статьи или сразу после ее завершения, всё еще находясь в настроении, возникшем за рабочим столом. Тогда он устраивал нечто вроде «генерального прогона» новой работы перед одним-единственным слушателем, тем, что на другом конце провода. Выглядело это примерно так: после короткого приветствия и обмена новостями, он произносил что-то вроде: «Слушай, я вот что тут открыл…» и далее излагал новые идеи и логику исследования, при этом говорил несколько отстраненно, обращаясь не к своему собеседнику, а как будто уже к читательской аудитории, и отвечая на возникавшие вопросы и комментарии, нередко переходил на «Вы». А спустя месяц-другой, при чтении новой статьи М.В. Горелика в каком-нибудь свежем сборнике, в памяти немедленно всплывали подробности того разговора, фразы на листе бумаги обретали интонации, строки оживали.

Вообще, не будет большим преувеличением сказать, что оживало всё, что становилось предметом изучения Михаила Викторовича. И дело не только в его высоком профессионализме и необыкновенной увлеченности любимым делом. Он воспринимал историю изнутри – редкий дар даже для историков и археологов с многолетним опытом работы. Поэтому знаменитые археологические комплексы он непременно стремился увязать с историческими персонажами, а ярким находкам найти (или «вернуть») владельцев – достаточно вспомнить погребения ханов Тигака и Ульдамура. А вот пример того, как одной фразой Михаил Викторович оживил сухое научное описание археологической находки, в данном случае сабли не вполне стандартной формы: «В целом данная сабля представляет собой явно экспериментальный образец, не получивший развитие. Можно только представить, как жарко обсуждали его будущую форму заказчик и кузнец»!

Его графические реконструкции тоже создавались не только для демонстрации древних костюмов, элитарного вооружения или снаряжения: это были портреты живших давным-давно людей, с их судьбами, победами и поражениями, с их историями. И в этом рисунки М.В. Горелика близки средневековым миниатюрам: в них нет фотографической точности, но они исполнены исторической достоверности и духа времени.

Еще одной площадкой для нашего общения были поездки и встречи на различных конференциях: Болгария, Санкт-Петербург, Астрахань, Москва. Михаил Викторович являлся постоянным и активным участником ежегодной конференции «Восточные древности в истории России», проводимой в Институте археологии РАН.

С большой любовью Михаил Викторович относился к своему последнему детищу – журналу «Батыр»: он мог часами рассказывать о его концепции, дальнейшем развитии, новых материалах. Журнал сразу занял одно из лидирующих мест в ряду современных отечественных периодических изданий, посвященных истории оружия и военного дела. Последний, 6-й выпуск «Батыра» вышел уже после того, как Михаила Викторовича не стало…

Востоковед, исследователь истории оружия, великолепный иллюстратор – как и всякий яркий человек, Михаил Викторович имел завистников и недоброжелателей, которые с удовольствием критиковали его ошибки, а некоторые созданные им реконструкции дерзко причисляли к жанру «фэнтези». Но, как известно – не ошибается только тот, кто ничего не делает. Заядлые критиканы, зачастую не имеющие даже базового исторического образования, обычно творчески бесплодны, а Михаил Викторович внес ощутимый вклад в науку.

Он был одним из тех, кто развернул изучение материальной культуры кочевников Золотой Орды в самостоятельное научное направление. Многое сделал Михаил Викторович и в области изучения костюма и комплекса вооружения народов Северного Кавказа. При этом М.В. Горелик открыл для исследователей этого региона новый источник – миниатюры, которые до него так плодотворно, органично и широко не использовал никто другой. Северный Кавказ он рассматривал как один из самых ярких вариантов единой имперской культуры Улуса Джучи.

Кроме того, М.В. Горелик один фактически был предтечей движения реконструкторов и многому научил целые поколения этих увлекающихся людей. Подтверждением этому служат

многочисленные форумы в сети Интернет, исторические клубы и пр., продолжающие пользоваться иллюстрациями и реконструкциями Михаила Викторовича.

Без преувеличения можно сказать, что именно благодаря его рисункам 60-х–70-х гг. в таких журналах как «Вокруг света», «Знание-сила» многие тысячи советских людей заинтересовались историей, а некоторые даже пришли в Науку.

На прощании с Михаилом Викторовичем было не так много людей: для его друзей и коллег из нашей огромной страны, ближнего и дальнего зарубежья известие о его скоропостижной кончине стало полной неожиданностью и потрясением. Но совершенно очевидно, что теперь он тоже стал историей. Некрологи и прощальные слова появились и публикуются во многих научных журналах («Батыр», «Золотоордынская цивилизация», «Parabellum novum», «Поволжская археология» и др.). Его памяти был посвящен Первый ежегодный семинар “История материальной культуры народов Евразии”, состоявшийся в мае 2015 года, организованный кабинетом исламоведения Фонда Марджани и Всероссийской Государственной библиотекой иностранной литературы им. М.И. Рудомино и собравший специалистов из Института востоковедения РАН, Государственного Эрмитажа, Государственного музея искусства народов Востока, Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Института истории НАН Армении, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Фонда Марджани.

Михаил Викторович Горелик был ярким и талантливым Человеком. Археология без него поскучнеет.

Информация об авторах:

Дружинина Инга Александровна – научный сотрудник группы археологии Кавказа Института археологии РАН. E-mail: inga_druzh@mail.ru ;

Чхаидзе Виктор Николаевич - кандидат исторических наук, научный сотруд-ник отдела средневековой археологии Института археологии РАН 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. ИА РАН. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

REMEMBERING MIKHAIL VIKTOROVICH GORELIK

I.A. Druzhinina, V.N. Chkhaidze

About the authors:

Druzhinina Inga A. – Research Scientist of the Caucasus Archaeology Group of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: inga_druzh@mail.ru

Chkhaidze Viktor N. – Candidate of Historical Sciences, Research Scientist of the Medieval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 117036 Moscow, Dm. Ulyanov street, 19. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Рис. 1. Москва. Государственный исторический музей (июнь 2006).

Рис. 2. Болгария, г. Балчик. З.Х-М. Албегова (Царикаева), В.Б. Ковалевская, А.Ф. Кочкина, Н.В. Ениосова, Л.В. Яворская, М.В. Горелик, Е.А. Армарчук, В.Н. Чхаидзе, И.А. Дружинина (сентябрь 2006 г.)

Рис. 3. Болгария, г. Добрич. Конференция «Европейские степи и Средний Дунай в средневековье VIII–XIV вв.». В. Йотов, М.В. Горелик (сентябрь 2006 г.)

Рис.4. Болгария, г. Добрич. Конференция «Европейские степи и Средний Дунай в средневековье VIII–XIV вв.». М.В. Горелик, И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе (сентябрь 2006 г.)

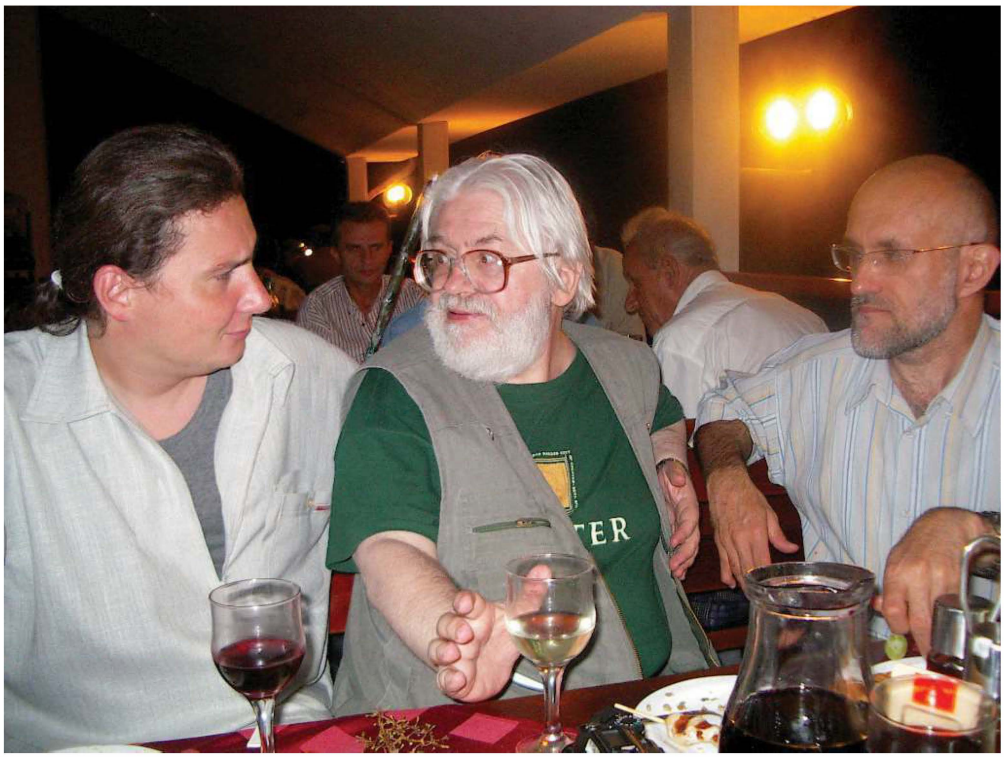

Рис. 5. Болгария, г. Балчик. В.Н. Чхаидзе, М.В. Горелик, А.В. Евглевский (сентябрь 2006 г.)

Рис.6. Москва. VII конференция «Восточные древности в истории России» (март, 2010 г.)

Рис.7. Селитренное городище. Конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве». В.Н. Чхаидзе, А.В. Евглевский, М.В. Горелик (октябрь, 2011 г.)

Рис.8. с. Селитренное. А.В. Евглевский, М.В. Горелик (октябрь, 2011 г.)

Рис. 9. с. Селитренное. М.В. Горелик, М.Л. Швецов, А.В. Евглевский, В.А. Иванов (октябрь, 2011 г.)

Рис. 10. Москва. Дома у Михаила Викторовича. М.В. Горелик, В. Спиней, В.Н. Чхаидзе (июнь, 2013 г.)

Рис. 11. Москва. XI конференция «Восточные древности в истории России». И.А. Дружинина, М.В. Горелик (март, 2014 г.)

Рис. 12. Москва. Дома у Михаила Викторовича. М.В. Горелик, В.Н. Чхаидзе (1 января 2015 г.)

УДК 902.904.930

ВКЛАД М.В. ГОРЕЛИКА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2017 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена вкладу известного отечественного археолога и оружиеведа в развитие отечественной военной археологии. В статье представлены основные вехи его биографии и творческого научного пути, очерчены основные направления его исследовательской деятельности и ключевые научные труды. Показано значение его трудов и разработанного им метода графической и реальной реконструкции воинского костюма народов древней и средневековой Евразии для развития науки.

Ключевые слова: военная археология, научные достижения, история Востока, вооружение, военное дело народов Евразии, древность и средневековье, реконструкция.

Среди многих отечественных специалистов по древней и средневековой военной археологии имя Михаила Викторовича Горелика занимает особое место. Это был замечательный человек, прекрасный археолог и оружиевед. Путь в науку у Михаила Викторовича, как и у многих талантливых людей был сложен и тернист. С детства он увлекался историей и в школьные годы участвовал в работе археологического кружка при Государственном историческом музее. Вместе с другими кружковцами он ездил в археологические экспедиции и навсегда влюбился в древности и вещественную историю. Закончив в 1964 году школу с художественным уклоном, он поступил на вечернее отделение кафедры истории и теории искусства исторического факультета Московского университета, одновременно став сотрудником Исторического музея. Старание и хорошая успеваемость позволили ему в 1965 году перейти на очное отделение, полностью сосредоточившись на учебе. Именно тогда он избрал для себя тему, поглотившую его навсегда – искусство Востока, история костюма и вооружения народов Азии.

Успешное окончание университета по специальности «История зарубежного искусства», позволили ему поступить в аспирантуру по истории восточного искусства, что в те годы требовало незаурядных талантов и усердия. К счастью, они в избытке присутствовали у молодого аспиранта.

Годы учебы в аспирантуре были посвящены изучению сложнейшей и мало разработанной проблеме месопотамской школы миниатюры и особенностей творческого «почерка» их представителей. Она требовала разнообразной подготовки. Его автор должен был прекрасного знать искусство Востока, разбираться в творческой лаборатории миниатюристов и видеть детали отличий различных школ. Тем не менее в 1973 году М.В. Горелик успешно защитил диссертацию на тему «Месопотамские школы миниатюры второй половины XII – первая половина XIII вв.», получив ученую степень кандидата искусствоведения. Судя по отдельным статьям автора по этой теме и их актуальности, можно сказать, что его работа не потеряла значения и по сей день и настоятельно требует публикации. Думаю, что если бы М.В. Горелик продолжил разрабатывать эту тему, то мир бы узнал прекрасного специалиста по восточной миниатюре. Однако его манило не «чистое искусство», а история Востока – манящая, таинственная и воинственная.

Следуя своему призванию, Михаил Викторович в 1973 году поступил в Институт Востоковедения АН СССР, где продолжает успешно работал до своих последних дней. За время своей работы в институте он разрабатывал весьма сложную тему вооружения народов Востока с древнейших времен до первых веков до н.э. Сама постановка проблемы – изучить и представить развитие вооружения, воинского снаряжения и военного дела всего Старого Света от Малой Азии и Северного Причерноморья до берегов Тихого океана на широком хронологическом фоне от IV тысячелетия до IV в. до н.э. Может повергнуть в шок любого исследователя, если представить себе сколько на этой территории и в то время было стран и проживало народов. Еще большей проблемой должна была стать проблема источников. С одной стороны их слишком мало (особенно письменных), а с другой – они чрезвычайно разнообразны и отрывочны, здесь и археологические предметы, и граффити, и рисунки, и терракотовые статуэтки и

еще многое, многое другое. В дальнейшем эта многотрудная работа увенчалась прекрасным фундаментальным трудом – «Оружие древнего Востока (IV тысячелетие - IV в.до н.э.)» (1993, 2003), сразу ставшим библиографической редкостью. В этом классическом оружиеведческом труде представлены возникновение и эволюция вооружения на протяжении самых «темных веков» – древности и ранней античности. Этот труд, не имеющий аналогов в мире, является подлинным открытием неизвестных страниц истории Востока – начальных страниц истории оружия и военного дела в зоне первых цивилизаций и их соседей. В действительности – это подлинное открытие ранних этапов истории оружия и сложения военной культуры, ставшей основой для всей последующей военной культуры античности и средневековья.

Но не все складывалось гладко – в милитаризованной стране Советов нельзя было писать и говорить о войне, даже если речь шла о глубокой древности. Ложно понимаемая борьба за мир вела к негласному запрету на эти темы.

Наряду и параллельно с огромными трудами в области изучения оружия народов Востока Михаил Викторович активно и целеустремленно разрабатывал тему вооружения евразийских кочевников и в первую очередь монголов Чингиз-хана и татар Золотой Орды. Уже в одной из первых своих статей, вышедшей в 1974 году под броским заголовком «Загадка завоевателей». В ней он представлял аргументы, развенчивающие мифы о войске Чингиз-хана, как дикой ватаге одетых в бараньи тулупы конных лучников, побеждавших своих врагов не умением, а исключительно числом. В качестве позитива он предлагал обратиться к археологическим данным и изобразительным материалам (вот когда пригодилось знание персидской миниатюры!), которые изображали монголо-татар в виде тяжеловооруженных конных копейщиков, с разнообразным оружием. Популярная журнальная статья не позволяла развернуть аргументацию, но логика была ясна, а материалы убедительны. Но не для всех…

Между тем, эта, а позже и ряд других статей М.В. Горелика, которые стали выходить из печати и где доказывалось, что не только монголы Чингиз-хана, но и татары Золотой Орды, а до них и другие тюркские народы Евразии имели прекрасную латную конницу и изощренную тактику полевого боя. Подобные аргументы и логика подрывали многие мифы отечественной науки, в том числе и оружиеведения. В печати стали появляться весьма критические статьи, упрекавшие автора в незнании источников, прежде всего археологических, несистемности их анализа и хронологических неувязках. Положа руку на сердце, не скажу, что все критические высказывания оппонентов были неверными, но их тон (особенно у некоторых молодых московских археологов), а главное - попытка вернуться к прежним доводам о победах толп монгольских лучников, не могла быть принята. Как ни сурова и несправедлива была порой критика, но Михаил Викторович всегда сохранял спокойствие и старался отвечать новыми статьями, где приводил все более свежие данные, в том числе и археологические, а также изобразительные. Постепенно его аргументы стали находить все больше и больше сторонников и сейчас, вряд ли, кто-то будет спорить с тем, что монголо-татары имели латную кавалерию, а их победы основывались на совершенной тактике полевого боя и технике осад. Закономерным, хотя и во многом предварительным итогом исследований М.В. Горелика в этой области стала книга «Армии монголо-татар X - XIV вв.» (М., 2002), логично построенная и прекрасно иллюстрированная. Можно сказать, что в определенной степени «загадка завоевателей» решена в пользу монголо-татар.

Вместе с тем, автор продолжал разрабатывать все новые и новые темы. В поле его зрения было вооружение хазар и кабаров, алан и адыгов, венгров и булгар. Вокруг них разгорались новые споры и скрещивались аргументы, привлекался интерес к старым вопросам и артефактам. В центре этого движения был Михаил Викторович, заражавший других своими энциклопедическими знаниями и аргументированной их подачей, всегда принципиальной и острой…

Еще в студенческие годы Михаил Викторович стал заниматься графическими реконструкциями вооружения и костюма. Во многом это, видимо, объяснялось стремлением «увидеть» людей прошлого в их собственных костюмах. Но если людей из античной Греции и Рима или западноевропейского средневековья, еще можно было увидеть на страницах учебников, то народы Востока туда никак не попадали. Пришлось все делать самому. М.В. Горелик стал изучать возможности графической реконструкции и пробовать свои силы в ней. Сначала это были черно-белые реконструкции к своим статьям,

потом реконструкции костюма из различных комплексов, например, скифских погребений и, наконец, для целого ряда изданий научных, научно-популярных и детских потребовались цветные иллюстрации – реконструкции костюма и вооружения. На этом поприще он достиг блестящих успехов. Пожалуй, ни один серьезный труд по истории от томов «Детской энциклопедии» до академической «Истории татар» не обходился без его реконструкций. Для многих из сегодняшних историков и археологов путь в мир истории начался с этих прекрасных иллюстраций. Умеющих рисовать на исторические темы и делать графические реконструкции уже очень много, но пока никто не превзошел М.В. Горелика в научности подобных реконструкций и художественной выразительности.

Для историков Татарстана Михаил Викторович всегда был добрым другом и коллегой. Он принимал самое деятельное участие практически во всех наших коллективных трудах и во всех научных форумах. Вклад, который он внес в разработку истории не только Татарстана, но и всего Волго-Уральского региона бесценен и, вряд ли, будет превзойден. К нашему величайшему сожалению наше сотрудничество прервалось самым трагическим образом. Но хотя и Михаила Викторовича и нет больше с нами, но нам остались шедевры его творчества и его научные труды.

Вечная добрая память о друге и коллеге, безвременно ушедшем от нас в расцвете таланта, полного задумок и новых идей, сохраниться в наших сердцах. Пока мы будем помнить о нем и его вкладе в науку – он будет жить с нами вместе.

Информация об авторе:

Измайлов И.Л. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. E-mail: ismail@inbox.ru;

M.V. GORELIK'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN MILITARY ARCHAEOLOGY

I.L. Izmailov

The article is dedicated to the contribution by the renowned Russian archaeologist and armament expert to the development of national military archaeology. It features the major milestones of his biography and creative scientific life, outlining the primary areas of his research activity and key scientific works. It demonstrates the significance of his works and the method of graphical and actual reconstruction of the military costume of ancient and medieval Eurasian peoples established by M.V. Gorelik for the development of science.

Keywords: military archaeology, scientific achievements, history of the East, armament, military art of Eurasian peoples, antiquity and the Middle Ages, reconstruction.

About the author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Scences. Institute of Archaeology of Sciences of Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

М.В. Горелик на конференции «Золотая Орда: история и культура». 4 июня 2006 г.

И.Л. Измайлов, Ю.С. Худяков, А.Ш. Кадырбаев, М.В. Горелик с участниками реконструкторского фестиваля в Казанском Кремле. Июнь 2006 г.

СПИСОК РАБОТ КАНДИДАТА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА ГОРЕЛИКА

1. Загадка летящего оленя // Вокруг Света. № 10. М., 1966. С. 79.

2. Портреты Бахзада // Тезисы докладов Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1969. С. 40–41.

3. Монгольский доспех по материалам иранских миниатюр XIV века // Третья всесоюзная конференция историков оружия. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1971. С. 76–77.

4. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства – золотой пластинке из Гермесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–245.

5. Портреты Бахзада. (К вопросу о творческом методе) // Искусство и археология Ирана. М., 1971. С. 111–121.

6. Месопотамские школы миниатюры 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII в. (Некоторые вопросы генезиса и развития стилей). Автореф. канд. дис. М., 1972. 24 с.

7. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник (Опыт изучения мужского костюма) //СЭ. 1972. № 2. С. 37–50.

8. Некоторые вопросы генезиса иконографии ближне- и средневосточной миниатюр XII–XIIIвв. //Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия. Проблема взаимосвязи культур в эпоху средневековья. Тезисы докладов. Л., 1972. С. 7–8.

9. Чтобы был он, как в жизни // Знание-сила. 1972. № 9. С. 28–29.

10. Багдадская школа миниатюры первой половины XIII в. и иранская изобразительная традиция // Тезисы докладов 2-й Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана на тему «Проблемы периодизации искусства Ирана и его взаимосвязь с искусством других народов в средние века». М., 1973. С. 38-40.

11. Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям // Скифские древности. Киев, 1973. С. 266-269.

12. Загадка завоевателей // Знание-сила. 1974. № 4. С. 43–46.

13. Броня праотеческая // Вокруг Света. № 5. М., 1975. С. 64-65. (В соавторстве с А. Кирпичниковым).

14. Судьбы огузов // Знание-сила. № 1. М., 1975. С. 23-25. (В соавторстве с А. Хазановым).

15. Рецензия на: E.B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenfunde. Budapest, 1971 // СА. № 2. М., 1975. С. 292-296.

16. Багдадская школа миниатюры первой половины XIII в. и иранская изобразительная традиция // Искусство и археология Ирана. Доклады 2-й Всесоюзной конференции. М., 1976. С. 81-87.

17. О стрельбе огнистой // Вокруг света. № 4. М., 1976. С. 58-58. (В соавторстве с Ю. Шокаревым).

18. О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах // Вокруг света. № 8. М., 1976. С. 36-41.

19. Шагающие крепости // Вокруг света. № 1. М., 1976. С. 42-44.

20. О содержании некоторых миниатюр школы Джазиры // Искусство Востока и античности. М., 1977. С. 112-122.

21. Пешие и конные // Вокруг света. № 1. М., 1977. С. 60-64. (В соавторстве с А. Хазановым).

22. Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 146-151.

23. Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. 1. Улан-Батор, 1978. С. 90-101.

24. Городки изначальные // Вокруг света. № 6. М., 1979. С. 30-31. (В соавторстве с М. Обориным).

25. Панцирное снаряжение ахеменидского войска // Тезисы докладов VIII Всесоюзной конференции по Древнему Востоку. М., 1979. С. 42-44.

26. Скифский мужской костюм в системе комплекса одежды ираноязычных народов древности // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. Тезисы докладов 3-й Всесоюзной конференции. М., 1979. С. 32-33.

27. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979. С. 49-69.

28. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. P. 30-63.

29. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980 С. 101-112 (в соавторстве с Э.А. Новгородовой).

30. Оружие и доспех русских и монголо-татарских воинов конца XIV в. // Вестник Академии наук СССР. № 8. М., 1980. С. 102-103.

31. Реконструкция комплекса вооружения русского воина XIV в. и его использование в музейных экспозициях // 600-летие Куликовской битвы. Тезисы докладов. М., 1980. С. 13-14 (в соавторстве с И.Я. Абрамзоном).

32. Монголо-татарское вооружение второй половины XIV в. // 600-летие Куликовской битвы. Тезисы докладов. М., 1980. С. 15-16.

33. “Фракийские” шлемы // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, апрель 1980 г. Днепропетровск, 1980. С. 91.

34. Сакский панцирь и его роль в развитии защитного вооружения Евразии // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тезисы докладов. М., 1981. С. 41-42.

35. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. № 3. М., 1982. С. 90-1065.

36. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 82-112.

37. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV веков // Mittelalterliche Malerei im Orient. Halle (Saale), 1982. P. 91-98.

38. Научная реконструкция комплекса вооружения русского воина XIV в. и его использование в музейных экспозициях // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 238-244 (в соавторстве с И.Я. Абрамзоном).

39. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 244-268.

40. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV веков // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. Часть 1. М., 1983. С. 67-73.

41. Про «фракійські» шоломи // Археолоія. № 44. Київ, 1983. С. 14-28.

42. Сакский шлем из Таласской долины // Культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Вып. 1. Л., 1983. С. 36-37.

43. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции (тезисы доклада) // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 7. М., 1984. С. 79-81.

44. Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 119-121.

45. Medieval Eastern Mask-Helmets and certain Tradition in Central Asian Designs (abstracts pf Paper) // The International Assotiation for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 7. Moscow, 1984. P. 78-87.

46. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. М, 1985. С. 183-202.

47. Вооружение кочевников Евразийских степей // Сценическая техника и технология. № 2. М., 1985. С. 23-27.

48. Древнетюркский доспех (VI–IX вв.) // Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. Ашхабад, 1985. С. 337-339.

49. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 36-46.

50. Шлем из станицы Даховской // ВДИ. № 2. 1985. С. 94-96.

51. О «деталях шлемов» позднебронзовой эпохи // Археологія. № 53. Київ, 1986. С. 61-63 (в соавторстве с Е.В. Черненко).

52. Основные этапы развития военного дела кочевников Евразии в древности и средневековье // «Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности». Тезисы докладов XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Ташкент. Сентябрь. 1986. 1. История, литература, искусство. М., 1986. С.22-23.

53. Доспехи XIV в. из Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году (тезисы докладов к областному семинару). Азов, 1987. С. 40-42 (в соавторстве с Н.М. Фомичевым).

54. Раннее скульптурное изображение скифского воина // Киммерийцы и скифы. Часть 1. Кировоград, 1987. С. 50-53.

55. Ранний монгольский доспех (IX – 1-я пол. XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163-208

56. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 110-133.

57. Эри онер, эритарих... // Білім жэне енбек. № 8. Алма-Ата, 1987. С. 43-46.

58. Зйел билеген сарматлар // Білім жэне енбек. № 10. Алма-Ата, 1987. С. 42-44.

59. Военное дело кочевых и оседло-земледельческих обществ. Вопросы взаимовлияний // III Всесоюзная конференция востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке». Тезисы докладов и сообщений (г. Душанбе, 16-18 мая 1988 г.). М., 1988. С. 152-153.

60. ...И босые печенеги // Советский музей. № 2. М., 1988. С. 44-47 (в соавторстве с П. Космолинским, И.В. Передернем).

61. Рыцарские доспехи XIV века из Азова // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 73-78 (в соавторстве с Н.М. Фомичевым).

62. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока (Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Вып. II. М., 1990. С. 119-132 (в соавторстве с В.В. Дорофеевым).

63. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 155-160.

64. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1990. С. 33-44 (в соавторстве с Д.Д. Васильевым, С.Г. Кляшторным).

65. Куликовская битва 1380. Русский и золотоордынский воины // Цейхгауз. № 1.М, 1991. С.2-7.

66. «Наш путь – стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь» // Родина. № 8. М. С. 50-54.

67. Монгольская традиция в Ильханидской миниатюре Ирана // Altaic Religious Beliefs and Proceedings of the 33-rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference. Budapest, 1992. P. 147-150.

68. Ордынско-европейские взаимовлияния в вооружении // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды». Тезисы докладов. Волгоград, 1992. С. 31-32.

69. Сложение русской военной культуры (хазары, мадьяры, аланы, норманны) // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье (тезисы докладов). Международный научный семинар. Донецк, 1992. С. 15.

70. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в.до н.э.). М., 1993. 348 с.

71. Воины Киевской Руси IX–XI вв. // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. № 1 (2). М., 1993. С. 20-25.

72. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс.н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 149-179.

73. Всемирная военная история. М., 1994. 30 с.

74. Оружие Ворсклинской битвы // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. № 1 (3). М., 1994. С. 21-25, 31.

75. Тайга и степь: средневековое вооружение Западной Сибири и степная традиция // Сургут, Сибирь, Россия. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1994. С. 49-51.

76. Warriors of Eurasia from the V century BC to the XVII century AD. Stockport, 1995. 49 p.

77. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 359-430.

78. Комплекс скифского мужского костюма и его место в комплексах костюма ираноязычных народов VI—IV вв. до н.э. // Базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 3. М., 1997. С. 11-28.

79. Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии // Военная Археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции. СПб., 1998. С. 266-268.

80. Пришедшие из небытия // Магнум. № 3. М., 1998. С. 59-63.

81. Любовь к железу // Магнум. № 6. М., 1998. С. 50-53.

82. Образ мужа-воина в Кабарии–Угрии–Руси // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14-18 марта 2000 г. Самара, 2000. С. 39-40.

83. Cultural and artistic relations between the Mongol-Tatars and Mamluks // Islamic Art Resources in Central Asia and Eastern and Central Europe. Proceedings of the International Seminar for Islamic Art and Architecture. AI al-Bayt University. Mafraq. 19-24 April 1996. Amman, 2000. P. 148.

84. Образ мужа-воина в Кабарии–Угрии–Руси // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том 1. Самара, 2001. С. 169-185.

85. От научного редактора // Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001. С. 5.

86. Парадные кабарские клинки // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск II. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001. С. 93-100.

87. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза, 2001. С. 154-164. (в соавторстве с Г.Т. Ковпаненко).

88. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002. 84 с.

89. Три племени кабар // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 9. Hungaro-Rossica: История и культура евразийской степи. М., 2002. С. 47-59.

90. Три племени кабар и савирский всадник // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002. С. 26-31.

91. Черкесы – черкасы (археологические свидетельства) // XXII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ессентуки–Кисловодск, 2002. С. 40-43.

92. Arms and Amour in South-Eastern Europe in the Second Half of the First Millennium AD // A Companion to Medieval Arms and Armour. Woodbridge, 2002. P. 127-149.

93. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). Изд. 2-е, дополненное. СПб, 2003. 333 с.

94. История алтайской шапки // Altaica. VII. М., 2003. С. 61-66.

95. Шлемы и фальшионы: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. С. 231-244.

96. Адыги в южном Поднепровье (2-я половина XIII – 1-я половина XIV в.) // МИАСК. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 293-300.

97. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. С. 86-101.

98. Стражи дзонгов // Оружие. № 6. М., 2004. С. 58-63.

99. Клинки Тибета // Прорез. № 4. М., 2004. С. 6-14.

100. Халха – калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. Вып. 4. Казань, 2004. С. 182-195.

101. Mogol Oncesi Donemde Turklerin Sac Sekilleri // Sac Kitabi. Istanbul, 2004. P. 55-58.

102. Искусство ислама и оружие империи Чингизидов // Международная юбилейная научная конференция, посвященная 200-летию музеев Московского Кремля. 13-15 марта 2005 года. Тезисы докладов. М., 2005. С. 22-23.

103. Мифы и быль Куликова поля // Техника- молодежи. № 10. М., 2005. С. 2-5.

104. Введение от научного редактора // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. М., 2006. С. 6-8.

105. Вооружение и костюм народов древней и средневековой Евразии // Атлас Tatarica. История татар и народов Евразии. Казань–СПб., 2006.

106. Кинжалы Индии чудесной // Прорез. № 2. М., 2006. С. 18-23.

107. Монголы между Европой и Азией (взаимовлияния в костюме в XIII–XIV веках) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 64-66.

108. Монгольский женский костюм X–XIV вв. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. М., 2006. С. 125-126.

109. Культура империй, созданных кочевниками (скифы, хазары, монголы) // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань, 2007. С. 195-201.

110. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 136-140.

111. Вооружение и костюм древних и средневековых жителей степей Казахстана и Центральной Азии Евразии // Большой атлас истории и культруры Казахстана. Алматы, 2008.

112. Диалог через века // Клинок булатный. № 2 (7). М., 2008. С. 78-84.

113. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир, 2008. С. 139-159.

114. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. Вып. 222. М., 2008. С. 117-125.

115. Клинковое оружие кабарской традиции // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 13. Hungaro-Rossica III: История и культура евразийской степи. М., 2008. С. 8-25.

116. Латная конница древних венгров // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008. С. 296-303.

117. Монголы между Европой и Азией (взаимовлияния в костюме в XIII–XIV веках) // Материалы по изучению историко-культурного наследия северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М., 2008. С. 909-910.

118. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 158-189.

119. Черкесы – черкасы (археологические свидетельства) // Материалы по изучению историко-культурного наследия северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М., 2008. С. 739-740.

120. Военная организация и вооружение войск Чингиз-хана // История татар с древнейших времен. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 111-124.

121. Вооружение // История татар с древнейших времен. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 396-405 (в соавторстве с И.Л. Измайловым).

122. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Вып. 1. Казань, 2009. С. 450-462.

123. «Монгольскость» и «тюркскость» в Улусе Чжучи // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова 30 сентября – 3 октября 2008 года / Донские древности. Вып. 10. Азов, 2009. С. 122-128.

124. Погребение знатного половца – золотоордынского латника // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009. С. 305-306.

125. Погребение знатного половца – золотоордынского латника // МИАСК. Вып. 10. Армавир, 2009. С. 157-180.

126. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV века (по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 16-79.

127. История одного евразийского одеяния (тезисы) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 80-87.

128. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 97-100 (в соавторстве с И.В. Отюцким, Н.А. Охонько).

129. Находки на Ставрополье и сложение монголькой имперской культуры // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 105-109.

130. «Медный» панцирь XIII–XIV вв. из Внутренней Монголии // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 128-136 (в соавторстве с Л.А. Бобровым).

131. Золотоордынские латники Восточного Приазовья (по материалам В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 137-145.

132. Воины Грюнвальдской битвы // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 146-159.

133. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII–XIV вв.) // МИАСК. Вып. 11. Армавир, 2010. С. 207-231.

134. Монголо-татарские шлемы с маскаронами // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до XX века. Вып. 1. Владивосток, 2010. С. 28-43.

135. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127-186.

136. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Золотоордынское время. Донецк, 2010. С. 253-270.

137. Кочевники-золотоордынцы Восточного Приазовья (заметки к реконструкциям) // Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир–М., 2011. С. 245-258.

138. Монгольский пояс из Киргизии – первый образец китайского искусства «фалань» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова, г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г. Казань–Астрахань, 2011. С. 162-166.

139. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М., 2011. С. 39-63 (в соавторстве с И.А. Дружининой).

140. Панцирь танманчи из медного гроба // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М., 2011. С. 79-89.

141. Монгольский пояс из Киргизии – первый из известных образец китайского искусства «фалань» // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М., 2011. С. 90-95.

142. Погребение знатного золотоордынца у хутора Тормосин в Волгоградской области // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 2 (№ 3). М., 2011. С. 39-47 (в соавторстве с Л.В. Яворской).

143. Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблема монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 2 (№ 3). М., 2011. С. 59-91.

144. Украденный подвиг Дмитрия Донского // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 2 (№ 3). М., 2011. С. 92-95.

145. Комплексы монгольского женского костюма XIII–XIV вв. в погребениях // МИАСК. Вып. 12. Армавир, 2011. С. 193-210.

146. Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение) // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29-30 марта 2011 г. Вып. 2. Казань, 2011. С. 77-90.

147. Комплекс монгольского снаряжения из Тувы // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29-30 марта 2011 г. Вып. 2. Казань, 2011. С. 310-325.

148. Монгольская латная конница и ее судьбы в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках международного золотоордынского форума. Казань, 30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 47-58.

149. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках международного золотоордынского форума. Казань, 30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 121-137.

150. Военное дело скотоводов Центральной Азии в древности (основные этапы развития) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1-2 (№ 4-5). М., 2012. С. 19-25.

151. Воины и полководцы Калкской битвы (Вооружение, снаряжение) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1-2 (№ 4-5). М., 2012. С. 114-121.

152. Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.). Барнаул, 2012. С. 124-128.

153. Декор монгольского костюма XII–XIV вв. // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.). Барнаул, 2012. С. 191-193.

154. Памятники итальянской живописи XIV в. как свидетельство итало-золотоордынских связей // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросскультурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII Чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова. Материалы Международной научной конференции (Нижний Новгород, 25-27 сентября 2012 г.). Нижний Новгород, 2012. С. 120-128.

155. Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 84-108.

156. Татаро-монгольский зверино-растительный стиль XII–XIV вв. // МИАСК. Вып. 13. Армавир–Краснодар, 2012. С. 138-166.

157. Украденный подвиг Дмитрия Московского (Донского) // История оружия. Альманах. № 5-6. Запорожье, 2012. С. 55-59.

158. Вооружение на Кубачинских рельефах XIV в. // Transcaucasica. Вып. 1. Южный Кавказ и сопредельные регионы в эпоху монгольского владычества XIII–XIV вв. М., 2013. С. 69-75.

159. Центральноазиатские татары начала второго тысячелетия (по данным костюма) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Том 2. Иркутск–Омск, 2013. С. 51-56.

160. Группа золотоордынских сабель XIV века из частной коллекции в Украине // История оружия. Альманах. № 10. Киев, 2014. С. 208-218 (в соавторстве с Е.В. Гредуновым).

161. Монгольские, черкесские и половецкие воины золотоордынского Предкавказья конца XIII–XIV вв. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М., 2014. С. 333-335.

162. Монгольский костюм на Кубачинских рельефах // Transcaucasica. Вып. 2. Южный Кавказ и сопредельные регионы: источники и историография. М., 2014. С. 98-104.

163. Мусульманский папа на московском престоле («Шапка Казанская» Ивана IV Грозного из Оружейной Палаты) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2. СПб., 2014. С. 141-147.

164. Погребение черкесского воина 2 пол. XIII – 1 пол. XIV вв. в Поросье // Історія давньої сброї. Дослідження. Київ, 2014. С. 73-88.

165. Растительно-звериный стиль в татаро-монгольском декоративном искусстве XI–XIV вв. и его генезис // Золотоордынская цивилизация. № 7. Казань, 2014. С. 181-188.

166. Реалии кубачинских рельефов. Оружие // МИАСК. Вып. 14. Краснодар, 2014. С. 124-137.

167. Уникальные комплексы татарских и монгольских костюмов и аксессуаров XI–XIV вв. из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 13. Золотоордынское время. Донецк, 2014. С. 75-262.

168. Вооружение и военная организация войск Монгольской империи (первая половина XIII в.) // Золотоордынская цивилизация. № 8. Казань, 2015. С. 38-52.

169. Монголо-кыргызский воинский комплекс XIV века из Ийи-Кулака // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 6. М., 2015. С. 3-15.

170. Письмо в редакцию // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1. СПб., 2015. С. 64-66.

УДК 94.904.355/359

КУЛЬТУРА ИМПЕРИЙ, СОЗДАННЫХ КОЧЕВНИКАМИ (СКИФЫ, ХАЗАРЫ, МОНГОЛЫ)[1]

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

В исторической науке давно бытует название для государственных объединений, созданных кочевниками – «кочевые империи» (Васильев, Горелик, Кляшторный, 1993. С. 33-44.); тем не менее, до сих пор нет четких дефиниций этого явления, хотя уже само это понятие предполагает определенные выводы. Поэтому, прежде чем приступить к анализу признаков культур таких империй, созданных кочевниками, определим происхождение термина «империя» в данных условиях.

Прежде всего, понятие империи, которое мы считаем вполне правомочным, распространяется нами только на полиэтничные образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи.

В отличие от широко распространенного мнения, мы полагаем, что завоевательный импульс был у номадов направлен не столько на расширение пастбищных территорий, (что мы не считаем типичным вариантом), сколько на подчинении территорий, население которых принадлежит к иному хозяйственно-культурному типу. Причем это отличие должно было быть достаточно резким, а сами цели номадов в отношениях с оседлым населением могли быть крайне разнообразными.

Рассмотрим здесь отношение номадов к сельским земледельцам. Необходимо отметить, что практически все кочевники евразийской степной зоны в той или иной мере занимались выращиванием зерновых, как правило, проса (овощи кочевники не употребляли вообще, а использовали дикорастущие лук, чеснок, другие подобные растения в качестве приправы к мясу). Сев и сбор проса кочевыми татарами в начале XV в. был описан Иосафатом Барбаро.

Характерной деталью погребального обряда хазар является наличие серпа в могиле, что дало в начале 50-х гг. XX в. повод советскому археологу Б.А. Рыбакову приписать массу погребений салтовской культуры – то есть культуры Хазарской империи – мифическим (для VII–VIII вв.) руссам. Вероятно, не существовало никогда чисто народа, который бы беспрерывно кочевал по степи. В качестве последнего обычно приводят этнографических монголов XIX в., но при этом забывают о более чем 700 монастырях, бывших центрами оседлости, очагами культуры городского типа.

Именно последний хозяйственно-культурный тип и привлекает кочевников непосредственно. Земледельцы интересуют номадов как объект использования, путем реализации, обмена продуктов земледелия на другие, непосредственно используемые кочевниками товары. Города как раз и были производителями и центрами обмена и перераспределения этих самых товаров (а именно: вина, сушеных фруктов, дорогих тканей, лекарств, парфюмерии, украшений, керамики и оружия и т.п.). Однако цели непосредственного подчинения оседлых народов либо создание своих городских структур возникают у номадов не сразу.

Становление кочевых империй проходит ряд последовательных этапов. На первом этапе завоевательного периода содержанием военно-политического процесса является консолидация степных племен под властью одного племени и одной династии. Организация мощной военно-государственной машины, будучи целью первого этапа, является средством достижения целей второго этапа, которые обычно реализуются военным путем, — поставить в зависимость от совокупной целостности кочевого общества завоевателей те государства и цивилизации, где более многообразна хозяйственная деятельность. Именно на этой стадии государство, создан-

[1] Впервые опубликовано в: История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань, 2007. С. 195-201.

ное кочевниками, преобразуется в империю. Баланс сил и конкретная историческая ситуация определяют форму, в которую отливается империя. Например, остаются ли некочевые структуры самостоятельными, автономными от кочевых, находясь от последних лишь в даннической зависимости, либо происходит полная интеграция всех форм хозяйственно-культурной деятельности, над всей массой жителей – безразлично, кочевников или оседлых – царит только династия, а не кочевое сообщество в виде главного племени или объединения племен. На деле, как правило, наблюдалась комбинация различных форм в пределах одного государственно-имперского образования.

В культурном отношении следствием возникшего политического единства становится преобладание генерализации наиболее общих культурных процессов и явлений над сохраняющимися партикулярными тенденциями, определяющими специфику тех или иных регионов. Именно появление общих для империй тенденций в материальной культуре, в формах социальной и политической организации, в идеологии и языковой ситуации создают благоприятные условия к формированию надрегионального и полиэтничного культурного комплекса, который мы и обозначаем термином имперская культура. Здесь мы попытаемся показать ее отражение в материально-художественной культуре.

До середины I тысячелетия до н.э. письменные источники с относительной определенностью позволяют говорить о наличие более или менее развитой государственности лишь у одного этнополитического массива степного пояса Евразии – у европейских скифов. Исследуя культуру номадов Евразии, исследователи давно выделили так называемою скифскую триаду – оружие, конский убор и стиль украшения предметов (скифский звериный стиль), которые определяют собой общность всей цепочки степных культур, различия в них определяют и локальные этнополитические различия. Таким образом, были выделены основные проявления материально-художественной культуры, служившие репрезентативным целям, и являвшиеся главным индикатором как самой «имперской» культуры, так и характера этой «имперскости». Надо сказать, что не только древние, и не только степные культуры характеризуются в репрезентативном плане этим набором, который в настоящее время можно представить следующим образом: костюм, аксессуары и личные украшения воина, его личное оружие, снаряжение его коня. Именно по этим признакам узнавался представитель господствующих слоев государства и его сословно-социальный ранг, положение в военно-служилой иерархии. В империи эти признаки должны быть едиными вне различия по этническому признаку.

Если мы рассмотрим с этой точки зрения этнополитические общности европейских скифов, то придется отметить следующие черты их культуры. Во-первых, постоянное сочетание, в различных пропорциях, кочевых и оседлых элементов в пределах относительно больших региональных пространство. Во-вторых, редкость, если не отсутствие собственно городских структур непосредственно в структуре «варварских» государственных образований. Выраженные городские структуры – Ольвия, например, отнюдь не включены в «варварскую» структуру, а находятся под протекторатом правящей династии, как представительницы всего кочевого общества. Античный город явно служит лишь пунктом превращения дани с земледельческого населения в продукты престижного потребления для верхних слоев кочевого общества. Что касается престижных, репрезентативных элементов материально-художественной культуры, то здесь мы видим полное господство кочевнической традиции – традиции сложившейся в кочевой скифской среде. И если в одной из этногонических легенд присутствует земледельческий плуг в качестве сакрального предмета, то ни археологические комплексы, ни изобразительные памятники не содержат даже намека на престижность хлебопашества. Единство же стиля престижных, особенно роскошных золотых вещей, даже и то, что центры производства некоторых их категорий располагались вне собственно скифских территорий, говорит о том, что их заказ и распределение шли из одного (или максимум из трех) центра. То есть, как в Персидской империи Ахеменидов, где те же гривны, акинаки, пояса и сбруя с золотым набором изготовлялись только с соизволения царя, и им же распределялись.

В раннесредневековом Хазарском каганате мы наблюдаем существенно иную картину: здесь симбиоз оседлого и кочевого способов хозяйствования в рамках одного этноса имел место, видимо, уже на ранних этапах формирования хазарского государства. Но в процессе завоеваний, в процессе создания империи хазары выступают прак-

тически как «чистые» номады. Интересна полная схожесть элементов военно-политико-экономической стратегии каганата со скифскими. Так, мы видим, что скифы в своей «коллективной» эксплуатации оседло-земледельческого населения захватывают район Среднего Поднепровья как центра сосредоточения этой дани, и устанавливают протекторат над Ольвией, как пунктом реализации ее и получения престижных импортных товаров непосредственного потребления — вина, тканей, предметов роскоши и т.п. Совершенно аналогично поведение хазар, с той же целью захвативших Киев – для сбора дани, и Судак – для ее реализации.

В отличие от скифов, однако, для хазар городские структуры являются первостепенными объектами собственной структуры. Город-столица Итиль – является местопребыванием кагана и наемного войска, и одновременно служит важным ремесленно-торговым центром. То же можно сказать и о городах уже в регионе, откуда разрастался каганат – в Дагестане, и о городах на окраинах – о Судаке, Киеве. Пограничные же крепости были, кроме собственно узлов обороны, еще и пунктами обмена с соседями, таможенными и транзитными станциями.

В материально-художественной культуре репрезентативного круга мы находим весьма жесткую и ограничивающую регламентацию, так что вещь «салтовской» культуры узнается сразу, а кочевнический их характер демонстративно подчеркнут, дабы легитимность связей с кочевым тюркским миром сразу была заметна.

Наиболее же «чистым» примером являются татаро-монголы Восточной Европы. Будучи стопроцентными кочевниками, татаро-монголы после десятилетий войн и разорения развивают крайне бурную деятельность в области градостроительства. Города, возникавшие в большинстве своем на пустом месте, становятся сразу и, прежде всего центрами ремесла и торговли, и лишь некоторые из них – столичные центры являлись и политическими центрами, средоточиями власти, управления. Да и то не на круглый год: совершенно так же, как у хазар, в теплый сезон татаро-монгольский двор кочевал в северном направлении, а с ним двигались канцелярии и мастерские, мечети и торжища. Эти огромные кочевые города-ставки – «орду-базары» – приводили в изумление европейских путешественников. Именно «орду-базар» был средоточием политической жизни империи номадов, и именно его разгром, захват означал разгром того или иного степного владыки, или переход власти. Недаром чисто военный разгром Мамая на Куликовом поле нашел отражение лишь в русских летописях, тогда как восточные источники о нем молчат. А вот захват Тохтамышем мамаевых «орду-базаров» отмечен и русскими летописями, и, конечно же, восточными источниками.

Попробуем выделить «имперские» элементы в художественной культуре рассматриваемых кочевническо-оседлых общностях.

В культуре европейских скифов к таковым, на наш взгляд, относятся, прежде всего, роскошные золотые изделия – оковки горитов, акинаков, гривны, которые выполнялись для скифов античными греческими мастерами серийно (на ранних этапах такими мастерами были урарты и вероятно, маннеи). Подобно тому, как в Ахеменидской империи репрезентативные изделия из драгоценных металлов изготовлялись в одном или нескольких центров дворцового подчинения, и затем распределялись лично царем, так и в державе (или унитарной, или триединой) скифов выполненные античными мастерами матрицы хранились в ставках верховного владыки, и по мере надобности с них делались золотые обивки, украшавшие вещи, которые соответствовали рангу их носителя и которые верховный владыка вручал каждому новому владельцу этого очень высокого, может быть, лишь на ступень ниже самого верховного владыки, ранга. Кроме греческих обивок, к числу репрезентативных признаков можно отнести, вероятно, также и уздечные наборы фракийской работы IV в. до н.э. Штучные же, уникальные золотые украшения, также обычно античной работы, по духу своему примыкавшие к имперски-репрезентативным и ими инициированные, служили все же именно индивидуальными либо родовыми отличиями – как самого верховного владыки, так и правителей основных административных составных частей скифской державы.

В хазарской империи, судя по пока имеющемуся набору памятников, к описываемой категории вещей принадлежали, прежде всего, пояса, точнее, металлический поясной набор, и то, что на нем, как на портупее подвешивалось: кинжал, палаш или сабля, чаша или рог. Надо сказать, что общеимперская торевтика, представленная в памятниках салтовской культуры, обладала весьма ограниченным и, главное, очень регламентированным орнаментальным репертуаром, который повторялся в самом разном металле

– бронзе, серебре, золоте. Это говорит об уже сильно структурированном обществе с развитой ранговой системой, которую репрезентировали пояса с одинаковыми узорами, но из разных по стоимости металлов.

Вместе с тем, относительная культурная и административная самостоятельность регионов отражена и в материально-художественной культуре, где на востоке усиливаются (и двигаются на запад) мадьярские и огузско-кимакские мотивы, на западе мощно выделяется аланский элемент, вплетающий в степные, вообще восточные мотивы, восточно-христианские плетения. С Киевом, как форпостом хазарской цивилизации можно связать ряд характерных для империи номадов вещей, в частности так называемую «саблю Карла Великого» из Вены. А.Н.Кирпичников счел ее киевской–русской, тогда как киевской она может быть только при условии, что этот город входил в сферу влияния хазарской цивилизации, ибо в этой роскошной вещи салтовские и мадьярские элементы сочетаются со скандинавскими.

Обильнее всего материал по татаро-монголам. Как показали недавние исследования и находки, завоеватели явились в Восточную Европу с уже достаточно сложившимся общемонгольским культурно-художественным комплексом, куда входили покрой и система украшений костюма, характер металлического поясного набора, богатое оружие, поясные чаши и кубки, уздечные и седельные металлические украшения. Сложился этот комплекс под сильнейшим влиянием сначала киданьско-ляоского декоративного искусства, а позднее, и особенно сильно повлиявшего – чжурчжэньского. Поэтому мы наблюдаем в имперском чингизидском искусстве мотив дракона, лотоса, феникса, копытного среди растений, роговидных узоров, преобладание кобальта в чигизидской керамике от Месопотамии и Ирана до Средней Азии и Казахстанских степей. Как и в тюркское время, в монгольское также все представители военной и чиновной знати, вне зависимости от этнической принадлежности выражали свою принадлежность к империи костюмом, аксессуарами, оружием. Поэтому драгоценные ранговые пояса с монгольскими узорами мы находим в погребениях адыгской (черкесской) знати, армянских князей мы видим изображенными в монгольских костюмах и даже с монгольскими прическами, а золотая шапка ордынской работы становится символом власти московских князей.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд им. М.Султан-Галиева, 1993. С.33–44.

THE CULTURE OF EMPIRES CREATED BY NOMADS (SCYTHIANS, KHAZARS, MONGOLS)

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

УДК 904.355/359

ОБРАЗ МУЖА-ВОИНА В КАБАРИИ-УГРИИ-РУСИ[1]

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

Последние века I тыс. н.э. для материальной и художественной культуры южной части Восточной Европы характеризуются исключительным многообразием и сложностью проявлений. Многие ее явления уже давно и по сию пору вызывают неутихающие споры, причем эти спорные культурные явления являются, как правило, наиболее яркими, определяющими и вместе с тем противоречивыми для культурного контекста региона. И это при том, что этнокультурная ситуация в регионе представляется сравнительно определенной. А потому все сложности объясняются: 1) полиэтничностью населения и государственных образований; 2) широкой международной торговлей (Великий Шелковый путь, Великий Волжский путь, Путь из варяг в греки и т.д.); 3) процессом сложения Древнерусского государства и его борьбой с Хазарским каганатом за овладение позицией хозяина пересечений торговых путей.

Все это, в принципе, совершенно верно объясняет макрополитическую возможность появления вышеупомянутых культурных феноменов, но отнюдь не проясняет конкретные причины появления каждого из них. На подобной концептуальной базе о каждом из «странных» культурных феноменов можно спорить до бесконечности. Что же это за феномены? Перечислим их: сабля из Венского Художественно-исторического музея – т.н. сабля Карла Великого; «примыкающие» к ней сабли и палаш из раскопок могильника Колосовка 1 в Адыгее (Майкопский музей); «золотые» шлемы, многие из которых с «трезубцем» на лбу, известные из находок в Среднем Поднепровье, Польше, Венгрии; оковки ритуальных турьих рогов из кургана Черная могила в Чернигове (ГИМ); поясная гарнитура и Металлический декор поясных сумок-кошелей из погребений Среднего Поднепровья. То есть, это в основном те предметы, которые определяли собой образ мужа-воина – основной фигуры общества в рассматриваемом регионе. Образ этот формировался костюмом, прической, аксессуарами, вооружением.

Все эти элементы были сравнительно единообразны в VI–XI вв. на всем протяжении гигантских пространств Евразии от Амура и Великой стены до вод Дуная и гор Гиндукуша. Эта эпоха в рассматриваемом аспекте вполне может быть условно названа «тюркской» – подобно тому, как предыдущие – «гунно-сарматской», «скифской» и «киммерийской». И в значительной мере это не условность: перечисленные выше элементы материальной и художественной культуры в каждый из этих периодов были единообразны на территории евразийских степей и примыкающих земель.

Попробуем описать «тюркский» комплекс, определяющий образ мужа-воина, не вдаваясь в генезис его элементов и структуры.

Начнем с прически. Мужи собственно тюрок – народа-«будуна», непосредственно управляемого династией владык-каганов из «Синего» (КЁК – тюрк.-монг., АШЕНА – иранск.) рода, а также мужи подвластных им тюркоязычных народов носили длинные волосы, которые заплетали в косы. И только верховные правители (а в каждый отдельный момент таковым мог оказаться знатный муж любою высокого ранга) носили волосы распущенными. При этом уйгур отличали ровно подрезанные надо лбом челки и то, что с каждой стороны лица по одной косе свисало с висков перед ушами. Эту же прическу заимствовали воины Самаркандского Согда, точнее, Пенджикентского княжества. А вот венгры, заимствовав у западных огузов–огуров их общее самоназвание, точно переданное в древнерусском как «оугры», вместе с комплексом воина, голову брили, оставляя на макушке длинную прядь, которая могла раздваиваться или заплетаться в свешивающуюся на бок косу. Последняя прическа точно воспроизводила прическу тюркских и монгольских маль-

[1] Впервые опубликовано в: Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том 1. Самара, 2001. С. 169-185.

чиков – «кукель». Не исключено, что таким образом отражалось положение венгров как «младших братьев» по отношению к народу, руководимому родом Ашена. Таким тюркским народом были хазары.

Что касается растительности на лице, то традиционным было ношение усов, концы которых носили опущенными вниз, торчащими к стороны параллельно земле или загнутыми вверх – без этнических различий. Бороды (если хорошо росли) носили клиновидной формы – опять-таки без этнических различий. И лишь на одном изваянии VIII в. из Монголии показана борода, заплетенная в косу (или, по мнению Д.Д. Васильева, оплетенная лентой), что напоминает обычай шахиншахов Сасанидского Ирана.

Удивительно единообразие основной верхней одежды евразийского мужа – распашного, с запахом кафтана с длинными сужающимися книзу рукавами и подолом на уровне колен – чуть выше или несколько ниже. От Китая до Кавказа не только изображения, но и находки реальных предметов свидетельствуют, что он имел приталенный силуэт с округло расширяющейся «юбкой» (на востоке это достигалось вырезным кроем, а на западе – отрезным) и характерные отвороты ворота – лацканы, подчеркивавшиеся декором из кантов, подкладки из дорогих узорных тканей и иногда мехом. Специфический вид имели боевые согдийские кафтаны, надевавшиеся поверх кольчатых панцирей: они имели короткие, выше локтя, рукава и не имели запаха.

Поскольку из-за длины кафтана штаны были практически не видны, большую роль в облике евразийского мужа-воина играла обувь. И опять-таки на всем пространстве от Великой стены до Дуная она была едина: это были высокие сапоги без каблуков, с голенищами, имевшими боковые швы и достигавшими колен; верх голенищ выступал спереди углом вверх, иногда прикрывая колено. На востоке голенища довольно сильно расширялись кверху, и для того, чтобы они не сползали вниз, их прикрепляли к гашнику штанов тесемкой или ремешком. На западе же, начиная от Согда, голенища шились более узкими. Судя по венгерским (восточноевропейским и заяицким) изображениям на художественном металле и северокавказским находкам, боковые швы голенищ могли иногда фигурно вырезаться низкими стрельчатыми арками.

Ношение головных уборов было далеко не всегда обязательно для мужей-воинов Евразии. Самым простым и самым, судя по изображениям, почетным убором была лентообразная повязка-диадема – и у степняков, и у их оседлых соседей. Столь же почетен был только царский венец-корона. Основным убором тюркоязычных народов был пришедший из сако-кушанской культуры башлык с четко выделенными наушами и назатыльником, выкроенный из двух симметричных половин, со швом вдоль темени. У тюрок направленная слегка вперед округлая макушка башлыка могла приобретать слегка приостренную форму и надбровный вырез в виде двойной арки. Носили башлык опустив науши и назатыльник, отогнув науши назад и завязав поверх опущенного назатыльника, либо отгибали назатыльник вверх, а науши назад, и, перекрестив их поверх изнанки назатыльника, соединяли тесемками надолбом. Последний способ превращал башлык в своеобразную корону; китайцы же, повторив крой и способ завязывания, но, заменив войлок и фетр на шелк, превратили этот тюркский убор в свой самый популярный головной убор «путоу». У тюрок же башлык имел много вариантов по форме и величине деталей. Другим важным типом головного убора тюркоязычных кочевников были колпаки из белого (реже – черного) войлока, скроенные из 2-х, чаще 4-х, реже – 6-8 клиньев. Макушка такого колпака могла в IX в. венчаться коническим металлическим навершием, богато украшенным. Третий тип округлая войлочпная шапка, валяная на болванке. Околышем ей служили отворот полей или опушка, чаще меховая. Вариантом округлой шапки была шапки сшитая из двух симметричных половин, со швом вдоль темени, двойным надбровным вырезом спереди и отогнутыми вверх полями сзади и с боков. На западе пояса степей по изображениям и находкам фиксируется диадема и округлая шапка с меховым околышем. Макушка ее на западе могла быть и заостренной, как это явствуй из находки венгерского серебряного конического навершия.

Наконец, важнейшим аксессуаром евразийского мужа-воина, его «погонами», его «красной книжкой», был пояс-портупея для клинков, чья металлическая гарнитура – ее материал, форма, количество и расположение элементов четко обозначала социальное положение владельца. К поясу прилагались сумка-кошель, ножик для еды, а на

востоке Евразии еще и своеобразное кресало-сумочка. Их декор соответствовал декору поясной гарнитуры. При том, что основные формы украшений пояса шли с востока на запад, причем стилистика их имела корни в искусстве Северного Китая и Восточного Туркестана, именно локальные различия и схождения металлической гарнитуры пояса позволяют – на фоне общих тенденций – наиболее точно и тонко использовать именно этот материал для конкретного историко-культурного анализа.

Для периода IX–X вв. в западной части евразийских степей и Урало-Каспия до Северного Причерноморья – в поясной гарнитуре господствовали два основных стилистических направления «салтовское» и «венгерское». Они постоянно взаимодействовали и могли механически смешиваться в одних комплексах. При этом в степи их слияния не происходило: даже в одном комплексе детали, украшенные в салтовском стиле отличаются от деталей венгерского стиля. Кстати, сам венгерский стиль легко разделяется на три течения: первое, пластическое, почти дословно повторяющее мотивы танско–степные, связанное с искусством Восточного Туркестана через посредство кимаков, притяньшаньских тюрок и, очень вероятно, западных татар; второе, графическое, в котором указанные выше мотивы, обогащенные, кроме того, и среднеазиатскими, были сильно переработаны в совершенно оригинальную систему; наконец, третье течение, характеризуемое изображениями животных, реже людей, в развитых образцах восходящих к восточно-туркестанским образцам и окруженных рамками из «перлов», перемежающихся «зернами злаков».

Не менее, чем одежда, образ мужа-воина формировал его боевые костюм и аксессуары – то есть, доспех и наступательное оружие.

Основными типами панциря от Кореи до Паннонии во второй половине I тыс. были ламеллярный и кольчатый. При этом на востоке абсолютно преобладал ламеллярный доспех; на западе – от Согда до Паннонии – он соревновался в популярности или сочетался с кольчугой. Сочетание это имело два основных варианта: согдийский, когда под длиннополый, но не имеющий плечевой части ламеллярный панцирь, поддевалась кольчужная пелерина с длинными рукавами; хазарский, когда поверх длинной, с рукавами до локтей, кольчуги надевался ламеллярный корсет-кираса. Хазарский панцирь отличался особым совершенством: во-первых, он мог иметь кованые оплечья; во-вторых, пластины в нем могли соединяться не только ламеллярно, то есть посредством тесемок или ремешков, продернутых сквозь отверстия, но и при помощи заклепок, соединявших пластины не наглухо, а с «люфтом», сохраняя подвижность бронирования при резком усилении его прочности. Подобный способ требовал исключительного мастерства, и за нею историю доспеха был доступен, кроме хазарских, лишь римским и западноевропейским (XV–XVII вв.) панцирникам. Венгры, судя по изображению на серебряном блюде из с. Мужи (ГЭ) и находкам у г. Манвеловка под Днепропетровском, применяли обе традиции совмещения кольчуги с ламеллярным панцирем.

Шлемы единой сфероконической формы, господствовавшей от Кореи до Паннонии, имели и целый ряд общих признаков. Они нередко склепывались из сегментов, края которых фигурно вырезались; спереди помещалась налобная пластина с наносником и (или) надбровным вырезом в виде двойной арки; иногда на передней части над краем помещали две-три пластинки-зубца. Бармица, от Центральной Азии до Паннонии уже чаще всего кольчужная, была полузакрытой, открывая только лицо, либо глухой, оставляя открытыми лишь глаза. Специфика некоторых венгерских шлемов состояла в их яйцевидной форме.

Популярные в Восточной, Центральной и Средней Азии в среде земледельческой военной знати наручи и поножи, сделанные из двух цельнокованных створок или набранные из узких полос металла, на западе пояса степей зафиксированы только у хазар IX–X вв.

Круглые деревянные, обтянутые кожей щиты – с умбонами и без них, часто расписанные или просто черные, характерны для всей территории от Восточного Туркестана до Дуная.

Что касается основного оружия степняков – лука, то при полном его типологическом и формальном сходстве – сложносоставные (или сложные) рефлексивные, здесь наблюдаются серьезные локальные различия, связанные с этнической традицией. Так, А.М. Савин и А.И. Семенов показали стойкие предпочтения разных этносов Восточной Европы, отдаваемые разным породам деревьев при изготовлении кибити лука.

То же касается и футляров для стрел (колчанов) и луков (налучей), носимых на специальном поясе-портупее, который застегивался при помощи крючка. При общем типологическом сходстве явственно выступают различия в деталях. Например, венгерские отличаются богатейшим декором из металлических бляшек-накладок на налучах и кожаных языках, прикрывающих наконечники стрел в устье колчана. Вместе с тем, во всех восточноевропейских степях распространяются бляхи в форме пары распростертых крыльев с петлей для крепления к портупее налуча нового типа – в виде половины лука с надетой тетивой. Как раз в IX в. этот тип появляется и сосуществует со старой формой налуча в виде чулка (в таком налуче лук хранился со снятой тетивой), полностью вытесняя старую форму к XI в.

Клинковое оружие – носившиеся в одностильно оформленной паре длинный (меч, палаш, сабля) и короткий (нож, кинжал) клинки (эта традиция, развитая в V–VIII вв., с IX по XI вв. постепенно сходит на нет), и прикреплявшиеся к главному поясу-портупее, который застегивался на рамочную, с иглой, пряжку, в VIII–X вв. переживает серьезные изменения. Если в начале этого периода среди длинных клинков преобладали прямые, чаще палаши с одним полностью, а другим частично, от острого конца заточенным лезвиями и нередко отогнутой в сторону лезвия рукоятью, реже – обоюдоострые мечи с довольно узкими клинками, то в IX в. аварское изобретение – сабля характеризуемая изогнутым однолезвийным клинком, все активнее завоевывает позиции к востоку от Дуная, достигая Восточного Туркестана и Южной Сибири. В качестве коротких клинков преобладают крупные боевые ножи. Лишь изредка применяются кинжалы – оружие с прямым обоюдоострым клинком. Специфически хазарскими являются парные ножи, носившиеся в одних ножнах с двумя отделениями. Не исключено, что их применяли и для метания.

Формы клинковой фурнитуры вполне единообразны на всем пространстве от Китая до Паннонии. Лишь тонкие различия в декоре являются этнокультурным индикатором.

То же можно сказать и о древковом оружии – боевых топорах и копьях. Хазарской особенностью является широкое применение кистеней. Характернейшая деталь плетей – навершие рукояти в виде птичьей головы, бытовавшее практически во всей Евразии от Дуная до Китайской стены в IX–XIII вв., было, скорее всего, венгерским новшеством IX в.

Рассматривая элементы, формирующие образ мужа-воина на территории центра и юга Восточной Европы IX–X вв., можно сказать, что они вполне вписываются в единый культурный контекст степных тюркоязычных сообществ и близких к ним по культуре соседей. При этом салтовская культура имеет ряд специфических схождений с культурой тюркизованного Согда (боевые кафтаны с короткими рукавами, формы шлемов, конские начельники).

До последних лет в науке утверждалось, что описанная культура лишь отдельными элементами или даже экземплярами проникала в вещный мир знатных мужей центральной области Восточной Европы – Среднего Поднепровья. Но даже и в такой форме мысли о южном влиянии пробивались со многими усилиями в течение долгих лет, преодолевая тотальный автохтонизм, господствовавший в отечественной науке. Лишь постепенно утверждалось понимание того, что поясная гарнитура, «золотые шлемы» и декор ритуальных турьих рогов из больших черниговских курганов, ряд находок из ранних киевских погребений высшей знати как-то связаны с культурой степей юга. Та же ситуация сложилась в науке и в связи с северными скандинавскими культурными феноменами, чье активное и обильное бытование в IX–XI вв. в Среднем Поднепровье зафиксировано всеми видами источников. Более того, можно смело утверждать, что «антинорманизм» рухнул под напором наконец-то непредвзято толкуемых объективных данных. Самая свежая – и первая полная за 100 (!) лет - публикация материалов из Гнездовского могильника, добытых в 1874–1901 гг., буквально вопиет о ярко выраженном скандинавском облике культуры общества, оставившего Гнездовские курганы. Но нисколько не тише звучит в этих материалах и степная, южная тема: художественный металл, в основном поясная гарнитура, но также и шлем салтовского, венгерского и «венгероидного» облика присутствует там в не меньших количествах. Причем и скандинавские, и степные вещи встречаются не только в разных курганах, но часто имеете в одном захоронении, почти всегда мужском. То есть в Гнездове мы видим картину, аналогичную Черниговской и, добавим, киев-

ской. В Гнездове же были найдены остатки распашного кафтана с подвесными пуговками-шариками и петлицами и плиссированых шаровар. Арабские авторы, описывая одежду русов (что полностью подтверждается и изображениями), сообщают об их широченных штанах, носившихся навыпуск либо со штанинами, туго обмотанными им голени, и кафтанах, таких же, как у хазар и венгров, но более коротких (скорее всего, именно следствие ширины штанов, буфом раздувавшихся ниже пояса). Костюм этот дополнялся остроконечной шапкой, опушенной лисьими хвостами, наборным поясом-портупеей с кошелем, ножом и мечом, сапогами или высокими башмаками и шалью–«кисой», переброшенной через плечо и заколотой при помощи дорогой украшенной фибулы на правом плече или боку.

В описанном комплексе скандинавскими были штаны, башмаки, «киса», меч и набор специфически скандинавских ювелирных украшений и амулетов. Кафтан, наборный пояс с сумкой и шапка были определенно заимствованными у кабар и венгров. Я полагаю, что «венгероидный» стиль огромного числа поясных бляшек, находимых во всей Восточной Европе, в Скандинавии, Среднем и Нижнем Подунавье, был разработан в ремесленных центрах, где вместе жили заказчики этой продукции. Кстати, формочка из местного шифера для отливки бляшек именно указанного стиля была раскопана ни киевском Подоле в слоях сер. X в.

Если физическое присутствие скандинавов в качестве социальной верхушки среднеднепровского общества, в последние годы наконец признано наукой, то вопрос о том же в отношении степняков стоит в остро дискуссионной форме. А ведь именно с решением данного вопроса связана и разгадка «странных» культурных феноменом, отмеченных в начале. Рассмотрим их внимательнее.

«Сабля Карла Великого» сочетает в себе салтовско–венгерскую форму, чисто венгерский узор навершия рукояти и нижней част ножен. Но на обоймицах ножен и кончиках перекрестия венгерские побеги образуют переплетения отнюдь не венгерские, а совершенно в скандинавском стиле Борре второй половины IX – первой половины X вв. Наведенные на клинке золотом драконы–гиппокампы, восходящие к тюркским и иранским образцам, мы встречаем и на хазарской резной кости из Шиловского погребения, и на венгерском серебре. Сделанная чуть ли не в той же мастерской «львиная» сабля из Колосовки 1 (на ее клинке те же золотом наведенные драконы) сочетает салтовскую форму и кимакские принципы построения декора, но вот составляющие декор фигуры львов выполнены опять–таки в скандинавском стиле Борре. Один из палашей, раскопанный в Колосовке 1, имеет при общей салтовской форме навершие рукояти и украшение конца ножен совершенно венгерское по декору, перекрестие – с аланским орлом, а округлые оковки выступов обоймиц можно легко спутать с круглыми фибулами стиля Борре с головками коней на концах. На хранящемся в музее в Дебрецене украшенном серебром шлеме, найденном у Немии, в Закарпатье, на лобной части выгравирован типичный венгерский орнамент, тогда как на венчике выгравирована типичная скандинавская плетенка. Наконец, обращаясь к рогам из Черной могилы, мы видим, что узор малого рога имеет чисто венгерский характер, тогда как в декоре большого рога салтовские элементы сочетаются с венгерскими, при том, что сам ритуал с рогами совершенно скандинавско–балтийский. О поясной гарнитуре мы говорили выше.

До сих пор не было выдвинуто ни одной приемлемой гипотезы, которая могла бы объяснить эти феномены. Даже В.Я. Петрухин, очень близко подошедший к разгадке, как будто испугавшись ее, невнятно предположил, что венгры и хазары могли занимать высокое положение в правящем слое складывающегося Древнерусского государства и силу наследия некоей традиции хазарского господства над Средним Поднепровьем. Более категоричны Г. Вернадский и О. Прицак. Г. Вернадский утверждал, что венгры просто властвовали над территориями Подонья и Нижнего и Среднего Приднепровья (с Киевом в качестве столицы). О. Прицак же в качестве лучшего доказательства своей теории основания и раннего существования Киева в качестве колонии Хазарского каганата привел найденное в генизе – хранилище ненужных текстов старой каирской синагоги сенсационное письмо киевских иудеев, датируемое не позднее первой половины X в., которое он издал вместе с гебраистом Н. Голбом. Эту «подрывную» публикацию отечественная наука вынуждена была долго и тщательно игнорировать. Зато околонаучной публицистикой (Л. Гумилев, В. Кожинов)

она была охотно воспринята и интерпретирована в качестве доказательства хазарского ига над Русью, самого страшного из возможных ввиду иудейства хазар.

Вместе с тем, древняя топонимика Киева действительно пронизана хазаро–мадьярским духом, как это зафиксировано в «Повести временных лет», в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», наконец, в киевской топонимической и фольклорной традиции, дожившей до наших дней.

О венграх говорит название реки Лыбедь, топонимы Угорский яр, Угорская гора. Сюда же можно отнести и «Олмин двор». И хотя Олма в ПВЛ может передавать как венгерское имя Альмош, так и исходное для него тюркско–огурское имя Алмуш (Алмыш), все же помещение этой усадьбы на Угорской горе, а не на территории, связанной с хазарскими топонимами, склоняет к его венгерской принадлежности.

Еще более яркие хазарские тюркские и иудаистские топонимы. К ним относятся и урочище Козаре, и место Пасынча беседа, означающее, как безупречно показал О. Прицак, беседку, где происходил акт «басинч» – по-тюркски «нажимать», «надавливать», то есть печати–тамги: короче – легкая постройка таможни. Наиболее же яркими являются топонимы, связанные с цитаделью Киева. Согласно императору Константину, она называлась Самватас. Но Самватас – это греческая огласовка тюркского Шамбат, передающего еврейское слово Шаббат – то есть «суббота», сакральный для иудаистов день. Крепость Шаббат стояла на горе Хоривица. Название это передает имя горы Хорив – отрога Синайского хребта, где пророк Моисей разговаривал с Богом. Имя это не связано с позднейшей христианской традицией, так как на православной Руси знали только гору Синай. Второе название этой киевской горы – Лысая. Это могло быть калькой древнееврейского «Голгофа», что означает «лоб», «череп», «голая голова». А под горой этой растекается Иорданское озеро, образованное рекой Глубочицей. В киевской фольклорной традиции Лысая гора считалась местом проведения шабашей – так иноверцы обзывали празднование иудейской субботы. Из более поздних мусульманских источников (Рашид ад-Дин, «Джами ат-таварих»; летописцы походов Тамерлана) известно и тюркское название Киева – Манкерц или Манкермен, что по-тюркски означает «главная крепость». Таким образом, цитадель Киева имела двойное название – священное иудейское и светское тюркское. Такое название могла иметь только хазарская крепость.

Здесь я изложу в расширенной форме положения, впервые высказанные мной в докладе на конференции «Славяне и их соседи: славяне и кочевники», проводившейся в ИСиБ РАН в 1998 г. Как представляется, цитадель Киева – Шамбат–Манкерц – возникла как крепость для хазарского гарнизона во главе с наместником. Понадобилась же она хазарам вот зачем. Я полагаю, что восточноевропейские кочевники отнюдь не нуждались в продукции хозяйства земледельцев лесостепной полосы. Все продукты они вырабатывали сами, включая зерно (просо), которое они сеяли весной на своих родовых территориях и, совершив летний полукруг кочевки, сжинали урожай, о чем говорят находки серпов в хазарских погребениях (что дало в свое время «повод» Б.А. Рыбакову причислить их к «древностям русов»). Кстати, этот земледельческий процесс кочевников был зафиксирован в южнорусских степях в XV в. у татар.

Зато кочевой верхушке необходимы были предметы «престижного потребления», вырабатывавшиеся городскими цивилизациями юга: лучшее оружие, дорогие ткани, ювелирные изделия, металлическая и стеклянная посуда, вина, сухофрукты, орехи, лекарства, парфюмерия. Но собственная продукция номадов не привлекала поставщиков этих товаров – мусульман и византийцев. Зато им были нужны продукты лесных промыслов насельников лесно–таежной и тундровой зон Восточной Европы – меха, воск, мед, лекарственное сырье, моржовые клыки. И, конечно, рабы. Чтобы не вести с обладателями этих богатств бесконечные войны, не тратить кровь, но не тратить и деньги и иные ценности на их покупку, кочевым владыкам выгодней было, продемонстрировав военное превосходство, обложить обитателей лесной зоны данью. А для бесперебойной реализации этой дани надо было иметь систему ее «перекачки»: центр сбора дани на границе леса и степи, удобный, полностью контролируемый путь доставки товара к портам южных морей, и сам такой порт, куда купцы с юга являлись бы со своими товарами за продуктами леса и тундры. Такими портами в конце Днепро-Донского пути были созданный хазарами Судак в Крыму

и захваченные на Боспоре Киммерийском Боспор и Гермонасса, ставшие городами-крепостями Керц и Самкерц–Тумантархан (Самкуш иудейский–арабск., Таматарха – греч., Тьмутаракань – русск.).

Пунктом же сбора лесных товаров должен был стать Киев. Интересно, что точно такая же система была установлена на той же территории за 1500 лет до хазар скифами; только в качестве южного порта они использовали Ольвию на Днепровском лимане, над которой им пришлось установить протекторат. Такая система была очень падежной, выгодной, удобной. Но вскоре после того, как хазары ее создали, она поломалась.

Потому что в 30-е гг. X в. в Хазарском каганате произошла гражданская война. Причиной ее послужили религиозно-административные реформы, проводившиеся под идейным руководством сбежавшихся от гонений в единоверную Хазарию иудейских клерикалов–раввинистов вторым (после кагана) лицом империи – каган-беком (шад – общетюркс., ихшид – согдийск., малик – арабск.). До этого каган и часть хазар, особенно знать, исповедовали иудаизм караистского толка, не признававший послехрамовой традиции. При нем духовная и светская власть могла быть воплощена в одном лице – персоне кагана, что соответствовало тюркской традиции. Новые же веяния требовали разъединения власти, и поэтому высшую, почетную, сакральную власть получил, разумеется, каган, не касавшийся низменных земных дел, которыми обременил себя каган-бек. Разумеется, подобные новшества не могли не вызвать восстания «старообрядцев». Оно произошло, и было описано Константином Багрянородным. Он сообщил потомкам, что повстанцы, назвавшиеся кабарами (каварами – в греческой передаче), что по-тюркски может означать «партия», «сборище» (ср. Кубрат – собиратель), проиграли войну, и те, кто избежал гибели от правительственных войск, удалились на север, где в это время кочевали пришедшие из-за Яика венгры.

Венгры приняли славных хазарских воинов с семьями, принадлежавших к трем хазарским племенным объединениям, вместе с их аланскими и болгарскими клиентами. Названия этих объединений император не сообщает. Зато в этногеографическом еврейском трактате «Сефер Иосиппон», составленном в начале X в. в Южной Италии или Сицилии, при перечислении народов Северного Причерноморья–Прикаспия в двух ее рукописях происходит весьма показательная замена: тюркам еврейского оригинала соответствуют в арабоязычной рукописи – кабары. Следовательно, одной из трех составляющих кабарский союз были тюрки, входившие в собственный народ–будун хазарского кагана из Синей династии.

Но тюрками пред лицом византийских властей называли себя венгры. Константину Багрянородному было известно и другое название венгров – савартой-асфалой. На самом деле здесь зафиксированы два племенных названия – саварта (множ. ч. от савар) и аскал=эскэл. Оба они принадлежали огурским племенам, входившим в болгарское и хазарское объединения. То есть в данном случае венгры присвоили себе славные кабарские этнонимы, как за триста лет до этого присвоили прозвание огур. Таким образом, в 30-е гг. IX в. огромная территория Хазарской империи к северу от Нижнего Подонья–Поднепровья стала Кабарией, точнее – Кабарией–Угрией. И воспринималась она недругом Хазарии. Именно для защиты торговых путей и пограничных земель от такого соседа на Нижнем Дону, напротив разрушенного замка, принадлежавшего беку или тархану, ставшего повстанцем–кабаром, и была построена под руководством византийского архитектора Петроны Каматира мощная крепость Саркел.

Венгры же, отделив кабар от хазар, не стали врагами Хазарии, используя в своих интересах славу и силу повстанцев.

Но вернемся в Киев. Древняя киевская топонимия хранит и политоним кабар – в топониме Копырев Конец – Кабарская улица, район. Но еще ярче свидетельствует о киевских кабарах письмо из каирской генизы. В нем в числе подписавших его наиболее уважаемых членов иудейской общины значатся Иуда Саварт и GSTT бар Кьабар коген. Если нельзя с определенностью сказать, из каких савар происходил Иуда – кабарских или имперских хазарских, то второй подписант – его имя можно трактовать и как тюркское Гостун или Гост, и как славянское Гостята, и как скандинавское Гост – был сыном человека, чье поименование можно считать знаменательным. О. Прицак полагает, что словосочетанием Кьабар коген обозначен коген (то

есть потомок высших иудейских священников-ааронидов) с социофорным именем Кьабар, означающим высшую тюркскую знать. Но нееврей не мог быть ааронидом – это передается только генетически – так что Н. Голбу пришлось изобретать фантастическую теорию для объяснения такого казуса. Но если мы вспомним, что термин «коген» означает также и «духовный глава иудаистской религиозной общины», а также истинное значение слова «кьабар»=кабар, то становится ясно, что кьабар коген – это духовный глава религиозной общины кабар – «старообрядцев». Ведь понятно, что хазарский гарнизон Киева, его крепости Шамбат-Манкерц после кабарского восстания оказался отрезанным от империи и не подвергся раввинистским нововведениям, оставшись в лоне караизма. Более того, он еще и усилился за счет кабар, покинувших империю, в число коих входили хазары трех племен с их аланскими, болгарскими и славянскими клиентами – иудаисты, христиане, мусульмане и язычники по вероисповеданию. Тут же поселилось и немалое число венгров.

Власть Кабарии–Угрии охватывала, вероятно, огромные территории от нижнего Подонья–Поднепровья до верхнего Поднепровья. Дани с подвластных, в основном славянских, племен были распределены между всеми правящими племенами. При этом каждое из семи венгерских племен было самостоятельным, а кабары трех племен управлялись (согласно императору Константину) единым правителем. Кабары как наследники древней имперской традиции тщательно собирали в уставные сроки необременительную дань со своих славянских подданных, тогда как венгры, по сообщениям арабских источников, кроме сбора дани еще и грабили, и полонили своих подвластных славян, продавая их грекам в обмен на ткани, ковры и вино.

Но выход к черноморским рынкам, ради чего и затевался весь хазарский проект с Киевом, оказался для кабар закрыт. Экономическая блокада кабарского Среднего Поднепровья имперскими хазарами лишала его и потоков монетного металла. Совместные с венграми походы на запад – в Центральную Европу давали, конечно, добычу, но риск и нестабильность этих предприятий не шли ни в какое сравнение по выгодности с задуманной системой выкачивания и реализации дани. Поэтому, когда около 860 г. хёвдинги Хаскьольд и Тюр из окружения ютландского конунга Рёрика, нового правителя вика Альдейгьюборг и большой части севера Восточной Европы, но пути в Миклагард–Константинополь достигли Киева, то здесь их встретили кабары как посланцев удачи. Именно викингская флотилия – русь только и могла прорвать хазарскую блокаду и на Боспоре Киммерийском, и на Итиле и выйти к византийским, а также мусульманским богатствам, провезя на юг товары Среднего Поднепровья, накопленные кабарами. А в Киеве викинги–русы получали прекрасную базу – на полпути из Ладоги – для зимовки, пополнения запасов еды, товаров, оружия, ремонта и постройки судов. И пусть первый набег Аскольда и Дира вскоре после 860 г. на Константинополь был не совсем удачен – покров Богородицы спас сам Город от русов – добыча из его разграбленных викингами предместий удовлетворила и русов, и кабар.

Таким образом, на Среднем Днепре сложился симбиоз степных и скандинавской культур, просуществовавший до конца IX – начала X вв., когда венгры с кабарами, увлекая за собой часть осевших в Поднепровье викингов–русов, новоприбывших скандинавов, алан, болгар и даже печенегов, ушли – большей частью через регион Киева – на новую родину в Паннонию. За это время вполне успела выработаться традиция совмещения в одном комплексе, определяющем облик мужа-воина, и даже в отдельных элементах комплекса форм и мотивов декора из столь разных художественных систем. А в такой отрасли художественной промышленности, как создание металлической поясной гарнитуры, начал вырабатываться единый стиль на базе в основном венгерских образцов, сравнительно упрощенных, который я условно назвал «венгероидным». Вот в такой культурной среде появление рассмотренных выше «странных» предметов представляется явлением не только странным, но и совершенно закономерным особенно для верхушечного слоя этого многоязыкого общества.

Но стиль жизни, выработанный в этой среде, не умирал и в течение IX – начала XI вв. Мы видим его процветание в этот период в Южной Руси – наследнице Кабарии–Угрии. Несомненно, это связано не только с традицией предыдущего столетия. Сохранение этого стиля и даже развитие его в прежнем русле базировалось в не меньшей степени и на физическом присутствии его носителей –

кабар и особенно венгров, которые не только были мастерами – изготовителями предметов престижного быта мужа-воина, но и оставались в определенной мере и потребителями этой продукции – в составе княжеского окружения, прежде всего дружины, а также купеческой и городской верхушки. Иначе не объяснить тот факт, что развитие единого венгерского стиля шло совершенно синхронно и в Великой – Заволжской, и в Дунайской Венгрии, несмотря на то, что между ними простиралась огромная Русь со скандинавскими правителями, дружинниками, купцами, очень любившими свои скандинавские традиции, художественный стиль, воплощенный и в привезенных из Скандинавии вещах, и в изделиях местных мастеров-скандинавов.

Представляется несомненным, что оставшиеся не в таком уж малом числе кабары и венгры еще долго занимали высокие посты в окружении русских конунгов-каганов, воспринявших многие элементы облика степного мужа-воина – шлемы, наборные пояса, металлическую фурнитуру и покрой кафтанов и шапок. И если знаменитые франкские мечи с дамаскированными клинками русы ценили превыше всего, в отличие от степняков, которые ими практически не пользовались, то роскошные кабарские и венгерские палаши и сабли, в салтовско–венгерский декор которых вплетались мотивы скандинавского стиля Борре, носили не только знатные кабары и венгры, но и скандинавы-русы, вкладывая их подчас в ножны со скандинавскими мечевыми бутеролями. Интересно при этом, что степняки, «заразив» скандинавских мужей (но отнюдь не их консервативных женщин) «Русьской земли» своими культурными традициями, не восприняли никаких специфически скандинавских элементов материально-художественной культуры. Лишь на самом последнем этапе развития этого культурного симбиоза можно заметить редкие признаки обратного воздействия.

А в середине X в. самый «степной» из конунгов–русов – великий киевский князь-каган Святослав–Сфендислейв, сын Ингвери и Хельги, сочетал в своем облике северо – и восточноевропейскую одежду, степную традицию ношения серьги салтовского типа и венгерскую (или венгеро–кабарскую?) прическу, когда бритая голова венчалась длинным чубом, разделенным на две пряди, спускавшиеся на виски. И еще в начале XI в. сын кагана Владимира–Вальдмара и «болгарыни» с болгарским именем Борис–Барыс имел в качестве ближайшего и самого высокопоставленного придворного – судя по тому, что он носил золотую гривну – «угрина» Георгия. Конечно же, сей угрин был вовсе не пришельцем из-за Карпат или Волги, а потомком местного знатного рода – элиты Кабарии–Угрии.

ЛИТЕРАТУРА

Лев Диакон. История. Перевод М.М. Копыленко, комментарии М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 244 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пе/н комментарии. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 498 с.

Повесть временных лет (ПВЛ). Перевод Д.С.Лихачева. СПб.: Наука, 1997.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под редакцией Е.А. Мелъниковой. М.: Логос, 1999. 608 с.

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. 355 с.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Археология Венгрии. М.: Наука, 1986. 348 с.

Вашари И. О рунических системах письма Восточной Европы // Altaica. II. М.: ИВ РАН, 1998. С.37-64.

Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь: Леан, М.: Аграф, 1996, 542 с.

Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях: Сб. / Под ред. Андерса Хедмана, А. Н. Кирпичникова. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 96 с.

Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Часть 1. М.: Изд-во ГИМ, 1999. 156 с.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим: Гешарим, 1997. 239 с.

Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих территорий в I тысячелетии н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149-179.

Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю. О ремесленном производстве на киевским Подоле // СА. 1980. № 2. С.203-219.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект-Пресс, 1998. 399 с.

Даркевич В.П. Художественный метал Востока VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 199 с.

Дитлер А.П. Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1961. С.127-189.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том I. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 281 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 213 с.

Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1992. 72 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.,–Л.: Наука, 1966. 176 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 166 с.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 134 с.

Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. XIII. С.63-94.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.

Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С.18-47.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971. 191 с.

Мурашева В.В. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (По материалам «дружинных» курганов) // Труды ГИМ. 1997. Вып. 93. С.71-79.

Назаренко А.В. О «Русской марке» средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 1978. С.302-306.

Немет П. Образование пограничной области Боржавы // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С.206-220.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Орлов Р.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984. С.32-52.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков Смоленск-Москва: Русич-Гнозис, 1995. 320 с.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Языки русской культуры, 1998. 323 с.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим: Гешарим, 1999. 248 с.

Путь из варяг в греки и из грек**.** Каталог выставки. М.: Изд-во ГИМ, 1996. 106 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 138 с.

Самашев З. Граффити средневековых номадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996. С.259-269.

Станилов С. Антропоморфни езически изображения от IX–XI в. в България и проблемът със славянските божества // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 1. М.: ИА РАН, 1997. С375-381.

Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. 416 с.

Сокровища Приобья. СПб: «Формика». 1996. 228 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. 304 с.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. №2. С.158-178.

Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // СА. 1983. №4. С.174-181.

Kirpichnikov A. Der sogenannie Sabel Karls der Grossen // Gladius. 1972. Tomo X. p.69-80.

László Gy. A honfoglaló magyar nép élete. Budapest: Magyar Élet Kiadó, 1944. 120 S.

«Osenket fehozad». A Honfoglalo Magyarsag. Kialitasi Katalogus. Szerkesztette Fodor Istvan. Budapest, 1966. 450 S.

Zakharov A., Arendt W. Studius Levedica. Archaeologische Beitrag zur Geschichte des Altertums in IX Jh. // Archaeologia Hungarica. 1935. Vol. XVI. 78 S.

THE IMAGE OF THE MEN-WRARRIOR IN KABARIA-UGRIA-RUSSIA

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

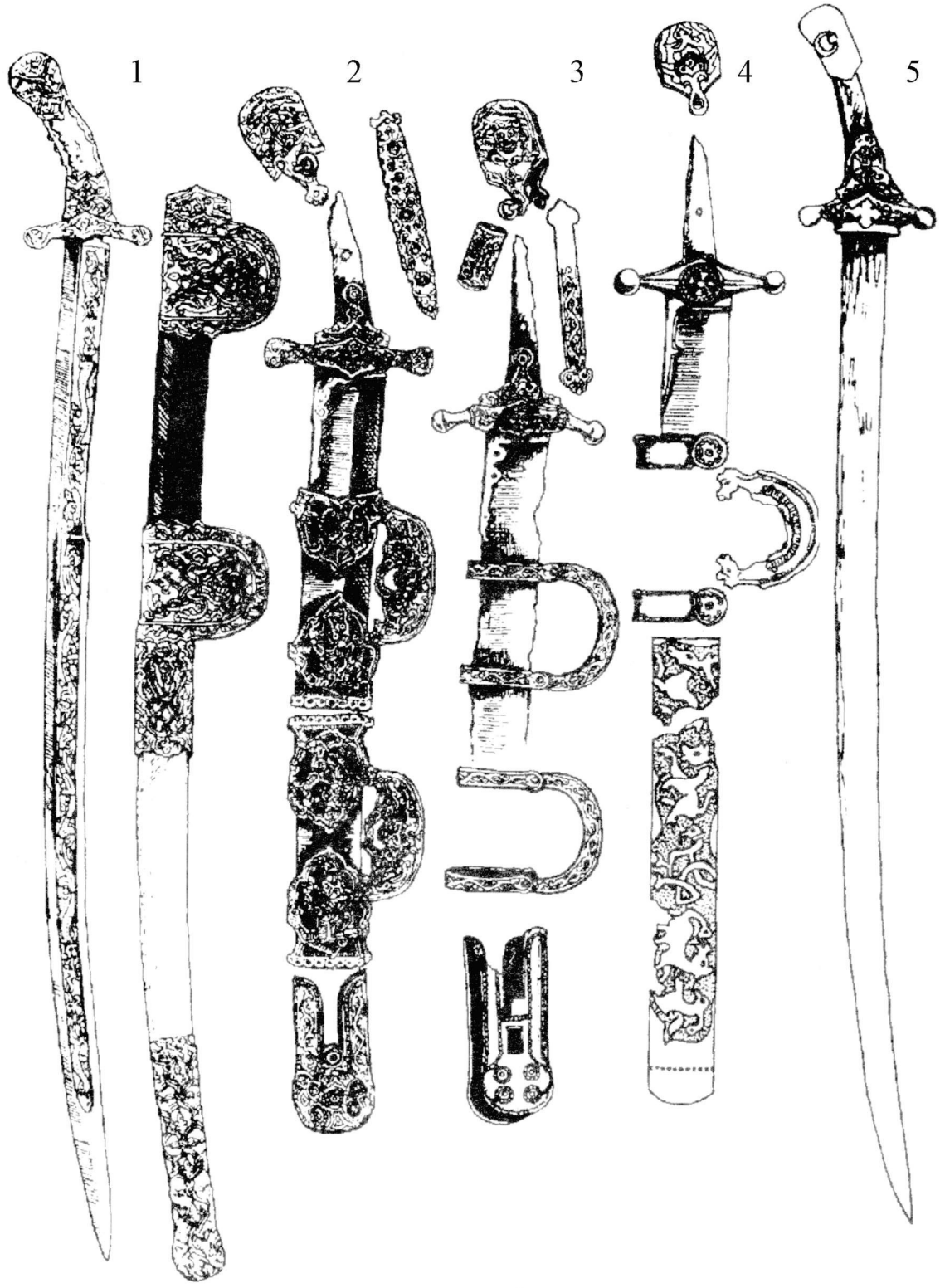

Рис. 1. Парадные кабарские сабли (1 – 3,5) и палаш (4) конца IX в.:
1 – «сабля Карла Великова» (или Аттилы), художественно-исторический музей, Вена.
2-4 - могильник Колосовка 1, Адыгея, Майкоп, краеведческий музей.
5 – Гочево, Курская область.

Рис.2 Изображения кабарских воинов и оружие Кабарии – Угри – Руси:
1 – изображение на серебряной оковке рога из курана «Черная могила» в Чернигове, кабаро-венгерская работа рубежа IX – X в.;
2 – изображение на золотом кувшине из клада в Ндьсентмиклош, Трансильвания. Кабарская работа IX в.;
3 – топорик из Владимирской области или Поволжья. Кабарский топорик со скандинавским и волжско-булгарским декором X в.;
4 – рукоять меча из погребения дружинника на Владимирской улице в Киеве. Навершие и перекрестие – скандинавская работа, серебряная оковка ручки - венгерская работа X в.;
5 – кабарский или венгерский сабельный клинок с наконечником ножен скандинавской работы X в.. Из боярской или княжеской гробницы 1-ой половины XIв. в Киеве;
6 – сабельный клинок, украшенный медной полосой с узором, венгерской работы. Рубеж: IX – X в. Из гробницы 1-й пол. XIв. в Киеве;
7 – меч из с. Рощеватая, Алтавской губ., кон. X - XIвв. Рукоять скандинавской работы, на клинке – славянская надпись «Ковал (Ь или Ъ)» и «Людот(или Ш)а»;

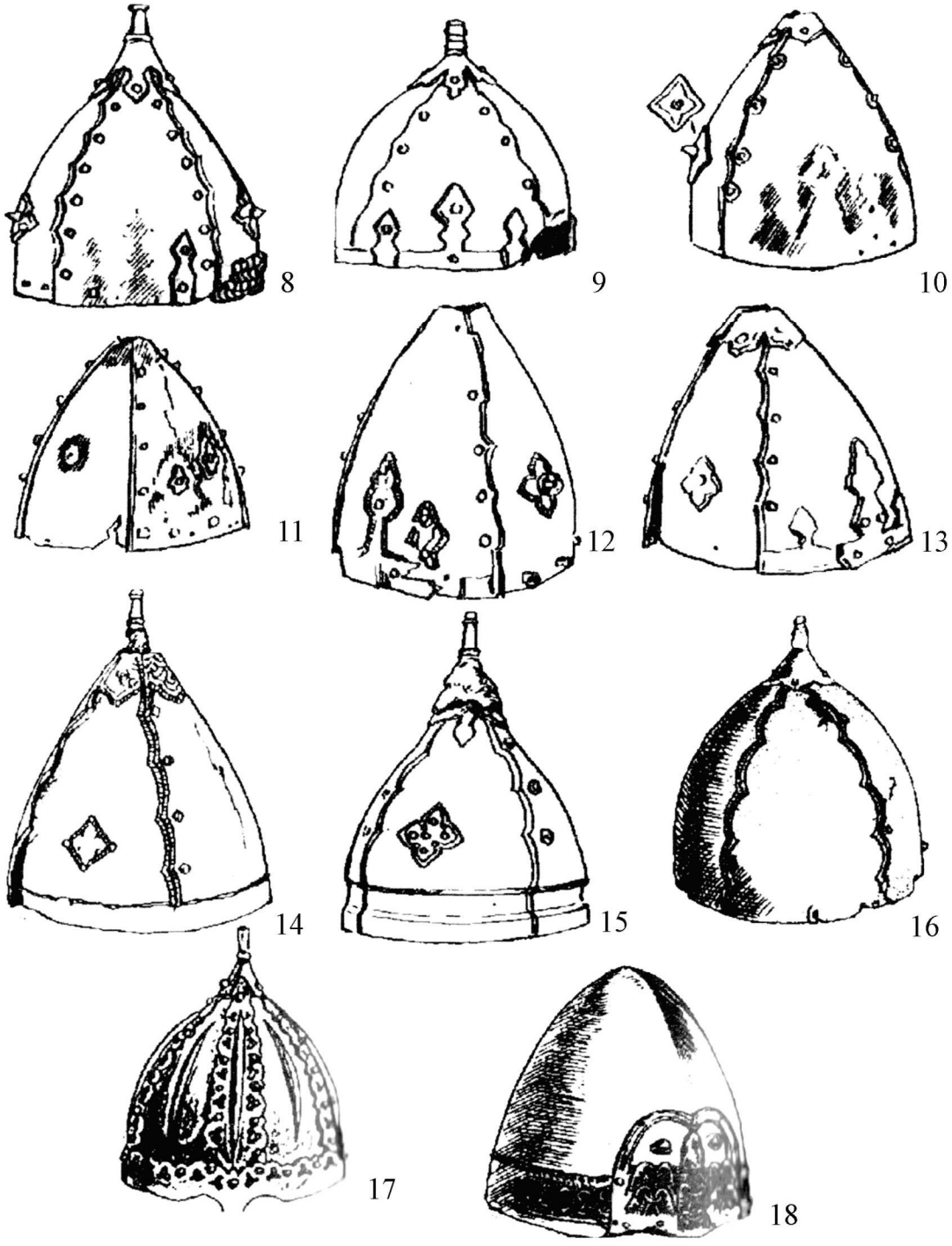

Рис.2 (продолжение). Изображения кабарских воинов и оружие Кабарии – Угри – Руси:
8-16 – «золотые» парадные шлемы кабарской работы кон. IX – 1-й пол. X в.;
8 – курган «Черная могила» в Чернигове;
9 – курган «Гульбище» в Чернигове;
10 – курган у с. Мокрое, Западная Украина;
11 – собрание Ливерпульского музея;
12 – Гост. Польша;
13 – Ольшувка, Польша;
14 – Глухов, Польша;
15 – Кенинсберг, Восточная Пруссия;
16 – Археологичкеский музей в г. Печ. Венгрия;
17 – Гнездово, ок. г. СмоленскаЮ курган 41, 1882 г.;
18 – деревня Немия. Закарпатская Украина. Венгерский шлем со скандинавским узором каймы. 2-я пол. IX в.

Рис.3. Знатные воины Среднего Поднепровья кон. IX – 1-й пол. X вв. (реконструкция и рисунок М.В. Горелика): 1 – кабарский воин; 2 – венгерский воин; 3 – воин-рус.

УДК 94(5) 902/904

ЛАТНАЯ КОННИЦА ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ[1]

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

Когда десятиплеменный союз в составе семи венгерских племен – *ньек, медьер, кюрт–дьярмат, тарьян, енё, кер и кеси* (Константин Багрянородный. Гл. 40. С. 163, 395), и трех хазарских (кабарских) племен – *тюрк, эскэл и савир* (Горелик, 2002. С. 53) явился "обретать родину" в Центральную Европу в конце IX в., его воинство обладало сложившимися комплексом вооружения и тактикой боя, которые помогли пришельцам не только добиться полного доминирования в Потисье, Паннонии и Трансильвании, подавив сопротивление местного славянского и влашского населения, но и проводить в течение полувека широкую экспансию по всем направления Центральной и Западной Европы.

В освещении европейских письменных источников воинство венгерского союза выступало, прежде всего, как конные лучники. Высокая эффективность лучного конного боя венгров как бы заслоняла наличие и роль у венгров латной конницы (подобная аберрация у позднейших ученых произошла и по отношению к монголам, и лишь в последние десятилетия вековое заблуждение начинает рассеиваться).

Репрезентативные археологические находки погребений древневенгерских латников на территории Восточной Европы и Европейско-Азиатского пограничья стали известны, и то в очень ограниченно количестве, лишь в последние десятилетия. Но короткий ряд ярких и, главное, аутентичных древневенгерских и кабарских изобразительных источников известен уже сравнительно давно (Рис. 1).

Древневенгерские конники предстают перед нами на гравировках серебряных чаш, выполненных древневенгерскими мастерами в IX в. – в период пребывания на территории Европейско-Азиатского пограничья и Восточной Европы.

На чаше из с. Утемильского Вятской губ. изображен охотник с соколом (Рис. 1, *1*). На этом легком коннике несколько условно изображен колчан типично степного евразийского типа в виде длинного узкого короба. Отсутствие деталировки конструкции колчана компенсируется тщательной передачей декора – нарисованного на бересте или коже узора, типичного для венгерского искусства IX–X вв.

На чаше с оз. Нанто (Рис. 1, *2*) мы уже видим полноценного воина, вооруженного типично венгерской саблей и копьем. Интересно отсутствие у него саадака – его оружейный комплекс предназначен для ближнего боя. Отсутствие же у него защитного вооружения (если только здесь не передана традиция надевания кафтана поверх панциря) свидетельствует о том, что на изображении мы видим типичного для венгров представителя "средней конницы" – воина, снабженного оружием именно ближнего боя, включая такое дорогое и престижное, как сабля. Сравнительная массовость такого рода войск надежно подтверждается археологическими находками на территории как Венгрии, так и Прикамья.

Наконец, на чаше из с. Мужи (Рис. 1, *3*) конный латник-лучник показан закованным в ламеллярный панцирь, состоящий из нагрудной и наспинной частей, соединенных на плечах лямками (они не видны, прикрытые бармицей), с длинными набедренниками, но без оплечий, так что плечи и руки им не прикрыты. Этот недостаток компенсируется кольчугой с рукавами до локтей, надетой под панцирь. Голову воина защищает конический шлем из четырех секторов, соединенных ободом-околышем снизу и вертикальными полосами по бокам. Шлем снабжен кольчужной бармицей, закрывающей шею и, вероятно, все лицо, кроме глаз. Налуч немного странен – это как бы "гибрид" двух типов налучей – уходящего в прошлое "чулка" для лука с не надетой тетивой, и становящегося господствующим типом налуча в форме половины лука с надетой тетивой. IX в. был именно тем временным рубежом, когда происходил процесс сосуществования и вытеснения

[1] Впервые опубликовано в: Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008. С. 296-303.

первого типа вторым. Сбруя коней на всех трех чашах украшена подвесными сердцевидными бляхами–решмами, очень характерными для археологических памятников древних венгров.

Обратимся к памятникам кабарской торевтики (Gorelik, 2002. Ill. XI, *14*). На золотом кувшине из клада в Надьсентмиклош, в Трансильвании, чье нынешнее венгерское население – секейи – является потомками кабар–эскэль (Горелик, 2002. С. 52) изображен всадник-копейщик (Рис. 1, *1*), защищенный кольчугой с подолом до колен и рукавами до локтей, коническим шлемом из секторов, обода и перекрывающих стыки секторов полос металла, с длинной глухой кольчужной бармицей, и наручами и поножами из вертикальных полос метала, наклепанных на горизонтальные ремни. Все отмеченные предметы защитного вооружения, наряду с такой специфической деталью конского убора, как начельник с волосяным плюмажем являются типичными деталями хазарского воинского снаряжения (Gorelik, 2002. Ill. XI, *5*).

Ламеллярные панцири, наряду с большими, степного типа, луками и колчаном, изображены на серебряной оковке одного из турьих рогов из кургана “Черная могила” в Чернигове (Рис. 1, *5*). Хазарская стилистика декоративных элементов оковки вкупе с тюркским сюжетом борьбы за престол старого правителя и претендента на его место характерны для хазарского художественного серебра.

Как видим, богатейшая традиция хазарского доспеха, носителями которой не могли не быть кабары – хазарские повстанцы, сосредоточившиеся в отделившейся от центрального правительства северо-западной части каганата и объединившиеся с венграми.

Археологические памятники венгров в подробностях подтверждают информацию, полученную из изобразительных источников. Ламеллярный панцирь (Рис. 2, *1, 5*), кольчуга (Рис. 2, *3а, в*), ламеллярный панцирь в сочетании с кольчугой (Рис. 2, *2*) обнаружены в погребениях венгерских воинов на их родине в южном Приуралье – часто вместе с саблями, саадаками, реже – копьями. Встречены в приуральсих погребениях и шлемы (Рис. 2, *3а, б*) того самого типа, что изображены на венгерской чаше из с. Мужи и кабарском золотом кувшине из Надьсентмиклош.

Поистине эпохальной является находка в разрушенном погребении древневенгерского латника у с. Манвеловка на Днепропетровщине (Рис. 2, *4*) (Чурилова, 1986). Он владел комплексом наступательного вооружения в составе саадака, копья, классического венгерского палаша с серебряной оковкой ручки и верха ножен, и комплексом оборонительного вооружения в составе ламеллярного панциря, кольчуги и шлема. Шлем из Манвеловки уникален: имея яйцевидную форму, он склепан из секторов с волнистыми краями, соединенных сверху прямоугольной пластиной, а снизу – составным узким ободом. Над лбом обод более широк и увенчан тремя пластинками, образующими трезубец; снизу видны остатки наносника.

Почти все признаки этого шлема – центральноазиатско-хазарские. Только яйцевидная форма не встречается в этом культурном круге. Зато яйцевидная форма шлемов прослеживается на протяжении веков в Приуральском субрегионе (Рис. 3), причем на шлемах самой разной конструкции и связанных происхождением с разными регионами. Наиболее ранними можно считать шлемы III–IV вв. из Тарасовского и Тураевского могильников в Среднем Прикамье и Суворовского могильника на Средней Вятке (Рис. 3, *1-6*) (Голдина, Волков, 2000. Рис. 2, *17*; 3, *14, 18*). Ю.И. Ожередов датирует предметы из Старицинского клада, в том числе и шлем (Рис. 3, *7*) VII в., с чем можно согласиться (Ожередов, 1987. С. 116). Продолжающий эту традицию шлем из Манвеловки датируется IX в. Наконец, в археологическом музее г. Дебрецен в Венгрии хранится найденный у с. Немия на Западной Украине яйцевидной формы шлем с серебряными обкладками обода и налобной части тульи (Рис. 3, *8*). Налобная часть с грубо намеченным маскароном покрыта типично венгерским гравированным узором, тогда как нанесенная резцом плетенка имеет скандинавские истоки, что указывает на смешанную венгерско-скандинавскую культурную среду, наблюдаемую в Чернигове и Киеве.

Таким образом, мы можем предположить венгерскую традицию шлемов, чья яйцевидная форма восходит с приуральской традиции Эпохи переселения народов.

Но венгры использовали и хазарские шлемы сфероконической формы, склепанные из секторов с вырезными краями (Рис. 2, *3б*) Видимо, в кабарско-венгерской среде сформировались к концу IX в. такие украшения этих шлемов, как посеребренный трезубец на очелье и обтяжка тульи шлема золоченой медью (Рис. 4, *1, 2*). Уникальным является шлем, найденный в кургане 41 Гнездовско-

го могильника в 1882 г. (Рис. 4, *3а, б*). Его отличием является декор полос, перекрывающих стыки секторов, и верхнего края обода: он представляет собой ажурный узор, сочетающий вырезные фестонами края и сквозные прорезные трилистники. Единственную аналогию этому приему представляет серебряная оковка устья ножен и портупейной скобы из Киссы в р-не г. Кошице, Словакия (Рис. 4, *4*) (Dienes, 1972. Fig. 24). Можно полагать, что данный шлем и данная сабля, оба датируемые концом IX – начале X вв. являются образцами кабарского мастерства.

Итак, мы видим, что венгерские, а тем более кабарские знатные воины обладали полным набором как наступательного, так и защитного вооружения, причем самого передового для своей эпохи.

Тем не менее, в венгерской науке сложилось стойкое убеждение в отсутствии у “завоевателей родины” защитного вооружения, основанное на отсутствии массового археологического материала этой категории предметов на территории Венгрии. Более того, на этом убеждении построена целая социально-историческая теория раннесредневековой Венгрии (Археология Венгрии, 1986. С. 339-341). Она заключается в том, что разгром венгров в битве при Лехфельде под Ингольштадтом имел причиной отсутствие у венгров оборонительного вооружения, тогда как победа немцев связана с наличием у них латной конницы. И именно нужда в последней обусловила приглашение венгерскими властями немецких латников, которые получили в Венгрии земельные владения, стали основой военно-служилой знати и вообще класса феодалов в Венгрии. Однако, как мы увидели выше, при наличии собственной латной конницы у мадьяро-кабарского союза, никакого материального основания у данной теории нет.

ЛИТЕРАТУРА

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 211 с.

Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. Отв. ред. В.С. Титов, И. Эрдели. М.: Наука, 1986. 348 с.

Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфиимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 98-122.

Горелик М.В. Три племени кабар // РАН. Общество востоковедов. Бюллетень.9. Hungaro–Rossica. М.: ИВ РАН, 2002. С.47-59.

Ожередов Ю.И. Старицинские находки // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С.114-119.

Чурилова Л.Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине. // СА. 1986. № 4. С. 261-266.

Dienes I. The Hungarians Cross the Carpathians. Budapest: Corvina press, 1972. 230 p.

Gorelik M. Arms and Armour in South-Eastern Europe in the Second Half of the First Millenium AD // A Companion to Medieval Arms and Armour. Woodbridge, 2002. P. 127-149.

THE ARMORED CAVALRY OF THE ANCIENT HUNGARIANS

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

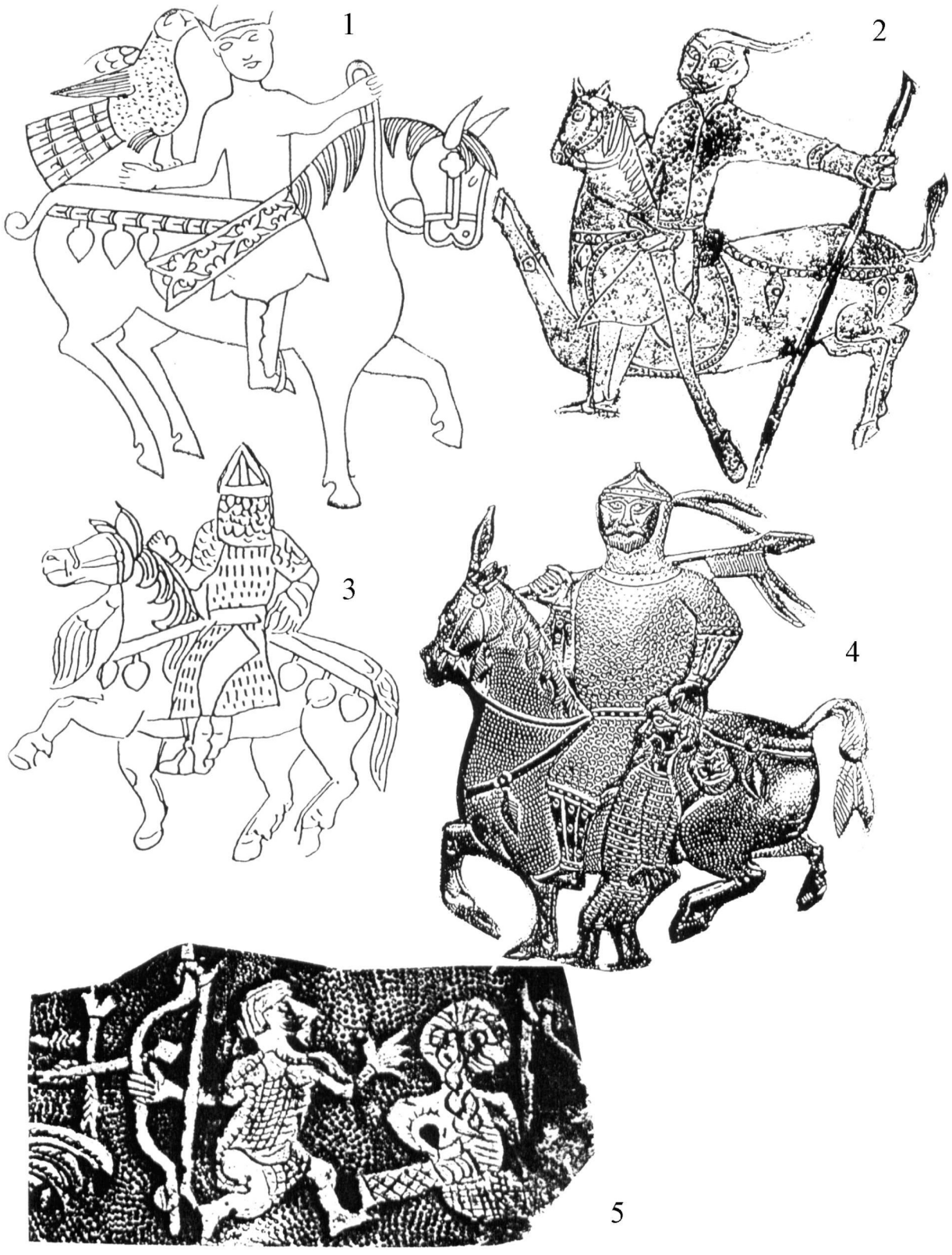

Рис. 1. Изображения венгров (1 – 3) и кабар (4,5) на памятниках венгерского и кабарского искусства.
1 – серебряная чаша из с. Утемишского Вятской губ. IX. в. ГЭ.
2 - серебряная чаша из оз. Нанто в Ямало-Ненецком округе IX. в. Салехард. Краеведческий муз.
3 – серебряная чаша из с. Мужи в Ямало-Ненецком округе IX. в. ГЭ.
4 – золотой кувшин из клада в Надьсентмиклош в Трансильвании. Конец IX – начало X вв. Вена. Историко -художественный музей.
5 – серебряная оковка ритона из кургана «Черная могила» в Чернигове. Конец IX – начало X вв. ГИМ.

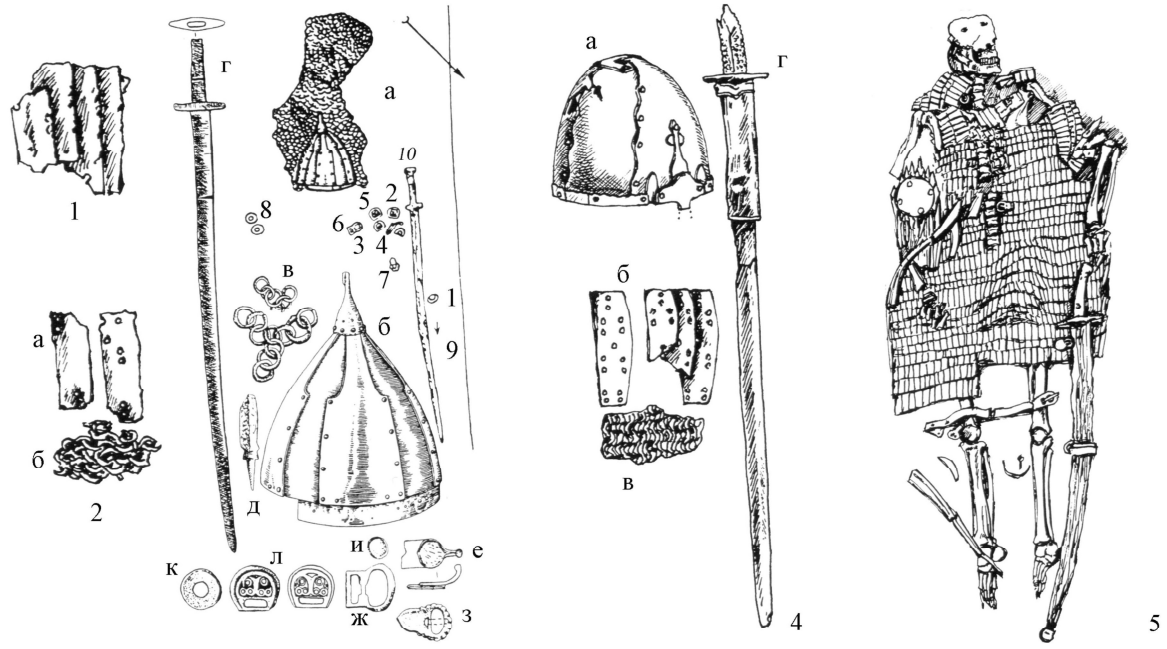

Рис.2 Венгерские погребальные комплексы с защитным вооружением на территории Южного Приуралья и Восточной Европы.

1 - кург. 29, Лагерево, Башкортостан. VII – VIII вв. Пластины ламеллярного панциря;

2 – кург. 53, Лагерево. VII – VIII вв: а – пластины ламеллярного панциря, б – обрывок кольчуги

3 – кург. 31, Лагерево. IX. в.: а – план погребения, б – железный хазарский шлем, в – кольца саадачного пояса, к, л – бляшки клинкового пояса;

4 – разрушенное погребение у с. Манвеловка в р-не Днепропетровска IX. в.: а – шлем, б – пластины ламеллярного панциря, в – обрывок кольчуги, г – палаш с серебряными обкладами ручки и ножен;

5 – погребение с ламеллярным панцирем в кург. 12, могильник Челкар-III у г. Уральск.

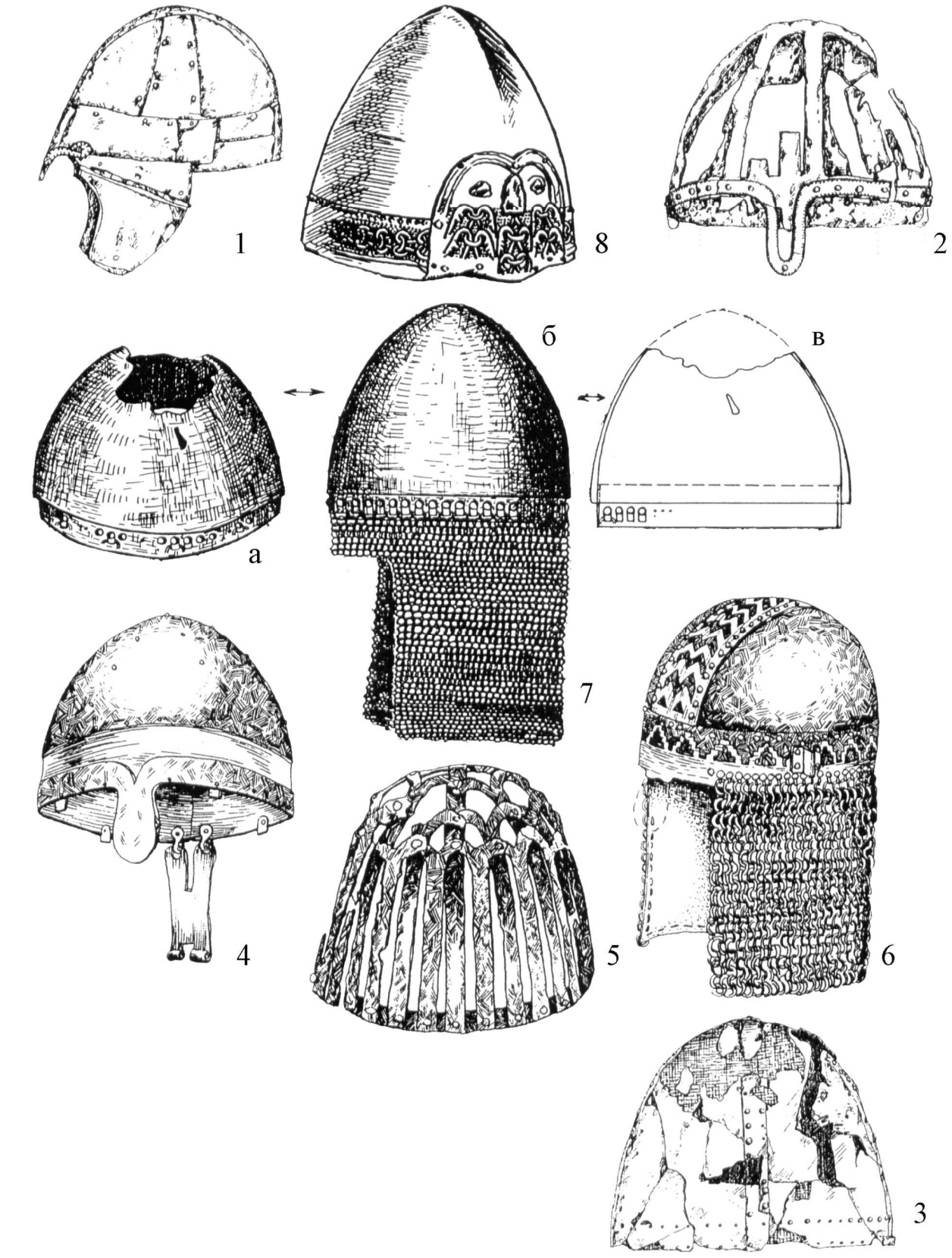
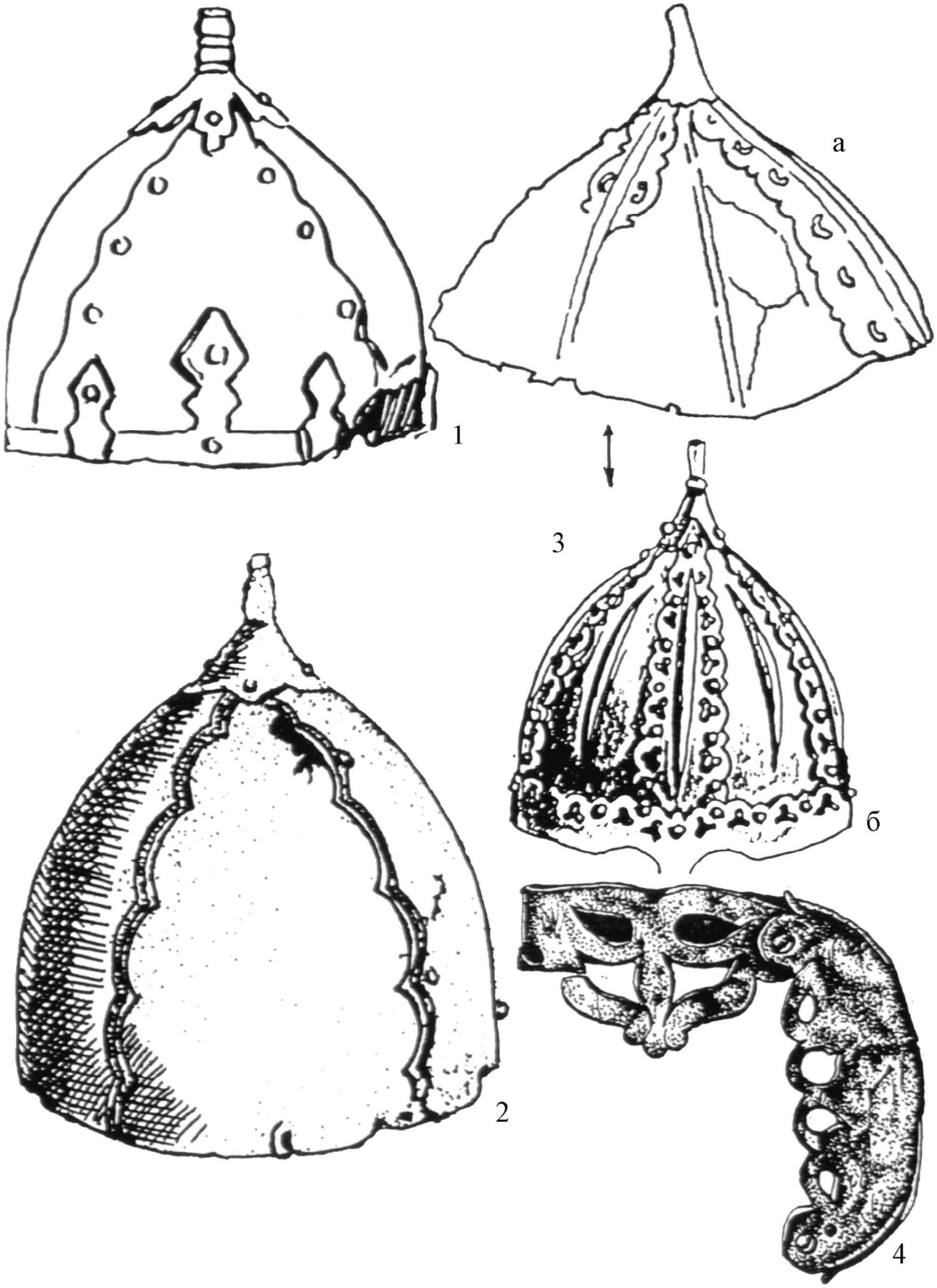

Рис. 3. Венгерский шлем и его прототипы.
1 – 3 – шлемы из погребений 6, 782 и 1784 Тарасовского могильника в Среднем Прикамье. III – IV вв.
4,5 – шлемы из погребений 27 и 30 Суворовского могильника на Средней Вятке. III – IV вв.
6 – шлем из кург. 7/1а Тураевского могильника в Среднем Прикамье. III – IV вв.
7 – шлем, найденный у с. Старица на р. Парабель, Томская обл., VII в.: а – внешний вид находки;
б,в – реконструкция и разрез по Ю.И. Ожередову.
8 – шлем, найденный у с. Немия в Западной Украине. Конец IX в. Музей в г. Дебрецен. Венгрия.

2 – шлем. Конец IX – начало X в. Археологический музей г. Печ, Венгрия
3 – шлем из кург. 41 раскопок 1882 г., Гнездовский могильник. Конец IX – начало X в. ГИМ:
а – внешний вид находки, б – реконструкция.
4 – серебряная оковка устья ножен сабли и портупейной скобы из Кисы, р-н г.
Кошице, Словакия, конец IX – начало X в.

Рис. 5. Венгерские (1, 2) и кабарский (3) тяжеловооруженные всадники. Вторая половина - конец IX в. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика.

УДК 94(5) 902/904

ЧЕРКЕССКИЕ ВОИНЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)[1]

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

Адыги в период существования Золотой Орды являлись носителями одного из самых ярких вариантов единой имперской культуры этого государства.

Завоевание адыгов монголы начали точно тогда же, когда и завоевание Руси – осенью 1237 г. И командовали монголо-татарскими войсками в этой кампании лица, никак не менее знатные, нежели Бату – царевичи-чингизиды Мункэ и Кадан, причем Мункэ, двоюродный брат и личный друг Бату, через несколько лет стал каганом – верховным владыкой всей империи Чингизидов.

Как и русская, адыгская кампания монголо-татар закончилась разгромом адыгского войска под командованием Тукара (Рашид-ад-Дин. С. 38). И впервые, в тексте созданного около 1240 г. первого письменного памятника на монгольском языке – «Монгол-ын ниуча тобчиян» («Тайной истории монголов» или – поэтически – «сокровенного сказания»), зафиксирован этноним, которым монголы называли адыгов «черкес». Позднее этот термин в приложении к адыгам встречается и у других восточных авторов. Европейские авторы употребляют этот этноним уже с середины XШ в. Гильом Рубрук зафиксировал его во время своего путешествия в Монголию (Путешествия. С. 111). И именно европейские авторы в XШ—XIV вв. отмечали, что «черкес» - слово, употребляемое именно монголами и тюрками. Европейцы прилагали его только к адыгам, обитавшим во внутренних, особенно степных прикубанских районов; приморских адыгов они продолжали называть зихами (Путешествия. С. 111; Адыги, балкарцы, карачаевцы. С. 38, 46).

Специфика прикубанского варианта золотоордынскоЙ культуры заключалась не только и даже не столько в субстратной культуре местных этносов: огромную роль здесь сыграли теснейшие контакты региона с местными итальянскими колониями и далеким Египтом. Таким образом, мощная ордынская культура, созданная на центральноазиатско–северокитайской основе руками обитателей монгольских степей, уйгурских и тангутских оазисов, чжурчжэньских и китайских городов, а также пленными мусульманскими мастерами от Средней Азии до Сирии и Индии, вобрала в себя и европейские, и египетские элементы, Обычно этими элементами были предметы импорта – готовые изделия (художественное стекло, оружие, украшения) либо ткани, из которых шились одеяния и головные уборы монгольского покроя для мужчин и адыгские костюмы для всегда более консервативных женщин. А через порты Прикубанья, через черкесов, на юг и запад продвигались престижные элементы образа ордынского мужа-воина. И если Южная, в основном Балканская, Европа восприняла только мужской костюм монгольских владык, то Египет оказался стороной, впитывавшей влияние далекого Востока во всех элементах, формирующих облик мужа-воина и его специфический быт военного похода, охоты, пиршества, конно-спортивных состязаний. Это неслучайно: именно область Прикубанья с ее портами была тем регионом, откуда правящий класс Египта – купленные государственные рабы-воины (мамелюки) постоянно получал необходимое пополнение, которое по традиции он не мог получить естественным путем.

Судя по очередности упоминаний в мусульманских источниках, уже во второй половине XШ в., очевидно, к его концу, черкесские воинские контингенты становятся важнейшей составляющей золотоордынского войска (наравне с русскими, и опережая алан и кыпчаков). Но, в отличие от остальных «инородческих» контингентов, черкесы не фигурируют в списках гвардейских частей, несших службу в Главном Улусе со столицей в Даду (Пекине).

[1] Впервые опубликовано в: Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 158-189.

В империи Чингизидов немонгольские военные соединения назывались «танма», и командовали ими специальные командиры, называвшиеся «танмачи» (по-тюркски «баскак»). Обычно танмачи назначались военачальники не из монголов, но и не из того этноса, и! которого состояли подведомственные ему танма. Так, например, знатный воин, похороненный в медном гробу в кургане 1 Белореченского могильника, обладатель сабли с серебряной фурнитурой, трех серебряных наградных монгольских чаш, трех наградных монгольских портупейных поясов – двух с серебряным и одного с золотым набором, монгольского колчана, обтянутого китайской золотной узорной парчой, был похоронен по обряду, сочетавшему как адыгские, так и степные признаки. Видимо, он был один из потомственных (об этом говорит разновременность наградных вещей) танмачи – алан, маджар или кипчак, похороненный в 70-80-х гг. XIV в. среди своих (и своих предков) подчиненных и боевых соратников - высшей воинской знати адыгов.

Кроме нового названия – «черкесы», монголы «подарили» адыгам и новые территории в Центральном Предкавказье. Там к XIV в. обосновалась группа адыгских кланов, когда-то подчинявшихся хазарскому клану, в конце X в. переселившемуся из Киева и принадлежавшего к группировке, называвшейся «к'абар» (тюрк. «сборище», «партия»). От этого названия правящего клана подчиненные ему адыгские роды приняли общее самоназвание «к'абарта(й)» - «кабардинцы».

А теперь рассмотрим оружие, которым черкесские воины XIII – первой половины XV вв. добывали себе «чести (т.е. имущество) и славы (т.е. величания)».

В отличие от кочевников, основным оружием черкесов, судя по археологическим находкам, была сабля. Этот вид клинкового оружия в Прикубанье получил мощное развитие и широчайшее распространение еще в раннем средневековье,

В течение XII – первой половине XIII вв. сабля на Северном Кавказе претерпела определенные изменения. Они выразились, собственно, только в том, что ее клинок удлинился, и в том, что господствующей формой перекрестья стала форма узкого, вытянутого по горизонтали ромба. Вместе с тем, подчас – в слабом виде – сохранялись и черты, свойственные хазарскому периоду. Они выразились в чуть раздутой и закругленной сверху форме навершия и в наличии характерной широкой и плоской обоймы, приваренной под перекрестием и снабженной отходящим от нее язычком, охватывающим лезвие. Эта деталь несла троякую функцию: защищала от порезов устье ножен и указательный палец при хвате под перекрестье, а также предохраняла от поломки самое уязвимое место в конструкции сабли. Обойма с язычком в XII – первой половине XIII вв. исчезла с клинков запада Евразии, зато полностью сохранилась в Южной Сибири, Монголии и Китае, развивая даже такой признак, известный нам по саблям "колосовского" типа, как фигурно вырезанный внутренний край язычка.

Монгольское нашествие принесло много новшеств в сабельную конструкцию. Оно как бы вернуло центральноазиатские традиции, и принесло новые. Самым ярким образцом монгольского клинка на Северном Кавказе является найденный при разрушении могильника золотоордынской, монгольской знати у пос. Новопавловка в Ставрополье (Рис.1, *1*).

О его далеком восточном происхождении говорит форма клинка – прямого однолезвийного палаша, и резной декор костяной рукояти, изображающий птицу, порхающую среди растений. Близкой аналогией ему является изображение на китайской резной лаковой чаше первой половины – середины XIII в. (Горелик, 2004а. С. 88. Рис. 4; Laques chinois. 1986. P. 49). Под перекрестьем палаша – серебряная обойма с язычком с фигурно вырезанным внутренним краем. Особенно важно перекрестье палаша, отлитое из серебра. Относясь к узкоромбическому типу, оно имеет немного асимметричные усы, слегка оттянутые книзу, что маркирует сабли золотоордынского периода. По вертикальной оси и поперек усов выступают узкие вертикальные полоски. Эта деталь Новопавловского монгольского палаша середины XIII в. является прямой предтечей перекрестья сабли из 1 кургана Белореченского могильника (Рис.1, *2*; 2, *1*), с которой был похоронен в медном грому танмачи черкесов. Ее литое из серебра перекрестье с теми же вертикальными выпуклыми полосками имеет асимметричные, оттянутые книзу усы, только эти признаки выражены гораздо резче, чем у Новопавловского палаша. Концы усов расширены и слегка уплощены. Получившаяся форма перекрестья является типичнейшей для сабель Северного Предкавказья XIV–XV вв. Долгое время она считалась присущей именно и только северокавказским сабля. Но археологические находки сабли и рукояти типичного монгольского меча в Нижнем

Поволжье с такими перекрестиями, а также изображение их на тебризских миниатюрах рукописи «Шах-намэ» из бывшего собрания Демотта (Рис. 2, *2-5*) свидетельствуют о том, что данная деталь была распространен в обоих западных улусах – Чжучи и Хулагу – империи Чингизидов. Миниатюры «демоттовского «Шах-намэ» хорошо датируются 30-ми гг. XIV в.; соответственно этим временем мы можем датировать и формирование описываемого типа перекрестия. Дата подтверждается и формой серебряных обоймиц сабли из «медного гроба» с округлыми пластинками на внешней стороне, совершенно аналогичные обоймицам ножен на миниатюрах. Еще раз перечислим типы перекрестий золотоордынских северокавказских сабель. Перекрестья с горизонтальными усами, суженными или, наоборот, расширенными к концам (Рис. 1, *3, 4*; 3, *3, 6*; 4, *1-6*). Короткие перекрестья с шариками на концах (Рис. 3, *4*), Короткие перекрестия в виде полумесяца с опущенными концами, увенчанными шариками (Рис. 3, *2*; 4, *7, 8, 10*). Перекрестия с асимметричными длинными тонкими усами, увенчанными шариками (Рис. 4, *9, 12*). Перекрестия с симметричными или асимметричными, отогнутыми вниз и расплющенными на концах в ромбик, прямоугольник или, редко, кружок, усами (Рис. 1, *2, 5*; 3, *8-10*; 5).

Кроме перекрестия, изменилась и форма навершия. Оно приобрело форму стаканчика, обычно короткого, иногда граненого. На самых роскошных северокавказских саблях – как в «медном гробу» – навершие могло быть серебряным, но обычно они, как и вся фурнитура, железные. Железная фурнитура богатых прикубанских сабель украшалась таушировкой из серебряной и золотой проволоки (Рис. 1, *3-5*), что было давней – X–XI вв. – местной традицией. Узоры были самые простые, геометрические: прямые из угловатые линии, простые и усложненные прямоугольные клейма, треугольники. Таким же декором изредка украшались и клинки прикубанских сабель. На одной из черкесских сабель XIV в. из старых собраний Государственного музея Республики Татарстан в Казани на клинке под прямоугольником, заполненным черточками и уголками, таушировал той же золотой проволокой кинжал с прямым клинком (Рис. 1, *3*), хорошо знакомой по образцам XVIII–XX вв. формы, с округлым навершием и ромбическим перекрестием. Очень заманчиво видеть здесь самое раннее изображение и, соответственно, свидетельство о бытовании практически сформировавшейся кавказско-турецкой камы.

В золотоордынское время клинки стали значительно более длинными – не менее 100-120 см. Увеличилась в целом и их кривизна, хотя и далеко не всегда. Увеличение кривизны клинка в золотоордынское время стоит рассматривать скорее как мощную тенденцию, нежели как абсолютную закономерность, как думают в большинстве наши археологи. Долы на плоских клинках стали шире, а узкие долы часто прорезались параллельной парой и даже тройкой. Конец плоского клинка обычно затачивался на два лезвия - для колющего удара. С монголами на восточноевропейские клинки «возвращается» елмань. Но, если в хазарский период она часто была длинной, достигая 4/5 длины клинка, то длина елмани с монгольского времени ограничивается четвертью длины клинка. Второй разновидностью северокавказских золотоордынских клинков являются граненые клинки, чье сечение по всей длине имеет форму несколько уплощенного ромба. Такие клинки чаще немного уже плоских и несколько более изогнуты, хотя встречаются среди граненых и довольно широкие, слабоизогнутые образцы, снабженные к тому же елманью.

Наконец, третья разновидность клинка сочетает в себе все признаки предыдущих: он от перекрестья до елмани плоский, иногда с узким долом, а от елмани конец его откован в виде длинного граненого штыка, обладающего мощной колющей функцией. Этот последний тип и является классическим «черкесским клинком», который доживет до XVIII в. Его действие ярко и точно описал в конце XV в. в своем дневнике «Бабур-намэ» правнук Тамерлана, великий полководец, политик, поэт, писатель, филолог, теоретик музыки, завоеватель Индии, «Великий могол» Бабур. Он пишет, как в поединке, орудуя бывшим у него во время этой битвы черкесским клинком, он сначала заколол коня противника, а потом его, соскочившего на землю, зарубил.

Что касается качества прикубанских клинков, то исследовавший несколько хранящихся в ГИМе клинков из Белореченского могильника выдающийся металлург Е. Басов, возродивший у нас искусство ковки дамасской стали (сварного булата), обнаружил, что клинки эти скованы из превосходного дамаска. К сожалению, подобные исследования не проводились на широком материале золотоордынских клинков, поэтому сейчас мы не можем уверенно утверждать, было ли искус-

ство ковки дамасской стали уделом только черкесских оружейников (позднее утраченным), или это было достаточно распространенной технологией и в других регионах Золотой Орды.

Возвращаясь к ножнам, отметим, что золотоордынские обоймицы черкесских ножен часто имели торцевые подложки на верхней кромке, под креплением кольца (Рис. 4, *1, 5*). Сами обоймицы изредка могли быть широкими, ажурными, привезенными из Крыма или Малой Азии. Наконечники ножен – в форме уплощенного стаканчика, от коротких – в несколько см, до длинных – около 20 и более см.

Важным предметом клинкового оружия, характерным для золотоордынского периода, был боевой нож (обычно археологи называют его кинжалом, что неверно, так как у него всегда одно лезвие) (Рис. 6, *1-7, 10*). Он имел специально боевое назначение: во время поединка, обычно предшествовавшего общей битве (или могущего иметь место во время преследования после боя), боевым ножом, соскочив на землю, добивали поверженного противника, перерезав ему горло, как это видно на многочисленных изображениях в мусульманской книжной миниатюре. Кстати, именно так, совершенно «по степному», «по восточному» поступил тмутараканский князь Мстислав Владимирович в пресловутом поединке с касожским князем Редедей (между прочим, и сам поединок, и его условия были продиктованы именно Редедей).

Особенностью золотоордынского Прикубанья является применение кинжалов – обоюдоострых клинков, в том числе и стилетов кинжалов с гранеными узкими клинками, с богатыми серебряными перекрестьями, ножнами и их наконечниками, украшенными типично золотоордынским гравированным узором (Рис. 6, *8-9*). Настоящие кинжалы к золотоордынскому времени уже не применялись в Прикубанье. Появление их в середине XIII в. в черкесской паноплии, скорее всего, обязано контактам адыгов с итальянскими колонистами, обосновавшихся в северо-восточном Причерноморье именно в середине XIII в.

Длинноклинковое оружие и боевой нож в золотоордынское время подвешивались на специальном поясе-портупее (эта традиция в Евразии закрепилась еще с середины I тыс.), всегда застегивающемся на рамочную пряжку с иглой. Отличившиеся воины и военачальники в монгольской империи в качестве награды получали (наряду с пиршественными чашами и драгоценной одеждой) портупейные парадные пояса *с* металлическим набором – золоченым, серебряным и даже золотым (Рис. 7). Обилие монгольских драгоценных поясов в черкесских погребениях как и чаш, и одеяний) – особенно в Белореченском могильнике – важное подтверждение высокого положения черкесского воинства в военной машине улуса Чжучи.

Вторым по важности оружием черкесских воинов XIII–XV вв. был лук со стрелами. В погребениях их остатки часто сопровождают покойных бойцов. От луков остаются обычно либо роговые части – подзоры (узкие пластины, наклеенные с внутренней стороны) плеч, либо костяные – обкладки рукояти и рогов. Крайне редко сохраняется деревянная основа лука. Так, почти полностью лук сохранился в 1 кургане Белореченского могильника. Луки, использовавшиеся северокавказскими воинами в золотоордынскую эпоху вполне сопоставимы с луками других регионов Золотой Орды. Эго великолепное оружие, имевшее сложносоставную структуру, когда деревянная основа склеивается из пяти частей – рукояти, двух предварительно изогнутых плеч и двух рогов. Внешняя сторона плеч оклеивается вареными сухожилиями на рыбьем клее, внутренняя – роговыми подзорами. Рукоять и рога оклеиваются костяными накладками. Луки монгольской эпохи отличаются специфической формы костяными накладками на внутреннюю сторону рукояти. Они имели форму двустороннего весла, прием расширения, приходившиеся на начало плеч, отогнуты вперед. Этот прием позволял луку быть всегда вынутым в сторону, противоположную тетиве, что механически обеспечивало его рефлективность. Она еще более усиливалась за счет того, что готовое древко лука перед пуском его в дело около года выдерживалось связанным в кольцо.

Таким образом, получалось мощное оружие с силой натяжения 40-80 гг., выпускавшее стрелу на расстояние нескольких сотен метров, пробивавшую кольчугу на расстоянии до 100 м. Значительно меньше монгольское влияние сказалось на наконечниках черкесских стрел (Рис. 8, *1-2*). При том, что формы их часто близки монгольским – это плоские асимметричные или симметричные ромбы, долотовндные или двурогие срезни, а также граненые или трехлопастные пробойники (впрочем, большинство этих форм восходят к хазарской эпохе), они отличаются от монголь-

ских своей величиной (это касается только плоских разновидностей): монгольские выделяются очень крупными, чуть ли не в ладонь, размерами. При этом монголы употребляли и наконечники обычной величины. Наличие в монгольском колчане наряду с обычными особо крупных наконечников соответствует их боевой тактике. Стрелы с небольшими наконечниками применялись при массированном настильном обстреле с большого расстояния, тогда как стрелы с крупными наконечниками применялись при построении «хороводом», когда крупное соединение или даже большая часть войска выстраивалось – отряд за отрядом – в кольцо перед строем противника и начинало скачку по кругу слева направо. При этом воины, оказывавшиеся непосредственно перед строем врага, успевали выпустить по паре стрел, причем вторую – из самой лучшей позиции – влево назад. А поскольку дистанция стрельбы между противником и обращенной к нему частью «хоровода» была максимально короткой – 20-30 м,, меткие стрелки были очень точно. И применение стрел с крупными наконечниками этот эффект кратно усиливало, Недаром все авторы - современники монгольских нашествий описывают невообразимо высокие потери именно от действий монгольских лучников, то есть на первом же этапе сражения. При этом многие даже забывали, отмечая лишь мельком, такую обычную для всех ударную часть войска монголов, как латная конница. Отсутствие крупных наконечников стрел в черкесских, и вообще северокавказских колчанах, говорит о том, что жители этих мест не применяли «хоровода». Это легко объясняется тем, что подобное построение крайне эффективно при двух обязательных условиях. Первое состоит в наличии достаточно большой – в несколько тысяч – массы конницы, такой, чтобы противник не мог легко охватить ее с флангов и тыла: ведь здесь «хоровод» беспомощен, так как воины на скаку заняты приготовлением к стрельбе. Второе условие – четкая слаженность каждого подразделения, требующая железная дисциплины и постоянной совместной тренировки. В противном случае, при ошибке любого из десятских кольцо ломалось, и весь «хоровод» оказывался на краю гибели. Ни одного из этих условий воинство северокавказских народов - в том числе м черкесов, обеспечить не могло, так как состояло из множества дружин мелких владетелей, часто недружественных друг другу и отнюдь не склонных посвящать значительную часть своего времени совместным учениям.

У монголов черкесы заимствовали форму и декор двух типов колчанов. Первый тип, восходящий еще к раннему средневековью – узкий, расширяющийся книзу пенал из бересты, с расширяющимся устьем, направленным вперед и вверх. Стрелы в нем располагались остриями вверх. Черкесами были восприняты округлый верх устья-приемника и костяные накладки, украшенные гравировкой (Рис. 8, *3-4*). Узоры при этом только слабо могли напоминать монгольские, но чаще были вполне самобытными. Роскошный колчан монгольского типа из «медного гроба» в 1 кургане Белореченского могильника (Рис. 9) был обтянут поверх берестяной основы кожей, замшей и золотной китайской парчой. Местной, прикубанской традицией стало украшение лицевой стороны колчана 1-3 крупными плоскими серебряными дисками (Рис. 10). В то же время можно полагать монгольской традицией украшать крышку устья колчана выпуклым чеканным диском с колечком в центре для подвешивания кисти (Рис. 8, *6*). Видимо, с монголами пришли и костяные кольца для натягивания тетивы большим пальцем – «по-монгольски» (Рис. 8, *5*). Крепление к ремешкам портупеи у колчанов Прикубанья производилось в довольно архаичной форме – при помощи металлических петель с горизонтальными пластинами для крепления к верхнему торцу колчана.

Второй тип колчана – в виде плоской недлинной сумки, в которой стрелы располагались оперением вверх и назад. Такие колчаны, введенные киданями в X в., стали популярны именно в монгольское время и после XIV в. вытеснили колчаны первого типа. Лук в кожаном налуче и стрелы в колчане подвешивались к специальному поясу-портупее: налуч слева, колчан – справа (у левшей – наоборот). Стрелковый, саадачный пояс всегда, еще с середины I тысячелетия, застегивался на крючок (Рис. 7, *7*). Если при поясе имелась рамочная пряжка, то ее роль сводилась к регулированию пояса на талии. К сожалению, абсолютное большинство археологов уверено, что такой крючок соединял портупею с донцем колчана, но это нигде живым материалом не зафиксировано. Зато все портупеи до XIX в. во всей Евразии изготовлялись именно с крючком.

Копья – основное оружие конного латника, оружие конного таранного удара, взламывающего строй утомленного лучным обстрелом противника, в черкесских памятниках

золотоордынского времени встречаются нечасто. Не исключено, что это отражает реальную ситуацию тактических особенностей черкесского конного боя, когда копейщики выступали лишь в челе конного строя. Но не менее вероятно, что положение копья в могилу не было обязательным требованием черкесского похоронного обряда. Судя по немногочисленным находкам, черкесские воины использовали наконечники двух основных типов. Первый тип отличается достаточно длинным узким граненным пером (Рис. 6, *15-16*). Такой наконечник был очень широко распространен в XIII–XV вв. в Евразии, особенно в степной ее зоне. Копье с таким наконечником могло легко пробить на скаку практически любую броню. Второй тип наконечника прямо восходит к образцам, распространенным в Прикубанье последние века I тысячелетия. Он имеет плоскоромбическое сечение, ланцетовидную форму и угловатые выступы внизу, над переходом к втулке (Рис.6, *11-14*).

Булавы также редки на территории Прикубанья. Тем не менее, надо отметить, что монголы, у которых булава была очень популярным оружием, принесли в Восточную Европу такой тип булавы, как пернач. Находки перначей на Северном Кавказе нередки, но не столько в Прикубанье (Рис. 6, *19*), сколько в центральном Предкавказье и Кавказе – на территории Чечни и Ингушетии. То же можно сказать и о булавах с боевой частью в виде железного шара (Рис. 6, *17-18*).

Также редко в черкесских золотоордынских погребениях встречается такое, столь любимое монголами, а также вайнахами, оружие, как топор. Немногие топоры, найденные в черкесских воинских погребениях, являются довольно массивными, с плоским, невыделенным обухом, с удлиненным трапециевидным или с массивной бородкой клинком, со средней длины округлым лезвием. Наиболее близкие параллели находятся на территории Среднего Поволжья и имеют, видимо, волжско-булгарское происхождение.

Рассмотрим защитное вооружение черкесских воинов Золотой Орды. Вообще, Прикубанье исключительно богато находками оборонительного вооружения золотоордынского периода. Особенно много его найдено в последние десятилетия в результате грабительских раскопок. Иногда, по счастью, удается отследить памятники вооружения, пусть и вне контекста, депаспортизованные; но хотя бы внешний их вид остается для науки. Судя по обилию находок, можно полагать, что защитное вооружение было доступно достаточно широкому слою профессиональных воинов, каковыми были княжеские дружинники. Но интересно, что самые богатые – в смысле наличия драгоценных предметов – захоронения, содержащие такое ценное оружие, как сабли, обычно лишены предметов защитного вооружения. Похоже, погребальные обычаи требовали его положения в могилы дружинников – уорков (узденей), но не лиц ранга владетельного князя (пши) или феодала более низкого ранга (тлекотлеш).

В качестве панцирей черкесские воины использовали в подавляющем большинстве кольчугу. Кольчуга использовалась на Северном Кавказе еще с эпохи античности, но широкое распространение получила в хазарскую эпох в VIII–X вв., когда ее носили и самостоятельно, и поддетой под пластинчатый – ламеллярный – панцирь. С XI в. пластинчатый панцирь выходит из употребления в Прикубанье и в Центральном Предкавказье. Монголы должны были вернуть сюда пластинчатый панцирь – его ламеллярную разновидность, господствовавшую в Центральной и Восточной Азии еще с древности. И действительно, в погребении монгольского латника у с. Новотерское в Чечено-Ингушетии найден вместе со шлемом и кольчугой ламеллярный панцирь (Чахкиев, 1984). Но это единичная находка, и именно в погребении монгола. Погребения местных насельников содержат только кольчуги. Вообще, кольчуга как броня серьезно уступает в эффективности ламеллярной броне. Но кольчуга непревзойденно удобна – ввиду относительной легкости и абсолютной подвижности структуры. Видимо, это ее свойство особо ценилось черкесами и их соседями: они ведь были не столько строевыми солдатами, сколько индивидуальными бойцами, использовавшими более высокое личное мастерство, нежели преимущества дисциплинированного строя воинской массы. Противоречие между кольчугой и пластинчатым панцирем было решено путем вплетения в кольчужную ткань стальных пластинок. Самые ранние памятники нового, гениального изобретения, которому будет суждена долгая – до XVIII в. – жизнь, были найдены на территории Золотой Орды, и один из пунктов находки – погребение у с. Праздничное (Рис. 10-11) в Прикубанье. Датируются золотоордынские находки кольчато-пластинчатого панциря не позднее середины XIV в. Пока трудно определить, где он появился раньше – Прикубанье или в Башкирии, где известна

еще одна его находка. Так что не исключено, что кольчато-пластинчатый доспех, разновидности которого с XV в. известны как джавшан (русск. юшман) и бехтер (русск. бехтерец), был изобретен в Черкесии после середины XIV в. (но после этого почему-то позабыта, так как никаких следов кольчато-пластинчатого доспеха местного производства в Прикубанье XV–XVIII вв. не встречено и не упомянуто).

В комплекте с кольчугой (а то и двумя) в погребениях Северного Предкавказья практически всегда находят шлем. Число находок шлемов золотоордынской эпохи составляют многие десятки, несколько превосходя количество находок с других – степных территорий Золотой Орды, и многократно превосходя число их находок с территории древней Руси.

Золотоордынские шлемы Прикубанья представлены несколькими типами. Отметим при этом, что одними и теми же формами шлемов пользовались и черкесы, и половцы, и кыпчаки, и маджары, и аланы-асы, и вайнахи, и, разумеется, сами монголы и татары; тем не менее, мы можем отметить предпочтения, которые отдавались отдельными этносами тем или иным типам боевых наголовий. По форме тульи шлемы разделяются на яйцевидные – приостренные (Рис. 12, *1-4*; 14, *6*) и округлые (Рис. 12, *5-6*), сфероконические без перехода от околыша к макушке (Рис. 13, *2, 4-5*) и с вогнутыми переходом (Рис. 13, *3-4*), и цилиндроконичесие (Рис. 13, *6*) – в своем «шатровом варианте, когда тулья выкована в форме усложненной пирамиды (Рис.14, *1, 4-5*). Собственно монгольскими признаками являются такие детали шлемов, как козырьки, науши, маски и полумаски с рельефными «бровями» и длинным, обычно горбатым носом, забрала в виде личины, часто с длинными усами, загнутыми кверху – в сочетании с рельефными бровями. Монгольские увенчания шлемов – петелька с кольцом, к которому привязывалось чисто монгольское украшение – лента, двумя концами ниспадавшая к затылку, и высокий тонкий шпиль, увенчанный тем же кольцом с лентой встречаются в западной части Прикубанья нередко (Рис. 14, 3). Популярными среди черкесов, а не исключено, что и черкесским изобретением и продуктом именно их ремесла были шлемы с невысокой тульей яйцевидно–приостренной и яйцевидной, практически полушаровидной формы, состоящей из четырех секторов (редко – из двух сегментов), соединенных между собой сваркой (Рис. 12). Столь же часто встречаются в погребениях золотоордынских черкесов шлемы «шатровой» формы. Изредка они имеют дугообразные вырезы над бровями, с коротким прямоугольным наносником между ними (Рис. 13, *6*). Но чаще они имеют глубокий подпрямоугольный вырез в налобной части, так что при ношении оставшаяся часть широкого околыша почти целиком прикрывает уши и затылок (Рис. 14, *4-5*). Как правило, такой вырез свидетельствует о том, что, что такой шлем был снабжен забралом–личиной. Об этом говорит и система отверстий по краям: те, что были пробиты по краям околыша, предназначались, разумеется, для крепления кольчужной бармицы, а вот одно–три более крупных отверстия над серединой лба явно предназначены для прикрепления забрала-личины. Это подтверждается и находками, к сожалению, при кладоискательских раскопках, таких шлемов с личинами (Рис. 14, *1*) (единственная личина, раскопанная профессиональным археологом, к несчастью, погибла от ливня, обрушившегося на только что расчищенный памятник), и тем, что их точные аналоги раскопаны еще в конце XIX в. в южной Киевщине, в погребениях золотоордынских знатных латников-половцев конца XIII – начала XIV в. (Пятышева, 1964. Рис. 14, *2*). Такая же маска была раскопана в 1889 г. в одном из складских помещений Херсонеса вместе с кусками кольчуги серебряными слитками-гривнами рубежа XIII – начала XIV вв. (Пятышева, 1964. С. 7). Иконография личин с усами восходит к очень старой центральноазиатской традиции, воспринятой монголами и принесенной ими на запад (Горелик, 1984). Так что шлемы эти – создание мастеров с востока, но черкесские воины их особенно полюбили. В то же время у них не пользовались популярностью монгольские шлемы с козырьками, которые охотно использовались половцами Прикубанья и вайнахами.

В монгольскую эпоху на Северном Кавказе появляется кольчужный капюшон и, не исключено, – мисюрка. Археологически обнаружен кольчужный капюшон в половецком погребении второй половины XIII в. (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 189. Рис. 7). Мисюрки археологически не обнаружены; они засвидетельствованы только на миниатюрах – в восточно-анатолийской рукописи поэмы «Варка и Гульшах» второй четверти XIII в. (вместе с кольчужными капюшонами) и тебризской рукописи «Шах-намэ» 30-х гг. XIV в. (Gorelik, 1979. Fig. 54-56, 63, 157-158).

Конечно, отнюдь не монголы занесли кольчужные капюшоны в Предкавказье. Думается, на востоке Малой Азии они появились как подражание западноевропейским, распространенным в государствах крестоносцев Восточного Средиземноморья. А в Прикубанье они пришли из Малой Азии, от сельджуков, либо непосредственно от итальянских колонистов, обосновывавшихся в Северном Причерноморье во второй половине XIII в.

С монголами на Северный Кавказ из Средней Азии были занесены двустворчатые налокотники, известные под персидским термином «базубанд». Но в черкесских погребениях, раскопанных археологами, они пока не обнаружены, хотя большое их число найдено в вайнахских погребениях золотоордынской эпохи, а также в богатом половецком погребении начала XIV в. в западном Прикубанье (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 195. Рис. 3) (Рис. 3, *3*).

Зато западное Прикубанье оказалось родиной и центром широкого распространения специфической разновидности щита (Горелик, 2002. С. 24, 78; 2004а; 2004б. С. 296. Рис. 1). Дело в том, что в золотоордынских погребениях Прикубанья нередки находки железных оковок щитов – выпуклых круглых умбонов диаметром 15-18 см, крепившихся к поверхности щита при помощи перекрещенных прутков с расплющенными серединами и концами. Нередко умбон дополнялся оковкой из тех же прутков с расплющенными участками для клепки, расположенных концентрически а иногда также и радиально (Схатум, 2003) (Рис. 15). С наибольшей вероятностью эта система оковки щита была заимствована из западноевропейской паноплии через итальянских колонистов. В западном Прикубанье она была приспособлена для монгольского круглого щита из концентрически соединенных нитями гибких прутьев, или повсеместно распространенных щитов из дошечек, обтянутых кожей. В начале XIV в. «умбон с крестом» распространился практически по всей империи Чингизидов и его прямые дериваты дожили до XIX в. на Кавказе, в Тибете и Курдистане. Очень вероятно, что процесс формирования данной системы укрепления щита формировался в среде черкесских оружейников. Тем не менее один из самых ранних образцов такого умбона, но еще плоский, раскопан в уже упоминавшемся погребении знатного половецкого латника (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. Рис. 4, 31) (Рис. 15, 1). То, что он был половцем, подтверждается, при наличии монгольского шлема и налокотников, погребальным обрядом, распрямленной серебряной гривной и впервые найденном, причем на кольчуге, ярчайшим этническим признаком половцев, прекрасно известным по сотням каменных изваяний половецких воинов – «боевому бюстгальтеру» - системе из двух нагрудных и одного наспинного диска, соединенных ремнями.

Таким образом, мы видим, что черкесское воинство эпохи Золотой Орды обладало полным и передовым комплексом вооружения, приспособленным именно для тактики черкесских боевых отрядов, конкретных условий их социальной и хозяйственной среды.

ЛИТЕРАТУРА

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: «Эльбрус», 1974. 638 с.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т.II. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.

Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Laqucs chinois du Linden - Museum de Stuttgart. Paris, 1986. 120 p.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар: КубГУ, 2003. С.184-208.

Горелик М.В. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центральноазиатской изобразительной традиции (тезисы доклада) // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 7. М., 1984. С. 79-81.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. (воинское искусство, вооружение, снаряжение). М.: «Техника-молодежи», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII - первая половина XIV в. // МИАСК. Вып. 3. Армавир: РИЦ АГПА, 2004б. С.293-300.

Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Вып. 4. Культурные традиции Евразии. Казань: 2004а. С.182-195.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Оружие Центрального Предкавказья золотоордынской эпохи (в печати).

Пятышева И.В. Железная маска из Херсонеса, М.: Изд-во ГИМ, 1964. 63 с.

Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен северо-западного Кавказа в золотоордынекий период // МИАК. Вып. 3. Краснодар: КубГУ, 2003. С.224-227.

Чахкиев Д.Ю. Богатое погребение воина-кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной Истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1984. С.95-104.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. P. 30-63.

THE CIRCASSIAN WARRIORS OF THE GOLDEN HORDE (ACCORDING TO ARCHEOLOGICAL DATA)

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

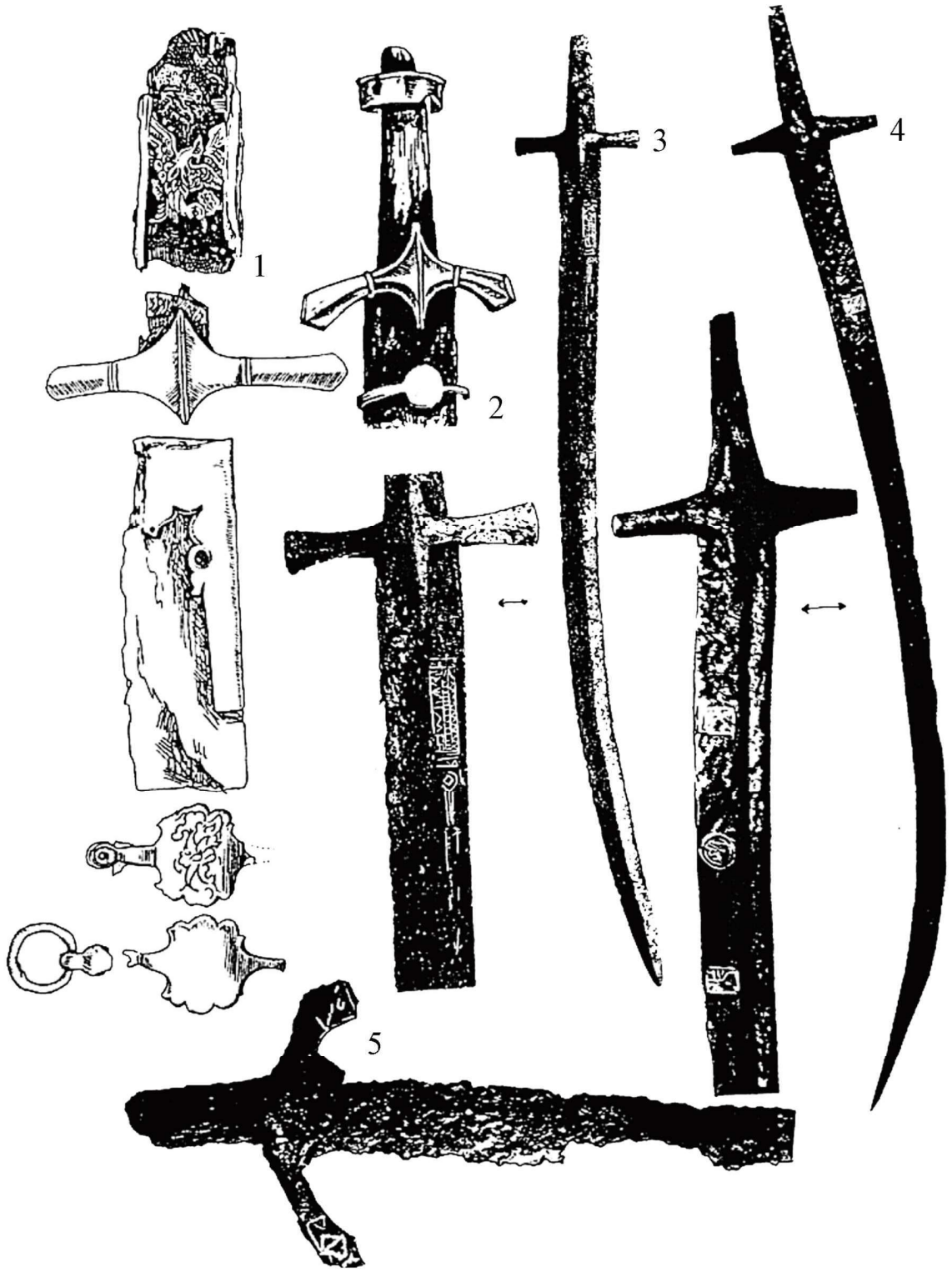

Рис.1. 1 – монгольский палаш из погр. у пос. Новопавловка, Ставрополье (1 пол. – серед. XIII в.); 2 – сабля с серебряной фурнитурой (30-е гг. XIIIв.) из погр. в медном гробу, Белореченский мог.; 3 – сабля с золотой таушировкой на клинке (XIV – XV вв.) ГОМРТ, Казань; 4 – сабля с «Черкесским клинком» и золотой таушировкой на клинке (2 пол. XIV – нач. XV вв.). Частное сбор.; 5 – сабля с серебряной таушировкой на перекрестии. Погр. в кугр. у станицы Тифлисская (кон.XIVв.) ГЭ.

Рис. 2. 1 – сабля из погр. в медном гробу. Кург. 1, Белореченский мог. ГИМ, Москва; 2-7 – детали миниатюр рукописи «Шах-намэ» из бывш. Собр. Демотта. Тебриз (30-е гг. XIV в.).

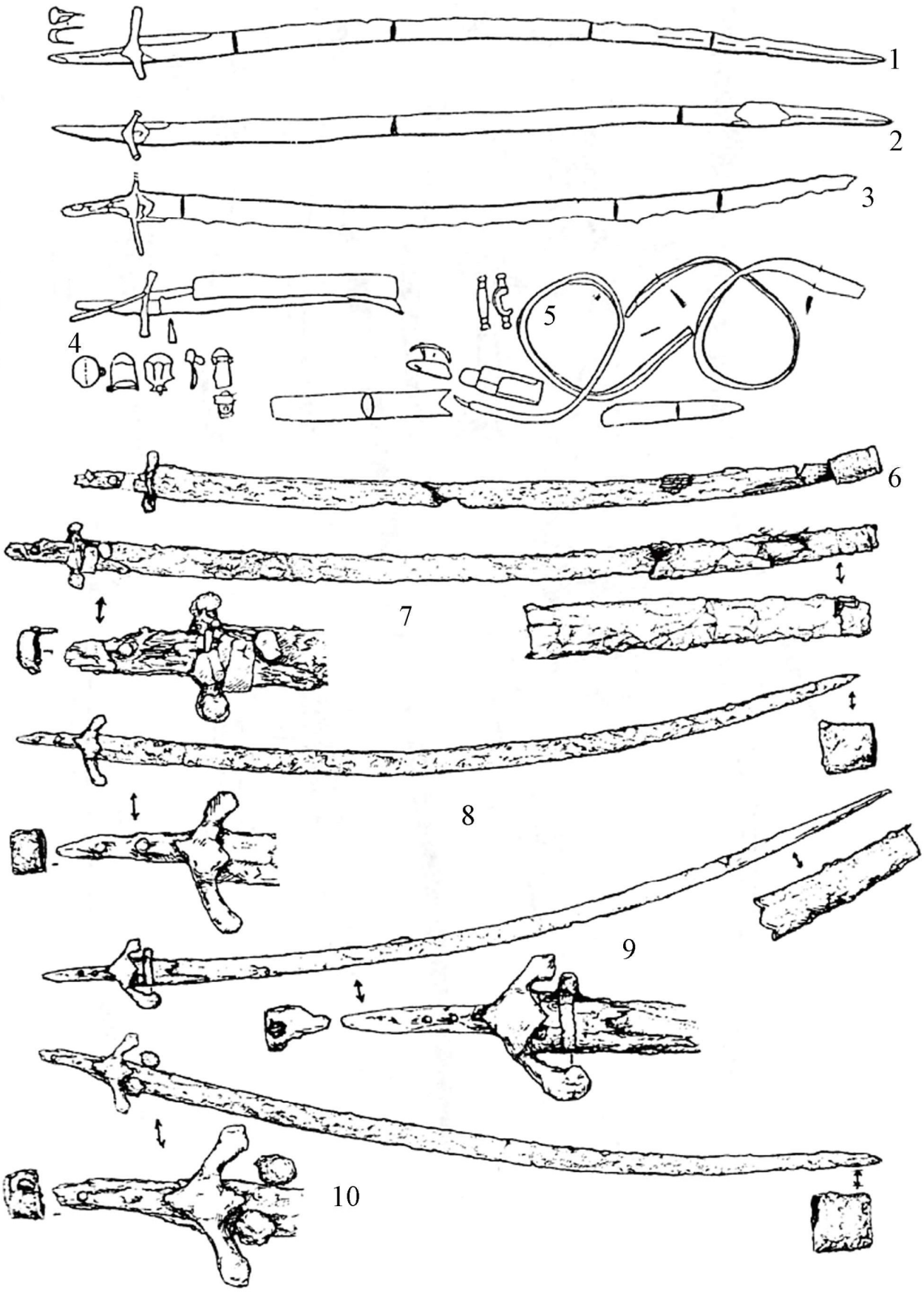

Рис. 3. 1-5 – сабли из погребений Цемдолинского мог. под Новороссийском (серед. XIII – нач. XIVвв.); 6 – сабля из мог. Золоторевка-7. Сев.-зап. Ставрополье; 7-10 – сабли из мог. Мзыста ок. Туапсе.

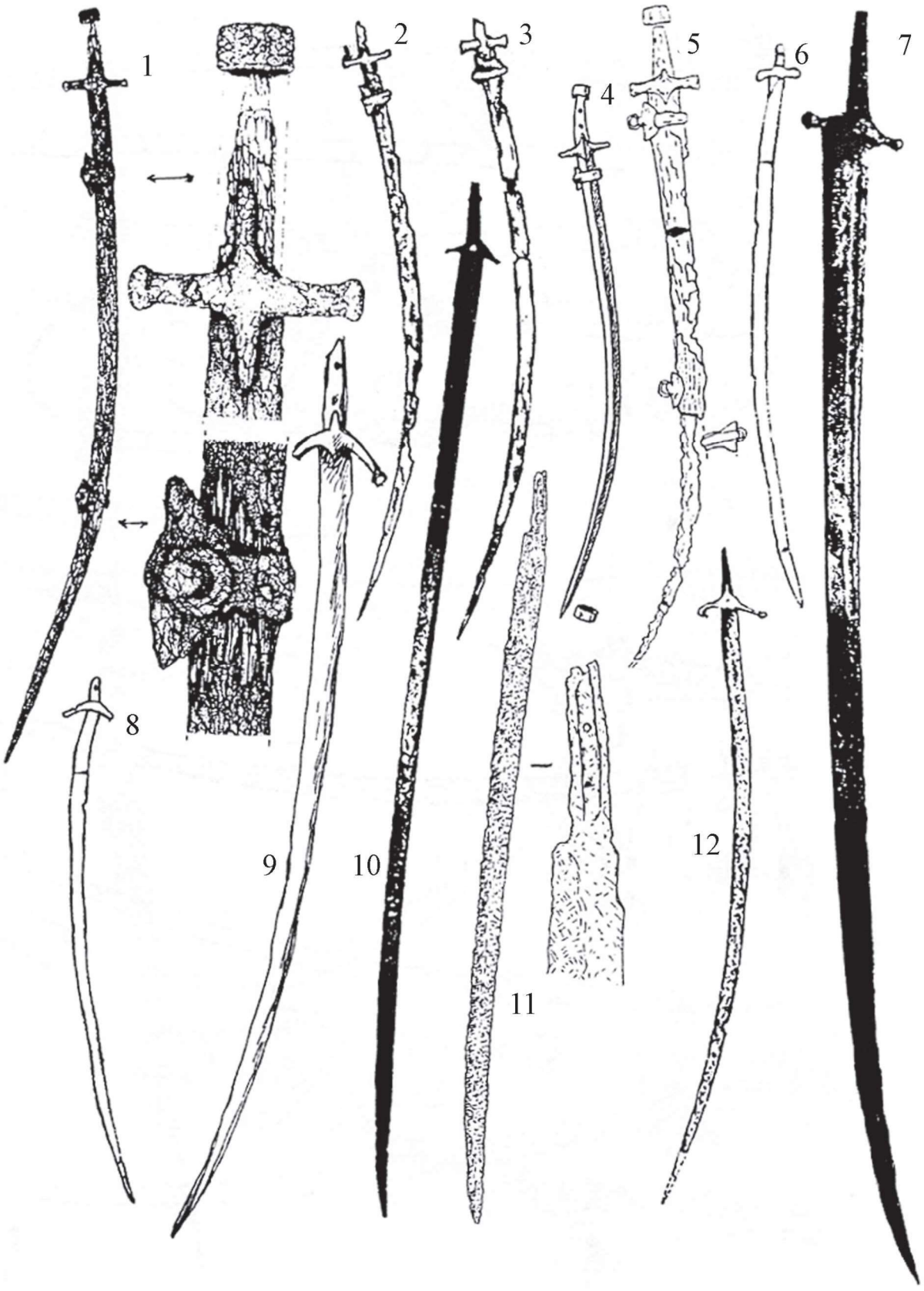

Рис. 4. 1 – мог. Иноземцево – 1, Пятигорье; 2-3 – мог. 1 у с. Нижний Черек; 4 – Псекупский мог.; 5 – мог. МТФ-3 у станицы Старокорсунской; 6,8 – мог. у с. Ленинхабль; 7, 10 – из частных собраний; 9 – Новороссийска, погр. на Днестровской ул.; 11 – из окрестностей Сочи; 12 – Белореченский мог.

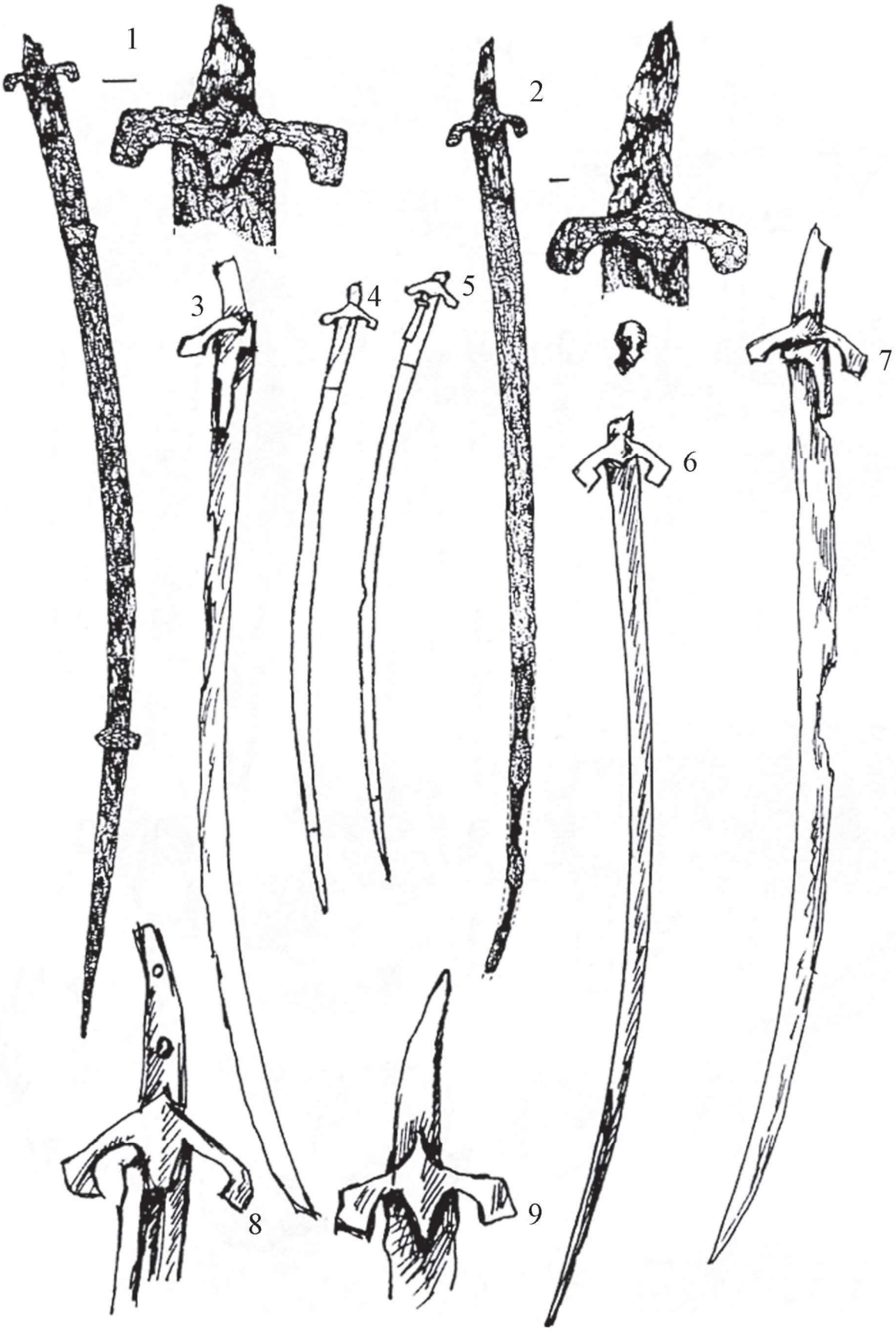

Рис. 5. 1-2 – мог. Иноземиево – 1, Пятигорье; 3 – кург. у станицы Праздничная; 4,5 – Ленинхабльский мог.; 6 – кург. у станицы Раевская; 7 – Убинский мог.; 8 – кург. у станицы Псебайская; 9 – кург. у станиц Кужорская и Ярославская.

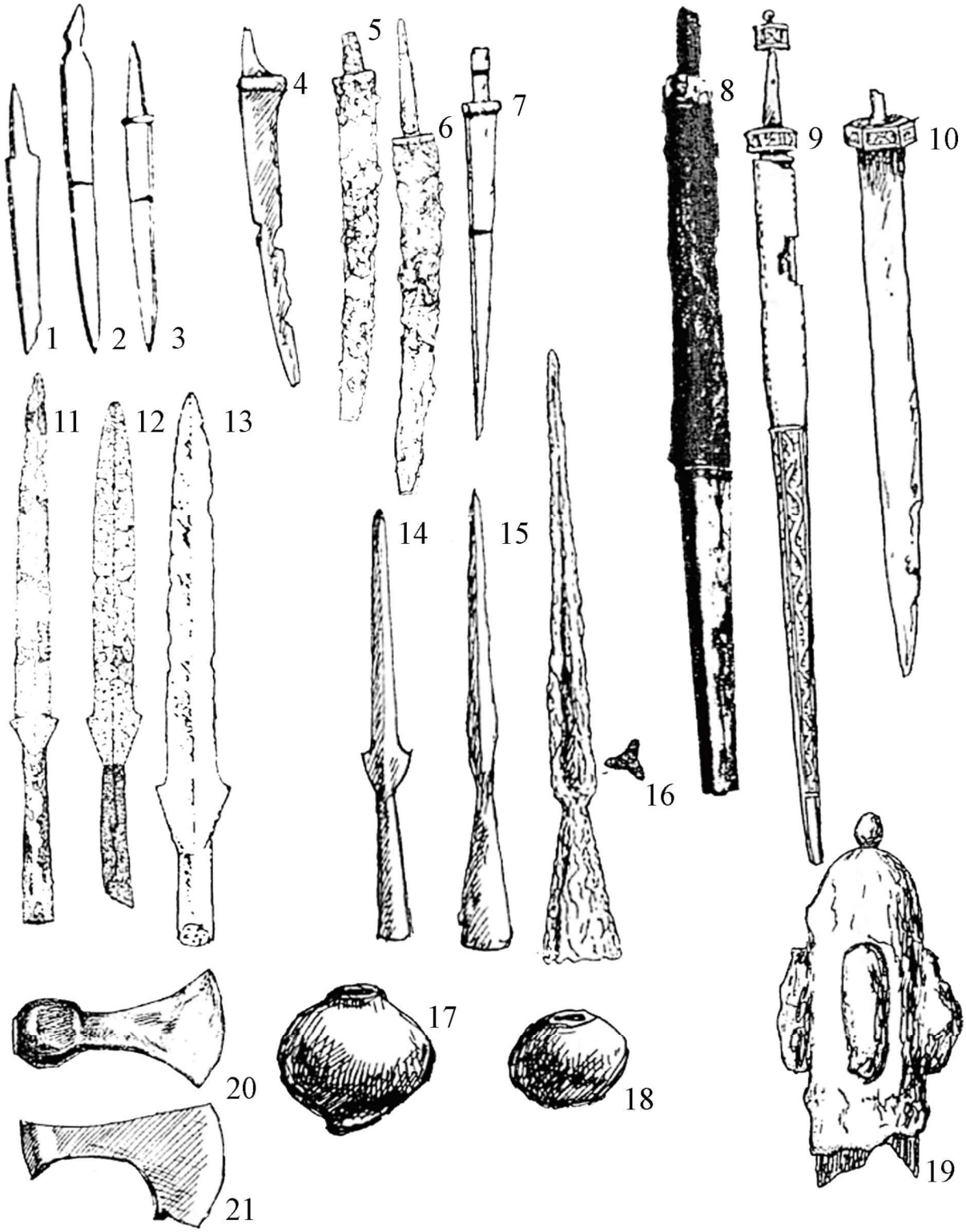

Рис. 6. 1-3 – боевые ножи из мог. у с. Варданэ, р-н Сочи; 4 – Убинский могю; 5-6 – мог.Мзыста, р-н Туапсе; 7 – Псекупский мог.; 8-9 - Белореченский мог.; 10 – мог. Жако, Черкесия; 11 – окрестьности Сочи; 12 – станица Новомихайловская; 13 – крепость в устье р. Годлик; 14 – мог. МТФ-3 у станицы Старокорсунской; 17- железная булава, мог. у пос. Ханьков-1; 18 – железная булава, Архангельский ерик; 20 – погр. в медном гробу, кург. 1, Белореченский мог.; 21 – Убинский мог.

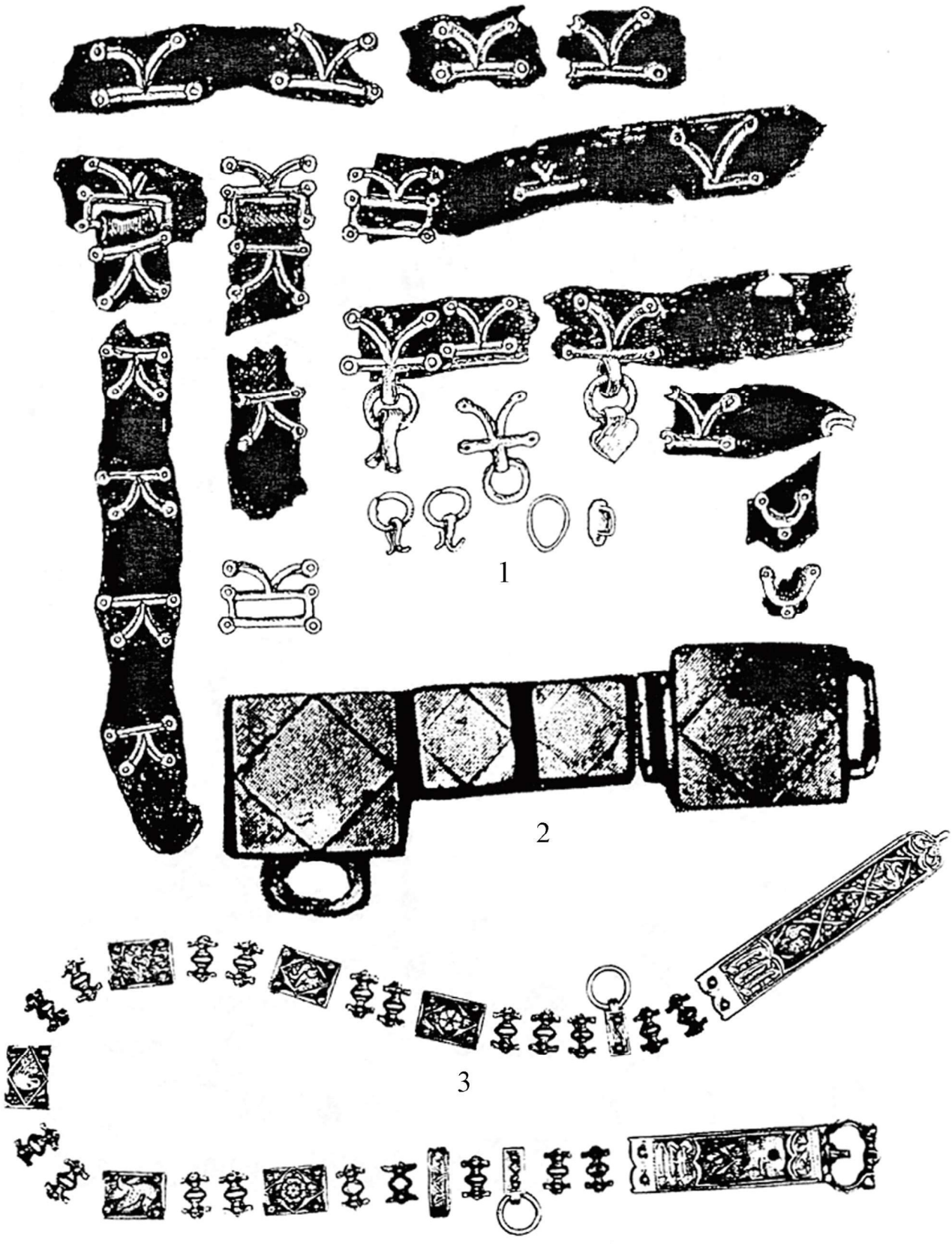

Рис.7. Портпейные клинковые пояса из Белореченского мог.: 1-2 – монгольские, с серебряным (!) и золотым (2) набором, из погр. в медном гробу; 3 – итальянский серебряный.

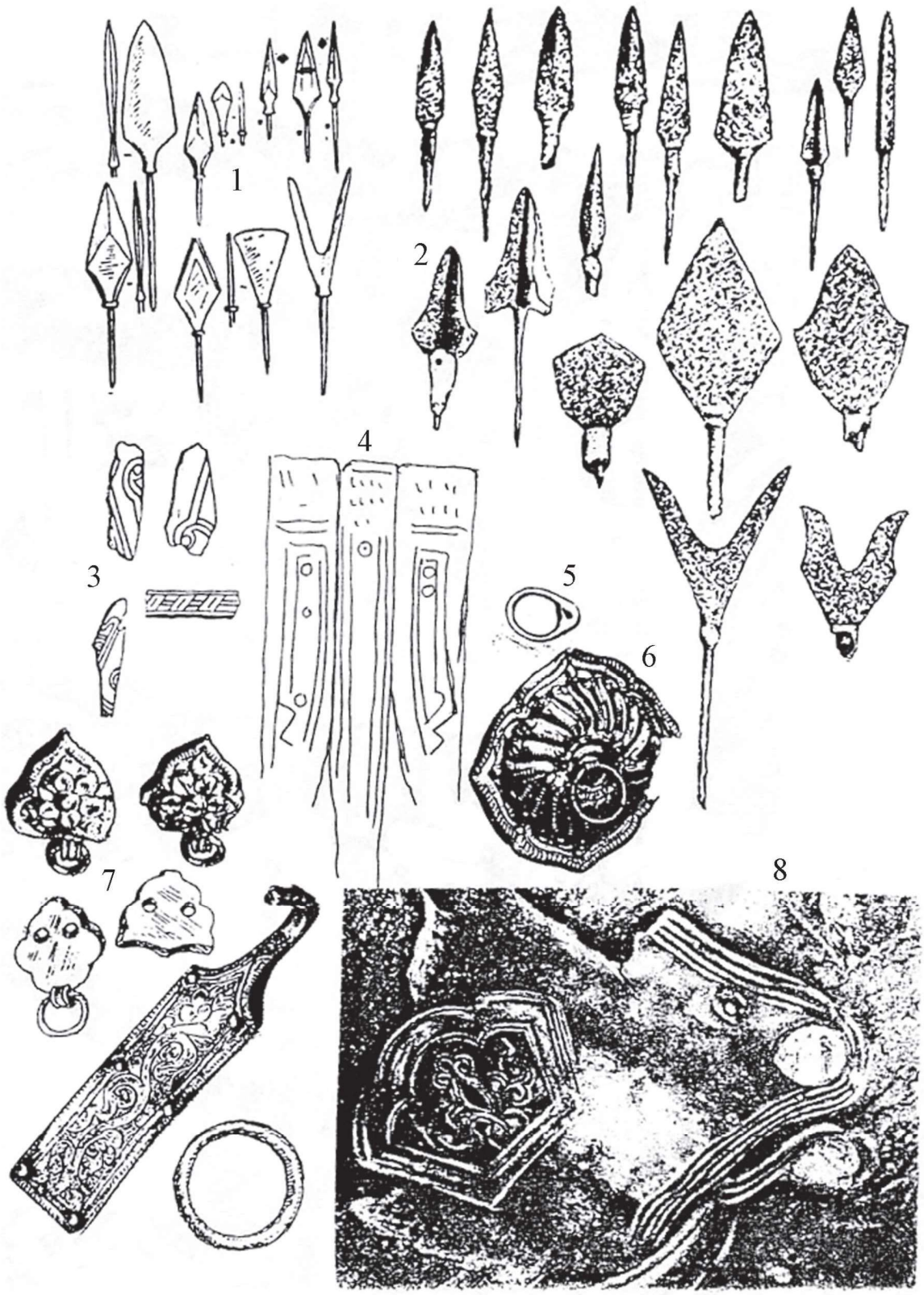

Рис.8. 1-2 – наконечники стрел из мог. Варданэ (1) и Белореченского (2); 3 – костяная гравированная облицовка колчана, Белореченский мог.; 4 – то же мог. Мысхако; 5 – костяное кольцо для натягивания тетивы, Белореченский мог.; 6 – серебряная накладка на крышку колчана, 7 – серебряный набор стрелковой портупеи, из погр. в медному гробу. Белореченский мог.; 8 – кожаный налуч, мог. у с. Чегем-2.

Рис.9. Военачальник черкесов (серед. XIV в.), реконструкция и рисунок М.В, Горелика по материлам Белореченского мог. и вещам из частных собраний.

Рис. 10. Знатный черкесский латник (серед. XIV в.), реконструкция и рисунок М.В. Горелика по материалам погребений у ст. Ладожская, пос. Праздничный и др.

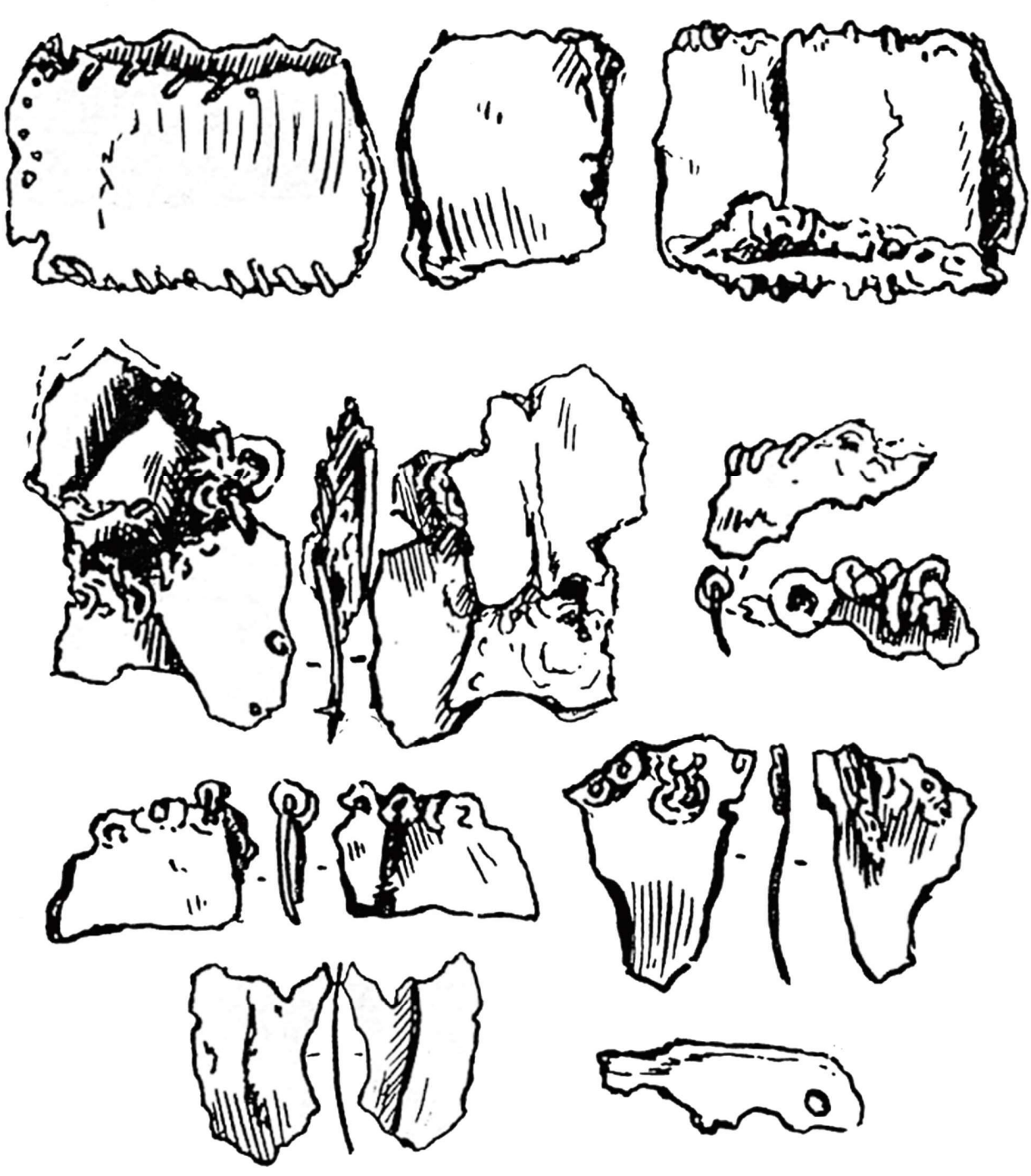

Рис. 11. Детали кольчато-пластинчатого панѳиря из кург. У пос. Праздничный ГИМ.

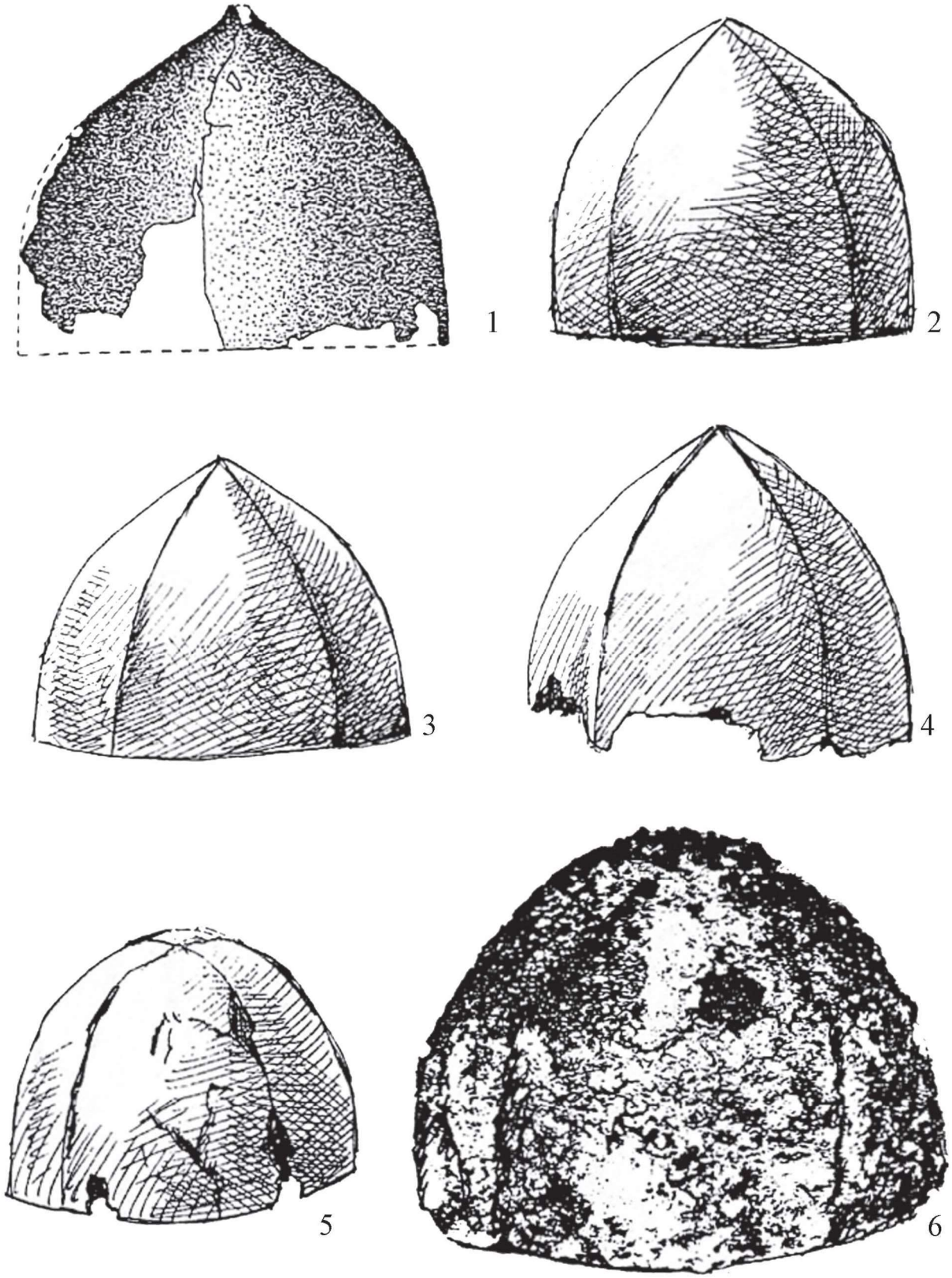

Рис. 12. Шлемы. 1, 6 – Убинский мог.; 2 – Новороссийск, погр. На Днестровской ул. 3 – Краснодарский краеведческий музей:; 4 – Новороссийский краеведческий музей; 5 – мог. Мысхако.

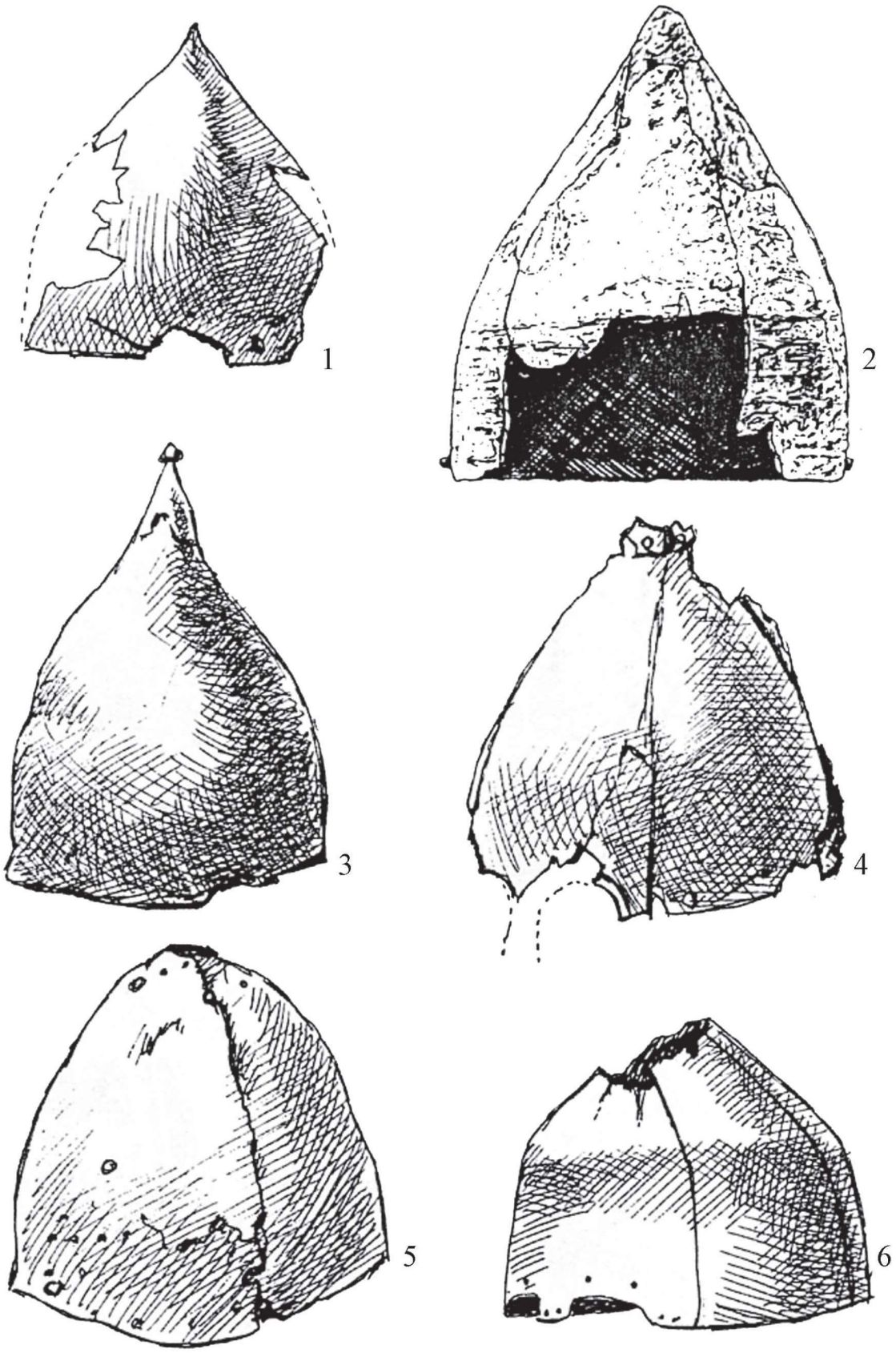

Рис. 13. Шлемы. 1 – мог. Мысхако; 2 – Убинский мг.; 3 – кург. У станины Ладожская; 4 – кург. У пос. Праздничный; 5 – ГИМ, Москва; 6 – Краснодарский краеведческий музей.

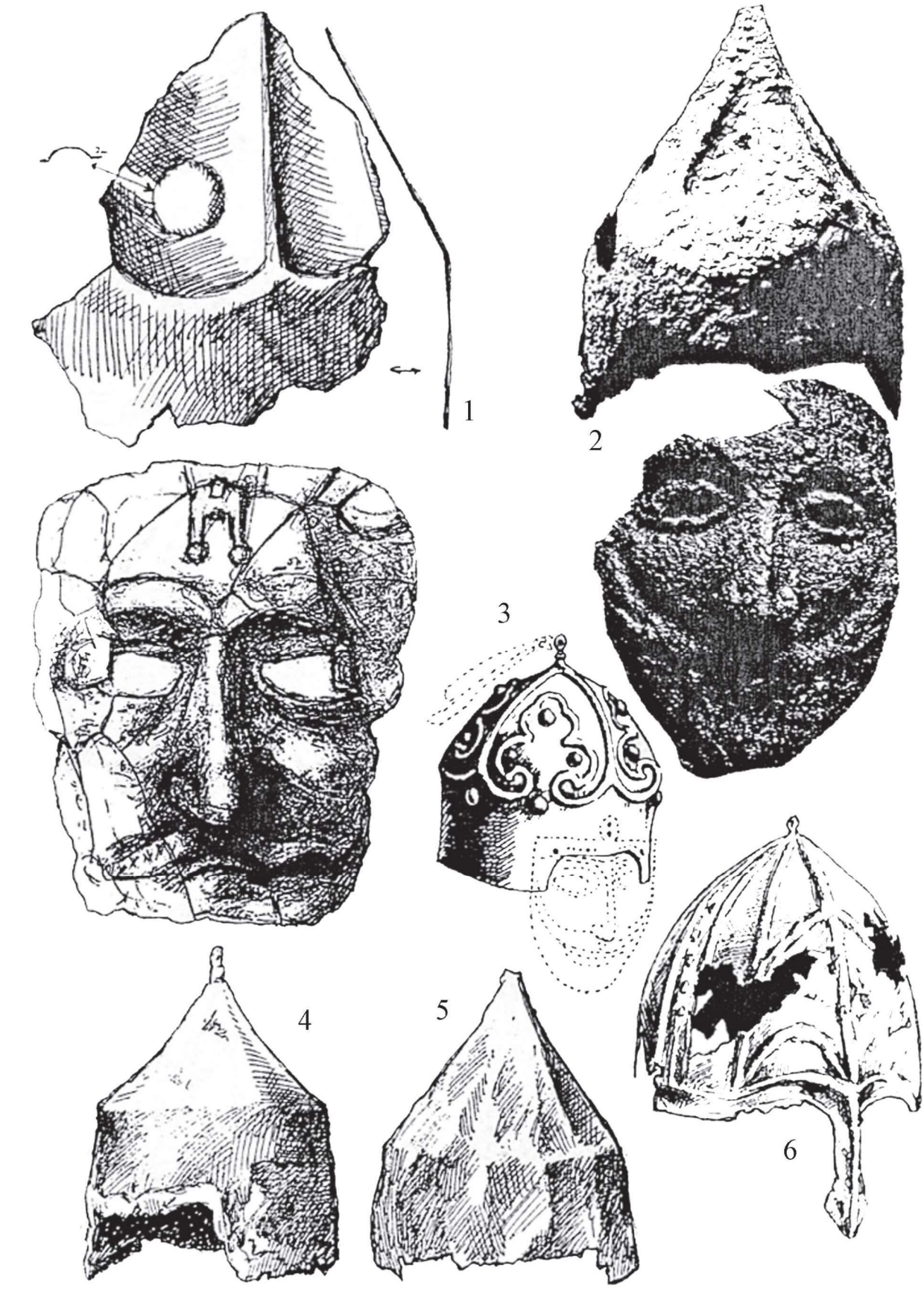

Рис. 14. Шлемы. 1,3-6 – из частных собраний; 2 – из кург. У с. Липовеө, Поросже.

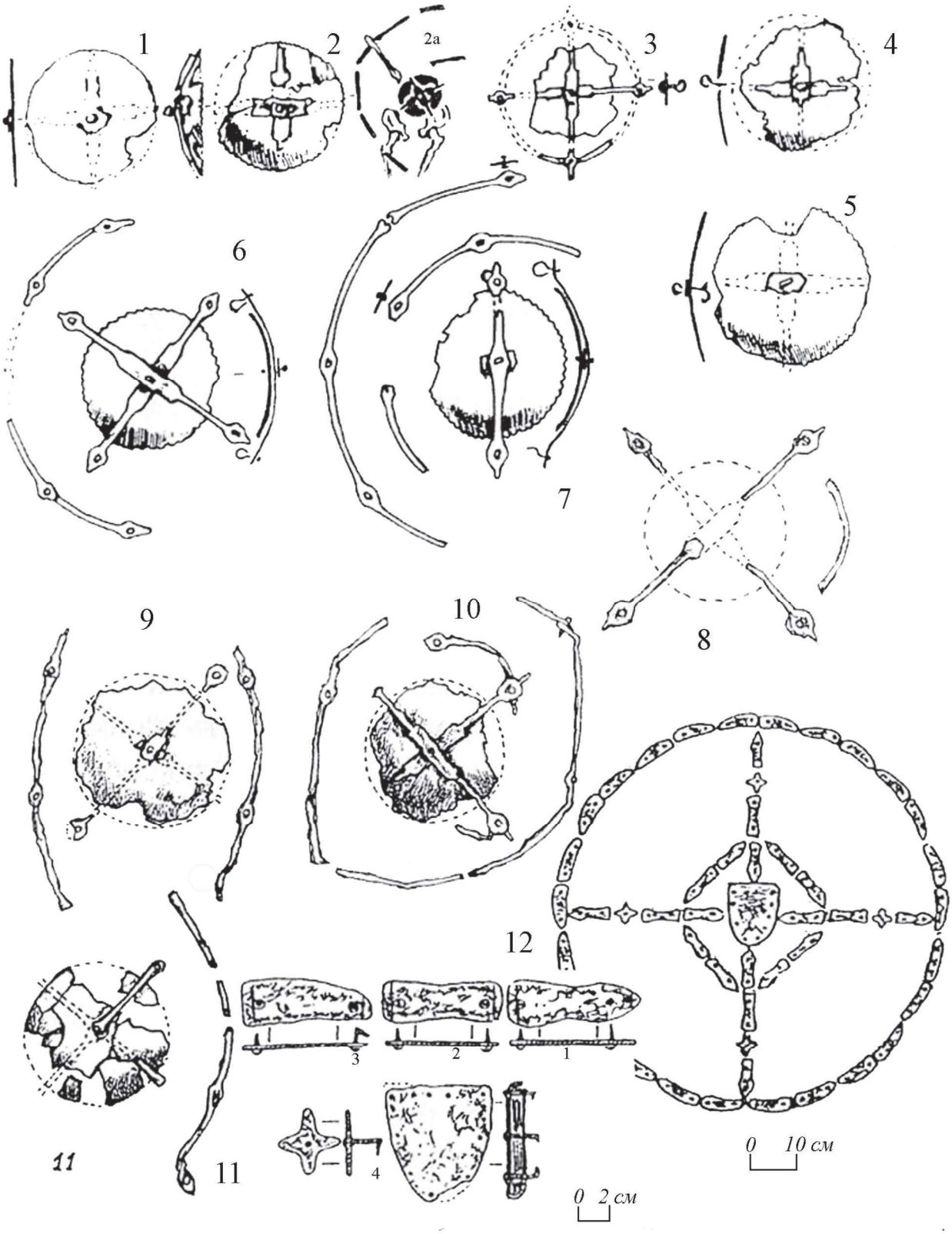

Рис. 15. Умбоны и оковки эитов: 1 – Дмитровский мог.; 2 – Яблоновский мог., Юдное Поднепровье; 3 – мог. Варданэ, р-н Сочи; 4-5 – Краснодарский краеведческий музей; 5,9 – Убинский мог.; 7 – Новороссийск, погр. На Днестровской ул; 8, 10 – мог. Казазово-1; 11 – мог. Казазово-3; 12 – Келийский мог., Чечено-Ингушетия.

УДК 94(5) 902/904

ПОЛОВЕЦКАЯ ЗНАТЬ НА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ[1]

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

Прежде чем углубиться в материал, необходимо оговорить специфику и этногеографические границы данной темы. Мы будем рассматривать свидетельства военной службы у правителей правого крыла Улуса Джучи (т. е. на территориях западнее р. Яик – Урала) знати именно половцев (куманов, кунов, сары) – группы племен, кочевавших на этой же территории до монгольского завоевания. Тему оговариваем для того, чтобы не смешивать и не путать половцев и их аристократию с кыпчаками и их аристократией, занимавшими степные пространства к востоку от указанного водного рубежа. Как показали последние исследования (Кляшторный, Султанов, 2009. С. 157-159, 254), половцы и кипчаки вовсе не одно и то же: их племенной состав совпадал лишь частично, а знаменитая фраза из ал-Омари о том, как кыпчаки южнорусских степей ассимилировали монголов-завоевателей, является изысканным комплиментом египтянина, никогда не бывавшего в землях Улуса Джучи, и для которого, как и для каждого образованного араба и перса, никаких куманов, кунов и сары не существовало – все были кыпчаками (как все тюркоязычные и даже монголоязычные народы для арабско-персидских мусульманских ученых все были тюрками, хотя так назывался только один из многих тюркоязычных народов). Кстати, столь же неверна эта мысль и в рамках гипотезы о полной тюркизации монгольских завоевателей на всей территории Дашт-и Кипчак. Ведь именно на территориях к западу от Яика старая половецкая племенная номенклатура, видимо, уже в XIV в. полностью исчезла и была заменена в абсолютном большинстве монгольской. И лишь не ранее конца XIV в. начинают появляться очень немногие тюркоязычные новообразования.

Я полагаю, что европейские степи населяли – с запада на восток – племенные группы куман, кун и сары. Все этнонимы означают «желтые», только «куман-кубан» значит густо-желтый (рус. *кубовый*), «кун» (*хыновя* «Слова о полку Игореве») – бледно-желтый с серо-голубым оттенком, а сары – беловато-желтый, цвета выгоревшей травы, соломы (отсюда точный другой рус. пер. – *половый*, откуда *половцы*). Что же касается собственно кыпчаков, то они, полагаю, попали в Восточную Европу впервые с войсками Бату, а позднее прибывали в составе воинских соединений ханов левого, азиатского, крыла Улуса Джучи, приходивших с востока и занимавших Сарайский трон. И на новом месте, вероятно, по какой-то местной чингизидской традиции, они оставляли старые племенные названия, сохранив старое общее этническое прозвание *кипчак* – но уже только в качестве родоплеменного, т. е. на уровень ниже.

В третьей четверти XX в. советская наука о средневековых кочевниках Восточной Европы пришла к выводу, что в результате монгольского нашествия половецкая знать в южнорусских степях довольно быстро исчезла, т. е. была частью выбита, частью укочевала на запад. Нимало не отрицая этих, известных по письменным источникам, трагических фактов стоит особое внимание обратить на то, действительно ли все представители половецкой знати исчезли как таковые с образованием империи Чингизидов на территории Улуса Джучи. Ведь достаточно внушительный ряд археологических памятников свидетельствует о том, что отдельные представители высшей, а особенно средней и низшей аристократии, оставшись на территории южнорусских степей или вернувшись туда из временной эмиграции на запад, оказались на монгольской военной службе.

Для определения памятников половецкой знати джучидского времени мы имеем неоспоримые признаки, присущие, с одной стороны, погребениям половецкой аристократии, а, с другой, предметы времени Джучидов, характерные для собственно монгольской культуры.

[1] Впервые опубликовано в: Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127-186.

Самыми яркими и богатыми памятниками половцев на сегодняшний день можно считать погребения в урочище Королевино (у села Таганча) в Поросье (Gawrysiak-Leszczynska, 1991) и в Чингульском кургане в Запорожье (Отрощенко, Рассамакин, 1986) с поразительно схожим инвентарем. Начнем с важнейшей детали, маркирующей половецкую аристократию (как мужчин, так и женщин) – гривны. Они изображены на половецких каменных изваяниях, их обнаруживают в богатых погребениях и в виде нашейного украшения, и распрямленными - в виде маленького скипетра-жезла. На усопшем из Таганчи были найдены две гривны с железной основой; у одной железная основа была попеременно обвита золотой узкой лентой (Рис. 1, *1*), у другой – обтянута золоченым серебряным листом (Рис. 1, *2*). Благодаря железной основе, гривны могли служить дополнительной защитой шеи в бою. Для укладки в могилу вторую гривну – обтянутую золоченым серебром, попытались разогнуть, чтобы превратить в жезл, но сломали. В Чингульском кургане была обнаружена распрямленная золотая гривна (Рис. 1, *3*). Дополнительными шейными украшениями были длинная толстая многоволоконная цепь из золотой проволоки с цилиндрическими наконечниками (Чингульский курган, Рис. 1, *4*) и своеобразные бармы из двух медных чеканных дисков – в Таганче (Рис. 11, *1-2*). Ближайшим аналогом шейной золотой цепи из Чингульского кургана является цепь, случайно найденная в Чернигове и хранящаяся в Золотой сокровищнице Украины (Киев); ее относят к произведениям провинциального византийского мастерства XII–XIII вв. (Золота скарбниця Украіни, 1999. № 103.). Бармы из Таганчи мы рассмотрим ниже.

Пока же обратимся к оружию. Оба погребенных были снабжены саблями. Хвостовик сабли из Таганчи (Рис. 2, *2*) с двумя отверстиями для крепления щечек ручки (остатки дерева от них сохранились у перекрестия в виде вытянутого узкого ромба с обломанным нижним усом) имеет на одной из сторон бортик по краям. Длинный среднеизогнутый клинок помещен в деревянные ножны, обложенные серебряным листом. Странным образом отсутствуют следы обоймиц для подвески к портупее. Не исключено, что данные ножны были специально сделаны для погребения, ввиду повреждения «родных» ножен. Датирующий признаки сабли - бортик на хвостовике (эта деталь, впрочем, была характерна для хазарских сабель Прикубанья IX–X вв.) – свидетельствует о золотоордынском времени ее производства. Целый ряд выразительных деталей имеет и сабля из Чингульского кургана (Рис. 2, *1*). По форме – узкий вытянутый асимметричный ромб – ее перекрестие надежно датируется золотоордынским временем. В отличие от таганчинского, чингульское перекрестие обтянуто серебром; серебряной является фигурная обойма под перекрестьем с язычком на лезвии. На коротком усе перекрестия имеется двойная выпуклая поперечная линия. Выпуклые поперечные линии на богатых серебряных или только обтянутых серебром железных перекрестиях – это целая традиция, прослеживаемая в золотоордынском оружейном деле с середины XIII в. и в течение XIV в. (Рис. 15) (Горелик, 2009а. С. 158. Рис. 3). Так же, как упомянутые выше обоймы, часто фигурные, сложно вырезные, под перекрестием, с язычком на лезвии. Эти обоймы, имеющие центрально– и восточноазиатское происхождение, впервые попали на юг Восточной Европы еще в хазарское время, с середины XI до второй трети XIII в. Временно исчезли и вновь стали популярны с приходом монголов, возродивших в Восточной Европе традиции Центральной и Восточной Азии (Горелик, 2006). К золотоордынскому периоду относится и нанесение на клинок сабли нескольких параллельных долов. А вот система подвески чингульской сабли в виде крепившихся к деревянным ножнам при помощи обоймиц арочных щитков с закраинами, в которых с изнанки спрятаны кольца для ремней портупеи, архаична и типична для IX–XII вв.

В отличие от Чингульского кургана, усопшему из Таганчи был положен скипетр (Рис. 2, 3) в виде булавы с очень длинной рукоятью, с шаровидным яблоком, сидящем в коническом каннелированом переходнике. Весь скипетр сделан из дерева и обтянут серебряным листом. Такая форма булавы – с очень длинной рукоятью – чрезвычайно характерна для территории Монголии и севера Китая еще с эпохи Ляо, т. е. господства монголоязычных номадов киданей, а также у чжурчжэней, тангутов и в эпоху Чингизидов на всех территориях их империи (Горелик, 2002. С. 11-12, 20, 49. Рис. 2, *4, 5*; С. 55, Рис. 9; С. 56. Рис. 1; С. 67). Для боя же таганчинский витязь имел кистень, от которого сохранилась прекрасно выполненная, отлитая из меди ударная часть. Это оружие стало популярным в Восточной Европе в хазарское время, принесенное хазарами из Центральной Азии. Но популярность кистеня в X–XIII вв. в Восточной Европе – и в

степи, и особенно на Руси столь велика, что в золотоордынскую эпоху просто продолжалась местная традиция.

Удивительно в обоих курганах совпадение декора колчанов и налучей. Накладки, в Чингульском кургане (Рис. 3, *1-2*) – из золоченого серебра, а в Таганче (Рис. 3, *3-4*) – из обтянутой серебряным листом бронзы, имеют схожую форму и размещены на тех же местах органической основы саадака. Форма элементов декора налучей в принципе совпадает с таковыми в тисненом декоре кожаного джагатайского налуча XIII–XIV вв. из Кыргызстана (Табалдиев, Жолдашов, 2007. Рис. 5, *4*) и на иранских миниатюрах XIV в. (да и в этнографических и музейных образцах XVI–XIX вв.). Правда, сама форма предмета здесь жестко диктует декорирование – подтреугольные фигуры по углам и окружность или нечто близкое к ней – в центре. Но сходство накладного декора налучей беспрецедентно. Судя по тем накладкам, что оковывали верх приемника и его крышку, колчаны, имея в виду их округлое веерообразное завершение верха, явно воспроизводили чисто монгольскую традицию. Кстати, сами крышки, закрывающие отверстие приемника, также присущи именно монгольским колчанам, что отражено даже в «Сокровенном сказании» («Секретной истории монголов»). Разница же накладок не только в различии материалов: чингульские сделаны не только из более дорогих материалов, но и качество их изготовления гораздо выше. Кроме того, пластины, декорирующие крышку и нижние углы колчана, и все накладки налуча украшены выпуклыми полушариями, прочеканенными густыми вихревыми розетками. Дополнительным украшением служили круглые головки заклепок, сплошной линией окаймляющие полушария, да и сами накладки по периметру. Эти круглые выпуклости с многолепестковой, чаще всего вихревой розеткой и мелкими кружками по краю окружности – крайне популярный мотив в декоре как металлических, так и костяных изделий – чаще всего уздечных и сбруйных блях, седельных и колчанных накладок, распространенных в южнорусских степях и северокавказских предгорьях. Нередко их связывают с половцами домонгольского времени, но теперь ясно, что этот декоративный элемент появляется именно во второй трети XIII в. и маркирует собой золотоордынскую эпоху XIII–XIV вв.

Кольчуги (Рис. 4) были положены обоим усопшим. Поскольку они не были развернуты, трудно судить с точностью об их покрое, но можно предполагать, что они имели вид рубах длиной примерно до середины бедер и рукавами примерно до локтя. Сделаны из круглых проволочных колец и узко датирующих признаков не имеют.

Железные шлемы, найденные в каждом из погребений, выразительны и надежно датируются. Шлем из Чингульского кургана (Рис. 5, *1*), с наголовьем, целиком покрытый толстым слоем позолоты, относится к хорошо известному типу – с полушаровидной тульей, увенчанной низким коническим навершием с петелькой, в которую вставлено кольцо, с защитой лица в виде кованого объемного, анатомически точного, хотя и стилизованного наносника, с такими же коваными объемными «бровями» и «веками». Различаются они наличием или отсутствием, как у чингульского шлема, подглазной части, превращавшей защиту лица в полумаску. Шлемы имели глухую кольчужную бармицу, так что в любом из вариантов открытыми оставались только глаза воина. Такие шлемы, известные в нескольких экземплярах, найденных как на Руси, так и – в большем числе – в степных погребениях, по колечку на макушке надежно связываются с монголами: к нему привязывалась лента, двумя концами свисавшая с макушки шлема или развевавшаяся от ветра или скорости конской скачки – «национальное» украшение монгольских шлемов (Горелик, 2002. С. 25-26, 77). Именно шлемы данного типа – как варианты с полумаской, так и без подглазий подробно изображены на тебризских миниатюрах 30-х гг. XIV в. (Горелик, Дорофеев, 1990. С. 124. Рис. 4, *4-5*).

Шлем из Таганчи известен более ста лет (Рис. 5, *2*), но лишь в 70-е гг. XX в. он был расчищен (Gawrysiak-Leszczynska, 1991. Tab. I-III). Оказалось, что его коническая тулья вертикальными линиями золотой таушировки разделена на четыре сектора, коническое подвершие оформлено в той же технике цепью из крупных колец, а цилиндрический околыш украшен розетками в кольцах и остатками арабских букв, к сожалению, не читаемых из-за утрат. Цилиндроконическая форма шлема в южнорусских степях получала распространение именно в золотоордынский период (Горелик, 1987. Рис. 7, *2*; 11, *7, 15*; 15; 2003. Рис. 1, *1, 3*; 2, *3, 6*; 4). Не исключено, что она была заимствована из ближневосточной (Горелик, 2003. С. 193) или византийской оружейной традиции и перенесена далеко на восток империи Чингизидов, где стала одной из основных форм наголовья шлемов Центральной и Восточной Азии вплоть до начала XX в. Монголь-

ским следует считать навершие в виде высокого тонкого шпиля, расплющенная верхушка которого имела отверстие с остатком кольца для крепления ленты (Горелик, 2002. С. 23). Того же происхождения и налобная накладка с вырезным верхним краем, надбровными выкружками и плоским наносником.

В отличие от чингульского, шлем из Таганчи не имел кольчужной бармицы (не исключено, что у шлема было прикрытие затылка и ушей из органических материалов). Ее заменял кольчужный капюшон (Рис. 5, *3*), поддевавшийся под шлем. Боевое наголовье этого типа, давно известное в Европе, в результате крестовых походов и образованием крестоносных государств в восточном Средиземноморье, Малой Азии и Балканах, в XIII в. распространяется на территории империи Чингизидов. Датировке XIII в. не мешает и специфическая и редкая форма колец – плоских (что встречалось еще в хазарское время) с выпуклыми бортиками по краям, неизвестными до этого времени. В целом можно положить, что шлем – это изделие мусульманских (иранских, восточноанатолийских или джазирских) мастеров, сделанное по высокому монгольскому заказу. Воин, похороненный в Таганчинском кургане, мог быть награжден им монгольским руководством или захватил его в качестве трофея.

Вместе с погребенным в Чингульском кургане лежали парадные кафтаны из драгоценного византийского шелка. Два из них, лучше сохранившиеся, отделаны с беспрецедентной роскошью. Первый (Рис. 8), из кармазина (малинового шелка), расшит золотными нитями в византийском стиле: вышивка на груди изображала Спаса Нерукотворного («Плат Вероники»), фланкированного фигурами архангелов, так что кафтан кажется, по меткому образному определению реставратора кафтанов А. К. Ёлкиной, православным знаменем или хоругвью. Через плечи, поперек предплечий и талии, а также на манжетах вышиты пальметты, соединенные и на побегах. Вышивка золотной нитью дополнена вышивкой жемчугом и расшивкой мелкими круглыми выпуклыми бляшками из серебра. Покрой кафтана – распашной, с прямым вертикальным разрезом слева от оси, с запахом слева направо, с круглым воротом, суживающимися книзу рукавами до запястий; ниже талии кафтан отрезной, с пришитым подолом длиной до колен, очень широким. Полотнище подола у верхнего края собрано в частую сборку и подшито к верху: линия стыка перекрыта несколькими параллельно пришитыми золотными лентами или тесьмами. По правому борту и подолу – оторочен мехом колонка. Ворот обшит серебряными прямоугольными пластинками с вставками цветных камней, так что получилась полустойка.

Второй кафтан (Рис. 9) имел аналогичный покрой и отделку ворота (только вдоль правого борта от горла до пояса располагалась кайма из прямоугольных серебряных золоченых пластинок с вставками из цветных камней), но был сшит из алого шелка. Декор его составляли вставки из шелка, расположенные вертикально вдоль оси груди, вдоль предплечий и на манжетах. Вставки представляют собой полотнище синего шелка, по которому вытканы и вышиты золотными нитями разной фактуры лики ангелов. Они разделены плетеной сеткой, вышитой золотной канителью и жемчугом. Линию стыка верха и подола прикрывала нешироkая золотная лента. Широкая златотканая лента окаймляла подол снизу. Правый, верхний борт кафтана и подол кафтана были оторочены мехом соболя. Для нас в этом кафтане особенно интересна форма вставок на предплечьях. Она приближается к трапециевидной, хотя правильную трапецию мастер, работавший над кафтаном, сделать не решился: тогда пришлось бы резать драгоценные лики ангелов, портить ткань. Мастер просто отрезал в верхнем ряду лишние лики, чтобы вставка зрительно выглядела сверху уже, чем внизу. Все эти ухищрения преследовали одну цель – сделать эти вставки аналогичными «национальному» монгольскому элементу декора парадного платья – трапециевидным вставкам на предплечьях. И тем самым показать свою сопричастность к монгольской элите.

Зато первый из кафтанов (Рис. 8) по своему декору символизировал, напротив, причастность к православной светской элите. Это еще более подчеркивала, найденная в погребении, свернутая в рулон длиной – около 2,5 м и узкая – 12 см, полоса, сшитая из двух полос ткани: с изнанки – узорного византийского шелка, с лица - златотканой парчи с вытканными одноглавыми орлами в двойной шестиугольной раме и «ревами жизни», показанными и самостоятельно, и с фланкирующими птицами (павлинами). Полагаю, что перед нами исключительно редкая, а для степи и вовсе уникальная находка: эта полоса роскошной ткани – не что иное, как лор, часть парадного одеяния высших слоев элиты Византии и православных государств Балкан, а также Грузии.

Право носить лор имели императоры и цари, а также высшие чины придворной знати – лоратные патрикии. Таким образом, погребенный в Чингульском кургане в какой-то момент своей биографии занимал высокое место при православном дворе, а затем при монгольском владыке. Покрой кафтана со Спасом Нерукотворным и архангелами, с которым носился лор, был присущ костюмам знати в Западной Европе, на Руси и Кавказе, в Болгарии и среди европейских половцев (Горелик, 2010а. С. 64, 66). И лишь в Византии платье такого покроя носили «отверженные» – актеры. Только к XV в., под влиянием половцев и отчасти монголов, освоивших этот покрой и использовавших его для шитья парадного мужского платья, греческая знать восприняла его для своего парадного и воинского костюма. Так что лоратным патрикием Чингульский покойник мог быть, скорее всего, в Болгарии. Хотя не стоит исключать и Византию: важному и полезному варвару можно было позволить носить кафтан с варварским, шутовским покроем, лишь бы декор был надлежащим. Более того, эти половецкие ханы-союзники своей ценностью для православного дела постепенно «реабилитировали» в глазах византийцев и покрой своих кафтанов.

В Чингульском кургане сохранилось окаймление парадного головного убора из уже знакомых нам по кафтанам прямоугольных серебряных пластин с вставками из цветных камней. Сам головной убор с такой каймой мог представлять собой, судя по половецким, византийским, венгерским и итальянским изображениям половцев, невысокую округлую шапочку с круглым или приостренным верхом (Рис. 8), либо кучму – островерхий колпак без полей из смушки или каракуля (Рис. 9).

Для культуры половцев характерен один признак, резко отличающий их от предшествовавших и современных им кочевников Евразии: у них не было поясов с металлическим набором, которые обозначали социальный статут мужа. У таганчинского усопшего пояса с набором нет вообще, тогда как в Чингульском кургане найдено три пояса с металлическим набором – все западноевропейского происхождения. Это узкие ленты, сотканные на дощечках из толстых разноцветных нитей шелка (Рис. 10, *6-7*). Тканье таких поясов было узорным, а прочность такой опояски намного превосходит кожаный ремень. Понятно, что подобный шелковый пояс стоил очень дорого, и потому его носила европейская знать XII–XIV вв., затем он был заимствован половецкой знатью, а далее - попал к знати Золотой Орды. Наборы двух поясов отлиты из серебра и великолепно отделаны в роскошном романском стиле (Рис. 10, *1-2, 9*). На одном из них – бляшки с гравировкой и чернью, возможно, русской работы (Рис. 10, *3*), как и роскошные ножи с костяными рукоятками и серебряными с чернью обоймами и навершиями. Эти детали могут свидетельствовать о том, что человек, похороненный в Чингульском кургане, находился при богатом русском княжеском дворе. Серебряный набор третьего пояса был изготовлен в готическом стиле (Рис. 10, *6-8*). Он весьма скромен – его украшают только маленькие рельефные розетки на пластине пряжки и на концевой накладке. В Западной Европе они известны с рубежа XII–XIII вв., на Ближнем Востоке среди памятников крестоносцев – с 30-х гг. XIII в., на Балканах и в Венгрии – с середины XIII в., причем в последнем регионе эти пояса найдены в курганных погребениях половецкой военной знати, находившихся на венгерской службе (Рис. 31).

Усопший из кургана в Таганче, при отсутствии пояса с металлическим набором, был снабжен великолепным аграфом (Рис. 11, *3*) для застегивания плаща, а поскольку никаких свидетельств о ношении плащей половцами не имеется, надо полагать, что аграф в данном случае застегивал верхнюю одежду, наброшенную на плечи. Он имеет вид прямоугольника из золоченого серебра на деревянной основе, с тремя пуговицами на каждой из коротких сторон. С обеих сторон – покрыт прекрасной чеканкой растительного орнамента, разным на каждой из них. Судя по декору, аграф изготовлен в Византии в XII–XIII вв. Из нашейных украшений на таганчинском покойнике имелись два медных медальона (Рис. 11, *1-2*), на одном из которых было чеканное изображение Христа. Декор второго медальона неясен, в том числе из-за утрат. Возможно медальоны являются остатками медальонных барм – специфически древнерусского украшения высшей знати. Правда, техника, в которой они декорированы – высокая чеканка, характерна не для Руси, а для Византии, Западной и Центральной Европы. Все это указывает на то, что усопший из Таганчи мог быть крещен, носил по русскому княжеско-боярскому обычаю бармы, которые, тем не менее, были не серебряными или золотыми, известными нам из находок на Руси, а медными, причем сборными, т.е. главный медальон с изображением Христа был

приобретен в Европе, а второй – изготовлен половецким мастером.

Наконец, оба усопших были обладателями церковных сосудов, изготовленных из серебра с позолотой, резьбой и чеканкой в XI–XII вв. в Лотарингии (Рис. 12). Несомненно, они были захвачены последними владельцами или их подданными в католических храмах.

Показательно, что в обоих погребениях не было найдено наконечников копий. Этим подчеркивалось, что погребенные не бились во втором «суиме», т.е. на бросались в копейную атаку, а командовали воинами, находясь на высотке в отдалении – т.е. были полководцами.

Итак, перед нами погребения половцев самого высокого ранга, обладавших комплектами ценнейших предметов половецкой, византийской и русской православной, европейской католической и монгольской (либо подражающих монгольской) художественных культур. Оба несомненно сотрудничали с византийцами и (или) болгарами, о чем говорят византийские награды и католические трофеи. Наконец, оба были близки и к древнерусской властной элите.

Раскопавшие и исследовавшие Чингульский курган В.В. Отрощенко и Ю.Я. Рассамакин, очень убедительно предположили, что здесь похоронен один из двух последних известных по летописям половецких ханов – Тигак. Он служил со своим войском византийцам (и, вероятно, болгарам), и, соответственно, сражался с латинянами на Балканах. Позже он служил славнейшему и богатейшему из русских князей – Даниилу Галицкому, но после 1258 г. по требованию монгольского правительства Улуса Джучи был депортирован в нижнеднепровскую степь непосредственно под контроль монголов, где и погиб при неизвестных обстоятельствах от раны в голову.

Второй из известных половецких ханов с подобной же биографией, исчезнувший со страниц истории после 1280 г. – Ульдамур. Имя это не тюркское и в восточных текстах вообще неизвестное. Но в «Собрании летописей» («Джами ат-таварих») Рашида ад-Дина словами Улайтимур и Уладмур передано название русских городов – Владимир. Так что не исключено, что хан Ульдамур был христианином и крещен именно на Руси, так как Владимир был чтим как святой только на Руси. В то же время такие ханы-христиане (дети ханов-героев «Слова о полку Игореве») как Юрий Кончакович, Даниил Кобякович и Роман Кзич (христианское имя крестившегося хана Бастыя не упомянуто в летописном сообщении о его крещении) с большой долей вероятности могли быть крещены греками в Крыму, где позиции половцев были исключительно сильны. Показательно, что на церковном сосуде из Таганчи нанесена литера В (Рис. 12, *1*). Если считать ее кириллической русской «веди», то она может оказаться знаком собственности – первой буквой имени владельца. И этим именем, наряду с иными, может быть имя Владимир. Поэтому не исключено, что в Таганчинском кургане лежал хан Ульдамур, крещенный, но похороненный по языческому обряду своими языческими родичами и нукерами.

Теперь рассмотрим погребения половецких воинов более низкого ранга.

Первым следует назвать богатый комплекс, раскопанный в погребении 3 кургана 1 у хутора Ажинов, в 70 км от Ростова-на-Дону (Мошкова, Максименко, 1974; Горелик, 2009а). Погребенный был защищен (Рис. 13) стандартной кольчугой, шлемом с кольчужной бармицей, форма тульи которого трудно установима из-за плохой сохранности. Из наступательного вооружения были найдены два плохо сохранившихся наконечника, типично половецкий лук (Рис. 14, *14*) и костяная, по-половецки примитивно украшенная полоса-накладка на колчан (Рис. 14, *15*), односторонний самшитовый гребень с горбатой спинкой восточноазиатской формы (Рис. 14, *4*), монгольский мусат с рукоятью, в ножнах (Рис. 14, *13*), золотоордынский оселок (Рис. 14, *2*), половецкая рапрямленная гривна из серебра (Рис. 14, *1*) и котел (Рис. 14, *18*). Самым роскошным оружием был богато украшенный серебром монгольский палаш (или сабля?) (Рис. 15, *1*). Достаточно обильные остатки одежды позволили реконструировать костюм погребенного (Рис. 16) (Ёлкина, 2009. Таб. 1). Он состоял из парадного кафтана, точно такого же покроя, что и в Чингуле и Таганче, только более скромного. Мы видим тот же покрой с отрезным присборенным подолом, только запахнутый слева направо – может быть, уже по монгольскому обычаю (хотя разница в направлении запаха, как теперь выясняется, была достаточно относительной), и застегнутый на пуговицу на правой ляжке. Но, благодаря огромной ширине присборенного подола, в кафтане можно было сидеть верхом, не расстегивая его. Поверх тонких коротких штанов на ноги были натянуты высокие, чуть ли не до паха, чулки из тонкой кожи. От сапог осталась только правая подошва. Кафтан был сшит из прекрасного узорного шелка, произведенного где-то в Восточном Средиземноморье или

Сицилии в арабских традициях XII–XIII вв. Манжеты и подол окаймлены широкими (на подоле более широкой) златотканными лентами с изображениями древа жизни.

В Прикубанье, в погребении 2 кургана 1 Дмитриевского могильника 1-82 был раскопан уникальный воинский комплекс (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 185-187. Рис. 3-4; Горелик, 2008. С. 140-143. Рис. 5, *А-Б*). О том, что здесь лежал именно знатный половец, говорит не только наличие в погребении распрямленной серебряной гривны – жезла (Рис. 17, *10*), но и, пожалуй, в большей степени – «боевого бюстгальтера» в виде крупных выпуклых дисков из золоченой бронзы (Рис. 17, 12-13) – двух на груди кольчуги, одного – между лопаток, соединявшихся и висевших на плечах при помощи не сохранившихся кожаных ремней. Именно эта деталь была, судя по большинству половецких каменных изваяний, этническим и социальным индикатором половецкого мужа-воина, тогда как гривну носили и все знатные половчанки. И вообще гривна, в отличие от «боевого бюстгальтера», была распространена у многих народов, особенно Восточной Европы. Вместе с тем, воин имел и вещи, характерные и для собственно монголов, и для Золотой Орды в целом.

Классически монгольским можно считать цилиндроконический шлем (Рис. 17, *2*) без кольчужной бармицы, с колечком наверху, в котором даже сохранилась, целиком покрывшись окислами железа, половина ленты, привязанной к кольцу. Центральноазиатской по происхождению является такая часть доспеха, как створчатые наручи (Рис. 17, *3*). А уникальные железные поножи (Рис. 17, *7*), состоящие из кованых наголенников, соединенных несколькими рядами кольчужного плетения с полукруглыми прикрытиями верха колена, можно датировать из-за их кольчато-пластинчатой структуры началом XIV в. При том, что все самые ранние образцы этого типа брони обнаружены на территории Золотой Орды в памятниках XIV в. в Южном Приуралье и Прикубанье (Горелик 2002. С. 24, 78, нижн. Рис. 2; 2004а; 2004б. С. 294; 2005. С. 172-173. Рис. 15).

Очень характерен железный умбон щита (Рис. 18, *31*) – диск с остатками крестовины из железных полос на внешней его стороне. Обработка краев умбона мелкими зарубками, нанесенными зубилом, является индикатором золотоордынского ремесла. Тип умбона с наложенной крестовиной (умбон крепился к поверхности щита из органического материала - концентрично сплетенных методом «чий» прутьев – по монгольской традиции, или досок – по традициям остальных народов – при помощи заклепки, проходившей через скрещение железных полос, центр диска и основу щита, а также при помощи железных штырей, проходивших сквозь расплющенные концы перекрестий и основу щита; снаружи штыри расклепывались, а с изнанки сгибались в кольца, к которым крепилась рукоять щита из ремешков или шнуров) характерен для кубанского золотоордынского комплекса конца XIII–XIV в., откуда он распространился чуть ли не по всей империи Чингизидов. Данный тип умбона был заимствован из западноевропейской паноплии – прямо здесь же, в северо-восточном Причерноморье–Приазовье у итальянских колонистов во второй половине XIII в. (Горелик, 2004а. С. 193-194; 2004б. С. 294). Комплекс наступательного вооружения составляли сабля (Рис. 17, *9*), от которой дошла только полоса клинка с навершием, кавалерийская пика (Рис. 17, *8*) с длинным тонким четырехгранным пером, и, разумеется, саадак (Рис. 19). Достаточно высокий ранг покойного в племенной иерархии подчеркивал и котел, найденный в этом погребении (Рис. 17, *11*).

К той же самой категории можно отнести воина из погребения 1 кургана 2 из курганной группы у с. Лосево Кавказского района Краснодарского края (рис. 20) (Чхаидзе, Дружинина, 2010). Воин был защищен кольчугой и монгольским шлемом, близким чингульскому – с защитой лица в виде скульптурного наносника и таких же «бровей». Отличия темижбекского шлема составляли: отсутствие позолоты, медная обкладка «бровей» и навершие в виде высокого тонкого шпиля с колечком для привязывания ленты. Рядом с черепом воина лежал половецкий богатырский «боевой бюстгальтер», от которого осталась только пара серебряных накладок (на кожаную основу?), колчан с приемником половецкой формы, но по-монгольски закрытым, имел украшение в виде серебряного диска, схожего с украшением налуча из Чингула. Подобное украшение мы встречаем в кочевнических погребениях Прикубанья XIV в. Сабля по своим параметрам также соответствует длинным клинкам золотоордынских сабель. Серебряная распрямленная гривна-скипетр и котел характеризуют социальный статус погребенного.

К описанным погребениям тесно примыкает комплекс погребения 1 из кургана 2 группы Южный (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 188-190. Рис. 7-8; Горелик, 2008. С.

143. Рис. 6, *А-Б*). От вышеописанных комплекс его вооружения отличается европейским налетом (Рис. 21). К нему относятся кольчужный капюшон, заменяющий шлем (если только здесь не лежал хауберк – комбинезон из кольчужной рубашки с капюшоном – основной доспех западноевропейских воинов в XI–XIV вв.), и шпоры, явно европейские и совершенно не характерные для степняков Евразии. Серебряная распрямленная гривна и котел (Рис. 22, *15, 21*) позволяют предполагать социальную принадлежность погребенного здесь половца примерно к той же страте, что и двоих предыдущих, может к нижнему уровню данной страты – имея в виду отсутствие у него «боевого бюстгальтера».

Рассмотрев вышеописанные погребения, необходимо подчеркнуть полное отсутствие в них особо ценных вещей, за исключением гривны-жезла, из драгоценных металлов. Их парадная одежда хотя и шилась из дорогих златотканых, шелковых тканей, но количество и ценность этих одежд не шли в сравнение с гардеробом хана из Чингульского кургана. Их социальный статус можно предположительно определить как главу крупного клана, выставлявшего не менее сотни и до тысячи бойцов.

К другому социальному слою следует отнести воина, найденного в погребении 5 кургана 1 («Приверха могила») у с. Таборовка на Нижнем Днестре (Рис. 23) (Горелик, Дорофеев, 1990). В погребении отсутствовал котел – при наличии серебряной распрямленной гривны-жезла (Рис. 24, *3*). Зато его комплект вооружения ничуть не уступал ханскому. Шлем воина (Рис. 24, *1*) с толстой позолотой практически аналогичен шлему из Чингула. Интересно, что наряду с набором таких чисто монгольских признаков, как форма тульи, тип навершия и скульптурный наносник с надбровьями, на таборовском шлеме мы наблюдаем и чисто монгольскую структуру – коронообразный венец и четырехчастную тулью, имитированную путем гравировки; подлинная же структура шлема совсем иная. Уникальной находкой в этом погребении был большой круглый щит, сделанный из тонких досок. К сожалению, датировке он не способствует, так как точно такой же щит, датируемый VIII–IX вв. был раскопан в древнетюркском погребении могильника Аймырлыг–III в Туве. Сабля (Рис. 25, *1*) с перекрестием, с расплющенными и приопущенными вниз концами, характерными для золотоордынской эпохи, и мощный наконечник копья с граненой втулкой (Рис. 25, *19*), а также железные детали колчана (Рис. 25, *7*) надежно датируют комплекс золотоордынским временем, не ранее рубежа XIII–XIV вв. К этому же времени стоит отнести европейского типа жесткие удила (Рис. 25, *2*).

Если таборовский половец был самым богатым «на железо», но бедным «на серебро», то воин, погребенный у г. Юрьева Польского, близ резиденции великих князей Владимирских, был, напротив, весьма состоятелен. Это богатое погребение было раскопано еще в начале XIX в. и лишь предварительно, чисто описательно, хотя и подробно, опубликовано А. А. Спицыным (1905). О богатстве погребенного здесь воина говорят золотое колечко серьги (как у хана из Чингула) в правом ухе и браслет из золотого прутка, сечением около 5 мм (Рис. 26, *9*). Положение в обществе захороненного в нем воина характеризует роскошный «боевой бюстгальтер» (Рис. 26, *1, 18*). Он был положен успошему на ноги так, что до последнего времени считался деталью обуви (выпуклые диски – наколенниками, мелкие бляшки – расшивкой сапог). Ныне же, после недавних находок «боевых бюстгальтеров», в том числе in situ, ясно, чем на самом деле является находка из Юрьева Польского. Пара массивных серебряных, чуть выпуклых дисков диаметром 10 см, с горизонтальными рантами шириной около 1 см, была укреплена на ремнях, сплошь убранных 50 мелкими бляшками, составляли самый богатый из найденных «боевых бюстгальтеров». Бляшками же был украшен и саадак. Из наступательного оружия присутствовали только лук со стрелами и длинная сабля. Зато ножны сабли были по всей длине украшены серебром, но не сплошной обтяжкой, а 17-ю поперечными обоймами. Оборонительное вооружение ограничивалось кольчугой с рукавами до локтей и подолом почти до колен. Шлема нет, но, похоже, он мог быть, как и отсутствующее в погребении копье, утерян в бою (см. ниже). К сожалению, остатки короткого, до колен кафтана (такая его длина свидетельствует, что кафтан был половецкого типа) не были сохранены раскопщиками, и мы не можем судить о ценности ткани. Зато о нарядности и богатстве костюма свидетельствует уникальный для половцев пояс – с бронзовыми золочеными бляшками, не монгольского или европейского производства. Очень богато убранство коня, части которого (чучело?) были похоронены с воином. Оно состояло из седла, чьи луки были окаймлены серебряными кантами шириной около 15 мм, с вычеканенным побегом

с листьями – в византийском стиле, а концы полок – кантами шириной 10 мм, украшенными линиями выпуклых точек. Тебеньки седла были отделаны тканью, расшитой серебряными чешуйками. Узда состояла из ремней, соединенных сложносоставными тройниками, кольцами и обшитых бляшками. Столь же богата была и сбруя. Материал наременных металлических украшений – золоченая бронза и медь, серебро. По форме металлическую наременную фурнитуру узды и сбруи можно отнести к кыргызской культуре XIII–XIV вв., а в целом формы седла и конструкция сбруи определенно указывают на монгольский тип. Особенностью данного погребения является наличие в нем остатков деревянного грифа струнного музыкального инструмента – вероятнее всего, типа кобыза (Рис. 26, *17*). Это – не единственная находка такого рода в половецких погребениях (Evdokimov, 1991. S. 281-281. Abb. 2-3). Видимо, этот воин был еще и певцом-сказителем или (и) баксы, притом хорошим, так как его богатство может быть связано с успешными выступлениями или (и) излечениями. Факт же его захоронения у Юрьева Польского можно связать с тем, что он был в составе карательного войска Неврюя, направленного в 1252 г. правителем Улуса Джучи Бату – скорее всего, по наущению великого князя Киевского Александра Ярославича (Невского) – против великого князя Владимирского Андрея Ярославича (родного брата Александра), и погиб в знаменитой битве у Юрьева Польского, когда золотоордынское войско неожиданно напало на только успевшие исполчиться дружины братьев Андрея Ярославича Владимирского и Ярослава Ярославича Тверского. Небольшие дружины под командованием воеводы Жидослава были разгромлены Неврюевой ратью, князья ускакали, воевода погиб на поле боя. Но погиб и славный половецкий батыр-жырау (Рис. 27), потеряв в бою шлем и копье. Его не повезли в родные степи – видимо, он не был столь знатен, и к тому же не был монголом.

К этому же социальному слою можно отнести двух воинов, чьи погребения были раскопаны в кургане 3 (погребение 1) могильника Маяки II на нижнем Дону (Рис. 27-28) (Парусимов, 2007. С. 314-315. Рис. 4-5) и в кургане 4 (погребение 3) могильника Старонижнестеблиевский-I в восточном Приазовье (Рис. 30) (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 83-84. Рис. 34-35). Оба воина облачены в кольчуги, у обоих серийные золотоордынские шлемы с бронзовыми завершениями и надбровными вырезами, но без наносников и кольчужных бармиц (Рис. 29, *А-4*). Оба снабжены саадаками и золотоордынскими саблями с очень длинными клинками. У маяцкого воина была типичная половецкая плеть XII–XIV вв. с роговым навершием бочонковидной формы с «клювом» (Рис. 29, *Б-2*). Разнятся у воинов и знаки отличия: серебряная полураспрямленная гривна у маяцкого (Рис. 29, *Б-6*) и «боевой бюстгальтер», состоявший из двух бронзовых посеребренных дисков – у Старонижнестеблиевского (Рис. 30).

Можно предположить, что по своему социальному положению вышеописанные воины могли быть знатными, хотя и небогатыми дружинниками, либо батырами – удачливыми и уважаемыми предводителями небольших групп опытных воинов. В мирное время они кормились при богатых ставках высокой знати, либо за счет собственных «частных» набегов, в военное время становились военачальниками ханских дружин, либо самостоятельными предводителями, вокруг которых собирались значительные воинские контингента.

Какое же место занимали знатные половцы – ханы, предводители кланов, знатные дружинники и батыры – в золотоордынской военно-политической, военно-административной системе? И каково было их значение для культуры Монгольской чингизидской империи?

Касаясь первого вопроса необходимо отметить, что, несмотря на знатность, богатство, очень высокий уровень и качество вооруженности, и в могилах половецких ханов, и в погребениях их менее знатных соплеменников, живших в Золотой Орде, пока совсем не найдено монгольских парадных поясов, столь хорошо известным по погребениям как монголов, так и заведомых «инородцев». Это можно было бы объяснить отсутствием у половцев обычая носить статусные пояса с металлическим набором, но мы уже видели европейские парадные пояса с богатым набором из серебра в Чингульском кургане. А если мы посмотрим на половецкую военную знать на венгерской службе (Рис. 31) (Горелик, 2009а. С. 68), то увидим в их погребениях роскошные ...рыцарские, европейские пояса (Palozni Horvath, 1989. Fig. 19; 20; 34; 35; Kalmar, 1971. P. 71, 123 kep.; P. 255, 1 kep). Значит, у половецкой аристократии не было какого-то особого неприятия парадных поясов, которыми их награждали владыки-иноземцы. Следовательно, монгольские сюзерены не награждали своих подданных – половецких аристокра-

тов, парадными монгольскими поясами (как и наградными пиршественными ковшами из золота и серебра с ручками в виде протомы дракона), как, например, их коллег по военной службе – черкесских аристократов. А значит, половецкая военная знать находилась на каком-то особом положении. Интересно, что мусульманские авторы, описывая военные силы Улуса Джучи, в большинстве случаев начинают перечисление инородческих соединений с черкесов, за тем следуют русские, далее, ясы, а в конце - кипчаки. Правда, непонятно, что они понимали под кипчаками – половцев или собственно кипчаков, какой этникон для них покрывал и кипчаков, и половцев. Похоже, что половцев после их бешеного и упорнейшего сопротивления монголам Чингизиды невзлюбили: оставшимся и вернувшимся с запада ханам, биям и ба тырам с их людьми разрешили кочевать и воевать за часть добычи, но никаких знаковых наград половецкие аристократы отныне не заслуживали. Политика сарайских ханов – ханов правого крыла Улуса Джучи, располагавшегося к западу от Яика, явно была направлена на полную ассимиляцию половцев монголами или, в значительно меньшей степени, кипчаками. Это видно по результату: ближе к рубежу XIV–XV вв. здесь полностью исчезает половецкая и вообще старая тюркская этническая номенклатура. От старой остается надплеменной этникон «кипчак», явно связанный с массами приведенных с востока кипчаков, но без их собственных племенных этниконов. Немногие тюркские этниконы являются явными новообразованиями. Зато полностью господствуют монгольские племенные названия – и у ногайцев, и у крымцев, и даже у липков (литовских татар – татар Речи Посполитой). А вот восточнее Яика мы находим смесь монгольских и тюркских – старых и новых племенных названий, причем они оказалась крайне стойкими и дожили до наших дней. К середине XIV в. процесс монголизации, выразившийся в смене костюма, прически, основного набора вооружения и бытового комплекса, и, главное, судя по этнической номенклатуре, этнической самоидентификации, самосознания, можно считать состоявшимся. Ведь даже литературный язык Золотой Орды – «поволжский тюрки», был ученым языком, имевшим отнюдь не половецкие, а восточные – ферганские, уйгурские истоки. Как блестяще показал В.П. Костюков, расхожая фраза из ал-Омари, насчет того, «земля взяла свое и монголы стали как кипчаки» (на чем, собственно, и базировалась вся теория о растворении монголов в кипчаках), являлась для ал-Омари, временно отставленного письмоводителя мамлюкских султанов, никогда в Улусе Джучи не бывавшего, просто констатацией ассортимента каирского рынка рабов, где юные кипчаки (половцы) как продавались до монголов, так продолжали поступать на этот рынок и при монголах (Костюков, 2006. С. 202). Сами же бывшие половцы, в том числе и проданные в мамелюки, судя по их вполне «золотоордынским» именам и «отчествам», под которыми они подвизались в Египте и Сирии (Mayer, 1999. P. 48, 49, 62-80, 83-86, 91, 94-99), считали себя уже не кайо-па, бурчоглу или тертоба, а найманами, мангытами, керейтами, джалаирами, кунгратами и т.д. Они говорили по-тюркски, но ощущали себя монголами. Недаром Иоганн Шильтбергер, баварский участник несчастной для Европы Никопольской битвы и не менее несчастной для османов битве при Анкаре, долго проживший – в начале XV в. – на территории Золотой Орды, которую он звал Красной (Червонной т.е. Золотой), писал в своих воспоминаниях, что основное население Орды зовется монголами (Шильтбергер, 1984.С. 45). Почерпнуть это баварский пленник, не читавший ни ученых трудов Плано Карпини и Рубрука, ни книги Марко Поло, мог только из окружавшей его ордынской действительности. И в этой действительности основная масса кочевников и значительная часть горожан считала и называла себя монголами, какие бы корни у них не были – половецкие, кипчакские и иные тюркские, а тем более собственно монгольские. Что же касается немногих оставшихся в Улусе Джучи половецких ханов, то они, надо полагать, к XIV в. сошли с исторической сцены. Зато беки и батыры еще помнили свое происхождение и гордились им, унося в иной мир свои гривны и «боевые бюстгальтеры». Можно даже предположить, что на рубеже XIII–XIV вв. половцы пережили всплеск этнического самосознания и нечто вроде ренессанса своей культуры, оказав серьезное влияние на различные аспекты материальной культуры как западного крыла Улуса Джучи, так и всей империи Чингизидов.

Прежде всего, это коснулось комплекса вооружения. Позаимствовав у монголов формы шлемов, клинкового оружия, стрел, копий, боевых топоров и булав, они – вместе с черкесами и русскими – приучили монголов к кольчуге, доспеху не самому надежному, но, безусловно, самому удобному. И хотя азиатские монголы остались верны ламеллярным и пластинчато-нашивным панцирям, монголы

Золотой Орды изобрели гениальный паллиатив – кольчужно-пластинчатую броню, завоевавшую почти весь мусульманский Восток и Восточную Европу. А на Кавказе образ половецкого воина с монгольскими дополнениями даже стал эталоном героизма. Именно половецким аристократом в «боевом бюстгальтере», с колчаном, близким к монгольскому типу, и совершенно «археологическому» шлему монгольского типа с золотоордынским зубчатым верхним краем околыша предстает перед нами Святой воин на фреске начала XIV в. в церкви села Гвилети в северо-восточной горной Грузии (рис. 32) (Круглов, 1937. С. 248. Рис. 4). Вероятно, это связано с тем, что, как писал ибн ал-Асир, в горы, каковыми для юга Восточной Европы мог быть, скорее всего, именно Кавказ, бежала от монгольского погрома 1222–1223 гг. часть половцев. Надо полагать, что и во время нашествия во второй половине 30-х гг. XIII в., новые массы разгромленных половцев присоединились к беглецам от войск Субэдэя и Джэбэ. А о том, что среди беглецов, осевших в горах Кавказа, было много представителей военной знати, свидетельствуют многочисленные находки дисков от «боевых бюстгальтеров», найденных в Чечне и Ингушетии в захоронениях, совершенных по местному обряду (Нарожный, 2003. С, 247. Рис. 1; 2; 3, *1-3*).

Столь же серьезную роль сыграли половцы в истории костюма. Их роскошные парадные кафтаны с отрезным сборчатым подолом послужили образцом для самого парадного монгольского кафтана, который монголы, несколько изменив запах на свой манер, сделали главным имперским чингизидским платьем (Рис. 33-35), распространив его как таковое по окружающим землям (Горелик, 2006). История этого одеяния чрезвычайно продуктивна и длительна (Горелик, 2009б; 2010а; 2010б). Недавно мне пришлось писать, что монголы заимствовали этот изначально европейско-кавказский покрой, увидав в 1258 г. непосредственно безумную роскошь и импозантность одеяний хана Тигака, которые потом были погребены с их владельцем в Чингульском кургане (Горелик, 2009а. С. 167). Теперь же я полагаю, что знакомство монголов с парадными половецкими одеяниями, причем еще более роскошными, могло иметь место раньше – в 1222–1223 гг. Тогда полководцы Чингиз-хана Субэдэй и Джебе разгромили и убили самых великих половецких ханов – Юрия (Георгия) Кончаковича и Басты (наряду с другими ханами). Эти ханы были куда более могущественными и богатыми, нежели Тигак. И, соответственно, парадный их гардероб, захваченный монголами, мог быть великолепнее одеяний Тигака, поражающих нас своей роскошью.

Что же касается Кавказа, то половецкие кафтаны появляются на памятниках изобразительного искусства аула Кубачи – каменных архитектурных рельефах и рельефах на бронзовых котлах. Любопытно, что более ранние рельефы – первой половины XIV в. - несут изображение монгольского костюма (Рис. 36), что вполне понятно - монголы были хозяевами по обе стороны Кавказа. Но половецкие кафтаны изображены на персонажах рельефов – архитектурных (Рис. 37) и котельных, которые датируются, вероятнее всего, второй половиной XIV – началом XV в. Похоже, что роль половцев и, соответственно, престижность их одежды была достаточно высокой в отдельных местностях и в определенные отрезки времени, так что даже в Кубачи, где вообще никаких, судя по отсутствию сведений, половцев не было, а сами половцы забыли о том, что они половцы, а не монголы, их кафтаны еще напоминали о чем-то славном, но уже ушедшем.

ЛИТЕРАТУРА:

Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с1394 года по 1327 год / Перевод Ф.К. Бруна, издание, редакция и примечания З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1984. 86 с.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. С.184-208.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163-208.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. (воинское искусство, вооружение, снаряжение). М.: «Техника-молодежи», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Шлемы и фалышионы: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2003. С.231-244.

Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Вып. 4. Культурные традиции Евразии. Казань: 2004а. С.182-195.

Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII - первая половина XIV в. // МИАСК. Вып. 3. Армавир: РИЦ АГПА, 2004б. С.293-300.

Горелик М.В. Монголы между Европой и Азией // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С64-66.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008а. Вып. 15. С.158-189.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир: РИЦ АГПА, 2008б. С.139-159.

Горелик М.В. Погребение знатного половца – золотоордынского латника // МИАСК. Вып. 10. Армавир; РИЦ АГПА, 2009а. С.305-306.

Горелик М.В. Мужской костюм на Северном Кавказе XIII–XIV вв. (по изобразительным источникам) // Наследие Ислама в музеях России. Изучение, атрибуция, интерпретация. Материалы научно-практической конференции 2009 г. Казань, 2010а

Горелик М.В. История одного евразийского одеяния // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010б. № 1. С.80-87.

Горелик М.В., Дорофеев В.В. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории Востока. Вып. II. Л.: ЛО ИВ РАН, 1990. С.119-132.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.: РИЦ АГПА, 2011. 266 с.

Ёлкина А.К. Текстильные находки в погребении кочевника у х. Ажинов Ростовской обл. // МИАСК. Вып. 10. Армавир: РИЦ АГПА, 2009. С.181-193.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей от древности к Новому времени. СПб: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., исправл. и доп. 432 с.

Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Наука, 2006. С.199-237.

Круглов А.П. Археологические работы на реке Терек // СА. 1937. № 3. С.245-251.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники нижнего Подонья. Т. II. М.: Наука, 1974. С.5-80.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3.Половецко-золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2003. С.245-274.

Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. Половецькш комплекс Чингульского кургану // Археологія. 1986. № 53. С.14-36.

Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С.312-324.

Спицын А.А. Кочевнический курган близ г. Юрьева Польского // ИАК. 1905. Вып. 15. С.78-83.

Табалдиев К., Жолдашов Ч. Позднесредневековые курганы Тянь-Шаня в свете новых исследований // Археология евразийских степей. Вып. 1. Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. Казань: 2007. С.213-223.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребение кочевника XIII – 1-й пол. XIV вв. у села Лосево в степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Донецк: ДонГУ, 2010. С.425-436.

Evdokimov G. «…sing ihm doch polovzische Lieder» (Nestor-Chronik) // Gold der Steppe. Archaeologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S.281-284.

Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski. 2002. T. 47. S. 287–340.

Kalmar J. Regi Magyarfegyverek. Budapest, 1971. 430 S.

Mayer L.A. Saracenic Heraldry. Oxford, 1999. P.378.

Paloczi-Horvath A. Pechenegs, Cumans, Jasians: steppe peoples inmedieval Hungaiy. Budapest : Corvina, 1989. 141 p.

THE POLOVTSIAN NOBILITY ON A MILITARY SERVICE IN THE GOLDEN HORDE

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

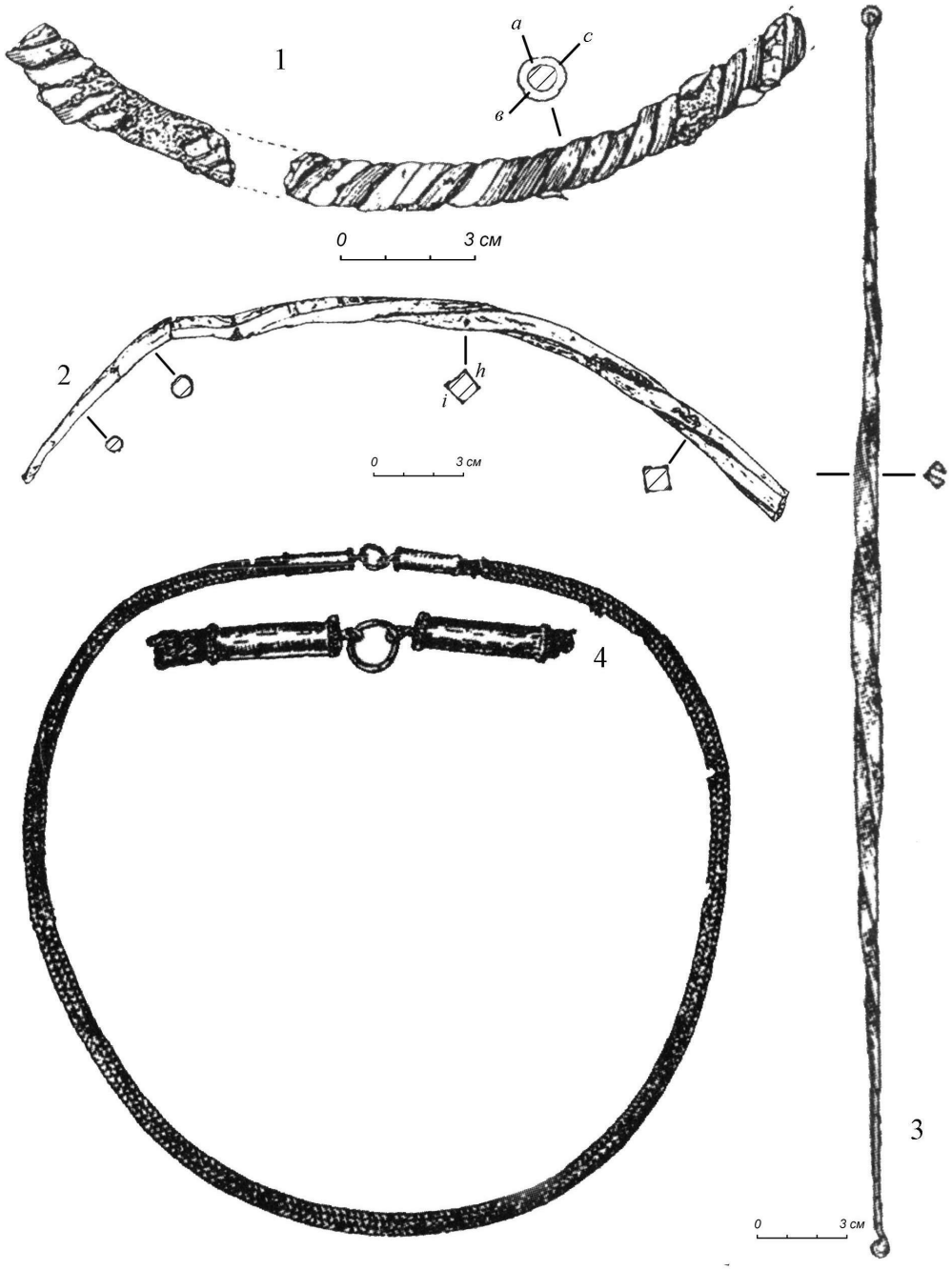

Рис. 1. Статусные швейные украшения из ханских погребений в Таганче (1-2) и Чингуле (3-4): 1 – гривна, железный прут, обвитый золотой проволкой; 2 – гривна, железный пркт, обвитый золоченым серебром; 3 – серебряный золоченый «скипетр» из распрямленной гривны; 4 – золотая цепь.

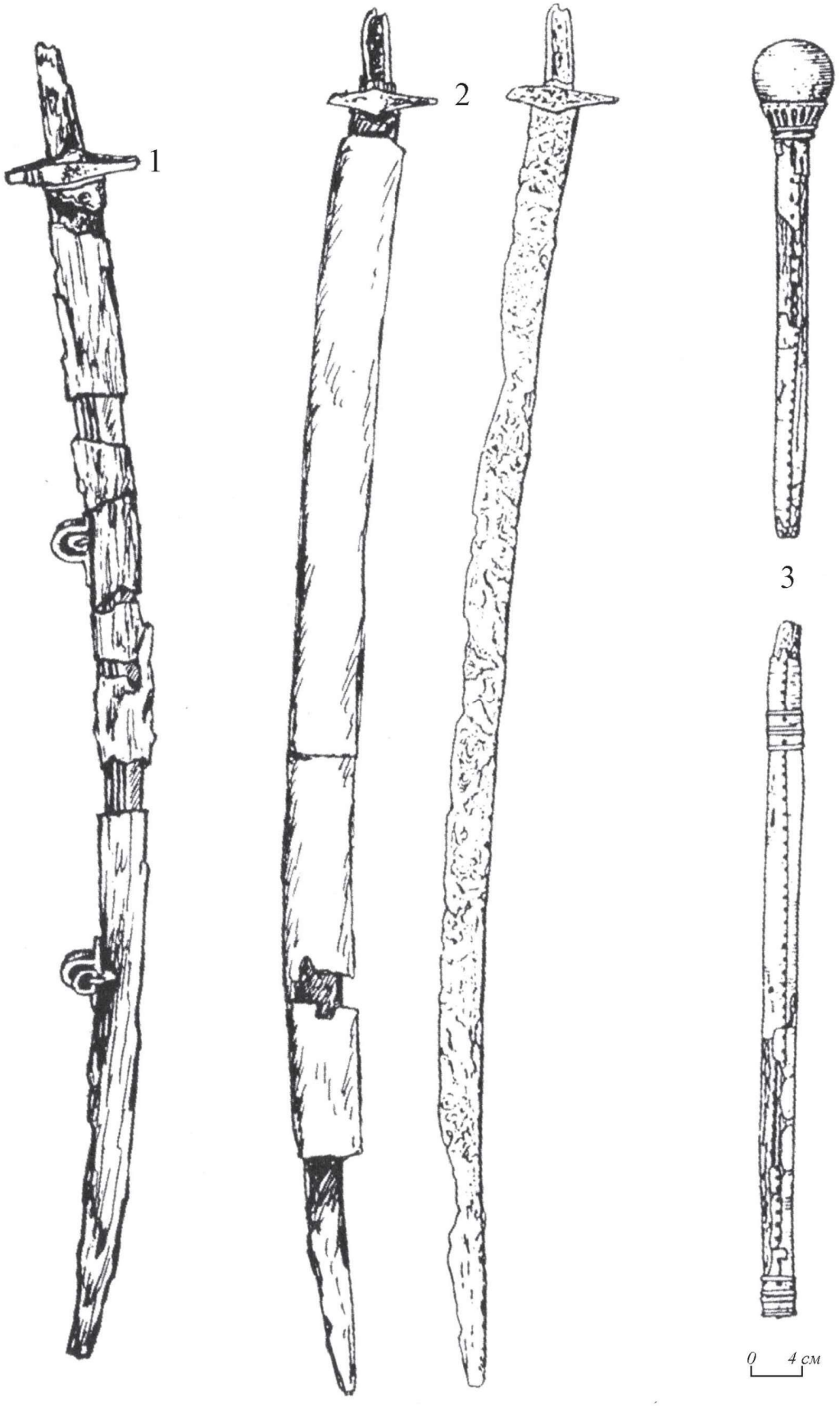

Рис. 2. Оружие из ханских погребений в Чингуле (1) и Таганче (2-3): 1 – сабля железная с серебряной фурнитурой; 2 – сабля железная в обтянутых серебром ножнах; 3 – скипетр) (балава, дерево, обтянутое серебром).

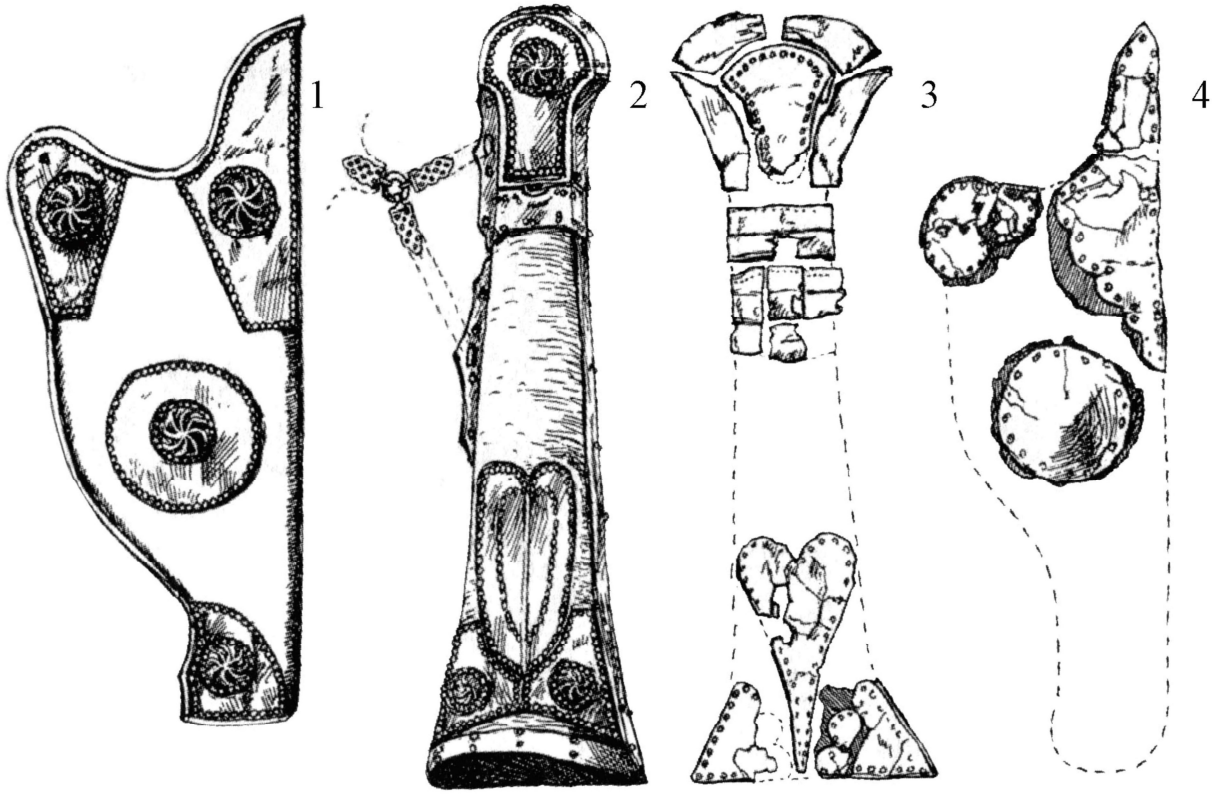

Рис. 3. Саадаки из ханских погребений в Чингуле (1-2) и Таганче (3-4): 1 – налуч, оковки из золоченого серебра; 2 – колчан,оковки и фурнитура из золоченого серебра; 3 – колчан, оковки бронзовые, обтянутые серебром; 4 – налуч, оковки бронзовые, обтянутые серебром. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика, 1999 г.

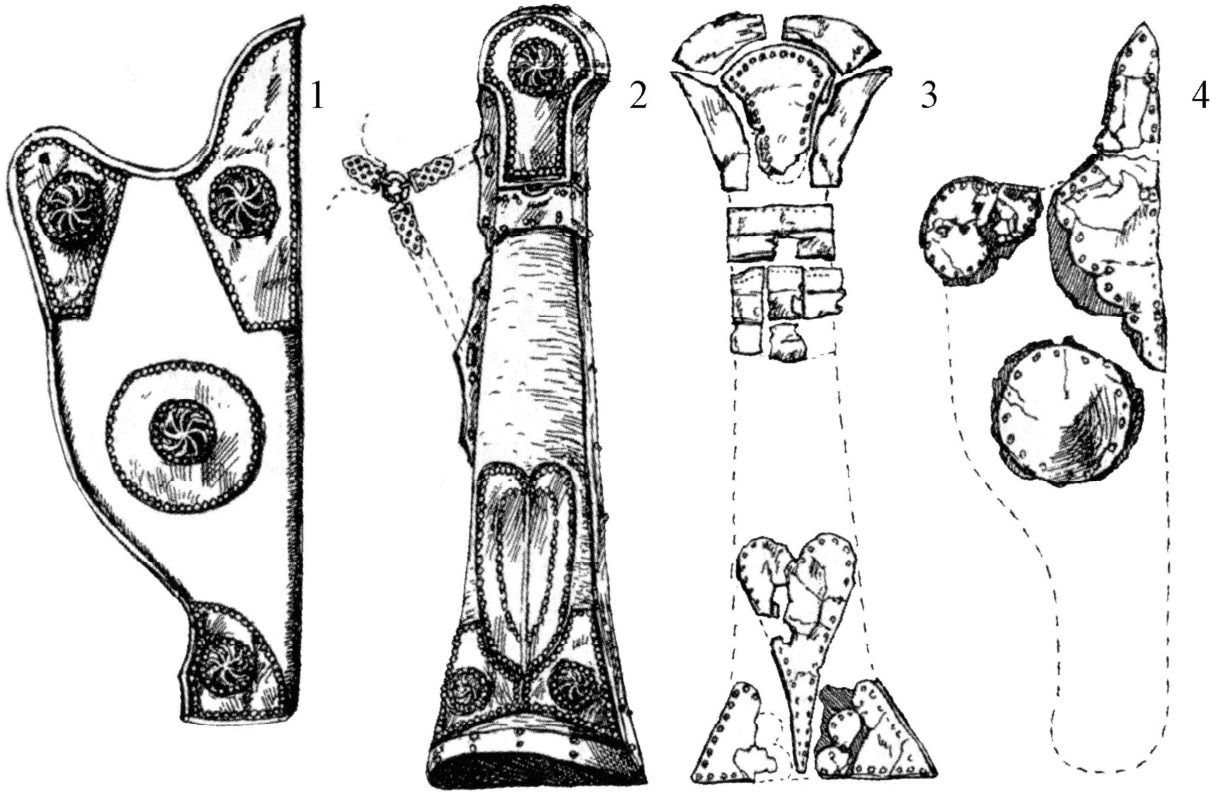

Рис. 4. Железные кольчуги из ханских погребений в Чингуле (1) и Таганче (2).

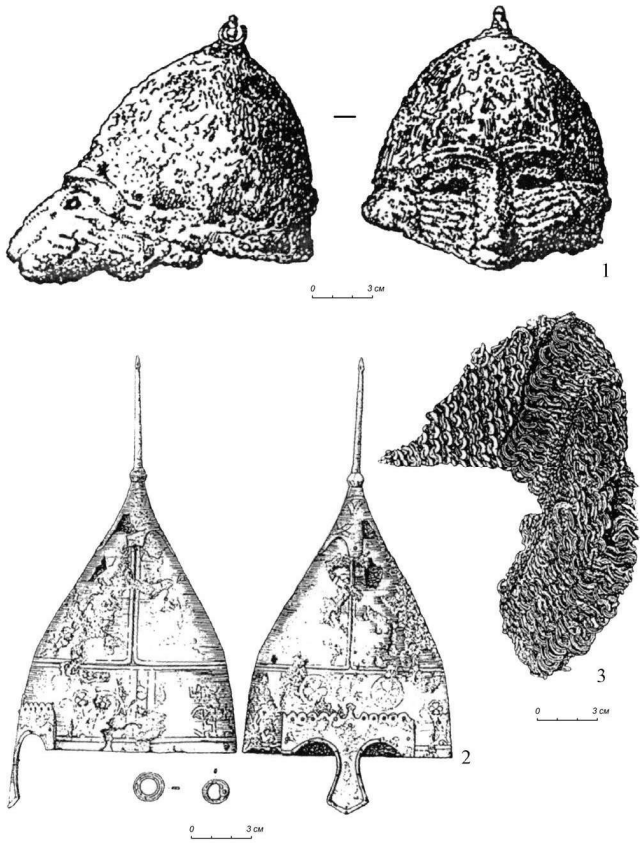

Рис.5. Шлемы и мисюрка из ханских погребений в Чингуле (1) и Таганче (2-3): 1 – железо, наголовье оютянуто золотом; 2 – железо, таушировка золотом; 3 – мисюрка из железных колец двух разновидностей.

Рис.6. Половецкий хан сер. XIII в. (Тигак?), похороненный в Чингульском кургане, верхом, в полном вооружении. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

Рис.7. Половецкий хан сер. XIII в. (Ульдамур?), похороненный в Чингульском кургане, верхом, в полном вооружении. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

Рис.8. Половецкий хан сер. XIII в. (Тигак?), похороненный в Чингульском кургане, в самом торжественном (первом) одеянии: 1 – распашном кафтане малинового шелка, с отрезным сосборенным подолом, с вышитым золотом ликом Христа, фигурами архангелов и донаторов, золотыми орнаментальными аппликациями, парчовыми обшивками, расшивкой жемчугом и серебряными золочеными бляшками, серебряными пластинками с вставками цветных камней, с оторочкой соболем; 2 – шапке с околышем, обшитым серебряными пластинками с вставками цветных камней; 3 – лоре из златотканой ленты на шелковой узорной подкладке. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

Рис.9. Половецкий хан сер. XIII в. (Тигак?), похороненный в Чингульском кургане, в самом торжественном (втором) одеянии – распашном кафтане алого шелка, с отрезным сосборенным подолом, с вставками синего шелка с вытканными золотом ангельскими ликами, златотканными обшивками, окантовками из серебряных пластинок с вставками цветных камней, с оторочкой мехом колонка; вариант шапки – остроконечная смушковая кума. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

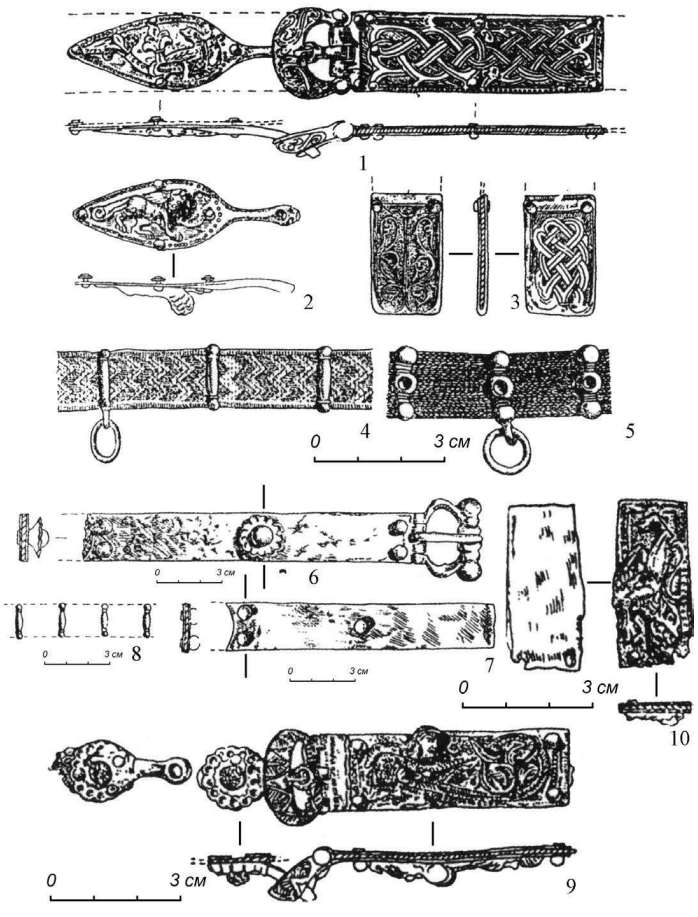

Рис. 10. Парадные европейские пояса из Чингульского кургана из шелковых лент с серебряной фурнитурой: 1- -5 – первый «романский» пояс (пластинки 1, 3 – может быть, русской работы); 6-8 – «готический» пояс; 9-10 – второй «романский» пояс.

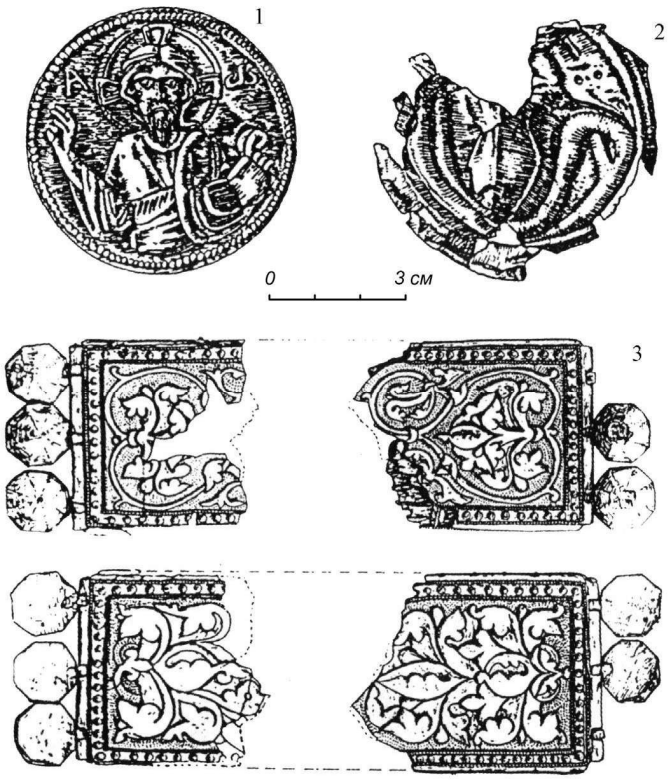

Рис. 11. Украшения из Таганчинского кургана: 1-2 – бармы (1 – золоченое серебро, византийская работа, 2 – золоченая бронза, половецкая работа); 3 – аграф двусторонний византийской работы, основа деревянная, покрытая бронзовым листом, обтянутым золоченым серебром.

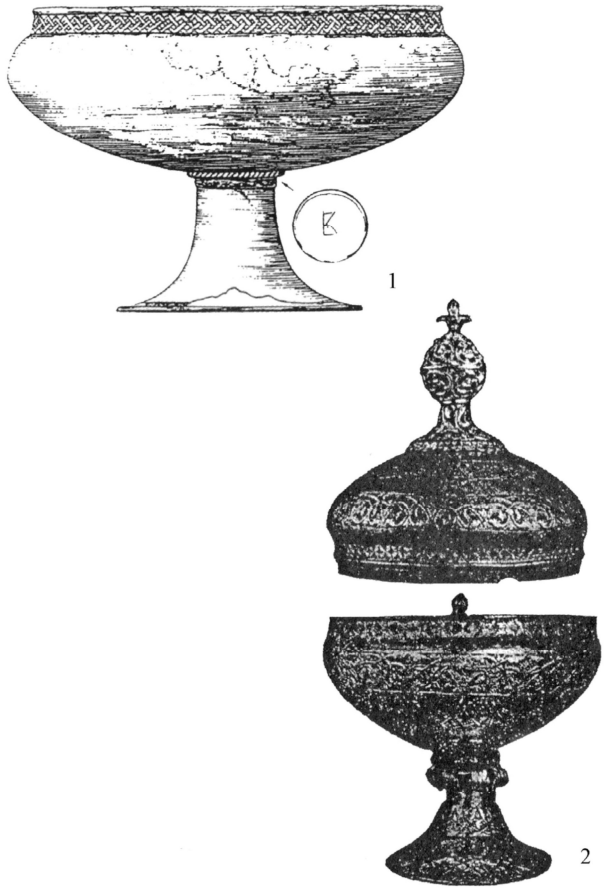

Рис.12. Серебряные, с частичной позолотой, церковные католические сосуды из Таганчи, с сигнатурой В (1) и Чингула (2). Лотарингия. Конец XII – первая треть XIII в.

Рис.13. Половецкий бек сер. XIII в из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов в полном вооружении. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2005 г.

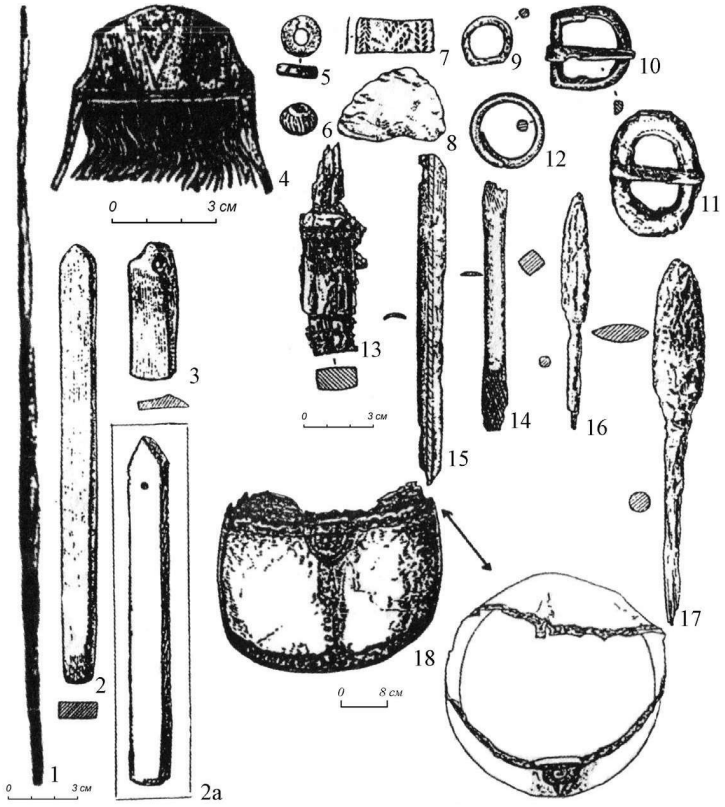

Рис. 14. Инвентарь погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов (по М.Г. Машковой и В.Е. Максименко): 1 – серебряный “жезл” – распрямленная гривна; 2 – каменный оселок-полуфабрикат; 2а – каменные ослок из кургана 1 Белореченского могильника. Прикубанье XIV в. ГИМ; 3 – каменный оселок; 4 – деревянный гребень; 5-6 – костяные пуговицы; 7-8 – золотые листки-пластинки (имитации колец на пальцах?); 9-10 – бронзовые пряжки; 11 – железная пряжка; 12 – золотая серьга; 13 – железный напильник в деревянных ножнах; 14 – центральная костяная накладка лука; 15 – костяная гравированная накладка на колчан; 16-17 – железные наконечники стрел; 18 – бронзовый (латунный) котел с железным бортиком и дужкой.

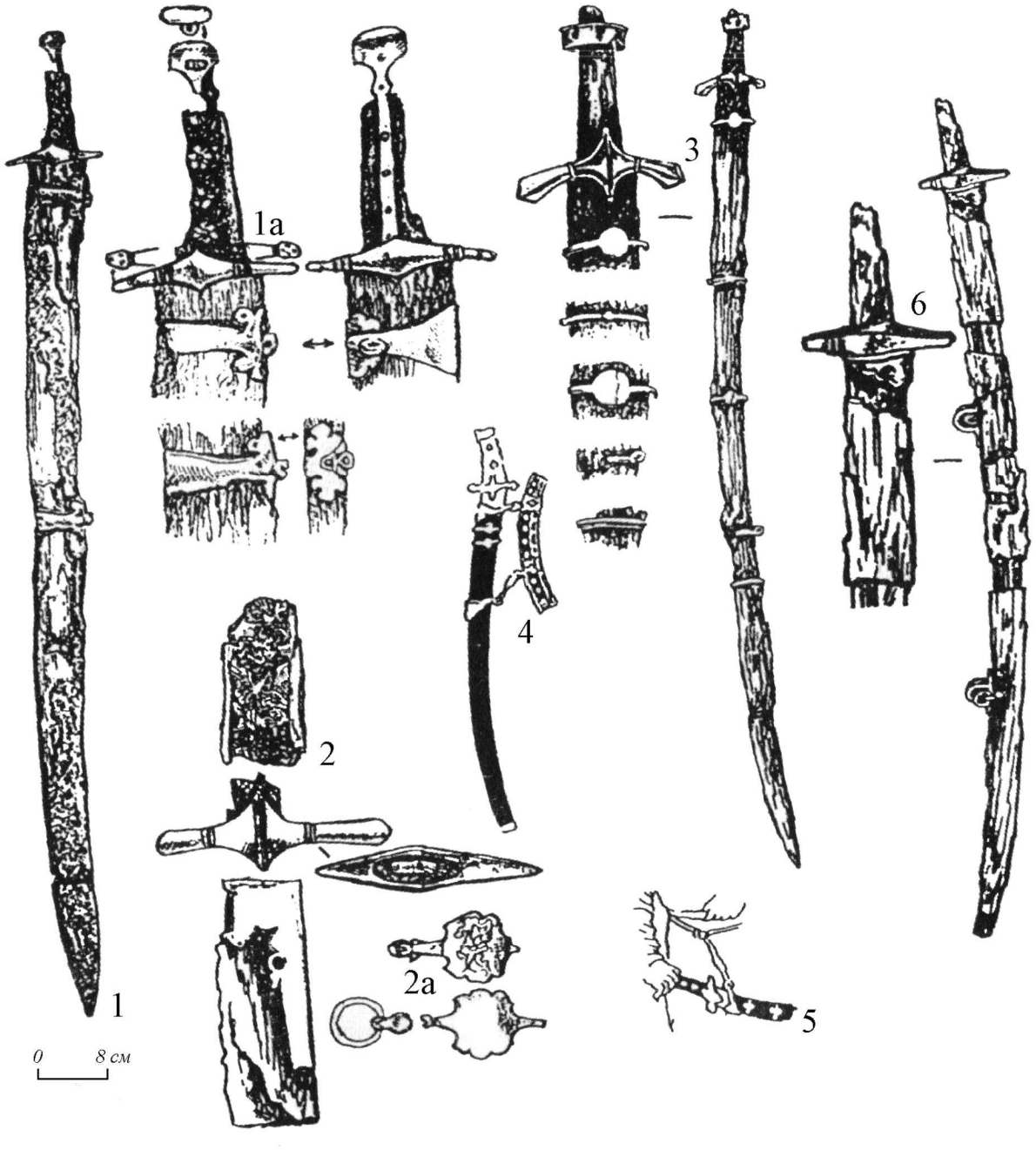

Рис. 15. Палаш (или сабля?) из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов и его аналогии: 1 – сабля (паоаш) из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов; 1а – серебряная фурнитура клинка из погребения у хутора уАжинов; 2, 2а – серебряная фурнитура и костяная резьба щечек рукояти палаша из главного погребения Новопавловского могильника. Ставрополье. Середина - вторая половина XIII в. Ставропольский объединенный краеведческий музей-заповедник; 3 – сабля в серебряной фурнитуре из кургана 1 Белореченского могильника. Прикубанье. 30-е гг. XIV в. ГИМ; 4-5 – изобрадения сабель на миниатюрах «Демоттовской» рукописи поэмы Фирдоуси «Шах-наме». Тебриз. 30-е гг. XIV в.; 6- сабля из Чингульского кургана. Середина XIII в. Археологическией музей НАН Украины (г. Киев)

Рис.16. Половецкий бек сер. XIII в. из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов в парадном одеянии. Реконструкция А.К, Ёлкиной, реконструкция общего вида и рисунок М.В. Горелика. 2006 г.

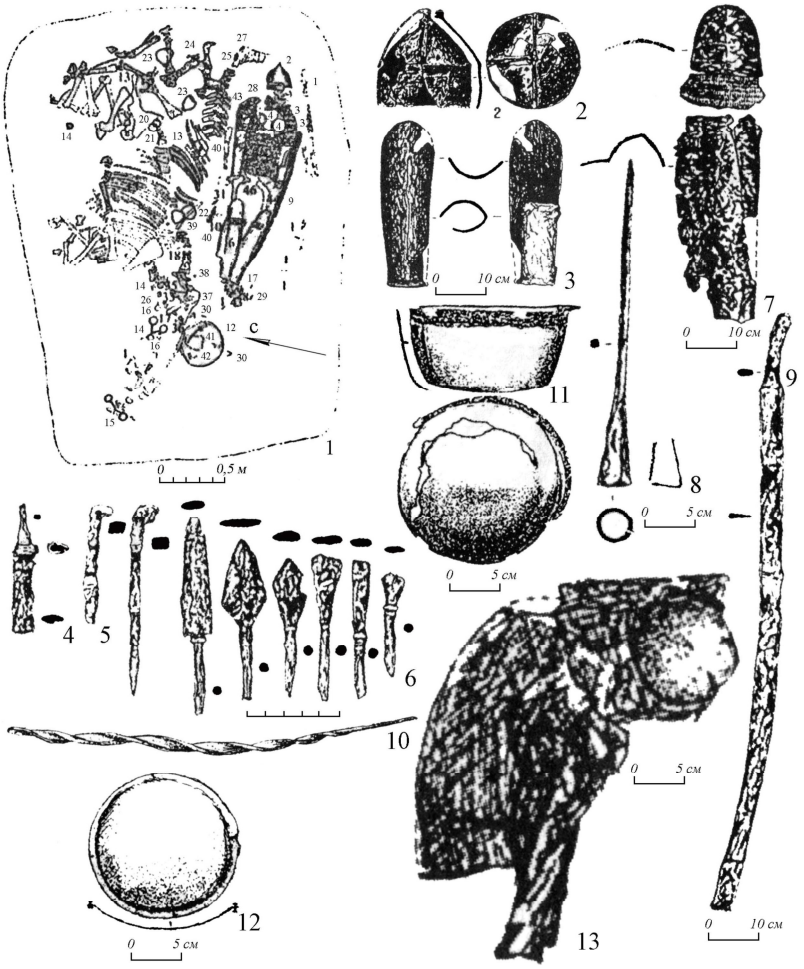

Рис. 17. Инвентарь погребения 2 кургана 1 могильника Дмитриевская-1 (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину): 1 – план погребения; 2 – шлем с кожаной лентой, покрытой окислами (лента утрачена); 3 – наруч; 4 – нож; 5 – костыли; 6 – наконечники стрел; 7 – поножь; 8 – наконечник копья; 9 – клинок сабли; 10 – гривна-«скипетр»; 11 – котел; 12 – один из дисков «боевого бюстгальтера»; 13 – наспинная часть кольчуги с прикипевшим третьим наспинным диском «боевого бюстгальтера».

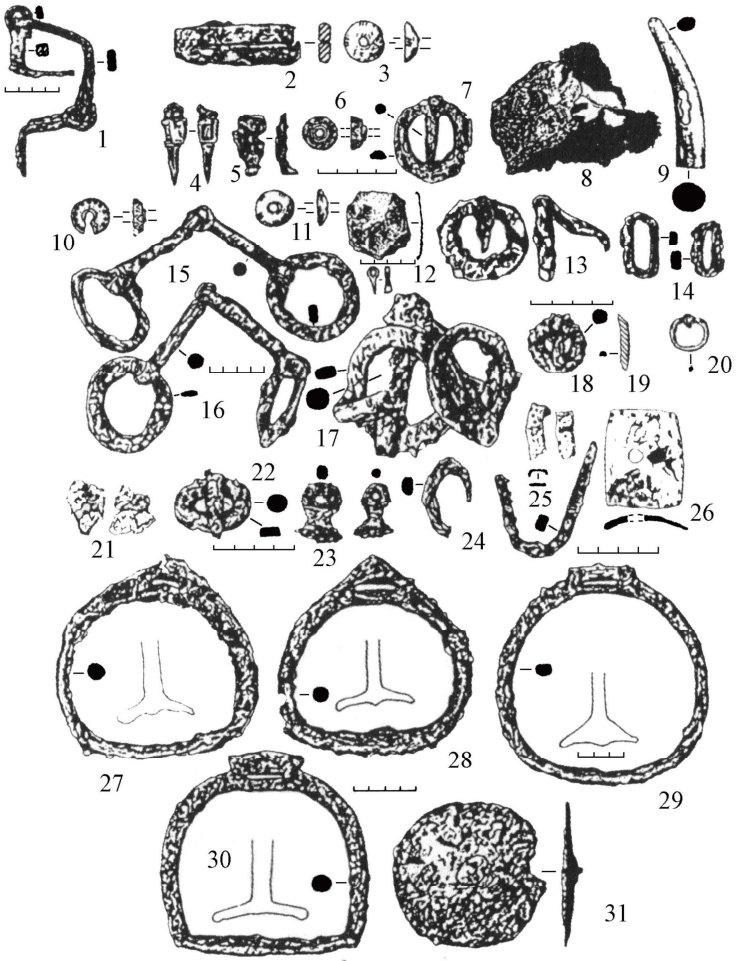

Рис. 18. Инвентарь погребения 2 кургана 1 могильника Дмитриевская-1 (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину): 1 – деталь подвески колчана; 2 – портупейная накладка; 3, 6, 10,11 – пуговицы; 4, 12, 21 – неопределенные предметы; 5 – пластинка с крюком – застежка саадачного ремня-портупеи; 7, 13, 18, 22 – пряжки; 8 – остаток ткани; 9 - рог для развязывания узлов; 14,24 – ременные пронизи; 15, 17 – удила; 23, 25 – накладки на колчан (?); 26 – костяная пластинка, деталь науза; 27 – 30 – стремена; 31- умбон щита.

Рис. 19. Половецкий бек первой трети XIV в. из погребения 2 кургана 1 могильника Дмитриевская -1. в парадном одеянии. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2004 г.

Рис. 20. Половецкий бек второй половины XIII - начала XIV в. из погребения 1кургана 2 могильника у с. Лосево. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2009 г.

Рис. 21. Половецкий бек сер. XIII из погребения 1 кургана 2 могильника Южный. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2004 г.

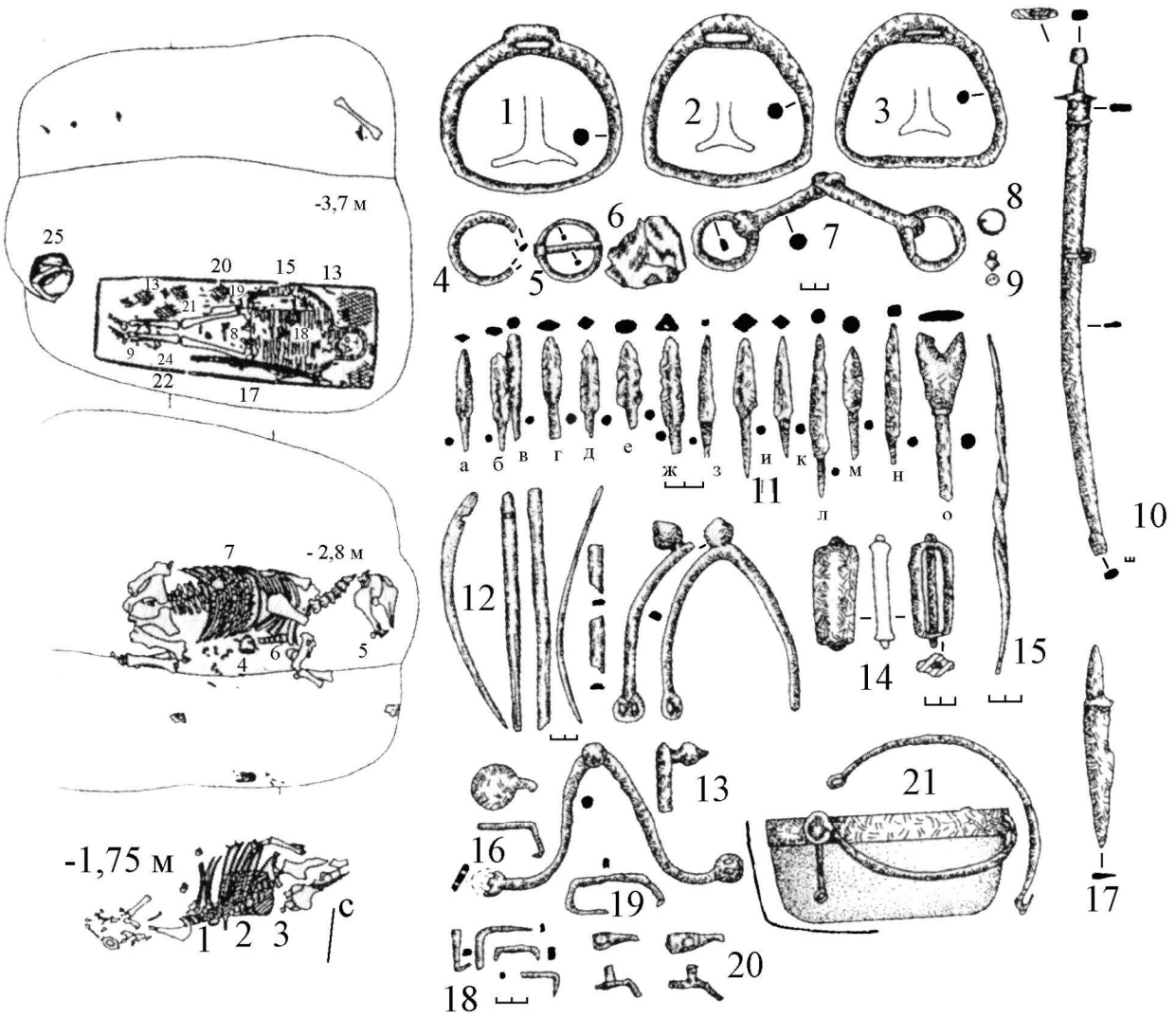

Рис.22. Инвентарь погребения 1 кургана 2 могильника Южный (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину): слева – планы погребения человека и лошадей; справа: 1 – 3 – стремена; ; 2 – портупейная накладка;; 4 – кольца; 5 – пряжка; 6 – остаток органики; 7 – удила; 8-9 – пуговицы; 10 - сабля; 11 – наконечники стрел; 12– костяные накладки на лук; 15 – гривна-«скипетр»; 16, 18 – 20 – детали колчана; 17 – нож; 21- котел.

Рис. 23. Половецкий батыр конца XIII - первой трети XIV в. из погребения 5 кургана 1 («Приверха могила») у с. Таборовка. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1993 г.

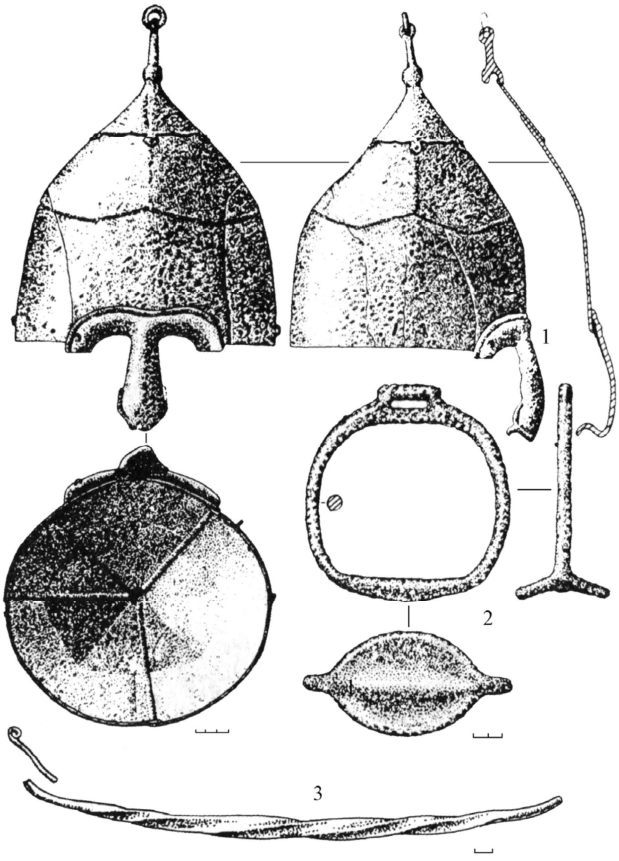

Рис.24. Инвентарь погребения 5 кургана 1 у с. Таборовка (по М.В. Горелику и В.В. Дорофееву): 1 – шлем; 2 – стремя; 3 – гривна-«скипетр».

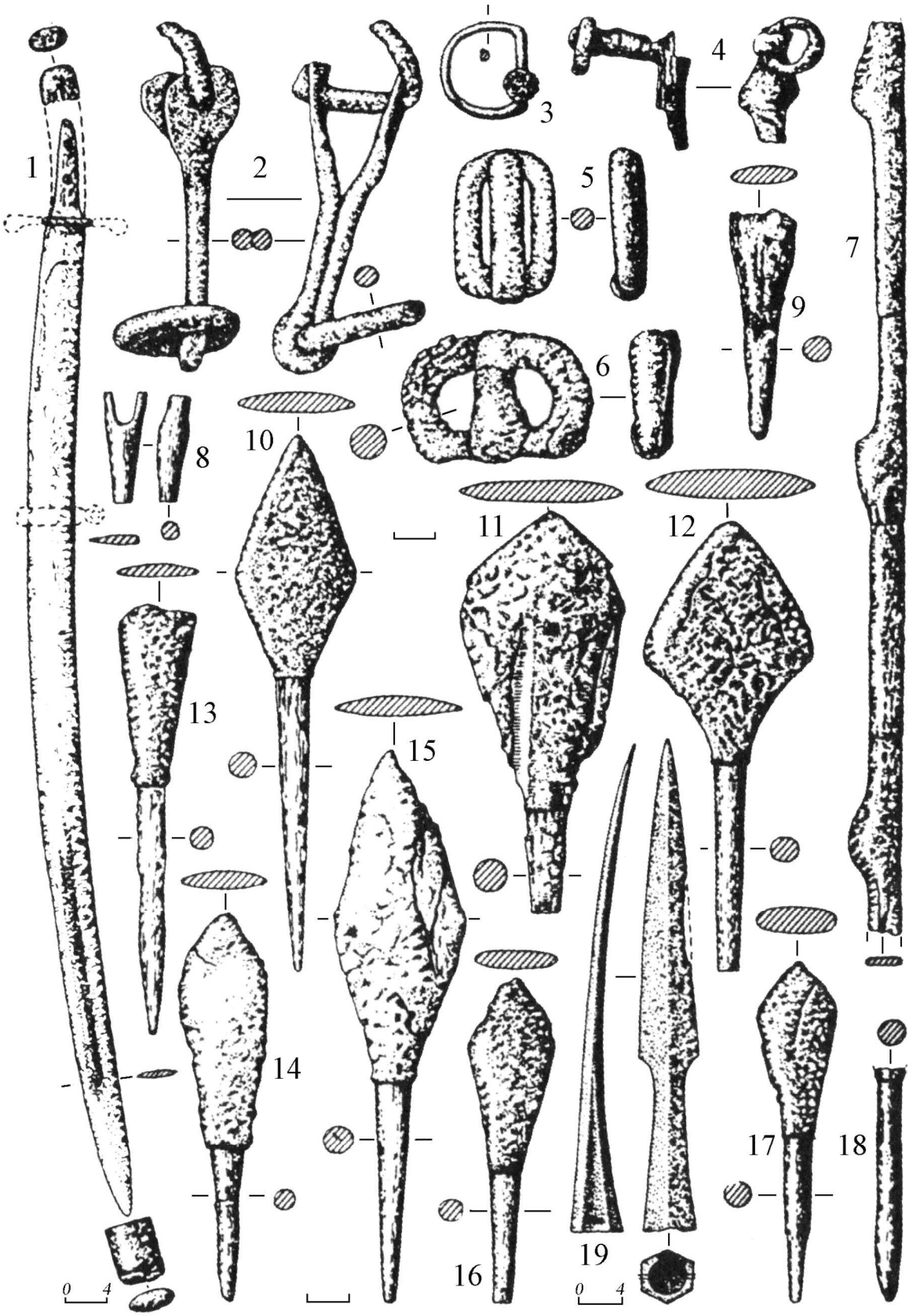

Рис. 25. Инвентарь погребения 5 кургана 1 у с. Таборовка (по М.В. Горелику и В.В. Дорофееву): 1 – сабля; 2 – удила; 3-4,7 – детали колчана; 5 – пронизь пояса-портупеи; 6 – пряжка; 8 – ушко стрелы; 9-17 – наконечники стрел; 18 – черен наконечника стрелы; 19 – наконечник копья.

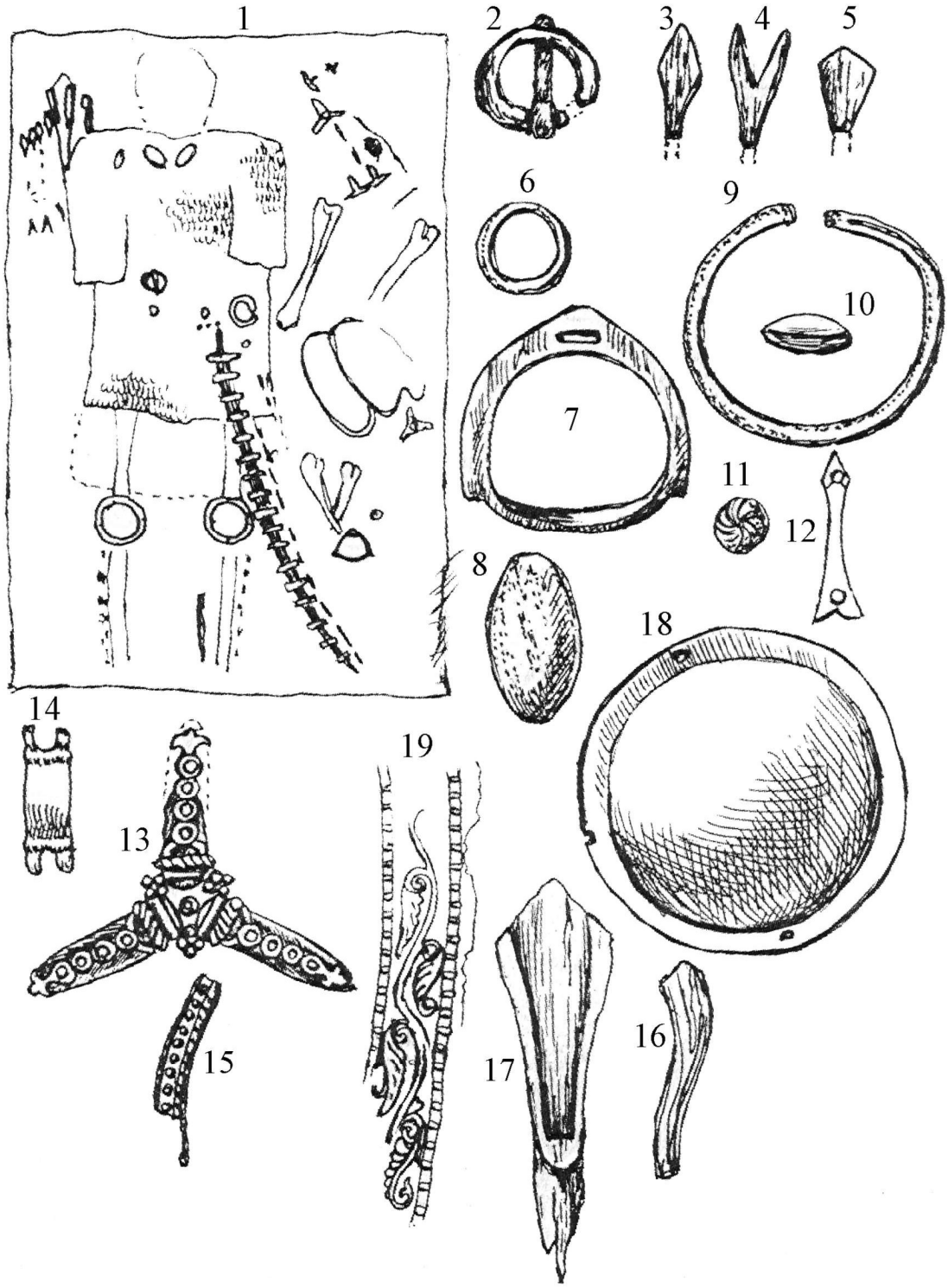

Рис. 26 . Инвентарь погребения воина-кочевника у г. Юрьев Польский (по А.А. Спицыну): 1 – план погребения; 2 – пряжка; 3-5 – наконечники стрел; 6 – золотая серьга; 7 – стремя; 8 – ониксовая бусина; 9 – золото браслет; 10 – хрусталь, оправленный в серебро; 11 – золоченая бронзовая поясная бляшка; 12 – бронзовая ременная накладка; 13 – деталь-накладка узды и сбруи . бронза, золоченое серебро; 14 – ременная накладка; 15 – сербряный конт концов полок седла; 16 – деталь лука; 17 – гриф музыкального инструмента, дерево; 18 – серебряный диск «боевого бюстгальтера»; 19 – серебряный кант, лук седла.

Рис.27. . Половецкий батыр сер. XIII в. из погребения у г. Юрьев Польский. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1989 г.

Рис. 28. Половецкий батыр конца XIII - первой трети XIV в. из погребения 1 кургана 3 могильника Маяк II. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

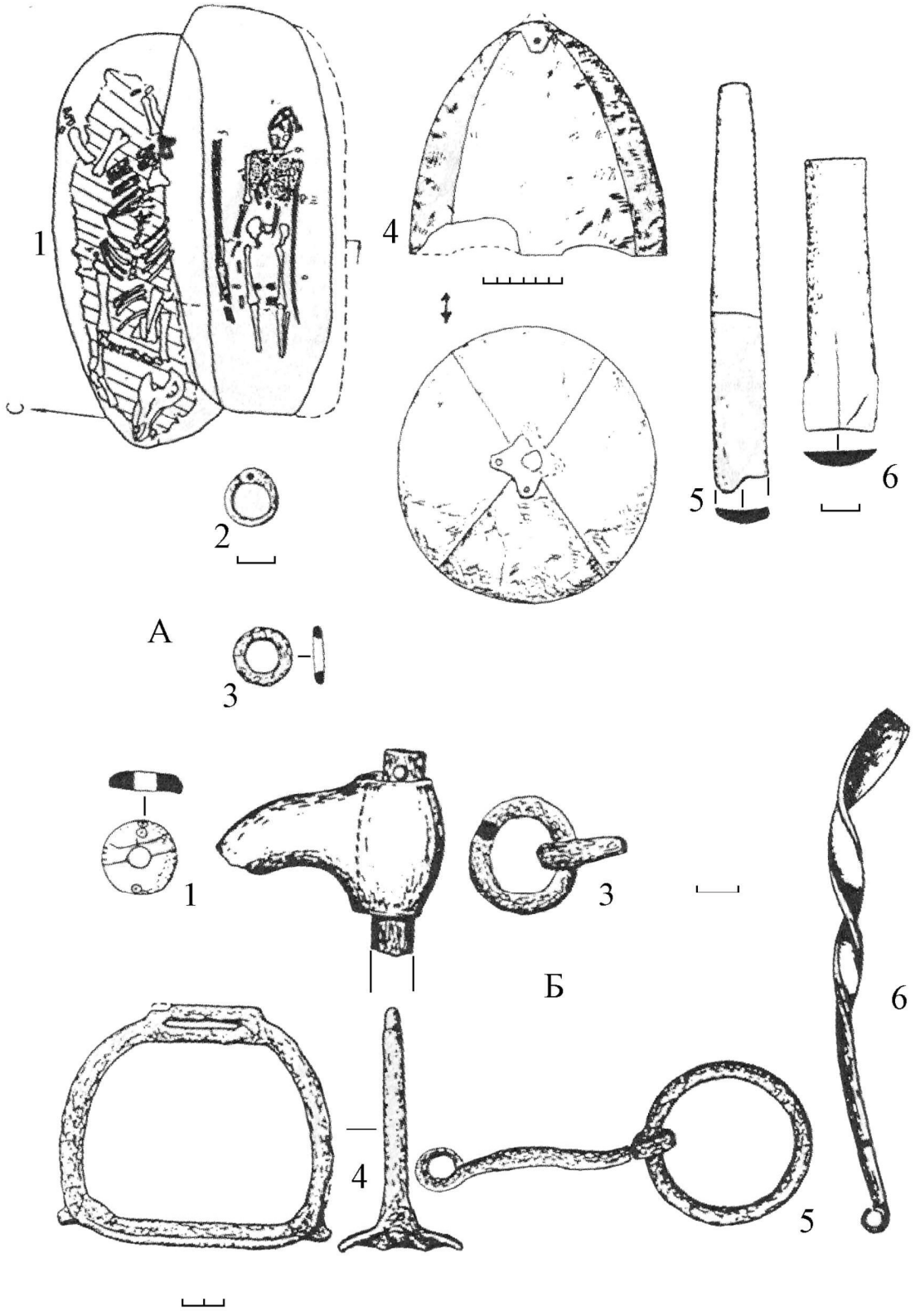

Рис. 29. Инвентарь погребения 1 кургана 3 могильника Маяк II. (по И.Н. Парусимову) А : 1 – план погребения; 2 – клепаное кольцо кольчуги; 3 – паяное кольцо кольчуги; Б: 1 – костяная пуговица; 2 – роговая накладка лука; 6 – костяная пуговица; 3 – пряжка; 14 – стремя; 5 – звено удил; 6 – серебряная гривна-«скипетр».

Рис. 30. . Половецкий батыр второй половины XIII - первой трети XIV в. из погребения 3 кургана 4 могильника Старонижестеблиевский. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

Рис. 31. Половецкя знать – венгерское дворянство второй половины - первой трети XIV в.: 1 – по материалам погребения в кургане в Чо1ошпушта (защитное вооружение, пояс), погребения в кургане в Тинод (сабля) и стенописи в церкви с. Велка Ломница, Словакия (колчан); 2 – по материалам депаспортизованного крганное погребения из Венгерского национального музея, Будапешт. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1995 г.

Рис. 32. Св. воин, деталь стенописи церкви в с. Гвилети. Северо-восточная Грузия. Первая треть XIV в.

Рис. 33. Монгольские имперские парадные халаты с отрезным сборчатым подолом. С территории Центрального Улус (империи Юань), XIII - XIV вв.: 1 - детский халатик из погребения мальчика – чингизида в Прибайкалье, XIII в.; 2-3 – из погребения юаньской знати на территории КНР.

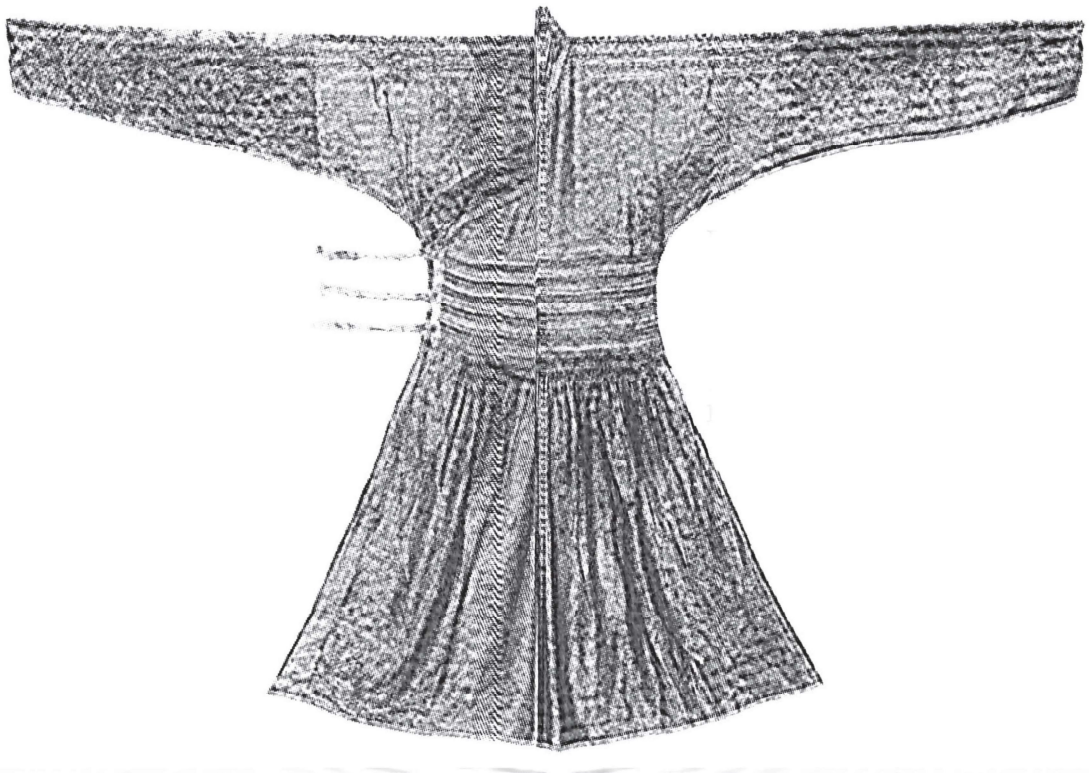

Рис. 34. Монольский имперский парадный халат с отрезным сосборенным подолом из золотой шелковой парчи уйгурской центральноазиатской работы, с территории КНР. XIII - XIV вв. Музей исламского искусства. Доха, Катар.

Рис. 35. Знатный монгол XIII - XIV вв. в парадном одеянии. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1997.

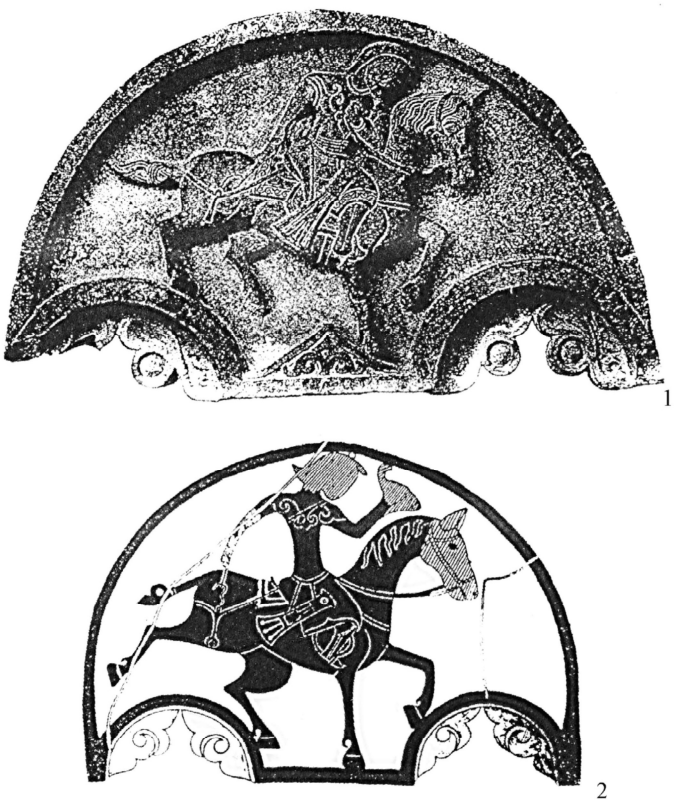

Рис. 36. Кубачинские рельефы на каменных тимпанах двустворчатых окон с изображениями всадников в монгольских костюмах и вооружении. Первая половина - середина XIV в.: 1 – Музей Метрополитен, Нью-йорк; 2 – Дагестанский государственный объединенный музей, Махачкала (прорисовка по М.М. Мамаеву).

Рис. 37. Кубачинские каменные рельефы с изображением персонажей в половецких костюмах и с золотоордынским оружием. Вторая половина XIV в. Государственный Эрмитаж (прорисовкаи по М.М. Мамаеву).

УДК 94(5) 902/904

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ЛАТНИКИ ПРИКУБАНЬЯ

© М.В. Горелик

Наиболее пристально погребальными воинскими памятниками эпохи «поздних кочевников» занимается краснодарский исследователь Ю.В. Зеленский. В его публикациях, пожалуй, наиболее полно отразились все проблемы, связанные с историей советской науки о «поздних кочевниках» 2 половины 20 в.

Задача настоящей работы - показать истинное значение замечательных находок, сделанных в Прикубанье в 80-х гг. 20 в., но также и уровень научной обработки, отягощающие научные традиции, ставшие ныне тормозом и приводящие к серьезным ошибкам, что отразилось в публикациях этих великолепных памятников.

В 1997 г. Ю.В. Зеленский опубликовал раскопанный Н.Ф. Шевченко в 1986 г. комплекс из кургана 4 у хутора Пролетарский Кореновского р-на Краснодарского края (Рис.1 А) (Зеленский, 1997). Пожалуй, это наиболее полная, по сравнению с остальными, публикация комплекса. Анализ материала – стандартный. То есть, каждая его составляющая сравнивается с таковыми же в опубликованных материалах, и датируется на основании обращения к таким авторитетам (по мере убывания обращений), как А.Н. Кирпичников (вооружение и конское снаряжение), С.А. Плетнева (древности поздних кочевников), Г.А. Федоров-Давыдов (та же тематика). Спорадически для сравнения привлекаются работы Г.Ф. Чеботаренко (Старый Орхей – золотоордынский город в республике Молдова), Ю.С. Худякова (оружие кочевников Центральной Азии), В.А. Иванова и В.А. Кригера (поздние кочевники южного Приуралья). Подобная работа дала следующие результаты: шлем – по аналогиям из кургана у с. Пешки в Поросье, из Чингульского кургана в Запорожье по датировке А.Н.Кирпичиикова – начало XIII в.; сабля – по С.А. Плетневой и В.И. Иванову с В.А. Кригером – X - начало XIII вв.; стрелы – по Г.Ф. Чеботаренко, Ю.С. Худякову и материалам Белореченских куганов в Адыгее – вторая половина XIII – XIV вв. Казалось бы, вывод о дате погребения однозначен – она определяется самыми поздними вещами. Но нет, для Ю.В. Зеленского «датировка погребения вызывает некоторые затруднения, так как ряд предметов датируется очень широко – XIII - XIV вв. Скорее всего, погребение следует датировать 30-ми гг. XIII в., временем монгольского проникновения в восточноевропейские степи» (Зеленский, 1997: 91). Такой вывод поистине странен даже чисто формально. Но обратимся к вещам из кургана у хутора Пролетарского. Нисколько не оспаривая надежную датировку наконечников стрел, рассмотрим другие предметы.

Шлем из Пролетарского никоим образом нельзя относить типологически к шлемам из кургана 323 у с. Пешки и из Чингульского кургана. Тем более, что оба сравниваемых шлема (Плетнева, 1973: Таб. 47,2; Отрощенко, Рассамакии, 1986: Рис.7, 2) роднят только форма купола, а общий признак у всех трех сравниваемых шлемов – колечко на навершии. Но чингульский шлем цельнокованый и имеет кованую, приклепанную к краю купола защиту лица в виде бровей и носа, тогда как пешкинский шлем склепан из четырех секторов, соединенных навершием с «отростками», а защита верхней части лица представлена козырьком. При этом как козырек у пешкинского шлема, так и колечки на навершиях всех трех шлемов – типичнейшие признаки монгольских шлемов (Горелик, 2002: 23). Так что погребение содержит большинство надежно и сравнительно узко датированных предметов – шлем, наконечники стрел, костяные гравированные накладки колчана (хотя и первых двух категорий более чем достаточно). Дата – первая половина XIII - XIV вв. Таким образом, перед нами погребение золотоордынского воина (Рис.1Б). Что же касается его этнической принадлежности, то здесь – проблема, о которой не подозревает абсолютное большинство археологов. Ю.В.Зеленский, как и его коллеги, называет покойного то половцем, то кипчаком, налагая, что это синонимы одного и того же народа. Однако кипчаки и половцы (сары, куны, кумаы) – это хотя и близкие, но разные этносы. Причем кипчаки, населявшие степи к востоку от Валги, приводились в восточноевропейские степи монгольскими владыками, тогда как большинство половцев было поначалу врагами чингизидов, и, за отдельными исклю-

чениями, выдавливалось монголами на запад или переселялось в Монголию.

В 2002 г. Ю.В. Зеленский вместе с И.Н. Анфимовым опубликовал раскопанное в 1988 г. И.Н. Анфимовым погребение воина у хутора Малаи Калининского р-на Краснодарского края (Анфимов, Зеленский, 2002). К сожалению, уровень публикации материала здесь резко снижен (Рис.2А): не представлены изображения сабли, кинжала, наконечников стрел, колец кольчуги. Хорошо еще, что в описании предметов отмечены такие важнейшие и датирующие признаки, как опущенные вниз концы сабельного перекрестия, то, что нижняя часть клинка кинжала имеет два лезвия (кстати, именно поэтому данное оружие можно назвать кинжалом, а не ножом). Имеется в тексте и описание наконечников стрел. Сравнительный анализ дал авторам следующие результаты. Шлем был сравнен со шлемами из воинских погребений у сел Ковали и Липовец (Пятышева, 1964: Таб. III, VI) в Поросье, имеющий схожую форму купола, с тульей в виде высокого цилиндра и куполом конически – пирамидальной формы. Датирован шлем из хутора Малаи опять-таки по А.Н. Кирпичникову – первая половина XIII в. Сабля не проанализирована вообще. Наконечники стрел – по аналогии с образцами из Центральной Азии и Восточной Европы авторы датировали XIII - XIV вв. А все погребение датируется ими ... первой половиной XIII в. Но если обратиться к предметам из погребения у хутора Малаи, то мы ясно увидим иную дату. Шлем из погребения имеет сразу два монгольских признака – кольцо на навершии (для привязывания монгольского украшения – ленты, двумя концами свисавшей с верхушки шлема) и козырек (почему-то названный авторами защитным, как будто козырьки шлемов имеют какую-то иную функцию), что заставляет датировать его второй половиной XIII-XIV вв. Совершенно ту же дату дает сабельное перекрестие – его опущенные книзу концы.

Еще один предмет погребального инвентаря – бронзовая коробочка, являющаяся миниатюрной моделью шкатулки или сундука; подобные миниатюрные металлические модели свойственны именно и только погребальным памятникам монгольской культуры. Таким образом, практически все предметы погребения у хутора Малаи дают четкую дату – вторая половина XIII-XIV вв., а покойный был золотоордынским тяжелым конником (Рис.2Б).

Наконец, в конце 2003 г. вышла статья В.Г. Блохина, А.И. Дьяченко и А.С. Скрипкина с публикациями воинских погребений, раскопанных в начале 80-х гг. XX в. в Краснодарском крае (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003). Все они содержали как наступательное, так и оборонительное вооружение и конское снаряжение, что дало авторам повод назвать статью «Средневековые рыцари Кубани».

Наиболее богатыми и яркими оказались воинские погребения из могильника у станицы Дмитриевская Кавказского р-на, раскопанные в 1982 г., где в кургане 4 оказалось сразу два погребения тяжеловооруженных воинов.

В погребении 1 кургана 4 раскопано погребение коня и воина (Рис.3А). Воин был облачен в байдану – кольчугу из крупных плоских колец. На голове воина был шлем с бармицей, у левой руки – сабля с коротким перекрестием с шариками на концах, в ножнах с железным наконечником и обоймицами. Колчан содержал железные наконечники стрел и две железные же петли для крепления колчана к портупее. При коне найдены удила, два непарных стремени и костяные пластины с орнаментом из гравированных кружков. Авторы публикации полагают их обивками седла, но они совершенно не похожи на известные костяные обивки седел, зато идентичны пластинам из кургана 1 комплекса Криуша-84 (см. ниже), которые несомненно являются обкладками колчана. Видимо, колчан был передвинут грызунами от правой руки погребенного воина к коню.

Сравнительный анализ инвентаря привел авторов публикации к следующим заключениям. Шлем авторы – по А.Н. Кирпичникову – датируют первой половиной XIII в. Сабля – опять-таки по А.Н. Кирпичникову – датируется ими IX - XI1 вв. Здесь очевидная путаница, так как А.Н. Кирпичников знает только раннесредневековые сабли с короткими перекрестиями с шариками на концах – хазарские, венгерские, аланские, действительно так датируемые. Но подобные перекрестия делались и в XII - XIV вв., что было ясно показано в статье А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2002: 172-176). Авторы публикации привлекли и эти датировки. Несомненно, дату погребения уточняет шлем. Он не только имеет характерную для монгольского периода цилиндроконическую форму, подобно шлему из хутора Малаи и др., но и верхушку с подвершьем в виде тороида, служащего основанием для шпиля, от которого осталась лишь малая часть. А шпиль – один

из характернейших признаков монгольских шлемов. Так что время жизни похороненного здесь тяжелого конника (Рис.3Б) – также золотоордынская эпоха, вторая половина XIII-XIV вв.

Анализ вещей из погребения 2 того же 4 кургана (Рис.4А) привел авторов публикации к таким выводам. Шлем они датировали – по А.Н.Кирпичникову – с конца XII в. до конца XIV в. Костяная петля от саадака – по С.А.Плетневой – XII в., по А.Ф.Медведеву – XII -XIV вв. Наконечники стрел сужают дату до второй половины XIII-XIV вв. На самом же деле ту же дату дает и шлем, так он имеет характерный монгольский признак -петлю с кольцом на макушке. Следовательно, и этот покойник был представителем золотоордынской тяжелой конницы (Рис.4Б).

Погребение 2 в кургане 1 Дмитриевского могильника дало один из самых богатых наборов вооружения (Рис.5А), особенно защитного, за всю историю раскопок в южнорусских степях. Исключительная важность данного комплекса еще и в сложности как самих вещей, так и в их сочетании. Важно и то, что все нательные предметы защитного вооружения были надеты на покойника и были обнаружены на своих местах.

Анализ предметов привел авторов публикации к следующему. Шлем они – разумеется, по А.Н.Кирпичникову – датировали первой половиной XIII в. Совершенно уникальным оказался надетый поверх кольчуги «бюстгальтер» из трех (два на груди, один между лопаток) крупных, чуть выпуклых, с бортиком, дисков из золоченой бронзы. Эта деталь убора мужа-воина присутствует на подавляющем большинстве половецких каменных изваяний, но в первый раз встречена в погребении in situ. Соответственно, авторы датировали кольчугу с «бюстгальтером» по Плетневской датировке изваяний с изображением этой детали – XI - началом XIII в. Но Е.И. Нарожный приводит подобные диски из погребений XIV в. в горах Чечено-Ингушетии. По поводу створчатых наручей авторы приводят даты но А.Н. Кирпичникову – первая половина XIII в., по М.В. Горелику, П.П. Толочко, Е.И. Нарожному и Д.Ю. Чахкиеву – вторая половина XIII-XIV вв., а по поводу уникальных поножей – датировку и локализацию А.Н. Кирпичникова – первая половина XIII в., и М.В. Горелика – вторая половина XIII - XIV вв. Кресала датированы авторами по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной XIII-XIV вв. Распрямленная гривна – по мнению большинства авторов – датируется XII - первой третью XIV вв. Относительно копья авторы привели даты по А.Н.Кирпичникову – XII-XIII вв., по С.А.Плетневой – XI - первая треть XIII вв., по Л.Ф.Недашковскому – XIII -XIV вв. Все погребение авторы странным образом датировали XII-XIV вв.

Попробуем уточнить датировку этого уникального погребения. Шлем имеет не только характерный для золотоордынского периода силуэт – конус на цилиндре, но и такие специфически монгольские признаки, как петля на макушке с кольцом для крепления ленты, и даже – это усиливает уникальность комплекса – сама лента. В погребении сохранился один ее конец, пропитанный окислами железа (эта мысль принадлежит А.М. Горелику). Авторами публикации он был принят за железную полоску, соединяющую кольцо на макушке с точкой перегиба тульи. Если согласиться с их мнением, совершенно непонятна функция такой полоски. Кстати, сама эта деталь была утрачена и на экспонируемом шлеме отсутствует. О монгольско-золотоордынской традиции свидетельствуют и узкие полоски железа, наклепанные (в количестве двух экземпляров) радиально на конический купол шлема.

Авторы публикации совершенно не проанализировали железный умбон щита. Они не распознали в качестве такового, окрестив железным диском диаметром 9,7 см. К сожалению, рисунок в публикации не дает представления об истинном облике предмета, так как авторы, несомненно, не держали предмет в руках и не разглядели (или не поняли, что это такое) в центре диска остатков двух железных полос, крестообразно наложенных поверх диска и соединенных с ним заклепкой, проходящей сквозь центр скрещенных полос и диска. Это один из самых ранних образцов умбонов, типичных именно для Прикубанья золотоордынского периода. Они и их происхождение подробно описаны в нашей статье о монголо-татарских щитах (Горелик, 2004), а более суммарно – в нашей же статье «Адыги в южном Приднепровье» (Горелик, 2004). Разумеется, нельзя требовать от авторов знания чужих работ, не опубликованных к моменту сдачи в печать собственной работы. Но данные умбоны освещены в нашей книге 2002 г. (Горелик, 2002: 23-24, рис.7). Кроме того, буквально через 14 страниц в том же сборнике, что включает в себя «Рыцарей Кубани», опубликована статья Р.Б. Схатума, специально посвященная умбонам подобно-

го типа (Схатум, 2003), которые он полагает сугубо черкесскими. Дата этих умбонов очень четкая (и в ее определении солидарны все – до авторов «Рыцарей Кубани» – их публикаторы: вторая половина XIII - XIV вв. Я полагаю, что данный тип умбона был заимствован золотоордынцами Северо-восточного Причерноморья у итальянских колонистов во второй половине XIII в. и распространился по западным улусам (державы потомков Джучи и Хулагу) империи Чингизидов.

Что касается копья, то распространение таких копий в золотоордынское время на территории этого государства не ограничивается одним только Укеком (Недашковский, 2000: Рис.12, 1). Совершенно уникальны поножи из рассматриваемого погребения. То, что их наголенник не створчатый, говорит о том, что он достаточно ранний, до середины XIV в. Но то, что он имеет пластинчато-кольчатую структуру, то есть наголенник соединен с кованым полудисковидным выпуклым наколенником несколькими рядами кольчуяшого плетения, свидетельствует о том, что перед нами один из первых обрахцов кольчато-пластинчатого доспеха, все ранние образцы которого связаны с территорией Золотой Орды (Горелик, 2002: 74 верх., 4, 5).

Уникальная находка in situ дисковидных блях классического половецкого "бюстгальтера" ценна не только как археологическое подтверждение реальности изобразительных свидетельств о данной детали половецкого воинского снаряжения, но и как надежный показатель половецкой этнической принадлежности погребенного. Правда, многих исследователей этот факт может натолкнуть на мысль о домонгольской дате погребения. Но недавно Е.И.Нарожный опубликовал значительное число таких деталей половецкого воинскского снаряжения, раскопанных в погребениях нагорной части Чечено-Ингушетии, сделанных по местному обряду (то есть в каменных склепах) в золотоордынское время (Нарожный, 2003: 247, Рис. 1-3). Я полагаю, что это погребения знатных половцев, ушедших от монголов в горы. Местный обряд погребения объясняется как тесным общением с местных населением, так и невозможностью устройства половецкого погребения -глубокой могильной ямы под курганом на безземельной каменистой территории. Можно думать, что именно эти половцы и положили начало тюркоязычным горцам Кавказа – современным карачаевцам и балкарцам.

Итак, погребенный был, скорее всего, знатным половцем, похороненным на рубеже XIII-XIV вв. или в первые десятилетия XIV в., и сочетавшим в своем снаряжении как традиционно (и подчеркнуто) половецкие элементы – накольчужный «бюстгальтер» и распрямленную витую гривну, так и принесенные монголами створчатые наручи и шлем с колечком на макушке, а также и золотоордынские инновации – пластинчато-кольчатый доспех, представленный поножами, и щит с «крестчатым» умбоном, возникшим под влиянием оружия итальянских колонистов (Рис.5Б).

В 1984 г. был раскопан курган №2 у поселка Южный Новопокровского р-на. В погребении 1 этого кургана (Рис.6А) обнаружен скелет воина, облаченный в кольчужный доспех, в сопровождении сабли с асимметричным перекрестием, боевого ножа, со шпорами, распрямленной гривной и бронзовым котлом. При могиле были захоронены 2 коня с удилами и непарными стременами.

Авторы публикации проанализировали саблю и датировали ее – по А.Н.Кирпичникову – X-XI вв., а по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной – XII-XIV вв. Шпоры датированы ими по А.Н. Кирпичникову XII - первая половина XIV вв., котел – по М.Л.Швецову – XII - первая половина XIII вв. Общая дата погребения получилась XII - первая половина XIV в.

Я полагаю, что ряд признаков предметов из погребения 1 кургана №2 у поселка Южный говорит о поздней из указанного временного промежутка дате. Так, сабли с асимметричными перекрестиями характерны именно для «монгольского» периода. Кольчужная защита головы появляется на Востоке с Запада – во время монгольского нашествия, то есть во второй трети XIII в. Шпора из рассматриваемого погребения совершенно аналогична из погребения у станицы Праздничной в Прикубанье, которое датируется XIV в. Да и в Европе подобные шпоры изображены на памятниках изобразительного искусства в том числе и второй половиной XIII – первой половиной XIV в. Что же касается казанов из меди и бронзы, то они не менее часто встречаются в погребениях золотоордынского периода. Следовательно, в данном погребении был похоронен золотоордынский тяжелый конник (Рис.6Б), в чьем снаряжении отразилось влияние Переднего Востока с его достаточно органичным смешением в оружейном комплексе элементов снаряжения крестоносных рыцарей и мусульманских гази.

Наконец, в том же 1984 г. у реки Кривуша в Тихорецком р-не в кургане №1 было раскопано погребение 1 (Рис.7А) с останками воина в защитном вооружении, с саблей, саадаком и боевым ножом.

Вот результаты анализа материала погребения, полученные авторами публикации. Шлем – по А.Н.Кирпичникову – XI-XIII вв. Сабля датирована по А.Н. Кирпичникову XI-XIII вв., по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной – XII-XIV вв. Датировку авторы уточняют типичным золотоордынским кувшином. На самом же деле точно тем же самым, золотоордынским периодом датируются и шлем с остатками характерного для монгольских шлемов шпиля, и сабля с характерным для сабель монгольского круга асимметричным перекрестием.

Авторы не опознали в нескольких прямоугольных железных пластинках кусок ламеллярного доспеха. Вероятно, он имел покрой «корсет-кираса», поскольку носился поверх кольчуги и включал в себя минимальное число пластинок. Подобная защита корпуса характерна также для «монгольского» времени, а сам погребенный оказывается золотоордынским тяжелым конником (Рис.7Б).

Теперь посмотрим, каков итоговый вывод авторов «Рыцарей Кубани»: «по совокупному характеру вещевого комплекса» памятники относятся ими «к кругу воинских погребений Прикубанья XII-XIV вв.». «В настоящее время выделение каких-то более узких хронологических групп в рамках XII-XIII вв. вызывает определенные трудности, связанные ... с недостаточной разработанностью типологии, анализа и сопоставления погребального инвентаря», «...в золотоордынское время ... аристократия и воинское сословие (половцев – М.Г.) не подверглись тотальному уничтожению» (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003: 198).

Если последний вывод совершенно верен (причем здесь авторы не побоялись выступить против прочно укоренившегося в отечественной науке противоположного мнения), то остальные отнюдь не точны. Как мы увидели, значительно большее число артефактов, а именно *все* шлемы, большая часть сабель, «крестчатый» умбон щита, створчатые наручи и пластинчато-кольчатые поножи – являются точными индикаторами имперской чингизидской культуры второй половины XIII - XIV вв.

Воинские погребальные комплексы Прикубанья, рассмотренные здесь, имеют исключительно важное значение: здесь практически все предметы взаимно датируют друг друга. А точно датированные предметы золотоордынского периода позволяют определить этим временем (иные предметы – также и этим временем) периоды бытования предметов – и целых их категорий, чья дата представляется многим исследователям гораздо более широкой и ранней.

Еще один вывод: старые, полувековой давности выводы наших маститых исследователей военных и степных средневековых древностей висят тяжелыми гирями, кирпичами на сознании многих археологов, не позволяя им делать верные выводы. И сама типология, и датировка значительного числа артефактов и целых их категорий давно устарели и не соответствуют современному уровню знаний, когда и количество материала – находок сабель, шлемов и т.д., ставшего доступным иконографических и письменных источников, а также публикаций, адекватно осветивших данный материал количественно и качественно увеличился за последние десятилетия, во много раз превосходя источниковую и исследовательскую базу тех лет; и материалы свидетельствуют, что абсолютное большинство богатых воинских погребений – в том числе и по сопровождающим их нумизматическим материалам – относятся золотоордынскому периоду.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. Половецкие погребения из восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. 8. Армавир; Москва: ИА РАН, 2002. С.68-71.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Выпуск 3. Краснодар: Кубанский ГУ, 2003. С.184-208.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Техника-молодежи, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Халха – калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. Вып. 4. Казань: Мастер-Лайн, 2004. С. 182-195.

Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII в. – первая половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир: , 2004. С.293-300.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья (СЕЭС). Том 1. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2000. С.117-180.

Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // Историко-археологический сборник. Вып. 3. Армавир; Москва: ИА РАН, 1997. С.89-91.

Зеленский Ю.В. Шлемы из половецких погребений Прикубанья // Древности Прикубанья. Вып.9. Краснодар: Кубанский ГУ, 1998. С.23-25.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.: Наука, 1988. 91 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX-XIII вв.// САИ Е1-36. Л.: Наука, 1966. 143 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. // САИ El-36. Л., 1971. 126 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы) VIII-XIV вв. // САИ El-36. М., 1966. 184 с.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII - XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 245-274.

Недашковский А.Ф. Средневековый город Укек и его округа. М.: Наука, 2000. 224 с.

Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. Половецький комплекс Чингульского кургану // Археологія, 1986. №53. С.14-36.

Плетнева С.А. Древности Черных клобуков. // САИ Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ Е4-2. Наука, 1974. 200 с.

Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. М.: ГИМ, 1964. 40 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. 304 с.

Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен северо-западного Кавказа в золотоордынский период // МИАК. Вып. 3. Краснодар: КубГУ, 2003. С.224-227.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ,1966. 276 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Чеботаренко Г.Ф. К вопросу о классификации средневековых монгольских стрел // Материалі з археологи Швічного Причорномор'я. Вип.3. Одесса, 1960. С.141-150.

Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников. // СА. 1980. №2. С.192-202.

THE ARMOURY WARRIORS OF THE GOLDEN HORDE IN THE KUBAN REGION

© M.V. GORELIK

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

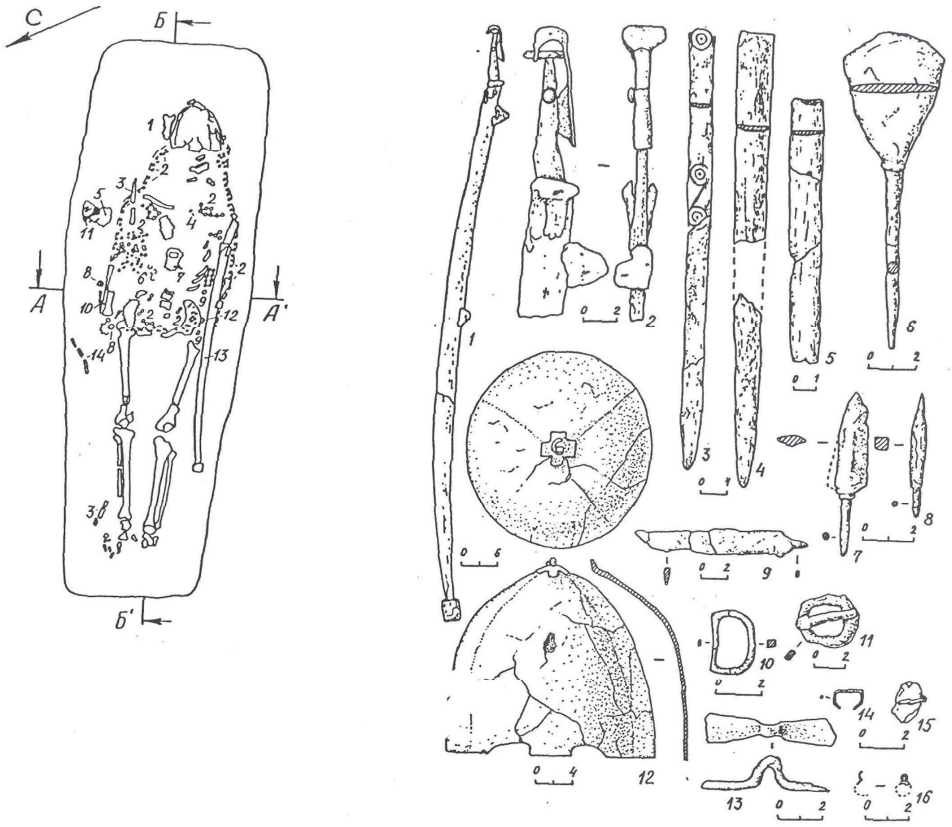

Рис. 1А. Погребение у хутора Пролетарский (по Зеленскому).
1 – шлем, 2 – фрагметы кольчуги, 3 – костяная обкладка лука, 4 – бронзовая подвеска, 5 – кожаный тлен колчана; 6 – костяные изделия, 7 – железная скоба; 8 – железная пряжка; 9 – бронзовые скобы; 10 – железный нож; 11 – железные наконечники стрел; 12 – фрагменты костяного изделия с бронзовыми скобами; 13 – железная сабля; 14 – костяная обкладка колчана

Рис. 1Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения у хутора Пролетарский.

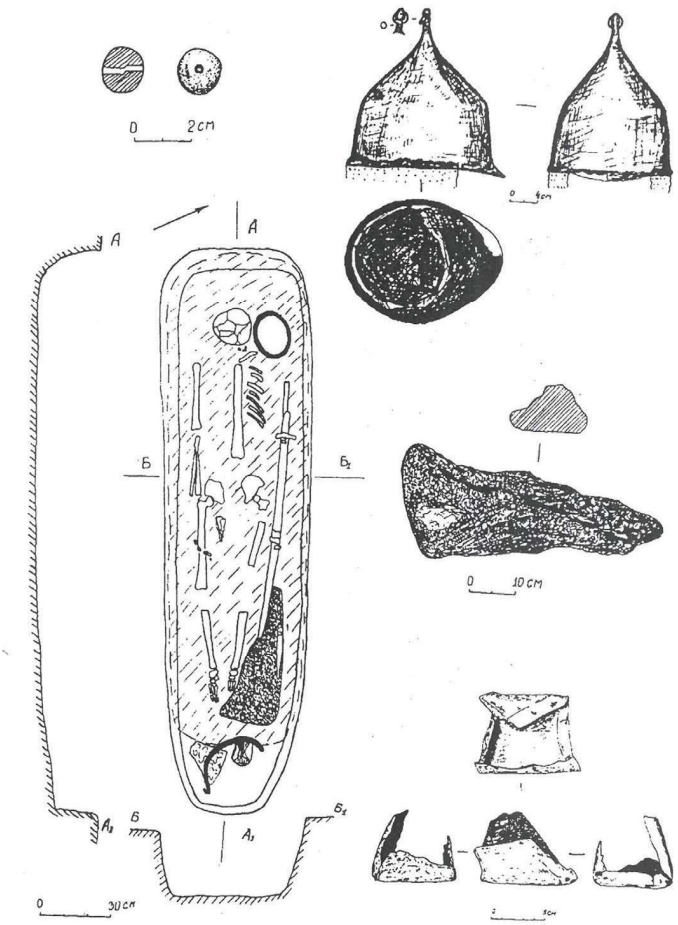

Рис. 2А. Погребение 1 из кургана №3 у хугора Малаи (по Анфимову и Зеленскому).

Рис. 2Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения 1 кургана 3 у хугора Малаи.

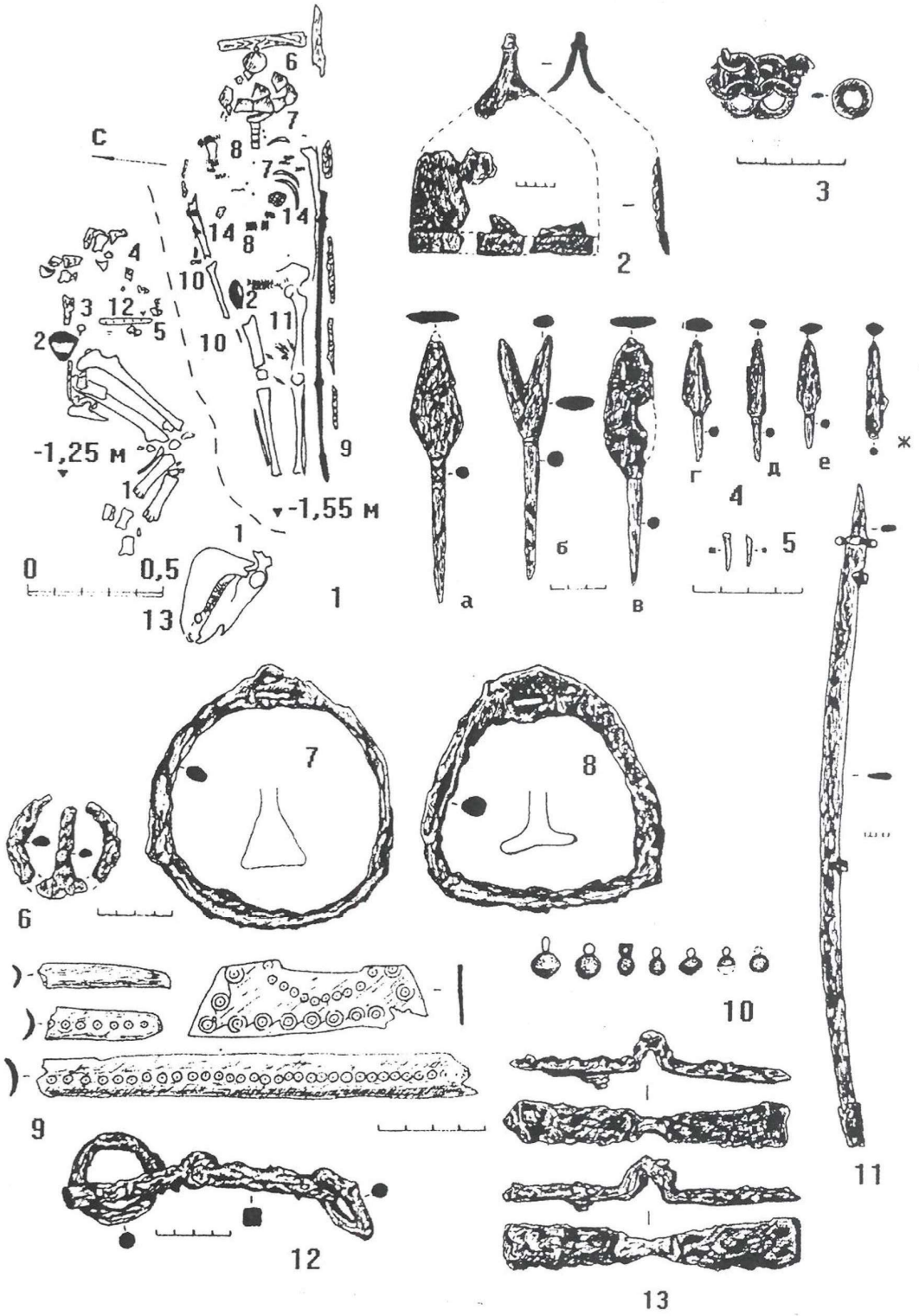

Рис. 3А. Погребение 1 из кургана №4 курганной группы Дмитриевская -1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. ЗБ. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения! кургана №4 , Дмитриевская-1-82.

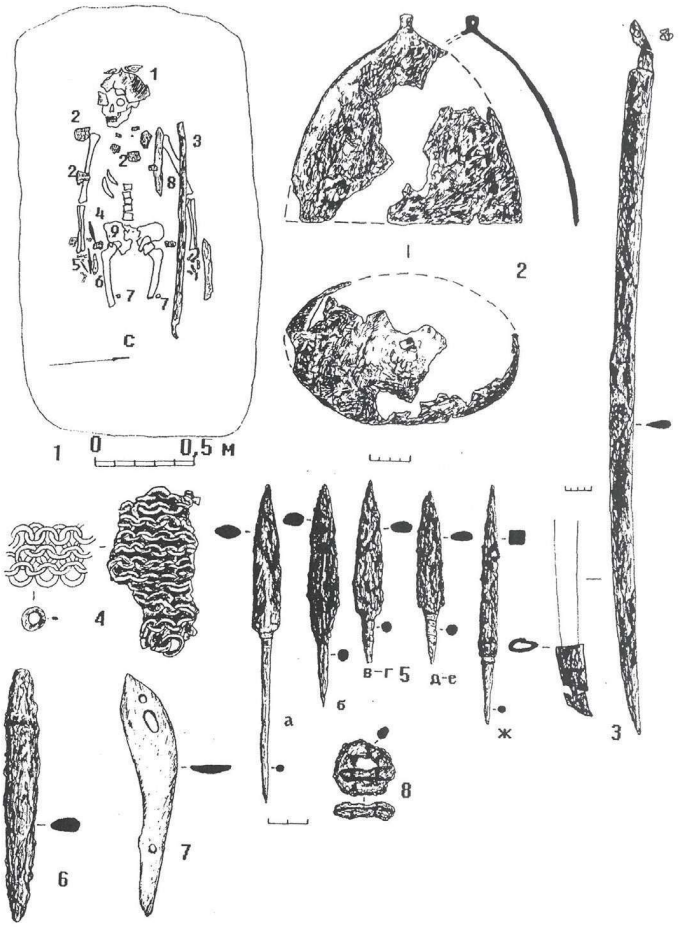

Рис. 4А. Погребение 2 из кургана №4 курганной lpyniibi Дмитриевская -1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 4Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения 2 кургана №4, Дмитриевская -1-82.

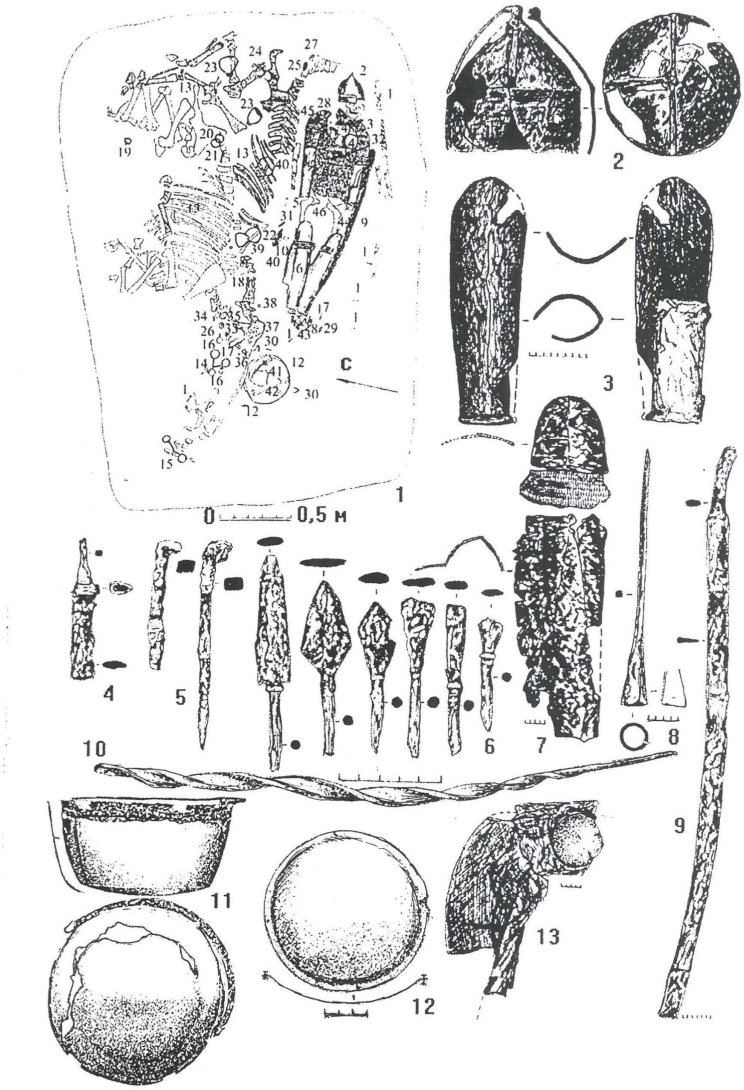

Рис. 5А. Погребение 2 из кургана №1 курганной группы Дмитриевская-1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

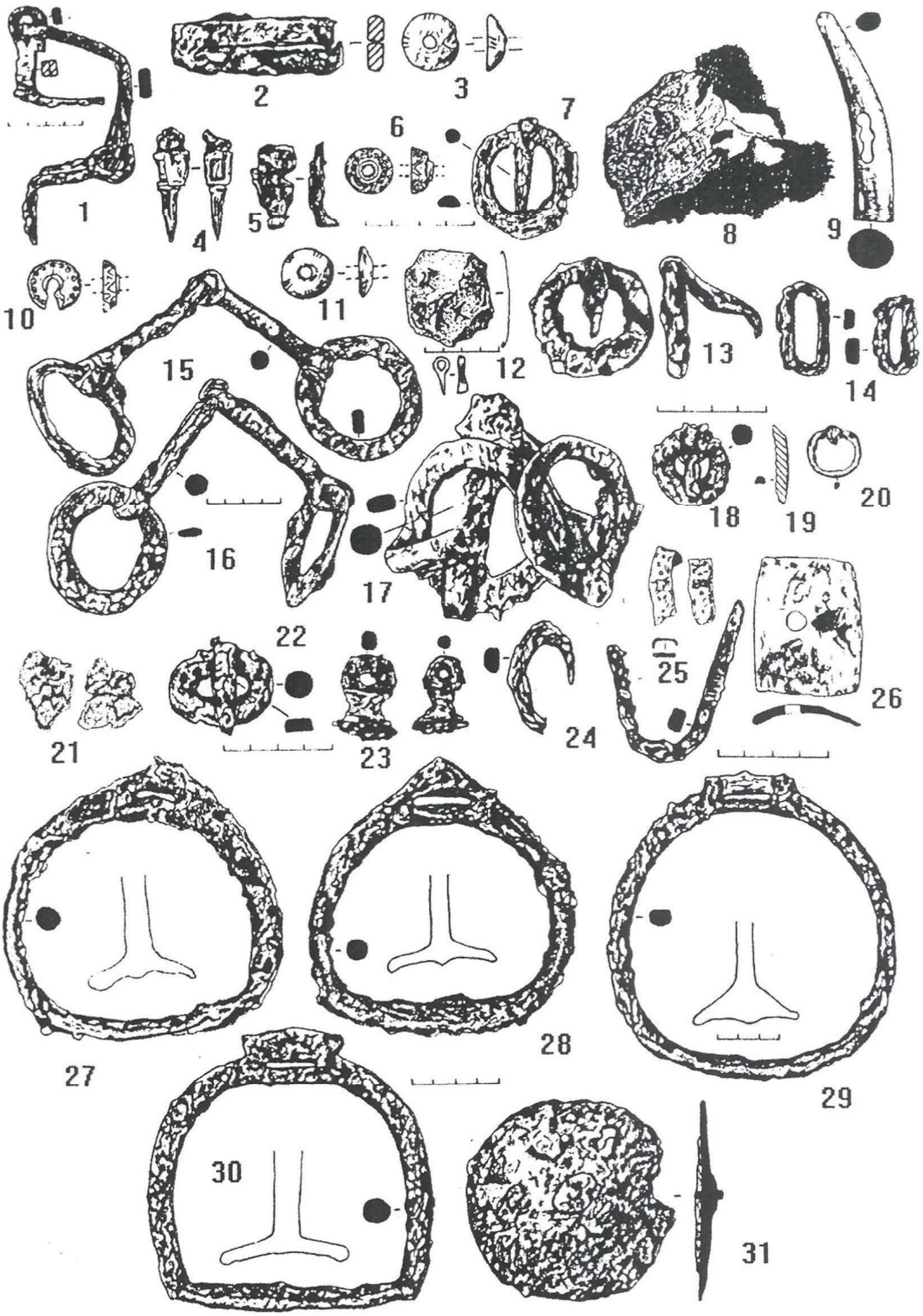

Рис. 5А. (продолжение) Погребение 2 из кургана №1 курганной группы Дмитриевская-1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 5Б. Золотоордынский воин-половец, реконструкция М.В.Горелика по материалам 2 кургана №1, Дмитриевская-1-82.

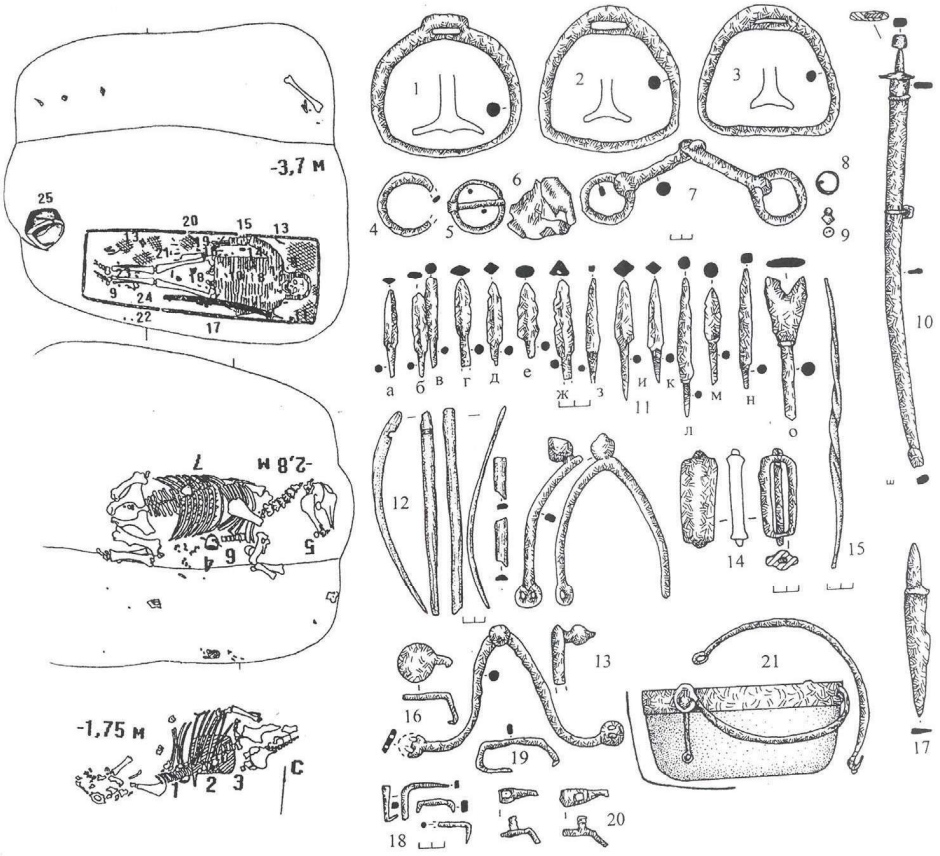

Рис. 6А. Погребение 1 из кургана №2 курганной группы Южный-84 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 6Б. Золотоордынский воин-половец, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения I кургана№2, Южный-84.

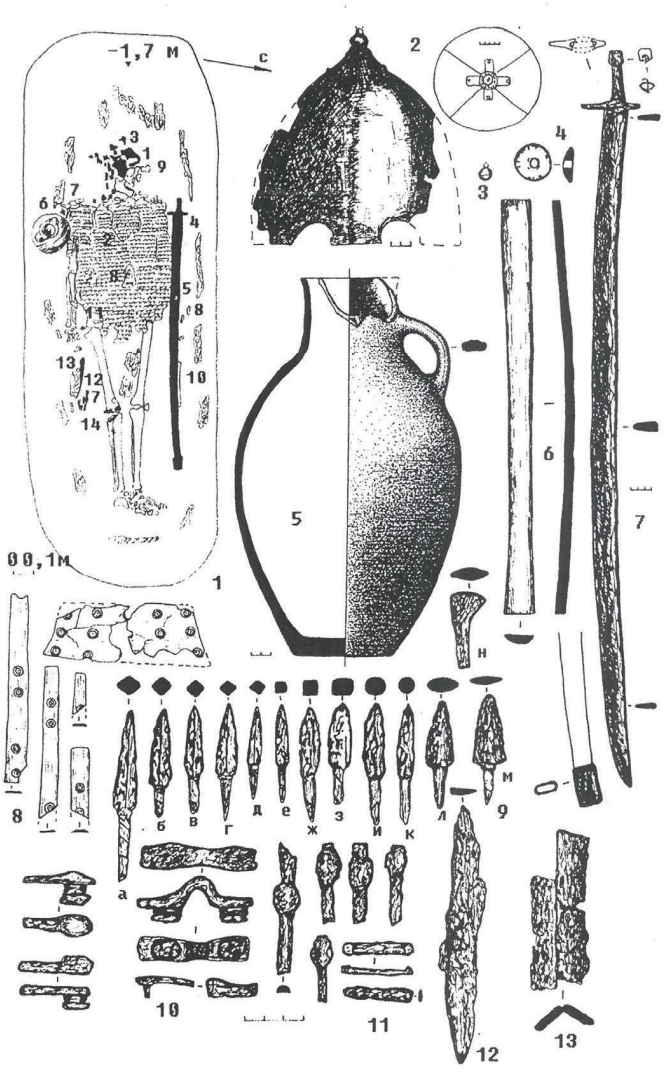

Рис. 7А. Погребение 1 из кургана №1 курганной группы Кривуша-84 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 7Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения 1 кургана №1, Кривуша-84.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия;

АЛ ППАЭ – Археологическая лаборатория предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского гос. университета им. Л.Н. Толстого; -

АМГ – Акты Московского государства

ГБУ БИКАМЗ - Государственное бюджетное учреждение Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник;

ГИМ – Государственный Исторический музей;

ДАС – Донецкий археологический сборник;

ДА – Донская археология;

ДД – Донские древности

ИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону

ИАК – Известия Императорской археологической комиссии;

ИГИКМ – Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина;

ИИМК – Институт истории материальной культуры;

ИОАИЭКУ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР;

МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона;

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани;

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа;

МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа;

МО РФ – Министерство обороны Российской Федерации;

НАВ – Нижневолжский археологический вестник;

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

ОП МК – Оружейная палата Московского Кремля

РИЦ АГПИ – Редакционно-издательский центр Армавирского гос. пед. института.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников

СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований

ТА – Татарская археология;

ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого;

ЧИНИИИСФ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенко Виталий Александрович - ведущий научный сотрудник ООО «Наследие», г. Ставрополь. E-mail: vit-babenko@yandex.ru

Бакрадзе Иракли Зурабович - выпускник исторического факультета (2013 г.) и магистратуры по археологии (2006 г.) Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили; специалист по ковке традиционных поделок кузницы этнографического музея им. Георгия Читая реставратор (с 2010 г.) изделий по металлу в Национальном Музее Грузии, работает над диссертацией: «Наступательное и защитное вооружение в Грузии в X-XIV вв.».

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент Кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск, Россия); spsml@mail.ru

Виноградов Андрей Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 107031 Москва, ул. Петровка, 12. НИУ «ВШЭ». E-mail: ampelios@gmail.com

Губайдуллин Айрат Маратович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. E-mail: airg_g@mail.ru;

Дружинина Инга Александровна – научный сотрудник группы археологии Кавказа Института археологии РАН. 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова 19, ИА РАН, E-mail: inga_druzh@mail.ru;

Зайцев Вячеслав Петрович, научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); sldr76@gmail.com

Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института востоковедения РАН, главный специалист Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. ilyaaugust@ya.ru;

Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории института исторического и правового образования ФГБОУ ВПО Башкирский государственный педагогический университет им.М. Акмуллы; E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru;

Измайлов И.Л. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. E-mail: ismail@inbox.ru;

Илюшин Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово. E-mail: ilushin1963@mail.rut;

Матюшко Ирина Вячеславовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: irina_dojnikova@mail.ru;

Мужухоев Макшерип Баудинович - доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России» ФГБОУ ВПО Ингушский государственный университет;

Мокрушин Владимир Павлович – главный специалист НАО «Наследие Кубани»;

Нарожный Виталий Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист НАО «Наследие Кубани»;

Нарожный Евгений Иванович – доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист НАО «Наследие Кубани»; E-mail: zai_ein@mail.ru

Негин Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского;

Орленко Сергей Павлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музеев Московского Кремля, хранитель коллекций доспеха и артиллерии (г. Москва, Россия); orlenko@kremlin.museum.ru

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины.

Туаллагов Алан Ахсарович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания.

Чхаидзе Виктор Николаевич - кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. ИА РАН. E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Чахкиев Джабраил Юрьевич – кандидат исторических наук, зам. начальника (Главный хранитель) Государственной архивной службы Республики Ингушетия.

Чшиев Валерий (Хасан) Таймуразович – старший научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания. E-mail: hacht@mail.ru

Хузин Ф.Ш. – доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ, заместитель директора Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. E-mail: khuzinfayaz@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович – кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. E-mail: zufar_alchi@mail.ru

Швецов Михаил Львович – руководитель Донецкого Центра института востоковедения им. А.Крымского;

Эминов Рустем Русланович - заведующий этнографическим отделом Музея истории и культуры крымских татар «Ханский дворец» (Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник), заведующий отделом специальных проектов Фонда поддержки межмузейного коммуникационного пространства и культурно-образовательных программ «Связь эпох», г. Москва.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-696450 от 2 мая 2017 г.
выдано Роскомнадзором
Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.12.2017 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,4.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Отпечатано в ЗАО «Издательский дом Казанская недвижимость»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2.